Валерий ТАКАЗОВ

Я родился в Лескене

Таказов Валерий Дзантемирович родился 19 октября 1959 года в селении Лескен Ирафского района Северной Осетии. С детства имея интерес к русской литературе, обладая острым взглядом на жизнь и желанием отражать все происходящие вокруг события, а свои первые заметки в газетах он публиковал еще на своей малой родине, в 1983 году окончил Ленинградский государственный университет с присвоением квалификации «журналист».

В 1987-м защитил кандидатскую, а в 1997-м – докторскую диссертации. В том же году стал членом-корреспондентом Российской Академии естественных наук.

В 2000 году ВАК (Высшая аттестационная комиссия) РФ присвоила ему звание профессора, а впоследствии Почетного работника высшей школы РФ. Валерий Дзантемирович занимал разные должности в иерархии высшей школы: работал деканом факультета осетинской филологии и журналистики Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, заместителем декана факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета, заведующим кафедрой журналистики Санкт-Петербургского государственного экономического университета, старшим научным сотрудником кафедры международной журналистики СПБГУ. В настоящее время он является профессором Гуманитарного Института Балтийского федерального университета им. И. Канта, президентом крымской Академии журналистики, советником ректора Санкт-Петербургского государственного экономического университета, награжден медалью «В честь 300-летия Санкт-Петербурга». Валерий Дзантемирович автор многих научно-публицистических работ по международной журналистике, является инициатором проведения ряда международных образовательных проектов в Азии, Африке, Европе и на Ближнем Востоке.

Валерий ТАКАЗОВ

Я родился в Лескене

«КНИГА»

Саранск
2021

УДК 378
ББК 74.58
Т15

Таказов, Валерий Дзантемирович.
Т15 Я родился в Лескене / Валерий Таказов. – Саранск, 2021. – 520 с.
ISBN 978-5-7493-2003-9

УДК 378
ББК 74.58

Знак информационной продукции 12+

За плечами Валерия Дзантемировича Таказова яркая, полная впечатлений жизнь, фрагментами которой он делится с читателем. Книга написана живым, ярким и образным языком. Автор обладает и тонким чувством юмора, и самоиронией.

Он раскрывает секреты становления личности на примере сельского мальчика, мечтающего уехать в «большой город», выучиться и «стать человеком». Незамысловатые сюжеты из жизни односельчан с их традициями и устоями открывают интересную грань многоликой России с ее удивительной этнографией, самобытными характерами, судьбой, полной психологических переживаний, стеснения, чувства несправедливости и обиды.

Автор, пройдя путь от горского школьника до профессора Санкт-Петербургского университета, рассказывает о роли родителей в воспитании и взрослении своего чада, о старших односельчанах, которые были примером в жизни, о бескорыстной, не лишенной всевозможных казусов, но все же веселой студенческой жизни.

Простота изложения и тонкая философия делают повествование захватывающим уже с первых страниц.

ISBN 978-5-7493-2003-9

© Валерий Таказов, 2021
© «Издательский Дом «Книга», 2021

Светлой памяти родителей – Дзатчеуа и Хабебы

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В написании этой книги воспоминаний, помимо давнего желания поведать читателям о том, чем наполнены память, сердце и душа автора, сыграла свою роль и пандемия. Если бы не эта зараза – не было бы и моей книги. Я давно вынашивал идею собрать вместе свои мысли и придать им законченную форму в виде целостного произведения, но осуществить ее всегда мешала природная лень и привычка, которая, не скрою, мне часто была в удовольствие – откладывать все на завтра. Более того, я не был уверен, что многое из прожитого мною я помню именно так, как оно было на самом деле, и смогу передать его без прикрас и художественного вымысла.

Когда стал предаваться воспоминаниям и по утрам сразу же выкладывать свои мысли на Фейсбуке и ВКонтакте, мне стало понятно: остановиться будет трудно. Во что бы то ни стало мне хотелось рассказать о тех людях, которые давно уже покинули этот мир, но оставили глубокий след в моем сердце, живые образы которых всегда перед моими глазами, когда начинаю вспоминать свое прошлое. Да и читатели моих постов в социальных сетях (мои друзья и даже совершенно незнакомые люди) подстегивали меня, мол, давай, продолжай, не останавливайся, у тебя здорово получается. То ли они специально так делали, чтобы придать мне большей уверенности, то ли на самом деле им нравились мои воспоминания, но в любом случае их заинтересованность стала передаваться и мне, и я сам не заметил, как от них «заразился» желанием приоткрывать картины из своего прошлого. Самое главное, мне ничего не надо было придумывать, просто вспоминать и записывать мысли, добавляя о каждом человеке несколько слов от себя, тем самым

показывая, каким образом их поступки затронули мою жизнь или как на нее повлияли.

Я многим обязан этим людям – героям моих воспоминаний. Прошлое нас учит как поступать в будущем, а главное – ни на кого не держать обиды даже тогда, когда, казалось бы, сделать это почти невозможно. Некоторые своим словом могли «ущипнуть» так, что след от него не проходит до сих пор, а другие, наоборот, помогали советом делать первые шаги во взрослую жизнь, подсказывая и поправляя. Разве можно такое забыть?

Особое место в моем путешествии по тропам памяти занимает село, в котором я родился. Лескен всплывает в нем невольно, сам собой. Это правильно. Детская память как магнит: один образ притягивает другой, и вот уже их целая вереница, которая тут же складывается в одну яркую дорогую сердцу картину – Лескен. Соседские старики привили мне любовь к истории моего народа, его фольклору и научили ценить ежедневные заботы односельчан, проживавших в его долине. Эти люди большие труженики. Благодаря их трудолюбию наш совхоз имени Ленинского комсомола постепенно вырос в добротное хозяйство с бескрайними пшеничными полями и пастбищами, фруктовыми садами, всегда приносящими хороший урожай. В сельском клубе, который был здесь же, при совхозе, где каждый год по осени поощряли передовиков производства и вручали им ценные подарки – черно-белые телевизоры и холодильники «Орск».

Осетины в основном живут однообразно, повторяя из года в год, от века в век, быт и традиции своих предков. Это касается всех сторон жизни – от содержания домашнего скота и вплоть до похоронной процессии. Корова в осетинской семье по своей значимости сравнима, пожалуй, с фигурой короля или, по крайней мере, ферзя на шахматной доске. Возможно, кому-то это сравнение покажется несколько натянутым преувеличением. Однако, если в семье нет коровы, то все члены семьи даже сельчанами себя называть не могли. Наличие коровы как своеобразная мода у наших современников на новую «иномарку», когда человеку хочется, чтобы у него было «все как у всех». Заботы на содержание коровы в Лескене ложатся на всю семью, но особенно на старших детей. Они и сено косят, и собирают урожай куку-

рузы, стебли которой тоже ей, родимой, на прокорм идут. Дочери доят корову по очереди. Младшие дети тоже при деле – каждое утро они чистят за ней хлев.

Похоронный обряд у осетин – это непреложная, передающаяся из поколения в поколение традиция и обязательство, которое исполняется всеми беспрекословно. Это идет от скифов. У тебя не может быть причины, из-за которой ты можешь не пойти на похороны и не посочувствовать односельчанину по поводу утраты его близкого человека. Если у кого-то в Лескене умирает родственник (хоть и дальний), достаточно сообщить об этом на работу, и начальство без проблем отпускает его попрощаться с умершим. Если надо присутствовать на похоронах в другом селении или городе, скажем, Владикавказе или Нальчике, сначала составляют списки для оповещения, потом нанимают автобус или два, в зависимости от количества людей, и едут все вместе – родня, соседи, знакомые, чтобы проводить человека в последний путь. Так было всегда в моем родном Лескене, так происходит и сегодня.

Человек вырастает, но он отчетливо помнит звуки своего детства, которые никуда не уходят и сопровождают его всю жизнь. Для кого-то это журчанье горного ручейка, шепот деревьев в саду, мычание коров на утренней зорьке или постукивание дождя по крыше родительского дома. Наши детские годы – самая благодатная почва, на которой принимается все, что на ней посажено: привычки родителей, взятые ими, в свою очередь, от их предков, традиции старших и народная мудрость, берущие начало из глубины веков.

Все мы в детстве были одинаковые, независимо от того, где родились и выросли – наивные, светлые, отдающие добро и ожидающие его от тех, кто нас окружает. Но почему, повзрослев, мы не остаемся такими же? Когда читатели, пропуская через себя мои воспоминания, стали в комментариях под публикациями в социальных сетях делиться своими берущими за душу откровениями, я окончательно решил собрать все свои детские переживания, ощущения «по ягодке в одну корзинку» и опубликовать в этой книге. Пусть каждый, кто возьмет её в руки и начнет читать, вместе со мной ощутит незабываемый, ни с чем не сравнимый вкус ушедшего детства. Какое же оно далекое – по меркам временым! И какое же оно близкое – по меркам памяти…

Хочу и вас, дорогие читатели, познакомить с высказываниями этих людей, совершивших со мной прогулку по волнам моей памяти и невольно поспособствовавших тому, чтобы мои воспоминания вылились в книгу, которую вы сейчас держите в руках.

Лора Аршити (Кабардино-Балкария, г. Нальчик)

Прочитала на одном дыхании. Теплое чувство от Ваших воспоминаний так и разливается у меня внутри и уносит в те времена. Помню, как доезжая до центра, мы выходили из автобуса и переходили дорогу. И я, всматриваясь вдаль, бежала в надежде, что мой баба (дедушка – осет. – Т.В) жив, сидит на улице с соседями-стариками. А вечером мы забирались на забор и смотрели, как возвращается в село стадо. Иногда, мне кажется, я помню даже то, как пахло в воздухе... Воспоминания об Айша или баба обволакивают меня, и ко мне приходит покой. Они очень дороги моему сердцу. Спасибо Вам.

Зоя Камболова (г. Москва)

Валера, как приятно читать все написанное тобой.

Я уже несколько раз подряд сделала это, вспомнила свое детство. Мы жили от вас на три дома ниже и Хабеба меня, любя, постоянно дразнила. От детских воспоминаний ком в горле…

Алина Таказова (Северная Осетия, г. Владикавказ)

Пап, как это удивительно – узнавать много нового о тебе, читая твои трогательные публикации на Фейсбуке! Эти воспоминания такие живые, что кажется, все это происходило вчера. Я как будто слышу, как зовет тебя Хабе, вижу перед глазами большое грушевое дерево во дворе Хаевых и чувствую, как ты переживаешь после встречи с Хапатом, как болит твое юное сердце от его несправедливости и равнодушия.

А еще я помню, с какой теплотой ты всегда рассказывал про Артек – как про сказку, которая вдруг стала былью.

Я читаю твои воспоминания и чувствую запах моря, слышу утреннюю «Чунга-Чангу». Мне сразу захотелось окунуться в так живо описанную тобой атмосферу свободы, творчества, вашего братства. Теперь я понимаю,

насколько важной для тебя была эта поездка и как она тебя изменила.

С нетерпением жду публикации воспоминаний о твоей первой встрече с Ленинградом. Я знаю, очарование белыми ночами – еще одно яркое впечатление твоей юности, но это было уже после «Артека». Твоя абсолютная любовь к Питеру – единственное, пожалуй, в чем мы с тобой не похожи. Но я всегда по-доброму тебе завидовала. Это ли не счастье – жить в городе, который ты любишь, который ты хорошо знаешь и о котором можешь рассказывать все ночи напролет? То, что ты пишешь, очень-очень ценно!

Лариса Овчинникова (г. Мурманск)

Теперь все стало на свои места! Спасибо за окончание рассказа. Была интрига, и она исчерпана. История из Вашего детства настолько живая, как будто сама побывала в далеком осетинском селе и наблюдала за всем происходящим, как та соседская бабушка из окна.

Лариса Кутепова (г. Санкт-Петербург)

Валера, несомненно, у профессионала в каждой сфере свой особый взгляд, и его эмоциональный мир насыщается с годами. Журналиста этот накопленный с детства и уже не помещающийся внутри багаж наблюдений и знаний приводит к потребности поделиться с ним, изложить на бумаге пройденное, пережитое, да и просто самому переосмыслить. И тогда журналист становится писателем – сначала автобиографических рассказов «Детство», «Отрочество», «Юность». А какие знакомые фотографии! От них веет теплом, детством и «Горным»! И как точно переданы эмоции по поводу известия о предстоящей поездке в Артек! Тут, думаю, не память длиною в жизнь, Артек – это нечто другое, большее, что оставляет след на всю жизнь.

Ирина Кузьмицкая (г. Череповец)

Какой трогательный, берущий за душу рассказ! У каждого из нас есть места, куда мы хотели бы на минутку вернуться. Валера, спасибо за рассказ!

Наталья Пудычева (г. Санкт-Петербург)

Валера, читаю и отдыхаю душой. Чистое и честное детство. Много похожего было и в моем – например, также получала линейкой по голове от нашей математички. Вспоминая эти моменты, смеюсь. Хотя я жила в военных городках, мне очень интересны традиции в осетинской семье. Как живо и ярко ты их показал, и как трогательно рассказал о воспитании настоящего мужика. Я сразу представила описанный тобой овраг с деревьями и тебя самого, сдерживающего от обиды слезы. Красивые обороты, такие как «звезды съедали небо», легкий стиль – везде чувствуется душа настоящего осетина. Потому ты и сам стал хорошим человеком, что жизнь не была легкой. Но зато она у тебя была интересной, заставляла мыслить, анализировать, наблюдать, в процессе чего и твой характер ковался. А об отце как ты сильно написал! Никто не учился на психолога, люди начальное образование только имели, а могли дать фору даже дипломированным педагогам. Мне смешны сейчас различные тренинги личностного роста. Ох, как мне понятно то время... Спасибо Валера! Как на исповеди, мы открываем свои души.

Алибек Дзоблаев (Молдова, г. Кишинев)

Я сам родом из Хазнидона. Со своим неразлучным другом Максимом Тайсаевым мы часто топали пешком через село Толдзгун в Лескен навещать своих родственников. Я хорошо помню тогдашние улицы Лескена. Все рассказанное Вами – сущая правда. Валера, большое спасибо за воспоминания, за экскурс в детство!

Валерий Галиатский (г. Санкт-Петербург)

Мой дорогой брат профессор! Я читал книгу «Ахмед Цаликов» – творение твоего ума и горячего сердца. Она всегда у меня перед глазами, и мне казалось, что лучше нее ты ничего уже не создашь. Но то, что я сейчас читаю, меня приятно удивило. Это удается только писателям, прошедшим журналистику – таким как ты. Все очень интересно, о чем ты рассказываешь. Вспомнил себя, свои школьные годы и отметил, что наши школы чем-то похожи. Как же летит время...

Рамазан Тайсаути (Северная Осетия, с. Лескен)

Хорошо и точно ты пишешь, Валера. У всех у нас, родившихся в 50-е годы, в памяти и садахъа (поминки - осет. - Т.В.), где было много сладостей, и пиры на дождь, если он долго не шел, и наоборот пиры на солнечные дни, чтобы дожди прекратились. И действительно, Бог всегда отзывался на кувд людей. До сих помню, как участники кувда бежали на дождь – так быстро Всевышний отзывался на молитву. Взрослые радовались, а дети нет, потому что мы на какое-то время лишались футбола и купания. А еще мы ловили рыбу на удочку. В реке Лескен всегда водилась шилга (форель - осет. - Т.В), бецъо (сом - осет. - Т.В). Лучшими рыбаками среди нас были Ибрагим (Бужа) и Бæдолæ, которые всегда возвращались домой с полным ведром рыбы.

Ты пишешь очень увлекательно, стиль твоего изложения позволяет видеть картину ясно – она как на ладони. Всем твоим знакомым из Лескена, Питера и Крыма, я уверен, ты доставил большое удовольствие. Спасибо тебе! Желаю благополучия в семье и успехов в творчестве! Алкæмæнæхе!

Николай Голенков (Мордовия, г. Саранск)

Вижу, старче, затеял что-то великое… Обычно редкий гость в соцсетях, теперь стал появляться чаще, чтобы почитать продолжение твоего или Лескенского эпоса. Впервые наблюдаю рождение чужой рукописи, а перелопатил я их столько – не дай бог каждому! Просьба к тебе. Пока не завершил главу про школу, расскажи побольше об учителях. Вижу, мое мокшанское детство мало чем отличается от твоего. Моя мама преподавала русский язык и литературу мокшанским детишкам, которые с пеленок говорили только на родном. Я видел, какой это адский труд. Дома на своем, в школе все предметы на русском. Не поленись, посвяти учителям главу.

У тебя здорово получается! Впечатлен воспоминаниями о твоем отце. Тронут рассказом о поступке, где фигурирует пощечина. Считаю, это отдельные и уже готовые сюжеты для будущих художественных произведений.

Николай Пинясов (г. Москва)

Вспомнил тебя, когда ты работал и одновременно учился в аспирантуре. Надо было семью содержать – Залину и маленькую Алину. Приходилось подрабатывать, потому что 90 рублей аспирантской стипендии было мало и для одного человека, а тут целая семья на тебе! Ты аж два пешеходных мостика подметал на Ваське. Телефонов мобильных тогда не было, но я всегда знал, где тебя найти. Отчетливо помню одно субботнее утро (было часов 10-11) осени 1987 года. Ты подметаешь, а я рядом хожу, «помогаю». Мы вместе смеемся, что-то очередное из «перестроечной» жизни обсуждаем. И тут мимо нас проходит женщина с внуком 6-7 лет, и мы слышим, как она громко ему говорит: «Если будешь в школе плохо учиться, станешь как эти дяди мосты подметать!» Мы люди вежливые, поэтому изо всех сил старались держаться, пока женщина и внук не отойдут подальше, и только после этого выпустили на волю свой хохот. Да такой, что весь Васильевский остров вздрогнул!

Я поражён языком и стилем твоих рассказов – пишешь ты просто и гениально, поэтому они воспринимаются как свое родное. У многих из нас была похожая на твою жизнь, но не все так ясно могут изложить прожитое.

Особенно меня заинтересовали первые главы твоего повествования, где ты рассказываешь о детстве, школьных годах. Из твоих очерков о родине, о всеми уважаемой нами Осетии я узнал традиции осетинского народа, его культуру, познакомился с некоторыми религиозными моментами. А именно, как происходят у вас встречи родственников, как строятся отношения молодежи и старших, как проводятся праздники и что для вас означает прощание с близкими, проводы в последний путь.

Помнится, я позвонил тебе и говорю: «Ты этой книгой, дорогой друг, открываешь для читателя Осетию и показываешь всю красоту своей родины. Это как очерки путешественника – только не чужестранца, оказавшегося в первый раз на равнине, а человека, который возвращается домой, в родные края. И вот перед его глазами всплывают картины из его детства…» И я тогда добавил, чтобы ты и о нас, своих друзьях-студентах из разных республик СССР и стран мира, тоже что-нибудь рассказал.

Мы учились, когда Ленинград был полон иностранных студентов, которые и сейчас с теплотой вспоминают свою учебу в этом великом городе. Конечно, не обходилось и без конфликтов между нами, советскими студентами и иностранцами, но и дружба была. И радостно то, что она осталась! Профессор Таказов меня выслушал и сделал – нашел в своих воспоминаниях местечко для нашего студенчества.

Твоя книга для нас – душевное общение с нашим прошлым, трогательное напоминание о наших поступках, а для отроков – заботливое отеческое наставление, как им надо строить свою жизнь, чтобы стать в ней хорошими людьми.

Хидирти Миширби (г. Архангельск)

Валера, такое впечатление, будто с «Кæсæгипаварота» ты не о себе, а обо мне рассказал. Так же как я, в этом месте, «увидели» себя и Рамазан Тайсаути, и Рита Тахъазти, и другие, которые не раз проезжали тем маршрутом. Особенно страшно и трудно было добираться в вечернее и ночное время, но никого это не останавливало. Ты так точно описал ощущение страха, которое мы все испытывали, перед возможной встречей с волками и шакалами. Но ведь и это не было для нас преградой! Никогда не забуду Тинаева Хамица из Хазнидона, однажды подобравшего меня глубокой ночью на этой трассе и доставившего до ворот родительского дома. И таких добрых, отзывчивых людей, причем, разных национальностей, у нас было очень много. Пусть все знают о них и помнят об их добрых поступках. Спасибо тебе огромное!

Вера Кумехова (г. Москва)

Валера, ты напомнил мне многое из моей жизни, особенно тронули твои воспоминания об интернациональных идеях в школьные годы, пионерские «Костры дружбы» с ребятами соседнего кабардинского села Ерокко. Я в те годы работала директором районного Дома пионеров, и я отчетливо помню все эти мероприятия. Спасибо тебе за такие добрые воспоминания!

Менке Конеев (Калмыкия, г. Элиста)

Какие прекрасные воспоминания, Валера из Лескена! Надо бы собрать все это и издать книжку. Я восхищен тобой, профессор Таказов, мой осетинский друг! Рассказы о детстве, школьных годах – как много у нас общего… Я не раз бил стекла в школе, хулиганил. И самым страшным для меня наказанием было «завтра в школу вызываем родителей». Заранее бежал за защитой к дедушке, чтобы смягчить наказание.

Как много похожего в наших обычаях! У калмыков также дарят отрезы тканей, рубашки, костюмы самым близким родственникам, и моя мама тоже называла отца «наш человек». Мой тебе совет – сделать книгу в два раздела: один про студенчество, другой про Лескен и его жителей. Как здорово у тебя про них написано! Как у Шукшина – с любовью и юмором. Смех твой тоже добрый. Читаю и вижу, как много у нас общего. Вот такие мы, похожие друг на друга люди – калмыки и осетины.

Сослан Батыров (г. Москва)

Посвятил вечер чтению твоих воспоминаний. Улыбался и грустил одновременно – от осознания того, как хорошо было в детстве и как жаль, что его уже никогда не вернуть. Много чего веселого и забавного можно было бы добавить и про сельские свадьбы, и про твои бизнес-проекты, и даже про твой Opel Kadett, на котором любил проехаться вместе с тобой, чувствуя себя штурманом спортивного болида. Помню и твою «копейку», которой на момент приобретения было уже лет 20, но которая со «старта» на светофорах оставляла позади себя модные тогда ВАЗовские «восьмерки» и «девятки».

Сергей Чеджемов (Северная Осетия, г. Владикавказ)

Твои воспоминания очень важны, какие-то детали в них, может, получились излишне личностными и биографическими, но на то воля каждого автора. Я, например, сохранил очень теплые воспоминания о Р.З. Комаевой и Т.А. Гуриеве. Ты молодец, что не поленился охарактеризовать эпоху! Может в наших селах найдутся еще ребята, которые, так же, как и ты, вопреки трудностям, покорят научные вершины столицы. Спасибо тебе! Творческих успехов и здоровья!

Вадим Волос (США, Нью-Джерси)

Фундаментально! Валера, ты приблизил нас всех к далекому времени обучения в наших университетах и здорово передал дух того времени, описав его с юмором и в деталях. Молодчина! Очень интересно и познавательно для меня все написанное тобой об Осетии и осетинах. Мой отец закончил там военное училище, но мне не пришлось от него услышать ничего хорошего про годы, проведенные в Осетии… Ты, Таказов, помог мне разобраться в деталях, что это за край такой. Издашь книгу, я первый буду в очереди за твоим автографом.

Якуб Патиев (Ингушетия, г. Назрань)

Спасибо, Валера! Получил истинное наслаждение, читая твои «мемуары»! Рад был окунуться в твои СОГУ-шные воспоминания, но также были интересны и другие сюжеты. Удачи тебе!

Артем Чернухин (г. Санкт-Петербург)

Когда я рассказываю в компаниях, как проходила моя студенческая жизнь, все дико завидуют, так как они такими историями похвастаться не могут. Это память на всю жизнь. И вагон историй из каждой нашей студенческой поездки. А сколько еще всего было, помимо Ш.В.Р! Это и практика в Анапе, Сочи, и дискуссионный клуб, и дополнительные уроки на Васильевской, и «Невское перо», и поездки в Калининград, Курск, Стамбул, Мацесту… Только спустя годы, начинаешь понимать, сколько сил и времени было вложено нашими преподавателями и кураторами в нас. Далеко не в каждых вузах такое можно встретить. Так что, мы счастливчики!

Ольга Левкова (г. Калининград)

Ваши воспоминания о том Ленинграде, как и о той нашей стране, оставили в моей душе неизгладимое впечатление. Конечно, все мы простояли в этих бесконечных очередях, когда «выбрасывали» какой-нибудь «дефицит», но это все равно было чудесное время. Объяснить нашим детям, чем же оно нам так нравилось, уже не получается. Просто мы жили в другой формации, и как Вы правильно и тонко отметили, особенной и теплой. У нас на душе было светло и спокойно, и

это спокойствие с умиротворением защищало нас. А впереди была еще «перестройка-перестрелка» и много чего другого... Когда обо всем этом я пытаюсь рассказать дочке, вижу, что пытается понять, старается. Но понимает ли до конца? Да, это была другая страна... И другой Ленинград – с могучими набережными, «стальным» непоколебимым духом город Петра! Он выстоял перед Гитлером, обещавшим стереть его с лица земли, выдержал и блокаду. Думая о городе на Неве, вспоминаю фильмы про войну, состарившихся ленинградцев, стариков с морщинистыми лицами и руками... Валера, извините за то, что я внесла небольшую грусть в Ваше чудесное повествование. Ленинград для меня навсегда останется таким, каким я его помню.

Но не только мой любимы город Вы описали с любовью и вдохновением. Все краски Крыма встают перед глазами, когда я читаю Ваши рассказы о нем. Терпкий запах магнолии ночью. И я уже вместе с Вами как будто бы побывала в той чебуречной – ну надо же, какие они сочные, эти чебуреки! Как хачапури в Батуми, нет, как осетинские пироги, которые пекла и учила нас в детстве, как их делать, соседка Зоя Дзлиева. Мы дружили с её дочерью Мариночкой Багиевой (она теперь преподает высшую математику в СОГУ и в ГМИ). В моей памяти навсегда останется горное селение Кобань и весь род Багиаты, принимавший нас с Маринкой радушно на все каникулы. Ближе их не было тогда людей. Там наши корни. Они есть в Лескене, Стур-Дигоре, Алагире, Беслане, Дзауджикау, станицах Асиновской, Сунже, Троицкой, Тарской, Прохладной. Там наше сердце, там наша душа. Я повторю Ваши слова, Валерий, когда Вы в своих воспоминаниях сказали: «Пойду присяду за столиком № 104...» Высоко летят, распахнув свои крылья, наши кавказские орлы. Над вершинами гор звенит тишина. Сколько нам осталось, неизвестно, – душа наша принадлежит Богу.

Вот такие трогательные, берущие за душу отзывы-откровения я получил от читателей на публикацию своих воспоминаний в соцсетях. Разве я мог равнодушно отнестись к их желанию соединить свои воспоминания о Лескене, о моем прошлом, затронувшим всех до единого, вместе, сославшись на нехватку времени или должных способностей для этого? Конечно, не мог. Будем считать, что мои

читатели и составили предисловие к этой книге. Я рад, что мои прогулки по волнам памяти поспособствовали тому, что кто-то, прочитав мои откровения, задумался о былом, кто-то пролистал старый фотоальбом и вспомнил свои молодые годы. А кто-то отвлекся от гаджетов и набрал номер телефона деда или бабушки… Если это произошло, значит все это мною было задумано не зря. Благодарю за участие в этом проекте моего первого читателя, нестрогого судью и редактора в одном лице – мою сестру, Аллу Дзантемировну Батырову.

После прочтения первых страниц этой книги, у многих читателей могут возникнуть вполне закономерные вопросы: Дигорцы – это кто? Лескен – это где? Поэтому, прежде, чем перейти собственно к рассказу, необходимо прояснить, что это за местность и что это за народ, а также вкратце изложить некоторые факты из истории самого народа и языка, на котором он говорит.

Осетины – небольшой по численности народ Центрального Кавказа, составляющих основное население Республики Северная Осетия-Алания, в разные периоды истории известные под именами «скифы», «сарматы», «аланы», «ясы», «асы», «осы».

Скифы, относимые по языку к иранской группе индоевропейской семьи языков, связаны с современными осетинами не только родственными узами по линии языка, но и преемственностью культуры. Многие скифские обычаи, их религиозно-мифологические воззрения находят свое продолжение в этнографии, фольклоре и религиозно-мифологических воззрениях современных осетин.

Сегодня осетин в мире насчитывается около 670-700 тысяч. Из них в России – 528 515, (Северная Осетия-Алания – 459 688), Республике Южная Осетия – 45 950, Турции – 20 000-30 000, а также в других странах – Узбекистане, Украине, Азербайджане, Казахстане, Туркмении, Абхазии, Белоруссии, Таджикистане, Европе, США, Австралии.

Язык осетин относится к иранской группе индоевропейской семьи языков. Осетинский язык существует в двух вариантах: западный – дигорский язык, восточный – иронский язык. Литература и литературный язык на

обоих вариантах возникли одновременно, в конце XIX века, хотя на дигорском языке со времен средневековой Алании сохранились отдельные письменные свидетельства. В 1921 году был образован Дигорский национальный округ. В 1924 году, после объединения Дигорского и Владикавказского национальных округов, была образована Северо-Осетинская автономная область. Однако в конце 20-х годов дигорский язык был объявлен контрреволюционным, в результате чего сфера его использования стала ограничиваться, а к концу 50-х годов XX столетия функционирование дигорского языка окончательно было запрещено во всех сферах – образовании, СМИ, книгопечатании, радио и телевидении. Несмотря на запреты, многие поэты и писатели продолжали писать свои произведения на дигорском языке.

Дигорский язык, несмотря на влияние окружающих кавказских языков, сохранил архаичные грамматические формы, в том числе основной словарный запас, относящийся к древнеиранскому фонду. Дигорский язык является в научном мире ключом, с помощью которого становится возможным расшифровать отдельные слова, сохранившиеся со скифского и аланского времен, а также некоторые архаичные формы языка Авесты. Так, например, из всех иранских языков между глагольной приставкой и глаголом могут вставляться вводные слова и частицы только в дигорском, авестийском и пуштунском языках. Последний, кстати, является самым близким к дигорскому из современных языков.

На сегодня дигорский язык по Конституции Республики Северная Осетия-Алания де-юре признана равноправным иронскому варианту осетинского языка, однако де-факто не создаются равноправные условия для сохранения и развития дигорской частью осетинского населения родного языка. За период запрета дигорского языка «осетинский язык» стали отождествлять только с иронским языком, вследствие чего «ирон æвзаг» стали переводить как «осетинский язык», а «дигорон æвзаг» – как «дигорский язык».

Лескен – это небольшое осетинское селение на севере Республики Северная Осетия-Алания, на границе с Кабардино-Балкарией. Основано в 1864 году, когда

Российская империя стала проявлять заботу об отвоеванных у горцев Кавказа территориях. В силу объективных причин, продиктованных не столько природой, а горемычной судьбой, земли потомков скифо-сарматских племен – алан (ныне именуемых осетинами) оказались опустошенными и заселенными другими народами. Последние битвы алан с монголо-татарами в XIII веке, и со среднеазиатским ханом (эмиром) Тимуром в XIV веке положили конец некогда могущественному аланскому государству. От народа Алании остались разбросанные по разным ущельям десятки отдельных групп аланских детей-сирот. Сам тот факт, что осетины – потомки алан, сохранили свою идентичность до сегодняшних дней, вызывает восхищение и иначе как чудом его назвать трудно.

Осетины – единственная в России ираноязычная титульная нация. С глубокой древности (с VII-VIII вв. до н.э.) языки иранской группы были распространены на обширной территории, включая современный Иран (Персию), Среднюю Азию, Восточную Европу и Кавказ. Осетинский – единственный оставшийся в живых из ветви иранских языков, известной как скифская. Между тем, в эндониме ирон (осетин), обозначающий иранское начало, в советское время было заложено «яблоко раздора» между двумя диалектными формами: дигорским и иронским. Первая, наиболее архаичная, еще в тридцатые годы признавалась отдельным, родственным с иронским (в переводе осетинским) языком. В те же годы репрессий под уничтожение попал и сам статус дигорского: язык был признан контрреволюционным, газеты на нем запрещены, статус был низведен до уровня диалекта. По сути, осудили не отдельных людей или народ, а язык!

Одновременно интеллигенция Осетии попала под жернова репрессий. Это был своего рода геноцид дигорского, да и всего осетинского народа. Надо признаться, доносам не было конца и края. В них далекие от политики люди обвинялись преимущественно в троцкизме, а также в отстаивании прав дигорского языка как автономного, на котором почему-то запретили писать, читать и публиковаться. Если коротко, то активная жизненная позиция дигорской интеллигенции стала одной из причин

для зверств против нее самой и древнего языка скифо-сарматских племен. Вторая диалектная форма, иронская, была взята за основу осетинского литературного языка, и в целом, именно за ней был официально признан статус единственного и единого языка осетин. Таким образом было посеяно семя раздора между представителями двух братских народов, носителей двух основных форм языка – дигорской и иронской. Эта гуманитарная несправедливость тридцатых годов, которая накладывает свой отпечаток и на социальную разобщенность и, в целом, на дискриминацию одного народа. Она до сих пор является ощутимым анахронизмом, требующим внесения определенных корректив, а точнее пересмотра многих нормативно-правовых документов с целью возврата дигорскому языку его подлинного достойного статуса. Осетины-дигорцы и осетины-иронцы – это один народ с двумя равноценными языками, как, например, у той же мордвы, у которой также есть два равнозначных языка: мокшанский и эрзянский. Осетин, называя себя дигорцем, не перестает быть осетином, как те же мокшане и эрзяне, не перестают быть мордвой.

Сегодня на дигорском языке выходят газеты и журналы, функционирует театр, ведутся передачи на местном телевидении, изучают в отдельных школах Ирафского и Дигорского районов, ведется факультатив на факультете осетинской филологии СОГУ им. Коста Хетагурова, изучают в высшей школе Германии, сочиняют стихи в Турции. Время требует от осетинского общества исправления допущенных в тридцатые годы ошибок, и взывает к исторической справедливости – возврату статуса полноценного языка.

ДЕТСТВО

Уже сколько лет это название не дает мне покоя. Некое наваждение: помню практически все и не покидает желание рассказать о том, что чувствует ребенок в начале жизни. Уверен, каждый из вас не раз задумывался над прошлым, соизмеряя его с настоящим. Обычно воспоминания начинают со школы, но мне представляется, что и до нее есть, о чем поговорить.

Мне было год и семь месяцев, когда соседка Зина Галеова собрала нас, чтобы сфотографироваться. Почему-то мне это занятие было не по душе, а сегодня только благодарен – есть с чего начать повествование. Я был немногословен, но любил слушать соседских старушек, которые вечерами собирались у нашего двора и рассказывали о домочадцах, соседях, родне. Но больше сплетничали о тех, кого я совсем не знал. После очередных рассказов о незнакомцах слышался громкий смех матери и Венеры Цамакаевой. Мне казалось, что мать смеется громче всех на свете и делает это умышленно, но позже я понял, что ошибался, и до сих пор сохранился в памяти этот звонкий смех, часто отдающийся эхом в сторону лесного массива. Раздавался редкий лай собак и индюшачье курдыкание.

Дошкольный период прошел в этом интересном обществе, так как по соседству вовсе не было сверстников, от чего испытывал вполне объяснимые, ментальные неудобства: кому-то за сахаром, кому за хлебом в магазин… Это стало настолько обычным, что с утра думал, кто меня куда сегодня отправит. Почему ментальные? Потому что у дигорцев, как у всех осетин, и сейчас это явление в порядке вещей: если сосед просит – отказать неприлично, да и врожденная воспитанность не позволяет, хотя так хотелось порой отка-

зать! Меня тогда прозвали «Цомайбах» (посыльный, а точнее по типу почтовой лошади, но без оплаты и расходов на корм). Да и свое имя Валерий стал воспринимать только в школе, когда подписывал титул зеленой тетрадки и у знакомых кроме смеха ничего не вызывал. Давать прозвища – это тоже вполне обыденно: якобы, тогда человек охраняется всевышним и фидбилиз (беда, несчастье, трагедия) тебя обходит стороной. И сегодня соседи обращаются ко мне как Балекка или Балек. Через переулок вовсе сократили до Бакка. Представьте себе, сознавал себя все семь лет исключительно как Балек и никому невдомек было называть меня Валерой. Например, Боллоева Артура звали Гонтарь, Дреева Романа – Шкиут, Цамакаева Вячеслава – Лавка, Гергиева Алика – Кудур, Тотоева Анатолия – Сайтан, Дреева Аркадия – Кра, Дзодзаева Юру – Чит, Цебоева Сергея – Дзиго и т. д. Большинство прозвищ до сих пор не поддаются расшифровке и внятному объяснению, разве что Юры Медоева – Медо. Так родители обезопасили нас от происков неизвестных сил, от сайтана (сатаны, шайтана) и прочих недобрых существ. Многое из детства уходит корнями в нашу мифологию: и сегодня в ритуальных процессиях преобладают языческие мотивы, верования наших предков.

К поверьям. Помнится, упаду невзначай во время игры и мать кричит, чтобы я не вставал, а замер на месте. Долго не мог понять этого, как и многое другое: она спешно направлялась в столовую, брала нож, подбегала ко мне и проводила его острием круги по земле, шепотом приговаривая какую-то молитву. В целом, к таким народным ритуалам прибегали и во время простуд, и при любой другой неприятности. А если корова или овечка не вернулась из леса – все шли к Аршиевой Аппе, которая слыла знахаркой. Мне не раз доводилось присутствовать при ее таинственных действах, и я детально все помню. Она доставала старый кинжал, проговаривала что-то на незнакомом мне языке (видимо, на арабском, так как село относительно мусульманское). Завернет кинжал в материю и, спустя некоторое время, вновь наговаривает над ним. Этот ритуал назывался «Берагьи комбаддтан» (буквально – завязать пасть волку). Он должен был вызвать у волка отвращение к парной говядине. Не помню, помогло ли кому-то, но никто не жаловался, иначе бы во время вечерних старушечьих дебатов непременно услышал.

Со старушкой Аппой примечателен один случай: ее сын Дзуццу – тоже прозвище, как его настоящее имя - не знаю и сегодня, был осужден на долгий срок за такую провинность, что сегодня бы его просто пожурили. За убийство или изнасилование сейчас дают значительно меньший тюремный срок. Но советский строй строго требовал соблюдения порядка во всем, мелочей не было. Не раз слышал об этом человеке лестные отзывы от старших. В моем сознании этот Дзуццу представлялся мне неким благодетелем, Робин Гудом, и я все никак не мог понять, почему такой человек в тюрьме. Мне было лет пять, когда по селу пронесся слух, что он освободился. Все радовались, что глубокая старушка Аппа дождалась сына. Он приехал на автобусе из Нальчика со своей сестрой Ниной и братом Тори – Анатолием по паспорту. Дзуццу отстал, так как по дороге здоровался с сельчанами, они были рады его видеть. А Тори спешил к матери, чтобы первым оповестить ее о таком счастье. В селе было принято благодарить человека с хорошей вестью. Исходя из долгого срока разлуки матери и сына, ценность благодарности мне представлялась безмерной. Я так бежал к Аршиевым, как, пожалуй, никогда не бежал прежде. Тори через калитку, а я перепрыгнул забор, тем самым опередив его, забежал в дом и закричал: «Дзуццу вернулся!»

Прошло три дня, но Аршиевы меня пока не вызывали к себе для вручения заслуженной награды. На четвертый – позвали. Аппа протянула мне металлический рубль, который сегодня у нумизматов называется «Голова Ленина» и стоимость его на рынке доходит до пятисот евро. Я был расстроен, поскольку рассчитывал на большее. Пришел домой и еще обиженно, но с гордостью отдал его матери. Вечером случай долго обсуждался на улице во время ежедневных женских дебатов. Но это был первый рубль, честно заработанный мной, а точнее – моей быстротой и смекалкой.

Со старушкой Аппой я не раз встречался во время процедуры цастиарфа (снятия порчи, сглаза). Частенько меня спасали от этой напасти и, как правило, с раннего утра мать вела меня к соседке. Аппа поджигала сушеные кусочки козьего жира и причитала «Бисмиллахи, иррахмани рахим...» и другие фразы на арабском. Все бы ничего, но она заставляла меня дышать над горящим жиром, силой нагнув мою голову к огню. Это продолжалось минут десять. Каждый раз

она назначала разное время повтора непонятного мне процесса. Все зависело от того, как часто она зевала, частенько из ее полузакрытых глаз текли редкие слезы. На следующее утро все повторялось по тому же сценарию. Естественно, от такого таинства я не мог получать удовольствие, но пререкаться с родителями не смел, как и все мои сверстники. Удивительно, но я и сам до сих пор обладаю способностью совершать этот обряд, правда, без козьего жира, а всего лишь умением произнести ту самую молитву. В моей жизни было несколько случаев, чтобы убедиться в силе этой молитвы. Об одном расскажу позже.

Вернемся к рублю. Впоследствии я еще много раз испытывал радость от заработанного, как и тогда, когда отдавал соседям сдачу, хотя мог присвоить, но знал, что этого делать нельзя никогда – они соседи. Дома бы строго наказали. Я несколько лет был курьером, а потому есть что вспомнить. Один случай соседи помнят до сих пор. Рядом с нашим домом жил Афако Аршиев, его жену звали Уза (девичья фамилия – Таказова). Она не раз отправляла меня за сахаром по 81 копейке за кило и давала с собой целлофановый пакет. Однажды мне взвесили, а как вышел из сельмага, так что-то екнуло: мне показалось, что дали меньше положенного. На мой взгляд, обычно, килограмм выглядит куда больше. Я долго разглядывал кулек и меня заметили Аршиевы и другие соседи – что я там делаю и почему долго не возвращаюсь. А секрет заключался в том, что сам кулек по размеру был иным – побольше, не как обычно. А меня «терзали смутные сомнения», что бабушка Уза подумает, будто я присвоил себе часть денег. Так, постепенно, я начал познавать премудрости жизни.

Любая работа учит. Хитрить тоже. Мне, как и многим другим детям, играть на футбольном поле можно было только определенное время. А если опаздывал, то отцу это не нравилось. Признавать вину или объясняться перед отцом на Кавказе – это одно из самых неудобных ощущений, которое только можно представить. Однажды я опоздал настолько, что, возвращаясь домой, представлял далеко не веселый сценарий. Я зашел к бабушке Узе и попросил ее подтвердить, если родители будут спрашивать, что она меня отправила к дочери Оле, которая проживала отдельной семьей далеко от нас. Уза согласилась.

Я зашел домой и сразу сообщил, что был «командирован». Пронесло!!!

Контроль за своими перемещениями ощущал все детство. Все до позднего вечера играют до седьмого пота, а я все оглядываюсь и прислушиваюсь, не зовут ли еще домой. Скверное состояние. Главное, я, как правило, стоял на воротах и после громкого эха с обрыва напротив «Балееееееек!» предательски бросал доверенное мне место и пулей мчался домой, перебирая в уме разные варианты моего «приветствия» дома. Если мать сообщала, что отец еще не вернулся с работы, это отпускало, возвращало нормальный пульс и надежду на спокойное продолжение вечера за тетрадками. Мать неотступно следила за моей свободой на улице. Наученная горьким опытом знала, что я ее последний вагон в перспективу бытия.

Пусть не создастся такое впечатление, что жил я в чрезмерно строгих правилах. Нет, конечно. Сегодня я благодарен своим родителям за воспитание. Отец служил в армии четыре года. Двое братьев оставались в эти голодные годы на попечении матери. Многого не хватало – мягко сказано. Потом вернулся отец. Начал работать, как говорится, то тут, то там. И времени на школьное воспитание оказалось мало. Толик и Юрик выросли добрыми, отзывчивыми, но очень разными. Старший, Толик, тихоня, стал трактористом, а Юрик – сильный и трудяга большой, любимец сельчан – водителем. Потом родилась Алла. С ее рождением началась новая веха: если братья в школе слыли хулиганами, то сестра-отличница внесла существенные коррективы в наш быт. Видя ее старание в учебе, подготовке заданий, я начал грезить мечтой стать школьником. Но больше я благодарен матери, которая сама закончила лишь шесть классов, но наизусть помнила много стихотворений Лермонтова и Пушкина. Наверное, если бы не ее методика, вряд ли бы из меня вышел толк. В угоду новым веяниям и нанотехнологиям, сегодня мы многое упускаем в развитии ребенка, в его подготовке к школе и не только.

О нашей методике подготовки к начальному классу. Утром, примерно, в 5-6 часов мать будила меня, и я начинал повторять пройденный материал по письму или арифметике. Сегодня кажется, что материал примитивный, а тогда он был верхом совершенства и веяло от него надеждой, что

меня примут в школу и я, как сестра, направлюсь в здание, в котором изначально размещалась мечеть, а в годы войны – немецкая комендатура. Ночами долго не засыпал. Фантазия уносила не так далеко, так как школа находилась в 400 метрах.

В семидесятые годы сначала надо было отучиться в подготовительном классе. Через год переводили в первый. Получается, мы учились одиннадцать лет. Наконец наступил заветный час, о котором меня предупреждала мать. Это был незабываемый день в моей жизни, полный разочарования в одном человеке, в директоре школы Хапате Хаеве, – если я пишу имя не по паспорту, то прошу прощения у родни, но всегда к нему обращались именно так.

Учебный год подходил к концу. Ребята еще занимались, когда мы вдвоем с матерью оказались у входа в здание восьмилетней школы. Мы ждали директора, который никак не появлялся. Заранее мать дала мне некие инструкции, как себя вести при долгожданной беседе. Условились, что если директор будет против моего зачисления осенью, то она подаст знак, и в эту минуту я начинаю считать до ста. Наконец, Хапат вышел и направился к выходу. Привожу разговор полностью.

– Хапат, добрый день!

– И вам также, что случилось?

– Ничего. Я по вопросу приема нашего младшего. Годы позволяют.

– Когда родился?

– 19 октября.

– Нет, тогда придется еще год подождать, ему не хватает одного месяца и 19 дней.

– Его ровесники осенью пойдут в школу… Первоклассники не умеют то, что умеет он.

– Есть еще и другая причина. Его старшие братья на нервах учителей играли столько, сколько учились. Этот будет таким же, – грозно посмотрел в мою сторону и добавил ряд непонятных мне доводов, видимо, не в мою пользу. Мать, почувствовав поражение, произнесла: «Он читает, пишет, считает, складывает в уме…» и незаметно посильнее сжала мою кисть – наш оговоренный до этого знак. Я начал считать громко, как этого требовала мать. Рядом был кран, из которого непрестанно струилась вода, но это не могло

помешать на пути к заветной цели. Однако Хапат не дал ни досчитать, ни стихи наизусть рассказать… До сих пор помню, как струилась вода из крана – свидетель того, что так поступать нельзя и за такие дела и решения будет стыдно не только тебе.

Это был крах. Мы молча возвращались домой. Отец выслушал, но как человек правильный, произнес: «значит, через год». Сестра возмущалась. Пес Шарик, который улавливал мое настроение, опустил хвост и спрятался под огромным железным амбаром. Соседи поддерживали нас как могли, хотя это не смягчало мою боль. Мать честно все им рассказывала о случившемся, говорила, как есть, что из-за братьев меня не взяли в школу. С трудом снесли не первую в моей жизни несправедливость, ведь в подкласс взяли даже тех, кто родился в декабре… И Риту Кцоеву, с которой родились в один день. Про нее и ее маму Нину еще напишу.

Говорят, время лечит. Не лечило только меня, особенно, когда я приходил в школу, играл со сверстниками во время перемены. Ждал очередного звонка, чтобы вновь с ними увидеться. Благо, в селе много работы и это отвлекало. Больше всего в огороде – 12 соток. Скот на мне, доить корову, пасти овец, которых «на мою беду» нам сгружал дядя Муртаз. Правда, их количество таяло на глазах: отец был очень хлебосольным и стоило появиться гостю, резал барашка, мать делилась бараниной с соседями.

Занятия продолжались, но уже не так часто. Мать проверяла, все ли я помню.

Вы, наверное, заметили, что я не пишу, как все: «мама», а «папу» называю отец. Это не говорит о неуважении, скорее наоборот. У осетин определенная строгость со стороны отца с детства прививает чувство ответственности и порядка в доме, на улице. Конечно, не у всех, но в этом отношении я был не один такой. Скажем, Валера Цамакаев, мой ровесник, тоже привык к строгости, так как отец Батке, работавший на большегрузных машинах, таких как «Колхида» и «ЗИЛ», был всегда трезв и требователен. Рядом с ними Андрей Цамакаев, отец нашего ровесника Юры, водитель бензовоза совхоза им. Ленинского комсомола, был несколько мягче. Частенько бывал у них и с удивлением, и умилением смотрел на то, как отец мог погладить по голове Юру,

похвалить или прилечь рядом на диване и смотреть мультики. Где-то завидовал этой идиллии. С другой стороны, Юрин старший брат Борис или сестра Оля могли так построить его, что мало не покажется. В осетинских семьях старший на один или 10 лет – разницы особой нет, главное – он старше, и ты обязан слушаться его, если даже физически превосходишь. Это не культ, а скорее, устоявшаяся на Кавказе культура поведения. Такая иерархия сохраняется веками, с определенными изменениями, естественно, с уклоном на смягчение и демократизацию отношений.

А вообще-то, кавказцы не любят демократию ни в чем. Уважают порядок и соблюдение общепринятых законов, а общие фразы про демократизацию и безграничное вольнодумство считают неправильным. Российское законодательство прописано для всех, между тем, у кавказцев есть свои дополнения, особо не оглашаемые, но передающиеся из поколения в поколение. При этом, у осетин так, кабардинцев, чеченцев и ингушей – иначе. И так по всему Кавказу. Это ментальные особенности, прививаемые с детства, не теряют своей актуальности до глубокой старости. В том числе, и у меня. Другое дело, ни одна из сторон не должна превалировать, нужна середина, притом мудрая, взвешенная, которая тебя ставит вровень, как с центральной российской действительностью, так и с кавказской архаикой.

Таким образом, я вынужден был ждать год, чтобы пойти в подготовительный класс. Так как играть было не с кем, больше времени проводил с соседскими стариками: Ганге, Дзанчек, Афако, Хушин, Бидже… Им было по 80-90 лет. Конечно, я только слушал и помалкивал. Встревать в разговор, если даже хочется – нельзя, это признак невоспитанности. В большинстве своем их разговоры сводились к воспоминаниям каких-то особых случаев из старины. Они помнили еще моего деда Тата, который умер, когда отцу было так мало лет. По его редким воспоминаниям, Тата приносил им в брючных карманах кукурузную муку с мельницы. Мать, Самати, умерла еще раньше и он ее не помнил вовсе. Мне частенько хотелось переспросить стариков, но этика не позволяла или просто не решался. Они весь день могли так просидеть на сухом бревне возле Бериевых, за исключением частых перерывов на исполнение намаза. Как правило, мусульмане совершают его пять раз за день.

Так, постепенно, подходило время ежевечернего занятия с домашнем скотом: дойка, уборка за ним. Постепенно мне стало казаться, что все рождены исключительно для того, чтобы обслуживать коров, а перед сном предаваться своей мечте стать школьником. Определенные плюсы в заботе о животных тоже были. Скажем, пасти овец в селе принято по очереди: если у вас 5 овец, значит 5 дней кто-то из домочадцев становится пастухом для сельской отары. Работа непыльная, но ухо востро держать рекомендуется. Будучи в таком возрасте, не покидали мысли о нашествии волков или шакалов, при этом знал, что они от данного лесного массива «Лухуадзан» были далеки, в местечке «Сагьдантта» (место, где держат коз – таков перевод названия местности). Придавало уверенности и то обстоятельство, что так же годами пасли и другие дети. В этой работе есть свои секреты, к которым привыкаешь быстро. Скажем, в первый день овцы сами устремляются в знакомые только им благодатные места, притом, в совсем ином направлении, которое нужно. Им хорошо известно, где больше дикой яблони, сливы… Пастух с собой всегда имеет походную сумку, в которой уложены помидоры, чеснок, мясо и другое съестное. Я старался брать воды поменьше, так как лишний вес не особо привлекал, зная о двух крутых подъемах по дороге в лес. Что делать, если пить хочется, а воды уже нет? Тогда находишь в лесном массиве место, куда свет проникает изредка. Из-под следа крупнорогатого скота нетрудно разглядеть блики – это дождевая вода недельной давности…

Только начинает темнеть, и отара сама собирается в огромную кучу в ожидании моего разрешения тронуться в путь домой. С особым чувством гордости шел я по селу, мне хотелось, чтобы все смотрели на меня и говорили о том, я молодец! Вскоре овец не стало по упомянутой выше причине и мое пастушество закончилось.

В целом, наше детство в корне перекликается с темой домашнего скота со всеми его проблемами по уходу. Читатель, видимо, понял, что это не доставляло мне большого удовольствия. Я скорее ненавидел пастушество, чем любил. Но свежее парное молоко прибавляло плюсы к достоинствам нашей коровы.

Как-то отец мне говорит, что нашу корову надо отогнать во двор, расположенный в конце села. Надо было, чтобы

я ему в этом помог. Отец надежно привязывал корову толстой веревкой, делая из нее хитросплетенные узлы меж рогов здоровой скотины. Понял, что мне придется исполнять роль погонялы, только в голове была другая, вполне логичная мысль: зачем? Разве корова нам больше не нужна? Мы ее продаем? Любопытство перебороло строгость моего воспитания, и я спросил у отца, зачем нам гнать нашу единственную скотину через все село? Отец тут же ответил: «Играть» (тут требуется отступление, ибо по-русски это звучит странно и непонятно, зачем корову перегонять, чтобы она наигралась?). Но иначе не выразить данное действо подигорски, тем более по-русски. Перебирая в сознании все это, с чувством долга и важности мероприятия, направились в путь. Не пришлось особо приближаться к кормилице, тем более, погонять. Скорее она уносила отца зигзагами то влево, то вправо. Зная строгий нрав отца, не было полной уверенности в том, что наша корова дойдет живой до места и я был начеку. Вынести непредсказуемые действия со стороны быка Дзантемура было сложно. Он от природы был силен и спокойно мог ударом сразить нашу корову наповал. Другие замысловатые мысли по дороге окутывали мое сознание, перескакивая с одной мысли на другую. Я все не мог понять, почему мне вдоволь наиграться с ребятами не дают, а корове такие почести. Отец, варьируя меж канав и выбоин, весь в поту, гнал ее куда-то вдаль, иногда останавливаясь поздороваться с мужиками, приветствуя стариков, вальяжно рассевшихся на скамейках возле своих домов.

На вопрос, куда направились, отец отвечал, как есть и, на мое удивление, все понимающе кивали головой, мол, да, конечно, правильно. И вот мы прибыли к месту назначения. Вскоре наша корова оказалась в объятиях рыжеватого кареглазого бычка. Эти спайки сельского формата, как оказалось, и назывались игрой, а не то, что я подумал. Пока скотина находила консенсус в проблемах интима, хозяин быка-производителя рассказывал о домашних хлопотах. Отец делал вид, что ему это весьма интересно, хотя вряд ли могла заинтересовать жалоба на засушливую погоду, будто мы жили на разных материках. Через полчаса корова сама пошла быстрым шагом в сторону нашего дома, а бычок, потеряв к ней интерес, распластав ноги, лег на лужайку. Такова сельская идиллия, да и не только сельская…

Это несколько эпизодов из детства, которыми я поделился с одной лишь целью: ребенок все запоминает лучше взрослого и относиться к нему надо с большой ответственностью. «Время летит» – часто произносили старики нашей улицы. Я, придерживаясь противоположной точки зрения, терпел. Они нередко завидовали, мол, вот бы оказаться на моем месте. Если я чего-то не мог понять, так этого выражения. Мне хотелось быстрее расти и бегом в школу! Это был предел моих желаний. Благо, пример был – Алла, сестра-отличница. Отец гордился ею. Говорил, что учиться в школе и быть отличником не все могут. Если бы даже не так, отец боготворил ее: наша доля отцовского тепла, казалось, навсегда была отдана единственной дочери. Старшие братья могли на нее повысить голос, стукнуть невольно или поделом. Она, чувствуя личное превосходство, могла зарыдать громко и, если отец дома – хорошего не жди. Отец был сильным, за годы службы нарастил такие бицепсы, что до конца жизни они оставались как деревянные. Братья не раз ощущали на себе хук справа, а потому, стоя на своих местах, ждали очередных звонких пощечин. Объяснять не приходилось – дочка права всегда. Что касается меня, то Алла была моей защитницей и опорой, могла прикрыть мои шалости и в доме, и на улице. Да и сегодня так же. Она напишет, позвонит, волнуется, а я кратко отвечу, пообщаемся. Как в поговорке: «Сердце сестры – к брату, а сердце брата – к лесу». Это объективное явление, данное нам природой. Между тем, роднее у нас, трех братьев, не было никого, кроме Аллы.

В школе никто не смел обидеть ее только потому, что у нее брат Юра – сильный и всем знакомый, веселый и самый добрый, но дрался так часто, что все понимали – от греха подальше. Старший, Толик, был молчалив и кроток. Он как тень среднего, из-за чего и ему попадало не раз.

Что касается частых драк, то это было явлением столь привычным, что прохожие могли вовсе не обращать внимание. К слову, ребята постарше, как мои братья, могли запросто скомандовать: «Дерутся Артур и Афаз». Тот и другой живут по соседству, никаких претензий. Но команда дана старшими, будь любезен, дерись. Главное ведь не в том, что ты проиграешь, а в том, что ты не струсил. И были свои правила: лежачего не бьют! Шрамы на голове, на лбу – дело обыденное, а потому со стороны родителей

не было возмущения. Все понимали, что пацаны должны пройти эту школу и стать мужчинами. Редко кто за это мог нас ругать. Но Кубу Дреева – бабушка Ромашки и Габо – могла отругать. Мы частенько их не брали с собой ни в лес, ни в поле, боясь, что с ними что-то случится, а попадет всем. Они для нее всегда правы, а мы, естественно, виноваты.

Помнится, мы сидели на лавочке Хаевых (у которых дикая груша, а также крупная слива, к этим лакомствам наведывались не один вечер, пользуясь тем, что старик Ехья слышал плохо). Наискосок – Дреевы. Угораздило меня толкнуть младшего, Габо. Он упал. Не заплакал, как ни странно. Оказывается, в эти минуты за нами зорко следила из окна та самая Кубу.

– А что ты остановился? – раздался ее крик. Замерли. Габо, почуяв защиту, зарыдал на ровном месте. Бабушка в привычной ей манере не прекращала ор в мой адрес.

– Почему ты его не бьешь дальше?! – кричала она в мою сторону. – Бей его сильнее, ногами бей!

Восприняв замечание как есть, ничуть не подумав о двусмысленности ее приказа, скажу честно, не без удовольствия, добавил Габо несколько пинков с правой ноги. Что началось потом, лучше промолчу, так как сами можете догадаться.

К вечеру про этот инцидент знали не только в семье, но и соседи. С каким настроением появился на глаза домочадцам, нетрудно догадаться, как и про то, что я получил от отца.

Так, постепенно узнавая прелести жизни, шел вперед, не оглядываясь – впереди была школа, о которой мечтал еженощно, представляя себя за партой с книгами и тетрадками, пеналом, перьевой ручкой и синими чернилами.

ШКОЛА

Летние месяцы перед долгожданным сентябрем оказались томительными. Становилось отвратительно от мысли, что стрелки часов стали идти куда медленнее. Также по устоявшемуся графику текла моя трудовая повинность: скотина, уборка по дому и во дворе, поливка огурцов, корм для теленка и, конечно же, мои «обходы» соседских владений.

В семье Афако Аршиева было пятеро девчат и трое парней: Лема, Бедал, Лида, Оля, Валя и Борис, Эльбрус и Алик. Лема была старшей из девчат и самой теплой: тихий, убаюкивающий голос выдавал в ней маму, старушку по имени Уза. Все они сыграли в моей жизни особую роль. Лида впоследствии стала моим учителем по химии, Оля окончила школу с золотой медалью и все детство ее имя было на слуху, мол, так, как Оля учится, так больше никто. Впоследствии стала врачом. Валя – это открытая и огромная душа, полная радости, готовая в любую минуту помочь соседям. Такие же добрые и отзывчивые были парни. Трое из девочек были студентками в городе и по выходным приезжали в село. Не помню такого случая, чтобы они не привезли мне игрушку или шарики. А старик Афако подарил железный самолет светло-синего цвета. По статусу невольно переставал различать, где моя семья. Пропадал у них целыми сутками. Играл у них, лазил туда, куда не следовало. Порой старику доставлял определенные неудобства. Так, я частенько забегал в пристроенную к дому летнюю комнату попить воды. На мою беду Афако, как правило, там совершал намаз (каноническая молитва, один из пяти столпов ислама). Я без спроса ничего не делал, а потому спрашивал у него, могу ли взять чашку и попить воды? Однажды он окликнул меня

и, со свойственным ему тихим голосом, сказал: «Когда видишь, что я совершаю намаз, ты не отвлекай меня. Все, что тебе надо – бери, только меня не зови».

Мне было невдомек, что это весьма важный момент истины для молящегося. Только годы спустя узнал, что в эти минуты для мусульманина замирает мир, кроме Всевышнего, которому принадлежит все на свете: от восхода Солнца до позднего заката, от первой росы до слезинки младенца… Я не мог знать этих премудростей: отец не был верующим, хотя определенные ритуальные мотивы он сохранял, дабы не отличаться от старших. Мать звали Хабеба (от арабского «Хабиба» – любимая). Она и была любимой, как все матери. Немного молилась, повторяя, ставшие привычными моему слуху, арабские молитвы, но назвать верующей не могу, так как не проявляла особую активность в исполнении обязательных церемоний женщины-мусульманки. Время меняло все, людей, традиции, архаика сменялась новыми порядками. Даже имена стали светскими, русскими, как у нас в семье: Толик, Юрик, Алла и я.

Про Бедал, вторую старшую дочь Афако, не рассказать будет неправильно. Каждый август она звала меня с собой в лес собирать орехи. Сама не могла залезть на дерево и трусить, а потому прибегала к моей помощи. Ничего в этом удивительного нет, кроме одного: я тряс ветки дерева со всех сил и сотни орешков дождем падали на землю. Бедал поспешно собирала их, да с такой скоростью, что хап-машина где-то в углу пряталась. С макушки дерева смотрел вниз и собирался тоже успеть подсобрать. Но удавалось редко, так как к моему приземлению почти все добро оказывалось в ведре у соседки. Из года в год все повторялось. Мы возвращались из леса. У Бедала полное ведро, а в моих карманах пол-литра. Я тоже бы хотел побольше орешков, притом заслуженно. Когда приходил домой и ложился спать, то еще долго не засыпал от этой несправедливости. А поделать ничего не мог. Домочадцы знали, но молчали. А зимой, когда Бедал одаривала по-соседски стаканом орешек, все радовались и благодарили ее. А передо мной вставала та же картина хап-машины. Обиды не было на нее, но мысли не отпускали.

Видимо, читатель ждет, когда же я пойду в школу.

Пошел.

Первый день, когда нас усадили за парты, был столь необычным, что приятно восстановить в памяти минуты счастья. Настал предел желаний. Нас позвали в крайний класс, в котором когда-то размещалась единственная в селе мечеть. С приходом немцев, зимой 1942 года, здесь находилась вторая комендатура и пищевой склад. Когда началась война, моему отцу было 14 лет, а на его сиротскую душу остались: младшие – Володя (Буно), Муртазбек (Муртаз), сестры – Дуся (Доха), Тайбат и Тайзат, которых фашисты выставили из дома. Они вырыли в огороде землянку и жили там. За старшего был отец. Так как он работал в Ташлы-Тала (Балкария), это в 10 километрах от нас, чтобы прокормить братьев и сестру, то выглядел взрослее своих лет. Но, видя убогое положение детей, немцы разрешили жить, просто жить. Если бы они знали, что пятеро братьев отца в это время воевали на разных направлениях от Курска до Можайска!!! Ни один не вернулся. Отцу можно было заходить в дом. Однажды солдат-румын свесил ноги на треножник (это не просто стол, а святое для осетин место – больше, чем стол для еды). Всегда чист донельзя, на нем хлеб-соль… Это как икона для православных. Отец, не долгая думая, подошел к нему и вытащил стол из-под сапог фашиста. Оказывается, он спал. Вскочив, стал орать и раздался выстрел в комнате. Отец бежал восвояси, сестра стала рыдать, но румын стал прицеливаться. В это время офицер-немец что-то скомандовал и румын быстро протрезвел.

Это не столько о самом случае, сколько о необходимости обращать больше внимания на изучение этнических особенностей многонациональной России. Есть элементы традиционной культуры и самосознания, за которые не задумываясь, отдают жизнь. Незнание порождает войны.

Весь огород был полон танками. Не лучшее положение было и у соседей. Взрослые все ушли на фронт. Несколько комсомольцев остались в селе, и они подпольно собирались в доме у 17-летнего Харума Цамакаева, который давал указания ребятам где можно украсть гранаты и патроны. (Я встречался с ним в 80-е годы и долго расспрашивал). Все ворованное у немцев оружие складывали в подвале. Однажды ранним утром группа из трех человек договорилась уйти к партизанам, о которых даже слышать не слышали. «"Не имеем права отсиживаться здесь", – сказал Харум. –

Наше место на фронте, будем пробираться к партизанам». У него была мачеха, о которой никогда плохо никто не скажет, но, боясь за его жизнь, она была против, чтобы они уходили. Уговоры не дали результата. И тогда она, наивная, пошла в немецкую комендатуру и попросила прийти и припугнуть мальчишек. Только когда за ними приехали и арестовали, поняла, что натворила. Стала плакать, умолять… Слух о том, что ребят повели на расстрел в конец села разнесся по Лескену.

Магомет Елоев. В народе его прозвали полковником. Это один из самых уважаемых в селе людей. На нем всегда была военная фуражка, галифе. Я долго не мог понять почему? Оказывается, во время оккупации нашего села он был старшим старостой и к нему побежали, сообщили о произошедшем. Он вскочил на коня и стал догонять немцев. «Он догнал нас и первое, что сделал: плеткой начал избивать немцев», – говорил мне Харум. – «Видимо он был наделен полномочиями, иначе как можно было так поступать. Отругал нас на родном языке, мол, без вас справится наша армия, а вы лучше помогите по дому».

Так он спас их от расстрела. Но группа вскоре ушла в лес. Победу ребята встретили в Берлине. Это только один из многих случаев, когда Магомет оказался народным защитником. По окончании войны он никуда не бежал. Когда за ним приехали арестовывать красноармейцы, сельчане горой встали за него. Что было потом – не знаю. Но факт, что его вскоре отпустили. Это был человек от народа и неслучайно его прозвали полковником.

Наша школа, восьмилетняя, примыкала к дому полковника. Четыре больших окна в течение всех лет учебы давали возможность отвлечься, мысленно представить себя на улице – дети есть дети. Но в первый раз в первый класс – это особое восприятие как новых друзей, так и всего, что окружает. В этом, наверняка, все меня поддержат.

В классе нас оказалось 26 учеников. Три учительницы, лет под 50, смотрели на нас, как на родных детей. Это был хороший знак. На всю жизнь запомнилось краткое выступление Веры Дзамболатовны Дзоблаевой: «Я ваш классный руководитель. Не сомневаюсь, что мы подружимся и впереди нас ждут увлекательные путешествия в мир знаний». Мы продолжали безмолвствовать. Тем временем, учителя разгово-

рились о частных проблемах, связанных с началом учебного года. Спутницами классрука, как потом выяснилось, были Фаина Савкуева и Дзабида Афаевна Караева-Хоранова, учителя по физике и арифметике. Вера Дзамболатовна посмотрела на одного из нас, Савкуева Марата, и удивилась, что у него «два зуба такие большущие». Он сидел через парту, а потому я отчетливо разглядел его прищуренный взгляд и те самые передние зубы четко видел, что у меня зубы куда больше по размеру, о чем тут же громогласно оповестил классрука. Какие мы бываем правильные, когда мы – дети!!! Учителя странно посмотрели на меня и удивились, что это я сказал и с чем не согласен. Но промолчали. Этот взгляд преследовал меня всю жизнь, как знак предупреждения: прежде, чем говорить, надо подумать, измерить… Просто Марат был сыном Фаины Савкуевой и реверанс был адресован не столько Марату, сколько его матери. Это был знак внимания к коллеге, что заставило меня задуматься и сохранить этот момент в памяти. Десятилетия работы в сфере образования позади и никогда я не позволил себе повторить ошибку моей любимой первой учительницы.

Для меня этот случай стал и знаком дипломатии. Отец мой, Дзантемир (Дзатджеу) окончил всего пять классов. Он не получил образования, но был мудрым настолько, что я не раз давался диву, особенно его фольклорному запасу по части фразеологизмов. Случай из жизни: я тогда ходил в седьмой класс. В выходной день мы пошли заготавливать дрова на зиму. Отец выбрал место, внимательно осмотрев на наличие подходящей древесины. На мое удивление он почему-то стал рубить внизу, в ложбине. Оттуда их вытаскивать наверх, куда может подъехать машина, занятие не из приятных. Ближе к обеду меня постепенно стали покидать силы. И опять я хочу привести пример кавказского ментального оборота речи: «Отец, а почему мы не рубим вот эти деревца, которые наверху, на поляне?» Не могу же я сказать ему, что я сильно устаю. Может, многим из читателей трудно понять меня, но это правда. Кавказский мальчик скорее умрет там же, чем сознается или подаст вид, что ослаб. Называйте это понтом, как угодно, но что есть, то есть. Тогда в ход идет хитрость. Отец, конечно, понял, к чему этот вопрос. Но, с присущей ему серьезностью, ответил: «Запомни, порода этих деревьев называется «Фаруа» (простите, я

и до сих пор не знаю, как по-русски), от которых нет толку. Листья растут красивые, но они несъедобные, ствол дерева крепкий настолько, что я сломаю не один топор. На нем ничего не растет. А если его срубить и бросить в печку – гадкий запах месяц не уйдет из комнаты».

Я сперва не понял, для чего мне ТТХ дерева. Но концовка была уникальной и много лет я следую этому совету. Дзатджеу продолжил: «Если ты с кем-то споришь про то, что известно всему свету, а твой собеседник отрицает это – лучше согласись». А поговорка такая: если кто-то, напротив, настаивает, что на «Фаруа» растут яблоки – ответь ему: «Да. Очень большие». То есть, не спорь и не теряй свое время, согласись, а делай так, как сам считаешь правильным. Сомнения в выборе тактики и места вырубки рассеялись, и я спустился в ложбину, где невыносимо красиво журчала речка, а мое желание оказаться дома отдавалось эхом в моей душе.

Вернемся к классу. Он не особо отличался от остальных, если только возрастом. Все были прилежными, кроме трехчетырех сорванцов, которым надо было что-то «выкинуть» прямо в классе. Скажем, самолет бумажный пустить или камушек на чью-то макушку. Я был в их же числе. Правда, если я хулиганил, то рассчитывал на всеобщее одобрение, иначе никак. Например, передо мной сидел Чит (Юра Дзодзаев), я мог ему быстро поведать смешную историю. Если Чит смеялся, то весь класс отрывался по полной от заразительного, хрипловатого, но с нарастающим звуком, смеха.

Конечно, ему попадало. Учитывая, что все годы нас лупили вовсю и это было в порядке вещей, то больше него никто не подвергался реальному избиению. Чаще били линейкой по голове, чтобы следов не оставалось. Исключительно ребят, конечно. К восьмому классу у Юры голова стала настолько устойчивой к ударам, что, мне кажется, он вовсе перестал чувствовать боль. Он был безвредным и скромным.

Подготовительное отделение было хорошей школой на пути к первому классу. Между тем, оглядываясь назад, меня и еще некоторых сверстников можно было определить в первый, минуя нулевой класс. Но правила есть правила. Нам ставили оценки, как всем. Помню, первая была с международным уклоном – тройка. Так радовался ей. Пришел домой и с чувством победы над собой сообщил родителям,

что получил тройку. Вместо радости на лицах увидел безразличие, что заставило меня задуматься. В ту же неделю пошли пятерки и лица домочадцев стали довольными.

Чтобы особо не затягивать с описанием школьных интриг, опишу свое существование на этом этапе школьной жизни отдельными случаями без конкретного возраста. Только одно уточнение: все годы соседи продолжали относиться ко мне, как к посыльному. Для них я оставался Балеккой, собственно, как и сегодня. В начальных классах казалось, что я расту, взрослею, впереди жизнь куда интереснее! А для соседей время будто остановилось на Балекке.

По соседству жила худощавая, выражаясь очень мягко, старушка Гуче, лет восьмидесяти, с дочерью Еркой, которой было слегка за сорок. Бабуля была столь немногословна и разговаривала так тихо, что я просто кивал головой, читая по губам. За несколько лет стало привычным, что после уроков я иду сначала к ней, а уже потом домой. Гуче была «экспертом» по моей успеваемости. Ежедневно, из года в год, она листала дневник, просматривая мои оценки. Редкие четверки и, как правило, пятерки. Она хвалила меня и это очень мне нравилось. Только в шестом классе я узнал, что она, во-первых, почти не видит, что касается письма или цифр – для нее все это было темным лесом. Была неграмотная абсолютно. Ерка, естественно, и соседи, зная эту хитрость, молчали, не подавали вида. Дома я донимал своих, чтобы глянули в дневник, но, узнав, что проверку Гуче я уже прошел, кивали головой, – мол, если она смотрела, то нам-то зачем. У Гуче был сын Виктор. Высокий, под два метра. Он ежеквартально приезжал к матери, делал по дому все работы и уезжал обратно. Виктор был женат на русской девушке по фамилии Колбаскина. У них двое детей: мальчик и девочка. Очень красивые, как и родители. Жили в Ставрополье.

У осетин, как и у многих других народов, считается большим позором, если родители состарились, и единственный сын не находится рядом, вне зависимости от возраста. Гуче – мусульманка, поэтому была против их союза, только потому, что она русская и православная. Невестка была красавицей и умницей, никогда лишнего слова от нее не услышишь. Работала по хозяйству в селе, но исключительно в огороде. Она не должна была дотрагиваться до посуды, иначе для старушки большой «харам» (грех) впоследствии есть из

этой посуды. Виктор разрывался между двумя домами. Там любимая жена и дети, а здесь мать и сестра. Сильно переживал, хотя не подавал вида. Моя мать не раз укоряла Гуче в таком отношении к невестке. Но та расстраивалась каждый раз и подчеркивала, что никогда не смирится, и просила, чтобы в день ее похорон невестки не было. Даже ее фамилию, Колбаскина, произнести считала грехом: слово «колбаса» у мусульман не произносится вовсе, так как колбасу преимущественно делают из свинины.

У меня был двоюродный брат Ахсарбек Таказов, артист и музыкант. А как играл на гармонике, как пел индийские песни для той же Гуче и других старушек! Он был профессиональным музыкантом и душой любой компании. Все сельчане до сих пор вспоминают его. Светлая память ему! Однажды, по дороге к нам, он увидел нас у ворот Гуче. Как и подобает, подошел к беседке. Если пришел Ахсарбек, все грустные темы исчезали и начиналось веселье. Он тоже говорил Гуче, что так вести себя нельзя, приводя в пример свою супругу Полину – немку по происхождению. А отец его, мой дядя, Дидо, был известным в Осетии муллой.

О нем, об Ахсарбеке и Полине, еще поведаю, но позже. Да, кстати, старушку он в тот вечер называл никак иначе, как «Гуче-Гутерис». Почему именно так – не могу ответить, но это было в его манере.

Ерка была доброй, хлебосольной незамужней женщиной. С рождения сильно прихрамывала на одну ногу и это, скорее всего, сыграло определенную роль в отсутствии жениха, мужа. Со свойственной осетинке скромностью, она не позволяла себе ничего лишнего, разве что одевалась в цветастые платья и жакет. Однажды она и соседка Земфира Караева, моя двоюродная сестра, к тому времени уже разведенная, на попутном ЗИЛе возвращались из Нальчика. Ерка сидела у окна, Земфира – поближе к водителю. Со слов Ерки, водитель недвусмысленно и тайно глядел в ее сторону через салонное зеркало. И, якобы, Земфира это заметила и водителю прошептала в ухо «Айепгун ай» (она – ущербная, инвалид). С такой горечью и нескрываемой обидой рассказывала Ерка, что я пожалел ее. С таким же страдальческим видом слушали все, в том числе и моя мать.

Был уже вечер. Яркий закат уходил, а на небе появлялись звезды. Вскоре Ерка пошла домой и женский круг рез-

ко сменил тональность: стали смеяться над ее жизненной историей. В целом, такое поведение было присуще всем домохозяйкам села: никогда не поймешь, когда они горюют, а когда хохмят. Мать любила посидеть с ними, потолковать о том, о сем. Я, естественно, слушал внимательно и начинал кемарить. Это была самая противная черта моего организма – посиделки обламывались. А без моей матери Хабебы все остальные быстро расходились по домам. Столько раз я подводил ее из-за этого. Особенно, когда мы ходили к Цамакаевой Навеске, проживавшей в двух переулках от нас. Как только не уговаривали поспать у них или у других! Это было бессмысленно – только домой и все.

Навеска, ее дочери Белла и Эмма, а также сын – мой тезка, Валерик, были очень позитивной семьей. С ними всегда было интересно! Хозяин дома Буджи был водителем в совхозе. Как-то раз заехал к брату Казбеку, что жил напротив нас, быстро сел за руль и выехал. По дороге посмотрел на нас и показал язык, чтобы мы засмеялись. Человек задорный. Но к вечеру по селу разнесся слух: «Буджи погиб». Возвращаясь из Нальчика, попал в аварию на трассе. Когда человек добрый и правильный – ребенок запоминает это на всю жизнь. Мимо нас многие проезжали, а запомнил только его…

Вспоминая школу, в первую очередь на ум приходит директор Рамазан Батарбекович Хидиров (Бубуджин), сменивший Хапата – того самого, кто год ранее не разрешил мне осуществить мою заветную мечту. О Хидирове напишу подробнее чуть позже, ибо есть личности, о которых писать и удовольствие, и огромная ответственность. А пока о рядовых, хотя, конечно, сейчас их таковыми трудно считать. По сравнению с современными педагогами, – естественно, не всеми, – они были боги! Если кто-то не усвоил урок полностью, они оставались на дополнительные занятия и повторяли пройденный материал. Замечу, тогда это было не обязательным. Просто они не могли иначе. Мне никогда не доводилось задерживаться, как и многим моим одноклассникам, но порой мы ждали тех, кто на дополнительных занятиях, чтобы в полном составе поиграть в футбол на школьной площадке. Такую форму дополнительных уроков часто применяли Дзабида Афаевна и Вера Дзамболатовна. Были и такие, вспоминать которых большого удовольствия

не доставляет, но примеры всегда поучительны как для подрастающего поколения, так и для нас, взрослых.

Ахсарбек Габисов, по прозвищу Часса. Отчества не вспомню, и, видимо, не случайно. Он был зятем из Лескена. Судя по отчетливому акценту, его корни были в Южной Осетии. Нашим дигорским языком он не владел, да и на иронском грех говорить так, как он. А потому разговор с ним всегда происходил на русском языке. С первой встречи до последней мы остались с ним при своем мнении. Антагонизм между нами был предрешен историей с моими старшими братьями, с которыми у него диалог не сросся. Кто прав? Так вопрос не стоял и для меня, зная своих старших. Уверен, прав был Ахсарбек. Но меня «терзали смутные сомнения» из-за того, что я учился на отлично. А по его предметам: географии, истории, физкультуре, рисованию, лепке появлялись спорные моменты. По рисованию или лепке проблем не могло быть, потому что о моем художественном оформлении школьной газеты, как и о моем увлечении мастерить что-нибудь из камня многие знали. И все же, между нами из года в год пробегала далеко не одна черная кошка.

Не помню в каком классе, он задал домашнее задание – слепить из пластилина кастрюлю. На следующий день мы стали по очереди демонстрировать свои труды. Через ряд от меня в классе сидел Гонтарь (Боллоев Артур) – сосед Ахсарбека. Он попросил дать ему мою работу и пока очередь до меня дойдет, он уже покажет «свою» поделку учителю. Этот трюк проделывали многие и не раз, так как учитель был не молод, в очках, и не мог уследить за нами или запомнить работу. Артур вышел к нему. Показал кастрюлю и получил пятерку, вернул мне ее обратно. Минут через семь подошла моя очередь. Я демонстрирую ту же кастрюлю, свое, так сказать, произведение, а в ответ получаю искривленную мину с оговоркой: «Гом дзых, уый цы у, арта! (Ротозей, это что такое. Три!)».

Я почувствовал холодный пот и будто земля уходит из-под ног. Не помню, как повернул обратно и как дошел до парты. Одно точно – ком в горле пересилил, но слезы покатились из глаз. Из всех сил старался, чтобы никто не заметил. Это только один из случаев с участием Чассы.

Пришел домой. Рассказал все как есть. Который уже раз. Отец или мать не вмешивались никогда – защищать своего

ребенка в таких историях считалось верхом неприличия. За чужого – всегда готовы. Но мне повезло: в этот вечер нас навестил мой дядя Володя (Буно). Он все выслушал, потом сказал: «Можете ничего не говорить, я иду к Габисовым». Взял с собой «вещдок» – кастрюлю, которую мастерил от всей души. Можно было и крышку приподнять, чего никто не сделал. Через некоторое время дядя Володя вернулся и сказал, что, если подобное еще раз повторится, Часса сильно пожалеет. Я понял, что разговор был не из простых.

Наступило утро. Первый урок по истории. Дверь открылась. Ахсарбек, не доходя до рабочего стола, произнес: «Токазов, к доске!» Никто, кроме него, не ошибался в произношении моей фамилии.

Прошло 32 года со времени моих школьных распрей с этим педагогом, но память надолго сохраняет то, что забыть нелегко. Он не только ко мне так относился, одноклассники подтвердят. И к тем, кто учился в старших классах. Но меня, как и всех, интересует свое собственное, в первую очередь, и только потом остальное. В шестом классе я мог умножать в уме пятизначные числа на пятизначные, а с седьмого класса стал занимать свою нишу в жизни (корреспондент, лауреат литературных конкурсов, призер олимпиад по алгебре). По химии – это отдельная тема, потом расскажу. Естественно задаешься вопросом: а почему по истории или географии не участвовал нигде? Почему по физкультуре ставится 4 или 3, когда в районных соревнованиях зимней «Зарницы» приходил к финишу одним из первых? И так далее. Неудобно и нескромно. Надеюсь, вы меня поняли…

Студента или школьника обмануть невозможно. Он промолчит, закроет глаза, но не забудет. Один отвечает весь урок и ему ставится балл ниже, чем другому… Эти моменты меня многому научили на пути к совершенствованию знаний и навыков в педагогике.

В конце 90-х я ненадолго вернулся в Осетию и был деканом в Северо-Осетинском государственном университете имени К.Л. Хетагурова в течение двух с лишним лет, пока не решил вернуться обратно в Санкт-Петербург. У меня появилась возможность встретиться с Ахсарбеком. Но никто не мог подсказать его адрес. Я только знал, что он давно переехал во Владикавказ. Думаю, ладно, не суждено встретиться. Но в один весенний, теплый день, проезжая площадь

Штыба, увидел человека преклонных лет возле автобуса ЛАЗ. Припарковался. Пешком направился к нему. О чудо! Это, конечно, он. Работал контролером по направлению «Штыба-Южный». Купил у него билет. Сел в автобус и через пару минут поехали. В поселке Южном конечная остановка и там можно спокойно пообщаться, напомнить ему восьмилетку. Все вышли из автобуса. Подошел к Ахсарбеку.

– Ахсарбек, – обратился я к нему. – Я Таказов, сын Таказова Дзатчеуа из Лескена. Он посмотрел на меня минуту и потом добавил: «А ты меня откуда знаешь?». Пришлось кратко объяснить, что меня никогда не покидала мысль увидеть его и сказать, что никогда, к сожалению, не забывал отношения к себе в школьные годы.

– Не может этого быть! – ответил он. – Я очень хорошо работал, и никто не жаловался, ты путаешь меня с кем-то. Отца помню, у него было два сына…

На этом месте я сам задумался: мои два брата играли на его нервах, и он их запомнил, а меня нет. Продолжать разговор не имело никакого смысла.

– Я не путаю Вас ни с кем, просто рассчитывал, что Вы попросите прощения, а я Вам откажу в этом! – это были последние мои слова, адресованные этому черствому человеку. Он долго стоял. О чем-то думал… Я взял такси и вернулся в город.

Мораль: не думайте, что ребенок, школьник, подчиненный, ниже рангом – это не такие же люди, как Вы. Я не учу, просто и себе напоминаю лишний раз, что значит – быть человеком.

Теперь вернемся к школьному периоду и не только. Неслучайно провожу экскурсы в историю, традиции народа, которого представляю до сих пор в Центральной России. Кто знает, эти рассказы кому-то помогут в жизни или, просто, заставят задуматься… Я больше говорю о сельчанах, соседях, но в каждом из них вы можете представить самого себя.

О директоре школы. Когда он впервые вошел в класс, многие могли принять его за доброго соседа, но почему-то в галстуке. Безупречная выправка и быстрый шаг выдавали в нем больше военного, чем педагога. Прошел в центр класса и произнес: «Здравствуйте, дети! Какие же вы все красивые и умные! Будем знакомы и будем работать вместе. Поможете мне?» Можете представить мое удивление, учитывая знакомство с бывшим директором.

О Рамазане Батарбековиче Хидирове впоследствии много будут писать в газетах, рассказывать по радио и телевидению. Он станет Народным учителем России. Но историю, которую расскажу вам я, знает довольно узкий круг друзей.

Представим такую сельскую лескенскую картину: раннее осеннее утро, тепло как летом, солнце греет в макушку так, что хочется холодного дождя… Иду в школу по своему обычному маршруту. Другим маршрутом, через старое кладбище, старался ходить редко, там развелось много змей.

В следующем переулке встретил Валеру Цамакаева и вдвоем, рассказывая друг другу домашнее задание – стихотворение наизусть, дошли оставшиеся метры. Класс, как всегда: кто-то готовится к уроку, кто-то шалит немного… Но с приходом учителя – гробовая тишина. Одним словом, ничего не предвещало беды. Вдруг кто-то заглянул в аудиторию и произнес: «Таказова к директору». Душа ушла в пятки. Вспоминаешь вчерашний день, думаешь, что натворил? Такие же мысли ударяли в голову, когда вызывали для вручения очередной грамоты. Мне было чего бояться, так как бегал по длинному коридору во время перемен, не раз сталкивался с таким же чудаком, играл в футбол, а мяч почему-то летел в окно… За эти проделки восьмилетка полна предупреждений: «Достал уже. Мы не посмотрим на твою успеваемость! Выгоним из школы!» Потом все забывалось до следующего случая. Вот, думаю, настал опять такой.

– Здравствуйте, Рамазан Батарбекович! – обратился я к директору, скромно закрыв за собой скрипучую дверь учительской комнаты.

– Валерий, ты знаешь где уборщица оставляет тряпку и ведро, тут, рядом?

Я частенько заглядывал в эту каморку и прятался, играя во время перемены. После такого простого вопроса директора меня отпустило. Был готов помыть хоть весь коридор. Но все было потом!

Принес ведро и тряпку.

– Отлично. Воду наберешь, знаешь где (он имел в виду тот кран без тормозов, возле которого Хапат Караев не удосужился послушать мой счет и стихи наизусть). После этого идешь до Надгериевых и стираешь все, что ты написал на их заборе и, прошу, не делай впредь такие вещи. Только что приходил отец

Фатимы (ученицы седьмого класса) такой злой, хотел, чтобы тебя вызвал. Но я не стал, пообещал, что сам разберусь.

– А что я написал? – спросил я директора.

Вполне резонный вопрос, так как я ничего не писал. Рамазан Батарбекович был человеком не только умным, но и добрым. Ему все конфликты на планете хотелось разрешить мирно. Этакий дигорский Ходжа Насреддин. Дипломат во всем! Его представить злым было невозможно, хотя мне довелось, но об этом потом. Я был драчуном и отличником, признаюсь. Учителя мне вынуждены были выводить по поведению слово «примерное» скрепя сердце. Об этом мне сказала Алета Темболатовна спустя много лет. Негласная установка районо: у отличника поведение не может быть другим.

– Валерий, давай не будем терять время, пока Юрий Надгериев опять не явился ко мне, – умоляюще и тихо произнес директор, будто нас кто-то подслушивал.

Войти в его положение было можно, но проблема была в другом – я ничего не писал. Когда понял, что если и появится «свет в конце туннеля», то произойдет это не скоро. Я с полным ведром воды и большой тряпкой направился в сторону Надгериевых. Донес половину, остальная часть искрилась на моих штанах, оставив непонятные рисунки – полный авангард. Поставив ведро на землю, столкнулся с основной проблемой: не раз обойдя по периметру весь деревянный высокий забор, не нашел ни одного нецензурного слова – ничего, кроме редких меток и общепринятых фраз. Стал думать. Прошелся дальше. К высокому забору Надгериевых примыкал низкий забор Ассоновых и вдруг, эврика!!! Вижу распространенное русское слово из трех букв – отнюдь не чай и не шар. Но, обратил внимание, что выведенное мелом произведение неизвестного автора почти сошло. Значит, надпись уже со своей историей и не могла быть выведена вчера. Других подозрительных надписей нет!

Я приступил к тщательному полосканию этих трех букв – знал бы их автор, что его шедевр попадет в историю, вывел бы краской. Долго мучиться не пришлось. Посидел у помытого забора. За пару минут просохло. Вижу, не зря старался – буквы исчезли. С чувством выполненного долга быстрым шагом вернулся к директору.

Рамазан Батарбекович, увидев меня и дослушав мой краткий отчет, был доволен. По нему было видно, что утро

началось хорошо, день прошел не зря, «волки сыты и овцы целы».

Школьная практика прошла незаметно, без излишеств. Наступила вторая половина дня. Вечерело. Успели поиграть в футбол. Некоторых одноклассников Дзабида Афаевна по привычке оставила после уроков, чтобы еще раз подучить пройденные темы. Артур Боллоев, Валера и Юра Цамакаевы, Алла Елканова и кто-то еще направились домой. Дорога проходила мимо злополучного забора и, естественно, железной калитки Надгериевых. Я видел, что хозяин, Юрий, лет пятидесяти, невозмутимо стоял у дома.

Если человек за собой не чувствует ничего предосудительного, разве он будет волноваться? Нет. И я не волновался. Когда мы поравнялись с ним, произошло то, чего никто не мог ожидать. Юрий нанес мне такой удар кулаком, что я отлетел на несколько метров в сторону, где давно лежали сухие толстые бревна. Я оторопел, но не потерял сознание, может потому, что уже не раз испытывал подобные удары, когда по делу, а когда и при детских шалостях. Вскочил, но и второй удар нашел меня. Вновь упал. Стал плакать и кричать: «За что? Что я тебе сделал?», совсем забыв разговор с директором, а тем более распространенное существительное из трех букв. Третий заход соседа по мне был ногой и со словами: «Иди сотри, что ты написал!» Я переспросил, где и что стереть. Это его вывело из себя, будто мне тогда было до сарказма. Портфель улетел куда-то. Куда-то исчез один дзабур (самодельная обувь – чувяки из домотканого сукна на подкладке, распространенная еще с аланских времен).

Юрий позвал к забору. Я прошел вперед, оглядываясь кругом, а у самого глаза слезятся по полной. Не видя ничего крамольного, прошел мимо надписи, тогда заорал: «Куда пошел, видишь?!». Наконец, прочитал надпись: «Фатима + Валера = Любовь». Я нашел камень с острым углом и стал стирать мел, с силой надавливая на это орудие. Ребята стояли мрачные. Он продолжал кричать. В это время подоспела Дзабида Афаевна и спросила у Юрия: «Вы в своем уме?!». Подошла ко мне и попросила бросить камень. А моему извергу добавила: «Вам должно быть стыдно! В третьем классе так еще не пишут. Это не его почерк. Поверьте, правописанием третий год с ними занимаюсь. Кто Вам дал такое право бить ребенка, кем Вас назвать после этого?»

Я пошел домой, приводя себя в порядок насколько это было возможно. Не хотелось, чтобы дома узнали про инцидент. Пусть воспримут за рядовое происшествие, поскольку не принято по таким мелочам ссориться с соседями. Не мужское дело. Мне более-менее удалось не возбуждать любопытства домашних. Но когда появился брат Юра, я не выдержал и заплакал. Все узнали все. Реакции со стороны родителей не последовало. Но брат сказал: «Он пожалеет!»

Прошла ночь. Настало утро. Я с опаской шел в школу. Дойдя до Надгериевых, увидел несколько человек, которые что-то обсуждали. От греха подальше, прошел мимо и прямиком в школу. Кто-то из свидетелей вчерашних побоев спросил: «Ты видел, что у Надгериевых?» Оказывается, ночью вырубили их деревья – невысокие, но обильно плодоносящие яблони сорта «Джонатан». Почувствовал, что боль в спине отступает. Вернувшись домой, тихо спросил брата, не его ли работа? Он погладил меня, улыбнулся и сказал: «Первый раз слышу, надо же...» Мы друг друга поняли… Чтобы Юра не знал – это было исключено.

Через неделю мне рассказали историю этой надписи. Фатима Надгериева и Валера Елоев учились в одном классе. Они были старше. Их дразнили, как это бывает во всех городах и селах, во всех школах – это объективная реальность, от которой никто еще не смог увернуться. А тумаки достались мне из-за Ольги Цамакаевой, сестры Юры – моего одноклассника. Это она сказала Надгериевым про меня. Почему про меня? До сих пор не знаю.

Вернемся к Рамазану Батарбековичу. Он преподавал нам историю, совсем отличную от уроков Ахсарбека Габисова. Оказывается, это так интересно! Будто впервые слышали про древний мир, историю цивилизаций. Как он доносил материал! Замечая, что многие термины и выражения мы понимаем с трудом, переходил на наш, родной, дигорский язык. Кстати, стоило в то время назвать его «языком» – и карьера учителя пошла бы не в ту сторону. Между тем, школьные предметы на родном языке усваивались куда легче и до сих пор помню именно эти уроки. Впрочем, это отдельная тема и, надеюсь, позже выскажу по ней свои соображения. Сейчас же для общего сведения скажу, что дигорский – отдельный и автономный язык, который наряду с аланским применялся в общении наших предков, о чем

свидетельствуют многочисленные факты: надписи, словари и географические карты. А пока можно обойтись этнонимом «осетин», как собирательным образом сарматских племен, единственными наследниками которых признаны осетины. Повторюсь, это отдельная тема.

К учителям в селе со стороны жителей было такое отношение, что им можно было только завидовать. Уважение со стороны местного населения переходило и к детям, только собирающимся пойти в школу. Если и были отдельные моменты непослушания, то их можно списать на индивидуальные особенности личности. Так я оправдываю себя, с вашего позволения. В какой-то степени того же Габисова можно понять. Но он учитель – человек, способный найти ключ к сердцу ребенка. Как это делал Хидиров. Несмотря на редкие замечания, благодарен ему, что впервые научил меня трезво смотреть на себя и на общество, а также делать выводы. Честные выводы.

Я что-то натворил в очередной раз. Пришел в класс и меня директор попросил выйти в центр. Причину не вспомню, но ругал так основательно, что у него в один момент вырвалось словосочетание, которое до сих пор помнят в селе: «Пропадешь, как муха!» (эквивалент дигорского фразеологизма «Биндзи исафт факкандзана»). Кажется, это был седьмой класс. Год, определивший мою судьбу. С Рамазаном Батарбековичем сдружились на всю оставшуюся жизнь. Светлая ему память! Народный во всех отношениях человек оставил неизгладимый след в наших сердцах. Редко прилетал он на родину, но мы успевали увидеться. Последний раз был не так давно у него дома, но без уже него…

Весной 1974 года в школе появилась новая учительница по русскому и осетинскому языкам. Осетинский в данном случае – это иронский диалект, принятый за основу единого литературного языка осетин. В отличие от дигорского, на котором нельзя было преподавать. Для нас иронский ассоциировался с новым, не совсем понятным языком. Алета Темболатовна Кцоева – выпускница педагогического училища, стройная, красивая, уверенная в себе и любительница всего красного: от губ до платьев. Она внесла в нашу жизнь новое начало. Она не выглядела строгой, но придерживалась строгости, чтобы мы не баловались, но отчетливые ямочки на щеках выдавали в ней жизнерадостного, веселого чело-

века. По сравнению с нашими учительницами, с которыми время уже сыграло проигрышные для них партии, у нашей новой классной шарм был налицо.

Алета Темболатовна пригласила в класс пожилую женщину, сестру Магомета Хакьяссовича Караева, совершившего героический подвиг: подорвал себя вместе с путепроводом в Харькове, тем самым остановил передвижение немецкой колонны. Сестра интересно рассказывала, мы задавали вопросы. Тогда же, во время беседы, начал делать пометки в тетради. По окончании урока, классрук строго попросила тетрадь. Когда увидела записи, попросила после урока подойти к ней.

Этот день стал днем открытия для меня мира журналистики. «Ты можешь поправить текст и отправить в редакцию газеты «Ленинец» (официальный печатный орган районной администрации, сейчас газета называется «Ираф»). И через три дня моя заметка вышла в газете. Первым делом прочитал свою фамилию набранную полужирным четырнадцатым шрифтом. После сам текст, который в корне отличался от моего, но меня это ничуть не расстроило. С этого дня, кажется, я сильно изменился. Мне стало интересно жить. Журналистика вскоре так захватит меня, что все поля и фермы совхоза имени Ленинского комсомола станут объектами для моих публикаций. «Ради нескольких строчек в газете» – это известная фраза была будто обо мне…

Наше село расположено в интересном месте: с запада и востока от него – два непохожих друг на друга огромных холма и по середине наша любимая река Лескен – такая родная, в меру теплая летом и очень холодная зимой. Восток давал лес, орехи, яблоки, там же были пастбища для домашнего скота. Запад – это пахотные совхозные земли, где наряду с сенажным клевером росла земляника, которой мы лакомились и вкус которой уже не забыть. Она была с необыкновенным запахом молодости и новой жизни. Так и просилась к нам: успейте люди, мои дни сочтены. Нас не останавливали быстрые и проворные ящерицы, обитавшие именно там, где землянику ловил детский глаз. Что касается ягод так это – весь комплекс витаминов! Особо ценным, хотя неприступным, колючим считалась «уагьали» – шиповник. Своей непокорностью будто шептал: достаюсь с трудом, но зимой оцените.

Без готовности трудиться в селе делать нечего. Во-первых, все трудятся, особенно в совхозе имени Ленинского комсомола – основной артерии жизни для лескенцев. Это был единый организм: с утра гул тракторов и другой техники уступал звонкому петушиному крику, разносившемуся по всей сельской линейке. Логистика этого «ку-ка-ре-ку» была неотъемлемым атрибутом села, что ранним летним утром с остатками ночной росы, что зимой с бездонным зимним небом, когда утро только наступало, а звезды еще как спросонья и без макияжа.

Первый автобус в город, прежде Орджоникидзе, а ныне – Владикавказ, уходил в шесть утра. Мы жили в самом центре села. Зимним утром, под звуки хрустящего снега, шли к нему с одной только мыслью: лишь бы нашлись свободные места. Автобус сперва загружался в конце села, со стороны Ерокко, селения в Кабардино-Балкарии, и нередко до нас доезжал уже полный пассажирами. А к другому концу мог и вовсе быть переполненным, и водитель «пазика» уверенно проезжал остановку. Кто-то мог побежать за нами, в надежде, что мы войдем в его экстренное положение. О сидячем месте приходилось только мечтать, и оно иногда попадалось. Но по маршруту несколько населенных пунктов и побольше нашего, так что транзитники в пожилом возрасте – без особых затруднений садились на наши места. Мы обязаны были уступать. Это правило никто не нарушал. Будь ты дошкольником или студентом. Это жизнь, она продиктована традициями старших, которые тоже когда-то были молодыми.

Сельчане – народ интересный. Все разные, конечно, но в одном автобусе становились родственными душами. Кто-то мог оказаться в новом одеянии, что становилось темой для перешептывания или пожеланий вслух. Кто-то вез яблоки на продажу, другой – гусей, индюшек или курочек… Симбиоз – это когда из двух сторон одна получает преференции, пользу. В данном случае получили все: птица получала новую прописку с неизвестными для нее последствиями, а хозяева – деньги. Так шли дни, годы, а в автобусе ничего не менялось. Все один в один, кроме одного – время шло и никого щадило. А жизнь в моем Лескене била ключом, потому что иной жизни сельчане не знали…

Совхоз. Сейчас трудно объяснить молодежи, но это был маленький островок счастья для всех. Не забыть, как шо-

феры и трактористы по утрам становились в очередь за пожелтевшими от солнца бумажными путевыми листами и в этой очереди подтрунивали друг над другом, но никто не хмурился. Склад запчастей ломился. Возьми наряд и получай любую! Бензин – копейки, дизтопливо – и вовсе. Яблок много? Сдавай на «Соковый завод», там же. Зарплаты и пенсии такие, что всем казались малыми, а хватало на все или почти все. Порядок во всем. Я за свою детскую хронологию могу вспомнить два или три случая похищения кур или рогатого скота. Воров находили в считанные дни. Обычно они были сельскими парнями и получали за свои деяния по пять или более лет. При социализме было устроено так, чтобы вор не мешался под ногами и не мешал остальным. Срок отбывали, возвращались и больше не чудили, как правило.

Я неспроста заметил, что сельчане и совхоз – это единый организм. Скажем, если перед редким, очередным лунным затмением, когда становилось темно-темно, и млад, и стар по традиции начинали у своего двора бить по легким тазикам из алюминия, или что там под рукой из железа, чтобы звук уходил подальше и звенело все круче, приговаривая во весь голос недобрые выражения в адрес шайтанов, готовых «украсть, спрятать солнце», то, скажем, долгое отсутствие дождя – совсем другое дело…

На огромном поле, где стояли наши футбольные ворота, организовывалось целое событие: заранее каждая семья оповещалась о дне «Хори кувд» (Пир солнца), совхоз выделял двух-трех здоровенных жертвенных быков, женщины приносили пироги, багани (осетинское пиво) или кумал (осетинский квас). На место проведения свозили продукты: араку, воду, конфеты и пряники для детей, которых бывало очень много. Собирались длинные разборные столы. Старейшин подвозили позже, когда все к началу праздника было готово. Сначала садился старший и после этого уже все остальные по ранжиру, но не по важности и значимости, а по возрасту. У осетин до сих пор так: глава республики вряд ли когда садится со старшими, если моложе многих. Старейшина мог произнести «почетный тост» главе или директору совхоза, а мог вовсе проигнорировать – на его усмотрение.

Произносился первый тост, как правило, за Бога Богов – у осетин так повелось с древности. Застолье начиналось.

Обслуживающие «урдугуадзта» – молодые люди, стоящие по периметру по обе стороны стола, молча выполняют обязанности официанта. Возможно, грубо сказано, но так, чтобы было понятно всем. Дело в том, что эти молодые люди не имеют права пить, есть – только обслуживать. Лишь по окончании праздничного обеда, когда их поблагодарят старшие, для них организуют отдельное застолье.

Вполне объяснимо, что после трех обязательных традиционных тостов, старейшина начинал говорить по существу о поводе для торжества. Это были удивительные молитвы, полные воззваний к Всевышнему и пожеланий всем людям во всем мире плодородия и благополучия в семьях.

У дигорцев, как у всех осетин, молитвенная речь адресуется всему живому – и к недругам тоже, чтобы они одумались и творили исключительно добрые дела. Есть даже такие слова в одном тосте: «Чтоб врагу было что поесть и не старался украсть у другого». Мы, дети, с удивлением стояли неподалеку и слушали речь глубокого старика. Первый тост у осетин начинает старший, но осушает стакан или рог самый младший за столом и после возвращает полный бокал тому же старшему. В этом глубокий смысл: в первом бокале вода или другой напиток, и он должен принадлежать молодым, нашему будущему, ибо мы уже многое повидали, а им расти и расти, и помнить столь уважительное отношение к себе со стороны пожилых мужчин. Именно мужчин, так как они являются в доме главными, они – пример для сыновей, дочерей…

Женщины на празднике сидели за отдельным, таким же богатым, столом. Дети усаживались недалеко от них, и мы наслаждались обстановкой, забирая с собой конфеты и пряники. Молодежь начинала играть в футбол. На воротах нашей половины села часто стоял Тасолтан Марзоев (Дадо), впоследствии полковник комитета госбезопасности. Это была баталия, по накалу страстей не уступающая известным футбольным командам. Борцы вызывались на ковер. Скачки – одна интереснее другой. Призы от директора совхоза Магомета Зураева, любимчика всех сельчан и азартного болельщика. Помнится, наш односельчанин Эльбрус Елканов выиграл чемпионат СССР по вольной борьбе, и Магомет устроил кувд (пир) «на весь мир». Сколько позитива внес в нашу жизнь Эльбрус, впоследствии много лет проработав-

ший на ответственных должностях в совхозе. От таких личностей мы впитывали любовь к труду и стремление к победам. Эльбрус работал нашим учителем по физкультуре, одновременно исполняя обязанности тренера в большом спортивном дворце. Он понимал нужды людей, все принимал близко к сердцу, помогал там, где другой мог пройти мимо. Я учился, кажется, в седьмом классе, когда во время занятий по физкультуре, исполняя прыжок в высоту, сломал правую руку. Эльбрус был высоким и таким большим рядом со мной, но впервые увидел в его глазах страх – страх за меня. Что-то сломать и плакать – это стыдоба, а потому я не плакал и меня отвезли в районный центр, Чиколу, в восемнадцати километрах от Лескена. Все это время чемпион СССР был рядом…

Я отвлекся. Танцы, песни и веселый смех до позднего вечера слышались с поля. И, поверьте, спустя два-три дня, небо темнело, ветер гнал тучи и теплый дождь орошал поля, огороды, реку… Бывало и так, что дождь хлынет во время праздника. Вот и не верь… Это один из традиционных радостных обрядов, сплачивающих нас как родных братьев и сестер. И не надо было старшим читать методичку по воспитанию детей: они своим собственным примером показывали, каким должен быть человек. Мы узнавали мир взрослых и готовились в будущем стать такими же. Видели, как себя вести в обществе: на свадьбе, похоронах, поминках. Кстати, о поминках («садака» – с арабского «раздача милостыни»).

Всех секретов поминального обряда не могу рассказать – это займет слишком много времени. Когда сельчанин только услышал, что кто-то умер, он не ждет приглашения, а направляется к их дому, чтобы разделить горе с родственниками, соседями. Именно соседи берут на себя все заботы по подготовке и проведению похорон, дабы не отвлекать домочадцев от прощания с близким.

У моего деда было 13 детей. При этом разница между братьями столь существенная, что приходится переспрашивать. Так, у двоюродного брата, который мне в отцы годился, Тайморазa, умерла мать. Звали ее Кена. Когда ей устроили «садаку», в центр двора вынесли ряд домашних столов, на которых вскоре от различных яств не осталось места. По такому поводу приносят много сладостей, ибо просят у Всевышнего сладкого места для усопшего в том мире, где он

покоится. Сладости раздают детям. Но до раздачи конфет, как и должно быть, собирается народ и муллы проводят определенные ритуальные действия: «дуа» – тихое воспроизведение одной суры Корана, начинающаяся словами «во имя Аллаха Милостивого Милосердного». После мужчины и женщины начинают раздавать детям все яства, которые были на столах. Всем поровну. Правда, это правило кое-кто нарушал: если из раздатчиков оказывался мой сосед или родственник, то мне перепадало больше, что очень мне нравилось. Отсюда и появилась дигорская поговорка «Родня особо нужна при таком случае (при раздаче детям)».

Мне было два года, но очень хорошо помню, как старший брат Юра, которому тогда пошел двенадцатый год, направил меня к одному из столов со сладостями. Но пока обязательное «дуа» не состоялось – их есть еще нельзя. Но Юра уже тогда был своеобразным и сказал мне: «Видишь с краю халву? Это тебе вынесли. Иди и принеси ее сюда». Как вчера помню. Направился туда и чуток не мог дотянуться, встал на цыпочки, притянул к себе, забрал большой кусок халвы и понес на улицу, где меня поджидал брат. Дело не в моем поступке, а в отношении к нему: если ребенок поступает так, значит покойнику так захотелось и препятствовать нельзя. И ни один из присутствующих не помешал мне.

Много таких народных тайн скрыто от учебной литературы для российских учащихся. Это плохо. Чем больше будем знать друг о друге, тем больше вероятность жить долго и в дружбе.

Пример старших был для нас законом. Какими бы шустрыми ни были, мы думали о завтрашнем дне. Мы мечтали вслух, а потому особых секретов не было. И кем бы ни старались становиться, будущее обсуждали всем селом, родиной своей. В четвертом или пятом классе мы с Цамакаевым Валерой после школы еще долго фантазировали, вплоть до того, как сельчане будут нами гордиться и на каких моделях авто приедем в Лескен. Одним словом, взрослые мысли не по годам. На Кавказе мальчики и взрослеют раньше, потому что воспитываются на уважении к старшим и привычке быть нужным в быту.

Однажды я проходил мимо своих родственников Таказовых. Хозяин дома Хамат (Магомет) был уважаемым человеком. Его отличали от других стройная осанка всадника и

пышные усы, прямо как у Буденного. Не так часто, но заходил он к нам домой. Привязывал коня поудобнее и садился за стол. Мать выносила угощение, и они долго беседовали. Отец в качестве особого реверанса произносил слова о людях, которые в будущем сыграют в моей жизни и в моем становлении положительную роль. Дзатчеу говорил Хамату о нем же самом. «Сколько трудностей выпало на твою душу, брат мой, столько не каждый вынесет. По воле Всевышнего тебе пришлось прокормить не одну семью у себя в доме».

Годы спустя смог узнать подробности: Хамат, участник Великой Отечественной войны, после тяжелых жизненных невзгод у близких родственников, не отвернулся, а привез их в Лескен, в свой дом, вырастил и дал им образование. Один из них известный в Осетии ученый, доктор филологических наук, профессор, второй – кандидат филологических наук, доцент, но его, к сожалению, уже не стало. У Хамата было много детей и они также стали прекрасными специалистами в разных областях. Только имя ученого Федара Таказова, создателя дигорско-русского, русско-дигорского словаря, говорит о многом. Вряд ли у дигорцев когда-нибудь появится более значительный и увесистый фолиант об языке, чем этот. Федар не так давно стал уже третьим доктором филологических наук из рода Таказовых.

Так вот, Хамат позвал меня. Попросил присесть рядом и сказал: «Я знаю, ты – отличник и мне это очень приятно». Через минуту добавил: «Галгъада уашийнабал бараг ай» (Из тебя толк выйдет). Прозвучала редкая в мой адрес похвала, которая до сих пор помнится дословно, и я боюсь не оправдать его доверие.

Сельские чудаки, иначе не назвать – это люди, без которых история села была бы обыденной и скучной. Люди, волею судеб придавшие особый колорит Лескену. Многих уже нет в живых и светлая им память за их своеобразную оригинальность.

Колоев Ибрагим. Это имя сегодня многим ни о чем уже не говорит. А если поменять на другое имя – Бужа – нет вопросов, понятно, о ком идет речь. Бужа – некое олицетворение необычности человеческой природы. Его образ сросся с нами.

Дом Бужа находился прямо у обрыва – дальше только узкая поляна и река. Сына его, Ахсарбека, из-за сходства натур прозвали по подобию Ахсарбека Габисова – Часса, такой

же неуравновешенный, вспыльчивый, жесткий, как мой учитель целого списка предметов – «пять в одном»! В центре села кипела жизнь: кабардинки продавали овощи и фрукты, балкарки привозили платки из козьего пуха. Дигорцы себе не изменяли: они жили не для купли-продажи, которая приносила бы достаток в дом. Дигорцы смотрели на торговок свысока, как на обслугу в Средние века. Подобный понт отличает нас и сейчас, поэтому мы хотим развивать туризм вместе со всеми сопутствующими атрибутами.

Так вот, этот пятачок всегда был главной сценой села, на которой происходили смые значительные и зрелищные события. Компания редких бездельников, не нашедших себя в юности, а также ребят постарше нас, ненамного от них отличающихся, составляли так называемый уличный «костяк». Они слонялись по селу сутками. Искатели приключений на пятую точку. Нередко им «фартило»: заключение на 15 суток или год – кому как повезет. Отсидев, пацаны становились более уважаемыми среди своих «сторожей» села. Для мужиков оставались равными, так как ничего предосудительного не вытворяли. Кто-то из себя строил местного «рембо», остальные просто слушали их рассказы, переполненные фантазиями. В какой-то момент наступала тишина и тогда, для разрядки, кто-нибудь мог запустить по бродячим собакам камушком или чем потяжелей.

Звонким голосом и богатством историй отличался Славик (Сова) – сын знаменитого силача и охотника Афо Равялова, парень с душком и большими круглыми глазами, почему и получил это прозвище. Тихий и долговязый его тезка Караев (Салаур), смех которого вызывал у нас с Джабраилом Марзоевым (Джабой) настоящий хохот. Но он не обижался. Бывало заскрипит низкая деревянная дверь, из-за которой показывалась фигура старика Андуллы Сабаева, и наша скамейка резко пустела: он старший, с ним рядом расположиться нельзя, тем более общаться на сленге. Садился он медленно, будто давал понять, кто здесь хозяин.

Рядом с пятачком находилась единственная в селе столовая, по большей части выручающая водителей транзитных большегрузов, направляющихся в сторону Балкарии или Кабарды. Там всегда были алкоголь и пиво в кружках. Столовая не особо отличалась блеском и чистотой, но жалоб не поступало.

В этом направлении двигался Бужа. Куда и к кому уезжал, едва ли кто мог знать. По возвращении примыкал к нашим знакомым, и ребята его угощали пивом, реже – водкой. Навеселе его коронка приобретала всеобщее звучание: все дело в том, что худой, среднего роста, в летнем светлом плаще человек, при разговоре резко дергал руками у лица и произносил одно и то же слово: «секс».

Дети боялись его, хотя никому ничего плохого от него не перепадало. Но перестать выражаться – это было просто выше его сил. Я все думал, он с этим родился или прикидывается? Как-то раз, шел я из центра, а впереди, покачиваясь, шел Бужа. Я замедлил шаг, дабы не попасть под его словесную машину. Вел он себя в плане озвучивания идиом предельно спокойно, но через несколько минут впереди показалась группа людей, идущая нам навстречу. Как подменили человека – он вновь запустил свою шарманку на всю катушку, будто напоминал сельчанам о бедственной демографической ситуации в СССР.

Народ привык к нему, а потому частенько это табуированное слово сокращал до единственной фонемы, от которой всем становилось и так понятно его чистосердечное намерение. Хотя, помню случай: мы с отцом вышли от дяди Дидо и направились домой. По дороге встретился Бужа, в обычном для него «высокоградусном» состоянии и произошел следующий диалог.

– Дзатчеу, ты меня боишься?

– Конечно, – ответил отец, десятиборец, которому уложить такого доходягу, что блоху раздавить.

Отец прибавил шаг, и мы оставили его позади. Я спросил его на полном серьезе, почему струсил? С присущей ему немногословностью отец произнес: «Да не его я боюсь». Это выражение, спустя много лет, я прочитал в хрестоматии по осетинской литературе, где описывается встреча обычного горца с огромным людоедом, вроде тех, кого считают строителями египетских пирамид. Это сюжет из нашей мифологии «Нарты». Людоед убегает от человека, грозящего ему нанесением ощутимых увечий. Вдруг человек задумался, а почему это он его страшится, будучи таким огромным, да еще и людоедом?

Диалог: «Людоед, ты такой большой, а боишься меня, такого маленького! Почему?» Людоед на бегу обернулся

к нему и выкрикнул: «Да не тебя я боюсь!» Концовку надо было домыслить самим. Мораль: все дело в том, что до недавних времен на Кавказе сохранял свои твердые позиции институт кровной мести, в которой участниками становились целые фамилии, несмотря на убийство исключительно одного человека. А масса людей, его родственников, могла уничтожить того же громилу-людоеда. Кровомщение (вендетта – заимствование из итальянского), запрещенное законом как пережиток прошлого, до сих пор является сдерживающим фактором в острых разногласиях и конфликта между отдельными людьми, группами, фамилиями, тейпами.

Бужа мог в любое время появиться невзначай. В школе тоже. И тогда начинался переполох. Кажется, ему это нравилось, а потому при встрече с детьми к своим обычным «фишкам» искусственно добавлял новые. Мы могли услышать его простую речь без «прикрас», порой он доставал из кармана конфеты и хотел нас угостить, но никто не решался подойти, и тогда Бужа аккуратно клал их на землю и уходил. Такие вот противоречия в Бужа, до сих пор заставляют думать, а был ли он самим собой или поймал свою волну, от которой отказаться было уже поздно? Скажем, он слыл самым умелым рыболовом. Ловил удочкой, но так искусно, что никто не мог понять, как ему это удается, когда руки дергаются все время. Ему в этом мог составить конкуренцию разве что Бадола, местный культурист, всем демонстрирующий свои бицепсы.

Сын Бужи, Часса, был лоялен к нам, младшим. С ним можно было поговорить, посмеяться. Ничего необычного. Был он крепким, как многие его ровесники. Запомнилось, что в случае ссоры с отцом, от чего застраховаться было невозможно, он никогда не поднимал руку на Бужа, но резко поворачивался и уходил из дома необычайно быстрым шагом. Думаю, если бы его приметили тренеры по спортивной ходьбе – не миновать ему чемпионского пьедестала. На срыве эмоций Часса мог что-нибудь натворить, украсть курицу, например, и его отправляли на исправление сроком на полгода или год.

Бужа Колоев – человек, не желающий людям зла, но был он просто странным для себя и для нас. Много тех, кого не припомню, а он в памяти остался. Так и в жизни, порой не

знаешь, что лучше, быть простым пастухом в горах или профессором в Питере – суета сует, дорога без разворота. Другое дело, мы живем интересом. Видать в горах для кого-то нирвана, убежище от суеты, а мы, наоборот, ищем ее…

Теперь кратко о другом Колоеве, нашем близком родственнике. Звали его Владимиром, хотя в селе он больше был известен как Ленин. И неслучайно. Он настолько был похож на вождя мирового пролетариата – ростом, походкой, жестами и известной всему миру лысиной, что зря его не привлекли к исполнению роли Ильича вместо того же Кирилла Лаврова.

В целом, давать прозвища – целая наука, если рассмотреть на лескенской площадке. Скажем, совхозного тракториста и шофера Володю Хаева моя мать нарекла «Маталом» (Грустный) из-за вечно мрачного вида. Так он и стал для всех Маталом. Хабеба была мастером на это дело!

Неподалеку от нас проживала одна старушка, по стечению обстоятельств у нее на попечении остался малыш, Валера Гамосов (Гамос). Они часто проходили мимо нашего дома и как-то мать обратилась к мальчику: «Прицеп, подойди к нам». Женщина была в годах, но высокая и статная, и ей стоило немалого труда, чтобы держать Валеру за ручонку – все время надо было нагибаться. Тогда малыш упрощал ее жизнь – хватал подол ее длинного платья и шел за ней. Как прицеп к машине. Теперь Валера пенсионер, полковник милиции в запасе, известный оператор, тележурналист. Вкратце о том, почему так получилось. Его родители работали в поле, как и большинство сельчан. На пшеничном поле, во время обеденного перерыва, решили отдохнуть и уснули. Их было не видно за высокими колосьями пшеницы. Далее был комбайн по их души и этот сон для них стал последним. Когда умерла старушка, мальчика взял к себе его дядя…

Прошли годы. Он окончил школу. Я недолгое время работал деканом факультета журналистики Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. В один весенний день ко мне в кабинет вошел худой, молчаливый парнишка. Сказал, что до начала экзаменов хотел бы больше узнать о профессии оператора. Я стал объяснять, в чем заключатся работа оператора, как вдруг он посмотрел на меня и произнес: «Я – Прицеп». Как это было приятно услышать. Эти два слова вмиг унесли меня в мое детство, где было тепло, и жива мать… Так мы с ним и сдружились.

Он полностью погрузился в профессию. А вскоре поступило предложение из пресс-центра МВД, с которым он и связал свою жизнь вплоть до пенсии.

Дом культуры. Это особый очаг культуры для всех без исключения сельчан. Отчетно-выборные конференции совхоза, выборы, приветствие гостей – все проходило здесь. Редкие концерты давали возможность узнать, что где-то кто-то живет куда интереснее. Участники танцевального кружка уезжали в другие села, обычно в райцентр, в Чиколу, откуда родом моя мать. По возвращении они ходили гоголем, будто побывали на иной планете. Кто-то из девочек вспоминал, как кто-то из ребят просил автограф, с целью продолжения знакомства, что сводилось к следующему: «Можно, я тебе напишу письмо?» Нехватка гаджетов в то время была налицо.

Но больше всех о «гастролях» одного дня с особой экспрессией рассказывал один парень, уже окончивший школу, старший сын Суле Караева по имени Руслан, но более известный как Микит. Танцевал он быстрее всех. Впоследствии он руководил кружком. Его методика воспроизведения того, как происходил тот или иной концерт, запомнилось навсегда. Он дружил с моим братом Юрой, а потому частенько приходилось с ним встречаться и слушать живое радио в его исполнении. А точнее, смотреть телевидение: он не просто говорил, а демонстрировал во время рассказа чуть ли не каждое движение. Хватило бы одного предложения, но мастер большого паркета воспроизводил такой момент не менее трех минут. Его ничуть не смущало, что это выглядело несколько странно. От него никто не ждал таких подробностей, но остановить его, что грех на душу взять.

Как-то раз, у той скамейки, что возле Сабаевых, со свойственной ему страстью показывал танец, который разучили накануне. Отдельные движения, не требующие более квадратного метра, в его исполнении образовали пыльный вихрь и не только. Он и не заметил, что не раз успел наступить на экскременты представителей местной фауны. Был в таком ударе, как шаман во время камлания, исполнения культового обряда. Он был рожден для танца, для искусства! Это я к тому, что в селах нередко остаются непризнанными такие таланты от природы! Обычно они так и уходят из жизни, а мастерство, если от Всевышнего, остается в нашей памяти надолго.

Хаев Соса, молодой парень, которого тот же Всевышний обделил разумом, и в какой-то поворот судьбы сделал из него вечного юродивого, комедианта – строгого для детишек, но молчаливого при взрослых, и независимо от окружения, любящего выпить местной араки. Выглядел он молодым, хотя говорили, что ему куда больше. Кто-то снарядил его военной формой с солидной фуражкой. В таком расположении духа в селе был один он. Мы, дети, увидев его за километр, оповещали ближайшие улицы-переулки, что Соса идет. Ему доставляло большое удовольствие то, что мы боялись. Взрослые нас защищали, припугнув его. Прошло несколько школьных лет, и мы узнали, что он умер. Каждый из нас говорил об этом с большим сожалением, будто оставил нас родной человек. Может тогда мы и задумались о том, что в каждом из нас нужно видеть прежде всего человека, и только потом странности судьбы, от которых по-своему избавляет Создатель…

Другой персонаж не менее уникален. Это Джага Албегов. Наряду с тем, что был электриком в селе, отвечал еще и за демонстрацию фильмов в Доме культуры. Во время первого показа индийского фильма «Бродяга», сельчане быстро заметили сходство киномеханика с одним из главных героев – вором в законе, злодеем по сценарию, Джагой. Вот и стал Джагой, а теперь стало проблематичным узнать его настоящее имя. Кстати, был и второй электрик – Хаев Владимир, более известный как Бокка.

Возвращаюсь к Джаге. Он был большим человеком с небольшими, но такими понятными странностями. Выносливости его организма можно было только позавидовать, особенно при частых посиделках на сельских пиршествах или похоронах. Мог выпить за семерых, такой от природы организм. Правда, после выпивки могло потянуть на подвиги, из-за чего отдельные сельчане старались его не приглашать, дабы избежать скандала. Но и тут Джага оказался прозорливее многих. Поняв, что его специально не приглашают, он использовал свое служебное положение: свадьба в разгаре, летом вечереет особенно, а он отключал свет по всему селу. Виновники торжества тут же организовывали ему в будку киномеханика «агъдау» (внимание или знаки внимания): три пирога, графин араки. Вскоре свет появлялся и все радовались молодоженам и жизни. Более продви-

нутые стали еще до наступления вечера его искать, чтобы заранее вручить ему положенное, чтобы быть уверенным – торжество пройдет без антракта. Крышевал? Но тогда таких слов еще страна не знала.

Вместе с вами начинаю взрослеть. А пока я в 7 классе… Седьмой класс, как отправная точка: после того, как вышла первая заметка в газете «Ленинец», мной овладело неуемное желание вновь появиться на ее страницах. На то были основания: раз сто прочитав свою фамилию в газете, во мне взыграла непонятная сила духа, ума и просвещения. Какая-то, до этого неведомая мне, карьерная волна эмоций: мне завидовали сверстники, соседи – мои вечные эксперты и родственники ждали от меня новых свершений. Если до этого переломного момента я годами увлекался алгеброй и химией, то после него взяло верх мое филологическое начало.

Алгебра. Нам преподавала Нина Исаевна Хатагова. Серьезная безмерно, ответственная донельзя и крайне преданная работе. Как и все остальные учителя, допоздна могла проводить дополнительные занятия с некоторыми из нас. Мне хотелось оставаться с ними, но не разрешала, объясняя это тем, что я буду мешать. Ежегодно, еще в летние каникулярные месяцы покупал учебник по алгебре, по которому предстояло заниматься с осени. Это было нечто: самому проходить новый материал, углубляться в неизвестные формулы, находить решение. Первый год такой практики, вопреки моим ожиданиям, Нина Исаевна не оценила, а, наоборот, пожурила. Поругала. Но попросила принести тетради, в которых записывал свои решения задач, что я исполнил. Две задачи из учебника были мной выполнены неправильно. Показала мне мои ошибки, объяснила, как будет правильно. «Вот теперь сиди и смотри на нас всех, мы будем трудиться, а ты отдыхай», – сказала она громко на весь класс.

Я, конечно, без дела не сидел, а больше предавался проведению химических опытов у себя дома, в подвале. Химия тоже стала моим любимым предметом не без оснований. Лидия Афакоевна Аршиева, наша родня и соседка, была более строгой, чем мы ожидали, но справедливой и принципиальной. То, что я «свой» не имело никакого значения. Представьте, какая двойная ответственность. Каза-

лось бы, наоборот, но тут совсем иначе. К химии готовился больше, чем к остальным урокам: а вдруг чего-то не буду знать и вечером она расскажет родителям. Два таких случая были.

А ее замечания на неправильный ответ били прямо в цель – мою самооценку: «Ой! Да Вы гений! Боюсь Ваше место в Академии наук. Ребята, боюсь, после уроков его заберут!»

К таким изощренным подколкам прибегал и директор школы, проводя практическое занятие по истории. Он подходил к первому окну и демонстративно показывал в сторону Марзоевых, где на скамейке в любое время года сидел старик с белой бородкой по имени Бадо. Рамазан Батарбекович частенько прибегал к этому образу и, порой, нам начинало казаться, что столетний Бадо, видать, совсем не тот, за кого мы его принимаем. До сих пор вспоминают одноклассники эти своеобразные замечания учителей.

А тем временем химия мной овладела настолько, что участие в районных или городских олимпиадах по этому предмету меня больше смешили, чем удивляли. Задачи казались детской игрой. Как правило, выигрывал олимпиаду. Это совсем не состязания по алгебре, в которой уступал Марату Савкуеву в селе и Магомету Гогаеву из Чиколы, ставшему впоследствии врачом. Мне всегда хотелось соревноваться с кем-то более сильным. Не для публики, для себя. Но этих двух я не мог осилить.

Все же по химии я чувствовал себя уверенно. В те годы уже была отличная служба «Товары-почтой». Отдельными сборниками выходили задачи по химии. Стоили недорого. Мои дяди, Володя (Буно) и Муртазбек, гордились моими успехами в школе и были благодарны за то, что по утрам чистил их обувь черным кремом, доводя до блеска. После каждого приезда из Нальчика, они давали мне по рублю, которые тратились на заказы новых сборников задач, а впоследствии – на приобретение отдельных химических реактивов, вплоть до фосфора и бертолетовой соли. Смесь этих элементов, смесь Армстронга, при детонации или даже случайном сотрясении приводит к эффектному и очень ощутимому взрыву. Опыты с ней два раза оставляли «след» как на стенах подвала, так и на моем теле. Химия подстегнула интерес к анатомии ящериц и лягушек. Хирургические опе-

рации над ними открывали мир на внутреннее строение живых организмов.

Интересное зрелище представляли сценки у сельского почтового отделения, которые повторялись с завидным постоянством. Мне было невтерпеж получить новые задачи или химические реактивы. А приходили они только через две недели после заказа, не раньше. Но каждые два дня я заходил и спрашивал, нет ли на мое имя посылки. Стойка обслуживания не была рассчитана на детский рост, а потому приходилось вставать на цыпочки, при этом было видно лишь половину лица кого-то из почтальонов. Дошло до мировоззренческих разногласий с переходом на личности: дежурная половина лица грубила мне, говорила, что я ее «достал», и что она пожалуется отцу. Тогда мне приходилось нарезать круги около почты, в надежде, что кто-нибудь оттуда заметит меня и позовет. Но обычно я возвращался домой без посылки. Если наш почтальон, Хулимат Хачирова, запаздывала с выходом из здания с большой сумкой, полной газет, журналов, пенсий, то я устраивался под огромным орешником напротив почты и ждал. Годы идут, а эти эпизоды из жизни возвращают в прошлое и напоминают мне сегодняшнему: стремление ребенка к знаниям надо поддерживать, если даже нет времени. То самое дитя и есть наше будущее. Никогда не угадаешь, по ком колокол будет звонить спустя годы…

Как-то отец поведал мне историю – недолгие пять лет его учебы в школе оставили отчетливые воспоминания. Итак, Харум Колоев, отличник, должен был вынести флаг на линейку, посвященную Великому Октябрю, но кто-то из взрослых накричал на него: «Флаг не должен держать сын репрессированного, врага народа!» Его лишили торжественного алого стяга. Годы прошли, времена изменились. Харум стал известным в республике предпринимателем. Частенько он находил возможность отправлять нашему совхозу технику: автомашины, трактора… Лет пятнадцать как в нашем большом селе – около 1500 дворов – провели газ на собственные средства пенсионера Колоева. Этот список добрых дел можно продолжить. Не так давно он умер. Так и не успел познакомиться с человеком, которым гордится все село. На моей памяти было несколько сельских меценатов, дела которых служат отличным примером для подрастающего поколения.

Можно сказать, что я был непостоянен в выборе своих предпочтений и устойчивых увлечений. Было интересно все. Но пришел день, когда меня поманила неизвестность под названием журналистика.

Для современных средств массовой коммуникации одним из основных критериев их оценки принято считать оперативность. Это неплохо, но в угоду этому критерию сама ценность информации нивелируется и превращается в гадание: то ли правда, то ли нет. В мои школьные годы, когда идеология страны развитого социализма строго регламентировала каждое напечатанное или высказанное слово, было куда труднее заявить о себе, как о корреспонденте, внешкоре. А точнее, как о юнкоре. Инфоповод в моем окружении долго искать не приходилось: Дом культуры устраивал масштабные события, а в школе проходили субботники, принимали в комсомол…

Кстати, в комсомол только меня не приняли в седьмом классе. Классрук Алета Темболатовна громогласно объявила, что «среди нас есть один кандидат в комсомол, который, являясь отличником, тянет нас назад. Не место таким учащимся в комсомоле!» Причина, как всегда, в поведении. Не помню, но что-то натворил. Все кандидаты уехали в Чиколу, в райком ВЛКСМ, где происходил торжественный прием.

Я тогда остался при своих. Через год, в гордом одиночестве был направлен в райцентр. Стал комсомольцем. Сменил красный галстук, к которому все относились особенно тепло и трепетно, кроме Дзодзаева Юры (Чита), который нередко забывал его дома или достал из кармана в неприглядном, скомканном виде.

Что пионерия, что комсомол – прекрасные были времена! Порядочные – от слова «порядок», честные – от слова «честь». Вот как меня проучили с приемом в комсомол. Так и надо было. Я не раз применял тот же метод в образовании. Помнится, будучи деканом в СОГУ, учился на третьем курсе парень – любитель мешать проводить лекции. Пропускал часто. Запускал «торпедо» и т.д. Правда, только до моего руководства факультетом. Вызвал его. Закрыл дверь за собой и «проучил». От души. Это покажется странным, но он так изменился! Прошли годы и как-то мне позвонили из Осетии. Он представился. Хорошо, что рассказал про тот случай и я вспомнил. «Часто вспоминаю тот случай. Огром-

ное Вам спасибо! Если бы не Вы, я бы точно не работал сейчас на престижной должности», – сказал мой бывший студент. Как-то в Осетии, узнав, что я на родине, приехал и вновь произнес те же слова. Я не призываю перенимать мой опыт, просто нужно чувствовать пульс времени и быть готовым к принятию решения.

Будучи юнкором, я особый интерес в селе проявлял к проблемам совхоза. Если трактора бороздили поля, то я их проходил вместе с тракторами, в буквальном смысле слова. Садился к трактористу, крутил баранку. Выспрашивал обо всем. Больше всех донимал Ганге Марзоева, всегдашнего главного бригадира. Порой сутки проводил с ним у весовой, в конторе. Уточнял все подробности, связанные с сенажом, заготовкой сена и комбикормов, количеством голов рогатого скота… На следующий день корреспонденция отправлялась почтой в район, в редакцию газеты «Ленинец». Нередко писали, по каким причинам не будет опубликован мой материал. Я сохранял эти письма. Это был мой «золотой запас» – меня считают за человека! Впоследствии меня приглашали в редакцию и подсказывали все, что на этот момент должен был знать. Никогда не забуду Александра Цебоева, партийного лидера, великолепного журналиста, публициста. Он так трепетно относился к своей работе! Также дотошно, боясь пропустить главное, объяснял секреты журналистики. Обычные труженики и мои учителя… Это были мои боги!

Мой главный информатор, бригадир Марзоев, трудяга и поэт в одном лице, перечислял беспристрастные показатели, за которыми чувствовались крестьянский пот и запах мазута. Но вскоре я больше времени стал проводить с агрономом от Бога, моим соседом и работягой, который с большим пиететом относился к печатному слову, Мустафой Марзоевым.

Недавно, прилетев в Осетию, как обычно, посетил сельское кладбище, где похоронены родители. Возле них единственная скамейка: мы с отцом ее устанавливали вдвоем, когда мать ушла в мир иной. Он говорил, что кто-то устанет стоять, захочет отдохнуть, присядет… Это единственная скамейка на всем чистом и красивом кладбище, за которым следит местная молодежь: по очереди, один год ухаживают ребята с одной улицы, в другой – вахту несет молодежь

соседской улицы. Это давнее правило, не меняющее свой ритм долгие годы. Поэтому здесь такой идеальный порядок и чистота. Я присел на скамью и обернулся. Увидел Мустафу в граните. Подошел, приложил руку, произнес пожелание обрести покой в «дженете» (раю). Вспомнил его титанические усилия по развитию совхоза, которые вывели его в число образцовых хозяйств.

Я так часто ездил на «уазике» Мустафы, что запомнил его манеру общения с подчиненными и езду по дорогам под распевание русских военных песен. Благодаря Мустафе, я стал отличать «шафран» от «симиренки», а также виды удобрений. Это от него я узнал, что Симиренко – это фамилия селекционера, который и вывел этот поздний сорт яблок. Так, изо дня в день, из года в год, я открывал для себя секреты сельскохозяйственного производства. Не скажу, что болел душой за высокие результаты своего совхоза и перевыполнение плана, тем более за то, кто кого победит в соцсоревновании, но ответственность за цифры, что сообщал в газету, полностью брал на себя, а потому проверял все досконально. Это была настоящая журналистика: без фальши, иронии и сарказма, тем более – эротики и желтизны. Видимо, современной молодежи этого не понять. Нам было интересно жить и учиться, особо не опасаясь остаться без работы. А получение высшего образования считалось путевкой в благополучную жизнь: должность, бесплатная квартира, высокий социальный статус, не говоря уже о лагерях для детей и профсоюзных путевках. Неграмотные, но умудренные жизненным опытом родители, не упускали возможность привести в пример кого-то из значимых односельчан, которые добились благополучия.

Отец мечтал увидеть меня военным. Главное – в форме, а так, не исключал и милицейский вариант, потому что Юра Галеов, любимчик сельчан, подполковник милиции, часто становился примером для подражания. У Галеовых было два сына – Юра и Феликс (Бегу). Такие разные по характеру, что если не учитывать внешнее сходство, то можно было задуматься. Случай из их детства, услышанный от их ровесников: «Бегу, пошли смотреть фильм в Дом культуры, – звали его с улицы. – Какой? – спрашивал он. – «Три танкиста». Минутное молчание, после чего Бегу уверенно отвечал: «Юра его смотрел». – А ты? – не унимались соседи. – Нет, – серьез-

но парировал Бегу. Какой бы фильм ни звали посмотреть, ответ был один и тот же: «А Юра смотрел». Почти также, как у меня старшие: Юра сорвиголова и Толик – тихоня и стесняшка. Видимо, природа сохраняет баланс даже в этом.

Я не раз выручал Галеовых: им надо было уходить по делам, а малышку Альбину (в замужестве – Торчинова) в осетинской люльке оставляли мне. Я должен был ее укачивать, чтобы уснула. Люлька на полу, своеобразная и удобная. Ребенок никогда не упадет, все рассчитано. Соска, еда – все есть. Проблема была в другом: я-то раскачивал, припевал, а она не спала. Смотрела на меня своими глазками, будто хотела сказать, что это бессмысленное занятие. И не один раз случалось обратное: я засыпал раньше, чем она. И вечером на «женском симпозиуме» становился объектом заслуженных насмешек.

Седьмой класс стал решающим во всем. Переходный период испытывал меня: в какое русло двинется корабль, полный фантазий, грез и разочарований.

А пока довольствовался воспоминаниями о прожитом: как я до школы имел обыкновение заснуть на большом валуне у дома Цамакаевых, и соседка Венера приносила меня на руках, боясь спугнуть сладкий сон. Как все соседи по вечерам боялись встретиться с буйволом Минчия Таказова. Однажды я стоял к нему спиной и не заметил, что он подкрался ко мне и тихонько дотронулся до моей спины. Я так громко расплакался при виде этого монстра, что он и сам был не рад и рысью удалился в свое стойло, где на цепи большая, как Баскервиль, собака с лаем рвалась на свободу. Или то, как с раннего солнечного утра, оседлав наш кирпичный забор, я рисовал с натуры белоснежную гору Уаза – символ Дигорского ущелья, откуда берут начало все дигорские фамилии. Не забывал, как лез в чужой огород за яблоками, хотя лучшим садом считался наш собственный. Или как смотрела на меня старушка Сахбека Цамакаева (Бакека), страдающая склерозом и вечно переспрашивающая меня о том, кто я такой. Потом до меня дошло: если что и портит нас, так это годы…

Время шло быстро, а мне казалось, что маятник остановился. Приходил домой, ложился и мечтал о том городе, что нарисован на цветной картинке, размером 13 на 18. Как-то, классе в пятом, нашел эту открытку, где памятник Пушки-

ну на фоне Русского музея в Ленинграде. Мне было совсем невдомек, что за место, но всем объявлял со всей серьезностью, что буду жить в «большом городе», показывая на эту репродукцию. Не знал, как город называется, но грезил оказаться там и жить. По весне осетинки – хозяйки в доме, начинали делать ежегодную капитальную уборку. В том числе белили известью вперемешку с хозяйственной синькой, смесью красителя и крахмала. Также использовалась в качестве освежителя постельного белья из льна и хлопка. Открытка была приколота над моей кроватью и по весне Хабе, как домашние называли мою мать Хабебу, снимала ее и возвращала обратно после побелки. Открытка долгое время сопровождала меня и в самом Питере.

Чистота во всем – закон в осетинском доме. Осетины, которые по окончании Кавказской войны переселились в Турцию, – мухаджиры (вынужденные переселенцы), получили от турок прозвище «чистоплотные». Даже в невыносимых условиях переселенцев наши соотечественники считали основным атрибутом своего дома чистоту, граничащую со стерильностью. Конечно, про коронавирус они не знали. Разве что помнили о чуме, которую устроил царизм для непокорных осетин, к тому времени «добровольно» присоединившихся к России. По некоторым данным, чума специально была распространена известной своей жестокостью «карательной экспедицией генерала Абхазова» в 1830 году, дабы сэкономить патроны и живую силу.

Как фраза на кольце Соломона «все пройдет, и это тоже», теплые вечера в долине Лескен плавно сменялись глубокой ночью. Утро наступало быстро: главный в курятнике объявлял о наступлении жизни. Раздавался гул трактора. Прерывистое мычанье коров, как новый трек по пути в новый день, сулил неизвестность, от чего становилось куда интереснее, чем прожитый, канувший в историю, вчерашний день.

В затылок дышал восьмой класс, но природа человека, особенно его память, данная небесами, заказывает свою музыку. Как бы мы ни хотели многое подзабыть, стереть определенный файл, но, будто бы внутри нас сидит некто, регулирующий наши поступки, в том числе обладающий правом вето на многие события, которые мозг стирает без уведомления. Но другая группа действий, совершенных когда-то, но не имеющих право на забвение, вновь и вновь

теребят сознание, настраивают его на огласку, с целью предотвращения подобных деяний в будущем.

Старший брат Толик работал водителем в совхозе. Летом село преображается: по центральной улице едут грузовые машины, с группами загорелых людей в кузове, с вилами, косами, напоминающие скорее индейцев племени сиу, нежели простых потомков сарматов и скифов – дигорцев. Кипела жизнь по всему периметру поселения. Основная задача летней страницы села – это заготовка силоса на зиму, уборка ранних видов яблонь и груш, а к осени – всего остального. Фуражный скот – дойные коровы, получающие дополнительную прикормку в виде фуража для увеличения содержания белка в молоке, требовал ухода и запасов пшеницы, кукурузы, ячменя и овса. Все это произрастало на лескенской почве и убиралось вовремя, благодаря стопроцентной занятости в совхозе. Статью за тунеядство тогда еще никто не отменял, но надо было поискать, чтобы по ней кого-то привлечь. Страна защищала сельских тружеников, а они воспринимали ее как что-то близкое, родное, участвующее в жизни его домочадцев.

Сейчас многим невдомек, что, бывало, совхоз не выполнял план по сдаче молока и тогда накануне, вечером, сообщалось, что с утра проедет молоковоз и сельчан просят сдать по ведру от каждого дома. Никогда не замечал ни одной сморщенной мины, ни одного слова против подобной инициативы. Это были не другие люди. Страна была другой, а граждане просто соответствовали правилам общего жития. Чувству патриотизма обучать в школах не приходилось, достаточно было воспитания в семье и прикладных уроков по физкультуре, сдачи ГТО, зарниц и примера старших.

Толик был одним из тех, кто на грузовом ГАЗ-51 с утра до вечера перевозил пшеницу на площадку конторы совхоза, где Г-образный амбар заполнялся, как правило, за неделю и приходилось делать огромные холмы прямо во дворе. После работы холмы накрывали тентом во избежание намокания под редким летним дождем. Автомашины разрешалось оставлять у себя дома, чтобы не загромождать двор и не теснить пшеничные холмы. При каждом выезде с территории сторож был обязан заглянуть в кузов и убедиться, что он пуст. В тот вечер на воротах дежурил Суле Караев, участник войны, попавший в плен, затем в советский

лагерь и освободившийся по милости Никиты Хрущева – по амнистии. Кстати, в селе пересказывали байку, в которую почему-то верю. Когда Суле освободили, он прибыл на поезде в Нальчик, а там взял такси до родного гнездышка. Подъехав к дому, вышел, внимательно оглянувшись кругом, произнес искрометную фразу: «Что за курятники? Не узнаю свой курятник!» Как мало надо, чтобы войти в историю и не выходить из нее. Что-то более важное для истории забывается, а подобный треш остается на века. Как говорится, на ровном месте поймал хайп.

В этой связи вспомнил рассказ Алика Цховребова (Джубра), уроженца Южной Осетии. В советские времена в их малолюдные поселки кино привозили раз в неделю. Весь день крутили один и тот же фильм. Народ вовсю наслаждался редким кайфом. Сделаю отступление: осетины с Юга более харизматичны, мужественны, сильны от природы и ко всему хорошие коммерсанты – почуяв запах денег, пиши-пропало, пока не дойдут до цели, не успокоятся. Вместе с тем, они любители петь песни на родном или грузинском языках. Больше поэтов, чем уроженцев Юга, в мире не сыскать! Громкое общение и звонкий смех – их неотъемлемые черты. И последнее: они острословы. Не дай Бог, попасться им на язык. На века останешься в народной памяти, молва окутает и тебя, и твоих родных до седьмого колена – ореол «славы» обеспечен. Так и получилось в один из теплых вечеров.

Полный зал старого очага культуры еле вместил желающих посмотреть очередную индийскую сагу. Жизненность, трагичность событий, загадочная развязка фильма заставили народ смотреть тихо, будто все в мире замерло: главный герой, состоятельный пожилой мужчина, как это нередко бывает в индийских фильмах, только хотел приоткрыть завесу тайны своего рождения, как в это время в безмолвном зале раздался громкий, жизнеутверждающий, протяжный пук.

Как говорится, «кошку не переиграешь» и народ, вместо ожидаемых слез, получил такой хохот на всю площадь, что контролерша залетела в зал посмотреть, что случилось. Киномеханик – в народе просто «кинщик», не ожидавший такого поворота, остановил показ. Толстый мужчина, лет шестидесяти, сидевший в центре зала, встал и угрожающе

спросил: «Кто это был?!» От его крика чья-то собака начала делать круги по залу, повизгивая, в поисках лучика света, чтобы спастись от внезапного шухера.

Как и следовало, механик спустился в зал и начал качать права: «Пусть он покинет зал, иначе фильма не будет», – уверенно произнес почему-то по-русски, сделав паузу перед словом «фильма» с ударением на «а», хотя на родном получилось бы куда лучше, так как врожденное заикание из него делало такого же героя, как неизвестного пердуна. Первый мужчина-громила вновь привстал и попросил тишины: «Последний раз спрашиваю, кто это был?!» Наступила тишина. Никто не хотел умирать. Многие забыли, что пришли кино смотреть, другие наслаждались спектаклем с одним неизвестным. И вдруг, эврика! Откуда-то из задних рядов раздался: «Это Витькая сын был». Дальнейшие действия не имеют особого смысла, но главное, все знали, что по имени «Витька» в селе проживает один единственный человек и спутать его не с кем. Другое дело, что оперативно-розыскные мероприятия во главе с кинщиком дали на удивление неожиданный результат: того самого Витька и сына его в зале не оказалось вовсе. А в народе та фамилия осталась до сих пор как «громко стреляющие воздухом» и «не способные сдержать эмоции». Причем данный перевод не в полной мере передает весь потенциал кударского говора, с его уникальной орфоэпией, на котором приведенные выражения звучат так, что немой со смеху заговорит, а зрячий от удивления потеряет сознание.

Это один камушек в огород обывателей во всем мире: податливость и наивность пробуждают в них способность воспринимать сплетни как правду, а передавать это поколения в поколение они читают своим долгом. Это делает жизнь интересной, если бы не было так грустно, как пример с моим старшим братом. Продолжаю.

Толик сделал последний рейс с пшеницей в кузове. Разгрузился и выехал домой. Сторож, тот самый Суле, имел привычку во время несения службы немного быть под «градусом», благо арака во все времена была, есть и будет. С трудом закинул ногу на заднее колесо, убедился – брат не ворует, зашел за железную дверь. Толик выехал и, видимо, то ли Суле отпустил уже створку ворот, то ли брат не рассчитал… Кузов задевает ворота, а они задевают Суле. Брат

отвозит его в поликлинику. Ключица сломана. Заводится дело. Впереди суд.

Суле лежал в районной больнице, в Чиколе, в 20 километрах от нашего села, откуда родом моя мать – Гатагонова Хабеба Мусаевна. Пролежал месяц и все эти тридцать дней остались больше в нашей памяти, чем в памяти его родных. Почти каждый день мать уезжала проведать его с полной сумкой. Подношение состояло только из свежих продуктов: сыр, сметана, груши, яблоки, зелень. Неотъемлемым атрибутом терапии ключицы Суле являлась курица, которую резал и обрабатывал я. Еще со второго класса научился резать кур: валил на землю, устанавливал в сторону Мекки, произносил «бисмилляхи, рахмани рахим» (с именем Аллаха Милостивого и Милосердного) и лезвие ножа постепенно приводило жертву в бездыханное состояние. Потом она аккуратно освобождалась от ножек и заносилась в дом для дальнейших замысловатых процедур в ведре с кипятком и так далее по рецепту. Понятно, что это была с одной стороны вынужденная мера, но с другой мы – односельчане и иное поведение было бы странным. Наша сторона виновна, и нужно было как-то разрядить обстановку, чтобы Суле на суде заявил, что не имеет к Толику претензий. Месяц пролетел. Суле уже был дома и вскоре вернулся на работу. Суд приближался.

В те годы такие понятия, как «подкуп судьи» и ему подобные просто не имели места. Все честно, как есть и, как говорится, «никаких гвоздей».

Уже стемнело, когда отец вошел во двор. Позвал Хабе.

Я был неподалеку и все хорошо слышал. Отец не без грусти сообщил, что Суле запросил 500 рублей за свое снисхождение во время суда. Обычно такие вопросы среди сельчан решались вне всяких субсидий: извинились, «внимание» оказали, расстались друзьями. А тут произошло то, что произошло. Мать попросила отца еще раз поговорить, на что он ответил: «Скорее соглашусь на арест сына! Просить не буду. Продам доски» и в это время посмотрел на наши две большие стопки широких шестиметровых досок. Это был первый существенный вклад в будущую постройку дома, ибо старое жилище износилось, как и все старое. Отец работал почтальоном и получал в месяц восемьдесят рублей. Хабе домохозяйка, как почти во всех осетинских семьях. За

мужчиной – имущественное обеспечение, за женой – благополучие детей. Сумма оказалась неподъемной. Два-три дня на родителях лица не было. На четвертый явился покупатель, который сказал отцу: «Здесь больше, чем на пятьсот рублей». «Все забирай на счастье твоему дому!», – ответил Дзатчеу.

Отец не торговался никогда. Старик Андулла Сабаев сказал однажды: «Кто покупает – покупайте у Дзатчеуа, кто продает – идите к нему же». Это выражение устоялось среди сельчан до сих пор. Как-то отец продавал двухгодовалого теленка. Пришел Афако Аршиев, женатый на Таказовой Узе. Отец сказал ему, пусть он сам назовет цену, и добавил: «Афако, если даже захочешь за один рубль – отдам». Афако назвал цену, она была куда ниже ожидаемой, я знал. Дзатчеу ответил: «Извини, но за такую цену я тебе не продам». Старик задумался, я тоже. Не узнавал отца. И тут последовало: «Отдам только за…» и он называет еще меньше, чем сам Афако предложил.

- «Ты мой зять и мой старший, и сосед дорогой», – добавил отец и я помог отогнать крупного теленка через дорогу.

Когда увозили доски, которые мы пропускали через пилораму вместе с отцом, мне было мерзко: я не мог помочь моему стальному, сильному отцу, на которого хочу равняться! Отец – ребенок-сирота, поставивший на ноги своих братьев, ставшим железным от изнурительного, не по годам взрослого труда…. Честно, слезы потекли сейчас. Видимо, они были и раньше, но застыли в глубине души.

Обиду перенес на себя настолько, что, будучи с детства атеистом, повернулся на Восток и взмолился небу: «Всевышний, умоляю, сделай так, чтобы они (Караевы) когда-то во мне нуждались!» Это сказал сын Дзантемира, отличавшегося своей высокой толерантностью, уступчивостью, невиданной дипломатией, чему свидетелями являются и ныне живущие лескенцы. Моя внутренняя, скрытая от родителей злость, в эти минуты, особенно перед сном, долго еще коробила меня, теребила нервы, требуя мщения во имя справедливости. Есть такая черта у дигорцев, думаю, и у многих других народов тоже: если ты не богат, тебе и цена другая. Что мог отец, кроме ответственного отношения к работе на почте? Кроме честного имени у него не было ничего. Я всеми фибрами души желал скорее вырасти, и вопреки всем заставить многих приходить к моим родителям

на поклон и просить об услуге. Я это сделал и был горд, что отец за кого-то просит, а я непременно выполнял, давая понять, что его слово и только его – для меня закон.

Отец вручил Суле 500 рублей и на суде мой брат предстал «агнцем божьим во плоти». Так закончилась эта эпопея, но не закончилась наша история, получившая заслуженное продолжение. Расскажу об этом в другой части своего повествования, в которой будет аналогия сказанному и поучительный наказ тем, кто не боится времени.

В Египте мне нравится многое, особенно их выражения речи о сегодняшних реалиях. «Мир боится времени, а время боится пирамид» … Впереди у меня были свои пирамиды, маршруты, полные замысловатых троп на разных континентах, но приводивших меня, как правило, в точку отсчета – в мое село, где неровные дороги, мало живности, редкий рабочий люд. И не стало вовсе ишаков, на которых испытывали первые уроки рыцарства, постигая вкус победы и горечь поражений. Но никуда не ушла память, с которой дружу и буду дружить всегда.

Задолго до школы, я несколько раз из уст отца слышал разговоры о Нине Кцоевой – простой, веселой, работящей колхознице, проживающая на нашей улице, переулком выше. Будучи школьником, тоже слышал. Она частенько проходила мимо, и отец всегда вставал, отдавая ей тем самым положенную честь, и в знак особого уважения. Однажды, когда он стал верить в меня, что я не повторю опыт своих братьев в плане отношения к образованию, сказал: «Запомни эту женщину. Пройдут годы. Вдруг она что-то просить будет. Если откажешь – я на том свете перевернусь».

Я промолчал, как следует в подобных ситуациях у горцев.

Вечером спросил у матери, почему не первый раз Дзатчеу напоминает про Нину Кцоеву? И она рассказала. Оказывается, с ее дочерью Ритой мы родились в один день. Так случилось, что у моей матери пропало молоко. И в течение месяца Нина кормила меня. Вот почему отец назвал ее моей «мамой». Рита, будучи моей ровесницей, окончила школу на год раньше: в другой школе не было Хапата – директора школы, который так и не дал возможность зачитать десяток стихотворений наизусть и открыть дорогу в школьный мир в том же году. Рита была отличницей.

Годы пройдут и встречусь с глубокой старушкой Ниной, и с ее внучкой. И я выполню наказ отца, но это потом. А пока школа требует внимания: наступил восьмой класс и ваш покорный слуга твердо стал ощущать почву под ногами, продолжая удивляться мастерству педагогов и нашему классу, где запевалой был Аркадий Дреев (Кра), самым веселым – Сергей Цебоев (Дзиго) со своим аналогом по росту Медо, тихим, но острым на язык – Марат Савкуев, наивные добряки Алик Гергиев (Кудур) и Атур Боллоев (Гонтарь), самые высокие Вячеслав Цамакаев (Лавка) и Ахсара Бадзиев, мечтатели Валера (Валек) и Юра Цамакаевы, девчата во главе с отличницами учебы Аллой и Альбиной Савкуевыми, хохотушки Аза Адаева и Лариса Кцоева, серьезная Алла Елканова и многие другие наши сестрички.

У каждого своя судьба. Главное, что они состоялись: кто-то из них, как и я, мечтал «жить в большом городе», но все повернулось иначе. И это объяснимо: родители у всех когда-то стареют. Им сперва нужна помощь, а после уход. Кто-то должен оставаться дома. У большинства моих одноклассников так и сложилось: есть традиция, которой изменять нельзя. Пусть какие-то мечты не сбылись, но перед Создателем и родителями чисты. Как сказано в одной мудрой книге: «… я искал любви к смерти – и нашел ее в пожертвовании».

У всех одна дорога, каждый из нас чем-то жертвует, не замечая этого. А время – судья. Всегда стучится в дверь и напоминает, что земная жизнь полна бренности.

Восьмой класс в моем случае – это поворотный момент в жизни, когда начинаешь ощущать себя полувзрослым: все поступки оцениваешь иначе, чем это было ДО. Многое из прошлого выпадает, ставишь перед собой другие приоритеты, которые, как тебе кажется, ведут в определенное будущее. Захватывает дух от свершений как в учебе, так и общественной жизни. Что-то отвергаешь, но через год понимаешь, что зря…

Уже несколько весенних сезонов по две недели проводишь на полях совхоза, на прополке и окучивании ростков кукурузы под руководством школьных учителей, примостившихся в тени и зорко следящих за нами и самой плантацией. Тяпка (капе) – орудие труда. Выполнение плана – закон. Внезапно начавшийся крупный весенний дождь, отдающий теплом, прибавляет сил и повышает тонус. Не думаешь об

общественно-полезном труде, а только о скорейшей прополке своего, намеченного учителем, участка. О качестве труда думаешь в последнюю очередь. Короткий обед – манна небесная, и вновь на взятие новых «бастионов» из сорняков. К вечеру приезжал автобус – мы инстинктивно чуяли его распорядок и торопились пораньше закончить полевые хлопоты.

Нередко я применял такой ухищренный способ подчинить время в пользу мозговых извилин: с начала намеченного ряда кукурузных стеблей приступал к умножению в уме пятизначных на пятизначные числа. К концу, к заветной сопке, в мозгу прятался ответ. Порой приходилось останавливаться, чтобы не забыть результат, расчищал площадь квадратом и выводил сперва ответ, а потом приступал к наглядному решению, благо указательный палец быстро выводил на земельном квадрате числа и знак умножения. Ошибался ненамного, но были и точные до нолей победы.

Этот вид бесплатных трудодней давал много: практика собственного домашнего труда обогащалась общественно значимым деянием во благо всех. Жаль, что сегодня эта практика по ряду причин, больше из-за пресловутой приватизации, канула в Лету.

Школьная действительность, отображающаяся в соревновании между классами и школами, оставалась неизменной: кубки, грамоты, олимпиады, вплоть до конкурса горнистов и барабанщиков. Она планомерно готовила строителей коммунизма, которые не успевали понять его отличие от развитого социализма. Стенгазета, в которой я писал заметки, всеми читалась охотно. Левый верхний квадрат с «головой Ленина» был моей площадкой, так как рисовал, как говорил профессиональный художник и учитель Ахсарбек Бериев, лучше остальных. Он же не поленился пойти к отцу и твердо заявил, что мне надо стать художником. То же самое проделали как Нина Исаевна, с нацеливанием меня на физмат, так и Лидия Афакоевна, уверенно обрисовавшая мое химическое будущее. Но в восьмом классе было «поздно пить боржоми», так как все мысли улетели в страну под названием «Журналистика». Как оказалось, с билетом в один конец…

Газета «Ленинец» выходила три раза в неделю, и мои корреспонденции стали появляться в каждом номере. По-

степенно думал о публикациях в республиканской газете «Социалистическая Осетия» (ныне «Северная Осетия»), но эта мечта сбудется только в десятом классе.

А пока понемногу становился «богатым», по сравнению с другими, человеком. Напрочь исключая оплату юнкоровского труда, однажды, а впоследствии периодически, с улицы постучалась почтальон Хулимат Хачирова. Образ этой высокой, в меру полноватой и сильной женщины осталась в памяти на долгие годы. Как это было приятно, будучи школьником, расписываться в извещении о получении очередной мзды за свое увлечение. Сначала мои заметки стоили один рубль восемьдесят восемь копеек. Впоследствии сумма вырастала в два или три раза. Деньги отдавал матери – это доставало больше радости, нежели класть в собственный карман. Хабе говорила, чтобы я себе оставлял, но лишать себя возможности порадовать ее, было выше моих желаний.

Хулимат садилась на нашу скамейку возле дома. Доставала из сумки внушительный пакет с деньгами – ведь она разносила пенсии – и оттуда вынимала шуршащий от свежести рубль и приступала к отсчитыванию монет. Замечая, как взрослые норовят ей оставить мелочь, вскоре последовал такому примеру и я. Старушка отказывалась, а я убегал. Это для меня было первым признаком взросления, что не могло не придавать уверенности. В течение трех школьных лет мы с Хулимат стали почти компаньонами. Она же мне подсказывала темы, на которые следует обратить внимание, вплоть до передовиков производства, колхозников, участников войны. Не спеша, но целенаправленно, получал первые уроки будущей профессии от классрука Алеты Кцоевой и Хулимат Хачировой. Светлая память Хулимате.

В дошкольном возрасте за мной твердо закрепилась одна, весьма полезная для моих соседей и родственников, стезя: если кто-то умирал, то меня отправляли оповещать сельчан о произошедшем. Давали мне и кому-то еще списки людей, проживающих по определенную сторону села. Знакомили с ним и отправляли с карандашом или ручкой, чтобы ставить галочки. Все бы ничего, но нередко имена сельчан ставили в ступор: большинство было обозначено не официальными именами, а прозвищами, что у нас являлось обычной практикой. Так, в случае одного взрослого мужчины, имя звучало далеко не презентабельно, скорее

– чрезвычайно интимно и нецензурно. Подойдя к их высоким воротам сработало чувство самосохранения и ощущение неудобства. Мимо кто-то проходил, и я спросил его, где живут Савкуевы, не решаясь переходить на имя хозяина. Он также уверенно спросил меня самого: «Смотря которые. Как звать? Имя?» Не найдя выхода из положения, осмелился прочитать со списка так, как было написано. Прохожий, ничуть не удивившись, уверенно сказал: «Ты возле них и стоишь, покричи им!» По его совету я стал громко звать. Калитка открылась и вышла женщина. Я объяснил цель своего визита. Она поблагодарила и, взяв паузу, произнесла: «На будущее, его зовут …» Так впервые услышал вполне приличное и распространенное у мусульман имя.

В мой деятельности глашатая случались и другие казусы. Старшие, ответственные за составление списков, давали наставления: «Стучишься. К тебе выходят, и ты первым делом произносишь слова «Рохсаг уад» (Царствие небесное) и потом только говоришь о случившемся». Постучал к одним. Появилась Заира, до замужества была нашей соседкой. Обрадовалась мне, улыбнулась. Своим детским, но серьезным видом я давал знать, что не до смеха, и произнес: «Рохсаг уад…» и в ту самую минуту она плавно опустилась на землю, потеряв сознание на какое-то время. Кто-то выбежал, ее откачали, дали воды. Изложив предысторию ее падения, а также цель визита, пошел дальше, получив урок навсегда. Впредь, я поменял тактику: сначала с жизнерадостным видом спрашивал про их дела, справлялся о здоровье…

И только после объявлял о случившемся несчастье.

Весна восьмого класса. Зима задвигала тапки, полноправно наступала весна. Пение грачей, хотя трудно назвать пением, скорее – их крики доносились до нас. Кто-то заглянул в класс и сказал учителю: «Таказова к директору». По пути все в голове прокрутилось за секунды. Главные вопросы: «Что опять? Что натворил?» Самому же отвечал, что в последний год я тих и кроток, как младенец или овечка…

А может я кого-то не оповестил вчера и на меня пришла жалоба, но почему в школу?

Скрип двери все тот же, директор тоже. Рядом с Рамазаном Батарбековичем сидела неизвестная мне женщина, которая, как оказалось, приехала из района по мою душу, лично. Какие были времена! Всем, преимущественно, – по

заслугам! Могли ведь из Чиколы кого-то из родни или детей влиятельных знакомых отправить в «Артек». Нет, это юнкоровская смена. А в районе на эту фишку один монополист. Я от радости побагровел. Директор смотрел с таким видом, будто хотел шепнуть в ухо: «Верил в тебя!» Представитель райкома ВЛКСМ, в свойственном чиновникам тоне, заявила, что решением комитета «Таказов представит нас во всесоюзном лагере…» Можете себе представить меня, как еле сдерживающего коня всадника, или готового кинуться на амбразуру бойца или в одиночку вскопать огород Гуче, больше не попадать мячом в школьные окна, пробежать стометровку вторым, поскольку первым всегда был Ахсара Бадзиев и вариантов не оставлял, взять высоту перекатом те же 1 метр 25 на уроке Эльбруса Елканова… Одним словом, через урок я стал героем тогдашнего времени. Девочки радовались, пацаны за редким исключением, зависли в недоумении и пелене вполне объяснимой зависти.

Март 1975 года. Поезд уносил нас в мечту тысяч советских школьников. Осетинская группа из нескольких счастливчиков вскоре увидела Керченский пролив, через который проплыли на пароме, оседлав длинного железного коня на рельсах. В Симферополе, в просторных коридорах, поздно ночью проверили наше здоровье. В одном из медкабинетов, где пришлось раздеться до трусов, при больших очередях заметил на полу свернутые в трубочку четыре пятирублевые банкноты. Так как нас ждали автобусы, торопили всех. Не до справедливости жизни было, и я их присвоил. Через день, в конверте с моим письмом разглаженные 20 рублей отправил в Лескен, где их получили и были рады такой сумме, а может и моему поступку. Это была первая ощутимая помощь семье с моей стороны, хотя до сих пор изредка гложет где-то…

Восьмой отряд стал отправной точкой моих грез о необычности, разительно отличающемся от села мире детства и красот природы, не зная еще, что предки осетин веками хозяйничали на полуострове. Это был рай на земле с окном в другое, невиданное царство пионерии. Казалось, детей было больше, чем самого моря. Дружина «Янтарная» стала домом, где хозяйками были вожатые Мария Кузьминична и Татьяна Михайловна Власова, которая разыскала меня спустя десятилетия. Как было приятно читать ее письмо:

«Отправилась на поиски любимого пионера-артековца!!!! Нашла…. Рада поздравить с очередным днем рождения и пожелать тебе прежней активности, неугомонности, желания двигаться вперед, познавая новое… Успехов тебе на этом пути и добрых попутчиков…» Мы стали большими взрослыми друзьями. Вот уже 46 лет прошло, как Татьяна Михайловна увлекла в мир неосознанной до поры, другой пионерии, зовущей вдаль с новыми песнями. Ежеутренней «Чунга-Чанга» пионерия будила, кормила завтраком, отправляла в школу. Вечером встречала. Первые походы к Аю-Дагу с разведением костра знакомств, с чтением стихов на родных языках и братанием с представителями многих республик СССР. Помню хорошо своих первых друзей из Грузии Тимура Бакурадзе и Закро Палеошвили.

А сколько мероприятий с участием известных на всю страну поэтов, спортсменов, космонавтов, композиторов! Здесь же была «Пионерская зорька» – всесоюзное радио, благодаря которому состоялось мое первое выступление по стране. Из лескенских пастбищ и общества любимых стариков-соседей оказался в разноголосом инкубаторе светлых поколений советских и иностранных детей.

«Артек» кардинально изменил меня: я стал более открытым, более уверенным в том, что когда-то соберу свой чемодан и уеду в «большой город», уже знакомый мне по книгам, Ленинград. А пока довольствовался открыткой над кроватью. Воздух свободы стал доступнее. Если я и раньше особо не стеснялся задавать вопросы учителям, то сейчас, получив столько нового, возомнив себя на порядок выше… Это не могло пройти без эксцессов на ниве школьного пространства. Первый же случай не заставил себя ждать. По возвращении блудного дигорца, наступило время сдачи решающего экзамена по осетинскому языку. Этот предмет в девятом и десятом классах не изучался. Потому оценка имела значение, поскольку шла в аттестат. Писали изложение. Диктовала Алета Темболатовна. Я попросил ее читать помедленнее. По ее недвусмысленному взгляду и покрасневшим щекам я понял, что со своей демократией перешел границы. Обычно дигорцы в таких случаях приводят поговорку «Гъоги лахи ниххаудтан» (Наступил на коровью какашку), означающая внезапное обретение значительных неудобств на свою голову. Классрук парировала мою прось-

бу явным выражением крайнего расстройством и свернутой вправо миной. Результат не заставил себя долго ждать: по предмету, по которому прежде были преимущественно пятерки, получил четыре балла, вошедшие в мой аттестат после десятого класса, а также перекрывшие мне дорогу к получению золотой медали. Грезы грезами, а результат как в футболе, отзывы одно, а результат важнее.

Этот случай заставляет вспомнить младшие классы. Узнав о том, что мы начнем изучать иностранный язык, радости не было конца. Самому было никак не осилить примитивные основы немецкого языка. Но самое страшное было впереди. Нам объявили, что нет преподавателя по нему и пока мы не будем его проходить. Через полгода объявилась студентка выпускного курса факультета иностранных языков Северо-Осетинского госуниверситета Юлия Сергеевна. Фамилию не помню – не успел запомнить, так как через две недели ее умыкнул кто-то из джигитов соседнего с нами села. Что стало с ней потом – история замалчивает. Так, успев пройти несколько уроков, мы потеряли надежду говорить на немецком.

Со следующего года школа вынуждена была поручить ведение иностранного Раицке Кожиевой (по паспорту – Рае), которая в свое время проходила его в школе и не более того. Учила, как могла. Что в памяти осталось. Я рвался познать его и мои дополнительные вопросы выводили учителя из себя, потому что сама она не знала ответов на них, а мне было невдомек, почему она на меня орет. Впоследствии понял, что она сама неправильно учила какие-то основы правописания латинских букв, но это не главное.

Раицка, добрейшей души человек, пользующаяся большим авторитетом среди сельчан, начала урок. Научившись держать свое любопытство и рвение к знаниям в ежовых рукавицах, к концу урока не выдержал и задал вопрос. В ту же секунду в меня полетел учебник, рикошетом задевший рядом сидящую Эльву Марзоеву. Книгу учителю кто-то вернул. А я замер, дабы не получить новую порцию злословия и физического воздействия. С того дня пропало желание к изучению языка классиков немецкой поэзии Гете и Шиллера, а также Адольфа Гитлера. В аттестате у всех восьмилетних пропуск – мы немецкий не проходили, а это значит, что о поступлении на журфак Москвы или Питера надо забыть

напрочь… Но выход, порой, есть даже там, где его не может быть вовсе.

После восьмилетки перевели в другую, среднюю школу, в которой нас распределили по двум другим классам. Пропала душевность, с которой жили и учились до того, на смену пришла некая хаотичность, отчетность, буква закона или школьного распорядка. Знаете, чем отличается сирота? Смотришь на всех, все как бы одно и то же, а по глазам читаешь правду. Так и мы – стала пропадать сплоченность, чувство локтя, приверженность традиционному укладу и даже стремление к ним. Это было очень заметно. Кадры решают все. Вспомнить особо и некого, кроме Вячеслава Авдрахмановича – физика, строящего из себя гегемона, чересчур строгого и с неуравновешенной психикой, которого из-за любимого вопроса: «При электризации эбонитовая палочка зарядилась отрицательно. Осталась ли неизменной масса палочки?», кто-то из ребят прозвал «Ибонитом». Классруком была прекрасный человек – Валентина Тотырбековна Елканова (Бекурова). Она старалась вернуть нас в такое же дружное состояние, как прежде, но в одиночку у нее не получалось. Но стремление к лучшему от нее исходило всегда. Очень ей признателен за то, что разительно выделялась из массы преподавателей. Между тем, многие из преподавателей слыли в народе и границах школы отличными педагогами, но нашему классу они преподавали редко. Поэтому и расскажу о них коротко.

Вспоминая среднюю школу, в памяти остались отдельные события, заставившие «смотреть на себя со стороны».

В кавычки взял это выражение не случайно: оно принадлежит моему студенческому другу, умнейшему среди нас Казбеку Мамукаеву, талантливому поэту, о котором речь пойдет в главе «Студенчество».

Ежедневные пешие походы в поисках знаний – это четыре переулка и десятки соседских домов, в которых жили разные, но во многом похожие, лескенцы юности моей. Джедзацца Хидирова, старушка в черном одеянии и несколько странная своей угрюмостью и одновременно редким позитивным взглядом на жизнь. На то, мне кажется, было основание: у нее был взрослый брат Зама – ее антипод, с передними золотыми зубами и широкой улыбкой, и, как всегда, на красивой «Волге», на которую заглядывались сквозь щели в

калитке. Он часто приезжал из Нальчика. Но однажды привезли его самого, а потом и машину с огромной вмятиной спереди. Авария в лобовую не оставила ему шансов. Долгое время «Волга» покоилась во дворе дома. Сестра не хотела так быстро расставаться с братом, статным, состоявшимся, в расцвете сил и возможностей. Мы с пониманием относились к ее трагедии и пропускали мимо жесткий взгляд на нас, молодых. Рядом с ее домом общественная колонка нередко становилась объектом нашего повышенного внимания: дурачились, как могли, забывая про Джедзаццу. Она появлялась как тень, а мы врассыпную… Как-то запустила в нас палкой с острым концом, который как в масло вошел в тыл моего колена. Помню, побежал, а палка за мной. Вытащил и кровь брызнула. Нашли тряпку и завязали. Через неделю-другую боль прошла, но шрам остался, как колокольчик, напоминающий не только о детстве, а о своих полухулиганских выходках.

Напротив дома Хидировых жили и живут Сабаевы. Хорошо помню Хъабу (Кабу), старушку, помнившая еще моего деда Тата. Бывало подзывала к себе и говорила: «А вот и Тата пришел». Слушать ее рассказы про деда – одно удовольствие. Был уважаемым человеком в черкеске (традиционном костюме горцев) и с массивным кинжалом. Пройдут годы и вспомнил старушку: будучи второкурсником участвовал в составе международной археологической экспедиции в Дигорском ущелье. Обстоятельно изучали каждый подземный, полуподземный и надземный склеп. Позади остались Галиат, Камунта, Фараскатта, Хъалнагъта (Калнагта), Фаснал, Стур Дигора, Гулар…

Группой шли по Задалеску, где наряду с многовековыми башнями кругом, несколько лет стала действовать туристическая база. Летние домики смотрелись необычно посреди каменной архаики. В одном месте, на длинной скамейке, сидели пятеро стариков лет под девяносто. Поравнявшись, как и следует, молча поздоровался, приняв свойственную осетинам стойку при виде незнакомых старцев: чуть наклонил голову, медленно повернул ее под 45 градусов, неспешно продолжая путь. Один из старейшин пальцем показал, чтобы мы подошли ближе. Передать горскую жестикуляцию словами очень трудно. Мне кажется, осетины вполне могут обходиться без слов в обществе старейшин.

Автоматом в голове срабатывает что-то на генетическом уровне, и ты находишь правильный ответ или действие. И не только. Дело все в том, что ты должен знать, в каком тоне и с каким видом, вплоть до осанки тела и выражения лица, должно проходить общение. Таким образом ты как на ладони: старик узнает о тебе, исходя только из твоих манер и поведения. Лучше оставаться самим собой и не строить искусственно из себя воспитанного и благочестивого: они как сканер, даже по походке вычисляют из какого рода и фамилии. Эти физиолого-психологические особенности и до сих пор остаются неизменными.

– Ка да (Кто ты)? – спросил он.

– Сын Таказова Дзантемира, Дзатчеуа, из Лескена, – ответил я.

– Откуда? – переспросил второй.

Поняв, что Лескен для них мало о чем говорит, при этом общаюсь по-дигорски, значит мои истоки отсюда, из этого именно ущелья, ответил: «Из Кумбулта». Все как-то по-свойски посмотрели на меня и решили мне помочь: «Твой отец мальчик еще, как звали его отца?» Я назвал имя деда, которого и отец мой еле успел запомнить. «Тата!!! О! Это был очень уважаемый в ущелье человек!» Пошел позитив. Спросил, что мы делаем. Понятийный и синонимичный ряд дигорского языка настолько богат, что при переводе стараюсь адаптировать его к современной русской лексике. На самом деле вопрос выглядел иначе: «Что вы здесь потеряли?» Я, конечно, ответил, что русские и иностранцы – мои гости, решил показать им свою родину. Старики внимательно оглядели группу, возглавляемую известными учеными: археологом Виталием Николаевичем Тменовым (Светлая память Виталику) и венгерским археологом, специалистом в области кочевнической археологии Евразии эпохи средневековья, Иштваном Эрдели (совсем недавно, в возрасте 88 лет он покинул нас). Пожелав нам хорошо провести время, старики отвели глаза, что означало – счастливого пути.

Есть у дигорцев поговорка: «Дзурд дзурд къахуй» (Слово рождает другое слово, а если буквально: «слово копает слово»). Так и в моем случае: хотел начать со случая в школе, где произошел инцидент с учителем, получивший от меня леща до острой боли в моей ладони, но не смог пройти мимо домов, а значит, и отдельных случаев из жиз-

ни проживающих в них соседей. Старушка Каба отличалась тем, что мимо проходивших разновозрастных, знакомых и незнакомцев, останавливала, не отпускала, пока о чем-то не поговорят.

И не только. Она была не без жадности: брат, Юра, хорошо осведомленный в ранних сортах яблонь в ее саду, попросил яблок, на что последовал тот же ответ, что всегда: «Откуда, милок? Я бы и сама не отказалась». Брат спешно и незаметно запрыгнул к ним в огород, собрал ведро спелых яблок, доставил старушке и сказал: «Угощайся, Каба, ни в чем себе не отказывай». Случай, который остался в памяти соседей до сегодняшних дней.

По дороге в школу и здание Дома культуры, о котором уже рассказывал. Там же была библиотека с высокими стеллажами, заполненными разнообразной полиграфической продукцией, в том числе и газетами. Одно из моих любимых мест. Редко кто заходил туда. Заведующая Фатима Караева, низкая ростом, сильно хромавшая на правую ногу, с самодельной деревянной тростью, не раз поторапливала меня с выходом, так как привычка за час до окончания работы уходить домой уже стала ее обычным делом. Я по-своему удивлялся: куда спешить ей, старой деве? Как я позже узнал, на ее попечении находились племянники, что многое прояснило. Абонемент с количественным регламентом был сладок, но установленная у стеллажей стремянка и просмотр неизвестных книг, доставлял особое наслаждение. Однажды Фатима так и забыла про меня, как и я про нее, закрыла хранилище знаний и неспешно пошла домой. Вечерело. Спустился, чтобы включить свет. Нет ее. Дверь не открылась. Другого выхода не было, как стучать по огромным стеклянным окнам, замурованным на всю оставшуюся жизнь, и звать людей. Меня услышали. Кто-то пошел к Фатиме домой и принес ключи.

На этом наши разногласия с библиотекарем не закончились, хотя она не была виновна в моих претензиях и недовольстве. В субботу и воскресенье мой «чулан знаний» не работал. Такой распорядок стал выводить меня из себя, более того, я не находил в нем логику: если библиотека для рабочих совхоза, то когда же рабочий человек может прийти туда, как не в выходные дни? Появился инфоповод, чем не воспользоваться не мог, конечно. Заметка о проблеме

вышла в «Ленинце». Ее обсуждали в конторе совхоза. Не знаю, что они ответили редакции, но отношение к моей особе явно подпортилось. С другой стороны, Фатима забыла о пагубной привычке уходить раньше, а меня «ставила на место», когда просился на стремянку. Итог: горькие плоды от профессии журналиста, неадекватная реакция на критику и колючие хлопоты на свою задницу.

Дальше по дороге к «альма-матер» Тайсаевы, Газановы, Караевы, Амилахановы (Юра Амилаханов – мой одноклассник, а его младший брат Валерий – нынешний директор школы), Цамакаевы (Руслан – одноклассник), Кцоевы, опять Амилахановы (Алла – одноклассница, умница, сильная в математике, строгая и правильная во всем, вплоть до чистой и тщательно выглаженной школьной формы с белоснежным фартуком). За ними – мои родственники Таказовы, с поминок которых увел большой кусок халвы. Напротив – поликлиника, которая во время войны служила второй, после здания мечети (нашей восьмилетки) немецкой комендатурой. И начиналась школа – Лескенская средняя. Ее можно было прозвать средней и по расположению – самый центр села.

Вернемся к списку попутных к школе соседей, Тайсаевым. Как правило, летом, внуки старика Емаза приезжали в Лескен. Один из них был словоохотлив, больше говорил по-русски, за что его подкалывали местные ребята. Годы прошли. Но память – строгий судья даже для самосуда.

Лет десять назад студенты, с увлечением интересующиеся моим происхождением, узнающие отдельные ментальные особенности осетин, скифов, алан, спрашивали и о сегодняшних буднях, проблемах и не только. Один из них спросил: «Есть случай, который Вас не отпускает, чувствуете, что поступили неправильно?» Тогда и рассказал про этого мальчика.

Я ходил в десятый класс, а он был моложе – то ли девяти-, то ли восьмиклассник. Группой стояли возле Камболовых, недалеко от речки. Мы подошли к ним. Разговорились о планах на день. Он что-то обычное сказал, совсем не обращенное ко мне и не обидное, а я нанес ему удар по щеке. Правда, это как-то быстро забылось и жизнь вошла в свое русло спустя час. Но тот удар навсегда остался в моей памяти. Парнишка, наверняка, забыл, но только не я. Прилетев в

очередной раз в Осетию, будучи в возрасте, хотел его найти. Не получилось. Несколько лет назад в Санкт-Петербурге встретился с его тетей Алевтиной (больше известная как Алла, отличницей была в школе) и рассказал ей про тот случай. Она мне назвала его имя. Я попросил передать мои глубочайшие извинения… Почему-то стало легче. Это к тому, что не стоит торопиться нарушить чей-то покой или выводить из себя, тем более поднять руку – память не отпустит! Она будет преследовать всю жизнь, если, конечно, ты человек правильных понятий и «дружишь с головой».

Зимой школа обогревалась из котельной, в которой несколько лет проработал отец. Направляясь на учебу, гнал в сторону леса корову и по дороге заходил к отцу. Приносил еду. Любил со мной поговорить. Темная сажа от сжигаемого угля ровно покрывала его лицо. Порой смотрел на себя в зеркало и смеялся, – мол, на кого похож. Однажды сказал: «Видишь, я своего рода, раб. Учись хорошо, чтоб избежать моей участи». Он произнес один раз, а в моих ушах слова остались, как вечный призыв к учению и самосовершенствованию.

Или другой случай: он сутки оставался в котельной. Так надо было. Но однажды, ночью, проверяя батареи в учительской, в классном журнале заметил, что я получил «четверку» в четверти по истории. В три часа ночи отец пришел домой ненадолго. Разбудил нас. «Тебе не стыдно иметь четверку по истории, по сказкам?» Получил свое. И добавил: «Может оставить учебу и пойдешь дояром в совхоз?». Сарказм захлестывал и переходил все границы. Более того, присев на корточки, отец продекламировал специфику работы дояра, пафосно делая акцент на фонему «х» в слове «чиххх-чиххх», реально показывая картину характерной деятельности труженика фермы.

А история той «четверки» заключалась в следующем. Историк Абе Дрисович Бетрозов (Бетроз) серьезный тип. Человек строгих правил. Высокий рост и такой же лоб выдавали в нем Капицу-сына. Принципиальный донельзя. Жена Екатерина давала уроки по математике. Красивая была пара. Многие косо смотрели на сельских мужчин, женатых на русских. Кто от ревности, кто просто не хотел признавать другую цивилизацию, хотя сельчане и не страдали ортодоксальным мировоззрением. Разве что единицы, как

та же Гуче. Справедливости ради надо отметить, что русские на глазах менялись: что-то необъяснимое, иное, в них проявлялось постепенно. Как у старика Израиля Бетрозова, например. Ее старушка-жена садилась рядом с нашими и четко бросалось такое явное различие, что большее внимания доставалось ей. В случае историка и его жены было другое: элегантность, индивидуальная, отличная от местной, манера держаться в обществе, образованность – все это делало их лучше многих. Некая новая формация – пример образцовой русско-осетинской семьи.

У меня по его предмету, до этого случая, были три пятерки и три четверки. В таких спорных случаях он устраивал своеобразный экзамен у доски. Защищайся: или пять балов, или четыре. Я рассказывал о начале Великой Отечественной войны, но вскоре он меня прервал. Был доволен. Я тоже. Но, напоследок, спросил: «Почему война называется мировой?» Поверьте, я хотел ответить и лучше бы ответил. Оказывается, я правильно мыслил, притом логика этой страшной катастрофы сама отвечала на поставленный вопрос. Но я оробел. Бетроз ответил за меня. Услышал то же, что только вертелось в голове. Результат: «хорошо».

Отец частенько мне говорил: «Не боится только дурак, но выбор есть всегда и его надо использовать». Запомнил эти слова и вскоре я сделал свой выбор в случае, который обещал рассказать.

Выше главного здания школы была открытая спортивная площадка, а за ней, на крутой сопке, отдельное одноэтажное здание, за которым ранее стоял дом известного ботаника-селекционера и подвижника Агубекира Дзардановича Тубеева, репрессированного в 1937 году вместе с соратником Батарбеком Сафаровичем Хидировым (одним из лучших учеников великого садовода И.В. Мичурина), отцом Бубуджина Хидирова, директора восьмилетки. В октябре их увезли в город и через несколько дней расстреляли.

Так вот, в этом самом здании проходили занятия. Во время перерыва в тесном коридоре особо не разгуляется юная душа, а потому все старались успеть сбегать в главное здание и вернуться к началу другого урока. Ничего не предвещало беду, как, вдруг, на моих глазах один из наших учителей-литераторов (специально не называю его имени, дабы не портить имидж его детей, ничем не повинных в

этой истории) с размаху ударил девчонку из восьмого класса. Она упала в коридоре. Я узнал ее по необычно пышной прическе, как у Анджелы Дэвис. Отец мне показывал на нее, мол она из Нальчика приехала, живет у родных, в семье учителя школы и весьма уважаемого в селе участника войны Замадина Цеова. «Это сестра твоя», – добавил отец, акцентируя внимание на то, что у Таказовых шесть фамилий – братьев. Характерной чертой такого родства являлось исключение брачных отношений и почитание как кровных родных.

Увидев эту картину, в ту же минуту я нанес удар литератору и прижал к стене. Дальше началось разбирательство по всем основаниям. Все шло к тому, что виноват я. Когда понял, что пахнет жареным, за ночь написал статью в «Комсомольскую правду». И не только об этом. Чтобы вы понимали, после острого сигнала нередко журналист вылетал на место событий.

Сначала меня отругали в учительской, как говорится «и в хвост, и в гриву». Директором школы тогда был приятный человек и большой знаток русского языка Солтан Савкуев. Интеллигент, всегда опрятно одетый преподаватель словесности. Кому не лень, должны были со мной говорить, просто общаться, чтобы узнать из первоисточника, что же произошло, почему поднял руку на учителя, – все, кроме Солтана. Одни ругали, другие молча поддерживали. Завуч Таймураз Савкуев, учитель физики, отец Марата, два раза приглашал в кабинет директора и просил: «Ты подойди, извинись...» – все в этом духе. Хотел утрясти вопрос «без шума и пыли».

Со стороны Литератора (буду называть его так для удобства) ощущалось напряжение. Подспудно давил на коллег, – мол, как это так, если смолчим, то нас всех избивать начнут. Между тем, такие принципиальные и любимые нами наставники, как Солтан Савкуев и Аби Бетрозов сказали, что «пьянка до хорошего не доводит», имея в виду нередкое появление Литератора в подвыпившем состоянии перед учащимися. И я еще должен был извиниться!!!

К выпускному классу я считал себя достаточно взрослым, чтобы отвечать, как за свои поступки, так и за чужие. По мне, главное, чтобы отец не узнал, потому что его ослушаться не посмел бы: принес бы извинения хоть перед всем коллективом учителей, их родных и их соседей. Отец

на Кавказе – это и родина, и закон, и все на свете. Конечно, со временем и в этом мы изменились, и случается, что сын поднимает руку на родителей. Времена меняются не в лучшую сторону. По части исторических ценностей, таких как дигорский язык и дигорская культура, политика страны в последние годы делала все, чтобы стереть их из памяти. Поэтапно в этом у нас достигаются большие «успехи».

В советские годы тиражи только художественной литературы на национальных языках исчислялись сотнями миллионов экземпляров. Сейчас писатели и поэты, благодаря которым, как правило, и сохраняется родной язык, пишут, выпускают книги за свой счет, а впоследствии продают сами или раздают бесплатно. Вот откуда берет начало крах аутентичности любой национальности, а не из того, что «дети» не слушаются своих «отцов». Сегодня большинство выпускников даже не ответят, кто такой Тургенев. О творчестве его лучше не спрашивать вовсе.

Странным казалось то обстоятельство, что по каждому чиху вызывали родителей, а на этот раз не спешили. Не хотели сор выносить из избы, а потому многие и не слышали, что такой случай имел место быть. Понимая, что развязка намечается не в мою пользу, сел, собрался с мыслями и написал статью в «Комсомольскую правду», начав с другого случая, который произошел со мной немного раньше.

Стояла зима. Теплая, как весна. Два раза в неделю занятия по физкультуре проходили в спортзале, недалеко от школы, за Домом культуры. Там же, неподалеку, было здание старой, уже не работающей, полуразбитой котельной. Как в блокбастерах, история началась внезапно, как снег на голову. Вызвали в учительскую. Главным обвинителем выступал Иса Кизинов, бессменный учитель физкультуры – не столько стройный, сколько худой, лет пятидесяти. Слышал не раз, что доводится нам родственником. «Расскажи сам, – начал он, – что делал вчера в котельной с другими ребятами-двоечниками?» Я ответил, что отцу принес еду. Он поправил меня, мол, не та котельная. Конечно, я знал и старую, что в центре. В детстве не раз там слонялись с Олегом Таказовым (Гоффманном) и Джабраилом Марзоевым (Джабой), но это было давно. Впоследствии мы ее не посещали, да и небезопасно было: там торчали старые электропровода, а глаза слезились от атмосферы, насыщенной

запахом множества детских какашек, и не только детских, – находиться там не доставляло никого удовольствия.

– Я тебя видел вот этими глазами, – настаивал Иса, указывая на свои глазенки. – Ты с ребятами-двоечниками играл в «секу» (игра на деньги).

Парадокс, я не умел играть в эту игру. Месяцы спустя попросил друзей научить, что за секреты таит «сека». Опять начались напряги. Вызвали отца. Пристально посмотрел мне в глаза. Я твердо сказал: «Не был там. И играть не умею. Спроси всех моих друзей». Я скорее соглашусь на гильотину, нежели совру отцу – это даже не обсуждается. Он просто промолчал, но было видно – верит мне.

Отступать Кизинову тоже не к лицу, «спускать на тормозах» не хотел, так как не принято уступать ученику, тем более признаться, что обознался. Многие об этом узнали и где-то месяц угрожали исключением из школы. В восьмилетке мне два раза грозились, но они были правы. Все честно. А в данном случае шла открытая травля. Бывало, в селе, прохожие останавливали и спрашивали, что за история и почему меня выгоняют.

Меня это достало и тогда я взялся за материал о несправедливости со стороны старших, среди которых были прекрасные учителя, перед именем которых и сегодня «готов преклонить колени» (почти по Гоголю), но были и другие, которых вспоминаю с трудом или вовсе не вспоминаю.

Реакция «Комсомолки» была молниеносной: редакция сообщила в обком партии, оттуда в райком, и на следующий день черная «Волга» припарковалась возле школы. Школа к такому повороту не была готова. Чиновники провели беседу и со мной. Завуч, после их посещения, долго говорил, мол надо написать в редакцию, что «поторопился, был на эмоциях, что вовсе не так все было…», на что последовало мое категоричное «нет». Кажется, Таймуразу Савкуеву это даже понравилось, что я не сдаюсь. Проводил меня до класса, где шел урок.

На следующий вечер к нам постучали. Литератор появился на крыльце. Пригласили внутрь. Мать, как и подобает хозяйке, в момент накрыла стол. Поняли, что гость подвыпивший. Заранее его стало жаль, зная категоричность отца по отношению к алкоголю, из-за которой Дзатчеу мог «проучить» и родных, своих взрослых братьев – разница в воз-

расте у них была всего в два и четыре года – Буно и Муртазу, чему я не раз становился свидетелем. Его могло останавливать святое правило – он гость, а на родных, правда, это правило не распространялось.

Отец был строгих правил. В первую очередь по отношению к себе. Но перейти какую-то грань дозволенного не позволял никому. Так, помню, наш сосед, один из трех сыновей старушки Аппы, Тори, будучи в явном «градусе», по дороге домой зашел к нам и попросил, чтобы сестра сыграла ему на гармонике. Алла старалась, как всегда. После первой мелодии он наклонился к ней и по-дружески, и по-соседски поцеловал сестру в голову. Это было лишним – у осетин есть неписанные правила, которые нарушать не следует. После второй мелодии он вновь решил проделать тоже самое. В эти секунды, я и не успел среагировать, отец схватил его и, по аналогии с большими китайскими сумками для челноков, Тори оказался в цепких руках Дзатчеу, который быстрым шагом вынес его за пределы нашего двора, и с презрением бросил на землю. На следующий день Тори пришел просить прощения. Вновь мир, как обычно.

Такой же прием ожидал Славика, племянника отца. Он жил в Беслане, но часто приезжал в Лескен. Оставался на ночь то у нас, то у фамильного старшего, Дидо. Славик – парень лет под тридцать, коренастый, высокий. Из-за сходства физических данных признавали в нем Дзатчеуа. В один летний вечер, будучи нетрезвым, пришел и с первых минут «начал качать права». На ровном месте получилась ссора. То ли он решил проверить кто из них сильнее, но через некоторое время я увидел, как Славик, набрав хорошую высоту, при приземлении успел прокричать: «Дядя, все – я все понял, извини».

Теперь можете представить, как я мог не пожалеть учителя школы, гостя, искателя приключения на свою, общепринятую в таких случаях, точку.

– Дзатчеу, – начал он. – Ты в курсе, что натворил твой сын? Он ударил меня со всей силы! Поднял на меня руку!

– Знаю, – ответил отец.

– У меня большие проблемы на работе. Из-за него, – посмотрел на меня злыми глазами. Отец молчал. Дал ему выговориться. Гость рассказал все, как было. Молчание хозяина дома ввело его в недоумение.

– Дзатчеу, ты слышал меня? Валерий ударил меня!

Отец, недолго думая, сидя напротив, уверенно произнес: «Он правильно поступил!».

Литератор встал. Пошел к выходу. Никто за ним не вышел, что означало: мы тебе не рады. Тем временем в «Комсомолке», под рубрикой «Письмо позвало в дорогу», была напечатана статья про это происшествие в школе. Правда, автор назвал меня «В. Текиев» с припиской «редакция специально изменила фамилию». Такая практика существует и сегодня, особенно когда дело касается несовершеннолетних.

Через некоторое время Литератор написал заявление «по собственному желанию», но до этого успел принять у меня один экзамен.

Наступило время выпускных испытаний, в том числе по русскому языку и литературе, сочинению. К тому времени, написать творческую работу на свободную тему не составляло для меня особого труда. За отведенное время успел еще выручить Иру Караеву, которая особых способностей не проявляла, но за мною написанное сочинение ей вывели «пять на пять». Собственное сочинение, проверенное Литератором, заслужило «пять на четыре». Вот почему в моем аттестате все оценки на «отлично», кроме двух: по осетинскому языку, когда попросил читать текст изложения помедленнее, и по русскому – вероятную причину только что описал.

Пришло время выбирать профессию. Многие скрывали, как великую тайну и молчали в ответ на вопрос: «Куда пойдешь учиться?» Пойти можно куда угодно, а примут ли?

С точки зрения школы, профориентация – не ее дело, да и зачем ей лишние хлопоты, если не требуют сверху. По окончании восьмилетки мы и мечтать перестали. Как-то все пошло иначе: не стало заинтересованности старшего поколения в нашем будущем. Кто с первого класса учился в средней школе, тем не понять, что школа может стать твоей родной частицей, а учителя, лепящие из тебя оловянного солдатика с мозгами, идеалами. Пришло время быстрее забыть школу и пробовать силы в другой возрастной иерархии, – там, где профессура, знания, а после зарплата, власть…

Пройдя удивительный этап детства и юности, полный ярких страниц и первых падений, я мыслями уносился вдаль, в

мой «большой город»! Хотелось поскорее увидеть себя одним из многих – тех, кто стремился к покорению высот. Но на пути, как правило, возникают проблемы, которые начинают испытывать на прочность, промерять твой потенциал, играть на нервах перед сном… Так было у меня в очередной главе моей жизни под названием «Студенчество». Остановлюсь на примерах, которые и современным молодым людям могут помочь в обретении своего профессионального или семейного счастья. Но прежде, чем перейду к занимательному и замечательному периоду, хочу оглянуться назад и сделать пару выводов на тему «Что такое хорошо и что такое плохо?». На первый вопрос я, кажется ответил, а на второй постараюсь дать формулу ошибок людей, страны и обстоятельств.

Первое: начальная школа страдала следующими, вполне объяснимыми, от нее не зависящими образовательными и сугубо педагогическими проблемами. Малыш, живущий в ограниченной среде, с родным, материнским языком, на котором общается пять-шесть лет, вдруг оказывается в исключительно неудобном пространстве: все говорят на ином языке, в нашем положении на двух разных: русском и осетинском – иронском диалекте, не понимая, почему существенно отличающийся от материнского и, вместе с тем, тоже называющимся осетинским языком. Мы привыкли себя осознавать с детства дигорцами – не иронцами, одновременно привыкая к официальному самоназванию «осетин». Определение «осетинский», в переводе с канцелярита означающее «иронский», придавало ощутимую долю сумятицы, которая порождала закономерный вопрос: «А мы кто?» Начиная изучение осетинского языка и литературы, мы не могли понять одного: мы, осетины, изучаем родной язык, который так сильно отличается от того, на котором говорим и общаемся каждый день. Это было языковой и политической ошибкой местных властей. Запретив учебники на дигорском языке в тридцатые годы, а впоследствии и газеты, в которых публиковались известные представители дигорской творческой интеллигенции, тем самым власти привели подрастающее поколение в недоумение: почему так происходит. Почему дигорский язык был признан «контрреволюционным»? Заметим, что при принятии таких постановлений, не было ни коллегиальности, ни опроса уче-

ных, писателей – дигорцев. Имея одни корни исторически, иронские деятели литературы и чиновники – иронцы, количественно находящиеся в более выигрышном положении, посеяли смуту, от которой и сегодня избавиться не можем.

Возьмем пример мордвы: мордовский язык – общепринятое название. Но у мордвы признаны два автономных языка: мокшанский и эрзянский. Практика начальной школы у них аналогичная, если не катастрофичнее. С первых классов все преподается на русском языке и только редкие уроки по родной речи вносят некое разнообразие. Между тем, до сих пор выходят республиканские газеты на мокшанском и эрзянском языках, издаются книги, печатаются журналы. Антогонизм в чистом виде между ними и сегодня имеет место, но равноправие языков сохраняется. В девяностые годы в Москве и Московской области по данным переписи проживало 65 тысяч мордвы – этнических эрзян и мокшан. Спустя двадцать лет, во время переписи только 4 тысячи назвались мордвой, остальные русскими. Вполне вероятно, что и в нашем случае аналогичная ситуация. Против эволюции идти невозможно и глупо, но и она не обходится без вмешательства самого человека. Что будет дальше и как с этим быть – далеко не риторический вопрос. Слово за специалистами в этой области и реальной практикой продуманных действий без спонтанных решений и ардобонизма, то есть понта.

Не могу не отметить титанический труд наших учителей начальных классов, обучающих детей письму и грамоте.

В старших классах, считай, – это нирвана по сравнению с ежедневной «дрессировкой», в хорошем смысле слова, естественно. Сколько раз заново начинали объяснять одно и то же, особенно в том случае, если ребенок не понимает по-русски. Перевести на осетинский, читай иронский? Это еще труднее для усвоения. Приходилось объяснять на дигорском – языке, которого официально не было и нет, то есть язык есть, но в то же время его и нет. Это не камушки в чей-то огород, а реальность, в котором мы живем. И вот еще: зарплатная градация должна быть наоборот: учителя начальных классов должны получать больше, чем остальные. Мы хотим сразу собирать урожай, а он зависит от первых ростков и корней деревца. Если кто и понимал эту, не дилемму, а правду жизни, так это учителя Лескенской вось-

милетней школы. Пусть со своей габисовщиной, но в большинстве героями наших сердец: Бубджином Хидировым, Верой Дзоблаевой, Дзабидой Караевой, Алетой Кцоевой, Аслангиреем Каировым, Яхей Хидировым и многими другими, кто смог найти ключ к нашим сердцам, приоткрыв дверь в большую, многогранную жизнь…

Так, прощаясь с детством и школьным колокольчиком, еще одна ремарка: никогда не спешите обмануть ребенка, у него чутье на душевные ценности, тем более память куда острее. Время проходит быстро, оставляя за собой или светлые дали, или пыльные тропы. Дай себе оглянуться… Как это сделал Дитмар Эльяшевич Розенталь, бог русской стилистики, автор четырехсот учебников и пособий. С ним я переписывался в десятом классе, и он дал бесценный совет, как поступить на русско-осетинское отделение СОГУ им. К.Л. Хетагурова.

Так, по окончании средней школы, двойственность и осторожность, присущие Весам по гороскопу, не обошли стороной и меня. Твердо решив для себя, что стану журналистом, в 10 классе, я вместе с тем не мог не прислушиваться к родителям, познавшим суровую обыденность жизни, в которой можно просто жить или жить хорошо. Второе значение стало осаждать обе стороны по той простой причине, что я младший и мне, после обретения высшего образования, лучше остаться в селе, с родителями. Не войти в их положение – значит всю жизнь укорять себя.

Родители, привыкшие добывать каждый рубль потом и через всевозможные трудности, рассчитывая на мое понимание по сути этой дилеммы, частенько ориентировали меня на получение профессии ветеринара. Кстати, в том году эту специальность заменили более отвлеченным понятием: зооинженер. Видимо, для более позитивного звучания, хотя в сводках совхоза фигурировал все тот же ветеринар. Самолюбие коробило. Не мог себе представить, что когда-то назовусь именно так, учитывая, что в переводе на осетинский язык означает «доктор для скота», или еще хуже – «скотский врач».

У матери в семье было семеро детей: пятеро сестер и двое братьев. Младшая, Рая, отличалась от всех тем, что произношение было исключительным: легкий, скорее, ласкающий с хрипотцой голос заставлял думать о том, почему

она не говорит, как все, и как у нее это получается. Не помню ее без улыбки и громкого, как у матери, смеха. Но если Хабе могла обойтись после очередной смешной истории без особых эмоций, то у Раи выступали слезы, хваталась за живот. Мать умела рассказывать так, как никто. У нее была привычка во время таких сцен хлопать по плечу соседа по скамейке. Однажды, при такой сцене наш уникальный актер-музыкант, гармонист и просто бренд нашей фамилии Ахсарбек, получив не первый пендель от нее, свалился со стула. А нередко, придя к нам, говорил: «Хабе, что-то меня спина тревожит, наддай хорошенько!» Вот такие они, Таказовы, хохмачи с детства. Мне передалось это от матери, в чем вы скоро убедитесь.

Так вот, единственная из сестер Хабе, Рая, проживающая в городе (Орджоникидзе – ныне Владикавказ), а также ее супруг Владимир Царикаев, кандидат наук, доцент Горского сельскохозяйственного института (ныне – ГГАУ) навестили нас. Ученый стал меня экзаменовать по химии. Доставив ему удовольствие от познаний в этой области, остался доволен и через неделю привез примерные задачи прошлых лет, по условиям которых и составлялись экзаменационные билеты.

Я стал готовиться к поступлению в ГСХИ, на «скотского врача», чтобы, как говорили родители, «у нас в доме всегда были свежая говядина, масло, мешин (кефир)» и другие преференции, вплоть до «уважения в селе до конца лет своих». Одним словом, всем карьерам карьера вырисовывалась периодически, а мысли уводили далеко в сторону от кастрации животных.

Я перечитывал письма Дитмара Эльяшевича Розенталя. Бог русской стилистики отвечал на мои вопросы по части обретения себя в журналистской среде. Письма приходили и раньше, особенно часто после «Артека». Почтальон Хулимат уже на почте складывала их в отдельную стопку, аккуратно перевязывая резинкой. Первое время в день получал по 20-30 писем. Почтальон Хулимат шутила: «За всю историю села столько писем не приходило». Кто-то на почте мне грубил, мол «графоман нашелся, достал уже». Впервые услышал это слово, и благо словарь Даля выручил, – узнал, что это далеко не безобидное выражение, но снести можно. Отдельные письма сохранял, особенно из Индии, Болгарии, Австралии… На этих конвертах были приклеены красивые

почтовые марки, которые чуть позже сыграют удивительную роль в поучительной истории с участием ныне живущих, известных деятелей культуры Осетии. Но об этом позже.

А пока моя жизнь и земля стояли не на трех, как обычно, а на двух слонах. Один сильно перевешивал умом, другой – силой. Первого звали журналистом, второго просто, с созерцанием светлого будущего с парным мясом в руках, «скотским доктором». Это состояние напомнило анекдот про жителей селения Дур-Дур, отличающихся острым умом и богатой фантазией. В советскую бытность при различных институтах успешно функционировало обеспеченное всем необходимым для ведения пропагандистской, научно-образовательной, просветительской работы, Общество «Знание». Разово приглашались известные профессора, лекторы. За проведение одной лекции платили по 3-4 рубля, что было хорошим подспорьем. Так и в Осетии, при Северо-Осетинском научно-исследовательском институте (ныне СОИГСИ ВНЦ РАН) такое идеологическое ядро успешно работало. Это была уникальная школа для всех, особенно для сельчан, как для не имеющих возможность слушать последние новости, так и вовсе не желающих вникать ни во что, кроме забот по дому.

Специалист-идеолог того самого общества, после чтения лекции перед многочисленной колхозной аудиторией о развитом социализме и «вот-вот наступающем коммунизме», попросил задавать вопросы. Молчание в зале нарушил один пожилой мужчина. «Товарищ лектор, Вы много говорили про развитой социализм и коммунизм, только до сих пор не могу уяснить для себя, мы в настоящем времени при каком строе живем?», – уверенно, на родном дигорском, задал вопрос по существу проблемы. Лектор, недолго думая, ответил: «Отвечу так, чтобы все поняли. Одна нога наша в развитом социализме, а другая – в коммунизме». «Прощу прощения, – не унимался слушатель, – подскажите, мы еще долго будем стоять в такой позе?»

Так и со мной: то ли самому определить профессию для души, то ли уважить просьбу старших? Стал готовиться в ГСХИ. Отец не раз заставал меня за написанием корреспонденций. В очередной раз подошел и сказал: «Поступай по-своему. Тебе дальше жить, не нам. Мы многое повидали. Твое будущее – твое, не наше». Дорога в мир моей мечты

была открыта после этих долгожданных слов. Но была и другая проблема: отсутствие в аттестате предмета «иностранный язык», причину которой я описывал раньше – за отсутствием педагога. А в МГУ им. М.В. Ломоносова, куда нацелился поступать, оценка по иностранному языку обязательное условие. Вот почему написал письмо Дитмару Розенталю, статус которого был прописан на титуле учебника по стилистике: «заведующий кафедрой факультета журналистики Московского государственного университета».

Так я обрел друга по переписке, Дитмара Эльяшевича. Он рекомендовал поступить на филологический факультет СОГУ, на национальное отделение. Объяснил суть Положения от 1975 года, о целевом приеме из республик СССР, по условиям которого, проучившись три года, с рекомендацией вуза, могу перевестись в Москву. Определив для себя именно эту дорогу, получив одобрение родителей, удалив из памяти преимущества «доктора по скоту», взял курс на русско-осетинское отделение СОГУ им. К.Л. Хетагурова. Как у любого абитуриента, волнение присутствовало, но в меру. Особый упор сделал на осетинскую литературу, в которой основным «недостатком» являлся мой выраженный дигорский акцент.

Пройдя основные 4 экзамена, наступило время сдачи последнего – по истории. В билете два вопроса. Один знаю. По второму моей фантазии явно не хватило бы, так как вопрос касался непосредственно статьи В.И. Ленина под экзотическим заголовком «Письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области от 8 октября 1917 г.» и формулировки такого известного лозунга в письме, как призыва к восстанию. По программе восьмилетки, благодаря историку и директору школы Бубуджину Хидирову, часто объяснявшего нам предмет на дигорском языке, рискуя за это потерять работу, мог расписать даже первые наряды древних людей, а по программе средней школы и историю от учителя, ветерана войны, получившего контузию и изрядно оглохшего, разве что отрывки из речи другого Ильича – Брежнева. Помню случай с Аркадием Дреевым (Кра), не особо расположенного к просвещению, но не лишенного актерских данных. Вышел к доске. Учитель за столом. Смотрит в нашу сторону. Мы еле сдерживаем смех. Почуяв странное, историк повернулся к школьнику, который стал имитировать ответ, уверенно двигая губами, при полном отсутствии звукового сопровождения. Учи-

тель был доволен и попросил его сесть за парту, выставив ему оценку «отлично». Нехорошо, но каждый спасался как мог. Мы нередко пользовались этим приемом, но бывало, что он вычислял кого-нибудь и немедля ставил двойку. Благодаря Аби Дрисовичу Бетрозову, второму историку, мы узнавали много нового, но из другого периода истории Отечества. А на экзамене нужны четкие ответы, так как принимали 25 человек, а до последнего экзамена «дожили» 125. Конкурс ощутимый, это правда.

Цейтнот полный. Знаю, что по второму вопросу ничего не знаю. Мне бы этот лозунг вождя! Принимали экзамен Галина Таймуразовна Дзагурова и Анатолий Владимирович Исаенко. Вдруг открылась дверь и вошел мужчина лет пятидесяти. Узнал его. При сдаче какого-то из пяти экзаменов, приехала со мной мать. Увидев этого мужчину, сказала: «Он из Чиколы, в одну школу ходили». Вальяжная походка и широкая улыбка выдавали в нем спокойного, состоявшегося в жизни «хозяина обстановки». К кому-то из нас, сидящих поодаль, подошел, что-то тихо говорил, после чего мимо меня направился к двери.

В эти минуты готов был призвать двенадцатикрылого херувима, а потому тихим, шпионским голосом спросил на нашем с ним родном языке: «Ты Нох Малиев?» Ответил: «Да». Чувствуя, что времени не остается для обычных справок о его родных и здоровье, спросил про формулировку лозунга. Довольная мина не сменила формат. Ответа не последовало. Тихой сапой удалился из аудитории. Но вскоре вошел пожилой мужчина, явно повидавший уйму невзгод в жизни: лицо обгоревшее, зрачки разные, без рук. В нем ощущались мужество и стойкость духа. Когда он поравнялся со мной, я спросил его: «Не подскажите, как звучал лозунг Ленина в одной из его работ?» Он пристально всмотрелся в мой билет. Я ощутил на себе зоркий глаз Дзагуровой, но незнакомец успел произнести: «Промедление – смерти подобно!», после чего меня вызвали. Отвечая на первый вопрос страха не было, но позже напряжение повисло в воздухе, как ощущение «топора в дыму». Вскоре мнения у коллег-экзаменаторов разошлись. Дзагурова за «двойку», Исаенко за «тройку», объясняя, что формулировка лозунга правильная и он не согласен. «Но его тройка уже не спасает, — услышал Галину Таймуразовну. – Конкурс, смотри, какой?» Не найдя общего знаменателя, женщина в высокой, аккуратной прическе, нехотя вывела «три». Я набрал необходимое количество баллов, чтобы дождаться осени и гордо войти в храм науки.

СТУДЕНЧЕСТВО

Пройдут годы. Я всем участникам того случая поклонился от всего сердца. Особенно Саханджери Алихановичу Кокаеву, Герою Социалистического Труда. Вот почему считаю себя вечным должником перед его светлой памятью, перед живыми его потомками, перед фамилией. Также, годы спустя, поеду в МГУ, на журфак, поднимусь на третий этаж, открою скрипучую дверь и увижу Дитмара Эльяшевича Розенталя… Но об этом позже. Доброе забывать нельзя, злое – выбрасывать, хотя память более строгий судья и часто ворошит все вопреки твоей воли. Может это и хорошо, чтобы знали: завтра ты сам окажешься на месте другого и не торопись с выводом, особенно в случае отрицания там, где можно обойтись без него.

Осень 1977 года стала отправной точкой и одновременно испытанием. Колхоз в Бруте дал первые знакомства: старшекурсники поведали о преподавателях, об их привычках, манере держаться, уровне интеллекта и о многих других неписанных истинах из багажа студенческой практики. Деревянный барак с матрацами, набитыми соломой и нередкими мышами, на окраине села, напоминал трудные времена и будни спартанцев-гладиаторов. Но в этом был свой плюс взросления и уроков на будущее. План работы, стенная печать и деловитость комсомольских вожаков, таких как Якуб Патиев и Льяна Гадзалова, давали знать, что впереди нас ждет коммунистическое будущее без забот и тревог. Главное, мы в это верили и сказкой назвать не могли. Потом поняли, что и права такого не имели.

Первые дискотеки для сельчан становились грандиозными событиями, которые изредка смотрели на экране. Аслан

Хадзарагов научит нас движениям ног при громкой музыке, учитывать то обстоятельство, что на дискотеке никто не обращает внимание на правильность или неправильность исполнения танца, главное – не смотреть вниз. Городские существенно отличались от нас. Во всем. Даже в одежде и анекдотах, которые в нашем багаже практически отсутствовали. Но в работе все были как один: помочь девочкам в выполнении плана, в оказании любой помощи – это обязательные правила, исходящие от воспитания и сложившейся советской практики. Колхоз сдружил и через месяц сели за парты. Редко кто отсутствовал, так как большинство проживало в общежитии, на Пушкинской, 3, и по утрам длинной вереницей направлялись в университет. Мы думали не столько о конкретном наборе знаний или о будущем в целом. У нас был интерес к обществу, в котором столько позитивных событий. Наполовину оставаясь школьниками, не забывали о причудливых шалостях: кого-то невзначай подколоть, сострить на паре. Попросить учителя отвлечься и рассказать случай из своей практики, ведь они для нас были значительными величинами!

Особой простотой души и великолепным чувством юмора обладал профессор Сулейман Базжеевич Сабаев, мой односельчанин. Знал свое направление великолепно, но формат подачи материала строил так, будто мы в детском саду. Впоследствии мы поняли, что это важная черта умных и настоящих педагогов и ученых. Мы сами должны были сложить скрытые от нас пазлы из секретного мира стихов и многоликой советской литературы. С особым вниманием проходили такие взрослые образовательные стандарты, не боясь, что сейчас влетит за что-нибудь, просто так. На его занятиях царило творчество, нацеленное на свободу мысли и выражения. Наряду с теорией, было много практики. Особенно ценным являлись его консультации для начинающих дигорских поэтов, к которым я не имел отношения в силу полного отсутствия такого дара от Создателя.

Георгий Заурбекович Калоев, ценитель изящного и большой знаток народного творчества осетин и всей нартиады. В его исполнении лекции на чистейшем осетинском языке придавали с одной стороны силу, с другой смирение. Силу от исторических события алан, смирение – как уважение к памяти усопших и живых старших. Мы уважали в нем остат-

ки старой осетинской культуры, уходящей плавно, словно отколотый айсберг. По нему можно было написать исследование, какими были осетины раньше, когда по-настоящему соблюдали законы гор. Его отец был известным своей мудростью человеком и видным общественным деятелем – первым представителем Северо-Осетинской автономной области при ВЦИК СССР. По сыну никто не мог сказать, что отец занимал такую должность в Кремле. Георгий Заурбекович на своем примере показывал, каким должен быть образованный человек, не разделяющий людей ни по какому-либо признаку, но не забывающий свои корни.

Я поверхностно относился к изучению осетинского народного творчества. Думал, зачем, мне бы скорее окунуться в московские вузовские коридоры.

– Таказов, – обратился ко мне Калоев. – Ты сейчас думаешь, что нартский эпос тебе не нужен. Запомни, пройдут годы, и ты пожалеешь, ибо он является нашей историей. Без знания своего прошлого, настоящего не построить.

Он был прав, и я сто раз вспоминал слова настоящего осетинского интеллигента и блестящего педагога. Как ни хотелось мне скакать во времени, прошлое возвращало к вечным постулатам нартов, чтобы оглянуться, взвесить все и с честью продолжить начатое.

К той же высоконравственной интеллигенции, пережившей спорные исторические коллизии, но сохранившие в себе горцев, верой и правдой послужившие родине, относится Николай Константинович Багаев, известный осетиновед. Как он по косточкам разбирал и излагал материал по орфоэпии, орфографии! Будто чистил неспелый орех от скорлупы, дабы добраться до сердцевины, до самой сути. Звуки и буквы становились нашими партнерами. Ради уважения к этому великому человеку я подчинялся и учил все заданное. Особых успехов не достигал: торопил время, ждал третий курс, чтобы улететь далеко-далеко. Тем более, я не собирался стать учителем родного языка. А ему, видимо, доставало удовольствие «помучить» дигорца, нередко допускающего примитивные ошибки как в грамматике, так и орфоэпии иронской речи с ксанским и кударским говорами. Это было нечто! А один знак в осетинском букваре просто выводил из себя – это апостроф, небуквенный орфографический знак в виде надстрочной запятой. Стоя у доски, с

большой долей расстройства, спросил его: «Кто автор этого несчастного и убогого апострофа, играющего на моих нервах?» Он скромно повернулся ко мне и с милой улыбкой произнес: «Это я придумал». Мне стало стыдно. Очень.

Не все, конечно, были такими народными и настоящими. Впереди пойдет речь о них – тех, кто думал одним днем, ничуть не задумываясь о завтрашнем, как и о людях, которые приходили учиться от всего сердца, рассчитывая на понимание, а получали некое подобие «гестапо». А может я неправ?

С первого курса мы поняли, что самый для нас опасный человек во всех отношениях – это декан Римма Заурбековна Комаева. Сотрудники факультета боялись лишний раз заглянуть в ее кабинет. Что касается нас, студентов, то усвоили для себя одно сакральное правило: если попросили зайти к декану, то пиши завещание или хотя бы попрощайся со всеми по дороге в ее кабинет. Каким бы ласковым тоном и какими бы добрыми словами ни высказывалась просьба явиться к ней, в голове происходил синхронный перевод: «На ковер!» Мне «посчастливилось» на первом и втором курсах испытать на себе магию овального, с цветочками по периметру, не стареющего с годами, ковра. Первый визит запомнился ее ором и моими трясущимися коленками. Каким бы героем ни считал себя до этого случая, в кабинете почувствовал себя загнанным, мелким, как мышь, тушканчиком. Обязательно должен был угодить во что-нибудь даже в кабинете! Секретарь открыла дверь с отчетливой надписью «Декан». Я вошел. За мной закрыли дверь. Будучи заочно знакомым с манерами руководителя, приготовился на себе испытать все и желательно, выжить после этого. Насчет второго не был уверен.

Стою у двери. Женщина в больших очках что-то читала. Минута проходит. Я понимаю, что надо бы как-то о себе заявить, но она не реагирует ни на что, кроме чтива. Обратиться к ней, просто открыть рот – это могло привести к далеко идущим личным неурядицам, а потому, шагнул поближе. Третий шаг стал последним – я наступил на ковер! Началось!

– Ты что! Ковра не видно! Проблемы с глазами?

– Мне показалось, Вы меня не видите, – пробормотал я виновато.

– Вы думаете я ослепла?!

Гробовое молчание. Стою. Жду. Проходит очередная минута. И только потом произнесла: «Всех ребят собери, найдите коменданта, возьмите по лопате, идите в Комсомольский парк, там субботник». Уяснив, что впереди целая жизнь, что «не так страшен черт…», угораздило меня полюбопытствовать: «К кому в парке обратиться?» И вновь крик: «К кому хотите! Вы что себе позволяете? Если там субботник, то вы одни будете? Наверняка там кто-то трудится и вам определят задачу. По окончании доложите!» Заткнувшись, я счастливо покинул испытательный полигон на живучесть. Чем дальше удалялся от кабинета декана, тем больше радовался, что еще дышу воздухом и вижу, как прекрасен этот мир!

Много лет мы с Риммой Заурбековной соприкасались по общим делам, связанными с родным факультетом. Все годы отношения были нейтральными с обеих сторон: она прекрасно видела мое расположение к себе, также уверенно читал ее мысли я. Мы никогда не были в хороших отношениях, но и не перешли к конфронтации. Не так давно она покинула нас. Из Осетии попросили записать видео. Сказал, как о покойнике, только хорошее, но, если прислушаться, заметна ненавистная мне искусственность, особенно в таких случаях широко применяемая в Осетии. Может это и неплохо, но не в моем случае. Память – самое ценное, что не дает покоя и ворошит прошлое, чтобы уберечь будущее от ошибок.

Мое увлечение общим языкознанием не было секретом для сокурсников. На практических занятиях Риммы Заурбековны нередко интересовался вопросами по направлению, до той поры, когда поправил ее, что у В.В. Виноградова и Бодуэна де Куртенэ разнились взгляды по определенным вопросам русской орфографии. Она, конечно же, не согласилась, и в грубой форме при всех осадила: «Тебе больше всех надо? Кого ты из себя возомнил! Думаешь, я вспомогательную школу оканчивала?» Это был последний вопрос, который задал на ее семинарах. Даже не стал проверять, кто из нас прав, хотя книги великих языковедов были у меня в общежитии. Аналогичный случай произошел с преподавателем (ныне – доктор филологических наук, профессор) Р.Г. Цопановой, на перемене недвусмысленно намекнув-

шей, что я человек увлеченный, но «ничего собой не представляющий». Типа, выпендриваться не стоит, сиди и слушай.

Так, на первом курсе я понял сермяжную правду жизни: хочешь стать кем-то, молчи до поры до времени, а лучше – на веки вечные. Будь паинькой. А если хорошенько подумать, именно это качество, молчать, во многом явилось предвестником грубых ошибок при строительстве советского государства после Октябрьской революции. О настоящем времени, через призму высказанного, – лучше вовсе не упоминать про полемику, а соглашаться и соглашаться. Главное – кресло, его комфортабельность и устойчивость, а там «хоть трава не расти». Одно порождает другое: много еще потрясений ждет страну, свидетелями которых станут наши потомки. Это отдельная тема.

Римма Заурбековна за долгие годы руководства филологическим факультетом, создала свою ауру, в которой уединенная душа не многим позволяла заявиться к себе хотя бы в эпизодах, тенью. Видимо, она давно поняла одну страшную истину: хочешь, чтобы тебя уважали, сделай так, чтобы боялись. Психологию масс знала хорошо, еще лучше, как ими править. Манипулировала тоже оригинально: на диспутах, форумах, конференциях, чтобы создать о себе нужное впечатление с первых минут, в кулуарах мероприятий говорила так, что без словаря не поймешь. Великолепная, грамотная, изысканная речь – это достойное отличие от многих, в душе ненавидящих, но искусственно улыбающихся ей в знак согласия выдвинутых ею предложений, на самом деле напрочь ими забытых.

Она знала, кто сильнее и на чью мельницу стоит лить воду. В ней нуждались многие государственные и общественные деятели, ибо лучше нее роль серого кардинала не сыграть. Ловить момент триумфа со временем Цезаря трудная задача. На осетинской площадке она в этом преуспела. Выслушивала членов совета университета, могла сделать замечание всему залу, несмотря на то, что это не ее прерогатива. В самом конце совещания попросит слова. Зал замирал. Надо сказать, ее выводы и мысли отличались оригинальностью и прагматизмом. Заключительное слово, состоящее из двух-трех простых предложений с элементами сарказма или юмора, срывали аплодисменты ученых.

Многие завидовали ее харизме. Зная мое нейтральное отношение к ней, став коллегами, нередко собеседники при мне говорили о ней крайне сурово и плохо. Но стоило ей появиться, улыбка сама собой возникала на устах флюгеров. Сама Римма Заурбековна за спиной редко говорила о ком-то. Могла пересказать городские сплетни и громко рассмеяться, не более. Во многом она была более мужчиной, чем многие мужики-лизоблюды. Как-то вызвала меня и попросила объяснить, почему опоздал на занятия, «на целых десять минут». Обычно такое мелкое происшествие не доходит до декана. Была зима. Выпал большой снег. Я позвонил в деканат, предупредив о возможном опоздании. Это был очередной период комаевских гонений против меня, но об этом потом. Коллега, воспользовавшийся этой ситуацией, отличающийся всеми «стукаческими» признаками, довел до сведения о, якобы, моем служебном промахе.

Я спросил декана, может ли она мне представить человека – своего информатора? Она мне его назвала и переспросила: «Почему нет?» Тут же вызвала этого человека, с которым много лет грамм соли и кусок хлеба делили. Унизила его до такой степени, что даже мне показалось перебором. До сих пор понять не могу, как такие люди по утрам смотрят на себя в зеркало? Но практика российской общественной жизни показала, что именно это качество часто делает людей «великими», к которым впоследствии и не достучаться. Это еще мелочи. В наши дни нередко даже ориентацию меняют, лишь бы угодить начальству, получить какую-то выгоду, а потом приходить домой и целовать жену и детей…

Вернемся к студенческой жизни. К Римме Заурбековне, Тамерлану Александровичу Гуриеву, Таказову Харуму Алихановичу и многим другим коллегам по факультету еще не раз вернусь. А пока о той интересной, полной радости и огорчений, студенческой жизни. Все три года, которые провел в стенах родного вуза, могли не настолько войти в память, если бы не атмосфера общежития на Пушкинской, 3, насыщенная самыми разными событиями. Пятый этаж был полностью «филологическим». В комнате жили вчетвером: Виталий Колити, Энвер Хохоев, Тенгиз Догузов и я.

Не так давно Тенгиз покинул нас. До их пор не верится, но жизнь есть жизнь. Мы очень любили его за открытость, доброту и талант… Светлая память.

Рядом, в другой комнате, обосновался Борис Хозиев, любитель поговорить про армию и тактико-технические характеристики танка. Приятно называть людей, которые впоследствии стали известными деятелями культуры Осетии. Уже на первом курсе был уверен, что они когда-нибудь займут свою поэтическую нишу. Один я, напрочь лишенный уникального дара, стоял особняком. Первый тест на то, кто мы есть, как тост знакомства, устроил Виталик. В один из вечеров все должны были презентовать свое творчество, то есть стихи. Журналистика в счет не принималась. Услышав, что я не пишу стихи, поэты посоветовали мне не стесняться. Другого выхода не было, как списать чье-то стихотворение (кажется, Руслана Бабочиева) на русском языке, опубликованное неделей раньше в газете «Ленинец». Внимательно выслушав, Виталик дипломатично произнес: «Кажется, я это уже где-то читал». Плагиат был немедленно раскрыт, хотя я так и не сознался. Слава богу, к этой теме больше не возвращались. Если двое дигорцев не оставляли сомнений в том, что они не первый год в объятьях музы Евтерпы, то сочинения Тенгиза Догузова вызывали большие сомнения. Надо отдать ему должное – никогда не переставал писать, заполняя старый толстый портфель кипами свежих творений, из-за чего кто-то из тех двоих выдал забавный, жизненный опус: «Тенгизы фыстыта бахордтой филфачы мыстыта» (стихи Тенгиза проели филфаковские мыши).

Через год к Борису Хозиеву и старшекурснику Павлу Короеву подселили первокурсников Казбека Мамукаева и Оскара Гибизова, прекрасных поэтов и людей, кого Бог не обделил своей особой поэтической меткой на сердце. Жить среди таких людей целых три года и не вспомнить про нашу жизнь, полную приключений и смеха до упаду, – этого позволить себе не могу. Благо, участники событий, кроме уникального гения дигорской поэзии Оскара Гибизова (я называл его «Дигорский Есенин»), живы и хорошо известны в Осетии. Пусть кто-то из них простит мою вольность в данной, несколько интимной, теме, характеризующая нас – детей советской эпохи и братьев по ремеслу. Особую ценность имеют творческие подколы между нами, поэтому о них стоит поведать.

Прежде, чем начну рассказ, признаюсь, если бы с нами не проживал Тенгиз Догузов, многого из предстоящих вос-

поминаний просто не было бы. Он был удивительно добр, весел, любил посмеяться так, как никто: мы только заканчивали смеяться над очередным анекдотом, как раздавался его сухой прерывистый и низкий голос, внушающий доверие и симпатию, и мы начинали снова хохотать до изнеможения. Так, главным образом, из-за своеобразного голоса и смеха Тенгиза, мы могли долго и неоднократно смеяться над одним и тем же рассказом.

Тенгиза не только уважали в общежитии, но и любили как младшего братишку за его теплый и добродушный нрав. Хотя на вид, любой мог догадаться, что этот человек неравнодушен к штанге: толстая шея, почти не различимая как отдельная часть тела, сутулость, вызванная тем же обстоятельством, и походка невысокого, но богатыря, могла действовать отпугивающее на пацанов. Но не в его случае. Внимательность заинтересованного слушателя и ямочки от частого смеха говорили о другом. Когда надо, он мог и творчески задеть так, что мало не покажется. У ребят в сборнике стихов «Ссудз, ме стъалы» (Гори, моя звезда) были опубликованы и стихи Бориса Хозиева. В одном из лирических стихотворений о любви, для придачи экспрессии любовных чувств, Борис пишет: «Аз-ба, Аз-рис» (Я – поцелуй, Я – боль). Хороший образ для контраста. Но и тут не обошлось без «добавки» к тексту. Тенгиз дополнил так, что никакая метафора не спасала высокие чувства. Тенгиз, наоборот, высмеял чувства самого высокого ростом филфаковца, за плечами которого были армия и целые годы в ГСВГ (Группа советских войск в Германии). Благодаря Тенгизу, этот стих стал широко популярен: «Аз-ба, Аз-рис» (Хозиев), «Аз-бабызы сис» (Догузов) (Я – поцелуй, Я – боль. Я – утиное перо). Сожалею, что по-русски не передать весь колорит, но, вряд ли останется осетин, который не засмеется.

Я продолжал свое ремесло, ребята – свое. Когда они поняли, что я не просто публикуюсь, а еще и деньги зарабатываю, то это подвигло их принять родственную специализацию. Энвер и Тенгиз стали публиковаться в «Растдзинаде» («Правда» – республиканская газета), при этом соревнуясь количественно, чтобы заработать побольше. Репортерство для них стало хобби. Если Казбек Мамукаев, Энвер или Виталик фабулу стиха изрядно вынашивали в себе, то Тенгизу ничего не стоило по дороге к дому уже сочинить, продекла-

мировать и, как обычно, бросить в анналы истории, то есть в портфель. Причем с таким видом, мол, я свое дело сделал, покормите меня.

Другое дело – остальные. Я оставался их первым и единственным слушателем, цензором и рецензентом, так как остальные в дигорском ни бум-бум, почти как я в догузовском, иронском или кударском исполнении. С умным видом старался высказаться критически, как подобает опытному аналитику. Редко соглашались. Каждый оставался при своем мнении. Полемика по вопросам языка и литературы до глубокой ночи, нередко под жизнеутверждающий храп голодного Догузова, делала из нас космополитов, но к утру все исчезало. Вершины гор, двуглавый и вечно седой Казбек, настраивали на новый образовательный день. По дороге повторяли домашнее задание. И так много-много раз. После занятий успевали в редакции газет, на Площади Мира, 25. Редакторы, корреспонденты – все были нам рады. Давали новые задания. Прислушивались к нашим предложениям. Мы участвовали во многих журналистских мероприятиях. Жизнь кипела. Есть хотелось больше, а потому Энвер и Тенгиз продолжали соперничать. Был и такой случай.

Цагараеву Гиго, заведующему отделом, поэту и писателю, исполнялось 50 лет. Мы были в редакции и попросили место в газете под очерк о самом Цагараеве. Тенгиз обрадовался, очерк – это тебе не заметка таказовская. Тенгиз решил написать о нем во время лекционных занятий. Энвер, осведомленный о завтрашнем режиме Тенгиза, той же ночью спустился в Ленинскую комнату-читальню и к утру очерк был готов. Тенгиз в универ, Энвер – в редакцию. Вечером Тенгиз в ярости напоминал быка породы «Лидия», которых специально растят для корриды. В такие минуты он быстро скидывал одежду, надевал старые, дешевые трико с большой дыркой в промежности. Брал гантели, или прямо напротив зеркала, целеустремленно глядя на себя любимого, начинал заниматься подтягиванием, сопровождая силовые упражнения нецензурной бранью на грузинском и русском языках вперемешку. Мы уже привыкли к такой картине и на вопрос где Тенгиз, уверенно отвечали: «Стресс снимает». Потом уходил в умывальную на этаже, расположенную в конце коридора, слева. Напротив – дверь мужского туалета, оснащенная толстой тугой пружиной, из-за чего

при каждом посещении туалета раздавался грохот на полкоридора. Наконец, Энвер явился. Пыл угасал и начиналась дипломатия.

– Почему ты, Энвер, посмел раньше меня сдать в «Растдзинад» очерк о Цагараеве к его полувековому юбилею? – предъявил Тенгиз. – Я во время всех лекций писал, пыхтел, переписывал на чистовик…

– Посчитал нужным побыстрее написать, так как знал, что ты будешь занят в университете, – невозмутимо парировал дигорец. После перепалки в воздухе запахло жареным. Мы с Виталиком ждали развязки, но мой вопрос и, более того, ответ Тенгиза, расставили все точки на веселой, смехотворной ноте.

– Ладно, Тенгиз, проехали! Скажи лучше, как среагировал Гиго на второй очерк о себе? – спросил я.

– Он сказал, мол, извини, дорогой, но очерк Энвера уже в печати, и добавил: «Тенгиз, ты не выбрасывай свой труд, годы быстро летят и на мое 60-летие ты его точно обойдешь. Можешь у меня оставить», – обиженно высказался штангист-репортер-очеркист.

Так завершился день двух соперничающих фирм с одним учредителем. К ночи мы с Колиевым не могли упустить шанс поиграть на их нервах: по условленному знаку я начинал поддерживать Тенгиза, а Виталик – Энвера. Разгорался новый костер, но тогда мы с Виталиком, тоже по договоренности, начинали нападать друг на друга, а виновники истории – разнимать, ничуть не подозревая, что две маски, обычно украшающие театр, символизируют одновременно комедию и трагедию, из которых состоит и вся наша жизнь на планете Земля. Завтра наступит новый день, и вы станете свидетелями новых приключений с безусловным участием дорогого нам Тенгиза.

Несколько лет назад, Казбек Мамукаев, известный осетинский поэт, писал мне: «Да, все было прекрасно! И ты был прекрасной душой компании, и Тенгиз был своего рода связующим звеном в плане бешеного юмора, которого у него, быть может, и не было в должной мере, но нас им заражал до невозможности. Короче, что бы там ни было, мы все были единым целым! Вспоминая те дни, мы будто возвращаемся в тот мир и заново там живем, радуемся, веселимся, достигаем каких-то, пусть даже небольших, побед и,

конечно же, не хотим оттуда уходить. Дай Бог, чтобы наши воспоминания всегда были со всеми нами и давали побольше оптимизма. Чтобы не забывали – мы все друг у друга есть!!!». Обычно удаляю записи, но эту, поместив в закладки, сохранил. Знал, что пригодится.

Все заумные люди какие-то странные: Казбек ежегодно поступал на филфак. Сдавал все на отлично. В том же году бросал. Потом все повторялось. И так три года подряд. Потом была армия, про которую все отслужившие стараются рассказать всему миру – про запах пороха и попадание в «яблочко» с трех километров. Казбек не любил. Как-то раз спросил его напрямую: «Казик, что тебе больше запомнилось из армейской жизни?» Немного подумав, оглядев потолок, повертев своим необычным, большим носом, весьма оригинальным во всех ипостасях, сказал: «Однажды нам приказали рыть глубокую яму для канализации. Ко мне подошел один незнакомец-солдат и спросил: «Это ты, кто занимается философией?» Ответив утвердительно, спросил его: «Ты тоже?» и заметил на его лице довольный взгляд, что говорило о полной солидарности во взглядах на мир. Я переспросил, для чего ему занятия по философии, на что ответил как-то загадочно и быстро: «Для себя. Для семьи…» и задумался. Больше мы с ним не виделись, но его ответ с акцентом на семью, до сих пор звенит в ушах, задавая новые вопросы мне же самому: «Где семья и где занятия философией?»

К Казбеку на хромой козе? Даже забудь. Он был умнее нас всех и в этом не было сомнений ни у кого: ни у историков, просивших его помочь разобраться в определенных узких вопросах, ни у «немцев» – студентов факультета иностранных языков, которые удивлялись познаниям нашего друга в немецком языке. О латыни и говорить не приходится – это его конек! Он разбирался во всем. У меня создалось впечатление, что может осилить и технические специальности. Тем не менее, сурхдигоринский парень с носом Эдриана Броуди плыл по течению, как заблудший демон, не отдавая предпочтение ни одной из специальностей, живя на одну стипендию в размере 21 рубль 50 копеек. Считая зазорным просить деньги у родителей, выбрал для себя единственный маршрут на все годы учебы: университет – диетическая столовая на проспекте – общежитие. На наши

просьбы пообедать с нами отвечал отказом, ибо не хотел, чтобы мы за него платили. Человек – умница, человек – минимум.

Наряду с тем, что нередко читал новый стих из скрытой кладовой лирики, у него была одна слабость, а точнее, сладость. Халва. Он любил ее так, как никто и никогда! Настоящая поэма человека и халвы. Зрелище, с каким удовольствием он с ней расправлялся, описать не смогу. Создалось впечатление, что отдельные изъяны в зубах – результат действия того же сладкого и желанного донельзя продукта. Ни Павел Короев, ни Борис Хозиев, с которыми он жил, не могли позариться на нее, дабы не навлечь на себя гнев сторонних сил. Мы – также. Казбек, предлагавший составить компанию по лакомству, получал отказ с улыбкой на устах.

Однажды случилось то, чего боялись все. Как правило, мы могли не закрывать двери – время было такое. Без воров и обмана. Тенгиз, с душой поэта и аппетитом штангиста, заметив зияющую пустоту наших закромов в комнате, тайно удалился в соседнюю. Борис, любящий безупречный порядок в бумагах на рабочем столе, не стал обращать на Тенгиза внимание. Незваный гость, почуяв запах того самого продукта в тумбочке Казика, уверенно достал и в сочетании с белой буханкой, наяву, а не в бреду, ощутил вкус нирваны. Казбек всегда покупал ее много, одним большим куском в два-три килограмма, недели на две. Нетрудно представить оперу, а точнее, ораторию или кантату, в исполнении одного массивного, голодного певца в сопровождении оркестра. Музыка Тенгиза была в фибрах, прислушиваясь к родному, любимому прикусу (прикус – взаимоотношение зубных рядов при максимальном контакте и полном смыкании зубов верхней и нижней челюстей). Мысли путались, редко успокаиваясь, смотря на литровую посудину, где не первый час жужжала пчела, при виде которой наступил ступор, и он остановился. Вернее, дробильная мощь челюстной карусели дала сбой, боясь получить укус от мелкого, но не менее голодного, крылатого насекомого.

Вечер прошел спокойно. Тенгиз, довольный как мясник на рынке, лег и уснул. Как ему спалось и какие сны снились – история об этом умалчивает. Но если бы он подумал о последствиях, то вряд ли смог бы так храпеть и наслаждаться

жизнью. А пока он был в объятьях шестикрылых серафимов и вне закона. Идиллию нарушил человек в шляпе, полностью одетый, взъерошенный и с отчаянным взглядом, вопиющим миру: «За что?!» Это был Казбек. Встал у кровати, держа в руках лоскут бумаги с мелким куском халвы, крик Казбека в 100 децибел: «Ты что натворил?», мог повергнуть в ужас любого, только не спящего, одурманенного халвой и грезами, Тенгиза. С одного бока повернулся на другой. Открыл глаза. «Ты не знаешь, что я люблю халву?», – это был риторический вопрос и даже не вопрос, а прямая угроза. Но сытый Тенгиз производил впечатление человека, прожившего сто лет счастливой жизни и готового на все, даже на поезд в один конец… Открыв глаза с той же невозмутимостью ответил на осетинском: «Ама дын чи загьта Тенгиз халва на уарзы?» (А кто тебе сказал, что Тенгиз халву не любит?)

Каждый из двух героев этой сценки слушал исключительно себя. Мы с Виталиком и Энвером были в оцепенении! После ряда красочных идиоматических выражений сосед, поняв необратимость совершенного, быстрым шагом удалился к себе. Что было потом – неважно, но очередная быль, а не байка, вскоре разнеслась по узким коридорам общаги, оставляя следы в памяти будущих филологов, экономистов, юристов…

Тем временем университетская реальность влекла в просторы неизведанного, сулящего не только корочку диплома, а холодильники, полные яств, счастливые лица жен и детей, и гордость старших. У осетин всегда в цене культ образования. Большинству хотелось, чтобы дети становились военными, только потом по убывающей – медиками, инженерами, юристами и в последнюю очередь филологами.

С весны до осени многие из соседей уезжали на заработки на Север, в Сибирь. Строили дома, кошары для овец, коровники и другие объекты для совхозов и колхозов. Привозили домой кипы денег. Их прозвали шабашниками. В тот год, когда я поступил в университет, стройгруппа из соседей, вместе с моим отцом трудились в Омской области. Мать сообщила в письме, что я стал студентом. Отец накрыл, как говорят сейчас, поляну. В разгар пышного застолья наш сосед, Тори Галеов, которого вспоминаю с большим удовольствием из-за его трудолюбия и помощи отцу, когда я уехал учиться

в Ленинград, произнес не совсем приятное отцу предложение: «Учитель – это тот же пастух». Запомнил, как стимул убедить соседа в обратном. Это к тому, что такие специальности как экономист или юрист и тогда были престижными, на особом привилегированном положении.

Не потому, чтобы, экономя народное богатство и защищая закон, строить светлое будущее. Наоборот, чтобы с толком обращаться с бюджетом и в то же время не забывать про свой собственный карман, скрытый от чужого глаза. А юристу со времен автора «Институции» Гая (римский юрист II века н. э.) сам бог велел пользоваться хитросплетениями и двусмысленностью законов. Между тем, утрируя и не совсем, можно сказать, что первым юристом был Господь, установивший состав правонарушения, совершенного Адамом и Евой. Яблоко съели и применил он к ним санкцию, изгнав из рая, и как настоящий юрист не привлек к ответственности подстрекателя, змия-искусителя.

Жизнь текла в своем русле, принося мелкие победы и ощутимые неудачи. Особенно это чувствовалось в период сессий. Как-то я рассказал однокурсникам, что соседи-шабашники, отправляясь в очередное путешествие за длинным рублем, просили меня ранним утром встретиться им по дороге, так как у меня «счастливая нога», которая приносит удачу и хорошую прибыль. После этого уже не только мои однокурсники перед тем, как выйти из комнаты, становились в очередь на проведение этого ритуала в общежитии. Я выходил из комнаты. Дотрагивались до меня и вереницей направлялись держать очередное испытание. Особенно часто этой народной церемонии пользовались Мзия Музаева и Эмма Байсонгурова. Первая и на экзамене старалась выступать только после меня. Практика показала правильность ее выбора, ибо не было случая, чтобы при таком раскладе кто-то получил позорную «двойку» и даже «тройку». Видимо, знахарка Аппа, о которой ранее поведал, оставила на мне особую метку продолжателя ее эзотерики.

Мы были второкурсниками. Передавали опыт «ведения борьбы с экзаменаторами» в виде советов, как списать в те самые волнительные минуты, когда думаешь не о другом, что было весьма по-коммунистически, а о себе несчастном. Во времена глобализма эту возможность выбора в свою пользу назвали толерантностью. Но

был один педагог, на экзамене которого даже мысль об этом глаголе несовершенного вида «списать» никому не приходила в голову. Это была Римма Заурбековна. Зачет это был или экзамен – не имело значения. Накануне испытания, напоминавшего больше дорогу на эшафот, твое «Я» сливалось в самые пятки. Совет «собраться с мыслями» воспринимался как издевательство. Все равно что 120-летнему лежачему больному дают надежду на быстрое выздоровление. Минуты сдачи экзамена, когда садишься напротив Комаевой, давили так, как, наверное, давят на осу или муравья звуки надвигающейся грозы. Будто кровь останавливалась в жилах, а экзаменатор решала: оставить тебя в живых или выписать «командировку» без права на обратную дорогу.

Во время ответа по билету мозг собирался в одну могучую кучку в надежде, что она что-то не услышит, послышатся чьи-то шаги, и ее позовут к телефону. Ты что-то спросишь у друзей, наконец, подышишь полной грудью. Но мысли по кругу возвращались к билету и ответам на хитросплетение вопросов. Если с первого раза ответил и Римма Заурбековна вывела оценку, да ты еще живым вышел в коридор, мягко, как пушинку, прикрыв за собой дверь, – ты просто герой настоящего времени. И так многие, кого помню и ценю за то, что испытали массу отрицательных эмоций, но без нервного срыва. Друзья про остальные экзамены не спрашивали вовсе, если получали ответ на основной: «Комаевой сдал?». На их лицах читалось: ну ты – мужик, типа, тогда тебе не страшно и грехопадение Содома и Гоморры.

Мы то ли сдали, то ли сдались – не помню, но оценки получили что надо. Позже наступало время такой же экзекуции у первого курса, где имел счастье учиться наш друг из южноосетинского села Сатикари, Тенгиз Догузов. Когда Комаева вызвала его к доске, ничего не предвещало беды. Железная походка и гробовое молчание придавали уверенность, как минимум в завтрашнем дне.

– Напишите слово «лифт», – командным, то есть, своим обычным голосом, попросила Комаева. Тенгиз, будто целуя доску, прильнув к ней, вывел то самое, многообещающее, и вместе с тем интригующее слово. С видом исполненного долга, с гордой выправкой повернулся к Комаевой,– мол, и что, думала не напишу? Могу еще…

– Найдите корень! – громом, не эхом, прозвенело в ушах.

Мы дружили по-настоящему и особых секретов не осталось между нами, а потому, хоть и не без волнения, могу представить состояние человека, который вроде как слышал задачу, но одновременно почему-то коленки подкосились, земля не держит. Все в голове вперемешку: вспомнил босоногость детства, вкус чурчхелы, безответную любовь…

– Начинайте! Что тебе не понятно! – здесь умышленно не ставлю вопросительный знак, ибо запахло далеко не любопытством, а тревогой, как в романе «Над пропастью во ржи». Забыв напрочь о слове лифт как основе и нулевом окончании, в голове вертелись загадочные, совсем не родные: корень в слове, суффикс, приставка и окончание, полный морфемный разбор слова «лифт» … Разыскивая окончание, понимал, что какая-то несуразица получается, если убрать букву «т», а потому решил удалить заглавную.

– Ифт, – послышалось где-то в неизвестной части аудитории, тихо, бережно, как осетинская невеста в первую неделю замужества. Признаком скромности и уважения к старшим не отдавало. Скорее беспамятством и инстинктом самосохранения.

– Что?!!!! – это был ор в исполнении Комаевой. Сама по себе орфоэпия этого слова звучала много-много раз, придавая ему какую-то неземную экспрессию, выбивая из-под ног все, что они на себе держат уже второй десяток лет. Растерявшись и в полной прострации, студент, кажется, забыл не только то, что от него требуется, а даже собственное имя. До него не доходил громкий хохот всей аудитории, в которой многие до Тенгиза не раз испытали гильотину Комаевой.

– Что ты сказал?! – не унимался враг, резко сбросив дорогие очки на грудь, по типу озарения-благодати из немого фильма «Праздник святого Йоргена»: «Лучистые глаза отрока сияли верою…» Понимая, что в слове практически заканчиваются согласные, Тенгиз пожертвовал фонемой «т», уверенно произнеся редкий неологизм эпохи, ввергнувшей всех в бездну, отдающую «Туманностью Андромеды», свет от которой идет до Земли 2 520 000 световых лет. Римма Заурбековна, так редко бывавшая демократичной в аудитории, рассмеялась так громко, что в Тенгизе заиграли новые

краски жизни. Зачет был принят на условиях авансирования на недолгий срок.

Наряду с непредсказуемостью в Комаевой была особенная, если не искрометная, то очень интригующая тайна: из грубых, безыскусных случаев, составляющих рутину жизни, могла за минуту устроить такое событие, что воспоминаний хватит на всю оставшуюся жизнь. И ты начинаешь сомневаться, как в себе, так и в ней самой – эту тайну Римма Заурбековна унесла с собой, оставив много ребусов, ожидающих своей разгадки в сердцах нескольких поколений. Думаю, даже Зинаида Хасанбековна Тедтоева, у которой собственная жизнь долгое время была разделена на две половины: свою и Комаевой, на дом и работу, согласится со мной. Но об этом чуть позже…

Сессия подходила к концу. Угораздило встретиться с Комаевой в коридоре. По походке мы узнавали логистику ее пешеходных маршрутов. Сосредоточенность выдавала пункт назначения – главное здание вуза. Но это не помешало задать вопрос: «А где реферат по русскому?»

– Еще рано, Римма Заурбековна! Никто еще не сдал, – отчеканил я. Она остановилась. Это мне понравиться не могло никак.

– Реферат готов?

– Да, – ответил я.

– Завтра ко мне!

По интонации было совсем нетрудно догадаться, что на мою голову свалилась очередная, тяжелая ноша. Это при том, что историю орфографической реформы 1917-1918 гг. вплоть до имен членов Комиссии, принимавшей ее, знал хорошо. Но одно дело знать, по своему мнению, другое – по мнению Комаевой. Отличие существенное, как небо и земля. Настроившись на постсессионную лескенскую лафу в виде рыбной ловли, игры в футбол, купания в речке и других прелестей, в момент одолели смутные сомнения и недобрые предчувствия. И не зря.

На утро реферат был на столе декана, а через день, с утра, застенчиво светило солнце. Улицу Ватутина мыли автомашины, но через пару часов неожиданно хлынул крупный, теплый орджоникидзевский дождь. Стоять долго у окна в ожидании аудиенции не пришлось. Меня позвали… На ковер. Лучше бы к стажеру-стоматологу.

Когда вчерашний школьник попадает в университетскую среду, наряду с обязательным посещением лекций и семинаров, должен получить новое ощущение своего «Я». В первую очередь, интерес к сменившейся обстановке, в которой чувствуется неопределенность, манящая вдаль – к познанию мира. Студентам технических специальностей с первого года предоставляется масса практики, а для гуманитариев – теория с утра до вечера, сменяя одного лектора за другим. В такой ситуации нелегко привыкнуть к однообразию. Но, вдруг, появляется учитель и ученый в одном лице, умеющий подать ту же теорию так, будто сам участвовал в исторических событиях многовековой давности, при взятии Бастилии, скифских походах…

Волшебная палочка мудрости, открытости и увлечения, оказалась в руках Тамерлана Александровича. Он интриговал вопросами, на которые, казалось бы, мы должны знать ответы. А мы молчали. Лектор говорит доступным языком, и мы вникаем в суть проблемы, а что дальше? На этот вопрос он просит нас самих ответить и делает это с таким видом – мол, ребята, помогите. Так, шаг за шагом, преодолевая скованность и неуверенность, начинаем проявлять инициативу. Ученый и педагог тот, кто во время лекции завораживает аудиторию, приводит примеры, делает паузу, если кто невзначай засыпает, то рассказывает историю из жизни так, что не до сна. В этой практике столько секретов!

Мое первое знакомство с гуманитарной наукой произошло на первом курсе: Гуриев попросил написать тезисы. Кроме ленинских и не представлял, что за жанр такой. Гадать долго не пришлось. Он объяснил так, будто сравнивали книгу с тетрадкой. Сравнение – лучшая подсказка, как это делал в школе Бубуджин Хидиров. Первые тезисы студенческих конференций в Казани и Волгограде дались с трудом. Отправили их или нет, не знаю. Мне не это было важно: главное, профессор доволен.

Благодаря Тамерлану Александровичу, я стал писать на иронском, вначале не совсем удачно, но уже публиковался в «Растдзинаде». Он пригласил меня на обсуждение драмы Шамиля Джикаева «Отверженный ангел» накануне первого показа в Осетинском драматическом театре. Это незабываемо, когда под ногами начинаешь ощущать землю и, за-

одно, свою значимость на ней. Судя по тому, какой интерес Тамерлан Александрович проявили к моему замечанию в одной сценке, я был не лишним в тот вечер. Не без участия Гуриева, хотя он сделал вид, будто он ни при чем, мне вскоре выписали удостоверение критика, что стало вечной контрамаркой для бесплатных посещений театра.

Он поручил написать рецензию, потом еще и еще для той же республиканской газеты. Редактировал профессор так, что половина текста переставала быть моей. Но это уроки. Наглядно. На всю жизнь.

Экзамен на стойкость сдавал во время первой в моей жизни экзаменационной сессии. Предмет «Народное творчество». Экзаменатор Габисова Светлана Зелимхановна, блестящий знаток фольклора, кладезь знаний по русскому фольклору, человек не только в высшей степени интеллигентный, но и настоящая живая энциклопедия народного творчества!

С первых минут на испытании присутствовал Гуриев. В первой пятерке я. Беру билет и угораздило сказать, что могу отвечать без подготовки. Светлане Зелимхановне, кажется, эта самоуверенность не понравилась. Любезно указав на стул, коротко сказала: «Отвечайте». Ну, думаю, сейчас удивлю. Стал отвечать. Один дополнительный вопрос, затем второй… И я точно «присел». Опозорился! Невдомек, что одно дело говорить своими словами, другое – давать полные определения сказкам и былинам. Устная «двойка» – первая оценка. Встряхнуло так, что лучше на этом месте подытожить. На лице Гуриева будто проступил вопросительный знак. На моем – обида за всех на свете. Месяц избегал встречи с профессором. После пересдачи и оценки «хорошо» вновь почувствовал запах свежих ягод, манящий аромат фруктов и желание встретиться с Тамерланом Александровичем. Стыдоба перед ним и его дочерью Мадиной, однокурсницей, у которой глаза были чертовски красивые, как сам гипноз, уносящий в пучину страстей. Память стирает следы позора, но не навсегда, почему и помню до сих пор свой дигорский выпендреж и достойную за него выволочку.

А пока сутолока студенческих будней: утро, занятия, общежитие. Выбираю третье, и верну вас к нашей комнате на пятом этаже, попасть в которую можно было в любое время и любому смертному, потому что замок открывался

даже ногтем мизинчика. Но, чтобы сохранить «статус кво», по утрам также, как и все, сдавали ключ на вахту, старушке Марго. Зачем? Бывало, сквозняк на этаже устраивал День открытых дверей… За дверьми – судьбы людей, мечтающих о сытном ужине в кафе «Спорт» напротив, с вечными громкими разборками нетрезвых посетителей. На самом деле, в лучшем случае, мысли приводили к пешему походу к Сапицкому лесу, откуда почему-то нередко слышались грузинские мелодии.

Бывало и по-другому, когда стоило только захотеть недоваренный куриный бульон из чужой кастрюли, а еще лучше – саму курицу. Зима. Вечереет быстро. Наши мысли, по части обретения чего-нибудь съедобного, привели к следующим приключениям. Не так далеко, но и не рядом, – там, где проживал Мамукаев с халвой, а дальше жили две сестры Хадаевы. Старшую, угрюмую, как соседка в Лескене, звали Фуза, младшую, юморную, добрую и приветливую – Эльвирой. Не так давно их же односельчанином, сурхдигоринцем Энвером Хохоевым, они были замечены на улице с большими сумками. Направлялись в сторону общежития. Он, как истинный джентльмен, помог донести сумки до комнаты, одновременно взвесив содержимое и по наитию определив: там курица.

Я с трудом открыл примерзшее окно. Прицел влево, четко определил координаты их оконного выступа, служившего им в качестве холодильника. Иметь в комнате холодильник – мечта поэта. Поэтов было много, а холодильника ни одного, лучше бы наоборот. Мы продолжаем изучение далеко не странного объекта. Глазомер вычислил: там или две курицы, или зарезали хозяина курятника – петуха, выработавшего свой «ресурс». Я предъявил непризнанным гениям нашей комнаты незатейливый план: мы с Виталиком Колиевым связываем четыре швабры, дотягиваемся до свежего мясного натурпродукта, обрываем веревку, сумка падает с пятого этажа, а там Тенгиз ее подбирает и бежит к нам. Хохоев Энвер, будучи земляком предполагаемой пострадавшей стороны, а заодно проявивший себя работягой, заработавший тем самым безупречный имидж бескорыстного помощника, варит награбленное, на кухне дежурим поочередно, едим на здоровье и спим как сурки недобитые.

– Почему как сурки? – задумчиво спросил Тенгиз с голодными как у крокодила глазами.

– Не мешай, человек дело предлагает, – ответил за меня Колити, но заметив неудовлетворенность в тех самых глазах Догузова, добавил: «Хорошо, ты будешь спать как суслик, а пока одевайся, тебе тут тоже незначительная роль отведена, основное мы берем на себя». После этих слов я боялся посмотреть на Виталика, чтобы не упасть со смеху. Разыскав швабры, принялись за их модернизацию. В комнате произведенная стрела не помещалась, и она повисла в холодном снежном пространстве. Кто-то постучался. Изнутри дверь закрывалась уверенно, а потому мы были застрахованы от супостата, который мог помешать осуществлению нашего плана. Тенгиз, по исполняемой незваным гостем мелодии, определил: «Это Ахсар», – прошептал мне в ухо. Я кивнул, что все норм. Все дело в том, что Ахсара в детстве угораздило одно ухо потерять во время сенажных работ, а потому он не только плохо слышал, но еще и прозвали его «Пьером Безуховым».

Работы по изготовлению десятиметровой стрелы подошли к концу. Тем временем Тенгиз выглядывал из-за угла здания, на улице, в ожидании команды «фас». Мы с Виталиком еле удерживали конструкцию из четырех швабр, но зацепили заветный сундучок и с силой дернули. Провизия из Сурхдигоры упала с высоты. Раздался тупой звук. Эхо долетело до нас, и мы хором скомандовали нашему гонцу, который казался черным облаком во тьме. Тенгиз стремглав побежал к нашему предполагаемому ужину. Мы резко тянем стрелу на себя, одновременно успевая что есть силы кричать вниз: «Ах ты вор несчастный!!! И тебе не стыдно!!» Тенгиз, приняв этот жуткий голос сверху за знамение, оторопел. Пронесло, но подумал, это Хадаевы или еще кто из проживающих застукали. Резко затормозил. Поскользнулся так, что упал на спину пластом. Вскочил и принялся удирать обратно. Это в наши планы не входило и все втроем заорали вниз, мол, ты что делаешь, забери курицу, растратив весь идиоматический фонд дигорского языка. Энвер схватил железное ведро и пустил вдогонку убегающему, добавив: «Куда?!! Какашки собираешься есть?!» Это, видимо, здорово повлияло на исход мероприятия, и он развернулся. Через минуту сверток был уже в руках Тенгиза. Груз был до-

ставлен вовремя. Это оказался массивный петух, которого варили до ночи. В чей-то огромной кастрюле, служившей девочкам посудиной для кипячения белья.

В это время на кухню вошла старшая из Хадаевых и по-свойски похвалила, мол, какие молодцы, хозяйственные, сами готовят. Потом добавила, как в «Мимино»: «Кому-то повезет! Такие зятья бухти (в мусорке) не валяются!» Хотел вставить свои пять копеек, типа «другой бы на нашем месте поступил также», но, так как особой скромностью мы не отличались, лишь поморщились и согласились.

День удался так же, как и прошедшая, богатая яствами, ночь, оставившая в наших желудках долгое чувство наслаждения и незначительные угрызения чего-то типа совести. Наш благословенный покой нарушил голос из поднебесья, который принадлежал «мудрецу» Колити: «Энвер, марш за ведром!» Худой и высокий, как гвоздь, поэт Хохоев грациозно подошел к окну. Зевнул и глянул вниз: казенное ведро как в воду кануло. Кому-то оно пришлось ко двору и его умыкнули, видимо, не без удовольствия. Так как это было не пятое и не шестое ведро, «посеянное» нами за два года, случай не поверг в шок. Виталий раздумал вставать вовсе. Потом вспомнили про Тенгиза. Он спал так крепко, издавая редкий, приглушенный, то ли храп, то ли рык, что вызывал зависть. Через день слух о пропавшем петушке разнесся по нашей округе. Странно, но кто-то эту историю почему-то громко рассказывал возле нашей двери…

А жизнь продолжала диктовать свои условия, давая знания и опыт. Ребята готовились к литературному вечеру в республиканской библиотеке и каждый читал в периметре одной комнаты свое гениальное, доселе невиданное, стихотворное произведение. Я выступал в качестве ведущего и был большим любителем экспромта, а потому кайфовал безмерно. Мне казалось, они слушают только себя. Отнюдь. Чтобы внести какое-то разнообразие в их поэтический разноголосый мир, с открытой издевкой, но весьма серьезно, произнес: «Все поэты – дураки, все дураки –поэты!».

Как будто они только этого и ждали, мол, к чему это я – предъява удалась, но ненадолго. «Что за привычка у вас, господа поэты, не дослушивать мысль гениального писателя?» Узнав, что эти слова принадлежат Ги де Мопассану, мины у космополитов сменились – переключились на

многообещающую музу, и они продолжили, пока я вновь не произнес: «Мопассан был гидом». На минуту молчание повисло в комнате.

Вечера поэзии давали чувство исполненного долга. Тенгиз, надо сказать, хорошо прибавил в мастерстве. Впоследствии все трое станут известными молодыми поэтами. Осанка изменится у всех: Виталий втянул грудь, Энверу и втягивать было нечего, а потому брал жестами, говорящими о его необычности. Тенгиз стал похож на сибирского барса, получившего травму голени… Это вполне естественное явление для творческих людей, представляющих мир наизнанку, а себя и вовсе ангелами во плоти. Одно оставалось неизменным – они были и есть, дорогие, родные мне люди.

На переменах часто собирались на перекрестке с историческим факультетом, где так просто было встретиться с профессорами, по виду напоминавшими о лучших временах классического образования. В первую очередь это был высокий, массивный, одетый просто, умудренный жизнью и опытом Михаил Сосланбекович Тотоев (Михал). Молчалив, кроток и смирен. И главное: добр. Даже в медленном шаге чувствовалась история непростой жизни, прожитой скорее вопреки. Увидеть его уже было успехом. О нем все слышали, но никто и подумать не мог, чтобы поздороваться с богом. Я перечитал много его исторических трудов, чтобы понять, кто же он? Знал, что поговорить, пообщаться с ним никогда не удастся. Но время все устроило по-своему: несколько минут мне удалось постоять рядом с профессором в коридоре истфака. Я слышал его речь. Он говорил на дигорском с присущей всем дигорцам интонацией, красиво и спокойно. Мне вспомнился аналогичный случай.

Много лет спустя, в Ленинграде, аспирант Алан Караев (ныне доктор технических наук, профессор) познакомил меня с Адельгиреем Кусовым и его женой – архитектором Ниной Бигаевой. В тот же вечер оказались у них в гостях. Вкратце Алан объяснил, что Адель тоже осетин, родившийся в северной столице, а потому и не разговаривающий на родном языке, его отец ученый, профессор. И, пожалуй, все.

Просторные, толстостенные три комнаты говорили о многом: в двух шагах от Невского, прямо у Владимирского собора могут жить только избранные. Как только вошли

в прихожую, к нам вышел невысокого роста седовласый, чисто выбритый мужчина в строгом костюме. Он был больше похож на еврея, чем кавказца. Сын позвонил ему, что придет с гостями, а потому в иной одежде встречать гостей было не принято. Разговор был коротким, но предельно интеллигентным. Пожилой, лет под восемьдесят-девяносто, выглядел строго и доброжелательно, напоминая аристократизмом доктора Преображенского в «Собачьем сердце». На стенах висели редкие, но со вкусом подобранные картины и стояли два шкафа с книгами. Вскоре он попрощался с нами, пожелал хорошего вечера и удалился в свой рабочий кабинет. Узнав, что отец, Алибек, ученый-осетин, я пошел к нему в кабинет, полный книг и разных папок. Попросил уделить немного времени.

Сначала он расспрашивал о тонкостях журналистики, об отдельных публицистах царского времени, как вдруг сменил язык общения! С того времени прошло несколько десятилетий, а я забыть не могу тот кристально-красивый иронский! Как же он красиво говорил! Парнишка из Заманкула, приехавший в начале XX века в Санкт-Петербург, перенесший все тяготы того времени, включая репрессии и блокаду, ставший известным ученым, доктором химических наук, профессором Технологического института и заведующим Менделеевской лабораторией без единой запинки говорил на родном языке. На языке, который в силу ряда политических и идеологических шатаний, коверкали и забывали напрочь, дабы русифицировать советского человека от и до. Он говорил так, что удивлению моему до сих пор нет предела, ибо на таком языке я бы мечтал говорить и писать. Он вспоминал Цоцко Амбалова, сыновей Андукапара Хетагурова и других осетинских интеллигентов, расстрелянных решением пресловутой тройки. Своим ведением разговора со мной и особым тактом в общении напомнил Михала Тотоева.

Недавно позвонил доктору экономических наук, профессору знаменитого финэка Борису Михайловичу Сабанти, автору истории финансов России, ныне проживающему во Владикавказе. Он вспомнил, как в шестидесятые годы Алибек, один из выдающихся в мире исследователей свойств резины, на своем полувековом юбилее, аккуратно снял туфли и под аккомпанемент Розы Бекоевой на гармонике,

выпрямив грудь и приняв свойственную горцу осанку, стал танцевать осетинский танец. Сабанти также сообщил, что Алибек вернулся в Осетию, когда неизбежное превращается в реальность – похоронен на Армянском кладбище у «Контактора».

В годы студенчества открывалось некое устное, зависшее в воздухе, противоречие между иронцами и дигорцами – историками и филологами. На ровном месте, могли услышать, что «истфак дигорский полностью». Ряд ведущих профессоров были выходцами из Дигорского ущелья (Ортабаев, Гатагов, Тамаев, Магометов, Гобети и другие), но это обстоятельство для отдельных гуманитариев постепенно становилось, по сугубо их личному мнению, несправедливым решением Создателя, поправить которое до сих пор никому не удалось. Главным дигорцем принято было считать Тотоева. А главным противником дигорцев – Макса Блиева. Не вдаваясь в подробности такого ненаучного, скорее, бытового расклада, знали, что некий противовес есть в названной проблеме. В те годы впервые услышал байку про дигорца-экзаменатора, якобы произнесшего фразу на века «дигорцам – пятерки, иронцам – четверки, остальным – по знаниям». Или другая: студент-дигорец заходит на экзамен к экзаменатору с дигорской фамилией и, дабы задобрить его, произносит на его же родном, дигорском «Да бонта хуарз!» (Добрый день), на что в ответ прозвучало: «Никаких «да бонта хуарз» – всем по знаниям». Пусть только такие смешные истории останутся между нами, как непреодолимая сила истории!

Я плохо говорил на иронском, как и сегодня, отчего на вопрос «ирон да» (ты осетин?) мой ответ нередко вызывал смех или удивление. «Ты же дигорец» – отвечали иронцы. Такой же случай со мной произошел много лет спустя. Прилетел из Петербурга. На такси едем во Владикавказ. Общаюсь с водителем на русском. Вдруг прозвучал тот же вопрос «Ирон да?» – все остальное продолжение такое же, как в первом случае. Может и не существенно, но, как известно, до сих пор такие вопросы среди одного народа случаются. А тем временем, годы идут и многое из того, что могли успеть – не успеваем. Жаль.

Античную литературу на первом курсе читал известный в республике артист драматического театра Харитон Мур-

забекович Дауров. Первый из осетин кандидат искусствоведения не забывал о своем сценическом амплуа и нередко занятия по наследию древнегреческого поэта-сказителя, создателя эпических поэм «Илиада» и «Одиссея», Гомера, превращались в отрывки из пьес, ранее поставленных на сцене республиканского театра. Нам это очень нравилось. Он завораживал. Войдя в образ, порой ему стоило большого труда вернуться в действительность, в 11-ю аудиторию. Расходился он так, что не мог остановиться даже после звонка на перемену. Тогда как у нас в умах был уже буфет с пирожками. Однажды, во время очередного сценического транса Даурова, проникновенно рассказывающего о высоком статусе поэта в Древней Греции, он заявил, что впоследствии многие из них становились видными политиками, главами государств. Я ненадолго «ушел в себя» и вдруг слышу: «Таказов!!!» Подскочил.

– Вы не слушаете лекцию! Вы о чем думаете? – спросил он басом.

– О Брежневе, – ответил я честно.

– О Генеральном секретаре ЦК КПСС? – переспросил лектор.

– Да, – ответил я.

– Почему о Леониде Ильиче? – глаза Харитона Мурзабековича прищурились вопреки его желанию.

– Представил: Брежнев и поэт! – серьезно ответил я.

– Выйдите из класса и ждите меня, – угрожающе приказал он. Через минуту выскочил следом за мной и в коридоре состоялась нравоучительная, с жестами, миной энкавэдэшника, гуманитарная чистка мозга.

Я, оказывается, антисоветчик, хотя не знал вовсе, что это за слово такое.

– Запомни, если бы не наши хорошие отношения с Харумом Алихановичем, я бы тут же позвонил в органы и тебя бы забрали куда надо!

Я молчал как партизан в тылу врага. За дверью топтались однокурсники в ожидании скорой развязки. Прозвенел звонок счастья, и я воскрес. Больше к этому вопросу мы не возвращались даже во время сдачи экзамена. «Надо же так любить Родину!», – застряло в душе занозой, когда я думал о великом лекторе Даурове. «O tempora! O mores!» (с латинского – О времена! О нравы!) – точнее не скажешь.

Наступил восьмидесятый год. Но времени на лирику еще было много. Казбек Мамукаев удивлял сонетами. Не признать его талант никто не смел, так как сонеты нравились, и гармония ощущалась как на слух, так и сердцем. Насчет иронского и дигорского мнения расходились – какой язык звучит сильнее в поэзии. Начинался спор. И тогда Тенгиз решил удивить всех: за ночь написал несколько сонетов, правда, исполнение оставляло желать много лучшего, а закончилось все глубокой безнадегой. Но портфель был рядом и места для будущего творчества в нем было еще предостаточно. Тенгиз преуспел в другом: классическое стихосложение вполне ему удавалось, что в сочетании с природным талантом многого стоило. Его творчество заиграло красками детства и неразделенной любви. Хотя, на мой взгляд, где любовная лирика, там чего-то не хватало, автор как бы звал: посмотри в мою душу. И нередко это выглядело, как душа на паперти.

Одним словом, в лирике любовь куда-то пряталась: в редких кустах напротив общаги, в ограде детской поликлиники, может, в городском парке на массовых танцах с искусственно опущенными ресницами накрашенных осетинок. Или в часто упоминаемых дебрях родного села Сатикари в Южной Осетии, хотя нет – переписка шла исключительно с сестрой Саниат. А может, в скрытых фибрах души, глядя на веселую и добрую девочку с другого курса по прозвищу «Улыбка», не раз упоминаемая в рапсодиях нашего героя? Но стоило ей появиться у нас в комнате, как Тенгиз принимал образ серьезного тракториста, только что вернувшегося с полей с досадой на весь мир и на холодный ужин тоже. Завораживающий смех Улыбки и строгое лицо друга в своем контрасте напоминали сцену ревности Мавра. И она вскоре уходила, оставляя за собой лишь легкий флер. Но видимых следов от взрыва души и сердца было мало. Цветок в творчестве Колити и Хохоева приобретал совсем иные краски и не без причин. Тенгизу оставалось думать над смыслом жизни и, конечно, о сытом желудке. Или в обратном порядке. Невдомек ему было, что художник должен быть голодным.

У меня был друг по переписке. Ее звали Светлой из Пловдива. Письма приходили часто. Отвечал так же. Кипа иностранных конвертов из разных стран – плод артековской дружбы. Мои письма не давали покоя Тенгизу. Сильно было

желание заглянуть, о чем пишут из Индии, Австралии, Германии… Я ему их отдал с условием вернуть. Но собственная переписка его манила сильнее. Тогда мой друг решил: а не попробовать ли ему завязать дружбу с иностранкой? Но как? Незнание языка было преградой в интимных вопросах. И он стал просить: напиши, мол, Светле, какой он хороший и поэт ко всему, она расскажет подруге и все устроится чики-пуки. Пообещал ему один раз, второй и десятый. Просьбы со стороны поэта участились – кот проснулся, март наступил, грачи прилетели…

Помню то утро, не предвещающее ничего особенного. Но, как всегда, все происходит случайно. Позавтракав в буфете у Лиды на первом этаже, решил мимо тети Марго выйти на улицу и насладиться весенним воздухом. Вдруг на бетонном полу показался белый квадрат. Поднял. Фото девушки и на обороте надпись: «Тенгизу от Вани». Будучи опытным в переписке с иностранками, просчитал мгновенно: она болгарка.

Наш город, Орджоникидзе, был побратимом округа Кырджали в Болгарии. Ежегодно происходил обмен студенческими отрядами. Значит, это фото – факт взаимного участия двух сердец в обмене.

В тот же день обрадовал друга тем, что просьба познакомить с подругой улетела Светле в красивый старинный город Пловдив. Обнадежил, что все сделал и в положительном исходе уверен, «как пить дать». Откуда мне было знать, что после этого в течение полугода придется маяться не только Тенгизу, но и виновнику случившегося.

Тенгиз редко заглядывал в «шахматку» почтальона с большими заглавными буквами, которая была на первом этаже. Стало правилом, что Казбек Мамукаев, ожидающий конверт из Куляба, заносил к нам письмо от сестры сатикарского поэта и громко проговаривал: «От Отсаниата!» Дело в том, что заботливая сестра Саниат, особо не дружащая с отдельными правилами русской грамматики, подписывала адрес отправителя слитно и получалось одно слово «Отсаниата», отчего мы ее так и прозвали.

Ромео горевал, но ждал реакции из Болгарии, как вестей с фронта. Тем временем я сам больше был занят осуществлением своей мечты о златоглавой Москве и факультете журналистики. Регулировал процесс Тамерлан Алексан-

дрович Гуриев, знающий обо мне все и вся, особенно мой настрой на взятие столицы. Каждую неделю исправно сообщал, что ответа пока нет. Все усугублялось тем обстоятельством, что успеть попасть в заветные списки целевиков, по мнению Розенталя, можно только до 20 марта. Написал письмо Дитмару Эльяшевичу. Тот ответил, что заявки от Северо-Осетинского государственного университета еще не поступало. Вот и представьте мое состояние: с одной стороны, мечта повисла в воздухе, с другой – новоиспеченный Ромео ждет ответа Джульетты.

Аккуратно отклеив какую-то иностранную почтовую марку от старого конверта, намертво приклеил на обычный советский, пошел к однокурснику Тенгиза, Юре Фидарову, ныне председателю Комитета по делам печати и массовых коммуникаций Республики Северная Осетия-Алания. Объяснил ему ситуацию и план действий, а веселый по натуре человек, любитель студенческих интриг, отказать поучаствовать в жизни сокурсника не смог. «Поддержим Тенгиза! Не бросим в беде!», – произнес он. И процесс пошел.

Я диктовал на каком-то старославянском, мне самому непонятном, языке с примесью русской лексики, а Юра писал. Почерк не мой – значит точно болгарка! Эврика! В письме уже были ахи-охи – поэт, обалдеть, мечта с таким переписываться «и не только». Во время диктовки Юра успевал и меня подколоть, мол, с такой и мне не грех познакомиться. Письмо готово. В общаге оно плавно ушло в шахматку. Тенгиз, просматривающий почту по несколько раз в день, вскоре «получил» его. Ноги задрожали, губа тревожно отвисла вниз, меняя цвет с красноты на синеву…

Тенгиз был вне себя от счастья и от слов Вани: таких комплементов на расстоянии он не получал. Ему казалось, что радуга, наконец, взошла над ним и мир ждет новых творений от героя нашего времени. Сил прибавилось, захотелось быть отличником и рвать мир в клочья, притом, на виду у всех завистников и доброжелателей. По утрам, во время бритья, и гримасы поменяли форму, глаза – цвет, брови – дугу, только редкие волосинки из носовых ямок говорили о вчерашнем и более, но это было сейчас, а не после, когда по вечерам писал ответ в Болгарию, не раз переписывая, дабы удалить помарки и вновь, который раз зачитать написанное вслух, переходя на новые интонации: бас сменялся

фальцетом, луна – солнцем и наоборот. Только для меня гора Казбек оставалась двуглавой, земля круглой, а мир – полным неожиданными поворотами судьбы…

Забегая вперед, скажу, что примерно 16 или 19 писем «пришло» в общежитие из тогда еще дружественной нам страны. Якобы из дружественной. Просто на эти полгода Болгария уместилась в коридорах филфака на Ватутина, дом 46. Туда же, в Пловдив, ушло не менее тридцати посланий в галактику: адреса такого не было не только там, но и в мире, полном хаоса и разочарований. Тексты, полные жгучих стихотворных клятв, терялись в просторах знаменитых полей Шипки, отчасти и Кырджали в целом. Главное, я знал, что Тенгиз писал, какие вопросы уходили в бездну.

Затянувшаяся серенада окутала моего друга паутиной счастья, искрами откровений и стойких надежд на будущее. Вечерами мы становились свидетелями рождения новой звезды на небе. Тенгиз читал и перечитывал как письма оттуда, так и в никуда. Виталик или Энвер в атмосферу избычитальни с толком и со знанием дела подбрасывали угольки сомнения в правильности отдельных оборотов речи Ромео. И надо признаться, в такие вечера к нам быстрее приходил сон, ласкающий ушные раковины. Это обстоятельство накладывало на нас новые обязательства по исправлению отдельных мест в письмах, что приходилось делать наспех, в перерывах между лекциями Риты Цопановой и Зинаиды Дзодзиковой. А кому легко, «когда любовь тебя настигнет» из песни Людмилы Сенчиной.

В разгар переписки, наслаждения жизнью и расстройства от всего остального, чтобы разбудить в нем новые очертания будущего счастья, решил забросить угольки ревности и обвинений в том, чего не было вовсе. Оказывается, девушка из солнечной страны читает между строк… И усомнилась в чистосердечности незнакомого мачо. Сатикарский джентльмен, впервые получив любовные ранки в сердце, стал оправдываться за недоразумение столь явно и смиренно, что становилось жаль друга и в очередном письме на него сыпались комплименты его искренности и неге мыслей.

Как-то ночью, в период сотого сна, меня разбудили двое несогласных во мнениях – это были Тенгиз, впадший в ярость, и худой, но высокий и ироничный Энвер. Спор вы-

нудил их обратиться к самому справедливому дигорскому Ходже Насреддину. Еле открыв глаза и выслушав доводы обеих сторон, дал им ответы, полные харизмой и богатых по смыслу идиом из «ярмарки тщеславия» и кукурузного амбара в Лескене. Но вывод напрашивался тот же, что всегда: «кажется, любит, хотя…» Неопределенность сильнее относительности.

– Пахнет изменой с ее стороны! – не унимался Энвер, еле сдерживая смех сквозь слезы.

– Ничего ты не понимаешь в любви – не соглашался Тенгиз, уверенный в своей архипорядочности и верности помыслов.

– Поверь моему опыту, – со знанием дела парировал высокий брюнет из Сурх-Дигоры. – Все они такие! – прозвучал довод, не проверенный и необоснованный, как утверждение: «на Марсе жизни нет». Хотя усомниться в правдоподобии и искренности возражений тоже была задачей не из простых.

В том, что Виталик в это же время наслаждался поэзией сна, я определенно усмотрел крайнюю несправедливость нашего двора и запустил в него чей-то обувью. Он проснулся тут же, сопровождая вторжение в свой индивидуальный мир громким возгласом Гулливера или чем-то наподобие. Через минуту последовало нервное колиевское: «заткнись» почему-то в единственном числе. Каждый это принял на свой счет и стороны приняли исходное положение. К утру сон брал верх и будущие ростки поэзии укладывались поудобнее. И засыпали.

Тем временем, мои притязания к «ответу из Москвы» на терзания моей заждавшейся души не теряли своей актуальности. Я боялся неопределенного дедлайна, который был чреват отрицательным ответом и концом мечты. В голове царила прозрачность. В чистосердечности идеала, Тамерлана Александровича, сомневаться не приходилось, ибо иное просто невозможно, потому что невозможно. Как в логике суждений по лекциям философа Марата Худалова в длинном черном пальто и широкой черной шляпе: «Общая схема выделяющих суждений: S, и только S, есть P». То ли я пропустил занятие, но слишком поздно уяснил, что возможен другой вариант: S не есть P. Нас учит школа и университет, но больше – практика.

Став «террористом» Гуриева, я каждый день строил маршрут своего передвижения так, чтобы мы встретились по дороге, в коридоре, на лестнице главного здания. И мой профессор произнесет: «Ну, Таказов, ответ пришел!». 20 марта, число и месяц, о которых дважды писал мне Дитмар Розенталь, канули в Лету. Стоял апрель. Я, как голодный и непрошенный гость, стоял на первом этаже «стекляшки» – главного здания университета, где находились все руководство и вспомогательные службы. Заметил, что Гуриев заходил в этот корпус. Занятие пропустил, ибо главное – не есть второстепенное. В тот год факультет занимался в здании Грузинской школы на улице Церетели, в полукилометре от места, где ожидал профессора. Через час он предо мной, прямо, как у Пушкина. Резко остановился у выхода и сказал: «Жди здесь. Сейчас спрошу у Олейниковой».

Олейникова Алла Иосифовна, проректор по учебной работе. Профессионал – мало сказано. Строгая во всем и справедливая ко всем. Я мечтал никогда не попасть под ее руку по какому-либо поводу, так как по сравнению с Комаевой, Алла Иосифовна, то ли по незнанию или почему-то еще, мне казалась вершителем судеб народных. Как-то был на приеме у проректора научной части, доктора химических наук, профессора Калоева, дверь кабинета которого прямо напротив двери Олейниковой. Когда встреча закончилась, четыре метра до входной двери преодолевались за секунду – вдруг в это же время появится Алла Иосифовна. Только спустя несколько десятилетий увидел ее улыбку. Оказывается, она и улыбаться может! Сегодня она легенда СОГУ им. К.Л. Хетагурова. Совсем недавно позвонил ей и высказал те слова огромной благодарности, которые хотел выразить давным-давно. И вы поймете скоро, почему.

Дверь в приемные двух проректоров открылась, и мы встретились. «Как видишь, Валерий, только-только говорил с Аллой Иосифовной, к сожалению, ответа пока нет. Надо ждать». И Гуриев спешно направился к выходу. Я тоже, но совсем не спешно. Присел на гранитной лестнице и задумался. Представил свое туманное будущее и никчемное настоящее. Бывает, когда внезапно время останавливается, хотя знаешь, что это невозможно. Профессор удалялся мелкой меткой, унося мои мечты и грезы. Прошел час. Вывел все «за и против» в одну точку отсчета. То ли злость,

то ли что-то другое, помогли встать и направиться к Алле Иосифовне, самому услышать причину столь позднего зажигания Москвы или, вовсе, игнора на мое желание уехать и учиться дальше.

Светлая деревянная дверь двух проректоров поддалась легко. Но в приемных ноги дали осечку: страх одолел быстро. Мечта не увидеться с Олейниковой подвела за минуты. Антимечта взяла верх над всем, что окружало. Открыл дверь, на которой черным по белому надпись: «Олейникова Алла Иосифовна» и ее статус. Вошел. Стою. Взгляд через очки, совсем не розовые, не сулил позитива. «Слушаю Вас», – сказала проректор. Решил не отнимать ее драгоценное время и жалея собственные не железные нервы, произвел на свет короткое предложение: «Я по тому же вопросу, что Тамерлан Александрович спрашивал час назад…» Ее уверенный ответ скосил не только ноги, но все, что можно было: «Если Вы о Гуриеве Тамерлане Александровиче, то мы месяц не виделись». Терять уже нечего, кроме до того уже потерянного. «Он был у Вас только что…», – добавил я. Алла Иосифовна демонстративно сняла очки. Внимательно осмотрела меня и вполне серьезно спросила: «Вы хорошо слышите?» Зная, что это не столько вопрос, а, скорее, угроза, выдавил из себя: «Да». Прямо, как девочка Гадя, в миниатюре Галустяна и Реввы из команды КВН «Утомленные солнцем».

– Я еще раз Вам повторяю, молодой человек, что профессора Гуриева месяц не слышала и не видела, – это был перст, указующий в сторону выхода, а не предложение.

Нетрудно всем представить картину разрушения любимого образа, на который молился три года. Сел на скамейку у лестницы. Вдруг услышал: «Биццеу (мальчик), ты что разлегся?» Это был сокурсник, высокий и сильный, прошедший армию в составе ГСВГ, фанат советского танкостроения Борис Хозиев.

Он знал, как и весь курс, что моя финишная прямая перед дорогой в Москву, близка настолько, что впору прощаться, помахать на прощание, вспомнить осетинское прошлое и да здравствует Россия-матушка. Я изложил все, как есть. «И что намерен делать?» – спросил он меня. «У меня две дороги: одна в студенческий отдел кадров, другая в обком КПСС. Начну со второго». Услышанное от Бориса удивило больше: «Я бы тоже хотел перевестись». Оказывается, он

говорит правду. «Пошли тогда вместе к обкому, вдвоем лучше», – предложил я.

В те времена в обком попасть мог и школьник, так что нам выписали пропуска быстро и впервые мы шли по ковровой дорожке власти. Постучались в дверь, на которой стеклянная вывеска давала блики и надпись: «Цаллагов Владимир Николаевич» (полный тезка известного журналиста, исследователя творчества Коста Хетагурова, впоследствии декана журфака). Владимир Николаевич внимательно выслушал нашу историю и претензию на педагогическую недальновидность и безучастность к судьбам студентов. Было видно, что злится не на нас. «Идите домой. Завтра вас вызовут», – это последние слова, которые я слышал от, как оказалось, спасителя наших душ.

Наутро пошел по улице Церетели в здание Грузинской школы, на время ремонта нашего корпуса, там разместился филфак. Как только приблизился к факультету, трое знакомых предупредили, что меня ищет декан. По их тону и такту было не совсем понятно: то ли прощались со мной, то ли ждали, на кого перепишу наследство, которого нет.

Появившись на втором этаже, я взглядами был провожаем на эшафот, разместившийся в кабинете Комаевой. Секретарь, приготовившая ей чашку чая, тут же оставила это занятие и широко открыла дверь, ведущую на ковер.

– Ты где ходишь! Обыскались тебя! – первые слова Риммы Заурбековны дали знать, что реакция из обкома пошла, если не побежала. – Немедленно к Алле Иосифовне!

У нее не оставалось времени ни на чай, ни на что-то другое. Набрала номер Олейниковой и доложила о выполнении задания. Я пошел в главное здание, представляя, как Комаева потирает пот на лбу и принимается за напиток богов. По дороге встретил Бориса Хозиева, и мы вдвоем, обнадеживая друг друга, предстали перед Олейниковой. Попросила сесть за стол. Кто бы мог подумать!!!

– Почему вчера Вы не рассказали мне? – негромко спросила. – Я до сих пор в неведении, что за вопрос? – Я рассказал все. Она попросила нас выйти и ждать, когда вызовет. Через дверь было слышно: вызвала к себе Гуриева. И он вскоре пришел. Минут через десять покинул приемную. Нас вызвали.

– В МГУ вы опоздали, надо было до 20 марта. Но есть возможность в ЛГУ, Ленинград – это другое ведомство. Согласны? – спросила нас. Не помню кто из нас двоих первый провозгласил больше, чем согласие, но в память ворвалась картинка детства: приколотая к стене открытка «Памятник Пушкину в ограде Русского музея» и «город, в котором буду жить», называя его Большим городом. Олейникова при нас связалась с Лениградом. Разговор был по существу и краток.

– Готовьтесь. На днях позову.

Даже демон разочаровался в Сатане и решил помириться с Богом. Правда местом действия избрали астральное пространство, а я наступаю на землю, чувствую пульс жизни, а потому конфликт между мной и Гуриевым испарился тут же, правда не до конца, до первой сессии на журфаке ЛГУ им. А.А. Жданова. Об этом позже.

Борис поторопился домой, оповестить домочадцев о скорой смене места учебы и не только учебы. У Бориса были очень милые родители, всегда принимавшие по-настоящему, по-отцовски. Ростом не высокие, но с большим сердцем. Борис сам гигант, но вы не видели его среднего брата, Будзи! Когда мы здоровались, кисть правой руки исчезала в его лапе, как в моей – железный рубль. Каждый раз представлял, как он размахивается и наносит мне хук, и я лечу далеко-далеко, или одним ударом вбивает в землю, не оставляя ни пылинки, ни следа от любви к жизни и работе. Это второй Андиев, честно!

Я вернулся к Комаевой на совсем другой волне: уверенно шагнул в кабинет. Сел. Доложил обстановку. Римма Заурбековна показалась хитрой и доброй. От ее величия немного осталось, когда я понял, что способен себя защитить. В какой-то степени стало жаль ее. Но пройдут годы и время рассудит нас вновь и не раз, распределив роли и наблюдая за тем, кто есть кто. А пока сессия в разгаре. Даже Харум Алиханович выставил мне оценку «отлично».

Гутиева Аза Александровна – интеллигентная, больше похожая на дворянку из прошлого, прекрасный знаток русской словесности и наш преподаватель по русскому языку. Не раз выделяла меня, как неравнодушного к лингвистике, общему языкознанию. Писал курсовую, кажется, оставался после урока для согласования отдельных действий по работе. Не раз говорила не только о языке и культуре. Интересный рас-

сказчик. Очень интересный. Но угораздило ее спросить про своего «великого» отца-литератора и общественного деятеля Александра Тибилова. Услышав, что я хорошо знаком с его творчеством и не только, лицо расплылось в улыбке. Ей шла улыбка. Она пошла дальше, и я тоже. Лучше бы не спрашивала еще и о его общественной деятельности. «Насколько я знаю, он один из тех, кто в двадцатые годы выступил против дигорского языка, присвоив ему ярлык контрреволюционности», – ответил ей. Она покраснела от злости. Это была моя ошибка? Скорее да, чем нет. Дружбе пришел конец. Между тем, принимая экзамен, сказала: «Ну, вот, все оценки отличные. Что мне остается делать, чтобы и меня не приписали к врагам народа?» Не спрашивая, выставила пятерку и молча вернула зачетку, оставив в моей памяти только хорошие воспоминания и прекрасные уроки русского.

Тем временем, наши документы были готовы. Ответ из Ленинграда пришел за неделю. Но мы продолжали жить в общежитии как все, а потому корабль интриги Тенгиза бороздил просторы небытия и офлайн-истории. Дальше – новые письма от моих фантазий, нанесенных на бумагу Юрой Фидаровым. Ваня писала, что ее отец – посол Болгарии в Бразилии. Для достоверности цветная открытка «Рио де Жанейро» из моих запасов уверенно легла в очередное письмо. Мама ее – преподаватель сербского и хорватского языков в Софийском университете. Одна-единственная наследница и она будет рада возможности приехать на родину Ромео в селение Сатикар, что находится в Южной Осетии. Испытывает большое желание познакомиться с мамой Ромео, то бишь Тенгиза. Больше недели не сможет пробыть. И, да – главное: выслала посылку на Пушкинскую, 3.

Единственная дочь таких состоятельных родителей, за короткое время потерявшая голову от наскоро переведенных стихов Тенгиза, приняла решений пойти на столь рискованный, политически не подкованный шаг: Ваня едет в общежитие, где на первом этаже пар от душевой выдержит не только топор, а кувалду. Влага проела не только штукатурку и наши легкие, но и веру в светлое будущее. Мы привыкли так, значит так будет всегда. Стабильность. Но внезапно залетевшая в душу Тенгиза, а значит и в наши души, история, придала новый смысл его обыденности и толчок моей больной фантазии.

Особо приближенным из окружения поэта, стало известно, что их кореш, брат и сват, сделал крутой поворот в жизни и, чем черт не шутит, вскоре будет кататься по странам СЭВ (Совета Экономической Взаимопомощи) в белом фраке и красных лакированных туфлях от лучших армянских обувщиков. «Конечно, ты о нас и не вспомнишь, – обидчиво, но с ухмылкой говорил «Пьер Безухов», в миру просто Ахсар из Махческа. – Ты смотри, брат, так не делается…» Правда, на этом мысль прервалась, то ли от зависти, то ли от счастья за него.

– Ма шымар (брат мой), отвечаю – не забуду, как ты меня выручил однажды в магазине, когда не хватило 20 копеек. Я все помню – строго и по-отцовски произнес Тенгиз, одурманенный отношениями, сулящими большие всплески собственного эго и стремительный взлет статуса в обществе.

Аркадий, высокий, лохматый, с походкой не «вразвалочку», а в развалку, ни с кем не спутать. Песня «А я милого узнаю по походке…» – это о нем. Словоохотлив, умен и сам весь – ходячий понт. За эти качества и богатство интимных историй в стиле фэнтези его прозвали емким, скромным, вполне доходчивым, звучащим как комплемент определением «Самец». Почему-то он и был похож на быка-осеменителя из захудалого красно-дигоринского колхоза. При его появлении в нашей комнате начинались, уже ставшие привычными и всем понятными, подколки в адрес Догузова. Тот, весь в романтических грезах и ожидании новоиспеченной родственницы-иностранки, говорил с ним свысока, давая понять, что его положение в глобальном мире на сегодня куда выше.

Тенгиз был скромно воспитан. Природа не обидела его философией – он здраво рассуждал о реалиях действительности и загадках будущего, но было одно «НО». Его мир начинался в Сатикари и заканчивался на пятом этаже, на Пушкинской, 3. Архаика Тенгиза билась об андеграунд Орджо (Орджоникидзе), а на выходе получались стихи в стойке гладиатора, пугающего видом, но «добрым внутри» и никак не хотел понять, что дело не в понедельнике.., «взять и отменить», а в простой народной дипломатии, о которой говорил в части «Детство». А он сразу «отменял». Такие, как тот же «Самец», этим пользовались, но, поняв, что скоро шайба может оказаться на стороне поэта, принимал серьез-

ный облик и говорил с ним на равных, подчеркивая его превосходство. «Ты, уж, нас не забудь», – говорил он, как в «Ревизоре» Гоголя. В эти минуты мозг будущего счастливчика из анекдота острослова, кучерявого студента Яна Торчинова про страдающего запорами мужика, переключался на загадочное будущее вместе с ангелом – тезкой юной болгарки. И на то были причины.

В одном из последних писем ею намеченный маршрут на собственной «японке» застилал глаза до полной потери зрения, немел кончик языка, холодный пот выступал по телу. Вот почему не мог обратить внимание на название фирмы авто, написанное заглавными буквами «задом наперед» дигорское слово, заключенное в кавычки, и обозначающее весьма интимное и архиидиоматическое понятие. Эта преднамеренная метка из моей больной башки вскоре явится единственным доказательством, что нет никакой болгарки, авто и даже джинсов…

Кстати о джинсах. В очередном конверте с австралийской почтовой маркой, мыслителя настиг текст, в котором четко и ясно написано: «Тенгиз, дорогой, на днях выслала тебе посылку с четырьмя парами фирменных джинсов, три из которых новые, а четвертые Б/У». Прямо так: Б/У. Письмо оформляли с Юрой Фидаровым на улице, возле университета. Скамейка позволяла свесить ноги, прикрыть глаза «Молодым коммунистом». Юра в одной руке держал пломбир, другой выводил мой бред сивой кобылы на чистое тетрадное поле. В тот же вечер конверт обрел свое достойное место, куда его доставил почтальон Таказов.

Тенгиз получил. Судя по его странному поведению: серьезный взгляд и частые отлучки на улицу, выдавали в нем человека потерянного или продавшего дьяволу не только душу. Мы с Виталиком Колити наслаждались тайной, открытой загодя и осевшей в мозговых центрах. В безмолвии и странностях друга отчетливо просматривалось наше отсутствие и неучастие в бизнесе. Про акции и речи не было – на улице социализм с коммунизмом вперемешку.

– Что-то ты мне не нравишься сегодня, – сказал Виталик обращаясь к одурманенному от счастья Тенгизу. – Ты, порядком, не заболел? – с той же озабоченностью и готовностью помочь, добавил Колити, умеющий говорить серьезно даже в тот момент, когда другие падали со смеху. Я чуть сам

не поверил его страдальческому тону и бросил страждущему вдогонку: «Тенгиз, не пугай нас. Температура есть?»

В ответ тишина. Мы не стали его тревожить, тем более спешить с выводами. Проверка на вшивость продолжалась. Он молчал, и мы молчали. Так и уснули все, под частый скрип кровати нашего предполагаемого благодетеля: нервы подводили, мысли уничтожали в нем разбогатевшего внезапно кулака – мироеда и ростовщика. Истерзанная душа забыла чувство пустого желудка и отдалась в руки змея-искусителя, щекотавшего пятки, интимные места и потный череп. Нам хотелось быстрее заглянуть в его сонные грезы, а еще больше – в развязку реальных событий. Знали, что сама Ваня отошла на второй план. На первый вышла джинсовая лихорадка и ее лидерство даже не обсуждалось. Мы вскоре услышали знакомую мелодию храпа. И мы, как говорила гадалка на картах Ерка Галеова, в случае отсутствия скорых сообщений от мужа-шабашника, остались «при своих интересах» (дахе интерести хацца) и плавно отошли в противоречивый мир сна и надежд.

Наступил вечер следующего дня. Тенгиз, стесненный в материальном плане, богатый в душевном, получил денежный перевод из дома – целых восемьдесят рублей. Это немало. Вошел в комнату и строгим, но многообещающим тоном, сказал: «Ма шымарта (братья мои), сегодня кафе «Спорт» наше – хочу вас, моих дорогих, – на этом месте выдержал паузу, – не только дорогих, а родных по жизни, угостить!» Это как в комедии про Ивана Васильевича: «Танцуют все!»

Мы, конечно, скромно отказались, мол, зачем такие расходы, того не стоит, ми-ми-ми и так далее. Но Мавр был в ударе и отказать, что навлечь беду. Идем в кафе напротив, известное своей самобытностью и практикой мордобития, где рушились судьбы, строились планы любовников и сбывались мечты всякого рода подпольных решал. По иронии судьбы, сейчас на этом месте здание Министерства внутренних дел РСО-Алания. Пути господни…

По дороге Тенгиз к своим родным прибавил еще одного: это высокий светлолицый, кудрявый Нугзар. Тенгиз шел, практически бежал, впереди всех. Мы с Виталиком чуть отстали. Колити, со свойственной горцам степенностью произнес пророческие слова: «Молодой (мой псевдоним), не

думаешь, что застолье встанет нам куда дороже, чем кажется на первый взгляд? Он рассчитывает на скорую посылку с джинсами, которые продаст и быстро прибавит в финансах. Но мы то с тобой знаем, что значит прокормить Тенгиза. Справимся?»

– Ты видишь другой выход из данной ситуации? – спросил я его. Он промолчал. Мы пошли за халявой. Энвер поравнялся с виновником торжества, выражая жестикуляцией все счастье предстоящего вечера, а там хоть трава не расти.

Поляна не давала покоя из-за провидческого диагноза Виталика. Старались заказать из старого меню самое скромное и дешевое, рассчитывая на экономию со стороны щедрого на мгновенье Тенгиза в старых потрепанных брюках и квадратных изрядно изношенных ботинках. Но Бендера понесло: появилась бутылка «Московской» водки. Знакомыми с этим напитком оказались все, кроме нас с мудрецом. Вскоре тройка веселых и двое задумчивых особей мужского пола, с видом исполненного непосильного долга, покинули заведение и вернулись в знакомый серый быт с паутиной спорных мыслей и надеждой на скорейшую развязку джинсовой истории.

Через день-два, меня, как основного участника посредничества во внезапном, ожидающем своего часа, счастье, позвал Тенгиз. Странный кивок головой говорил о таинстве предстоящей беседы. Вышли на улицу. Протянул письмо. Поняв, что к чему, зная содержание наизусть, гордо отказался, сославшись на его личное пространство и свое нежелание в него вторгаться. Но уговорил, мол я не пожалею. Дойдя до места, где были перечислены материальные преференции в натуральном выражении, воскликнул что-то с трудом разбираемое – сложносочиненное предложение, смысл которого говорил об одном: «Тенгиз, ну ты воооощще!»

Пальцем постучав по синим губам, дал понять, что особая секретность факта не подлежит сомнению и я принял стойку новобранца перед «фазанами».

– Брат мой, решил так, – молчание прервало полет мысли и внезапный пинок моему «воробью в руках». – Тебе новые джинсы. Виталику поношенные. Энвер вне игры. Что скажешь? – оглядев округу, спросил он меня. – Надеюсь так будет честно?

Я не стал упираться. Согласился с ним полностью, и по праву исключил Энвера, а напомнив о своей исключительности в обсуждаемом вопросе, бэушные штаны Виталику посчитал «даже слишком».

Минут тридцать выслушивал его радужные планы: оставшиеся джинсы уйдут «с руками и ногами» за 120 рублей, таким образом покроет расходы по «Спорту» и остаток, спущенный им же сатикарских рублей, потом и кровью нажитых родней в глубоком ущелье и на полях Южной Осетии.

Тенгиз поспешил в магазин, а я в комнату для скорейшей разработки плана действий. Решили: когда наш братишка начнет выдавать секрет, Виталик обязан послать нас обоих и громко хлопнуть дверьми в знак несогласия и досады, если не больше. Я принимаю сторону дающего, наезжая на второго берущего. Мы с Виталиком должны дойти до рукоприкладства, в область груди, живота, ног, только не лица.

Вскоре началось кино, напоминающее реальность советской эпохи в сочетании с зарубежным аниме, плавно перешедшее в боевик. Предъявление горечи от несогласного на расклад Виталика (по сценарию) вывел меня из себя. Грозно и настырно. Перепалка стала такой острой, что я сам поверил в несправедливость жизни. Но память возвращала на место и Виталик, такой редиска, стал отказываться напрочь и от новых джинсов.

– Вот ты и показал себя! – обратился он к Тенгизу. – Я на год старше всех и такое идиотское отношение не потерплю. Валере, значит, новые джинсы, а мне б/у. Хорошо, банкуйте на здоровье! – Гнев стоял рядом, нужен был гротеск: обмен ударами сделал из Тенгиза миротворца и на долю старшего перепали новые джинсы. Позже, на лжепритязания Энвера на мнимую добычу ответили совместным отпором, и показали ему на его искомое, скромное место. Не выдержав грозные мины, он удалился на романтическую встречу на том же этаже.

Жизнь продолжалась. Радуга в цветах дарила надежду. А посылки все нет. Как у Гальцева: «А хулиганов нет…». Тенгиз ждет, а мы начинаем его обвинять в том, чего не совершал. «Ты, небось получил их и пихнул», – предъявил первым Виталик, потом и моя с ним солидарность подняла градус невежества и греховности. Пару писем о недоразу-

мении деликатно были изложены и самой Ване. Срочно вызвал Фидарова и письмо от болгарской красавицы разрядило обстановку, оставив след грусти и вечного ожидания. Она, то есть я с Юрой, писали, что почтовая служба вернула посылку и она ее вновь отправила, добавив туда еще пару новых джинсов фирмы «Wrangler». Также сообщалось, типа «жди меня, только очень жди».

Восемьдесят рублей, присланные нашему герою на три месяца, обещали долго жить. Денег нет. «Иссякла мысль, тускнеют очи…» – это про него. И на три месяца мы взяли шефство над ангелом и штангистом во плоти. Так часто раньше мы не ездили домой и не привозили продукты и три пирога. Надо отметить, за этот период он обрел пищевой достаток, румяные щеки и уверенность в завтрашнем дне. То, о чем предупреждал Виталик, перед застольем в кафе «Спорт», стало явью.

Творческая активность набирала темп. Тенгиз стал публиковаться часто: новые образы засияли богатыми красками. Впереди было одно ожидание и вера в скорый исход советско-болгарской идиллии, полная радости и разочарования…

Посылка не приходила. Месяц не было ни письма. Для Тенгиза наступило время раздумий и осмысления. От последнего письма Вани отдавало холодом искусственных фраз, так как писали наспех: Юра спешил, а я весь был в стремлении побыстрее покинуть родину. Друг не заметил. Но пятикурсник Павел Короев, живший по соседству, оказался внимательным, и подсказал ему некую странность: на конверте хорошо смотрелась фабричная почтовая марка – рисунок Мурата Джикаева «Ансамбль народного танца «Алан» – джигит с кинжалами в зубах. Все дело в том, что мои иностранные марки закончились, нечем было прикрыть джигита.

Утром рано, Тенгиз на радостях зашел в комнату Короева и стал читать свежее письмо из Пловдива. Павел тоже страдал поэтическим даром, уносящим его в неизвестную гавань. Уносил, но не возвращал. Между тем, годы делают человека мудрее, и марка с джигитом сделала его героем в глазах влюбленного демона. Но ненадолго.

Тенгиз и Павел предстали передо мной, когда сам бог сна Морфей еще дремал, а я в сладкой, сонной туман-

ности бредил красотой чар непонятного мира и самой Андромеды. Сквозь полудрему и полусон раздался голос возмущенного:

– Молодой, проснись! – с недоваренной злостью и со свойственным грузинским акцентом, с комом в горле и недоеденным интересом, произнес Тенгиз. Рядом стоял правдолюб, интеллектуал с глазами энкавэдэшника, Павел. Так как мелодия предполагаемой беседы предвещала исключительно отрицательные эмоции, то о развязке и думать не стоило. Надо было просто растянуть полминуты жизни, чтобы вновь вернуться в школу, испугаться вызова к директору, настроиться на позитив, держащийся за еле заметные поручни. По привычке открыл только один глаз, чтобы не лишиться второго. Два партизана уверенно предстали перед мишурой моего левого зрачка.

– А почему марка на конверте наша? – начал Тенгиз.

– Да! Советская? – добавил Павел с видом лауреата, как минимум, региональной олимпиады по логике.

Отчетливо сознавая, что это не тот случай, мол, лучшее отступление – нападение, так как у обоих отчетливо читалась их предварительная тренировка перед встречей со мной и уверенность в собственной правоте сомнению не подлежали. Протяжный зевок им ни о чем не говорил и вопрос ко мне вновь прозвучал в той же последовательности. Нужен был быстрый ответ, как на бирже, иначе инициатива стремительно и безнадежно оказалась бы в руках противника.

– Какие же вы тупые! – раздалось откуда-то изнутри меня. Мой внутренний голос взял тайм-аут надышаться, представить себя на речке, окунув ноги в полутеплую воду, и быть готовым на все и вся. Мое восклицание что лексикой, что орфоэпией, заставило их на минуту остолбенеть. Это равносильно тому, что партизаны взяли «языка», а он им: «Вы что, ребята, что вы себе позволяете?» Типа того.

Я даже конверт в руки брать не стал и не стал удивляться, и показывать радугу-незнайку тоже.

– Обалдеть, до сих пор не знать, что Осетия и Кырджали побратимы и что мы экспортируем туда отдельные товары, в том числе конверты. Ну вы даете, ребята! – и я повернулся на другой бок. Протяжное «мдааа» из уст Короева означало согласие. А у меня появились надежда и вера в будущее: два в одном. Но этот случай подвел красную черту, как при-

мету того, что пора ставить точку, да побыстрее – скоро в Ленинград.

Из кладовой редакционных ответов о невозможности опубликовать то или иное «мое гениальное» инфо, достал конверт формата А4, на котором верхняя часть принадлежала ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ в полной расшифровке. Это был обычный конверт «Комсомольской правды».

Юра Фидаров уже не понадобился. Зашел на кафедру и на машинке набрал текст письма, в котором товарищ Догузов строго-настрого предупреждался об ответственности о неразглашении тайны и КГБ рекомендовал незамедлительно прекратить переписку с международной рецидивисткой Ваней Ионовой. В противном случае придется предстать перед судом в закрытом формате. И пару еще «ласковых» слов, сулящих суровое возмездие, исключительное несчастье и несварение желудка.

Тенгиз огромный конверт получил. Настроение – это слово просто неуместное в данном контексте. Его не стало, исчезло, как утренний горный ветерок с горы Казбек, вершины которого навеки белые-белые, а погода изменчива, как наша жизнь. Вчера была надежда, сегодня – все в клочья… Два дня мучений пролетели для всех быстро, а для Тенгиза как два года, даже больше. Я присел рядом и сказал ему: «Тенгиз, ты молодец! Не открываешь государственную тайну! Молчишь как сурок-шатун. Это хорошо», – посмотрел на меня удивленно, то ли хотелось поменяться ролями, но что-то непонятное во взгляде отдавало горечью. И рассказал ему все буквально. Не поверил, но ямки на лице говорили об удовольствии от холодного какао в жаркий день и блаженстве от мумакаевской халвы в зимнюю стужу. В одно время чувство «да» или «нет» вновь овладело им. Не верил. И тогда попросил достать шестое по счету письмо, в котором четко выделялось название японской фирмы и попросил прочитать с конца… Это грозное и совсем не обидное, нецензурное дигорское слово отрезвило юную душу. То ли снятие ответственности перед «органами», то ли горькая правда жизни подвигли его на открытую и громкую мелодию смеха и разнообразие идиоматических форм, направленных в свой же адрес, но уже без конвертов с иностранными марками и местной печатью сорокового отделения почты, что на Горького…

Так закончилась эпопея грез и мечтаний с оттенками серого, но мудрого опыта реальной действительности, требующей внимания в любом решении, даже в первых шагах земной жизни. Вечером был ужин с его любимой халвой за мой счет. Все смеялись над собой, что говорило об отсутствии зла и присутствии духа. В ожидании здравого смысла и виртуальной отмашки от Создателя наша четверка выбрала маршрут под названием «Жизнь».

Накануне выезда в «Большой город» отец устроил застолье во дворе. Соседи до ночи желали мне столько, что я со счету сбился. Осетинское застолье – это эталон райсобеса: желают так, будто ближе очередного тостующего у тебя нет никого. Из сорока девяти обязательных осушили около двадцати. Звездное небо паутиной окутало село. Редкий лай издалека наполнял жизнь недостающими эмоциями. Я прислуживал, как и должно. Горцы не изменяют себе до сих пор. Все едят и пьют – картина маслом, а мои акварельные мысли витали над неизвестным городом под названием Ленинград. Казалось, отправляют то ли в армию, то ли на войну. Впоследствии понял, что разницы нет, ибо они в меня верят. Могу ли я не оправдать их доверие, это же такая ответственность! Родные отходят на второй план, потому что родные. А этим старикам и старушкам как смотреть в глаза, как найти слова оправдания? Всю жизнь эти мысли «живут» со мной, не давая покоя, лаская душу и нацеливая на благоразумие. В силу возраста и прожитого, начинаешь понимать, что в их словах куда больше мудрости, чем в учебниках и пособиях, написанных сухим научным слогом. Даже в том, что я – виновник торжества, весь вечер на ногах, потому что за столом мой отец. Я не имею права – это тоже воспитание, чтобы с малолетства привыкать к морали: «У всех своя очередь. Они тоже были на моем месте. Знать, кто такой отец в доме. Знать, что его имя, его статус – это ты».

Перед тем, как средний брат был призван в Афганистан в качестве водителя военного бензовоза, стал свидетелем их разговора. Юра стоял. Отец говорил. «Прошу об одном…», – сказал Дзантемир. Юра дипломатично, как бы невзначай, перебил его: «Отец, я скорее умру, но не предам!» Отец улыбнулся. Вот, что значит домашнее воспитание – пример, личный пример в поступках. И не более.

Утром пошли к автобусу, остановка которого в 300 метрах. На ту самую остановку, о которой писал ранее, где пятачок местной бесшабашной молодежи. Афако, старший, с белой бородкой и тростью сидел возле своего дома и окликнул меня. Я подбежал. Встал оловянным солдатиком. Попросил подойти ближе. Он произнес: «Не женись на русской». Ожидал продолжения этой странной мысли, но дальше «прозвучало» только молчание, что значило: «Счастливого пути!»

Позади оставлял моих стариков детства: Дзанчек, Даза, Каба с Андуллой… Провожающие думали о своем, я тоже. Вдруг, увидел спешащую в нашу сторону старушку невысокого роста в красно-желтом халате. Это была Зулейхан, жена моего дяди Дидо, известного в районе муллы, многодетная мать моих дорогих двоюродных братьев и сестер, которых трудно назвать неродными. Автобус приближался с другой стороны, а с этой – Зулейхан. Обрадовалась, что успела. Не поздоровавшись, она сунула свою худую кисть в мой карман. Я понял все. Как не старался вернуть символические три рубля на дорогу, понял – не получится. Такие минуты не забываются. Она виновато отпрянула в сторону. Подождала со всеми, пока мой первый дальний маршрут начнет свое движение в город на Неве, который в мыслях успел стать таким же близким, как мое село. Позже не раз задавал вопрос, а смог я, смогу ли чем-то отплатить памяти Зулейханы? Вряд ли. Успею ли? Да, обязательно. Также внезапно, без вопросов. Должен.

Проезжая соседнее село Толдзгун, все три года смотрел на опушку справа. Там виднелось огромное дерево. Летом в листьях, зимой – большой на фоне неба силуэт. Не было ни разу, чтобы не посмотрел на него. Некий бренд сельчан-толдзгунцев. Несколько десятилетий радовал глаз. В одно из моих посещений Лескена, дерева не стало. Виднелся невысокий бугорок. Но через три-четыре года вновь стало расти дерево. Оно уже хорошо подросло. И вновь смотрю на него каждый раз, и думаю о преемственности всего живого на земле.

Поезд «Орджоникидзе-Москва». Моя и Бориса радость. Захотелось быстрее тронуться в путь, и чтобы вокзальный запах с массой провожающих остались позади. Так было до той минуты, пока из вагона отчетливо не увидел, что у

сестры покатились слезы. Ком в горле костью запрыгал, но сдержал эмоции: она не должна видеть, как и спутники по купе. Наконец, резкий гудок тепловоза заглушил все слова, и он тронулся в путь, к знаниям и неизведанным перипетиям жизни. Впереди Беслан, Минводы, Ростов, Москва, первое в жизни метро и пересадка двух горцев на поезд в Ленинград… В город, куда наши предки в 1749 году, в пору нейтрального государства Осетия, добирались две недели на старых повозках с целью закладки основ воссоединения с империей.

ЛЕНИНГРАД

Ленинград. Московский вокзал. При выходе заметил, что кто-то оставил длинный как трость японский зонт. Громко спрашиваю, но все отказываются от него. Значит не их. Стоим с Борисом на перроне в ожидании хозяина, который заметит пропажу и вернется к вагону. Вскоре поезд ушел в никуда. Перрон опустел и с двумя чемоданами мы тоже пошли куда-то. Но с ленинградцами и в тундре не заблудишься. Метро. Троллейбус. Здание с колоннами, как наш СОГУ. Значит это и есть университет. Нет. Это научно-исследовательский институт. ЛГУ рядом. Но и это только главное здание. Отправили на 1 линию, дом 26. Серое с царских времен неприметное здание в 5 этажей (ныне – семь). Информация по горской молодежи была на месте и вскоре нас послали в хорошем смысле этого двусмысленного выражения, в общежитие, в «восьмерку». Рядом с Петропавловской крепостью.

Нас приняли двое молодых, ответственных за поселение, студентов. Высокая блондинка с «Беломором» в зубах повела на третий этаж, где проживали абитуриенты. Мы должны были «перекантоваться» тут, так как общежитие для журналистов в другом месте. Нас в комнате было восемь человек. Оставив вещи, поспешили посмотреть ту удивительную красоту кругом, что давила на сознание с вопросом: «Где мы?» Голова кругом, это сразу и до сих пор. А пока пешком на Невский, воспетый всеми, кто видел его и по нему прошелся. По дороге мемориальные вывески стали нашими первыми гидами по городу. Литературные образы оживали постепенно. Умерла тоска, настало лето. Зимний Дворец, Александрийский столп с не заросшей тропой, Адмиралтейство и Генштаб, и вот он: «Невский проспект». Будто и люди там другие, не с земли. Все

культурные и с блеском в глазах, хотя впоследствии понял, что глаза также светились у слесарей завода «Красный треугольник», получавшие квартиры в срок и бесплатно.

Здание, откуда в последний путь ушел Пушкин… Мойка, черт побери! Казанский собор со своими строгими сторожевыми – легендами Бородина Кутузовым и Барклаем-де-Толли. А чуть дальше то, о чем мечтал с детства, к чему стремился босоногим мальчиком, от чего становилось радостно даже в пасмурный день, который давал харизму и смысл моих коротких шагов по лестнице жизни, – это была уже не открытка, которую мать тихо снимала с кнопок над моей кроватью, – это была мечта воочию, с глазу на глаз, один на один… Чем быстрее приближался к нему, тем краски мира зацветали все более яркой акварелью. И кислый, мелкий дождь не испортил картину восторга и упоения шедевром. Стоял у памятника Пушкину, за спиной которого величаво замер Русский музей. После этого можно было не смотреть ни на что. Вы испытывали такое чувство: вот моя мечта и я вижу – она сбылась только что.

Борис искал Коста, а я Пушкина. Спустя несколько лет мы вдвоем станем понимать, что они оба являются олицетворением моста между осетинами и русскими. Как бы мы не говорили, что мы все россияне, ментальные особенности многонациональной шахматки страны, обогащают обе стороны, проходя школу незнания и университеты открытий. Когда мы приехали в этот разноголосый мегаполис, понимали, что постепенно надо будет понять многое из этого жизненного богатства, принять и перенять, не забывая свои корни.

Последняя декада августа 1980 года не отпускала белые ночи, и мы из окна общежития наслаждались запахами Невы и стрелки Васильевского острова. Ночь прошла легко. Проснулись поздно, в 10 или 11. Мы уже успели познакомиться с абитурой. Рядом с Борисом разместился белорус Коля, молодой, крупного телосложения парень, готовившийся к предварительным испытаниям для допуска к основным на факультете физвоспитания. Большая разминочная штанга прямо в комнате все время была терзаема потугами Коли, его частными подходами, вздохами и, нередко откровенными выстрелами, будто так и должно. Сперва я стеснялся таким исходом судьбы и молчал, а потом выдавал такой же открытый смех в сторону силача-пердуна.

В одно утро, кажется, на третьи сутки, ничего для физкультурника не предвещало беды и огорчения. Тем временем, Борис просыпается первым. Я все вижу. Забрасывает через плечо полотенце. Берет мыло, в брюках и белой майке пошел в сторону выхода. Вдруг останавливается. Посмотрел на штангу, будто ждал от нее того же самого. Штанга не ответила взаимностью, но что было потом, повергло в хаос нашего соседа, посланника Белорусской ССР.

Борис небрежно кинул на кровать полотенце. Поискал место для мыльницы. Подошел к навеки прибитому весу в 120 килограмм, который нужен был для сдачи норматива нашему соседу. Вес, который в день испытывал примерно 50 подходов с душераздирающим воплями и не только – я вам уже поведал. Дальше для кого удивление, а для кого – горе от ума без кавычек: Боря без какой-либо разминки подошел к снаряду, берет вес, да еще три раза толкает от груди, сопровождая эти действия осетинской мелодией и со словами «Батайы фыртта» (Сыновья Батая – символ борьбы за свободу и сильных духом людей). Тихо, как младенца, боясь кого-то разбудить, опустил вес и пошел умываться. Борис-то ушел, но что я видел потом: Коля спрыгнул с кровати, встал во весь рост и зарыдал: «Он издевается надо мной! Даже без разминки! Я три месяца не могу одолеть…» Богатырь в метр девяносто, короче, Мавр, был не только обескуражен, но и повержен.

Не стал спрашивать ничего, дабы, меня точно не одолел без напряжения и газов, ничуть не думая о последствиях. Борис вернулся, фыркая носом, демонстрируя, что обладателям больших «баклажанов» тоже нелегко. Богатырь, похожий на людоеда, пошел к дальнему окну. Смотрел вдаль. Видимо проклинал тот день, когда… – как в фильме. А Борис невозмутимо и по-братски произнес: «Быццеу (мальчик), как насчет завтрака?» Кому – что…

Нас забрали в колхоз, во Всеволожский район, поселок Новая Пустошь, на морковку. А потом наступит учеба, зима… Обо всем по порядку…

Деревня Новая Пустошь. Роса – предвестник рассвета, в первое утро рисовала морковный туман на зеленом лугу. Конец августа вытирал слезы о наши легко одетые фигуры. Вчера было лето, потому что была Осетия, где тепло до 19 октября. Отец рассказывал, что тогда испортилась по-

года первый раз. Знак свыше – родился я с поливалкой для газона. Теперь за три тысячи километров дышу холодным воздухом Пустоши, обращая внимание на пустоты во времени и совсем не пустые трудовые будни. Старшекурсники заняли позиции на погрузке, как самые сильные, но вскоре поняли, что мы тоже не зря молоко лакали в Лескене.

Труд облагородил нас в тот же день и час, как только оказались в кузове с Александром Чумаковым (Сашей). Чумаков был чуваком что надо: мог во время работы рассказывать анекдоты до вечера, не сбавляя темп. А как он их рассказывал! Главное не содержание, а умение говорить так, как он. До сих пор, когда встречаемся с ним и нашим калмыцким братом Нараном, та же широкая улыбка и позитив по всему телу. Сашка нашел себя в профессии – редактор журнала. Мог, конечно, больше, так как потенциал большой. Но у каждого, НО есть подпольное НО. О справедливом обществе, тем более о самой справедливости голову ломают со времен Древнего Мира. Хоть бы ее, наконец доломали, может так станет легче: подождем чипизацию по имени Билл. Все беды большинства от несправедливости, все деньги у меньшинства по той же причине. Первые начинают, вторые выигрывают.

«Колхоз» дает хорошую школу жизни: узнаешь всех и расставляешь по местам в полочках извилин. Советская методика подготовки специалиста и патриота была куда лучше, чем сегодня. Мы принимаем в вузы человека, а не цифры под названием «ЕГЭ». Не удивлюсь, если немые (прошу прощения, ничего личного) выдержат конкурс на вокалиста, а хромые с детства в балетную группу. Жизнь всегда была относительной, но не до такой же степени! То ли терпение – одна из семи добродетелей, главнее, то ли терпилы. Во втором жизнь, потому что их больше.

Тракторист Вася, полный в прямом, а не переносном смысле, в черной от солидола спецовке, стал своим: по окончании наших трудодней, крал ящик морковки, нежно прикрывая тканью в области топливного бака и задних навесных рычагов.

Это в Азии называется «чоп», в России «шабашкой» или «наваром», так или иначе ведущим в тюремную камеру. Вроде и хищение, а по идее мелочь. Всем хватало. Вскоре механизатор хренов понял, что мы свои, и особо церемониться не стоит, и четыре ящика паковались в обед, столько

же под вечер. Периодически щедрый парень Вася привозил две чекушки (четверть литра) русской водки. Мне, непьющему, доставляло удовольствие видеть одну и ту же картину: большой деревенский парень колобком спрыгивал на грунт, доставал две малюсенькие бутылочки, хватая пальцами за горлышко, в преддверии экспромт-сабантуя.

Местные бабули, прожившие всю жизнь на поле, борясь за урожай и выполнение плана, редко сменявшие коленно-локтевую позу, приносили из дома парное молоко для грузчиков. В перерыве узнавал много подробностей из личной жизни их самих и их домочадцев. У кого-то сын негодяй, у кого дочь родила не от мужа, у коровы надои невысокие, у третьих лампочка перегорела и поменять некому. Но, в целом, были весьма позитивные поневоле и судьбе оставшиеся в родном колхозе с причудливыми красками света и тьмы.

«Валерочка, ты такой хороший, оставайся здесь, – женим тебя на самой красивой девушке», – говорили они от сердца, а я в это время думал о другом: там было всего несколько домов и все, кроме собак, выходили в поле и среди девчат я что-то не заметил ни одной, которая соответствовала бы их характеристикам. Наоборот, как на подбор, рыжеватые в веснушках – это еще ничего, но с редкими светлыми усиками и квадратной головой, больше напоминавшие потомков викингов, совершавших походы от Винланда до Биармии.

Наша студенческая и колхозная феерия находила себя в поздних дискотеках, перловой каше и дефиците деревенского хлеба. Мяса много, а хлеба мало – парадокс. Мы с Хозиевым заходили к «нужному человеку» – Рамзану Хаджиеву, чеченцу, оказавшему на нашем месте годом раньше и возглавившему пищеблок. В хлебосольстве ему не отказать. Шашлык-машлык и все остальные яства появлялись по мановению волшебной палочки. Это тот Рамзан, который при Джохаре Дудаеве был руководителем Северо-Кавказского бюро Российского общественного телевидения (ОРТ). В августе 1996 года снайпер оборвал жизнь моего друга. Журфак помнит его до сих пор.

Понемногу стал узнавать новое окружение, соизмеряя с прошлым. Находил много схожего и поменьше иного, что стало бы явным противоречием. Адаптация состоялась с

первых дней, работа спорилась. Один день в две недели – выходной по желанию. Здесь требуется короткое отступление.

Когда уезжал в северную столицу, то соседка, старушка Зина, просила навестить ее брата, проживающего на Неве с сороковых годов. «Обязательно, – сказала мне. – Ты увидишь, какой он хороший. Примет как родного». Походило больше на приказ, чем на просьбу. И я собрался в Ленинград, прежде просмотрев карту области. В таких случаях прийти с пустыми руками – верх невежества. Освободил свою большую, как баул, сумку и загрузил три ведра, если не больше, отборной, сочной морковки. «Чем я хуже тракториста Васи со своим ежедневным чопом? – спросил я себя, зная простой ответ на несложный вопрос. «Грузи, брат!», – вторило мое внутреннее я.

Прямоугольный автобус набирал скорость медленно, но разгонялся так, что после каждой остановки пыль затмевала округу на всю катушку. После чего открывались двери и ветер охотно доставлял ее нам, в салон, типа «а кому ща хорошо». Конечная остановка «Пороховые». Тяжесть провизии вскоре разубедит в правильности решения, но не пропадать же добру? Спрашивая жителей города, проезжал куда-то в никуда, там пересаживался на трамвай. Проехал. Вышел. Обратно, отсчитывая нумерацию улицы Металлистов, делая привал за привалом, мокрый до ушей и нижних конечностей, дошел до заветного дома, этажа и квартиры.

Звоню. Молчание. Нехорошие мысли одолели тут же: обратно я не повезу, выгружу где-нибудь. Опять звоню и опять то же самое. Присел на сумку. Задумался. Та же мысль о тяжести и моем физическом изнеможении. И кто был, тот первый осетин, который придумал, что неудобно «просто так» навещать родных и неродных тоже! Пот с головы лил по своему усмотрению. Вдруг раздался шорох из-за двери. Напрягся.

– Кто там? – услышал долгожданный, как из мультика, не совсем понятный для меня вопрос. Так же некрасиво. Сперва отвори, а потом спрашивай. Как не стыдно, подумал я. Понимая, что время идет не в мою пользу и я могу лишиться даже этой нитки счастья, ответил:

– Это я. Из Осетии.

– Кто? – настаивала незнакомка. Это уже верх бесстыд-

ства. Мысли включили турбоускорение: если она имеет отношение к Борису Калоеву, брату Зины Галеовой, она должна знать, что такое поведение граничит с невоспитанностью и неуважением к гостю. «Нет, – решил я, – видать, это не квартира Калоевых».

– Откуда? – опять послышался писклявый женский голос. Ответил.

– И что? – диалог из поднебесья продолжал мучить мозги.

– Это квартира Калоевых?

– Да, – многозначительно, но успокаивающе ответила деревянная дверь, давно мечтавшая о новой покраске.

- Меня к вам направила тетя Зина, – умоляюще и еле сдерживая естественное желание мочевого пузыря, выдавил я. Но и это моей странной собеседнице ни о чем не говорило.

– Я Валера Таказов из Лескена. Рядом с нами живет Зина Галеова, сестра Бориса Калоева. Когда я уезжал, наказывала, чтобы я навестил вас. Сейчас в колхозе, – прикинув, что она может не понять, где Осетия и где колхоз, добавил тут же, – колхоз в Новой Пустоши. Нас, студентов отправили собирать морковку. Я только что оттуда.

О, Боже! Звук дверной цепи придал надежду на скорый счастливый конец моим мытарствам. Это как в анекдоте про молодого крокодила «Ничего себе, сходил за хлебом!» Но последующая сценка во мне убила все живое во мне от разницы в менталитете и различии во нравах. Показалась худая, как старуха Гуче, Ася, молодость которой реально играла в ее пользу. Лет под 25, тощая, как сушеная вобла, девушка, запустила в прихожую, не отводя глаза от моего странного груза. Стою. Вытираю пот мокрым платком. Немая сцена. В мозгу одни проклятия в адрес Зины, ее родни, вплоть до ее нескольких кур в селе и прихрамывающего петушка.

– Это морковь. Вам привез, – выдавил вновь, рассчитывая на быстрое понимание. Но не тут-то было. Открывая замок баула, надо мной будто прозвучал сам ужас с крыльями и топором в руке: «Это что?!!» Опешил от возгласа, не разделяя ее удивление, и назвал корнеплод, как полагается: «Морковь».

– А зачем нам столько? Куда я это дену? – всполошилась хозяйка.

– Соседям раздадите, – предложил я. Но было видно, что

совет не возымел понимания остроты ситуации, ибо она же мне ответила: «Кому? Соседям? А с чего?» На последний вопрос до сих пор ищу ответа, найти не могу. Представьте себе, это слышал человек, выросший в среде, где за святым осетинским застольем отсутствует тост как за брата, так и сестру. Но за соседа – в обязательном порядке. Переполох продолжался. Она искала везде посудину, куда скинуть халяву в неприличной дозе, а я о туалете… Вернулась в прихожую и заявила, что нет ничего. Фантазия горца давно говорила про ванну, в морковном смысле. Что и сделали наконец, хотя с возмущением. Ванная усеяна отборным фруктом. Какой кайф помыть руки и протереть пот, оставивший в прихожей следы от ручейков с тыльной стороны заскочившего джигита. Узнав, что в доме она одна, я поспешил удалиться, собрав силу йога в одном месте и напрочь исключив из сознания картинку писающего мальчика.

Дело в том, что у осетин до сих пор так положено: если в доме кроме женщин нет никого, ни отца или брата, то мужчины не заходят внутрь, за исключением кровных родственников. Голодный как собака дяди Минчия, мокрый как цуцик и с туманом в глазах, засобирался прощаться, как в друг послышалось заветное и многообещающее: «Кушать будете?» «Точно, не женюсь на русской», уверенно и без капли иронии проговорило мое нутро. Это я, давно растаможенный дигорец, могу и сам попросить без особых реверансов, но, как правило, при таком вопросительном раскладе никто из осетин не ответит утвердительно. Даже головой не кивнет, просто, откажется. Когда вы заходите в гости в осетинскую семью, то вас и не спрашивают о желании, вам сразу накрывают стол. У каждого из нас свои традиции. Наша беда в том, что в школах и вузах об этом не рассказывают. Отсюда и проблемы.

Вот вы думаете, скорее бы я воспользовался туалетной комнатой. Даже сегодня слово «туалет» в речи не произносится. Это интимные понятия, хоть и доставляющие несомненное удовольствие, если не блаженство, но в быту у осетин редко или совсем не называются. Это напомнило случай про того же набожного старика Афако, который как шпион пробирался в туалет в огороде, да так, чтобы сноха Света, городская девушка, только вышедшая замуж за его сына Бориса, ненароком не повстречалась на пути. Много

таких уникальных секретов у горцев, стоящих до сих пор на грани вековых традиций и современной глобалистики. Что-то меняется, но больше сохраняет архаику. Гостям – не осетинам прощается все, осетинам – нет. Я сорок лет связан с Невой, но это не дает мне права забывать Терек.

Встряхнул сумку в ванной. Подмел за собой. Поняв, что сама не догадается, обратился к ней: «Дайте соль». И началось: зачем и почему, и как. «Спросишь отца, так полагается у осетин», – мягко, но с горчицей, ответил ей. Попрощался, но обещал вернуться, когда хозяин будет дома. И я приеду. Встречусь с Борисом, но об этом позже. А пока бежал стремглав, «быстрее лани», до зеленого массива, ибо перешел Рубикон терпения и рисунок того самого мальчика.

Внезапно начавшийся крупный дождь прошумел по стройным кленам. Запачканная карта Ленобласти молила вернуться в деревянный барак с прогнившей крышей, мышиным запахом, но душой куда теплее, чем в квартире с полной морковью ванной и холодной тенью…

Колхоз закончился. Начались будни, полные забот о пересдачах: целевики «потеряли» курс. Вместо третьего, пошли на второй, с условием успешной ликвидации разницы в учебных планах региональных филфаков и факультета журналистики ЛГУ. Бюрократия оформлялась быстро, несмотря на полное отсутствие в государстве компьютеров. О них тогда и мечтать не могли, от неказистых ЭВМ с перфолентами до персональных компьютеров пройдет еще больше десяти лет.

В первый же день официального похода в страну творческих знаний случился некий казус. Вошел в кабинет заместителя декана Эдуарда Васильевича Летенкова. Представился и изложил просьбу выдать «бегунок», специальный лист, на котором светится рукой написанный список предметов, что подлежат сдаче до ноября месяца с целью продолжения учебы в формате «как все». Время выдалось обеденное и замдекана спешил на улицу «перекусить». Он так и сказал: «Перекушу и вернусь». На что я ему в присутствии секретаря предложил пообедать вместе в украинском ресторане, напротив. Вместо зрачков светились вопросы, а у меня ничего не менялось. Для убедительности добавил: «Вчера я там попробовал солянку. Очень понравилась». Мои рекомендации не возымели действий, кроме странных визуали-

заций в мою сторону. «Простите, Вас как звать?», – спросил доцент (впоследствии стал доктором наук, профессором и коллегой по кафедре). Ответил стандартно, типа «зови меня просто Валера».

Второй человек на факультете скромно отказался. Я нескромно продолжил: «Вы обедать идете? Я составлю компанию». Эдуард Васильевич, человек скромный, ученый и высокий ростом интеллигент, быстрым шагом направился на улицу вместе со мной. Остановился и сказал: «Вам хорошо пообедать. Через час встретимся». После перерыва продолжили беседу в его рабочем кабинете. «Валерий, у нас так не полагается», – тихо и вежливо сказал Летенков. И я впервые услышал слово «субординация» из неизведанных до того фондов русского языка. Я покачал головой в знак согласия и с ним, и с существующим порядком, и со всем на свете. Хотя знаки вопросов на моих глазах и ушах, разве что слепой не заметил. Вечером в общежитии достал тяжеленный словарь Ушакова и в темпе полистал до буквы «С». Только тогда до меня дошло, почему мужчина по имени Эдуард, не согласился просто со мной покушать и также просто вернуться на факультет.

Это тоже из ряда первых уроков на стыке двух культур и элементарной поведенческой адаптации. То, что на Кавказе – уважение к старшим, здесь – субординация. Если в Осетии не считается зазорным рядом с доцентом пообедать, поговорить о жизни, пожелать хорошего дня, то на новой площадке новые правила, во многом схожие и настолько же различные.

Учебные занятия отличались не существенно, скорее поучительно: хочешь заниматься и набирать знаний – посещай занятия. Не хочешь, как хочешь, главное на сессии ответь, как полагается. Переклички как в садике или колонии строго режима не было вовсе. Правила для всех: лектор время тратит на лекцию, студент – на конспект. Если в Осетии могли минут десять терять на собственную реабилитацию по вопросу пропуска прошлой лекции, то здесь вместо этого живая, интересная, говорящая голова профессора и сто двадцать пять разношерстых, разноцветных, круглых, квадратных, овальных бошек представителей тридцати трех государств мира. Журфак был самым многонациональным: здесь встретилась молодежь буквально со всех континентов.

На практических занятиях та же нейтральность: есть желание отвечать – отвечай, нет так нет. Но все учитывается, как «взносы» на осетинских похоронах, записывается в журнал и заносится в память. Редкие минуты могли отвлечь не на тему лекции, богатые историей, теорией и практикой с непременным упоминанием Владимира Ленина и Леонида Брежнева. Если бы я тогда назвал их без отчества, поправили бы, а косой взгляд заставил бы быть осторожней на поворотах. Журналистика – главный учебный центр идеологии страны. Кто бы мог тогда подумать, что всего через пятнадцать лет придется перестраиваться, отказавшись от строительства коммунизма и пятидесяти пяти томов вождя революции. Надо заметить, столь активное изучение трудов классиков марксизма-ленинизма и сегодня не теряют своей актуальности, сравнивая и соизмеряя прошлое с настоящим.

Помню первокурсника Амбруза Джусу из столицы Буркина Фасо, Уагадугу. Он жил на девятом этаже с худым как сахарный тростник, нагловатым, словоохотливым, белолицым Хуаном из Кубы. Скошенная физиономия мальчика с Острова свободы вызывала скорее отторжение, чем притягательность. Но встречался со смуглой кубинкой неписаной красоты. Пришел как-то к первокурснику Амбрузу и в это время того типа не было дома. Мой африканский друг в своем амплуа: пара томов Ленина на столе и он, согнутый в три погибели над трудами самого живого среди живых и не очень. Посмотрел на меня грустными красными глазами и кивнул в знак приветствия. Понял, что круглосуточная зубрежка моего африканца вскоре доведет до шизофрении или так далеко унесет, что отсюда не видно.

Я спросил красотку, почему она встречается с Хуаном, который на идиота похож? На что, судя по ее серьезной мине, тут же получил обоснованный ответ: «Он белотелый, а на Кубе это половина карьеры в будущем». В комнате раздался смех одного только человека – это был я. Отсутствие реакции на мое веселье подвигло срочно пересмотреть свое поведение и, чисто по-дигорски, увел в другую степь: «Амбруз, а что говорит классик на этот счет? Несправедливо, черт побери». Последующий диалог заставил закруглиться и пойти этажом ниже, в 203 комнату, на двери которой виднелась свежая, черным

по серому, надпись: «IRON HADZAR» (Осетинский дом). Амбруз стал спешно искать в словаре словосочетание «черт побери», все остальное было понятно. Он мог Ленина цитировать часами, но не потому, что понимал самую суть, а просто качественно зубрил все до сносок и комментариев.

Этот случай сейчас напомнил другой и не связанный с Кубой, тем более с Африкой, а с Осетией, с СОГУ. Экзаменационная пора, то ли сессионная, то ли нет, не вспомню. Но меня попросил знакомый передать его племяннику шпаргалку – два аккуратно вырезанных листа из книги, кажется по «Обществоведению». Долго объяснять не стану, что в Осетии традиционное понятие «помочь» куда емче и богаче по причинам и последствиям, чем в Центральной России. Это скорее что-то уважительное, чем постыдное. Письменный экзамен принимал Володя Шахбазов. Попросил вызвать из аудитории молодого человека. Я передал то, что должен был. Проходит полчаса и Владимир Александрович позвал меня на второй этаж к аудитории, где проходил экзамен. Он вышел в коридор. Мой коллега, значительно старше моих лет, спросил: «А тот парень нормальный?» «Отца и его дядю знаю. Его – нет. А что случилось?», – отчеканил я. Ответ на мой вопрос был краток и уникален во всех отношениях. Володя рассмеялся и говорит: «Он списывает даже сноски на литературу и выходные данные издательств…» Так тоже было.

Амбруз, выдержал первые две сессии на отлично. Но идеологическая атака на мозг со всеми флагами и призывами к революции сделали свое дело: он уехал и не обещал вернуться. Спокойный умница Амбруз, видимо, где-то бороздит вселенную с ее бесконечными претензиями на равенство и братство или наоборот. Его земляк в два метра, сильно похожий на баскетболиста Джордана, остался до конца учебы на экфаке, увез с собой жену – ростовчанку в половину своего роста, то есть чуть более метра. Познакомились случайно у метро «Электросила». Я был с Самиром и его любознательным племянником из какого-то техникума. Иорданцы любят пошутить и громко смеяться. Была настоящая зима. Усы примерзли, льдинки от них питали губы и горло. Укутались как могли, открытыми остались только глаза. Тогда не только закаты, но и зимы были

другие. Но не смеяться, конечно, не могли. Автобус в это время ничуть не стеснялся опаздывать. Племяшка спросил меня: «А ты откуда?» Нашел время для энциклопедических познаний. Мы от стужи дубаря даем, а ребенку мои выходные данные подавай.

– Из Буркина-Фасо! – крикнул на него. В это время перед глазами появились еще глаза, но со своей изюминкой: то ли глаза отсюда, то ли с того мира. За мной стоял он, двухметровый друг Амбруза. Я резко повернулся и прямо перед глазами увидел шарф, а посмотрев в небо – лицо африканца. Он говорил вниз, значит мне: «Я тоже оттуда, из Буркина…» Не дав ему продолжить мысль, прокричал: «Земляк!» и мы вопросительно обнялись, в расчете на будущий разбор ситуации. Через минуты заметил, что рядом с ним не вещмешок, не ранец, а человек – это была его невеста – коротышка из Ростова-на-Дону, часто рассказывающая историю нашего знакомства на площадке второго дома – общаги, такого дорогого участка счастливых лет и разбитых надежд. Все как у всех, с плюсами и минусами, диспутами будущих карьеристов и дискотеками в Ленинской комнате по субботам. Так, зимним холодным вечером то ли мы доставили «гармошку» под 62 номером, то ли автобус сам довез, издавая мученические, скрипучие звуки откуда-то из-под себя и не только.

Общежитие, как и сегодня, находилось по адресу: Новоизмайловский проспект, дом 16, корпус 1. Студгородок из 11 однотипных десятиэтажных бело-голубых коробок. На вахте старушки – любители не бескорыстных шоколадок. Рядом комната, где все годы проживал таджик Назар (впоследствии Почетный консул своей страны в Санкт-Петербурге, кандидат филологических наук). Тихий, мирный, играющий на гиджаке и поющий вполголоса. Любитель зеленого чая, не закрывающий дверь на замок и одетый, как правило, в национальный чапан. Охранять старушек особо не приходилось, разве что в дискотечные вечера, пробуждавшие в молодых людях из других корпусов желание «поближе познакомиться» с определенным этажом и не менее определенным номером комнаты. Скорее от хамства иностранцев, чувствующих во всем свою правоту и привилегированное отношение со стороны властей СССР. То, что можно им, нельзя нам. Это стало правилом жизни и нередки были слу-

чаи, которые при абсолютно равных положениях, исключали советского и не трогали иноземного.

С первых дней проживания, боялся одного – лишь бы меня не постигла участь отчисленного из общежития, что автоматически означило прощание с вузом. Так было положено. Многие из российских глубинок научились терпеть, в силу более спокойного темперамента. Но в таких ситуациях более вспыльчивые, но по делу, кавказцы долго не разбирались и ставили точку на разборке за минуты, не различая цвет волос, разрез глаз, высоту или ширь африканцев, арабов, «попутавших берега». Конечно, большинство из них были правильные ребята, но из-за отдельных выскочек, хорошие так и не дожидались своих дипломов. Не забуду нашего талантливого русского друга – волгоградца, который на кухне при мне «отбрил» одного шепелявого палестинца жаровней за прямое оскорбление в присутствии ряда свидетелей. Ничего не смогли сделать – отчислили тут же. В таких случаях ставлю себя на место пострадавшего, а я бы смолчал? Нет, просто не я оказался на том месте. Были случаи, когда и меня могла постичь та же участь, но об этом потом.

Студенчество одной учебой не ограничивается. Мир увлечений и поиск себя дают подсказки на будущее. Страна отвечала за нас: учись бесплатно, работай и в течение трех лет получай квартиру. Когда студентам рассказывал случай, как по окончании аспирантуры приехал домой, в Осетию, встал в отдельную очередь для молодых специалистов. Через год уже мог заселиться в «двушку», но нельзя было: мне полагалась трехкомнатная. Жена, дочь и я с кандидатской степенью. Пришлось подождать еще восемь месяцев. Сегодня это выглядит как сказка. Когда политики заявляют, что возврата к прошлому нет, становится смешно и грустно. Не знаю, как вы, но я бы в ту же минуту вернулся. Пусть с дефицитом свежего мяса, розовых трусов и желтых бикини, но в порядок с моралью патриота великой страны. Моей страны, как моего ребенка. Без выстрелов в ночи и боязни завтрашнего дня.

С седьмого по восьмой этаж – царство журналистов со всего мира. Все, как на подбор, добряки и увлеченные, уверенные в себе и дышащие полной грудью, парни и девчата с желанием не накопить деньги, которых на них не

жалела страна, а найти свое собственное место пусть не под солнцем, но свое. Мы знакомили друг друга с культурой родных мест. Каждому казалось, что лучше его малой родины и счастливей его государства нет на свете уголка. Стенгазеты и вечера о жизни и творчестве русского бога поэзии Александра Пушкина, осетина Коста Хетагурова, туркмена Махтумкули, курда Джагархуна, перса Назима Гянджеви, аварца Расула Гамзатова и других поэтов открывали новый мир в разноликое мировое пространство будущих поколений.

Каждый день сулил что-то интересное. Уже три месяца, как живем рядом с Кареном Маркаряном и Мишей Кузьмицким. Карен веселый, харизматичный. Парень-боец. Его нос повидал многое и походка натренированного боксера выдавала себя даже при быстрой ходьбе. Он защищал честь университета, набивая хуки и выбивая зубы. Каждое утро, по дороге к умывальнику, «тренировался» со всеми, кто попадался на пути. Все настолько привыкли к этому, что, увидев Карена, кто-то прижимался к стенке, кто-то быстрее хотел отделаться от неминуемой боксерской гимнастики. Громкий смех и пение попурри нередко слышались за стенкой. Мы неплохо говорили по-русски, но при встрече он всегда подчеркивал свойственный кавказский акцент с распространенным, уменьшительно-ласкательным «джан». До сих пор при переписке мы пользуемся армянским магнитом и «тогда ему будет приятно, а если ему будет приятно, то и мне будет приятно». Карен популярный в России и в Прибалтике журналист, поэт. Нравятся его интервью с известными деятелями культуры. Горжусь Ригой и известным однокурсником.

Так вот, он постучался. Попросил зайти. «Вспомнил, где я тебя видел». В одну и ту же юнкоровскую смену мы посетили мечту детства – «Артек». Мы ходили в школу. Правда, он был в другой дружине, а я в Янтарной. Столько лет прошло и такая встреча! Такая память!

С Кареном жил Миша Кузьмицкий. Тихий, скромный, но с внутренней начинкой мужика. Всегда приветлив, улыбчив и интеллигентен. Произношение выдавало, что он не в ладах с русской речью, но и это придавало некую прелесть, не отторжение. Может, и не запомнил бы такие тонкости, но нередко одна деталь может заставить запомнить и все

остальное в человеке. Дело не столько в нем самом, сколько в его девушке. Ирина светящимся ангелочком забегала к нему то с книгой, то с едой по-домашнему, будто к своему дитя. И он, как послушный ребенок, готовился на факультет по-быстрому, и они убегали по лестнице, не дожидаясь счастья-лифта, имеющего привычку ломаться на полпути. Это была любовь, которую видели все и всем хотелось для них только счастья. Оба невысокого роста и похожие как брат и сестра. И так всегда, сколько помню. Я прозвал их «сладкой парочкой». Думаю, и сейчас они также куда-то спешат: Ирина напоминает, не забыл ли он чего, а он молча убегает. Два журналиста и два счастливых человека живут вместе и очень редко ругаются, но очень много смеются, подтрунивая друг над другом. Не был никогда в Череповце, но благодаря моим друзьям могу сказать, что в городе живут славные горожане! А Мишу с Ириной ждут осетинские пироги!

Счастливый я человек, впереди еще столько имен!!! Пинясов, Мишанин, Вельмискин, Голенков, Буянкин из Мордовии, Грязев из Удмуртии, Тач и Клыч из Туркмении, Абдул Маджид Шейхо Азад из Сирии, Ниммер из Палестины, Рубик Акопян и Рафик (светлая память) из Армении, Муллочаев из Таджикистана, Лейла Меримова из Дагестана, Борис Хозиев, Витя Каргинов, Сергей Архипов (светлая память) и Лариса Толпарова из Осетии, Абдул Малюк, Сахи-Саха и Ахмед Али из Афганистана, Наталья Шведова (светлая память) из Ленинграда…

Память лучший комп… Она всегда права и сохраняет нужное. Без гонора и хайпа – все, как было, пройдусь по тропинке жизни от коменданта Валентины Христофоровны до Хазби Сергеевича Булацева и других великих людей нашей с вами эпохи, эпохи длиною в жизнь…

Многотысячный студгородок – многоликий Ленинград с секретами. Десятки обществ дружбы народов, от языка суахили, сильно напоминающий персидский, до японских наречий из глухой деревни. Ленинградский государственный университет считался одним из лучших в Европе и как магнит притягивал к себе молодежь со всех концов планеты. Советский Союз мог позволить эту роскошь: бесплатное обучение и высокие стипендии.

Под моей комнатой, на седьмом этаже жили палестинцы: тихоня Ахмад с деревянным протезом вместо ноги и Джафар, вечно попадавший в какие-то пьяные истории. Первый был умница и скромняга и однажды признался: «Если бы не ваша страна, я остался бы годами пасти овец...» Решил придать нашему разговору позитивный настрой и продолжил: «Ну, пас бы год, а потом на учебу». Он не согласился. Оказывается, в Палестине овец разводят ради шерсти, не как у других народов на мясо. А потому пастух дает им имена, и они за годы привыкают и охотно откликаются. Джафар – худощавый арабский жиголо из богатой семьи. Одевался во все белое и фирменное. Глаза по утрам навыкате от веселого вечера. Он был добр, не скупердяй. Всегда приглашал в знаменитую «Чебуречную» у метро «Парк Победы». У арабов нет звука «П», а потому они меняют его на «Б», отчего надолго остались в памяти студгородка пять «Б» в одном предложении Джафара: «Бойдем на Барк Бобеды Бить Биво».

К невысокому Джафару городские девчата сами приезжали в гости без предупреждения. Нередко он начинал скрываться по другим комнатам, дабы им некультурно не испортить настроение. В одно время с ним проживал русский парень Олег, любитель пофилософствовать на темы политики и морали, из-за чего мы быстро заканчивали общение с ним, ссылаясь на неотложные дела. Ему доложили, что на первом этаже ждет очередная гостья, наверняка думающая, что Джафар ждет только ее, единственную. «Олег, сбегай, братишка, спроси, кто ждет меня и скажи ей, что меня дома нет». Сосед по комнате неохотно, но пошел по лестнице, напевая странную мелодию. Остановился. Пошел дальше.

– Кто к Джафару? – демонстративно, как это случается в длинной очереди к стоматологу, голосом звонаря прокричал Олег. Девочка расплылась в широкой улыбке счастья.

– Это я, – ответили в вестибюле. Зовущий за минуту стал Небесной силой для незваной гостьи. Она протянула паспорт вахтеру. Олег прямо там же доложил ей так, как никто: «Джафар попросил меня сказать, что его дома нет». Они вдвоем дошли до палестинского мачо... Весь запас идиом от поклонницы еще долго висел топором в воздухе. Мне нравилось слушать друзей-арабов, говорящих на древнем языке столь

красиво. Ничего не понимал, кроме исторических знаний о мире, подарившем Европе много цивилизованных фраз из мира математики, геометрии, химии. Но Джафар был с какого-то неизвестного, дикого берега Иордана, где разливали джин-тоник, а бонусом был кальян на молоке.

Тем временем, третий сосед, Ахмад, ничем примечательным похвастаться не мог, хотя мы знали, что он был храбрым и мужественным воином. На следующий год Джафар получил заветный диплом, половину общежития неделю болтало из стороны в сторону, как в песне «пой баян, чтоб ходила земля ходуном, чтобы эхо вторило с поля». Виновник пьянел быстро, но это никого особо не трогало: гуляй седьмой этаж, помни Джафара, который уже грузом лежал в соседней комнате.

Вскоре вместо Джафара заселился афганец Валида – большой любитель зеленой смеси «нос» (насвай), распространенный заменитель табака в Средней Азии. Помнится, был в Таджикистане зимой. На снегу попадались частые «следы» зеленого цвета, напоминавшие остатки пищеварения обычных домашних гусей. Удивился. Объяснили. Понял. Посмеялся. Афганцы были коммерсантами. Привозили большие магнитофоны в пластмассовых каркасах, но красивые, манящие девочек чистым звуком, и бесплатные жвачки. Продавали джинсы по 200 рублей, а поторговавшись, соглашались на 160. Мне, как «своему» за сто. Так как я для некоторых был именно «своим», то ежегодно брал у пятерых по сто, продавал тут же по 160, а они же – по 200. Разница придавала временное наслаждение от свежих купюр. Уже тогда доносился запах капиталистического плова и хаотичного ширпотреба: от ручек до шампуней.

Ничуть не забывая, зачем приехал за тысячи километров, не чужд был с одного рубля заработать два на ровном месте. Узнал, что Абдуле Малюку, собирающемуся на родину, очень нужен кардамон (это не просто растение, оказывается, а кладезь полезных для организма веществ), не продающийся в магазинах. Друзья достали. После зимних каникул заслуженные преференции нашли нас, как говорится, с доставкой на дом. Временный характер быстрой прибыли не давал стабильности ни в финансах, ни в их романсах.

Рядом с нами, ежедневно ищущими себя и живущими одним днем, находились сверстники, мечтавшие о боль-

шем и о более устойчивом, чем наше, положении. Наискосок от меня, кажется, в комнате под номером 188, жили наш сдержанный в общении, но острослов, с прической Есенина, больше одиночка, чем душа на распашку, Вадим Волос. С ним же: Жан-Клод Гакоссо из Конго. Они были разные, но что-то незаметное, но важное, их объединяло. Немногословный Жан-Клод одевался строго, вплоть до зимней пилотки под каракуль. Некий европейско-африканский дуэт. Вадим напоминал больше западника, чем соотечественника. С английским и не только был на короткой ноге и нередко с Жан-Клодом говорили на разных языках, набивая хорошую практику для собственного образования.

Прошло много лет, и я не раз гуглил Вадима. Результата нет. Я был уверен, что он точно найдет себя в жизни так, что будет интересно всем. Может кому-то и в зависть, а мне за моих всегда в радость. Как в Осетии говорят, «пусть у соседа будет больше, чем у тебя, тогда он красть не полезет, а в голод будет у кого попросить». Вскоре глобальная сеть открыла мне служебные площадки и того, и другого: Жан-Клод – министр иностранных дел Республики Конго, а Вадим вещает на планету из США о проблемах мировой экономики.

Напротив моей комнаты жили трое, оставившие также неизгладимый след в моей жизни: Анзор Довлетукаев из Курчалоя, бывший глава «Чеченрадио», ныне веселый пенсионер и интересный писатель. Он на год раньше простился с учебой на журфаке и в первый же месяц работы в одной из республиканских газет Грозного, написал письмо. Отдельный отрывок застрял в извилинах: «Передай всем нашим друзьям, что Анзор стал видным публицистом равнинной и горной Чечни времен Валентины Христофоровны и Большакова…»

Мой чеченский брат имел в виду коменданта нашего корпуса, вдову генерала, высокую женщину с двумя массивными кольцами на пальцах, серебряными висюльками на ушах, накрашенными донельзя красными губами и с белым костлявым, напудренным лицом и мелкими глазами женщину, восьмидесятилетнюю Валентину Христофоровну. Про таких говорят: столько не живут. Если до сих трудится – не удивлюсь. Сколько лет работала, столько следов памяти оставила на душевных кнопках советских и иностранных студен-

тов. Не было предмета, который бы не вызывал претензию с ее стороны. Придирчивая ко всему, вплоть до хромого комара, спрятавшегося в комнате ДНД. В одно время я состоял в ее, на вид, сердечном почете, так как был старостой восьмого этажа. Должность для первого шажка по карьерной лестнице, особенно по линии комсомола, ближайшего соратника компартии. Не потому доверили, что такой весь положительный, а чтоб кавказец приструнил зарубежных гостей, отличающихся элементами борзоты и наглости и нередко отказывающихся дежурить по этажу. Вскоре им это даже понравится.

Что касается первокурсника Большакова (прошу прощения, не помню имени) то это был уникальный тип, столь же фанатично преданный учебе, но более всего – общественной работе. В колхоз – он первый, на субботник – без разговоров, красить полы – маляр от бога, разгрузить стекло или рулон толи – пожалуйста, белая рубашка не проблема. Исполнительный до невозможности. Палочка-выручалочка для всех и вся на все случаи жизни. Успешно окончил два курса. И вдруг, вечно быстрый, как человек-паук, в период зимней сессии вышел из общежития в костюме, белоснежной рубашке и пионерском галстуке. Босиком!!! На факультете, увидев его в таком непонятном и неестественном наряде, вызвали психушку и с того времени его след не только на снегу, но и в вузовском сообществе простыл навсегда. Такие вот истории. Перехвалили до степени изнеможения и потери рассудка. Это совсем не тот случай, когда «лучше перебдеть, чем недобдеть»

Анзор – добряк от сердца и широкой души, не умел грустить. Любил с утра взять балалайку и наиграть на весь этаж короткую чеченскую мелодию и громко заявить: «Люди мира, на минуту встаньте, Анзор проснулся!». Привыкшие к такому положению вещей, соседи радовались наступившему утру, а также смех и мат раздавались из соседних комнат одновременно.

Что касается остальных из той комнаты, это Клычмурад и Тачгельды из Туркмении. Первый – высокий брюнет, олицетворявший истинно туркменскую непосредственность. Оба были гостеприимные, скромные ребята. Ныне Клыч – известный в Ашхабаде руководитель информационного телерадио агентства. С Тачем мы все годы тесно общались,

дружили, а потому остановлюсь на его «жизненном кредо» более обстоятельно.

В моей комнате нередко собиралась большая группа молодежи, в том числе студентки-активистки из студсовета. К последним интерес со стороны моего друга был непомерным по вполне объяснимой, для него проблемной, гендерной замкнутости. А тут халявная возможность кому-то построить глаза, чем черт не шутит. Тантра светилась по нему разными красками – это уже был успех. Каждый раз, когда я входил, предвидя особый интерес к оригинальному имени, режущему ухо, внятно и с выраженным пиететом на всю группу, концентрируя на него внимание, объявлял: «Это мой близкий друг Толик, знакомьтесь…» Знакомились молча, хотя лапша прилипала прямо к ушам слабого пола, но Тач оказался далеко не сердцеедом, тем более был далек от змия-искусителя.

После очередной такой встречи в 203-й комнате, мой туркменский стесняшка позвал к себе и грозно предъявил:

– Ты почему меня каждый раз называешь Толиком? – обидчиво пробормотал сосед.

Я человек понятливый, ментально выдержанный, толерантно расположенный к нему, извинился, мол, по мне так уместнее и добавил: «Тач, меня хоть шваброй назови». Вновь совещание старостата, «глобальные», локально выстроенные проблемы восьмого этажа, набирали всплеск эмоций и пуск инноваций. Вошел Тач. Готовый к такому раскладу, немедля решил загладить вину перед ним и с некоторой экспрессией в собственном голосе, прозвучало: «Дамы и джентльмены! Знакомьтесь, это мой друг Тачгельды (специально разделив имя на две равносильные половинки: Тач и Гельды). Кто-то, выдержанно спрятал естественную реакцию на услышанное, другой резко смеялся в угол, а большинство просило повторить. Вновь мир заполнился двумя, четко выраженными словами. Раздался хохот, заглушивший эхо от Гельды. Сосед, более напоминавший сомалийца, из-за темного цвета и красноватых глаз, резко покинул общество.

Это было зимой и в пятницу, а в субботу вновь заиграла улыбка на лице моего героя солнечных пустынь и голодных верблюдов. Ближе к ночи началась метель. Мы с Маджидом Шейхо смотрели из окна на это зрелище: люди, как черные пятна, останавливались. Их заметало, ветер кру-

жил, сбивал с ног. В это время общежитие ждет последних гостей и закрывается на замок. Правда, частенько удавалось войти, если по дороге прихватили пропуск-шоколадку. Уйдя в проблемы полузамерзших людей на улице, родилась мысль направленного действия, как ответ за неадекватное поведение соседа, Толика, Тача, Тачгельды и Тач-Гельды, и Гельдытача.

Предупредив Маджида, старшего на десять лет, умнейшего журналиста из Сирии – переводчика стихов Коста Хетагурова на курдский язык, о том, что я иду к туркменам и объявляю о неслыханной дискотеке до утра у эфиопов, в восьмом корпусе. Пока они одеваются, я прячусь в шкаф. Потом будут искать меня. Маджид должен сказать, что Валера оделся и убежал в восьмой корпус. И все.

Все прошло как по маслу: Маджид со всей серьезностью отчеканил выученный текст. Через минуту я уже стоял у окна и смотрел на мытарства посланцев Востока. Еле шли, надеюсь, дышали также. Собрал что-то из вещей и пошел спать к Мунавару. Маджиду объяснил, что, когда они вернутся, дверь будет закрыта, а потому сейчас договорюсь на вахте, чтобы их пропустили, иначе окосеют по полной. И еще: начнут искать обидчика, то есть меня. Вендетта во все времена не доставляла удовольствия, несмотря на превосходство физических данных. Маджид сделает удивленное лицо по вопросу о месте моего нахождения. К утру злость остынет. И начнется новая жизнь, полная смеха и разочарований.

Утром вошел в их комнату. Они спали. Еще бы: искали меня с неизвестным предметом в руках. Подогрел чайник. Налил. И прочитал куплет от Омара Хайяма, который по дороге в Мекку посетил туркменский Мерв. Клыч смеялся, а Тач, он же Толик, пустил по мне ботинком – свидетелем ночного похода к эфиопам. Так мы и продолжили наше путешествие по маршрутам ленинской журналистики, Валентины Христофоровны и автобуса под номером 62.

Розыгрыш дал урок, который они в детстве пропустили: в ночь и стужу в поход идти не есть хорошо. Вас отправил Туркменпаша, отец всех туркменов, у которого одним из его идеологических секретарей в пресс-службе вскоре начнет работать мой дорогой Тач. Время – судья. И судья мне как-то подсказал, что очередное практическое занятие для его извилин не помешает. Долго ждать не пришлось.

Тач, а в миру Кутлыев Тачгельды Культгельдыевич, был умным, способным, талантливым. Нередко сталкиваемся с проблемой плохого или недостаточно знания неродного, но предельно важного для саморазвития, языка. Ощущая эту неудобную позицию, старался меньше говорить. Вместе с тем, думал, анализировал и делал выводы.

За короткий период знакомства с ним я понял, что он умнее многих из нас. Находил время выслушать его трудную речь: видно было, думал на туркменском, переводил тут же и выговаривал на русском. Этап может проходить у кого-то быстро, у другого – не очень. Мы общались сперва на сугубо разговорном, дабы не терять время на объяснения. Через год и вовсе подтянул все, что можно, и дотянулся вровень с хорошо говорящими иностранцами. С Тачем было интересно потому, что, к примеру, Маркса и Ленина знал прекрасно. Не зубрил значит, как Амбруз из Буркина-Фасо, а учил по-настоящему. Многие из преподавателей на этом вынужденном «тормозе» студента не делали акцента и снисхождения. Может это и к лучшему. Но в приоритете у взрослых, еще и педагогов, должно быть содержание, а не форма. Но семеро одного не ждут, особенно в период сессии. И у круглого отличника в Туркмении появились круглые ленинградские тройки, обнадеживающие своим «международным» статусом.

Как важно не делать скорых выводов о людях. С первого раза не получается, только практика общения в будущем откроет в нем те черты, о которых тебе и мечтать было боязно. Скажем, худощавый и с добрым лицом Николай (Коля, Колюня) Пинясов и высокий, в строгом костюме с непременным атрибутом – красным галстуком, с видом бульдозера или голодного бульдога, готового на все, Сергей Вельмискин. Второй слушал так, будто ждет от меня отчета о проделанной работе – я в тот год был ответственным за поселение. Коля, странно произносил отдельные звуки русского, практически родного для мордвина языка, но природная грамотность чувствовалась с первых фраз. Лексика бесконечная, образность – мечтать можно. И простой, как две копейки, деревенский парень с добрыми глазами и чуть растопыренными ушами, больше похожими на скрытые локационные установки.

Талант если есть, то скрыть не моги: он сам определит, где твое место, лишь бы не тормозил в начале. Для Вельмискина оценки имели значение, учился на пять и четыре, для Коли главным было участие в процессе, а баллы могут быть любые кроме двоек. Два типажа, два мордвина-сверстника как яркий пример многих ребят советского времени. Если Сережа хотел пробить карьерные препоны головой, то сегодня то же самое нередко делается другим местом, не стесняясь демонстрируя на все пространство испорченного общества. Серега и так своим крепким здоровьем и мозгами выстроил себя и в удовольствие живет в Московской области, как местный помещик, увлеченный разведением пчел.

Кстати о пчелах. Оказывается, в Мордовии, самые «понтовитые пчелы» – так их назвал Коля Пинясов, разрисовывая их жизненную мотивацию служить людям и жалить кого и куда надо. Понял, что чувство юмора, да и образность в его случае далеко не метафора. «Далеко пойдет!», – подумал я, предлагая остатки недоеденного вчерашнего чебурека. Время благосклонно к таким: несколько лет здоровья положил на алтарь свободы и демократии на муниципальном уровне в Москве. Депутат Пинясов стал любимчиком у простого народа, интересы которых отстаивал как революционер при взятии Бастилии. Но впоследствии, как и сама Бастилия, пали муниципальные речи во славу демократии и защиты простого народа. Я писал ему тогда в соцсетях: «Коля, перестань рвать на себе одно место так явно. Попробуй заниматься тем же, но поскромнее, осторожнее. А те, кого ты защищаешь от произвола блатных и чиновников, единственное, в чем помогут – в мягком приземлении при твоем политическом падении. Каким бы падение ни было, хоть пушистым – оно падение, а значит конец.»

У Коли славная и дружная семья в Москве. Вне депутатства тоже хорошо: не боится внезапных звонков. Честный, порядочный, без понта, значит, без больших денег. Но это не говорит, что платит налоги и спит спокойно: до сих пор живет проблемами своего округа. Мне этого не понять, кроме одного: честные и порядочные депутаты – понятие относительное, как и сама жизнь, а потому Пинясову там делать нечего. Не время для талантов и умниц от природы. Партком, приветствующие инициативу снизу, канули в Лету, а

новое еще не наступило и при нашей жизни уже точно не наступит. Несомненный талант фельетониста, пережившего динозавров, похоронен в одно время с журналом «Крокодил» – эталоном сатиры и юмора.

Тем временем учеба торопила нас при сдаче академической разницы. Не все, резко «омандаченные» ленинградской обстановкой студенты со всех краев страны, искали фишку самодостаточности. Одним из первых, кто почувствовал благо стабильной зарплаты в 80 рублей в месяц за 10 дней, был я. Благодаря Вите Каргинову с девятого этажа, точнее его таланту уговаривать самого несговорчивого работодателя, мы стали ночными проходчиками на Балтийском вокзале. Если простым языком: сторожами в ночное время. Нас приняли во вневедомственную охрану Московского района. Принимал на работу и инспектировал сержант – чеченец Александр Битлгиреев. Работа с выходом «через два дня на третьи сутки» заключалась по бумагам в ночных прогулках по горкам железнодорожных шпал с видом мужественного стража и распугивателя редких заблудившихся бомжей. Правда, ни разу я не воспользовался таким графиком, ибо мое видение на эту пыльную работу расходилось с договором о приеме на работу и статьями об ответственности. В 20 часов приходил в старый деревянный домик времен Петра Великого, садился, впоследствии ложился, на массивный диван вроде того, что нарисован на картине «Ленин в Смольном». Звонил по межгороду бесплатно. Читал конспекты. Спал. Утром, до прихода рабочего люда, «делал ноги». Хорошая прибавка к пенсии!

Правда, все легкое со временем становится в ряд с лозунгом «вы мне должны, а я вам – нет». Земляк – милиционер периодически делал «втык» по работе. Мы обещали, что обычно в таких случаях обещают. Но проходил месяц, и мы вновь меняли свое суждение о вечности бытия, где сперва труд, потом деньги. Мы же и первое подменяли вторым. Несколько месяцев такого «изнурительного», но хорошо оплачиваемого труда, должны были свистом пролететь мимо ушей, оставляя за собой короткую надпись на небе, состоящую из трех букв: «ВОН». Чаша терпения наполнялась долго. Не без оснований. Как-то я проспал утро, и уборщица разбудила, мол, сейчас придут работники стратегического объекта. Сослался на ряд ночных проходов по

всему периметру, которого ни разу и не ощутил, испарился на факультет журналистики.

Вскоре позвали в офис вневедомственной охраны, пальцем указав на какую-то из многих пропущенных сторожевых ночей. Наученным Витей никогда не сознаваться, а нападать, при всех милиционерах уверенно заявил: «Как это я не дежурил? Спросите уборщицу, она же меня и разбудила!» Каргинов, стоявший рядом, шепнул в ухо: «Ты не спишь там! Сторожишь.». Сержант закашлял понарошку, что означало: «Пацаны, я хочу тут работать и дальше». Разговор не предвещал никаких плюшек, а потому согласились на мировую: дорабатываем месяц и валим. Стороны достигли консенсуса. Тем временем мы спешно стали выискивать очередную перспективу трудоустройства.

Через месяц два сантехника третьего разряда спешно прибегали в желтую двухэтажку царских времен, рядом с метро «Московские ворота». Это был известный в округе детский сад. Сегодня на его месте огромные высотки. Зарплата та же и обед бесплатный. А как там готовили! Свободный график, за исключением экстренных случаев. Два месяца кайфа пролетели как в раю, в нирване и на подушках. Мы приходили. Брали в руки разводной ключ и с минами тружеников сельского хозяйства делали круги по двору. Говорили обо всем, только не о работе, которой не было вовсе. Порядок есть порядок: в садике должны числиться два сантехника. Штатка закрыта – это главное.

Всему самому позитивному в наших трудовых биографиях конец, как правило, наступал нежданно-негаданно. И в этом случае он не заставил себя долго ждать. Мы, как никогда, оказались на месте. Александрина Васильевна, женщина в годах, нарядная и весьма культурная из потомственных петербуржцев, вежливо попросила по окончании обеда подойти к ней в кабинет.

Ничего не предвещало беды и испорченного настроения. Не стали торопиться. Свежие продукты из фонда многочисленного отряда детишек, плавно уходили в желудок. Компот из графина булькал размеренно, придавая особую негу чувствам и надежду на светлое будущее. Худой и высокий Витя ел столько, что всегда ставил вопросы по процедуре поглощения и последствий для пищеварительного тракта. Я ждал друга, наворачивающего не первый кусок мяса в собственном соку.

Директор садика повела во двор. Из одного люка шел светлый жаркий пар. Вся в подозрении о грядущем, попросила разобраться: снять люк, полезть куда-то туда, закрыть что-то… Она быстро закончила свое выступление перед баринообразным Каргиновым, только что набравшим не менее трех кило диетического детского корма. Приняв за основу все услышанное, я представил наши трудно осязаемые действия по погружению в бездну. Женщина вся внимание. Витя ковыряется в зубах, ломая спичку, придавая занятию особую остроту. Я в роли бедного сироты или родственника. Жду развязки.

– Александрина Васильевна, – произнес, наконец, товарищ Каргинов. – Вы понимаете разницу в профессиональной деятельности сантехника и других смежных профессий?

Мой глобус затрещал. Мозг не все улавливал, но чуял неладное. Директор, человек не только культурный, но и грамотный, дуновение хамства и вседозволенности почувствовала нутром, точь-в-точь, как мы холодный компот из свежих вишен. Чуть побагровев, не исключая неправильно понятую мысль со стороны высокого светлого осетина с рыжими усами, надеясь на справедливость дня и хорошей погоды, повторила то же самое.

– Вы, кажется, не поняли меня, – вполне серьезно с оттенком угрозы прозвучало продолжение диалога. – Мы сантехники. Мы не ассенизаторы! – уверенно дополнил Витя.

– В таком случае, Виктор, Вы можете писать заявление об увольнении. А Вы, Валерий продолжайте трудиться. Рассчитываю на понимание.

Бедная Александрина Васильевна, не знала, что кроме прописных канцелярских истин, есть и другие законы жизни, не менее устойчивые, чем насаждаемые государством правила. Мы, конечно, оба уволились. Трудовые книжки покоились в карманах. Шли к метро. Каждый думал о своем. Только в небе пролетали самолеты, оставляя след в памяти и мерещащиеся три буквы: «ВОН». Спустились в метро, и вагон мгновенно заполнился нашим истеричным смехом, при воспоминании о растерянной милой женщины, культурно огласившей нам первый за два месяца фронт работы.

Такое тоже было. Нет нам оправдания. Это не обсуждается. А разве Вы остались бы работать, когда друг, с которым

делишь хлеб-соль, уходит, а ты продолжаешь наворачивать горячий хлеб, запивая холодным соком?

Аналогичные эксцессы дождались нас в известной обувной фабрике «Скороход», и не менее известной фабрике «Большевичка», о которых поведаю позже.

Неслучайно начал разговор про финансы в кармане студента. Стипендия придавала настроение, переводы из дома, пусть не большие – тоже. На путь официальных шабашек только-только становились. А все равно оказывалось мало: куда улетали деньги – вопрос без ответа. Единственный след, видимый и оставляющий память – книги. Алкоголь как не пил тогда, так и сегодня. Все равно наступали «голодные» дни, которые по-особому сближали круг и без того особо приближенных: Юру Мишанина и Сергея Буянкина из Мордовии, Мунаввара Муллочаева из Душанбе, ставших участниками истории, развязка которой наступила не так давно.

При очередных встречах в Санкт-Петербурге, не было случая, чтобы не вспомнили про те семь дней, которые по-своему и по Джону Риду «потрясли мир» студентов из царства Валентины Христофоровны. Мы мечтали о коммунизме, но прочувствовать его на себе как-то не получалось. Но однажды получилось. Может именно тогда, по окончании той недели счастья, мы перестали в него верить, потому что побывали в мире грез и настоящего.

Мишанин Юра, известный в Мордовии деятель, бывший декан факультета журналистики, доктор филологических наук, профессор, который на слуху у всех представителей финно-угорских народов, Сергей Буянкин – популярный журналист республиканской газеты на эрзянском языке, Мунаввар Муллочаев (Муня) – светлая память полковнику КГБ и работнику Министерства просвещения Таджикистана. Именно они станут героями рассказа о том, как случай с остатками чеснока из посылки, присланной мне из Лескена, послужил началом эпопеи длиною в тридцать лет. Годы идут, время быстротечно, только память возвращает на круги своя, радуясь и сожалея.

К полудню в комнату вошли Юра Мишанин, Мунавар Муллочаев (Муня) и Сергей Буянкин. Я зачитался, лежа на кровати. Вид у друзей оставлял желать много лучшего: слово «привет» то ли прозвучало, то ли повисло в воздухе. Порылись в шкафу, где обычно есть что-то съедобное.

– Не там ищете, – обратился я к страждущим. Оттенок надежды осветил лица.

– На подоконнике, – добавил я. Там лежал деревянный ящик с моим адресом. Это была посылка из дому, содержимое которой одолели за час-другой на прошлой неделе.

– Здесь чеснок и только, – недоумевая произнес Буянкин с видом обиженного на весь мир космополита. Поняв, что взять с меня нечего. О деньгах речи не было еще вчера. Присели. Молчали. Заблудившаяся пчела жужжала над высохшим цветком. Инициативу взял потомок Омара Хайама и Фирдоуси.

– Валерий Дзантемирович, – начал Муня. Обращение по отчеству предвещало тревожную развязку в самом конце. – Вот ты, посланец гор Осетии, мудрый потомок наимудрейших сармат и скифов!

Вскоре ряд однотипных комплиментов, с особым тактом и явной подделкой по смыслу и произношению, закончился. Пришло время концовки: «Ты же все равно можешь что-то придумать, чтобы облегчить существование друзей, жаждущих яств, настроения и желания учиться».

– Неделю мы не протянем – это точно, – заключил Муня, мысленно переодевшийся в шаха Аббаса из Исфахана. Буянкин грыз жгучий лескенский чеснок без хлеба, мечтая о скрученных полосках эрзянского сала. Мишанин, обладатель носа уникальной формы, как отпечаток детства или боксерской генетики, думал о чем-то своем, навострив уши так – на всякий случай.

Поняв всю остроту создавшегося положения, раскинул мысль, напряг остатки фантазии, и спросил у Сереги Буянкина, пишут ли письма соседу по комнате, нашему дорогому Тачгельды Кутлыеву. Не поняв к чему бы это, стряхнув с рубашки чесночную шелуху, он ответил, что не только получает вести из солнечной Туркмении, но и еженощно их перечитывает. Я попросил принести одно из них. Через минуту конверт лежал у меня на кровати. Переписал адрес затерянного в пустыне уголка мира, откуда приехал Гельды за знаниями и жизненным опытом. Всех комбинаторов попросил скинуться – что есть. Собрав всю мелочь направились на почту, которая, благо, находилась в 150 метрах от корпуса. Работники почты привыкли к нам. Еще бы, сюда стекались долгожданные родительские рубли, как инвестиции

в будущее. Представили облик туркменского инвестора – Гельды-старшего в минуты получения срочной телеграммы с незатейливым текстом, возбуждающим нервы, отдающим секретностью и не сулящим ничего хорошего. Но нас это не остановило: мы ни причем. Мало ли кто достал последние копейки и вспомнил о родителях Кутлыева. Страна доверяла отправителю и паспорт не требовался.

«Срочно вышлите 700 рублей», – вот скромный текст срочной телеграммы. Хватило на минимум слов и полное отсутствие эмоций. Тогда «Жигули» – мечта и сон советских граждан, стоили 4500 рублей. Вот и считайте, какой инвестпроект мог за сутки поправить пошатнувшее моральное состояние соседей любимого сына, Тача, добивавшего в эти минуты нервы профессора Смирнова по технологиям СМИ и доцента Пахомовой с экономического факультета.

В прошлый раз профессор, не посчитавший его ответ как зачетное удовольствие, на вопрос мученика, когда он будет на факультете в следующий раз, Сергей Васильевич, тихо, как всегда, произнес: «Во вторник». Скромный представитель саксаульных степей попросил назвать точное время его нахождения в день «черного» вторника». Многозначительное «что?» от Смирнова не прибавило покоя, и добыча справедливости продолжилось. Не совсем друживший с тайнами русской разговорной речи, Тачгельды дважды повторил вопрос: «Сколько, сколько?» Во-первых, правильно: «до скольких?», во-вторых, Сергей Васильевич не раз обозначил строгие временные координаты: «с десьти до десьти» – выражение, повергающее студента в недоумение. Тач стоял и ждал ответа. Пожилой автор ряда монографий по истории русской журналистики снял очки, повернулся к Тачу и произнес историческую фразу: «С десяти, молодой человек, до умопомрачения!»

Мы же, с чувством исполненного долга, медленным шагом направились ко мне. Тонкость наших действий в ближайшие дни вызывали смех и надежду на счастье, ничуть не представляя себя на месте многодетного аксакал Кутлы. Наоборот, он представал в наших фантазиях благодетелем и щедрым меценатом.

Мы жили как родные: если есть что поесть у одного, значит у всех порядок. Посылка из дому – это святое: открываем при всех. Деньги закончились – не проблема: у

кого-то найдутся. А тут ситуация какая-то странная – все «на голяке». А жить-то надо, как сказал мой брат Юра, старушке Каба, ругающей его за кражу скороспелых яблок из ее огорода.

Телеграмма еще не покинула просторы Северо-Запада, а мы уже приступили к дежурству: вечером отклик не последовал. На следующий день – тоже. Наступила среда. Тач поддержал наш пропуск занятий и радовался на просторах восьмого этажа, довольствуясь зеленым чаем и свежими анекдотами. По очереди отлучались на первый этаж, проверяя почтовую ячейку с черной по белому буквой «К». Во взгляде вернувшегося гонца читалась скорбь, а мысль об отсутствии отклика от старика зависала летучей мышью в дальнем углу комнаты. Предложение Тача пойти на улицу, вызывало гнев, если не отвращение. Просьба друга позаниматься историей журналистики Смирнова, естественно, не находила понимания и разбивалось в клочья.

В три часа Мунавар заглянул в комнату. Радуга в глазах и растерянный вид говорили о смысле жизни как на земле, так и под ней. Загадочные взгляды потомков финно-угорских племен в мою сторону, были отбиты спокойной, тайной миной потомка алан. Жертве было легко и просто: пил чай и читал книгу. Идиллия.

Я вышел. У кухни, как загнанный кот, стоял Муня. Дрожа от счастья, протянул извещение – телеграфный перевод на 700 рублей. Молчание пало ниц, Мендельсон уступил Марсельезе, в глазах нарисовались коробки сладостей, море продуктов и горячие чебуреки. Муню отправил обратно, чтобы бумажная весть ожидала хозяина на должном месте. Заодно рассказал метод ее внезапного оглашения при Таче, который и в ус не дул, и во все остальные части тела.

Вернувшись в комнату, я нехотя решил поддержать дневную инициативу Гельдытача. «Тач прав, хотя бы в парк сходим. Пройдемся». Мордва и Туркестан поддержали. Ноябрь с мелким снегом отдавал зимой. Оделись за минуту. Решили спуститься на лифте. На первом этаже Муня должен был задержаться и вслед прокричать весть об извещении, не скрывая своего удивления и восторга. Мы уже дошли до выхода, как услышали домашнюю заготовку. Я громогласно не согласился, рекомендовав всем, в том числе многоуважаемому Тачу, не слушать бред Мунавара, добавив фразу

из «Кавказской пленницы»: «Грешно смеяться над больными людьми». Тач поддержал мою свободу действий и шел за мной к выходу, но Муня не унимался, и мы остановились. Я пригрозил таджику, что в случае обмана ему не поздоровится.

Многонациональный состав не верил в чудо, но пришлось. Схватили Тача, подняли выше, чем Ленин бревно на субботнике, и скорым шагом направились на почту, распевая песню и чуть дыша. Мы внизу ратовали, он наверху и не видел нас. В помещении почты Тач хотел что-то спросить, мол, что бы это значило. Хотел пренебречь манной небесной, но объяснять пришлось бы долго. Помните, как в фильме «Васаби» друг главного героя, переодетый в банковского служащего, грозно посмотрел на его дочь и скомандовал: «Подписывай!» Примерно так выглядели все, кроме Тачгельды.

Это был тот случай, когда в туркменском захолустье телефон считался больше, чем роскошь, а отсутствие голубиной почты и, тем боле, глобальной сети, великим благом.

Километр остался позади. Двери чебуречной в Парке Победы показались последней преградой на пути к внезапно рухнувшей на нас нирване. Впервые попросили меню. По пять больших чебуреков по 32 копейки говорили только об одном: «Дядя приехал из Сибири». Томатный сок в двух графинах тоже подчеркивал статус состоявшихся в жизни молодых людей, по типу новых русских в рыжевато-красных пиджаках с блестящими пуговицами.

Скоро молчание сменилось стадным ревом счастья от кипящего масла и светло-коричневых чебуреков. Люля-кебаб и зелень пробивали редкие щели в желудках. С гордым видом, набитыми пузами и отрешенным взглядом на окружающий мир, поползли домой, в надежде лечь и заснуть так, чтобы вечером нас хватило на поход в универсам «Новоизмайловский», что слева от общаги. Не помню, о чем говорили по дороге, если говорили. Редкий, невнятный вопрос от виновника торжества мгновенно таял в небесах, ибо вопросы были просто излишними и не к месту.

Сны снились под запах благовоний. Изредка кто-то давал о себе знать откуда-то, прорываясь в мир моего блаженства и неги перед Создателем. Первым проснулся Мишанин, подвиг на решительный шаг в настоящий мир студенчества

восьмидесятых. Свет в конце тоннеля отступил, и мы, нехотя и насилуя себя, дружно пошли покупать продукты. Простые кульки для продуктов сменились на те, что всегда вызывали интерес: на красном виднелась надпись «Березка». Был такой магазин для граждан страны, которые работали за рубежами этой страны. Туда могли зайти иностранцы и редкие соотечественники. Хоть кульки оттуда радовали глаз обычных, неприметных обывателей.

Набрав по два кулька до отказу, утиной походкой направились обратно, в наш второй дом. На нас смотрели, как на полуиностранцев. Приглядевшись, интерес пропадал. В комнатах уже несколько дней отдавало голодной простудой и пустотой души. Мы шли брать свое жилище живьем, чтоб знали наших. Полки заполнились. Повезло холодильнику, которого у нас не было.

Следующие дни особо не отличались: походы в кафе поднадоели. Пара грузных экскурсий за продуктами тоже. И Тач, как мы поняли, ни в чем себе не отказывал: вечерами пропадал, возвращался к ночи. «Оттенки серого» оставляли след на лбу и коричневом вельвете. Чувство скромности не успело покинуть душевные устои соотечественника Абуль Гази Богадур Хана. Что-то и потомка сармат терзало внутри, слева. Видя, с какой скоростью меценатский фонд расходуется нецелевым способом, родилась благопристойная, с расчетом на понимание в будущем, идея, отдающая, в какой-то степени, благородством и новизной.

Ноябрь давал знать о приближающих лютых морозах. Как бы невзначай пригласил Тача на прогулку в большой ширпотребовский магазин «Синтетика», что напротив того самого универсама. В первом от входа большом отделе, где работала высокая красивая брюнетка Лена с вечно улыбающимся лицом, приметил целый ряд пальто из искусственной замши. «Тач, примерь», – попросил его по-свойски. Отказался, но после доводов о необязательности покупки, согласился. Пока он разглядывал, я шепнул Лене, чтобы она пустила свой весь запас хвальбы в адрес потенциального покупателя, якобы «по нему сшито» и «даже не думай снимать», исчерпала при нас. Я помог подобрать по размеру.

– Тач, как тебе идет! – от души и нескромно прозвучал в магазине. – Если бы мне так шло, взял бы немедля… – Смутившись от внезапного восторга, Гельдытач засмотрелся в

зеркало. Сомнения пошатнулись и в игру вступила торпеда по имени Лена.

– Молодой человек, да на вас и сшито пальто! – посыпались комплементы от незнакомки. – А как Вас стройнит! – после этого, наверняка, приятного мнения, на смуглых щеках расцвел румянец. Повернувшись ко мне, будто знающему толк в товаре, глазами искал поддержки, типа «может не надо?» Но поезд сомнений, ударившись о комплимент, поддержанный стройной девушкой, прогудел на конечной остановке. В сердце екнуло и пальто уже заворачивалось в бумагу неприметного цвета. На прощание Лене досталась искусственная мимимишка, а посланнику сухих степей и желторотых пустынь – пальто за 180 рублей.

Где-то внутри стало легче. Совесть дала о себе знать. В зеркало смотрел на себя уверенно, представляя, как годы будут менять тыльную сторону товара, но не его актуальность. И все зимы Ленинграда говорили ему о правильном шаге в ноябре 1980 года. Уверен, и после учебы мой друг долго еще гарцевал по Туркмении, надеясь на холодный ветер со стороны казахских степей.

Поступок облагородил меня. Мишанин и Мулочаев оценили. Осталось подготовить его к встрече со Смирновым и Пахомовой, после чего щепотки совести дадут большую уверенность в светлом завтра. Спорная благотворительность должна была вскоре заявить о себе письмом с многочисленными неизвестными, в виде горсти вопросительных знаков от отца и многочисленного отряда домочадцев. Тач ждал встречи с профессором, а я первого письма из Туркмении. Предвидя развязку, просчитав все за и против, пришел к выводу, что она настанет в виду безвыходности положения и бытия: «Будем решать по мере поступления». И час наступил. Несмотря на успешную ликвидацию разногласий и довольную мину туркмена, одетого в национальный халат яшары и разноцветную легкую шапку тахья, смутные сомнения вкрались в дальнейший ход времени.

Тот же почтовый страж Мунавар оповестил, что к Тачу пришло письмо…

В комнату вошел Тач. Минор полный. Мажор спрятался так тихо, что стало совсем не до него. Мой друг не стал из себя корчить обиженного, цепляясь за нервные струны из последних сил. По его мнению, с моей стороны посыпятся

советы, полные верой в будущее. Я думал о том же, только не знал с чего начать. Начал он.

– Валера, я чего-то не пойму, – многозначительно произнес сосед. – Сперва высылают деньги, а потом спрашивают, зачем мне понадобилась такая сумма. – Я сделал вид полуглухого и полунемого, чтобы просчитать все ноты собственной арии. Попросил спокойно донести до меня суть обращения. Синхронный перевод с родного на русский ответил на все последующие вопросы.

– А мне показалось они просто шутят. Кутлы, видать, пихнул налево часть колхозной отары и решил с тобой поделиться. Так как такие вещи в письмах нельзя оглашать, то вполне объяснимо их поведение. Я бы на месте твоего отца поступил бы также.

Тач задумался. Походил по комнате, с тактом ковыряясь далеко не в носу.

– Ты думаешь? – спросил, глядя мне в глаза, как в душу. Поняв, что номер набирает положительный эффект, меня понесло: ряд подобных случаев со мной и моими друзьями, якобы, вовсе сняло напряжение и прибавило вдохновения и блики душевной радуги. Я понял, что на неделю, как минимум, проблема ушла. Ушла, но еще не раз возвращалась пощекотать нервы. Три раза отбивал удары от Гельды. Вскоре полемика степенно перешла на сознательную дискуссию.

– Кто же тебя так подставил? Вспомни все хорошо за последние два месяца, – со знанием дела и с огромной долей ответственности спросил я его. – Каждая деталь важна в таком запутанном деле. Ничего не скрывай от меня и никому ни слова!

– Никому, кроме тебя не доверяю, – отрезал обладатель замшевого пальто с искусственным мехом. – Кто же это мог? – в это время, почему-то посмотрел в мою сторону. Чтобы разрядить обстановку, предложил беседу перенести на улицу. Мы прошлись по округе. Взял с него слово, если вдруг он найдет тайного преступника раньше меня, чтобы не трогал ни в коем случае. – Он мой, – твердо и со свойственной Рембо грозной миной сказал ему.

Так, постепенно, из одного письма к другому, сбавлял градус злого настроя. Надо было свести его к нулю. К весне и вовсе все забылось, и проблема очередной сессии выдвинула новые эмоции по новым поводам.

Сколько учились, столько и возвращались к проблеме. Ответ на вопрос, кто же это устроил, пришел спустя 30 лет. По роду своих профессиональных обязанностей вылетел в Ашхабад. Отличия от российских правил жизни почувствовал в аэропорту. Каждые 50 метров стоят сотрудники таможни. Кристальная чистота везде. Выстроилась очередь к выходу. Молодой человек в зеленой форме смотрел строго. Звук штампа, оттиснутого в паспорте, открыл дорогу к другой очереди, где проверяли ручную кладь. Оказывается, только две бутылки алкоголя разрешено, а у меня 12 породистых виски и шампанского. Восток – дело тонкое: пацан подходит и предлагает помочь вынести груз. Что мне и надо. Предложил вместо одного доллара два, лишь бы ускорить процесс, в обход проверки. Две стороны быстро нашли консенсус. Хаид Халов встретил и помчались в отель на сияющем чистотой такси.

Встреч с чиновниками было много. Но я хотел быстрее увидеться с Клычем и Тачем. И на вторые сутки пребывания они приехали к гостинице. Встали в 300 метрах от нее. Почему так, расписывать не стану, но у каждой страны свое видение безопасности. Радости не было конца. Они трудятся по специальности и на руководящих постах. Поздно вечером поехали к Клычу, живущему за городом. Несмотря на поздний час, меня приветствовали все домочадцы, начиная с двух его жен, взрослых детей и многочисленных внуков. Спешить было некуда, а потому десятки подушек на полу отдельно стоящего домика были кстати. Воспоминания о студенчестве, о наших однокурсниках и Валентине Христофоровне, заполнили все пространство. Пришло время раскрыть карты.

– Помнишь, Тач, как мы искали того идиота, кто развел тебя на 700 рублей? – спросил я. Ребята засмеялись. Полное отсутствие горечи и громкий смех позволили признаться.

- Мог подумать про всех, только не про тебя! – ответил Тач, наполняя чашку чая. Так, не спеша, история в три десятилетия растаяла в летнюю туркменскую ночь, прибавляя еще одни сутки счастья…

На следующий день навестил дружную семью Тачгельды, которая заочно знала про меня практически все. Даже другую историю, о которой сейчас расскажу.

Студсовет в общежитии – это помощник и агрессор. По его представлению могли отчислить за проступок, который

в настоящее время считается детской шалостью. Как-то раз, к Тачу приехали тети с дынями и умудрились заночевать в общежитии. За нашим корпусом, где проживало большое количество иностранцев, внимательно следили не только обычные птицы, но и «дятлы» – любители постучать вовремя. Через день нарушение режима стало достоянием заместителя декана по работе со студентами в общежитии Михаила Юрьевича Холмова. В тот же вечер созвали заседание студенческого совета. Тач знал, чем такое событие обычно заканчивалось: решение совета об отчислении. Далее виза декана и конечная инстанция – ректорат.

Ниткой, за которую можно было уцепиться комариком, был я – член совета. Частый повтор свалившейся на голову проблемы не давал покоя ни ему, ни мне. Думал, как выправить то, что не поддавалось до этого. Зная Михаила Юрьевича, готового выслужиться перед начальством и составить протокол не моргнув глаза, моей фантазии не хватало. Тач проводил меня до холла на седьмом этаже, где уже собрались все послушные и нерешительные, карьерно неустойчивые личности. Примерным количеством около тридцати.

Михаил Юрьевич начал сразу: «У нас чэпэ!» Отсутствие прелюдий – знак скорого конца. И он пришел за минуты. Протокол писала высокая и полная девушка в лупообразных очках. Голосование. Все – за, я – тоже. Там, где все, там и я. План был другой. Утром заскочу на факультет к декану. План не самый лучший! Другого не было вовсе. Замдекана стал диктовать текст решения, в котором должны быть обозначены полностью ФИО Гельды. Когда дошли до его отчества, зал гудел, но молчал. С задних рядов подсказали: «Амангельдиевич». Так и записали. Все подписали. Холмов поспешил к автобусу, а я к Тачу. Объяснил, что завтра появится проект приказа об отчислении Кутлыева Тачгельды Амангельдиевича, к которому ты не имеешь никакого отношения. Птица надежды промелькнула, но тут же улетела, гордо оставив то, что обычно оставляет на память птица.

На утро события развернулись Бабой-Ягой: я просил повернуться так, Холмов – эдак. Прекрасно понимая, что он не решится доложить декану о своем просчете и невнимательности, давил на эту мозоль не просто ногой, а еще и вприпрыжку. «А что делать?» – прозвучало с его стороны. Это уже что-то. Я сам студент, но с отдельными преподава-

телями в нужный момент говорил на равных. Предложил: проект до строгого декана не дошел. Надо снять его с доски объявлений. Лучше забыть. Пожурить Кутлыева «как следует». Через полчаса сдался, с условием разборок на студсовете. Не Тача, а человека, кто ввел в заблуждение, назвав отчество Тача неправильно. Мне было поручено вечером собрать всех.

В тот же вечер члены студсовета и я в президиуме рассматривали тревожный сигнал: кто посмел обмануть Холмова. Больше всего говорил я о неминуемой каре. «Последний раз спрашиваю, кто назвал заведомо ложное отчество студента Кутлыева?» – обозвал неизвестных трусами и заверил, что все равно разыщу их, а заседание между тем подошло к концу. Тач выжил. Мы предались остаткам сочных дынь из Туркмении. Наивно и смешно, но есть, что вспомнить.

Валентина Христофоровна осталась крайне недовольной. Поняли, кто автор подпольного стука в деканат. Этот факт побудил к не менее замысловатой вендетте без жертв. Как-то вечером, попросил у одного из студентов, подрабатывающего на печатании текстов, обычную пишущую машинку. Под слоем копирок родилось объявление: «Срочно продаю гараж. Недорого» и контактный телефон – номер домашнего телефона коменданта. Мои же друзья помогли, и мы развесили везде, где только могли. В советские годы, еще и в Ленинграде, могли недорого продавать квартиру, только не гараж!

Уже неделю Христофоровна была вне себя. Заспанные глаза выдавали причину сонного состояния и плохого самочувствия. И мне пожаловалась: «Валерочка, ты не представляешь, это ад просто! Кто-то продает гараж, а в телефоне ошиблись, вот и мучают. У меня дочь живет в Израиле, а потому не отключаю телефон…» Посочувствовал как мог, покрыл злодеев всеми словами презрения. И это было. Счет сравнялся.

Учебный процесс не терял своей актуальности. Предметы давались легко и не очень. К примеру, компетенции по экономике проходили в течение четырех семестров. Тогда казалось, что излишне уделять внимание негуманитарным направлениям. Только спустя много лет понял, что был неправ. И знания от занятий Гранаткина и Пахомовой не

прошли зря. Основная проблема проистекала из индивидуальных характеристик профессоров. Один был демократичен, другой – сверх требователен. К одним мы приходили на экзамен, как на праздник, а к другим – как на каторгу. Трудно сказать, что лучше. Если Алексей Дубровин и Петр Рыкованов могли на сессии поспорить по статусу оценки, то у других такое поведение могло вывести из себя, а нас довести до лестниц ректората. Расскажу о двух таких известных личностях из мира экономики и истории журналистики.

Отличительные особенности Леонида Самуиловича Бляхмана: рост под два метра, за что получил прозвище «Два ноль два». К 9 утра его подвозила черная служебная «Волга». Наряду с тем, что был профессором ЛГУ, состоял советником первого секретаря Ленинградского обкома партии Г.В. Романова. Так как за ним в аудиторию лучше не заходить, что могло негативно отразиться на нашем будущем, старались уже за полчаса до него находиться в аудитории. Из общежития выезжали в шесть утра, хотя в обычные дни в восемь. Кстати, впоследствии мои землячки Оксана Цуциева и Марина Цогоева блестяще защитят кандидатские диссертации под его руководством. Я бы точно не смог.

Валентина Григорьевна Березина – самый известный исследователь творчества В.Г. Белинского. Рост: чуть больше метра. Белинский для нее был смыслом жизни и молилась на него всю свою долгую жизнь. По аналогии мне вспомнилась Мкалаева, кажется, Татьяна Григорьевна, из Северо-Осетинского госуниверситета, всегда одетая нарядно, с массивным кулоном на груди, лектором по зарубежной литературе. Ростом такая же – метр с небольшим. Была без ума от балета, особенно от отдельных постановок Кировского театра, за что ее прозвали «Кармен». Тоже большая любительница ставить двойки.

Экзамен у Бляхмана – испытание на прочность. Сдал Бляхмана – значит факультет окончишь и получишь заветный диплом. Если отправит на пересдачу – при весе пятьдесят останутся только тридцать. Наше испытание проходило на экономическом факультете. Светло-голубые билеты, по два вопроса в каждом, разложены на его рабочем столе. Достал. Сел. Готовлюсь. Первый вопрос на зубок, а второй откинул в осадок – при подготовке к экзамену его не было и в помине. Мне так казалось или успокаивал себя. На во-

прос «Что делать?» Ленина и Чернышевского ответ далеко не прост. Между тем, экспромт никто не отменял. За исключением Бляхмана. Нужны четкие формулировки и не менее точные определения. Как известно, два-три билета мы выучивали как «Отче наш»…

Голгофа дождалась и меня. Уверенный ответ по первому вопросу произвел впечатление на смотрящую на меня акулу. Призвал ко второму. Называю вопрос, которого в моем билете не было вовсе. Не дожидаясь отмашки начинать, стал рассказывать наизусть свою «домашнюю заготовку». Как ни странно, не перебивал и не задавал дополнительного вопроса. «У меня все», – закончил я. «И у меня», – подытожил «два ноль два» и выставил «отлично». Пока не захлопнулась дверь, не верилось. Стал болеть за наших – это куда легче. Выходят расстроенные. Вдруг появился Рубик Окопян (впоследствии депутат Парламента Армении, Генеральный консул Республики Армения в Санкт-Петербурге, кандидат политических наук). То ли улыбка в нем растворилась, то ли он в ней, но положительный результат светился издалека. Подошел ко мне и спросил: «Ара, а какой у тебя был второй вопрос?». Я гордо ответил, что теперь разницы нет. Он продолжил: «Когда ты отвечал, я записывал». Случайности такие тоже были.

Спецкурс по творчеству Виссариона Белинского состоял из 22 его работ. Знал их назубок. Экзаменаторов было двое: Березина и Хазби Сергеевич Булацев, человек, которого до сих пор с благодарностью помнят сотрудники факультета и студенты из многих стран мира. Сдавать экзамен у Булацева, у своего земляка, посчитал неудобным. Что подумает Хазби!

Стал отвечать Валентине Григорьевне. Мне показалось, что доставляю удовольствием своим ответом по критическим статьям ее бога! Попросила перейти ко второму, потом к третьему вопросу. Кайф, а не экзамен, да и приятно будет Булацеву. Но вдруг она задала вопрос, которым меня ошарашила. Посчитал секунды, не минуту. У нее так положено: если не ответил на один дополнительный – все, конец и двойка. Она спросила далеко не по работам: «А когда родился Виссарион Григорьевич?» Мгновенье не сулило ничего прекрасного. Вместе с тем, ожидая подсказки сзади, протяжно и с видом всезнающего начал: «Валентина Григо-

рьевна! (Пауза, не давшая ни визга и ни писка за спиной). Не знать, не то что год, но и день рождения самого… Виссариона Григорьевича Белинского (глухое молчание отдавало двойкой, исключением, расстройством родителей и старика Афако) …невозможно!..» Кажется, я что-то еще хотел добавить, но в состоянии глубокой эйфории человек способен на все. «Правильно Вы говорите, молодой человек, продолжайте». Получив пять баллов, вышел в коридор. Немного спустя Хазби, любитель поиграть со студентами в шахматы, вышел и попросил доску. Сеанс начался. Я, не знающий до сих пор кроме «лошадью ходи», встал рядом с профессором. Хазби отвлекся на минуту и спросил: «А если бы она переспросила?» и по-дружески улыбнулся. Он слушал мой ответ и все понял: дигорский ход удался.

Зимняя сессия сдалась! Все успел. Кроме одного: не встретился с Дитмаром Эльяшевичем Розенталем и не сказал ему «спасибо». Вот и поехал в Москву. Поезд стучал колесами, оставляя за собой снежный шлейф, похожий на туман. Представлял встречу с человеком, с которым переписывался, будучи сельским школьником. Человеком, не поленившимся достать ручку и подробно ответить на мои вопросы, связанные с поступлением на факультет журналистики и сыгравшим в моей судьбе роль поводыря.

Впервые увидел Москву, столицу страны. Карта города управляла моим перемещением по златоглавой красавице. Станция метро «Библиотека Ленина» запомнилась скульптурой задумчивого, грустного и усталого Федора Михаиловича Достоевского. Холод был настоящим, как все в этот день. Через минуты поравнялся с памятником брутального, сидячего Ломоносова, за спиной которого журфак МГУ, куда мечтал поступить с седьмого класса лескенской восьмилетки. Вошел в храм мечты. Спросил про кабинет моего бога. Поднимаясь по мраморной лестнице представлял его обычным в галстуке седовласым мужчиной. Вскоре прочитал вывеску на деревянной двери, имеющей привычку скрипеть при каждом открывании. Одни входили, другие наоборот. Чуя неуверенность в коленках, драчун и потомок аланов, как никогда ранее, казался себе трусом, самым настоящим. Если на ковре Комаевой в Осетии было волнение, то здесь иначе воспринималось свое поведение. Скорее предельная ответственность и такой же стресс.

Кто-то вышел из кабинета. Спросил о заведующем кафедрой. Мне любезно показали на него пальцем. Приоткрыв повидавшую виды дверь с привычным скрипом, в продолговатой комнате за длинным столом, за которым что-то обсуждали четверо лекторов, на месте старшего, как и положено, увидел Его! Не стал наглеть и мешать профессуре заниматься делом. Тем временем, уверенным шагом туда же спешили новые посетители, ничуть не обращая внимание на привычный изнывающий звук старой двери с железной ручкой. Дитмар Эльяшевич спокойно реагировал на что-то излагаемое внутри кабинета. Минутами сидел совсем не двигаясь. Спокойствие и умиротворенность великого ученого еще больше напрягало меня. «А вдруг он выйдет, что ему скажу?» – пробежала мысль в голове. Еще немного и я шагну.

Примерно с час стоял. Издали смотрел на него и радовался, что приехал к нему. В душе стало спокойнее, что не забыл добро. Одним словом, я так и не посмел. Струсил, как угодно называйте, но, видимо, бывает и такое, когда мечтаешь увидеть бога, поздороваться, спросить, выразить свою признательность, а как воочию, так в кусты… Единственно, что остается – это отложить наш разговор на тридцать лет, раньше не обещаю. И выговорю все, что о нем думал, не переставал думать. Знаю, у нас с ним будет один Покровитель и он подтвердит…

Такой же поезд и такой же вагон, без эмоций и чувств, увозил подальше от Ленинградского вокзала в Москве к Московскому в Ленинграде. Гордость и неудобство одолевали всю дорогу, будто что-то сделал не так. На то и жизнь, чтобы ставить двусмысленные вопросы.

С чувством исполненного долга, вместе с Борисом Хозиевым, белоснежный лайнер чертил карту, по которой десятки раз придется в будущем уезжать и возвращаться, чтобы вновь и вновь открывать пройденное многими и мной. Вспоминая эти годы, кажется та же дорога в жизнь, не меняя маршрута, скромной тропой до сих пор ведет в две конечные станции: «Осетия–Санкт-Петербург».

Естественное желание быстрее увидеться с родными и не без хвастовства и азарта говорить о первых удачах, мечтах и реальности, давало новый импульс к совершенствованию. Гордость за меня испытывали мои старики детства

Афако, Ганге, Дзанчек, Биджe, Андулла, Даза, Уза, Венера, Гуче с Еркой и многие другие, для которых ничего во мне не изменялось – я оставался Балеккой, когда-то сидевший с ними на скамейке и запоминавший каждый миг нашей архаики и моего детства.

Обойдя всех сельских родственников, как и положено, уезжал в город. Встречи с однокурсниками и героями моих воспоминаний Виталием Колити, Энвером Хохойти, Юрой Фидаровым, Оскаром Гибизти, Казбеком Мамукаевым и, конечно же, Тенгизом Догузовым, становились незабываемыми эпохальными событиями. Истории, полные смеха, не давали покоя. Главное, желали друг другу успехов во всех начинаниях. Рассказы Казбека Мамукаева заставляли предаваться воспоминаниям. Новые стихи в авторском исполнении, посещение Осетинского театра – все воспринималось так, будто давно не были на малой родине. Настал день встречи с человеком, которого сильно уважал и боготворил – это профессор Тамерлан Александрович Гуриев, с которым наша история с моей мечтой и его ложью как-то не стыковались.

Я и Хозиев пришли на факультет. Радостные лица, в том числе, Риммы Заурбековны. Мы вошли на кафедру общего языкознания. Поздоровались. Скрытая искусственная улыбка на моем лице скоро обнажилась: попросил профессора уделить минутку внимания в аудитории, что рядом. Он тут же проследовал за нами. Ученый опередил вопросом: «Ну рассказывайте, как у вас?» Сказанное повисло в воздухе, не успев достучаться до адресата. Я спросил его: «Тамерлан Александрович, той весной Вы почему так поступили со мной?». Ответ прозвучал на осетинском: «Я от тебя этого не ожидал» Встал и ушел на кафедру. Это была наша последняя встреча. Издали случалось увидеть, послушать. Но встретиться – нет, не было никакой охоты. Так, без ответа на вопрос о его же предательстве, ибо ложь есть предательство, мы расстались. А пока без злости и сарказма: «Спасибо, Тамерлан Александрович, за первые уроки как в науке, так и в академической обыденности. Светлая память тебе».

Такие случаи колоколом звонят, предупреждая и призывая быть осторожнее и не делать скоропалительных выводов. Между тем, а когда жить? Все время оглядываясь назад? Это утопия. У всех своя судьба, ее аршином общими не

измерить, не потрогать ладонью, но рассчитав примерное время в надежде на внутренний стержень и позитив, можно многого достичь, особенно – удовольствия называться человеком.

Встречи в редакциях газет придали больше уверенности в том, что по окончании учебы без работы не останемся. Михаил Цирихов, председатель Союза писателей позвал к себе. Недолго говорили в кабинете. Незаметно позвал бухгалтера и что-то ей тихо сказал. Проводив до двери, попросил зайти к той женщине, что недавно заходила. Оказывается, Михал, как его звали по-свойски, распорядился выдать нам по пять рублей на дорогу. Такое не забывается. Как и другой случай: я только поступил на филфак СОГУ. Заселился в общежитие и решил выехать в город. По дороге меня окликнули. Это был Толик Караев, односельчанин. Считался лучшим мотористом села. Все к нему обращались.

– Ты же Дзантемира сын, который в газетах публикуется? – спросил он. По кивку головы понял, что не ошибся. – Я же тобой горжусь, ты – молодец. Учись, родной! – сказал, протягивая мне три рубля. Я стал как мог отказываться, но его просьба была столь душевной, что не смог поступить иначе. Десятилетия идут, а память вопрошает меня самого: забыл – не забыл. Такие мелочи, спустя достаточно продолжительное время, становятся дороже намного. Толика нет в живых давно, как и Михаила Цирихова, а память об их человечности осталась навсегда со мной.

Рядом с общежитием работала тетя Дуся – моя любимая тетя. Не было случая, чтобы я забежал к ней повидаться и вышел без двух, трех, пяти рублей. У Дуси не было своих детей и в детстве просила отца, чтобы я вырос у нее. Зная ее доброту я, конечно, согласился, собрав свои школьные книги. Но отец не смог перебороть себя и ответил отказом. Не знаю, кто мне подсказал народную примету: ловить курицу, бросать вверх над собой и загадывать желание. «Чтобы Дуся приехала!», – кричал каждый раз, в надежде на торт и другие сладости.

Мораль: любая материально-обеспеченная преференция запоминается куда дольше, чем, «райсобес» за осетинским застольем с бесконечными пожеланиями, не обеспеченными ничем буквально, кроме бесплатных слов о благополучии и достатке до несоразмерности бытия.

Другой случай из моей практики. В Осетии всегда был дефицит синьки. Каждую весну надо белить стены дома, не говоря уже о ежегодном ополаскивании белого как снег постельного белья. Не помню, чтобы этот темно-синий порошок был в достатке у кого-то из соседей, как и у нас в доме. А в Ленинграде в одни руки давали две пачки индийской синьки. Не везде тоже продавалась. Нашел такой магазин на Новоизмайловском проспекте. Так, постепенно, набирал на посылку и высылал домой.

В учебном плане четверг считался творческим днем, и мы могли собирать материал для будущих публикаций, посещать библиотеки, редакции. Сейчас в избытке бюрократизма в вузах, с часто обновляющимися ФГОСами и множеством компетенций, в которых несуразицы больше, чем конструктива. Тогда слов таких не было, а порядок был. В один четверг посетил Ленинградский химический завод. Была зима. Лютая. Территория огромная (сейчас там большой торговый центр). По всей территории под ногами бесконечный синий ковер. Странно, думаю, тут синьки пруд пруди, а страна закупает ее у Индии. Море снега и океан синьки. Наученный горьким опытом покупать ее в Кабарде, высылать немного в посылке, родилось коммерческое предложение, а тогда это называлась спекуляцией и наказывалась определенным сроком до трех лет.

Собрав сухие данные по производству и планам социалистического соревнования, о которых знали исключительно в парткоме и профкоме. Рабочие слышали про это, но понять не могли зачем это все. Им бы просто работать и семьи кормить. «Сколько же добра на снегу!», – удивился я и завидуя покинул территорию завода. С начальником участка договорился на днях вновь встретиться, чтобы перепроверить цифры – это уже было мое предложение, ибо эту бездну синего моря я уже просчитал на своих счетах. Вот и практика по экономике: рентабельность в мозгу стала очевидной, как ушанка на голове.

Ночь далась нелегко от мозговых атак и несправедливости такого использования, уничтожения добра, которое мысленно трансформировалось в пачки денег. Через сутки, одевшись во все рабочее, накинув весенне-летний плащ светло-коричневого цвета, прибыл к начальнику рядового звена. Пропуск действовал сутки, так что мог по нему прой-

ти куда угодно и зачем угодно. Намекнув участковому на возможность официально приобрести мешок синьки, ввел его в замешательство. Сменил разговор, ибо и так все стало ясно: мы и до вечера не придем к консенсусу. Вызовет начальство и так далее…

Присмотревшись к специфике работы трудового люда, я понял, что говорить надо с водителями тяжелых, но маленьких каров. Они вывозили мусор в конец территории, огороженный сетчатым забором. Как правило, в любом таком месте можно было найти продукт умственного, и в том числе физического труда – лазейку. Я ее нашел быстро. Дальнейшее обсуждение коммерческого плана с двумя трезвыми, как ни странно, водителями точь-в-точь напоминал разговор с начальником участка. Я им в лоб: «Мне нужно два мешка синьки вывезти. Можете?»

– Могем, – ответил старший. – Все могем!

– Двадцать рублей вам, два мешка мне, – отрезал я, уткнувшись в шарф от злой вьюги.

– Так не пойдет, – расстроил меня тот же пролетарий. Молчим.

– А как пойдет? – не выдержал я. Ответ мужчин был непоколебим: «Неси две бутылки и тебе будет».

– Но за двадцать рублей вы можете купить двадцать пять «Русской», – убежденно и с расстановкой, как большевик среди царских гвардейцев, выразил свое пожелание.

Нет, сказали они. Две бутыли и все путем. А проблема была в другом: магазина рядом не было ни одного. И пришлось мне пешком пройти до метро «Ломоносовская», купить водки, вернуться на завод живым, но полудышащим: холод не унимался, ветер сквозил во все места, усы примерзли до свисших льдин. Перспектива наживы играла иную музыку, где я сам становился мажором, а мать и соседки – мажорками. Просто поймал кайф от ненавистных мне устоев капитализма, всем измам вопреки. Как бы то ни было, но я добрался до корешей. Товар вперед, как в фильме «Двенадцать стульев». И через десять минут, как условились, вместе с мусором сгрузили кое-что не мусорное, отдающее надеждой. Они уехали. Я подошел. Первые 20 килограмм дались куда легче, но и со вторым мешком справился. Перенес прямо к трассе, чтобы быстрее загрузить в первый же автомобиль.

Вскоре увидел, что едет УАЗик. Но чем ближе становились очертания железной кобылы, тем легче было разглядеть мигалки на крыше. Приняв стойкий вид, шагнул навстречу стражам моего покоя…

Старый УАЗ проехал мимо меня и двух аккуратно сложенных мешков. То ли спешили пообедать, то ли стражи порядка оказались ленивыми, но мне круто повезло. Через минуту с парнем на «Москвиче» нашли общий язык за три рубля. Вскоре товар оказался в моей комнате. Чей-то афганский старый чемодан, мозолил глаз на кухне уже вторую неделю. Большой – не то слово. Два завернутых в клеенку мешка нырнули в него свободно. На следующий день груз и его хозяин в поте лица стояли у стойки регистрации. Двадцать килограмм лишних, и я пришел в себя: денег на оплату перевеса нет. Оставил в кармане ровно столько, чтобы из Минеральных Вод хватило до поворота в наше село. Не доставало 5 рублей. Помните, я в поезде нашел длинный японский зонт с бамбуковой ручкой? Очередь на регистрацию, люди стоят, думают о своем. Я же со своим зонтом, который прошу купить у меня за 5 рублей. То ли ничтожная цена смущала, то ли меня приняли за воришку, но лица у пассажиров точно были настроены на отрицание моего предложения. Никто не грубил, но и не отвечал в ответ на мою выгодную сделку.

Очередь быстро прошла. Пассажиры весело шли в зал посадки. Контролеры спешили, чтобы я определился со своей проблемой, иначе вернут чемодан, в котором «книги». Все зарегистрировались, кроме одной девушки с младенцем на руках и младшим братом. Подбежали к стойке. Спешат достать билеты и в это время объясняю свалившуюся на меня проблему. Ее ничего не интересовало, и выгодная сделка в том числе. «Вы осетин?» – спросила второпях. Это придало блик от звезды удачи. Готов был назваться бушменом или моси из Экваториальной Африки, лишь бы выручила. Штамп на билетах и им бежать. На бегу отдает мне заветные пять рублей. Оплачиваю и тоже вдогонку. В салоне нашел их быстро – все на одном корабле и далеко уйти не могли. Имя не вспомню, но запомнил брата, Артура Базаева из Октябрьского. За минуту знал, что замужем за русским из Ленинграда, а брат был в гостях и теперь летят проведать родителей. Я настоял, чтобы дали домашний адрес. Через

сутки почтовым переводом из Лескена пять рублей нашли моих спасителей.

Пройдет много лет. После окончания аспирантуры, вернулся в Осетию и работал на факультете осетинской филологии и журналистики. Две близняшки из того же села Октябрьское Алена и Анжела Дженикаевы поступили на журналистику. Я читал лекции. Они были отличниками все годы. Однажды спросил про Базаевых и на мое удивление они знали о них все. Село небольшое. Рассказал всему курсу про тот случай и просил сестер передать моим дорогим людям свою признательность и уважение. Тогда не было мобильных гаджетов, попробую разыскать и позвонить им. Думаю, близняшки в этом помогут вновь.

А пока лайнер летит в Минводы и каждый думает о своем. Представлял, как прилечу и быстренько в автобус в сторону Осетии. Уже рассчитал прибыль. Уставший, но довольный собой, вскоре услышал привычный звук шасси, и мы плавно приземлились в аэропорту Минеральных Вод. Подали трап, и стюард предупредил, что груз надо брать самим прямо у самолета и тащить к выходу метров триста. У дигорцев есть поговорка «Тикиси фунта – кабунта» (Сны кошки – пирожки), смысл которой в благожелательности, но никак не в благонадежности. Коту могут сны сниться, но не сбываться. Так и со мной. Оставив все силы в Ленинграде, данное объявление вовсе не входило в мои планы и сулило только проблемы.

Чемодан забрал. Идет теплый крупный снег и быстро тает. Откуда-то появились новые силы. Мне вспомнился недавний рассказ моего туркменского друга Тачгельды про сбор хлопка на бесконечных плантациях родного колхоза. Наряду с женщинами и детьми трудился грузный высокий мужчина, весом больше центнера, с большим животом. Односельчанки не упускали возможность его подколоть, мол и как только тебя жена терпит с таким грузом. Не отвечал, как правило, но однажды, встав во весь рост, повернулся к ним и произнес пословицу: «Когда камни нужны – их тяжесть незаметна». Так и со мной. Но впереди ожидал новый поворот действительности, к которому не был готов.

К железному сараю, служившему местом выхода из аэропорта, выстроилась очередь пассажиров с сумками и чемоданами. Нетрудно догадаться – проверяют содержимое.

Про свободу передвижения и демократичность ситуаций в то время не говорили, чтобы не навлекать на себя лишних подозрений и ворох объяснений перед милицией. Ничуть не представляя себе такой исход, мозги начали хаотично кувыркаться, разыскивая не просто выход, а немедленный вылет в пространстве. На мою беду, по контуру черного огромного чемодана прошлась синяя линия содержимого, отчетливо просматриваемая на фоне тонкого снежного покрова. Рассчитывать на экспромт не приходилось, только надеяться на недоразумение, типа «а что, разве нельзя?» Это я сейчас могу сказать, что незнание правил не освобождает от ответственности перед законом. А тогда, делая первые шаги в коммерции, а точнее, в контрабанде чистой воды и спекуляции, не мог даже предположить. Вот и шел к ним своими ногами, как в дигорской поговорке «Саг-фаратма» (Олень сам идет к топору).

Как это бывает в фильмах: счастье хлынуло вдруг, не спросив никого. В мою сторону утиной походкой направился моложавый, но в меру упитанный сержант. На расстоянии определил: армянин. Встал рядом со мной, смотрит к выходу и сбоку послышалось: «А я тебя знаю». Посмотрел на него, и я ему в ответ: «Я тебя тоже». Мне было уже все равно, знаю кого-то или не знаю, так как моя очередь на законный шмон подходила быстро и уверенно. Мозг не отвечал. Сержант продолжил беседу, неустанно глядя куда-то вперед. «Ты же джинсы привозишь, да?» Сам же спросил, сам ответил, мне-то чего ломаться?

– Да, – протяжно ответил я, глядя туда же, куда и он.

– Продай одну пару на меня по своей цене, – снисходительные нотки в моем шпионе открыли двери моей фантазии. Откуда-то вдруг разыгралась в моей дурной башке неутолимая жажда вырваться на свободу, минуя ненавистный пост с тремя мужчинами в форме. – Без проблем, почему бы и нет? – с видом бывалого контрабандиста повернулся к нему и не по размеру лица нос армянина, как переспелый баклажан, смущенно опустился к земле, ожидая моих указаний. «Мне спешить надо к автобусу, могу не успеть. Ты выведи меня по-быстрому и знаешь где туалет на стоянке икарусов? Оставайся со своими и через десять минут жду тебя там», – полукомандным голосом сопроводил моего мечтателя в погонах. И мы пошли брать Бастилию. Видать, это

в порядке вещей и не первый год, сотрудники доблестной службы взглядом проводили нас до выхода. «Только через десять минут, не раньше. Какой размер? А, сорок восьмой? Точно есть. Вельвет?», – спросил его. – Неееет, джинсы…», – я все понял и, кажется, груз полегчал, свет в конце тоннеля показался прожектором во тьме.

В аэропорту был второй раз в жизни. Стоянку запомнил. Прямо по центру узкие две кабины с выведенными двумя буквами, плохо различимыми из-за детских шалунов, посвоему изменившие расположение «М» и «Ж», с коротким предбанником и развалившейся крышей, стоял общественный туалет. Он особо не отличался от тысяч подобных мест блаженства по всей стране. Как в большинстве из них, в стенке для гендерной свободы личности, как правило, виднелись лучи света, а порой целые пробоины. Особенно небезопасно становилось зимой, ибо на заветных двух кирпичах наслаждения снег превращался в лед, что вынуждало многих не рисковать и приземляться рядом или за стенками здания. Окружность объекта заполнялась метками и удушливым газом. Надпись черной смолой «Не курить» недвусмысленно предупреждал любителей задержаться и подумать над смыслом жизни. Несмотря на эти неудобства, мужики быстрым шагом направлялись к автобусу с гордым видом, будто это не он, и, вообще, совсем не оттуда. Скромность украшала, но природа выдавала скрытые эмоции.

Особо ценным казались надписи на дверях туалета, если таковые имелись, уцелев пред натиском особо экспрессивных личностей. Интеллектом и философией брали туалеты и в Ленинградском университете, в районе филологического факультета, где каждый второй болел поэзией и романтикой нервных струн. Туалет, расположенный недалеко от музея менделеевской лаборатории, тоже не отставал. Лет сорок назад прочитал очередные литературные опусы неизвестных гениев. Одно выражение из анналов данного сортира помню до сих пор. Видать, будущий естественник, не удовлетворенный оценкой по математике, оказавшись во власти одиночества и муз, вывел: «Каждому лектору – ж…у по вектору». Оставив след в истории, молодой человек ушел на очередное испытание, не подозревая, что его самого забудут, а стих перешагнет социализм и станет достоянием капиталистического общества.

Тем временем, я тут же направился к «Икарусу» с вывеской «Орджоникидзе», стоявшему без водителя, что совсем не входило в мои шпионские планы. Провал стучался, я не отвечал взаимностью. Вдруг из-под темных боковых витражей появилась фигура взрослого дяди, что прибавил харизму и мечты о продолжении жизни на земле. Распахнулась дверь и без «привет, как дела», для которых не оставалось времени, сообщил, что могу не брать билет, а ему лично вручить «нал», что всегда приветствовалось, особенно на Кавказе. Две стороны нашли язык доверия. Баул пушинкой запрыгнул в боковой багажник. «Надо подождать еще 20 минут», произнес шофер. Откуда ему знать, что согласен ждать даже сутки, лишь бы оказаться на заднем ряду железного коня.

Мой славный друг и спаситель, армянин с породистым носом, оглядываясь назад, тихо и мирно, сбавил шаг у «розы ветров» с острым и едким амбре. Руки в кармане, фуражка набекрень. Ищет знакомые очертания делового человека, специалиста по джинсам и спекулянта всех мастей. Наконец наш автобус заревел, и мы тронулись в путь. Посмотрел на спасителя и поднялся из «трех погибель», обретая человеческую форму, заправил грязные шторы, увидел свет, хотя уже вечерело. В моем положении и ночные сумерки показались бы ярким светом из пастушьего детства. Добрался до заветного поворота от федеральной трассы. Это известный пятачок «Касаги поворот» (Кабардинский поворот), где все годы со времен средневековья «голосуют» транзитные пассажиры. Проезжающие мимо грузовые авто, как правило, сажали в кабину двоих счастливчиков. Так, ближе к ночи я постучал домой... Соседские псы залаяли, оповещая, что блудный сын вернулся к родному очагу, значит будет встреча, радость и свежее мясо, кости от которого достанутся им, как и положено.

Весть о продаже синьки за сутки облетела все дома и щели Лескена. Первые два дня ворота не закрывались вовсе. На второй день от синьки и следов не осталось, кроме многих обиженных, что не успели купить. Чтобы посчитать прибыль, помню только одно: стакан синьки стоил 10 рублей. Вот и умножьте на сорок килограмм. Отец, весь честный до последних извилин, спросил: «А как тебе разрешили?» Убедившись в опасном для свободы маршруте и неминуемом железном окне в квадратиках, не имея впредь

удовольствия даже думать о повторном прыжке за три тысячи километров, уверенно ответил: «Только один раз в три года». Почему один и почему в три, а не через – это уже было лишним. Деньги на дорогу, остальное – родителям и улетел в Ленинград. В аэропорту был осторожен: баклажаноносый мог узнать, но этого не случилось. Всевышний миловал, а я мотал на ус и не только. Наступят времена, когда можно будет все и я приму куда более интересное участие в этом всем. Но об этом позже. Не время.

Ленинград, хоть зимний, хоть какой. Пусть мрачный и дождливый в крапинку, пусть одет по-достоевски, азартен как Некрасов, умен по Тургеневу – он всегда хорош! Статен и вежлив, брутален где надо, романтичен во снах красавиц и мечтах поэтов. Позади опыт комбинатора, впереди учеба, а потом все остальное.

Профессор Валентин Ворошилов принимал практику. Опубликованные в газетах материалы должны пройти защиту на предмет профессионализма и актуальности темы. Очередь представить один из материалов за Мунаваром Муллочаевым, посланцем теплого Таджикистана. Профессор внимательно смотрит газету на неизвестном языке, из знакомого только кириллица. Автор очерка объявляет о своем труде, очерке про учителя и вдруг называет меня в качестве рецензента. Для таких минорных подстав друзья всегда готовы. Но где таджикский и где я?

– Таказов владеет вашим языком? – Ворошилов удивленно посмотрел на Муню.

– Конечно, у нас одна, иранская группа. Он и персидским владеет неплохо, – уверенно парировал он.

– Рецензент, выходите к доске, – это уже было обращено ко мне.

Я вышел и стал рассказывать про очерк, который не видел ни разу. Да и какой бы был толк, если бы даже и видел? Описывая мастерство учителя, варьируя между родами, так как не знал пол героя очерка, напрягая весь синонимичный ряд столь благородного понятия, начал чувствовать острую нехватку в гендерных определениях и иссякавшем запасе фонда синонимов, боясь тавтологии и полного маразма, одновременно стал жестами задавать вопрос Мунавару о половом различии. Показывая на свои усы и разводя руками, журналист не понимал и требовал повтора вопроса. Го-

воря об учителе, вспоминал своих с восьмилетки, но все уже шло к скорому концу фантазии. Другого выхода не было как кроме усов показать кое-что куда пониже. Эврика! Дошло наконец! Муня, приняв строгий вид, с чувством выполненной задачи на годы вперед, убрал руки с парты, что явно говорило далеко не о мужчине. И Бендера понесло, вплоть до милых черт лица той самой учительницы! Кто знает, может и голова у нее была квадратной, но я «нарисовал» божьим одуванчиком как минимум. Ворошилов был доволен и просил оценить профпригодность и перспективу мозгов друга.

– Владимир Васильевич, много нового открыл и для самого себя, а потому работа требует отличной оценки, – доложил я ученому.

Много лет спустя, Валентин Васильевич работал у меня на кафедре, и мы долго смеялись по вновь выявленным обстоятельствам моего выступления в качестве рецензента…

Гайтис Грутупс был высоким викингом из Прибалтики. Выходили к остановке. Ждали автобус, как всегда. У всех новости, да и смех другой. Муня заспанный, Мишанин и Буянкин бодры – мордовские соколы, а Гайтис молчун, невозмутим, под очками с трудом можно разглядеть зрачки. Всегда казалось, что он спит. Пока мы ехали до факультета мог один-два раза произнести столько же выражений, не надеясь получить ответ, так как не одну минуту теряли в расшифровке сказанного. Пока догадывались, что он спросил, занятие начиналось.

Колхоз сдружил, морковка объединила, село Новая Пустошь стало родным. Только Грутупса так и не раскусили, что за тип такой странный и очень добрый. Местные старушки просили его рано утром прийти и помочь по дому: коров надоить, за скотом прибрать, дрова наколоть. Все сделает в точности. Одна соседка передавала другой осеннюю рабсилу – хоть паши на нем. Безотказность и открытая душа викинга пришлась по душе и девочкам курса. Рубаха-парень, только заторможенный, как в анекдотах про финнов. Сильный акцент выдавал в нем иностранца больше, чем Монику из Бурунди, мечтающую хоть чуточку посветлеть в холодной стране. На этаже у уборщицы было два рабочих кабинета, правда, до моего пришествия в Ленинград. В одном из них разместилась моя фотолаборатория. Как-то, Моника заговорила про свою мечту, и я предложил быстрый способ

обнуления темноты кожи. Показал ей большие тазики для проявки и фиксажа. Стала удивляться их размерам. Тут же последовал совет: «Куплю две ванны, в одной проявитель, в другой фиксаж. Ныряешь в первую и опа! Ты белая! Главное про фиксаж не забыть!»

– Ты расист, – сказала она мне.

– Я не расист, а исполнитель желаний…

Вернемся к нашему герою. Гайтис часто заходил ко мне в комнату. Никому не мешал, так как сидел и молчал. Свободные уши, если точнее. Видимо, понял, что я вечерами возвращаюсь с халтуры. Ему захотелось того же. Просил устроить сторожем, но отказал в поручительстве, так как его непредсказуемость рано или поздно проехались бы не только по воровской, но и по моей судьбе.

Он сам стал искать подработку. Кто-то ему подсказал, что на известных со времен царя и Великой Отечественной войны «Бадаевских складах» при разгрузке арбузов можно существенно навариться и пресс подкачать. Поздно вечером объявил, что договорился на складах, и нас ждут в 6 утра. В пять часов явился с горячими бутербродами с сыром. Готовый завтрак. В это же время произнес хорошие слова, ласкающие слух, но не желудок: «Завтрак съешь сам, обед подели с друзьями, ужин отдай врагу». Насчет ужина мог поспорить. Хотя уже тогда мог задуматься над этим самым – последним. Все приходит с годами.

Здания на двадцати семи гектарах, построенные купцом 1-й гильдии С.И. Растеряевым в 1914 году, оприходованные новой властью три года спустя, впоследствии стали именоваться по фамилии большевика, соратника Ленина, издателя газеты «Правда» А.Е. Бадаева. Ничего не меняется: одни строят на века, другие сперва просят подвинуться, а к утру вовсе не обсуждается кто тут первый, а кто второй.

Утро предвещало только солнце на весь день и прохладу ближе к ночи. Светло как всегда – Белые ночи. Ленинград еще тот кудесник: ночи белые, и даже мосты разводят … по понятиям.

На складах кто-то направился нам навстречу, какой-то добряк как Гайтис, но навеселе. Да и одет был не как правдист Бадаев. В миру оказался обычным бомжарой, просивший несколько копеек до обеда. Начало отдало позитивом, но без обязательств.

Прошли не один километр в стране продуктов питания, кар-машин, орущих баб и еле стоявших на ногах дворников. Прямо как в «Иване Сусанине»: «Куда ты ведешь нас?.. не видно ни зги». Заметив на мне большой знак вопроса, Гайтис остановился, задумался, улыбнулся, чихнул. На лице только зарождалась жизнь и уверенность в сегодняшнем дне, типа, не бзди, батяня! Муки было валом, можно было и попробовать, но тем временем объявился работодатель в рыжей шляпе, скошенном каблуке не первой свежести, широких льняных брюках и с красным от естества носом. Если короче, поросячья невинность с головы до пяток. Форма лица и орфоэпия его речи оставляли совсем не тот осадок! Говорил грубо, по-хамски. Гайтис цуциком стоял перед красноносым дельцом и они о чем-то говорили. Ждали кого-то. Я внимательно наблюдал такую инновацию жизни, которая мотала нас, а не мы ее. Вскоре эти «кто-то» объявились в небритых искореженных рожах со следами побоев недельной свежести. Понял, что работать придется с полутемными лицами из преисподни. Но карта была на стороне хозяина шляпы, а на нашей – мысли о горьковском буревестнике. Каждому – свое.

Вскоре позвали и меня. Попросили паспорт. Хрю спрятал его в карман, откуда виднелись купюры с достоинством. Фронт работы все это время гордо стоял рядом – целый вагон с арбузами. «Разгружаете до вечера и расчет», – объявили приговор. Кому не впервой, тут же засучил грязный рукав. Другой достал недокуренный окурок. И мы стали разгружать.

Тогда впервые понял золотое правило: когда слышишь слово расчет, не поленись и попроси комментарий к данному выражению, ибо оно может вылиться в любую другую форму, отличную от твоей мечты.

Через два часа отдых 10 минут. Первый перерыв дал, наконец-то, все взвесить. «Гайтис, а что он имел в виду под расчетом? Нельзя ли конкретизировать данное понятие?» Нерусский молчун в белой рубашке и зимних ботинках вытянулся и посмотрел на меня, будто в эту минуту оскорбил его дурманом недопонимания. Надо было повторить вопрос легко и просто: «Сколько денег мы заработаем сегодня?». Это дошло. Со знанием обстановки, как это обычно делают шулера, к которым могут относиться все на планете,

только не он, мой компаньон произнес слова, которые не то, что сбили с толку, и не обухом по моей дурной башке, а что ни на есть замкнули в мозгу все, что там находилось. Мог ожидать внезапного дождя при пекле, снега на голову или монтировкой по спине, но не это. Уверен, условия, которые были озвучены любителем наличных денег напрочь ошеломили все сознание. А Гайтис предстал шизоидом во плоти.

– Когда закончим, мы, сами, выберем по два арбуза… – он сказал. Я замер. Ждал продолжения коммуникации, а он замолк. По длинному лицу текли струйки пота.

– И что? Что с ними делать? – продолжил с трудом, ибо скулы стали подводить от возможной несуразицы. Цифры не высвечивались, «комп» завис.

– Мы возьмем арбузы и привезем в общежитие и угостим девочек, – вот тут уже я просто присел и заразительно рассмеялся над всем, что меня окружало. Хромой бомж показал беззубую полость. Ему арбуз – самое то и чаяния страдальца вполне объяснимы.

– Гайтис, одна нога тут, другая у этого.., – не стану повторять все определения, но человеком не назову. Он понял, что сейчас начнется буря. Побежал к тому типу и забрал мой паспорт, который два часа назад вручил викингу. Если бы я продолжил общение с Гайтисом, был бы скандал на уровне федерального центра и союзной республики. Мне надо было побыстрее вернуться в общежитие, принять душ и от счастья «умереть» в объятиях подушки. Без веры, надежды и любви. Фантазий других не осталось. Готов был привязать себя к кровати, чтобы не загореть фитилем и не взорваться!

Проснулся вечером. Ответ своему «Чемберлену» не заставил долго жать. Пошел к Ларисе Толпаровй и Ларисе Ли и оповестил, что скоро приедет Гайтис, которому дал деньги на два огромных арбуза специально для всех журналисток общежития. На радостях угостили, и я пошел сторожить склад на Предпортовой, 4, где было море пластика, из которого для всей страны делали ларьки для «Союзпечати». Там тоже было интересно…

Была зима. Приехал на пост. Холод собачий. Внутри помещения гасил свет, чтобы округа была хорошо видна и государственное добро в огромных связках не смело уйти в

частные руки. Всегда тишина и покой. Но когда-то должно что-то помешать. Это «когда-то» явилось промелькнувшей тенью. Принял выжидательную позицию. Вскоре виновник обнаружил себя, надеясь на мое отсутствие. Выскочил к нему и застал врасплох. Заставил отойти к стене и замереть. Проверил, что он пособирал остатки пластика и не мог перекинуть через забор. Сил не хватило. Хотел побольше, а тут я.

– Прошу Вас, – умоляюще произнес в стенку. – Я рядом живу. Инженер. Хотел балкон закрыть ими, чтобы красиво и тепло стало.

– За счет государственного имущества? – строго спросил у него.

– Извините.

– Какие извинения за такой урон, нанесенный Вами стране! – грозно вопросил я, будто на мне фуражка и маузер на ремне. Поняв, что он собрал остатки, стал ругать, что даже красть не умеет, что за специалист такой. Подтвердил, что исключительно остатки.

Позвал его с собой к складу, где этого добра на любой цвет и размер – хоть пруд пруди.

– Выбирай по размеру, какие хочешь, – предложил вору с высшим образованием.

– Ничего не хочу, только отпусти, – молвил инженер. – Обещаю, больше не буду.

Ему было лет под пятьдесят. Светлый, аккуратный, интеллигентный. Бес попутал – это не то. Трое детей, забот много и все такое.

– Согрелся?

– Да, – ответил он. – Можно домой пойду?

– Вот так, без ничего? Так не пойдет, – отрезал я. – Жена ждет тебя с уловом, а ты явишься с пустыми руками?

Он выбрал бежевый цвет. Аккуратная упаковка. Тяжеловатая, но одолеть можно. Вдвоем перебросили через бетонный забор. Помог ему и преграду одолеть. Только как в мультике не сказал: «Ну, если че – заходи». Сам направился к сторожевой будке и думал, а если бы мы поменялись местами, интересно, он бы сразу звонил в милицию или чуточку позже?

Через месяц после морковки Гайтис позвал в дорогу: в Ригу, откуда он перевелся. Заранее созвонился с вузом, ка-

федрой. День дружбы обозначили. Руководил всей операцией известный ученый, профессор С.Г. Корконосенко, тоже принявший меня за самого серьезного и назначивший руководителем второй группы. Нас было около сорока человек. В один поезд взять билеты не удалось и тогда было решено: я со второй группой еду первым и выступаю на родственной кафедре, дружественные слова и улыбки, как это бывает обычно.

Вторая декада октября удалась: Солнце еще грело в те дни. Встречи в университете и прогулки по брусчатке города оставляли след добра и воодушевления от увиденного. Старые улицы, дышащие по-своему временем прошедших эпох и темно-желтым цветом. Особенно величественный Домский собор!

Хрущевки и редкие блочные высотки портили музей под открытым небом. Незаметно подкрался темный вечер. После восьми закрылось все, кроме одного ресторана над ЦУМом, под названием «Астория». Проходя мимо, предложил группе навестить ресторан и «отметить мой день рождения». Зная мою непредсказуемость, согласились все. Высокая серая лестница вела на пятый этаж большого магазина. Дошли. Очередь немалая – человек тридцать в ожидании свободного столика.

В таких случаях на общепитовских площадках нередко применял прием, отдающий наглостью. Ребята остались, а я поднялся до входной двери, где веселый швейцар в искусственном тулупе и лихо закрученных усах о чем-то говорил со страждущими. Серьезно, как полагается в таких случаях, дал понять, что предстоит разговор. Консенсуса долго ждать не пришлось. Обещанные три рубля дали надежду. И точно. Вскоре раздался голос сверху: «Валера кто? Поднимайтесь, ваш стол готов!» В эту минуту, стоявший передо мной высокий мужчина в черном плаще, попросил разрешения присоединиться. Нас было человек девять и десятый точно не мог помешать. Усачу в красной кепке три рубля, а нам дорога в ресторан.

Незнакомец оказался моим земляком, директором зверобазы в Осетии. Приехал к заведующему горпищеторгом по фамилии Амбалов. Хвалил его всеми фибрами души за два вагона рыбы. Тост за тостом, веселье до ушей и даже шире. За три рубля заказанная лезгинка прибавила настрое-

ния и охоты жить так всегда. Закусили понемногу, так как все здесь было дорого до боли в сердце. Однокурсники остались довольны моим поступком. Рубик Акопян, по дороге в студенческое общежитие, где нам определили места на одни сутки, спросил во весь голос: «Валера, а вообще у тебя когда день рождения?» Что я мог ответить кроме «сегодня»? Его же земляк и наш дорогой Рафик (светлая память) не унимался: «Чтобы знали на будущее». Они не верили. Попросили показать паспорт. Показал. 19 октября. Рубик кричит: «Ребята, у него сегодня День рождения!» Паспорт пошел по рукам и вскоре вернулся с объятиями. Только же что пили за него, а теперь удивляются!

Помните, ночью кто выручал в таких случаях? Таксисты. У них всегда была водка по 10 рублей за бутылку, вместо одного рубля, 62 копеек. Вскоре две бутылки нашли и нас, общага встречала, наивно желая доброй ночи. Местные студенты и студентки тоже включились в такое событие. В комнате было тесно, как на воротах рая из Сунны пророка Мухаммада. Каждый мечтал обрести сидячее место, но ни у кого не получалось. Девочки принесли еще какой-то местный напиток, остатки колбасы и сыра. Этаж отнесся с пониманием: гости все же, да еще усатый именинник. В промежутке между разгулом ставил метку на раннее утро, когда всем нам быть на железнодорожном вокзале, куда прибывает первая группа под руководством нашего преподавателя. Оттуда через два часа уходил поезд в Юрмалу. Теперь знайте, почему я так и не увидел Юрмалу.

Раннее утро. Стук в дверь. Голос оттуда: «Таказова просят спуститься на вахту». Все спят как мертвые, кто где. Еле-еле до меня достучалась моя фамилия и я разбудил себя насильно. Спускаясь по лестнице, думал об одном, кто меня может знать в Риге и кому я понадобился. Открыл дверь на улицу. Стоял Корконосенко с сигаретой в зубах. Отсутствие нашей группы на вокзале вынудило справиться о нашем благополучии. Он улыбнулся, посмотрел на меня и не дал сказать ничего, ни одного слова: «Валера, я все понял. Отдыхайте. Встретимся в Ленинграде» и поспешил на вокзал…

Студгородок был центром студенческого задора во всем: «ботаников» было мало, другие ничем особенным не отличались. Обычные отличники и хорошисты. Но были и троечники. Притом круглые. Витя Каргинов один из них.

Способный и харизматичный. Про таких говорят: «Нигде не пропадет». Его хоть в тундре оставь – свое возьмет на продаже торфяных залежей. Сказать, что не знал предметы в институте на более высокие баллы – неправда. Он просто не обращал внимания на отсутствие стипендии, так как заработать мог и на воздухе. Как-то раз, экзаменатор попросил его лучше подготовиться и получить оценку «хорошо». На что студент со знанием дела и немного с горечью сказал: «Ни за что, профессор!» Повидавший виды ученый растерялся. Витя продолжил: «Зачетку испортите!» Шла последняя сессия в его жизни. Все пять лет одни тройки. Он был «круглым» не отличником.

От него я многому научился. Он говорил: «В поте лица заработать может и дурак». Подчеркивал: никакого криминала, все в рамках закона. Как показала практика, он оказался провидцем. Кухарки потянулись к штурвалу общего корабля, а посредственности занялись наймом тех же ботаников и светлых в душе людей. Мир перевернулся. Но об этом позже.

Это сейчас студенческое царство на Новоизмайловском огорожено так, что не только вузовский профессор туда не зайдет без предварительной записи, а птица не пролетит без билета с тремя штампами. А в мое время кругом все было открыто, но никогда никаких чрезвычайных ситуаций не случалось, если не считать отдельных случаев в самих корпусах: кто-то нарушил режим, другой громко чихнул, у третьего душа разрывается от безответной любви… И так далее. Через городок многие из горожан удобно экономили минуты, перекраивая маршрут. На территории было два болотистых островка с камышами и наглыми комарами. Сейчас островков с камышами нет, а комаров не поубавилось, притом по характеру стали другими, упертыми до фанатизма. Не стало и тропинок с узкими деревянными настилами между корпусами, служившие мостиками по пути в метро или мостами для будущих семей.

По центру зеленого массива, у седьмого и восьмого корпусов, где преимущественно жили эфиопы, африканцы, малазийцы, издалека виднелся затоптанный больших размеров круг – это место для кавказской дискотеки на свежем воздухе. Многие из зарубежных гостей вскоре танцевали лезгинку, с элементами кенийской липалы и суахильского

тамби. Это разнообразие привносило больше дружбы и взаимопонимания, чем нынешние торги на нефтяных биржах, по типу кто кому хребет заломит.

Звонкие мелодии горских гармоник разрывали вечернюю гладь природы и разноцветные головы высовывались из больших окон, а вскоре они уже оказывались на танцплощадке. Традиционный музыкальный инструмент африканских шаманов атабаке, высотой по пояс, забирал очередной антракт от дагестанцев, чеченцев, кабардинцев, ингушей и осетин. Все советские годы круг никогда не зарастал травой. Впоследствии, когда мир перевернулся и все стало обретать денежный эквивалент и коммерческий дух, его засеяли обычной травой. Служб безопасности стало много, а самой безопасности – мало. С малого все начинается: иностранцев поубавилось, конфликты нарастали, предательство обрело закономерный характер. Только реки не стали течь вспять, а в остальном мир перевернулся.

Недалеко от студгородка и сейчас музыкальная школа, известная в городе как одна из лучших. Выстояла годы бардака и, чуждого для высокого искусства, мракобесия. В очередной раз, после моего бесславного полета на улицу «по собственному желанию», ноги завели в святая святых города – Дом музыки Московского района. С видом видавшего виды попросился в кабинет директора. С первой минуты понял, что его надо каким-то образом приспустить на бренную землю, ибо тема столярных секретов и пилорам ни о чем не говорили, кроме объявления «требуется столяр». Пришел немолодой мужчина в спецовке и с большим круглым значком от «Красного Октября». Строгое «Здравствуйте» не испугало – научен опытом. Комплемент и интерес к значку возымели действие: смена темы пошла мне на пользу, так как не было особого желания видеть, как он морщится при записях в трудовой и про себя проговаривает: «Летун».

По чистым, как слеза, коридорам спустились в подвал, успев заинтриговать знаниями по Октябрьской революции и призывами Карла Маркса, которых Амбруз Джусу из Уагадугу знал лучше меня. Дверь с вывесками и графиком работы говорил, что, если даже примут, долго не задержусь. Отчетливо представляя исход встречи, но рассчитывая на знак плюс вместо минуса, передо мной оказался такой большой прямоугольный зарубежный станок, что нутро подсказыва-

ло неладное. Скорее станочище! Такого я и в журналах не встречал. «Вам знаком аппарат?», – спросил мастер громко и серьезно. Последовало немедленное согласие, это уже от Каргинова – всегда ты прав, и ты все знаешь. Он стал говорить, чего им стоило его приобрести, а мои глаза ушами искали красную кнопку «старт» и черную «стоп». Могут же немцы так завуалировать их место расположения. Скоро же поступит предложение запустить этот трактор, черт возьми! Доклад собеседника и мои многозначительные круги по периметру в поисках заветных кнопок, результата не дали. Не дожидаясь его команды, сам взял инициативу:

– Ладно, запускайте, хочу по звуку определить в каком состоянии агрегат, – сказал я, мол, сделаю для вас одолжение, так уж и быть. Завхоз сам ничего не понимал в столярном деле, кроме восьмерок в табеле. По специальности философ, работал в школе. «Заглянув в его карты», джокер сам спешил ко мне в руки. Философ, будто так и должно, подчинился моему указу и прошел к другому концу этого синхрофазотрона и немедля нажал что-то. Нетрудно догадаться, что именно. Послышался тихий, как сон младенца, звук надежды. Ожидая громыхание советской машины со скрежетом в нервах, я обалдел, но демонстративно надул щеки и приложился ухом, еле скрывая свое удивление и скрытый смех сквозь слезы. Через минуту махнул рукой в знак согласия со всем происходящим в подвале. Дух стервы забился в угол, а довольный моим профессионализмом начальник надел очки и прицелился к кнопке «Стоп».

Три месяца славы пролетели незаметно. За этот период узнал про старушек-вахтерш все, вплоть до прозвищ домашних кошек. Мое предложение нести свои старые стулья мне на ремонт, а точнее на клей, которого в подвале было полкузова, возымело воздействие. Чуткость к исполнению их личных просьб и мое уважительное отношение сделало свое дело: вместо пяти обязательных в неделю посещений школы, где практически ничего не ломалось, стал приходить два раза. Вахтеры исправно ставили мне плюсовые галочки, а я получал аванс и зарплату с премиальными. В сумме получалось восемьдесят рублей, как и стражам порядка. На их жалобы о низкой пенсии отвечал душевным согласием, добавляя от себя: «А кому сейчас легко?» Им надо было поговорить. Я должен был послушать. И все.

Наступило лето и надо было ехать в Осетию. Причина не была воспринята адекватно, проблема не нашла отклик у моего начальства. Кто знает, не покинув столь пыльную должность с перспективой карьерного роста, сегодня бы стал директором школы, несмотря на историческую несправедливость: все Таказовы от природы музыканты и только мне угораздило старого бурого медведя наступить на ухо и не только. Хотя все так повернулось в стране, что «невозможное возможно», и рассчитывать на мою безмерную трудоспособность в плотницком деле страна могла бы рассмотреть при «определенных условиях». Правда, о рейтинге заведения надо было бы забыть, но это мало кого бы интересовало.

Этот случай напомнил другой, когда в аспирантские годы состоял плотником в больнице Святой Магдалины на Васильевском, кажется, на пятой линии. Здание, построенное при царе Горохе, сохранилось хорошо. Это был частный особняк богатого дворянина, любителя погреть ступни у черного камина. Паркет более-менее, издавая писклявые звуки, молился, просился на капремонт. Мольба до сих пор не дошла до нервных окончаний страны и держится благодаря прекрасному хирургу, директору больницы и моему большому другу, Афтондилу Микаве и его заму по хозяйству по имени Сосо.

В те годы они еще учились, а я совершенствовал свои познания в амплуа стеклореза. Дело в том, что окна были, и есть сегодня, родные, высокие, нередко с выкрутасами, радовавшими в свое время глаз хозяина особняка, но заметно огорчающими меня своей непредсказуемостью в период их ремонта. Ручки в позолоте снимались и менялись обычным ширпотребом, списывая на то, что «ничто не вечно под луной». Но больше хлопот доставляли стекла по названной выше причине. Кое как из двадцати огромных стекол на складе выживало одно и устанавливалось в поте лица горе-плотника. По вечерам, испорченные моим изощренным профессионализмом стекла, нещадно разбивались и выносились в железный кузов грузовика, прикованного на месяц к стенке медучреждения.

Сборка белой медицинской мебели, производства фирмы «Казбек», тоже отнимало мое драгоценное время, так как подрабатывал еще на двух халтурах: электриком в дет-

ском саду, напротив нашего восемнадцатиэтажного общежития на улице Кораблестроителей, а также дворником, немного дальше. Убирал две остановки и правый пролет моста через реку Смоленку. Последняя рабочая площадка была любимой: ветер сдувал с моста все, что попадалось на пути. Мне оставалось мимо пройти и убедиться, что какой-нибудь хилый кустик не перепутал координаты приземления.

В детском садике пользовался уважением и даже удалось устроить туда Марину Гатагову воспитателем. Василеостровское ЖКХ, знавшее меня по дворницкому опыту не первый год, с пониманием относились к прогулам и другим шалостям. Про больницу этого сказать не могу, так как свою ущемленность в нехватке компетенций, понимал и сам, и был готов к любым подаркам судьбы. Что и случилось вскоре.

Учитывая, что откуда-то меня могут «попросить», запас новых рабочих мест придавал уверенность в завтрашнем дне. Жена и дочь Алина, которую до сих пор называю Лик, любящая прогулки на свежем воздухе из-за моих плеч, служивших для нее одновременно трубой для обзора, обязывали ко многому.

Помню, на факультете, мой научный руководитель и духовный отец, известный ученый, профессор Геннадий Васильевич Жирков, жалким голосом спросил: «Небось трудно живется, Валерий. Стипендия в девяносто рублей, семья…» В ответ я попросил его назвать свою зарплату. «У меня-то много, двести восемьдесят», – улыбаясь произнес Жирков. «У меня – триста двадцать», – удалось успокоить ученого. Такие времена тоже случались, правда, какая-то точка финансового обеспечения могла подвести нежданно-негаданно. Стабильность была только в одном: в ежедневном маршруте «общежитие-Публичка-общежитие».

Вернемся к студенчеству, его прихотям и моей невозмутимости. Работал недолго ночным приемщиком хлеба на Московском проспекте. Месяц вытерпел. В поисках, сами знаете, чего, вместе с Витей Каргиновым, зашли в храм школьных знаний, что совсем недалеко от первого корпуса, во дворе. Директор школы, готовясь к новому учебному году, спешил куда-то. Витя был при наряде. Разговор, вопреки желанию столь интеллигентного, импозантного ру-

ководителя, в котором жили грамотный слог и правильные манеры. Извинившись перед нами из-за того, что зовут в РОНО, и он не может уделить время, поклонившись, поспешил к выходу.

– Вы куда!? – удивленно и угрожающе прокричал мой друг. – Вы думаете нам делать нечего и решили просто так зайти? Странно, странно… – протяжным и строгим тоном остановил педагога и начальника. Усомнившись в своих действиях, руководитель вернулся и произнес: «Я к вашим услугам. Только, прошу, побыстрее». Я начал издалека. Используя уменьшительно-ласкательные формы, переходящие на «понять нас» или «сами знаете каково сейчас». Вводные слова и дополнения только стали уводить от сути вопроса. Интеллигент второй раз подчеркнул, что не может понять, что от него хотят. Это был своего рода гипноз стажера, при котором могут наступить провал или припадки.

– У вас халтура есть? – серьезно и с тактом руководителя среднего звена выдал Витя.

– Не понимаю вас, молодые люди, – грамотный в профессии, но неграмотный в обыденности, человек в строгом костюме и непонятном парфюме стал волноваться. Страх перед двумя усатыми в пустом коридоре не предвещал для него ничего положительного. – Можно я пойду? – добавил он. Витины слова «ладно, пусть идет», долго еще звучали в ушах директора по дороге в РОНО. Мы покинули школу. Пошли ко мне в корпус, и Витя предложил такой вариант устройства на работу, к которому я не был готов в корне!

Все дело в том, что мы три месяца назад были выгнаны!!! Из фабрики «Большевичка». Дело дошло до криков со стороны начальника участка. Уже в период предоставления трудовых книжек, градус напряженности зашкаливал. Мастер предлагал устроиться электриками, но делать крючки для вешалок. Полчаса переговоров и мы его одолели, сказав, что «такие на улице не валяются» и за нашими плечами такой фронт работы, что мама не горюй. Нас приняли по профессии. Первые две недели работа спорилась. Это наш обычный режим. После начались уходы раньше времени, недовыполнение плана. Ко второму цеплялись строго. Тогда я применил ноу-хау.

Фабрика, известная по всему Союзу. Платья, блузы, пальто, шубы… Вагоны одежды. Океан швей-мотористок со всей

страны. Лимита налетела отовсюду, рассчитывая «зацепиться» в городе, на худой конец «выскочить замуж». Наша обязанность: вечером брать коробку с 72 люминесцентными лампами и стартерами. Менять и менять неустанно. Везде все горит на всех этажах. Все равно менять. Стал натыкаться на свежие лампы – менял только так. То же самое Витя. Мы объясняем, что необходимости такой нет, из пустого в порожнюю. Руководство говорит: «У нас план, а потому меняйте каждый вечер и баста». Грубый, небритый и в телогрейке мастер участка не питал к нам ничего, кроме ненависти. Мы гордо и молча переносили его невысказанные мысли. Более того, позвал Витю на крайний этаж, где из окна просматривалась огромная мусорка. Форточка по ширине в размер наших коробок, была прибита гвоздем, намертво. Вычислили время, когда меньше курильщиков выходят на площадку. Все срослось и вскоре каждый вечер в мусорку летели коробки не открытых ламп, оставляя за собой классный громкий хлопок и пыль от белоснежных осколков.

Жизнь удалась. Внизу дежурит Витя, я бросаю или наоборот. Фабрика работала круглые сутки и буфет тоже. А как там готовили! Поужинаем и домой. Но все хорошее когда-то заканчивается, а сладкое с горечью… Кто-то из ремонтников в замызганных спецовках заложил нас, как прогульщиков. «Да и редко видят в цехах», – говорил дятел, постукивая куда надо. Началась операция по нашему выдворению из пределов фабрики-знаменосца с директрисой – Героем Социалистического Труда. Просто сдаться мы не могли. Должны же были растянуть эту неразбериху. Вот и растянули до скандального гротеска, выразившегося в позорном увольнении, но «по собственному желанию». Когда покидали пределы цеха, мы впервые заметили довольное лицо нашего фашиста, улыбающегося во все шесть зубов. Нос в пятачок с пучком волосяного покрова делали его феноменом современности, когда крестьянам пообещали землю, а рабочим фабрики и заводы. В итоге шиш, который получили, стал смахивать на его красно-бордовый от самогона пятак.

Вот именно туда предложил вернуться мой комбинатор Витя. Предложение отдавало всем, только не новизной и позитивом. Наоборот, фантазия уводила на кладбищенские мотивы с музыкой неизвестного автора. Ноги не особо слушались по дороге в «Большевичку», откуда с позором нас

выгнали три месяца назад. Витя, наоборот, уверенно шел к триумфу. Порой поддавались истерическому смеху, представляя лицо начальника.

Явились. Все тот же красноносый тип, не откладывая в долгий ящик, начал спрашивать, кем хотим работать и, главное, как. Начали со второго – хотим показать, на что способны, настрой на работу зашкаливает, готовы вызвать на социалистическое соревнование любую группу. Прервал. По лицу видно было, то ли куда-то спешил, то ли неприятности дома. «Оформляйтесь», – прозвучало без особых эмоций. Это было нечто: как он мог не узнать нас? Мы осмелели. Гордая выправка делала из нас профессионалов. Вечером были на участке. Девичий малинник нас узнал уже на лестнице, а вспомогательный мужской состав выразил скрытое недовольство. Работа «закипела». Первые две недели. Постепенно, обретая свой стиль по нарушению всех правил рабочего распорядка, месяц прошел удачно. Появилась зарплата и желание работать, но вдруг, хотя не вдруг, а, как и должно было быть, мастер позвал к себе.

Мы знали, что кроме гильотины нас ничего не ждет. Только вошли в кабинет, как вечно спящий на подоконнике серый кот вылетел пулей. Коты чувствительнее, чем люди, а потому, от греха подальше, свалил от надвигающейся лавы. Воздух наполнился прозрачной взрывоопасной взвесью. Начальник заорал собакой Баскервилей. Страх овладел им, но не нами. Неизвестность всегда пугает, но мы все понимали, потому шли на дзот не торопясь, представляя развязку боя.

«Как я лоханулся!», – это был не вопрос, а скорее, приговор. Во время громкого воздушного боя, удавалось поймать несколько общепринятых фраз, из которых следовали протест и уничтожение. Такие вот мужики способны побеждать на баррикадах и на войне. Такому волкодаву ничего не стоит поохотиться на «язык». Фриц бы тут же согласился на все виды телесного массажа и выдал бы не только расположение частей, но и цвет командирских портянок. Минуты на три ор повис, как топор в курилке. Закончил. Подал два чистых листа формата А4. Вот тут вступился я.

– Во-первых, возьмите себя в руки, жизнь только налаживается, – сам не понял к чему я это произнес, но дальнейшее предложение заставило нашего говоруна задуматься,

просчитать все «за» и «против». – Если, на то пошло, идем к директору. Мы с ней знакомы. У меня назначена встреча – готовлю большое интервью для газеты «Труд».

– А я прямиком в профсоюз – он нас поддержит, – добавил Витя.

Мы загнали в угол рабочего человека, сердцем и волчьим аппетитом полностью принадлежавшего фабричной ячейке, где, как в первые годы советской власти, больше пели, чем занимались делом. В нашем случае не пели, а пили. Притом пили хорошо, со знанием дела: с выдохом и громким «пей до дна». Все мы не без греха, главное, кто первый начнет, поднимет и бросит библейский камень. Наш враг выбежал. Нетрудно было догадаться куда, ибо явно закрученная походка выдавала дизентерию или несварение желудка. Мы трещали так, что и нам могло понадобиться по тому же маршруту.

Вернувшись, багровый толстяк решил выслушать наше предложение. «Мы этот месяц дорабатываем и уходим без права на воскрешение», – уверенно, без скрытого и дурного умысла, произнес Каргинов. Мы написали заявление по собственному желанию на месяц вперед. Ушли. Навсегда. Явились только в день полной зарплаты. Стороны больше не имели претензий. К тому времени мы с Анзором Довлетукаевым из селения Курчалой и студентом выпускного курса потели на стройке гаражей по улице Бабушкина. На новом месте обрели новый способ увода социалистических денег: каждый вечер нам платили по три рубля наличными. Спустя две недели расписывались в журнале выполненных работ на иные суммы, больше ста пятидесяти рублей, к которым уже не имели никакого отношения. Первый опыт приписок и коррупции в строительной индустрии. И нам хорошо, и им. Но следующие две недели оказывались последним сроком, так как опыт подсказывал нашим работодателям, что мы – шабашники, включаем компьютер и считаем чужие деньги в чужих карманах, а это, скорее всего, приводило к негативным разборкам. Последняя получка на троих по документам составила шестьсот рублей, нам же перепало 120. Постепенно шло накопление капитала по Марксу.

Постепенно и мы стали выбирать халтуру не только по деньгам, но и по статусу. Обувная фабрика «Скороход»

приняла как родных. Вахтерши, одетые в телогрейку с ремнем, на котором болтался бельгийский наган образца 1895 года, уже перестали спрашивать пропуск, желали приятного аппетита. В это же время проходил курсовую практику в многотиражке фабрики. Написал большой очерк про электрика со стажем. На территории «Скорохода» неожиданно встретился с Муссой Умаровичем Картоевым, заместителем декана филологического факультета СОГУ им. К.Л. Хетагурова, с которым были в очень хороших отношениях. Картоев сдал в печать автореферат диссертации именно в ту редакцию, где я практиковался. Порадовался за меня и поспешил в город.

Хорошие воспоминания о нем, как о педагоге, лингвисте. К несчастью для наших народов, первый в Новой России конфликт, разбросал нас по разным берегам. Хочу надеяться, что и ингуши, и осетины, поймут наконец, что любые войны заканчиваются миром. Трезвость ума, провидческий взгляд на будущее наших потомков, а также данное Творцом соседство, позволяют надеяться на благоразумие обеих сторон. Сотки земель, требующих больше затрат, чем ожидание прибыли от непредсказуемой осени не стоят таких жертв. Надо, просто, задуматься, взвесить все «за» и «против».

За мной был закреплен ведомственный детский сад, расположенный на другой стороне проспекта, во дворе. К работе отношение поменяли в корне. Постепенно взрослел и наш несбалансированный разум. Хотелось стабильности и спокойствия. Где-то поменять включатель или розетку не составляло труда. Но однажды отключилась огромная печь. В субботу, когда детишек и сотрудников нет, пришлось включать фантазию, так как иного по решению проблемы, у меня просто не было. По крайней мере, сделать вывод и вынести определение мог всегда. И вызывались службы для устранения неполадок. Светлое утро радовало глаз. Закрыл за собой входную дверь и приступил. Поднялся на второй этаж. Оглядел агрегат. Выглядел хорошо, чисто и без помарок. Десять тысяч вольт – штука опасная, а потому вернулся этажом ниже и отключил питание на обоих этажах.

Вот теперь самое интересное. Только вернулся к печи и начал снимать крышку от моторов, промелькнула мысль: а вдруг, в эту минуту, кто-то на первом этаже включит ру-

бильник. Странно, а почему подумал так, если только что оттуда поднялся. Не поленюсь, спущусь. Внутренний голос постучался не зря: уже на лестнице между этажами увидел свет от лампочек. Уборщица открыла дверь и стала прибираться, включив электричество. Минута, спасшая меня от вечности.

Мы с Борисом Хозиевым в качестве адреса практики выбирали родину. Знакомились с коллегами из радио на Горького и всеми газетами на Площади Мира, 25. На Горького прикреплялись к новостной редакции и журналистка по звонкому имени Победа, Бутаева-Хестанова, отправляла в командировки. А имя неслучайное. Она родилась 9 мая 1945 года. Недавно отметила свое 75-летие. Славных лет Вам, наставник! Аппарат – диктофон, в черном чехле придавал уверенность. Как-то нас отправила в Моздок, где фольклорную практику проходили студенты-русоведы. Перепутав автобусный маршрут, оказались далеко от Моздока, в Прохладном. Оттуда на попутках добрались до Малгобека. Потом пришлось идти по пшеничным полям. Жара не остановила нас и поздно вечером оказались в Моздоке, в гостинице «Колос». Голодными зверьми поднялись в номер со старыми железными кроватями и с удобствами в конце коридора. Хотели перекусить чего-нибудь. На так называемой регистрации порадовали единственным продуктом, кипятком за 20 копеек. Имелся в виду чай, мы согласились. Принесли кипяток в чистом виде. Ночь была звездной, дул жаркий ветер, несмотря на ночь с явным чувством голода. Заснули быстро. Проснувшись, первым делом побежали подальше от здания, на крыше которой виднелась огромная надпись: «Гостиница Колос». Если это была гостиница, то мы были посланцы божьи, Иисус и Мухаммад.

Записав интервью, наученные опытом, сели в правильный автобус с правильным маршрутом до Орджоникидзе. Пыль в ноздрях держалась еще пару дней. Туфли приобрели странную конфигурацию. Нос Бориса сверху фыркал на все окружение, как и сегодня. Но чувство исполненного задания оказалось сильнее и ежедневно забегали к Победе. Диктофон на плечо и ноги в руки. Так постигали навыки журналиста-практика. К нашему счастью, к тому времени вернулись целевики из МГУ, с успехом защитившие ди-

пломные проекты, журналисты Хасан Малиев (светлая память) и Станислав Кадзаев.

С первым успел познакомиться в студенческие времена. По личному, интимному скромному мотиву, полного красками любви к невесте с ярко накрашенными губами и высокой прической, впоследствии ставшей его женой, навещал общежитие на Пушкинской, 3. Оставаясь у меня в комнате, долго говорили об университете, куда стремился быстрее любой лани. Он был интересным рассказчиком, как настоящий горец из Стур-Дигоры. В целом, и сейчас старики и дети из ущелий говорят по-особенному. По общению и манере держаться в обществе, их легко отличить и выделить. Если прямая стойка и вытянутая грудь у равнинных осетин считается бахвальством, а манера говорить пословицами редким понтом, то для них это обыденность – именно такими они и вырастают. Хасан был орлом во взгляде, туром в походке. Тонкий сарказм настигал Тенгиза, которого прозвал «Тенго».

В очередной прилет из Москвы, по названной выше причине, поздним вечером вспоминал утро прошедшего дня. «Вчера с первыми лучами солнца, накинув майку, вышел во двор. Горы в это время рисуют удивительные картины нашего бытия, – начал Хасан. – У калитки растет раннеспелая слива, которая поспевает в первой декаде августа. Я смотрел на макушку, где виднелся первый в жизни деревца урожай – две сливы. Думая о них и созерцая красоту родного края, получал от жизни искреннее наслаждение, но вдруг откуда-то снизу раздался тревожный горский голос: «Ты что на них уставился? Я давно за ними наблюдаю» (если дословно, то перевод звучит так: Почему ты навострил свои уши на них? Сам давно жду момента)». Это соседский трехлетний мальчуган все это время наблюдал за Хасаном, который и не заметил его вовсе, хотя стоял в нескольких сантиметрах от него.

Станислав запомнился удивительно красивым иронским произношением. Не помню, чтобы он при общении употребил хоть одно русское слово. Сегодня – известный поэт и журналист Осетии. Мудрый и рассудительный, скромный и добрый – вот его простая характеристика. Много лет спустя, не упустил возможность представиться от его и собственного имени одной женщине из Краснодара, занимающей высокую должность.

Кадзаева Лариса Георгиевна – заместитель министра здравоохранения Краснодарского края. Год с небольшим тому назад ко мне обратился человек, которому в просьбе ну никак не смогу отказать и сегодня. Бабушка болела. Рак, не щадящий никого на планете. Я прошелся по сайту минздрава региона и обратил внимание, что осетинская фамилия прописана в ряду руководителей. Позвонил по рабочему телефону и попросил передать мой номер Кадзаевой. Свидетели моего поступка с удивлением смотрели на эти действия, теряясь в догадках, как это возможно, если ее никогда не видел. Но им невдомек было, что малые нации смогли сохранить то, что большими нациями, к сожалению, растеряно давно.

А какое удивление вызвал ответ Ларисы через сутки, в котором извинения, объясняющиеся ее отсутствием в России, застали многих врасплох. Через неделю позвонила. Мы познакомились. И бабуля, хватающаяся за каждую соломинку земной жизни, но не падающая духом, обрела новую горсть надежды. Землячка приняла в ее последних месяцах активное участие. Приняла у себя, в минздраве. Дала указание обслуживающим докторам. В какой-то степени врачи, до этого отличавшиеся безразличием, сами стали справляться о ее здоровье. Селяви. Не забыть, как звонила мне и благодарила! Мы стали друзьями. Мои веселые телефонные рассказы придавали силу. А участие заместителя министра в ее судьбе – больше уверенности в завтрашнем дне. В такой ситуации человеку дороги часы и минуты. Как часто проблему чужого воспринимаем как обыденность сверху. Это одна из глобальных проблем народа российского. Судьба проверяет нас – кто мы на самом деле. Лучше в зеркале увидеть себя, чем собственную тень.

Одна тема подсказывает другую. Начинаю рассказ об одном, а в память вторгается другая личность, колокольчиком звеня и напоминая о себе. А надо ли оборачиваться? Говорят же, семеро одного не ждут. Ждут. Если он того стоит, если он – человек. Как-то коллега, талантливый от Бога, попросил меня назвать любимую поговорку на родном дигорском. Назвал. Интересно, помнит?

«Алкаман-ахе» (каждому – свое) – гласит дигорская поговорка. С детства помню: если кто-то рассказывал жуткую историю о трагедии, слушатели произносили вслух эти

слова, что говорило о бесспорном согласии со Всевышним по любому вопросу, ибо все от него. Никогда у осетин не было полного подчинения Богу, но на словах, дабы задобрить его, признавали его право и на собственную жизнь. Молитвы, клятвы, проклятия на столь древнем языке, как у дигорцев, звучат колоритно, будто сами наделены волшебством.

Наиболее распространенными из этой группы являются тосты, как молитвы, особенно, если он звучит в исполнении старожила, умудренного сединой. Каждый тост как философский трактат. Жаль, что в детстве я невнимательно прислушивался к их содержанию. В них все тяготы обездоленного, доведенного до почти полного исчезновения народа, некогда поработившего полмира. Суровая правда дигорцев, которые большей частью самоидентифицируют себя как аланы, скифы, сарматы. История рассудила нас и от нашего следа в Европе остались одни названия в Италии, Испании, Англии… Так большие империи исчезали в угоду новым порядкам и новым силам. Будто сам Бог велел, как Золотой орде, покинуть пьедестал эпох и спуститься на бренную землю, где все тленно. У человека нет двух дорог: есть одна – от и до. Прожить ее с честью и достоинством призывают тостующие за длинным кавказским застольем.

В 1980-м году, когда приехал учиться в Ленинград, осетинское землячество было по-настоящему родным очагом. Мы, молодежь, готовили ежегодный кувд (пир) осетин «Джеуоргуба». Больше этот праздник касается православных осетин, хотя вся смысловая нагрузка по этой святыни – языческая. Не стану утверждать, дабы не показаться ханжой в суждениях о родной истории, но осетины – народ, потерянный для любой классической религии. Скорее мы приверженцы всего, что приносит только радость и облегчение на планете. При этом предпочтение не отдается ни одной народности, а только всем в мире жителям. Безусловно, когда молодые группы выезжают на берег реки Кобань, примерно в 10 километрах от Владикавказа, то молитвы приобретают узконациональный, но не националистический, характер и звучат тосты за свой народ, за святые места, перечисляя основные из них. А их столько, что очередность их упоминания и когда именно – это тоже целая наука.

В студгородок приезжали студенты Академии художеств имени Репина. Большую активность проявлял Руслан Халлаев, выпускник факультета живописи художественного училища 1978 года, впоследствии окончивший Академию художеств имени Репина. Больше известен как график, хотя мне очень нравится его живопись. Художники были активными в организационных вопросах. Меня с ними познакомил аспирант-физик Алан Караев (ныне доктор технических наук, профессор). Разносторонний во всем практически, даже в классической музыке, должен был завязать разговор с творческими, легко ранимыми гениями, потом с трудом дело доходило до нейтральной развязки. Также охотно спорил с Валерой Гергиевым (маэстро мира), к которому не раз приходили домой, так как он на пару лет старше и имел право приказывать брать контрамарки, садиться в царской ложе. Алан слушал, как я лекцию. Он целеустремленно слушает оперу, а я не менее целеустремленно считаю часы и минуты окончания спектакля. Ждали маэстро. Вытирая лоб, молодой Гергиев задавал вопрос, ответ на который сам же и придумал: «Ну как?», – спросит Алана, тот с усмешкой отвечал: «Прекрасно. Восхитительно!», после чего следовал ответ дирижера: «Талант не скроешь».

На кувд землячества собиралось много народу, человек 300. Приезжали со всего Северо-Запада. Застолье организовывалось на улице Металлистов, в двухэтажном большом ресторане. Столько известных людей приходило! Генералы, полковники, знаменитые врачи, артисты. Всех объединяла одна малая родина и одна культура. Не чувствовалась социальное неравенство. Даже подумать не могли, что еще немного и не станет советского общества, а мы, как клочки старой бумаги повиснем в воздухе и на санкт-петербургском ветру начнем понемногу собирать себя в общепринятый, как раньше, формат. Многие уйдут из жизни, другие охотно продолжат жить со своим народом, а третьи, которые заработают быстрые или не быстрые деньги, боясь, что кто-то попросит рубль, стали скрываться от простого люда. В гонках за рублем, нередко пуля оказывалась быстрее. А хоронили его как всех: земля не отличает цвет барсетки и вес кошелька. Но были и такие, кто сам напрашивался в землячество, предлагая любую помощь. Об одном из таких расскажу прямо сейчас.

Метель и стужа вперемешку. С Борисом Хозиевым возвращались от Вити Каргинова, проживавшего в девятом корпусе. Я, как правило, с Борей говорил на дигорском, так как никому не желаю говорить на иронском так, как я. Но он частенько перебивал меня и переспрашивал. Представьте картину: два черных пятна ползут к корпусу, их сносит ветер по полной. Кроме глаз все прикрыто шарфом. Не раз пожалели, что задержались до двух часов ночи. Одно согревало: любая из пожилых вахтерш откроет мне, ибо знал, с кем дружить: хочешь к начальнику попасть без очереди – не забывай про секретаршу, в общагу – про старушек. Оставалось метров двести, когда Борю угораздило что-то не понять на дигорском и переспросить меня (Борис – иронец, я – дигорец, в сумме – осетины). Меня разозлило. «Если бы со мной в одной комнате жил ишак, он бы уже давно кричал на дигорском, и в высоком качестве», – со всей эмоциональной экспрессией я громко ответил ему. Под два метра великан не сносил подколки.

– Кому твой дигорский сдался теперь, когда Кабалоева турнули, – последовал ответ. Он имел в виду Билара Емазаевича Кабалоева, освобожденного на днях с должности Первого секретаря обкома партии Северной Осетии (15 января 1982 года), представителя дигорской ветки нашего народа. – Кто на твоем языке говорит? В Ленинграде вовсе никто… – добивал меня, пока не добрались, не доползли до своего корпуса. В это самое время послышались крики – ругательства отборного по содержанию формата, именно на дигорском языке. Два невысокого роста парня в черных шубах, напрягая голосовые связки, выплескивая нервы, не жалея ушных перепонок, молнией отправляли куда-то вверх звонкий мат на языке наших предков. Мой тираннозавр, тарбозавр, диплодок, птеродактиль, брахиозавр, аллозавр, дейноних, тарбозавр, гигантозавр, трицератопс, стегозавр из селения Рассвет, где в то же самое время спокойно спал его отец, Ражден, уверенный, что и сын его видит десятые сны на Новоизмайловском, был просто ошарашен. Потеряв дар речи, повернулся ко мне. Вот тут моя взяла!

– Только что кто-то рвал на себе волосы в одном месте, утверждая, что на дигорском никто не разговаривает. А они на каком говорят? – крайне недвусмысленно спросил Хозиева. Соглашательство не его стихия, об этом знала полови-

на общаги. Спор выиграть у Бориса, что поменять таблицу умножения или опровергнуть формулу Бернулли. «Но они говорят плохие слова, это не считается», – парировал птеродактиль. Но и у меня был в кармане интеллектуальный запас, чем не преминул воспользоваться. «Первый, наглядно представленный письменный памятник на дигорском языке – это надписи византийского филолога, плодовитого комментатора античных авторов, Иоанна Цеца датируется началом двенадцатого века, «ма хори хай!» («часть моего солнца», звучит как комплимент, на самом деле, как настоящая, популярная издевка, чтобы сильнее кольнуть соперника прямо в сердце). Повторить его слова, полные жизнеутверждающих эмоций, но звучащих похлеще этого ночного мата?», – спросил его, рассчитывая на полный игнор, дабы, крики продолжались и надо было прервать затянувшуюся лингвистическую дискуссию.

– Ай, молодцы! Вот так им и надо! – обратился к страждущим в ночи, заблудшим во времени дигорцам на том самом языке Цеца. Можете себе представить, что они испытали? Замолкли. Через несколько секунд оба одновременно изрекли вопрос на расстоянии, дабы убедиться не галлюцинация ли в это время или настоящий зов предков, – «Ка да» (Кто ты?)

Так я впервые встретился с Эдуардом Етдзаевым, студентом выпускного курса, частенько уезжавшего в командировки по работе. В общежитии проживала Таня, аспирантка, впоследствии его жена, подарившая земляку троих умных и деловых сыновей. Сам Эдуард долгое время состоял заместителем генерального директора самого большого мостостроительного гиганта «Мостоотряд-19». Позже стал председателем совета директоров. К слову, за этим предприятием строительство вантового моста в Питере, Благовещенского.., который при младшей дочери Алане, пятикласснице, угораздило назвать ни иначе, как «имени Эдуарда Етдзаева». В школе на Мойке, 36, на уроке по истории города, умудрилась поправить учителя, что это не Благовещенский, а мост имени Етдзаева…

Эдуард из Мостиздаха – человек с улыбкой на устах, сам предлагавший свои финансовые возможности во благо землякам. Особо интересовался молодежью, справлялся про их учебу и заслуги. И сегодня, когда он вне того высокого стату-

са, остается таким же бескорыстным и простым мужчиной из Мостиздаха. Но в большинстве, конечно, изменились. С потерей государства СССР, потеряли и малые национальные ячейки. Кого-то обвинять не приходится, кроме эволюции и нашего соглашательского поведения из прошлого, советского времени. Времена рыцарства от сармата Артура, эпохи декабристов и народников конца девятнадцатого века сохранили клочья памяти из разных учебников с разными мнениями. Потерялись. Разбежались. Я не о горьковском буревестнике, я о памяти предков всех живущих. Что-то большое от них должно оставаться навеки. Что?

Раньше, при встрече с Эдуардом, просил отключать телефоны, ежеминутно отвлекающие нас от темы разговора. Впоследствии, когда эпоха мостостроительного гиганта закончилась, телефоны молчали, лишь изредка напоминая, что они еще есть. Такова реальность: пока ты кто-то есть, ты нужен всем и вся, как только вывеска сменяется, они быстро запамятуют и твои именины, и твой распорядок. Тебя списывают до той поры, когда вновь не прослышат о твоем возвращении. Восстанавливают весь кейс памяти о тебе, чтобы вновь и вновь приветствовать Цезаря. Такова реальность, ничего личного, черт побери!

Военная кафедра в университете звучит гордо! Мы проходили довольно специфичную, отчасти соприкасающуюся с журналистикой специализацию под названием «Спецпропаганда». В двух словах: допрос военнопленного и некоторые особенности ведения информационной войны, тогда назывались пропагандой, типа «Сдавайтесь, мы обещаем горячую еду и чистый воротник». Занятия проходили в одном из крайних этажей дореволюционного вузовского здания. Чистая теория особого позитива не давала, кроме как увидеть строгого начальника кафедры по фамилии Ансимов. С нами, «немцами», еще учились студенты восточного факультета с арабского и персидского отделений.

С утра построение. «На первый, второй рассчитайсь!», – еженедельная команда, доставлявшая одну только свежую струнку: у некоторых из ребят фамилии, звучали так, что удержаться от смеха было очень трудно. К примеру, Бейли, Красноперов, Белодуб, Белоконь, Наливайко. Несмотря на строгость рыжего полковника – волкодава, смех по любому поводу бодрил строй и вскоре уходили по классам, забирая

учебник, на котором штамп «Секретно» призывал к строгости и важности обстановки. Ох уж этот немецкий! Можете представить, как я его замучил, учитывая, что в селе практически не изучал, а мои дополнительные вопросы на редких занятиях вызывали протест, а потом и книгу, пулей пущенную в меня Раицкой Кожиевой. Нарекания в мой адрес на предмет отставания слышал не раз, но сдаться на милость обстоятельств себе не позволил. Держался как мог.

Стоял апрель. Самый непонятный месяц в Ленинграде: то ли весна, то ли зима… Полковник Ансимов, решив, что от меня в классе толку мало, вызвал в кабинет. Хорошего, конечно, мало, если чувствуешь хоть малейшее ущемление в собственных компетенциях. Плюс ко всему, пару пропусков занятий вызывали у него непомерную злость, о чем каждый раз давал знать при всех. Если перекличку проводил собственной персоной, то сперва назовет мою фамилию, глянет в мой сторону, прикусит губу, сделает паузу и качнет головой, мол, вот бы тебя к стенке и расстрелять. Он любил кричать, а я смеяться.

Открыл кабинет. Доложил по уставу. Там же еще были подполковник Маулер и майор Павлов, преподавали английский формат пропаганды. Маулер запомнился жестокостью, как на войне и взглядом как у беркута. Ансимов много чем, но с Павловым фуражки носили генеральские. Как-то не смотрелось.

– Товарищ курсант! – начал полковник. – Вам доверено ответственное задание, надеюсь на Ваше благоразумие! – и замолчал. Что только не подумал. Студентов с персидским языком отправляли в Афганистан на год в качестве переводчиков. Я иранец по происхождению, но не столько же, промелькнула мысль. Вид у офицера был нешуточный, строгий. Будто за «языком» отправляет или заткнуть вражеский дзот. Наконец продолжил: «Вам надо явиться в Дом книги на Невском, в кабинет библиографа и там получить две упаковки очень важной для всех нас брошюры Леонида Ильича. Доставите сюда».

Отпустило. Да хоть два грузовика, подумал я. Только дошел до двери он добавил: «Выполните, считайте Ваши пропуски отработаны!» Счастье-то какое привалило. На радостях одна нога уже была на остановке. Точь-в-точь, как пришел в царство книги, мне вручили две упаковки, завер-

нутые в тонкую белую бумагу. Не спрашивая, что за товар, быстро удалился. Еду обратно в автобусе и как начнется проливной дождь, летний, теплый и крупный. К счастью, пока ехал, он закончился. Вышел у Кунсткамеры и мимо роддома Отто прибавил шаг, перепрыгивая полные водой рытвины на асфальте, дабы заслужить свои отработки как можно быстрее, пока Мавр в настроении. И тут случилось то, чего и представить невозможно ни в худшем сне, ни в преисподней.

Больница Отто, он же институт, всегда пользовалась успехом у горожан, особенно у женского пола. Всем хотелось рожать именно здесь, как будто дети оттуда уже шагнут в главное здание двенадцати коллегий, напротив. Широкая популярность заведения постепенно оставляет у калитки углубления от тысяч полновесных ног. Все могли пройти мимо, только не я. Споткнувшись или поскользнувшись, нога оказалась в ямочке с дождевой водой и интуитивно мои занятые руки улетели вперед. Коленом в воду, а хлопчатобумажная веревка, которой были перевязаны творения Ильича второго, рвется демонстративно, хороня мое благородство и пропуски по военке. Брюки в воде – это ничто. Но из одной из упаковок вылетело большая половина тонких зеленоватых брошюр с указанием автора и названия: «Л.И. Брежнев Малая земля». Вид у книжек стал совсем не презентабельный. Дождь и грязь запели Мендельсона.

Еле «собрав Брежнева», вновь завязал предательской нитью. Пришел в кабинет полковника. Как мало для счастья нужно! Его не было. Груз оставил на книжной полке. Сдал специальную литературу и подальше от классов. Вечером в общежитии кое-кто из сокурсников подходил, как бы прощаясь. Оказывается, Ансимов Горынычем метался по аудиториям, разыскивая жертву. Наступил четверг, но я не явился. Вторая неделя тоже без меня. По моим расчетам, две недели достаточно, чтобы нервы пришли в норму. Мишанин уже подтвердил, что жизнь на военке пришла в норму. На факультете встретил однокурсника Алексея Наливайко, впоследствии ставший известным спортивным комментатором в Питере. Светлая память. Ему был всего 51 год.

– Леша, че делать? Порвет он меня? – спросил.

– Скорее да, чем нет, – обнадежил.

– Поговори с ним, тебя любит, остальных нет, обо мне и речи быть не может, – последовала просьба. Мы замечали, что с Лешей общается иначе, нередко переходя на уменьшительно-ласкательные формы.

– Да он достал меня. В генштабе работает некто Наливайко, генерал-полковник. У него и моего отца отчество одинаковое. Ансимов решил, что он мой дядя, вот и подлизывается каждый раз, справляясь о самочувствии моего, якобы, дяди. Он просто однофамилец, – рассказал Алексей. – Ну и я молчу, пусть надеется. Ему же мерещится генеральское звание, – добавил он.

Мечта стать генералом молнией сверкала по всему Ансимову. Это знали все. Из-за этого готов был на все реальное и невозможное. Просто болел уже своей внутренней, по его мнению, скрытой, миссией. Офицеры над ним подтрунивали. Приходил первым, уходил последним. Один из его коллег признался: «Если при нашей жизни получит генеральские погоны, на второй день, от счастья подаст рапорт. Уверен, у него дома уже погоны есть и примеряет перед сном».

За трилогию: «Малая земля», «Возрождение» и «Целина», в апреле 1980-го Брежневу была присуждена Ленинская премия по литературе. Ему было хорошо, а мне не очень. Не зря его представлял поэтом античности, в одиннадцатой аудитории Северо-Осетинского госуниверситета, когда лектор Дауров чуть не сдал в КГБ. Была же статья в сталинское лихолетье «За вынашивание антисоциалистических идей». Я же ничего не вынашивал, кроме спокойной обстановки на военке, а получалось все наоборот. Остывший Ансимов не стал со мной разбираться, потому как мог и за пистолетом потянуться и тогда прощай лампасы. Но при встрече даже перестал кивать головой, только холодный взгляд сканировал меня, как в гестапо.

А пока вернемся в общежитие, так как к военному делу вернемся еще не раз. Притом апрель напомнил один хороший случай. Моя землячка Жанна Дзгоева училась курсом старше с Леонидом Парфеновым, Мариной Шишкиной, Сашей Чумаковым и «Кефиром». Была замужем за боливийцем Люсио, значительно уступающим ей в росте и напоминающим лесного индейца из племени кольяуайя. Спокойный и тихий, как сон. Жанна веселая – душа компании,

он – сама невозмутимость, будто тень. Говорил чуть слышно. Отличный семьянин. У них родилась дочь Элеонор, неписанной красоты кукла. Гены красивой Жанны и смуглость инков произвели на свет чудо. То ли Жанна повесила на него все домашние заботы в полном объеме, то ли ему самому нравилось, но все хозяйственные дела производились им и только им. Мы на учебу, а он в объятиях семьи круглосуточно.

Стояла легкая зима, как в пору с пальто Тачгельды с искусственным мехом. Недели две, прямо у остановки 62 маршрута, разрытая яма, обнесенная редкими досками, мозолила глаза пассажиров. Ближе к часу ночи, когда большинство студентов умывается в просторной душевой с шестью белыми раковинами, нас навестил Люсио. При виде занятых раковин сострил: «Что такое, война началась?». Повернулся к нему и тут же ответил: «Ну конечно, зять мой, потом опять староста этажа будет виноват. Вы скажите, что я не объявлял и начнется!» Заинтриговал. Не уверенный в серьезности моего сообщения, решился на дополнительное слово: «Что? Я не слышал!»

– Люсио, почему все слышали, кроме тебя? Возле остановки яму видел?

– Да, – протяжно и оправдываясь за нелепые вопросы, жестко подтвердил намерение узнать побольше.

– Завтра с шести утра до восьми вечера воды не будет совсем. Объявлял по всему этажу, только вы одни дрыхаете сутками, – расстроенно, но убежденно сказал скифскому зятю. Медленно развернулся и пошел к себе. За минуту все присутствующие поддержали надвигающийся на боливийца крутой развод. Сам побежал к Муне, Буянкину, Мишанину и попросил немедленно брать чайники и наполнять водой в присутствии Люсио. Кто-то из них должен был громогласно выразить недовольство завтрашними коммунальными неудобствами. Зная, что у Люсио Борис Хозиев пользуется непререкаемым авторитетом, как спокойный, трезво мыслящий человек, я и к нему успел. Поддержал. Минут через пять явился к Боре боливийский чингачгук и теперь точно знал, что это не вранье. Если Хозиев сказал – стопудовая правда!

Наступило утро, ничем не примечательное. Все еще спали, как и я, ибо на часах было шесть. Раздался громкий стук

в дверь с употреблением осетинской ненормативной лексики. Угрожающий дух амазонки сменился громким истеричным смехом, и я взбодрился. Открыл дверь, залетела Жанна, держась за правый бок. Оказывается, ночью мать и новорожденное дитя спали вовсю, а заботливый муж наполнил всю посуду водой, до последней чашки из-под чая. У кровати примостилась ванночка Элеонорки, также заполненная до краев.

– Я проснулась с правой ноги, которая вдруг почувствовала холодную жидкость и с испугу закричала, – стала рассказывать Жанна, произнося полуслова с полудремоты и яркой истерикой на лице. Я добавил смех, как никогда. – Спрашиваю Люсио, мол, с ума сошел? – продолжила землячка. – А он в ответ: «Ты мне еще спасибо скажешь, сегодня с утра до вечера воды не будет». Выхожу в умывальню. Там все, как обычно. Возвращаюсь к нему с претензией. Спрашиваю, кто тебе сказал? Только услышал твое имя, все поняла и побежала к тебе, высказать все, что о тебе думаю, а сама со смеху падаю! Ну дигорец!

В тот же вечер Люсио, смеясь сквозь слезы, пригрозил, мол, отомщу. Прошло полгода и наступило Первое апреля – никому не веря. В комнате собрался актив советского студенчества. Подвели итоги по совершенствованию работы совета и ближе к нулям ночи началась дискотека в честь плодотворной работы на ниве общественной жизни, полностью ориентированной на строительство коммунизма. Примерно в час раздался громкий стук в дверь. Попросили меня выйти. Стоял Люсио, мрачный как голодный Гельдытач. Поза, в которой он предстал, с несколько опущенной вниз головой, говорило о происшествии или трагедии, которую желать, да и сообщать, кому-то проблематично. В таких случаях обычно вызывали к телефону на первый этаж, к вахтерам.

– Валера, – начал Люсио, выдержав паузу. – Внизу просят подойти к телефону, звонят из Осетии.

– Люсио, напоминаю, сегодня Первое апреля – никому не веря!!! Иди домой и спи!

Не выдержав смех, скрученная от расстройства племенная мина смуглого родственника выдала все нутро мстителя. Да, шпион из него никакой! Еще не раз вспоминал, как полгода готовился к Первому апреля, чтобы смотреть на

меня, убегающего по лестницам общаги, пропуская все перила.

И дискотека набирала темп. В таких случаях я был выгодным прикрытием: непьющий, староста и душа-человек. Мог отмазать всех и вся. Тем временем сосед в комнате, Гамболд Суренгийн, круглый отличник и пример всем, любящий выпить, хотя его хватало только на первые две рюмки. На третью шел изредка. Его клали на кровать. Спал плашмя, а кругом все отрывалось до небес. Наверху жили двое высоких африканцев, привыкшие ко всему. Под нами Джафар, вечно пьяный, перспективный жених двадцати ленинградских невест. Первое апреля отмечали как праздник надежд и желаний. Жаль, флага не было под это торжество…

Гамболд, о котором выше сказал, впоследствии стал известным политиком Монголии, депутатом Хурала и журналистом со стажем. Приезжал в 1995 году, и мы его «отмечали». Растолстев, стал похож на Будду. В новом общежитии, на Кораблестроителей, на девятом этаже пол был в зеленом ковролине. Я тогда был докторантом. Монгол сел на пол, приняв свойственную им позу, при которой ноги крестнакрест и пузо плавно осаждается на все конечности. У нас не получалось, но и ему вскоре не стали завидовать, может и стали, так как при частом повороте то влево, то вправо, мы с доцентом журфака Русланом Бекуровым переглядывались и незаметно отдалялись от толстяка. Ему бы лучше застыть. Каждое движение в бок сопровождалось характерным звуком. Хорошо ковролин оказался не на резиновой основе и служил хорошим глушителем для депутатской задницы. А пока вернемся к восьмидесятым годам.

Гамболд Суренгийн был человеком положительных правил. Два раза улетал в Улан-Батор к жене и двум дочерям пяти и семи лет. Часто показывал фотографию и спрашивал, мол, дети красивые? Жена – калмычка точно была красивой, что касается детей, сказать, как есть, не мог, но подтверждал, что лучше детей на свете нет никого. В другой раз добавлял: «На маму похожи».

Мелкий бизнес давал мелкие деньги: привозил два-три кожаных плаща и продавал. Материал был паршивым. Зимой по дороге кожа становилась наподобие жести, и плащ диктовал куда повернуться, где развернуться, а присесть на кресло в транспорте – забудь на полчаса, пока обертка из же-

сти не оттает. Перед полетом на каникулы, он загодя начинал собирать «Русскую водку», то ли как презент, то ли на продажу. Прикроватная тумбочка служила хранилищем нашего национального бренда. У него водка как тогда не шла, так и десятилетия спустя не изменила себе. Валила его с двух-трех рюмок. Это качество, не раз становилось причиной его водочного банкротства. Не без моего участия, конечно.

Ребята-однокурсники, посланцы северных просторов, могли выпить без последствий. Особенно на халяву. К ним пристраивался Мунавар из солнечного Душанбе. Сценарий набил оскомину своей обыденностью и частыми повторами. Я звал друзей к себе в гости. Они должны были только соглашаться и восторгаться произнесенной речью горца из Осетии. Гамболд, как правило, за книгами. Мы общаемся тихо, подчеркивая, что он нам не безразличен и не претендуем на его личное пространство. До поры…

Друзья рассредоточились по комнате. Разговоры были ни о чем. И я начал действовать, как в прошлый раз. Стал критиковать, себя в первую очередь, обвинять всех в тунеядстве. «Мы далеко уже не дети, а в жизни ничего не сотворили. Не взяли на себя никаких обязательств, – начинал монолог в стиле Гамлета, осуждая собственное «Я» и все, что его окружает. – Когда мы, наконец, очнемся? Когда внесем свою лепту в строительство светлого будущего?!» Самобичевание набирало темп. Гости соглашались, принимали во внимание, якобы делали выводы из сказанного. Потом молчали.

– «Посмотрите на Гамболда, вот это мужик. Отличник учебы и прекрасный семьянин», – на этом месте выдержал паузу, чтобы дать возможность нашему монгольскому другу осознать комплимент, пропустить через себя. – «А какие у него красавицы-дочери! Вы бы только посмотрели на них! – продолжил я, нажимая на все сердечные струны Сурэнгийна. – Эх, жаль, нет бутылки водки, иначе вы бы выпили за их здоровье? Хороший ты человек, Гамболд!»

После этих слов, посланец страны гор и равнин, скромно привстал. Подошел к своему складу из десяти поллитровок, достал одну… Если одна, то впереди будет караван гостей и вся водочная батарея из закромов соседа. Это уже проверено не раз. Мы стали отнекиваться, мол, не нужны такие жертвы, лучше отвези домой. Мунавар закрепил высказан-

ное: «Мы все наслышаны о твоем гостеприимстве, но пользоваться не смеем». Через пять минут владелец горячительного склада сам стал просить, мол не обижайте.

Приходилось уважить его просьбу. Но прежде, просил показать всем фотографию красавиц-дочерей. Комплименты посыпались как из рога изобилия. Разлили. Монгол пропустил пару рюмок. Третья для него была завершающей. Мы положили его на кровать и вскоре он спал крепко, как умел. После этого действа, список гостей 203 комнаты значительно пополнялся любителями поговорить, выпить, не закусывая. Лескенский чеснок и мордовская колбаса олицетворяли хлеб-соль СССР. Передавали друг другу, что у меня в комнате отмечают неизвестно какой праздник, но это никого не волновало. Кое-кто просил громко не говорить, дабы не потревожить спящего. Его теперь до утра пушечным залпом не разбудить. Мне было пора на ночную смену и пошел, не волнуясь за моих друзей, а за Гамболда вовсе. Трапеза переместилась к Муну, напротив кухни на этаже, что поспособствовало приливу новых членов компании. До ночи справились со всем запасом. Без происшествий.

Утром встретились на факультете и все ни в одном глазу. Будто и не было вчерашнего кошмара. Правда, Гамболда среди них не было, что стало меня тревожить. Во второй половине, придя домой, застал бардак. Спрашиваю, что случилось, что за хаос в комнате. Сосед доложил, что вчера ребята приходили, он угостил, а после не помнит ничего. Сослался на весьма проблематичную фактуру: десяти бутылок водки нет. Попросил назвать кого-нибудь из участников. Привел Мунавара. Серьезно, как это может трезвый таджик, рассказал историю, от которой волосы встали дыбом. Оказывается, после того, как я ушел на работу, Гамболд стал настаивать на продолжение банкета и спаивать всех и вся. «Не помню ничего», – обреченно смотрел в мою сторону. Таджико-монгольский мир не заставил себя ждать долго. «Главное, все живы и здоровы», – заключил осетин и стороны решили списать все на недоразумение. Вот что значит пить с русскими богатырями сорокаградусный напиток. И говорил же ему, и не раз, что змий до хорошего не доведет. Казалось, внял моим наставлениям на будущее, но это не так. Вскоре к нему пожалуют гости: дядя и две тети. Об этом чуть позже.

Вуз призывал к светлому, давал знания, направлял на ратный труд. В общежитие прибывали иностранцы, окончившие языковые курсы у себя дома. Например, Каюми из Афганистана. Поселили наискосок, с Вячеславом Афанасьевым из Казахстана, который частенько приветствовал знакомых не привычным «Привет», а экзотичным «Хоп», за что Карен Маркарян и другие прозвали его просто: «Хоп». Одним словом, в комнату посланца высокогорного спортивного комплекса, известного далеко за пределами СССР, «Медео», заселили новичка. Звали его Абдул Амид Каюми, а был он родным братом министра образования при правительстве Бабрака Кармаля. Первым делом решил прибраться в незнакомой обстановке. Нашел старосту этажа, то есть меня. Говорил сносно, это и понятно, только прилетел из Кабула. Нос Мефистофеля, выдавливая улыбку, спросил, чем помыть пол. Там же в углу раздобыли швабру. Решил уходить, как вдруг задал вопрос, который меня ошарашил: «А как пользоваться?» Я ему в ответ, мол, ты издеваешься? Не понял. «У тебя все дома?» Подтвердил, что «да, дома хочет убрать». Наконец, дошло до меня, что тут болезнь незнания языка зашла слишком глубоко. Вот как я объяснял ему инструкцию по использованию всем известного, кроме него, агрегата под названием «швабра».

– Ведро воды. Макаешь. Выжимаешь. Садишься на швабру задом наперед. Смотришь назад и регулируешь повороты. Все понял?

– Да, хорошо. Спасибо! – сказал мой юный друг, который впоследствии станет объектом моих доброжелательных шуток и кандидатом филологических наук по журналистике.

Через несколько минут Афанасьев явился домой и перед ним картина маслом: человек в белом перухане (афганская мужская национальная одежда) скачет на швабре задом наперед, как в сказках о Ходже Насреддине. Славик, веселый, светловолосый добряк встал у двери. Незнакомец тоже. Представились. Успокоились. Потом забегает ко мне и стал смеяться вовсю. «Представь, Валера, захожу и там такое – первое, о чем подумал, подселили ненормального. Оказывается, ты его научил так лихо обращаться со шваброй!!!»

Пройдет немного времени, я закончу учебу. Но в том же году вернусь в Ленинград, в аспирантуру. Когда этот худой глист увидел меня, не смог сдержать своего разочарова-

ния. Он прямо так и сказал: «Когда ты закончил, я вздохнул и помолился, чтобы больше не встретиться с тобой…» Я спросил, в какую сторону он молился. Научил бы, но по лицу видно было, что ему не до смеха. Не смог преодолеть горечь в себе. Я, как никто другой, понимал его и сочувствовал всеми фибрами души.

Тем временем, через несколько месяцев наступило время приема гостей из Монголии – две тети и дядя Гамболда. Принял их как родных. Благодаря толмачу-соседу, отличнику учебы, пожелал веселых дней в Ленинграде. Они остановились в гостинице «Россия», что в пятистах метрах от нашего корпуса. Племянник провел с ними два насыщенных дня. Смотрели на город, как на иную цивилизацию. После походов по городу навещали родственника. В один из таких вечеров, накануне их возвращения на родину, оставили у нас в углу двадцать четыре вложенных друг в друга бежевых абажура от напольных торшеров. Ножки унесли с собой, в отель. Лица старших сияли солнцем даже в ночное время. Как же иначе, у них такой серьезный и деловой племяшка. Но не тут-то было.

Помните душевный сценарий по отъему алкоголя? Практически один в один сценарий разыграли именно в тот вечер. Правда пили теперь за его родных, таких светлых людей – кем только я не назвал их. Возвел до статуса архангелов небесных, спустившихся на землю. После такой характеристики двух тетей и одного дядюшки, камень бы растаял. И покатило: сосед плашмя, а в комнате рай земной. Все, что у кого было – все на стол! Кто-то даже торт принес, дабы заявить о себе полноправно, как в фильме: «Ваше жизненное кредо? – Всегда!»

Пир удался на славу, неизвестное количество водочной продукции перекочевало в желудки страждущих. Если бы стены могли говорить! Началась дискотека нараспашку. Главным за предполагаемый дебош назначил Мунавара. До последнего держался молодцом, но вскоре понял, что с толпой одному никак не совладать, и тоже пошел в пляс. Лучше бы не пошел. Одно неосторожное движение лишило его равновесия, и он упал. Упал на аккуратно сложенную стопку абажуров. Стержневая проволока широких колпаков, держащаяся на честном слове, ничуть не была рассчитана на вес Муни. За секунды стопка превратилась в непонят-

ную бесформенную массу. Настроение испортилось даже у Тача Кутлыевича, на лице которого читалось: «А ведь на месте монгола мог быть туркмен Гельды». Другого выхода не было, как ждать утра, когда проснется друг степей, но не калмык.

Утром разбудил его. Сонность Андромеды, невнятная речь, полное отсутствие реальности во взгляде, прямо как в раю. Ему можно было позавидовать, если бы не одно «но».

– Гамболд, лежи и слушай меня внимательно. Мне это надоело! – серьезный тон обращения подействовал и он смог без посторонней помощи открыть глаза. – Долго терпел, теперь все! Ты помнишь, что вытворял вчера вечером?

Мой друг посинел. Странное состояние, когда тебя обвиняют, а ты не понимаешь в чем.

– Буду говорить, как есть: таким я тебя не знал! Оказывается, ты способен на драку. Если бы вчера я не явился вовремя, тебя бы разобрали по частям. Понимаю, выпил. Но зачем полез обнимать девушку, которая пришла со своим молодым человеком? – после этого он привстал и схватился за голову. На лице в зоне видимости остались только два передних перекрещенных зуба. Замолк. Слушал нотацию не только ушами. Проговаривал одно и то же словосочетание: «Не может быть!» В ответ мои гром и молнии решили его полностью обезоружить.

– Спасать тебя от народного гнева больше не буду. Да, – протяжно запустил развязку истории. – На людей кидался, это понятно. Но зачем ты стал наступать ногами на добро, которое тебе не принадлежит? Мунавар еле тебя успел убрать от торшеров! – На этом месте хочется поставить многоточие. Он резко посмотрел в угол, где как-то странно лежала целая стопка абажуров, купленных родней для покрытия расходов на дорогу. Бедные челноки еще спали, а на моих глазах разыгралась трагедия. Лица на нем не стало. Задрожал, мол, они его убьют. На последнее утверждение ответил притчей Соломона…

Время и поступки меняют людей. «И это прошло». С того дня склад опустел навеки. Хорошо, что эта неделя мрака сменилась другой, более светлой, как новый лист календаря. Опять стал готовиться к занятиям, окунувшись в царство знаний. На очереди был пропущенный им в период хлебо-

сольства и хаоса экзамен у преподавателя по фамилии Вершель. Забыл, как зовут экзаменатора. Это была женщина с большими глазами и высоким начесом Валентина Прокофьевна Вершель. «Помог», уверенно ответив на его вопрос: «Шинель Вермишелевич Вершель». Продиктовал по слогам. Записал в записную книжку. Утром пошел сдавать. Открыл дверь кафедры патриарха истории партийно-советской печати, одного из основателей журфака, Александра Феодосеевича Бережного, и, с улыбкой на устах, громко обратился к профессуре: «Кто Шинель Вермишелевич Вершель?» Можете сами догадаться, что было потом…

Теория военной спецпропаганды подошла к концу. Наступило лето четвертого курса и нас увезли в военный поселок на границе с Финляндией, близ Светогорска. Застава имени Алексея Дмитриевича Гарькавого, уроженца Кировского района Ленобласти, пограничника, погибшего в годы войны на Невском пяточке, встретила казармой из серого кирпича и разноцветным полом. Танковая рота состояла из командира и нескольких офицеров, неравнодушных к распитию горячительного. С десяток танков, избороздивших лесные дороги, половина стояла на ремонте. Солдаты-танкисты смотрели на нас, как на заблудших зверюшек. Утренние пробежки по хвойному лесу, сменялись завтраком из непонятного на вкус супа, а также картофельным пюре, в котором пряталось что-то на вид мясное. На третье, как всегда, чай, отдающий всем чем угодно, но только не чаем. Хлеба, почему-то, не хватало всегда!

После этой скромной трапезы, асфальтированный в пору Петра Великого плац, встречал как родненьких. Строевой шаг нам не шел, хотя отдельные добивались результатов в искусстве стучать кирзовой обувью. Боженька не обделил красотой само место заставы. Любой громкий возглас минуты три уходил эхом в дальние просторы, через поля к лесному массиву. Особенно раннее утро в зеленой оправе, с первыми лучами солнца на синем небе, придавало эху особый мотив жизни. Стереоволны издавали песню небес. Я не случайно столь подробно описываю это природное явление с участием гортани.

Два-три раза за весь период нас навещал низенького роста полковник из штаба. Ансимов строго предупреждал заранее, что «ревизор» приедет. Особо акцентировал вни-

мание таких неблагонадежных, как я, от которого можно ожидать все, что угодно. Порой сами не были рады своему природному нутру, ищущему новые впечатления на грани мелкого фола. Репетиция на плацу прошла хорошо, с запевалой и без. Городничий в погонах, довольный нашим настроем подыграть высокому начальству, почти уверенный, что все пройдет чики-пуки, гордо направлялся в столовую. Если на кухне дежурит Борис Хозиев – можно не проверять вовсе. Везде все на месте, до последней вилки. При экстренных ситуациях, полковник командовал: «Коммунисты и Хозиев! Выйти из строя!» И они быстрым шагом направлялись наводить марафет. Правда, через неделю, познав вкус исключительности, выходили из строя все медленнее, шли, будто нехотя, а если и бежали, то как-то странно: будто им что-то интимное мешает ходить как все. Настоящие обладатели партийных билетов, кроме их главного – Хозиева.

Штабной полковник прибыл раньше времени, когда все отдыхали по краям плаца, кроме двух курсантов: меня и Юры Мишанина. Прямо по центру площадки разлеглись вдоволь. Солнце пекло вовсю. Пилотка на глаза и мы, как ни странно, быстро уснули. Представьте картину: по бокам резко встают солдаты, а в самом центре двое спящих видят не первый сон. Конечно, нам опять попало. Но главное не это. Кто-то шепотом сказал, что у того проверяющего есть привычка: выступая на утреннем плацу, после каждого предложения делает паузу и слушает свое эхо. Точно. Это было нечто. Создавалось впечатление, что он ждет, когда эхо к нему вернется бумерангом. Балдел от себя, как на параде. Потом продолжал говорить громко и вновь та же немая сценка, и только эхо напоминало о бренности бытия. Мы теряли во времени и нервах. Рядом с оратором в стойке оловянного истукана стоял Ансимов, аккуратно проводя по всему своим глазомером. В один момент надумал выслужиться перед главным и решил приструнить нашего, но из этого вышел смех, такой важный для нас в эти минуты. Дело в том, что он несколько перепутал фамилию парня с восточного факультета и вместо «Белоконь», назвал его «Сероконем».

Засмущался наш шеф до носков. Главный мягко повернулся в его сторону. Выдержал паузу и вновь стал балдеть от своего голоса, эхом отдающего мелодией бездны или фантазией наркомана. Судя по их вальяжной походке из хар-

чевни, проверка прошла хорошо, воины сыты, овцы целы. Потом опять занятия, ничуть не отличающиеся новизной и оригинальностью. Ноги уже сами шли туда, куда хотели, вернее, куда надо было идти. Хозиев мог задержаться в столовой, чтобы устроить нагоняй не по делу. Нехватка хлеба меня достала! Тут еще кто-то из ребят успевал рядом с собой выстроить хлебную стопочку, мол, «на потом». Какие-то ростки стыда еще цеплялись во мне изо всех сил и так поступок считал за что-то очень нехорошее. И первые дни моя врожденная скромность души доводила меня до недоедания. Конечно, мог воспользоваться коммунистами и Хозиевым, но они следили больше за порядком в целом, нежели за запахом из кухни. Вот запах-то и натолкнул на сомнительные, на первый взгляд идеи. Ребята помнят, что с улицы в периметре кухонной площади была железная крашеная белилами дверь с маленьким окошком.

Там, где окно, там, естественно, водится какая-нибудь живность. Заметил, что туда заходит один худощавый, смуглый мальчуган, но обратно не выходит. Странно, правда же? Нашел время для разведки и постучал. В окошке увидел глаза, полные печали… Узбек, первый год службы. Имя состояло из нескольких слов, а потому не вспомню. По той самой причине дал ему благородное прозвище, говорящее о его родине с серыми осликами: «Звезда Востока». С такими язык найти легко, если в глазах у тебя нет ничего злого. Мы сдружились. Заходил в каморку хлебореза, как к себе домой. Внутри было второе окошко для подачи аккуратно разрезанных буханок. Мой юный друг просил подать люля, харчо, голубцы… Ел как хотел! Жизнь удалась.

Недалеко от нас проходили учения «стариков» – людей в возрасте, призванных на месяц, чтобы не забывали с какой стороны Восток и Запад. Стреляли боевыми. А потому грохот раздавался нешуточный. Их прозвали миллионщиками, так как на эти учения страна тратила миллионы. Техника была новая, даже танки. Пользовались нашим пищеблоком, почему и меню столовой резко менялось в мою пользу. В большинстве своем им по 35-40 лет. Редкие безбашенники появлялись и среди них. Особенно по вечерам, в поисках дороги в поселковый магазин.

На стрельбище понюхали пороху, отстреляв свой лимит по патронам. Больше нравился пистолет. А Хозиев, как

всегда, показав лучший результат, особенно при стрельбе из «Калаша». Он и автомат – это отдельная картина жизни. Будто оружие при виде Хозиева, само напрашивалось к нему со словами: «Пришел. Бери меня, бери…» Если бы он связал свою жизнь с военным делом, уверен, дошел бы до генерала куда раньше Ансимова. Строение танка знал назубок, мог поспорить с самим конструктором танка. Так, изо дня в день отрабатывали практические навыки как в силовых форматах, так и в пропагандистских технологиях с целью психологического разложения условного противника. Уже стали мерещиться импозантно одетые финские полки с высоко поднятыми руками, ищущими нашу баланду, приготовленную в отсутствие Хозиева и коммунистов.

Расслабляющие кисельные вечера с продолжением были два раза. Пели и танцевали, кто как мог. Запомнилась инсценировка ребят, где в какой-то экстренный момент худой и высокий Федоров, изображая растерянного до безрассудства пацана, крикнул в зал во весь голос: «АнсимоГО, АнсимоГО украли!!!» Зал взорвался со смеху. Федоров ответил и за нас. Дело в том, что, наш бравый мечтатель о лампасах, не дружил с моим Розенталем, а потому не был приучен элементарным фонетическим правилам родной речи. Пишем ГО, произносим ВО – это традиция русской письменности еще со времен двух молодых греков, Кирилла и Мефодия, рисующих первые буковки кириллицы на партах собора Святой Софии в Константинополе, сейчас больше известного как Айя-София. Если коротко, то в данном случае правила диктует традиция, нежели строгая грамматика. Вот почему при каждом выступлении ухо резало его бессменное «ГО», вместо общепринятого среди цивилизованного люда «ВО».

Шутка удалась на все сто. На табло, правда, счет остался в его пользу: он был слишком туповат чтобы отличать юмор от сарказма. Из-за этого, кажется, и конфигурация черепа постепенно, исправляя архаичную несправедливость, рукой Творца выстраивала свою кубическую архитектуру. Наша минутная радость во весь рот, для Федорова обернулась плохо замаскированными косыми взглядами военного. Это называется, рискуя жизнью, наш однокурсник спас друзей от вечерней монотонности быта. Не перевелись еще русские хохмачи, способные поддержать в экстренные моменты, ничуть не думая о том, что после этого наступают последствия.

Помнится, в пору моих учебных мытарств в глубинах прошлого, находясь в просторных аудиториях Северо-Осетинского университета, во время экзаменов по истории, ум заходил за разум, потому что сдавали не предмет, а лектора, Валерия Дзаккоевича Айларова. Читал лекции как в учебнике: слово в слово, ни разу не заглядывая в «Историю КПСС». Чистой воды педант. Аккуратист во всем. Даже в самой короткой, черной, как антрацит, прическе, без лишней, торчащей невпопад, волосинки. Холеное лицо и чистейший русский выдавали в нем интеллигента прошлых веков. По его произношению учили орфоэпию. По знанию истории назубок – признавали свою неполноценность. Это был не экзамен, а приговор судьбе. Своими словами, типа мы отмажемся, не канало. Четкие определения, данные нам от Маркса и Ленина, изредка от Энгельса – вот что мы должны были продемонстрировать.

Виталий Колити, уже на полпути до сумасшествия от зубрежки, бросил в комнате серый том «Истории КПСС» и взмолился: «Боже милостивый, может он завтра заболеет и не придет на экзамен?!» Это при том, что все прекрасно знали: часы могут остановиться, реки пойти вспять, но Айларов придет точь-в-точь. И начнется очередная словесная экзекуция в форме изысканных фразеологических оборотов, говорящих об отсталости наших природных возможностей. Он аккуратно доставал ручку с фальшивой позолотой, раздавался щелчок и острая головка стержня пулей предательски выскакивала из бездны. Ты сидишь напротив этого манекена с говорящей головой. Сердце подпрыгивает, кровь – в другую степь, а в чистых пальцах пианиста виртуозно скачет и расплывается в глазах предмет, больше напоминающий турецкий кол по шариату, чем ручка – скальпель. «Два балла», – раздается на весь класс, может и над страной в целом. Не двойка, а именно два балла. При этом фонема «Эл», как известно, по нормам старомосковской орфоэпии реализуется в звуке верхнесреднего подъема, а в соответствии с современными орфоэпическими нормами звучит гласный переднего ряда, верхнего подъема. В его случае «Эл» издевательски продолжал свое гильотинное нутро и вместо двух фонем слышалось несколько. В эти секунды смекалка дает право последнего слова: ты в судорогах начинаешь оправдываться, мол были причины… И в это

время от гиганта мысли раздается: «Там, где причины, там – последствия». Ведомость получила баллы. Направляешься к выходу и с таким чувством, будто тебе хук достался, не то что как серпом, как обычно, но и не легче…

Последние испытания силы воли проходили в лесу. 12 километров преследования, нанесенные на карте, неправильно прорисованные офицером, из-за чего отставали по графику на целый час, учитывая, что противогаз тоже никто не отменял в тот солнечный день, выбивали весь победоносный настрой и надежду на достойный финиш. Через каждый километр менялся командир, бегущий впереди стаи. И тут Карену пришла мысль: «Валера, после меня командуешь ты, поднажми что есть силы, чтобы майор не успел переназначить – он отстанет со всеми». Карен довел нас до последнего пота в трудно представляемых местах. Привал пять минут. Заступаю я. И с Кареном рванул что есть силы. Сперва все как один, но темп многим пришелся не по силам. Помнится, Леша Алексеев произнес пословицу вслух: «Заставь дурака молиться …» Для предъяв времени не было, еще и разозлило. Мы с Кареном бежали так, будто за нами гонится гестапо. В назначенное место прибыли на двадцать минут раньше, но, правда все, как один, готовы были там временно умереть, поспать, расслабиться до потери сознания. На радость, не осталось сил.

Военка подошла к своему завершению. Позади остались ночные дежурства и бодрствование, автоматные выстрелы в воздух в той же ночи от Миши Дружининского, напугавшие полупьяных танкистов, возвращавшихся с лесной гулянки, поднявшие по тревоге всю заставу, «Зарю Востока» и фирму «Хозиев и Ко» … АнсимоГо уехал на УАЗике, а нас ждал марш-бросок в 26 километров до железнодорожной платформы в полном обмундировании и сухим пайком. Руководил тот же майор Павлов. Привалы стали надоедать и где-то в середине маршрута мы с Кареном решили сменить обстановку и перешли на бег. Бежали без конца, только редкие повороты внушали надежду, что после этого именно поворота картина счастья сменит обыденность. Но одни леса сменялись другими. Привалом служил недолгий пеший ход. Даже сорт сосен оставался тем же. Через два часа мы прибыли к платформе. Поселок небольшой с одним магазинчиком и средних размеров Домом культуры.

Через час стали чувствовать, что пот отступает по всему телу и солдатской форме. Захотелось сменить обстановку и прошлись до Дома культуры, откуда слышались музыка и девичий смех. Навострив уши, вскоре оказались на дискотеке, где торжествует крестьянин в рваных штанах. Девчата, испорченные местной обыденностью и дойными коровами, вертели непонятными фигурами, изображая, как минимум, Анжелину Джоли. Как правило, в подобных фазендах есть свои плантаторы, типа сельских самцов-осеменителей. Их полувзгляды прошлись по нашим полутелам, выискивая уязвимые места в области печени и уставших глаз. Наш с Кареном визит в столь отвратительную глухомань предвещал бурю негодования.

Только вечерело и вскоре наступил час икс. Развязка фантазии искала выход. Не составило труда через окно увидеть, что буря надвигается на улице, во дворе очага культуры и безобразия. Карен почему-то оказался там первым. Через секунды нас стало двое. Ремни в правых руках и спина к спине – известная с детства конфигурация боя. Мы не подпускаем к себе группу из механизаторов, строивших нам злые глазки на нашу спартанскую гримасу и первых абреков на Кавказе. Предстоял петушиный бой один к пяти. Вряд ли бы на нас кто поставил. Рассчитывали досмотреть, если бог даст, фильм «Никто не хотел умирать».

Понимая, что столько человек не одолеть, пошли уже на третий круг по часовой стрелке до жесткого массажа спины. Все пока целы. Каждый хотел начать последним. Матперемат накалял воздух и близлежащие трущобы. Перейти от слов к делу не спешил никто. Спецпропаганда и навыки допроса военнопленного не помогали. В голове было одно – не сдамся! А там, будь что будет! Дискотека вышла из-под контроля: все вышли во двор, в надежде занять места поближе. Подсказки воодушевляли местных, расслабляли незнакомцев. Уверенности не было ни у кого, что удар бляхой не по нему – милому придется. Переговоры не рассматривались, вето не проходило ничуть. Один газават, который ведется с соблюдением всех правил джихада.

Вдруг, как Маугли, заскакивает в гущу наших, так и не начатых, атак, майор Павлов, резко сменив цвет лица на синий. Синим мы его еще не видели. Прокричав что-то и на кого-то, потянулся к кобуре, которая из-за долгого бездей-

ствия даже фабричный цвет не сменила. Его поддержала какая-то нетрезвая старушка со связкой ключей, с не умным, и не глупым лицом. Нам это было на руку, так как в городе нас ждала бы пренеприятная, далеко не душевная беседа с полковником, мечтающим с пеленок надеть генеральскую форму и не обделаться от счастья. Да и количественное превосходство сулило далеко не ничейный счет.

Вскоре подошла электричка, не ставшая последней. На смех и гам рассчитывать не приходилось. Просто все было позади… В ушах затаился припев из песни Фатьянова: «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат, пусть солдаты немного поспят...»

Учеба на факультете журналистики в завершающий год больше напоминала клуб по интересам, чем последние студенческие волнения перед защитой. Мы настолько привыкли к своим преподавателям, что могли поговорить о жизни, о стране, обо всем. Темы дипломных сочинений определяли по своему желанию. Публичная библиотека (ныне РНБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина) по ходатайству с места учебы разрешала посещение кладовых: Ленинский читальный зал, общий библиографический отдел и стеллажи со множеством каталогов для карточек от любой книги, выпущенной со времен царя Гороха. Первая встреча произвела неописуемое впечатление. Уже со входа в зал началась личная экскурсия в мир удивительного: со стен пристально смотрели корифеи, некогда живые боги науки и просвещения. Где-то встречались бюсты римских философов, больше похожих на гладиаторов. За высокими прозрачными рамками лениво смотрелись Брокгауз и Ефрон…

Воспитанный на идеях Ильича, восторгался Ленинским залом и представлял, как молодой Ленин, пока ровный, спокойный, как ангел на стене, садился за стол с зеленой сукном и конспектировал мысли великих. Здесь, по-видимому, открыл для себя Робеспьера (Максимилиана Франсуа Мари Исидора де Робеспьера). Мне очень нравился Ленин. Зачитывался им взахлеб. Мечтал у себя дома иметь Полное собрание сочинений в 55 томах. Забегая вперед, расскажу историю приобретения ПСС.

Я тогда был на первом курсе аспирантуры и жил в съемной коммунальной квартире на набережной Лейтенанта Шмидта, 2, кв. 3, с интересным телефонным номером: 218-

07-07. Квартиру взять в аренду тогда было весьма проблематично, но выручал Львиный мостик, на котором собирались бабули, готовые сдать недвижимость. Успеть к такой бабуле тоже счастье, на которое мы с Аланом Караевым годом раньше и не рассчитывали. Пришли туда без какой-либо надежды. Просто посмотреть, как говорится. Стоим и глазеем на большую толкучку. Все хотят снять, мало кто – сдать. Минут через 20, собираясь покинуть эту безнадегу, я вслух произнес фразу, которая означала «Пошли домой!», а прозвучала: «Мне бы с видом на море!» И тут рядом стоящая женщина скромно произнесла: «А у меня именно на море…». Тут же ее увели подальше, чтобы другие не услышали. Первый этаж с окном на Неву. Объект стал нашим на годы. Хозяйка Таня приезжала за 50 рублями один раз в месяц. Через год, когда я женился, Алан благородно уступил ее молодоженам.

Так вот, расположение коммуналки было идеальным во всех отношения: факультет, работа для меня – дворника со стажем – все в пешей доступности. Зимой на Среднем проспекте, 45, где сегодня «Шоколадница», книжный магазин принимал еще и макулатуру. Моя дворницкая привилегия по этому товару выручала. Занимали очередь с полудня. Авторучкой заносился номер на ладонь, как пароль от сейфа. Сменялись. Возвращались. И ночью также. Холода тогда были нешуточные. Мы разжигали костер у магазина и грелись. Не все успевали утром сдать макулатуру и получить заветную марку, дающую право на покупку очередного тома одного из классиков художественной литературы. Но там не было Ленина.

На углу 8-й линии и Большого проспекта долго просуществовала «Старая книга». Я уже был букинистом со стажем, и потому все знали, что, если ПСС вождя появится, звонить надо мне. Позвонили. Не верилось. Бегом туда. Узнал цену. Обратно к себе. Собрал все деньги, что были. Сдал бутылки. Все равно не хватает. Достал новые чешские туфли, которые купил к весне. На Петроградской стороне Большого проспекта был комиссионный магазин, где деньги давали сразу, если товар новый. Вскоре у меня набралась необходимая сумма и я был счастлив. Ленин не поместился в мою дворницкую одноколесную тачку, пришлось сделать еще один рейс. Жена смеялась, а я радовался. Как мало для счастья надо!

Публичная библиотека, всегда полная учеными из разных уголков мира, влюбила в себя с первого дня и до сих остается одним из самых дорогих сердцу зданий Санкт-Петербурга.

Кафедра относилась к своим дипломникам, как к близким по крови. Заведовал ею мой земляк Хазби Сергеевич Булацев, любимец всей факультетской публики, известный ученый и сильный шахматист. Отличался тем, что перед началом лекции, с привычной улыбкой на устах позволял себе сделать пару реверансов в адрес аудитории. На экзамен к нему, что на праздник или встречу с друзьями. Это не Бляхман и Грантакин, перед которыми уши синели, а губы немели. При ответе по билету так удачно подсказывал, что получить «неуд» было куда сложнее, чем пять баллов. Эту форму приема испытаний навсегда перенял и я.

Борис начал писать диплом под его руководством, а я у Геннадия Васильевича Жиркова (тогда доцента, ныне известного ученого, доктора филологических наук, профессора). Публицистика популярного журналиста царского и советского периодов Георгия Михайловича Цаголова привлекла мое внимание своей разносторонностью: он был настоящим репортером, литератором, экономистом, поэтом. Заметим, что родился ровно годом позже Владимира Ульянова – 22 апреля 1871 года. Во многом у них дороги жизни схожи. Все годы журналистской деятельности подвергался ссылкам, надзору и преследованиям. Удивительно, что в 1939 году умер своей смертью, правда, в нищете. Принимать его на работу было опасно. Многие сторонились великого деятеля и даже неожиданная встреча с ним в маленьком провинциальном городе Орджоникидзе, сулила только проблемы.

Это напомнило Ахурека Алихановича Магометова (бывшего ректора СОГУ им. К.Л. Хетагурова, ныне Президента университета, известного общественного деятеля, журналиста и писателя) в восьмидесятые годы прошлого века. Казалось бы, времена репрессий остались в истории. Нет. Все братья Магометовы по указке сверху, а точнее Первого секретаря обкома КПСС Билара Кабалоева, были преданы анафеме, исключая церковность данного понятия. Проблемы свободы слова и смелости в огласке существенных проблем республики, довели его, а также братьев Петра и

Юрия, до состояния, когда «изредка нет возможности купить буханку хлеба» (цитата). Также избегали тогда встречи с Ахурбеком многие из тех, кто спустя несколько лет, в пору его ректорства, даже случайную встречу с ним считали большой удачей, а другие за счастье считали с ним поздороваться. Тогда Магометовы выдержали свой экзамен, хотя, вряд ли могли рассчитывать на положительную оценку в конце испытания.

Открытое лизоблюдство, а точнее «кумиротворение» или «идолофрения» (по В. Войновичу) набирало и продолжает набирать темпы роста в современной России. Вопрос «ты чей?..», не договаривая слово «холоп», скорее комплимент, чем оскорбление. Нам бы всем изредка восстанавливать в памяти происхождение этого заразного явления, лизоблюдства: «в средние века сановные вельможи давали остатки еды со своих блюд во время пирушки доедать свите. Те набрасывались как пираньи и в буквальном смысле вылизывали блюда. А потом снова и снова в прямом смысле заглядывали в рот своему господину». Стукачество особо проявилось в Осетии в годы репрессий, а подхалимство – чуть позже, но процветает до сегодняшнего дня. Времена Губади Дзагурова канули в Лету. Как говорил Джабраил Дедегкаев, «раньше и закаты были другие».

Те же «великие помыслы» преследовали отдельных однокурсников. Один пришел к Эдуарду Васильеву Летенкову и спросил, что нужно для того, чтобы отличиться? Ответ от заместителя декана не заставил долго ждать: «Учиться». Второй, мечтающий о приеме в ряды КПСС, твердо присел на место дятла и доносил даже то, чего не было вовсе. Правда, и его старания остались вне поля зрения старших как по возрасту, так и по знанию профессиональных приемов былых лет. Пройдут годы, а эта пагубная привычка в нем останется на долгие-долгие годы. Это тот же коронавирус, подкрадывающийся исподтишка.

В поисках литературного творчества Цаголова, считавшегося и тогда народником, явился в архив Северо-Осетинского научного института, в пору тихого, спокойного и весьма интересного человека Хазби Саввича Черджиева. Фонд Георгия Михайловича оставался недоступным для широкого читателя. Только редкие публикации из многочисленных газет, не могли удовлетворить мое любопытство. Архивариус,

женщина властная и быстрая, отвечала строго. На мои дотошные вопросы вдруг вскипела, и лицо ее покрылось розовым цветом. «Сейчас позвоню куда следует, и ты узнаешь с кем дело имеешь!», – громко хлопнув дверьми, оставила меня в подвальном отсеке сырого помещения. Вскоре меня позвал директор, который со свойственной ему интеллигентностью и спокойным тактом общения, понимая меня, но ущемленный в своих правах – закон есть закон, так и не помог в моих изысканиях, и мы расстались. Рядом была дверь Харума Таказова, заместителя Черджиева. Ушел. На второй день вернулся в Ленинград.

Газетный отдел Публичной библиотеки – это храм, собравший на высоких полках всю родословную российской журналистики. Публикации «народника» Цаголова, которые на его родине считались государственной тайной, ждали меня не без удовольствия. Нехватка эпистолярного наследия, а также архивных данных из СОНИИ, чувствовались с первой страницы. Между тем, только фонд Цензурного комитета в ЦГИА (СПБ) и тысячи перелистанных полос газет, помогли одолеть нужную высоту: защита состоялась, и дорога в мир практической журналистики была открыта. Многие из нас мечтали остаться в Ленинграде, только не мы с Хозиевым. Нас влекло на родину, ибо это долг наш. Целую кучу высокопарных выражений можно привести в доказательство, но, главное, это было правдой. Оттуда, где сердце. Кто-то умудрялся быстро оформить свои отношения в ЗАГСе без какого-либо проявления любви и клятв, типа до гробовой доски. Скорее видели друг друга в гробу и в белых тапочках. Но обстоятельства диктовали поступать вопреки и наперекор. Нас это не касалось напрочь.

День вручения дипломов в Доме журналиста на Невском и клятва по подобию клятвы Гиппократа для медиков на Марсовом поле должны были состояться через две недели. Появилась свобода, которой и так было достаточно, но в новом статусе. Общежитие ходило ходуном. Мы поздравляли друг друга уже который раз. На этаже долго говорили о перспективах с Серегой Архиповым, земляком из Орджоникидзе. Светлая память. Лет пять назад, доцент СОГУ, уже написавший докторскую… Вышел из обувного магазина и на лестнице остановилось сердце. Так внезапно закончилась жизнь нашего друга, любившего по утрам входить в

умывальню в домашнем махровом халате в полоску. Такого одеяния на этаже больше ни у кого не было. Его невозмутимость и скрытая улыбка! До сих пор как живой, притом, единственный ребенок у родителей. Не раз учился и в Америке, ездил повсюду, а смерть даже не постучалась к кроткому и тишайшему Сереге.

Проходя по коридору, кто угодно и к кому угодно, любой из нас мог зайти в комнаты друзей без спроса. Так и я заглянул к Мунавару Муллочаеву. Дома никого. В шкафу за коробками соды и спичек виднелась бутылка болгарского светлого вина. О, это интересно! С видом барина из соседнего поселка, подошел к ребятам и задал вопрос, от которого и сегодня стыдно: нельзя спрашивать то, на что ответ у тебя автоматом стучится в мозг. «Ребята, может, хотите вина?»

Найти у Муни что-то наподобие бутерброда – невозможно. Пусто, как в космосе после уборки. А на сей раз, прямо буржуй недобитый, была халва, прямо как мечта Тенгиза и Казбека Мамукаева. Пока мучился, открывая вино, халвы не стало. Это в порядке вещей. Просили ускорить процесс открывания иностранного напитка. Готовы были применить челюсть, но у меня были свои планы. Наконец мои смекалка и аккуратность возымели действие, и я разлил страждущим по бокалу. Они пили, а я разводил остатки чая в чайнике с водой из-под крана. И вскоре бутылка вновь засияла фольгой на головке, полная каким-то напитком, точь-в точь по цвету с прежней «Болгарской розой».

На следующий день Мунавар, спросонья и видом обиженного мажора, предстал перед нами. Оказывается, решив воспользоваться отсутствием своей временной возлюбленной, решил пригласить чешку на чашку. Чешка проживала с отлучившейся на неделю в одной комнате, а типа «чашка чая», как замануха, уже вторые сутки дожидалась своей жертвы. Под покровом ночи поднялась на рандеву под звездное небо в оконной раме. Счастье само привалило, вот оно какое!

Стряхнув недельные крошки со стола, в темпе огненного шара открыл бутылку из своего запасного фонда, разлил в два разных по высоте бокала. Ищет халву. Ее нет!!! Ищет в другом углу. Тоже.

Вдруг слышу от нее: «Мунечка, не поняла, это что?» В ту самую секунду понял: это Валера! Только не пойму, что

он опять сотворил, – стал рассказывать Муллочаев. – Растерянный взгляд красавицы не обещал ничего, кроме расстройства нервов и желудочного тракта. Пригубив, понял все. Тысячу извинений и мольба подождать пять минут разнеслись по всему небу и первому корпусу. Бегу вниз, бужу вахтершу, прошу подождать минутки две, бегу на проспект, останавливаю такси, покупаю за последние десять рублей водку. Возвращаюсь, бабуле внизу на ходу обещаю две, вместо одной шоколадки, спотыкаюсь на каком-то этаже, падаю, но бегу. Ну, наконец-то, я открываю комнату, птичка моя сидит и ждет своего рыцаря лестничных перин и друга одного из самых хитрых дигорцев! – в это время он посмотрел на меня, еле сдерживая гримасу. Жалости почему-то не испытывая, я попросил огласить развязку.

– И что дальше? – взбодрился веселый Юсеф из Йемена.

– Налил по стопочке, протирая лоб. И тут такое: она своим соловьиным голосочком выдала: «Мунечка, ты что, я водку сроду не пила». Сказала, главное, без акцента. Вечер был обломан на мелкие кусочки халвы, оставшиеся после вашего нашествия, – завершил свою печальную повесть наш таджикский брат и сват, отчетливо сознавая, что предъява не даст ни малейшего результата.

Мы вновь смеялись над тем, что жизнь удалась. Особенно в тот момент, когда из куртки Муни показалась ночная водка неизвестного таксиста. Я поспешил на рабочую смену, а потому продолжение банкета осталось на совести творчески настроенных молодых людей, находящихся на стадии взлета помыслов и обретения своего «Я».

Будет несправедливо, если не расскажу про моего близкого друга, с которым и в студенчестве, и в период аспирантуры не один пуд хлеба разделили. Это Абдул – Маджид Шейхо Азад.

В первый год учебы меня заселили к нему. Это было по завершении трудового лагеря – колхоза в Новой Пустоши. Наслышанный о неадекватном поведении иностранцев, когда узнал к кому и куда отправляют, насторожился. Думал, как мне себя вести, чтобы с первого дня, как в местах, не столь отдаленных, «поставить себя как следует». Поднялся в 203 комнату один раз и, как оказалось, навсегда.

Настроившись на холодное приветствие, постучался и тут же открыл дверь. Меня приветствовал мужчина, старше

меня, с аккуратной лысиной и очках в позолоченной оправе. При заселении кто-то сказал: «Тебя к арабу подселяют. Ну, держись». Бросив в угол чемодан, подошел к незнакомцу и не поздоровавшись специально, спросил: «Ты араб?» «Нет, – сказал он, – я курд». Не мог не обрадоваться такому ответу, так как из предмета по истории осетинского языка, по которому профессор Харум Алиханович Таказов так и не осмелился выставить отличную оценку, хорошо помнил, какие народы представлены в иранской группе. Я произнес несколько фраз, которые также должны были звучать на курдском. «Валера», – представился я наконец. Маджид с удивлением смотрел на меня и хотел узнать, откуда мне знакомы курдские слова. К моему удивлению, он и не знал о существовании осетин. Вскоре стал изучать не только иранскую группу, но и историю осетинского народа. Мы крепко подружились с ним в тот же вечер и, как оказалось, до сегодняшнего дня.

Маджид приехал в страну развитого социализма из Бонна, где прожил десять лет, окончил академические курсы немецкого языка и свободно говорил на нем, в отличие от русского языка, трудно поддающегося не только ему. Немецкий преследовал меня с Лескена, а его русский – с аэропорта в Пулково, не зная ни одного слова на новом для него языке. Он много раз выручал меня на языке Шиллера и Гете, а я Пушкина и Лермонтова. Мы, как говорится, сошлись характерами. Третий по комнате тоже был курд по имени Хамид, студент-медик. Наши ежедневные диспуты о праве курдского народа на самоопределение переросли до ряда мероприятий в различных вузах города, где учились их соотечественники. Почти всех курдов знал. Несмотря на тенденциозное отношение к арабам, которых считали виновниками их порабощения, мне не мешало дружить и с арабами из той же Сирии, откуда родом был Маджид, бежавший оттуда в ФРГ. Скажем, высокий парень в костюме Зияд Сабсаби, который впоследствии, женившись на чеченке, приняв российское гражданство, активно занимался внешнеполитическими отношениями Чечни как при Джохаре Дудаеве, так и Рамзане Кадырове. (В течение одиннадцати лет – до ноября 2019 года он был сенатором в Совете Федерации от Чеченской республики.)

Но курды стали мне как родные. Благодаря Маджиду по-

знакомился с рядом известных курдоведов. Среди них и Канате Курдоев, автор многих монографий по судьбоносным проблемам курдского народа, в разные времена лишенного своей государственности и поделенного между четырьмя странами: Сирией, Турцией, Ираком и Ираном.

Маджид больше напоминал немца, чем восточного человека. Манеры, аккуратность и педантичность как у немцев. Пользовался большим успехом. Знал арабский лучше арабов. Публиковался на немецком, арабском и курдском языках. Скучал по своим родным в Африне, что близ Алеппо. Запомнился его рассказ о том, как утром ходил проселочной тропой в соседний поселок, в школу. Надо было проходить мимо больших виноградных плантаций, хозяин которых в это время стоял у кромки и зорко наблюдал за всеми. «Мне казалось, он думает обо мне плохо, что я сорву гроздь из его виноградника. Чтобы только он не сомневался в моей благонадежности и полном отсутствии подобных мыслей, за сто метров до него, демонстративно повернув голову совсем в другую сторону, быстро проходил этот участок дороги, – вспоминал Маджид. – Тот же прием применял вечерами, по дороге домой». Этот пример привожу неслучайно, так как он во всем был именно таким: честным и порядочным даже перед самим собой.

Что-то родное в этом и для меня тоже нашлось: по окончании восьми классов, школьники из соседнего села Толдзгуна, девятый и десятый классы оканчивали в соседних селах, Хазнидоне или у нас, в Лескене. Что туда, что к нам по восемь километров. Не успел к автобусу – пешком, хоть зимой, хоть весной. Так мы и познакомились с толдзгунскими девчатами: остроносой и хитрой Лизой Будаевой, заносчивой Липой Кадоховой, неровно дышащей к математике Марицкой Хамицаевой и нейтральной Жанной Бязровой. Два года учебы было мало, чтобы они стали ровней нам во всех ситуациях, но и чужими их не назовешь.

Хамид был молчун, но всегда застенчиво улыбался. К нам часто приходила его сокурсница, шустрая и радостная, с большой харизмой девушка по имени Фатима. Хамид был третий, а, чтобы мы с Маджидом жили в комфортных условиях, не раз намекал обоим медикам, что рождены друг для друга. Шутки шутками, а в результате Хамид ушел к Фатиме и стали жить-поживать вместе в комнате старо-

го общежития мединститута. Вскоре поженились и родился сын-красавец. Весь год Хамид был «мертвой душой», а значит не проживал, но был прописан. Наши жилищные условия заметно улучшились. Кто бы потом не рискнул заселиться – бесполезно, ибо к хорошему привыкаешь быстро и менять свои привычки не хочется. В один год, когда жили вдвоем с Гамболдом, без моего ведома, к вечеру в нашей комнате половина помещения была заставлена черными чемоданами высокого, как баскетболист, африканца.

Можете представить мое состояние, при отвисшей от удивления челюсти, и при виде горы чемоданов и горы-парня. Он культурно поздоровался, добавив дежурное «очень приятно». Я ответил, что мне «не очень приятно» и посоветовал не распаковывать вещи, чтобы не делать двойную работу. Молча внял предупреждению, а сам к Валентине Христофоровне, которой высказал все, что думаю о конфликтах международного значения с трагическим исходом. За пару минут удалось ее запугать тем, что на днях ее снимут с работы, если этот, будем толерантны, орангутанг не покинет пределы 203 комнаты. Через двадцать минут поднялся к себе, чтобы внести ясность в предполагаемые мною «дружеские», скажем так, отношения с посланцем жаркой как лава, черной как уголь, страны.

Христофоровне хотелось и дальше работать, и доживать старость в позитивной атмосфере – африканца и след простыл, как и его баулов. Одного часа кайфа ему хватило. А ко мне никогда больше никого не подселяли, отчетливо понимая, что «Мир-Труд-Май» куда выгоднее для всех сторон, чем «Свободу Анжеле Дэвис». Со злости на генеральшу Христофоровну, захотелось позитивной обстановки. С этой незамысловатой идеей оказался этажом выше у моего друга и брата из Удмуртии Георгия (Геры) Грязева и Маджида Шейхо. Григорий был гостеприимным чуваком, ныне известный писатель, книгоиздатель, журналист, большой ценитель народных промыслов и национальных танцев Удмуртии. Тут же организовал бутерброды и чай. Хорошо, Маджида не было, иначе по десять раз пришлось бы повторять одно и то же: ему всегда подробности подавай, желательно в переводе на немецкий.

Вроде как успокоился и прилег на кровать. Резко открывается дверь и мне кто-то из ребят успел сказать, что моего

земляка, Бориса Хозиева, у него же в комнате бьют вьетнамцы. Пулей на десятый этаж. Издалека видно было, что дверь у Хозиева нараспашку. Бег. А там немая сцена со стороны восьми вьетнамцев: головы смотрят под ноги, как это обычно делают на суде или перед дорогой на каторгу. По периметру гуляет ветер недоразумения. Правда, у троих кровь не хотела останавливаться, и они вытирали ее пальцами. Борис в не первой свежести майке, скрестив руки, как это обычно делают мужики, демонстрируя особое довольство при окончании строительных работ на даче. Оказывается, Боря успел кому-то из маленьких людей сделать замечание на кухне. Тот, к его сожалению, не был наслышан о потенциальных силовых характеристиках двухметрового чуда, у которого нет правых на свете, кроме его самого, любимого. Щелчок от Бориса по его глобусу и представитель Социалистического Вьетнама, видимо, попутал круглый красный фон и желтую звезду на гербе страны, под названием «Конг хоа са хой тю нгиа вьет нам». Люди они дружные, если что, так вместе. Но на сей раз их подвел даже командный стиль ведения войны. За пару минут, учуяв, что лучше сдаться сразу, чем потом избегать зеркала в конце коридора.

Чтобы сгладить траурную обстановку, я обратился к ребятам, что отныне они «под нашей защитой» и не дай бог, если кто тронет. Типа, мир и дружба до следующего массажа. Они приняли наше предложение и вскоре их ручонки по очереди терялись в лапах парня из Рассвета. Вечер одних конфликтов, хоть я называл их недоразумениями. Нравится мне это слово: подойдет все буквально и война до последнего солдата, и коронавирус двадцать первого века. Гости ушли, мы с Борисом засиделись и вдруг скрипнула дверь и показался светлоголовый и синеглазый Алексей Малахов, пугающийся собственной тени. Жил за стенкой и захотелось подробностей. Зная его расшатанную на весь коридор психику, предложил показать, а не рассказывать. В целом спокойный, как трехдневный мертвец, никому не мешал жить, но одна отличительная фишка у него была. Только у него!

Ранее он жил на нашем этаже. В коридоре часами мог сидеть на корточках Сережа Горячев за чтением книги или спортивного журнала. Один из самых добрых и отзывчивых людей курса. Природная невозмутимость отказывала ему в одном только случае: если спорили с Хозиевым на футболь-

ную тему. Никто не хотел умирать. Два любителя свободных ушей. Хлебом не корми, дай поспорить! Так вот, Сережа курил «Беломор». Папироса могла потухнуть на половине до финиша, а читатель полностью предавался грезам повествования и не замечал, пока ему не подскажет кто-то из мимо проходящих. К вечеру зачитывался спортом, а ближе к ночи его новости взрывали мозг Бориса.

Так вот, Алексей Малахов, каждый раз просил папиросу. Всегда. Горячев, при виде приближающегося Малахова, не прерывая разговор, доставал папиросу и протягивал на периметр Леши. Тот забирал и шел курить. Это действо могло повториться и не раз. Как-то я его спросил, причем, на полном серьезе: «Леша, а почему ты всегда просишь покурить?»

– А я стрелок! – тут же, не глядя, запустил по мне непонятной философской единицей.

– Не понял, – я в самом деле не понял.

– Я стрелок, стреляю папиросы, сигареты. Сам не покупаю.

И вот этот человек полюбопытствовал, что за шум был за стенкой. Другой год он жил с Грязевым Георгием и уже известным вам, Абдул-Маджидом, покупавшим исключительно «Мальборо» и исключительно для себя. Магазин «Березка» приглашал только иностранцев. Нам тогда очень хотелось стать иностранцами хотя бы на время покупок. Доллары у нас были – для понта. Но попасться с ними в магазине – прямая дорога в ближайшее отделение милиции с далеко идущими последствиями. Маджид приносил блок сигарет с ковбоем по обе стороны этикетки. Поставит на видном месте. Он все время читал на разных языках, в том числе и на русском. Вел какие-то заметки. Впоследствии писал статьи в разные журналы на Западе. Грех его отвлекать в это время. Но Алексея и это не останавливало. Что самое интересное: Маджид ему говорил, что, когда захочешь курить, бери и кури, только не отвлекай. Прямо как старик Афако из моего детства за намазом и я, по привычке спрашивающий где чашка для воды, не понимавший, что именно в эти минуты отвлекаться ему крайне грешно.

Маджид предпринял меры. Когда брал для себя «Мальборо», то для соседа по комнате покупал за свои же, конечно, деньги, связку «Беломора» из двадцати пяти пачек. От-

давал ему на здоровье, как говорится, лишь бы не отвлекал. Интересно другое: он все равно спрашивал разрешения взять сигарету, и тогда невозмутимый курд вновь и вновь умолял забирать все, что только хочет, лишь бы не мешал. «Я эти сигареты тебе лично покупаю, что хочешь, то и делай с ними – они твои». Нет, горбатого, в его случае, и могила не могла исправить. Как-то сидим с Маджидом и общаемся на курдские темы. За спиной послышался голос, то ли из ада, то ли из рая, но малаховский: «Дядя Маджид, можно…» Публицист и журналист, весь сконцентрированный на своих идеях, посмотрел на меня с мольбой в глазах и воплем из груди…

Маджид – само спокойствие. Зима. Метель свищет. Мы спали еще. Раннее утро. Стук в дверь. Я как немой, курд тоже. Это была Ламаан Ибрагим, его землячка и однокурсница, которую при заселении записали третьей в комнату ребят, решив, что Ибрагим никак не может быть женщиной. Маджид скрепя редкие нервы, обратился ко мне, как мышь в клетке: «Это Ламаан. Что ей сказать? Она хочет, чтобы я шел в университет». Ответ не заставил долго прятаться, но его надо было разжевать для только начинающегося учебу в стране его любимого социалистического строя. И разжевал, хотя Ламаан продолжала стучать то руками, то ногами. Зная невозмутимость и кротость земляка, девушка забеспокоилась за продолжительность его жизни. Я по слогам произнес для ответа землячке по фамилии Ибрагим: «Хороший хозяин в такую погоду собаку из дома не выгонит».

Наконец, крикнул поговоркой в сторону двери. Ламаан, бедная, немного постояла еще и пошла на журфак в гордом одиночестве. И так повторялось раз десять, а к тому времени на окнах засияло холодное солнце, льдинки потекли узкими ручьями, Маджид стал доставать весеннюю одежду, примеряя галстук и длинный коричневый шарф, напевая старинную курдскую мелодию…

Видимо, заметили, с иностранцами тех лет, проживающими в нашем общежитии, взгляды на жизнь расходились по многим параметрам. Большинство из них понимало всю серьезность нахождения в СССР, но было немало и таких, кого надо было отправлять в провинциальные вузы страны, скажем, в северо-кавказские, для адаптации и снижения градуса напряженности в жилах. Они понимали свою без-

наказанность и действовали при определенных ситуациях уверенно, как росгвардейцы в настоящие дни. Их и пальцем нельзя трогать, а им можно. Много перспективных ребят из многих городов Советского Союза из-за них не закончили вуз.

Помню, в первый год учебы в СОГУ им. Коста Хетагурова, во время субботника в Комсомольском парке, обратил внимание на грамотную речь водителя грузовика, сопровождающего сборщиков апрельского мусора. Расспросив, все стало ясно: учился в МГИМО, знает два языка, английский и французский. Оказывается, в период уборки прилегающей к зданию института территории, один африканец, не желающий работать, издевательски смотрел со стороны и изощренно обзывал студентов всякими-разными бранными словами. На замечание нашего земляка не реагировал. Более того, пожелал ему наняться на его плантации в Южной Америке. Но это коммерческое предложение стало для него в тот день последним: мой собеседник нанес ему удар лопатой с такой силой, что плантатор целый квартал не приходил в себя.

Был и другой случай с сыном моего друга, с которым одно время даже учились на филфаке СОГУ. Он поступил на юридический факультет СПБГУ. Общежитие на 8-й линии. Камеры повсюду, что на дворовой территории, что внутри. На его глазах парень избивал девчонку. Вы бы не вмешались? И он вмешался и его отчислили из университета. Хорошо, что успел перевестись в другой вуз и с отличием его окончить. Отец его прилетел, и мы разговорились. Мне понравилась его позиция. Он твердо сказал: «Я на месте сына поступил бы также. Пусть отчисляют, на этом жизнь не останавливается, а ему в будущем мужиком становиться, хозяином в доме и воином, если понадобится». В данном случае «иностранцем» стал наш юный земляк, но и отношение к тому времени стало другим, Союза не стало, а в России нередко принципы и правила играют против черноволосых ребят. Камеры зафиксировали все, а виноват защитник девичей чести. Он, оказывается, должен был спуститься на первый этаж, сообщить вахтеру об избиении и ждать приезда полицейской машины. К тому времени девчонку могли лишить обоих глаз или прикончить. Сколько сама девочка не обращалась к начальству, в полицию, что ее спасли от чудовища! Нет, обоих парней отчислили.

По идее, в назидание потомкам должен сказать, что будьте осторожны и, если видите, обижают девушку на ваших глазах – прячьтесь, не ваше дело. Нет, этого сказать не смею, ибо покровительственное и бережное отношение к женщине взращено у нас с детства. За ее честь могли сражаться до последнего. И это никуда не делось. В свое время отдельные русские литераторы, не дожившие до таких понятий, как глобализм и толерантность, описывали жесткие правила жизни на Кавказе, приукрашивая отдельные эпизоды, связанные с покорностью девушки-горянки. Читатели в свою очередь рисовали в мозгу картину еще страшнее, не отличая Восток и Азию. Неправда овладевает массами по незнанию, а нередко и по нежеланию знать. Между тем общечеловеческие ценности и стандарты поведения в таких ситуациях, как защита слабой половины в любых обстоятельствах, заложенные в нас с детства через кровь и плоть, оказываются куда сильнее любых законов, написанных и задекларированных на всех уровнях. За полгода до начала Октябрьской революции председатель Всероссийского съезда мусульман Ахмет Цаликов, предвидя надвигающиеся катаклизмы, настоятельно рекомендовал учитывать разнохарактерность окраин империи при будущих переменах общественной действительности. Из-за этого Владимир Ленин назвал его меньшевиком и написал, что «мы не пойдем по–ахметовски». К чему это привело видно и сейчас. Незнание друг друга и сегодня является заметным тормозом для развития новой России.

Легче усваивается любой тезис, если он подкреплен примером.

На четвертом курсе, зимой, на нашем этаже затеяли ремонт. Нас с Маджидом временно переселили на седьмой этаж. Ничего не предвещало беды. Ближе к ночи из коридора слышались громкий смех и ругательства, что особо не удивляло, хотя готовились к экзаменам вместе с несколькими томами Ленина на прикроватном столе. У соседа был свой письменный стол. Вдруг дверь в комнату распахивается от резкого удара со стороны коридора. Стоит бородатый чилиец Клаудио, молодой человек нашей соседки из советской глубинки. Делает шаг и как ненормальный встал у моего стола. Молчит. Взгляд не обещал ничего приятного. Мы с ним всегда здоровались, ничего плохого, как говорится. Он

смотрит на меня сидящего, я на него стоящего. Я взял ручку и продолжил писать конспект. Это возымело действие: ткнул Ленина. В ответ – мои добрые намерения с улыбкой до ушей. Проводил до коридора.

Минуты две и вновь та же картина и мои теплые, как пушинка, слова с пожеланиями хорошего вечера и проводы чилийца за пределы комнаты. Нет, пропустил. Теперь он вошел с зимними кроссовками в руках. Постояв минуту, грубо и уверенно, расположил на моем столе фирменную обувь. Я взял их двумя пальцами и бросил в открытую дверь, они покатились по коридору. Маджид внимательно следил, чувствуя, что его слова могут только детонировать ситуацию. Опять встал и вывел его. Только вернулся, сел за стол, он влетает. Вновь моя гробовая невозмутимость, но уже, как молчание ягнят. Лава набирала темп, вместе с Маджидом, пораженным моим хладнокровием. Стоим друг против друга. Нас разделял стол из пластика, который еще недавно стоял в правом углу кухни. Как оказалось, приватизировал до конца учебы.

Грозный взгляд и большие раздутые ноздри Клаудио вызывали с трудом сдерживаемый смех. Неожиданность для проверки моей реакции полетела в меня, прямо в лицо, вязкой слюной от оппонента, не разделявшего мой позитив и доброту из глубины веков. Тут же последовала проверка его реакции с моей стороны, результатом которого стал душераздирающий крик Маджида и грохот от падающего делегата самой южной страны в мире, расположенной всего в 900 км от Антарктики. Небось его родители в поте лица собирали ему очередной транш, дабы рассчитывать на достойную старость и уважение от их верблюжонка Клаудишечки.

Женский туалет был рядом. Забежал туда и помыл лицо. Вернулся, руки просушил и вскоре полутруп войлоком покатился по грязному коридору к торцевому окну. Ребята к ситуации отнеслись с пониманием и любезно отступили, и он, безнадега, спал как никогда. Вечер удался. Кроссовки, о каких тогда мы только мечтали, ждали своего хозяина чуть дальше.

Маджида предупредил, что его друг из Малазии, имеющий пояс по джиу-джитсу, скоро будет тут. Мы будем драться по полной и попросил не вмешиваться. Предупредил, что

скорее всего он меня побьет хорошенько, но я не сдамся ни за что. Моя практика по каратэ, куда ездил три раза в неделю на станцию метро «Академическая», явно уступала его ежегодным соревнованиям. Одним словом, весь сценарий для моего интеллигента-соседа расписал по-быстрому. Отодвинул стол к его половинке, чтобы Ленин оставался в целости. Через некоторое время высокий брюнет в красной одежде появился в моей комнате. Я вскочил. «Ты прав, мой друг – нет», – произнес он и подал руку дружбы, как трубку мира.

Через два дня меня вызвали в главное здание, в отдел по работе с иностранцами. Оказывается, не сам Клаудио, ходивший две недели с черно-желтыми фарами под глазами, а его невеста из Тмутаракани заявила на обидчика, любимого «ласкового зверька», который через год так далеко пошлет ее, что, видимо, до сих пор витает по намеченному маршруту. На моей стороне был Александр Александрович Чесанов, замдекана по работе с иностранцами, который вскоре после этого умер у доски, читая лекцию по международной журналистике. Светлая память дорогому учителю. Рассказывая про меня тогда, он убедил комиссию, что «если уж Таказов на кого-то поднял руку, то другого выхода просто не было». Так меня и оставили грызть гранит науки всеми зубами, даже молочными. Пронесло.

Но наиболее острый конфликт произошел между однокурсниками Рубеном Акопяном, Рафаэлем Авакяном и группой афганских студентов, оскорбивших русских девчат, наших однокурсниц, обесценив их достоинства до «двух жвачек». Рафик, хорошо разбирающийся в спортивной тематике, любитель поспорить с Горячевым и Хозиевым, а в целом весьма скромный донельзя, а также Рубик, как правило носивший крутую черную бороду, не выдержав столь открытого издевательского обращения со слабым полом, через минуту поставили временную точку на конфликте. Одним прямым хуком от Акопяна шесть перед них зубов Сахи-Саха вылетели в разные стороны, оставляя за собой красный след с надписью: «Язык мой – враг мой».

Через несколько минут я встретился в умывальной с афганским антигероем. Кровь прорезала новые канавки и полотенце изнывало от ее темноватого сгустка. Спросил одно: «Кто?» Ответ совсем не порадовал: «Борода». Со страху не

мог вспомнить имя обидчика, но я все понял – это Рубик. Как тут быть, оба берега свои. Правда один из них с надежным грунтом, а второй – с подозрительным. Побежал к армянам и все стало на место: запахло войной локального значения. Афганцы брали швабрами. Армяне с боксером Кареном – кулаками. Терка началась хлесткая, нередко доходившая до рукопашного боя. Мои соседи, Сахи-Саха, мечтавший о карьере актера и танцовщика, Ахмед-Али, коллекционирующий лексикон русских бомжей, а также Абдул-Малюк со сломанным носом, не полностью принявший политику Бабрака Кармаля, вдруг стали как одурманенные. Бои шли с переменным успехом армянской бригады, но вскоре прекратились благодаря нашему участковому, майору-татарину, всегда веселому, за исключением этого вечера.

Приехал куратор целевиков, человек большой, отзывчивой души, старший преподаватель Галина Васильевна Горелова, которая увезла Рафика и Рубика к себе домой на сутки. На следующий вечер «Голос Америки» передавал о начавшейся войне межу Арменией и Афганистаном. Дятлов и тогда хватало. Несмотря на отсутствие глобальных сетей, оперативность журналистики оказалась на высоте, как и реакция студенчества, вставшего на сторону армян. Со стороны ректората последовало: «Отчислить и никаких гвоздей». Тем временем письмо актива студенчества на имя Леонида Ильича Брежнева дошло до кремлевской платформы. Проректор, рьяно выступавший за отчисление наших однокурсников, прослышав про письмо Генеральному секретарю КПСС, дал задний ход. Проект приказа был уничтожен, и ребята остались в стенах университета. Так, постепенно, стали появляться редчайшие случаи оправдания соотечественников. А Сахи-Саха, который настаивал на установке золотых зубов, довольствовался простыми белыми клыками, заработанными в процессе поспешной оценки наших девчат в «две жвачки».

В лихие девяностые, когда пропало все, что только могло пропасть, а люди подавались куда угодно, лишь бы заработать, шальной удар ножом в спину в одной из республик Средней Азии лишил нас дорогого Рафика, со скромным тихим смехом, большой любовью к спортивной журналистике и мирской жизни.

Рубик вскоре стал известным общественным деятелем Армении. Он хорошо смотрелся в политике, как и политика в нем, в статном, мудром и бородатом выпускнике ленинградской высшей школы. Пройдя путь от рабочего на ПО «Диполь» в селе Камо до депутата парламента своей страны, в начале нового века долгие годы возглавлял Генеральное консульство в Санкт-Петербурге. На том же факультете защитил диссертацию и стал кандидатом политических наук. А ведь могло повернуться не так и не в ту сторону, если бы не письмо на имя дорогого Ильича… Несмотря на свое высокое положение в политике, дипломат Рубен Карапетович Акопян, остался таким же Рубиком, каким приехал в наш Ленинград. Такую ношу, как правило, не выдерживают многие, а он смог и каждая встреча полна добрых воспоминаний и очень громкого смеха.

Постепенно наступали дни, когда председатель Ленинградского Союза журналистов Андрей Константинович Варсобин должен был вручить дипломы, как путевку в жизнь, тогда еще беззаботную и счастливую, полную надежд на карьерный рост, громкую свадьбу и детей-отличников. Кстати, про одну свадьбу я так и не рассказал. А точнее про практику моих однокурсников в городе Ульяновске, родине Ленина и просроченной бормотухи. Да, и про бормотуху дворницких дней на Васильевском… Сколько всего еще…

В 1981 году летняя производственная практика у большинства студентов-журналистов проходила на редакционных и типографских площадках города Ульяновска. Почему именно там, сказать не могу. Но ежегодно туда направлялась группа из 20-30 студентов. На этот раз некоторые смогли увернуться от заманчивого предложения и уехали в свои регионы. А самые любопытные, к которым в данной ситуации я не относился, дружно собрались на железнодорожном вокзале и выехали в город, где родился вождь мирового пролетариата. Первые два дня, со слов Мунавара Муллочаева и Юры Мишанина прошли незаметно. На третьи сутки потянуло на улицы Симбирска, основанного в 1648 году. Наконец, недалеко отсюда царские войска разбили войско Степана Разина, а Суворов вез в Москву плененного Емельяна Пугачева. Пушкин приезжал сюда в гости, а по пути родился сюжет для «Капитанской дочки». Одно дело знать по книгам, другое – увидеть воочию, почувствовать

старину местности и дух местных жителей.

Старину особо нигде не смогли увидеть, а потомков настоящих русских мужиков – хоть отбавляй: по вечерам рабочий люд тянулся к трем привозным железным бочкам пива в самом большом в Поволжье городе. Люди исправно становились по змеевидной трехрядке, в надежде заполнить десятилитровую алюминиевую флягу или бутыль емкостью поменьше. Кто-то не дожидался, а кто старался уступить выгодное место за пару кружек или за «деньгу». Счастливчики, не впервой пройдя муки пивного ада, гордо выходили из очереди, ликуя от счастья. Кто-то прямо там прикладывался, как мог. Другие спешили домой на коллективный запой. Люди предпочитали пиво единственному в городе пойлопродукту, известному в народе, как «бормотуха». Такой торговой марки не существовало, но этот дешевый и доступный любому карману портвейн «Три семерки» – суррогатный спиртной напиток крепостью 15-22 градусов, единственное низкокачественное виноградное или плодово-ягодное вино заполняло полки магазинов славного города. В качестве закуски продавалась нескончаемая килька «Черноморская». На третье – рыжеватый хлеб.

В столовых поесть что-то привычное, напоминающее о недавнем ленинградском пищеблоке, было невозможно. Надо было успеть раньше полчищ мух одолеть хотя бы половину тарелки. Завсегдатаи, как правило, к пиву добавляли водочки из внутреннего кармана спецовки. Мат-перемат, во избежание внезапных эксцессов, вынуждал по-быстрому уносить ноги. Жили в общежитии, которое изнывало от плесени и дурного запаха. Держались как могли, учились навыкам основателя книгопечатания Иоганна Гутенберга и изобретателя первой фотонаборной машины в мире Виктора Гассиева.

Деньги хороши, когда их телом чувствуешь во внутреннем кармане, или хотя бы слышен звон железяк. Как-то по-особому сладко на душе, надежда на завтрашний день сменяется уверенностью на послезавтра. И так всю неделю. Но у студенческих денег особое свойство к исчезновению или к самоопустошению.

Еще неделю оставалось жить, а денег не осталось ни у кого. В голодном городе Ленина о халтуре даже думать забудь. Таких желающих хоть отбавляй.

Вечерком в комнату вошел Александр Гамов, бессменный руководитель практики. Человек спокойных нравов, лет под пятьдесят. Человек-компромисс, во всем прозрачный, в голосе и шагах в ночи. Одно сплошное спокойствие. По его тайному сообщению, через дорогу в летнем кафе намечается чья-то свадьба. Есть возможность малой группой оказаться в числе приглашенных. Шесть самых надежных, и он за главного, направились к месту торжества. Люди только подтягивались, разговаривали на улице, смеялись и курили. По заранее составленному плану действий на вопрос «А вы с чьей стороны?» страждущие должны были отвечать контрвопросом: «А Вы?» Если противник говорит, что со стороны жениха, то напрашивается уверенный ответ: «Я со стороны невесты». Сидячих мест, благо, заготовлено достаточно, лишь бы примоститься. Наконец послышался голос ведущего: «Просим дорогих гостей рассаживаться». Масса зашевелилась, народ потянулся, кто-то нехотя бросал окурок под ноги, самые культурные – в огород по соседству. Кто-то уже «готовый» поправил галстук, другой стряхнул с себя неизвестно что.

Невеста и жених определились с местами в самом начале застолья. Тамады не было. Ведущий в бабочке попросил самого старшего тоже определиться и сесть между новобрачными. Взгляд толпы автоматом пал на Александра Гамова, коренного ленинградца с факультета журналистики. Ребята получили своего во главу стола, а потому появились силы и право поддержать данную кандидатуру, как самую удачную. Смутившись и с дрожью в коленках, подчинился воле просящих. Студенческий коллектив из шести человек по-быстрому помог и остальным освоиться и не стесняться, дабы такой сегодня светлый праздник. Еще бы узнать, как звать жениха и невесту. Гамов встал. Серьезно оглядев публику, закашлялся, подчеркнув свою значимость и верховенство. Подозвал конферансье в бабочке и, видимо, спросил про Ф.И.О рядом расположившихся молодых счастливчиков. Жених долил старшему и он, наконец, начал… Издалека, из прошлого великого русского народа, от трех богатырей до Иванушки-дурачка. Народу это не особо пришлось по душе и некоторые во время речи тостующего уже пропустили по рюмочке. Минут десять Гамов держал народ на привязи. Наконец закончил доклад, и рюмка холодной водочки пропала в недрах тракта и души.

И покатило. Пацаны – будущие клятводатели и морально устойчивые личности из многонациональных окраин земли русской, больший упор сделали на трапезе. Со спиртными напитками не торопились. Вскоре одному подготовили кулек – пищевой транш для оставшихся в общаге. Через час объявили антракт, чтобы покурить, хотя за столом курили, бранились – одним словом, полная демократия по типу «Гуляй, Вася!» Гамову понравилось и даже попросил «БэломорКэмэл». Условились, что после второго антракта делаем ноги по одному, как тень в тумане, молча, по-английски. Но вскоре Остапа понесло и частые поцелуи жениха и невесты постепенно стали опускать рейтинг главного за столом. Стали раздаваться громкие идиоматические выражения. Атмосфера накалялась с каждой минутой.

– Когда за столом мужики начинают целоваться с мужиками – первый сигнал к надвигающейся буре, – вспоминал Мишанин. – Вот у нас, в Мордовии, это знак к подкрадывающейся драке, без которой редкая свадьба обходится.

Дождавшись антракта, поняли, что с нашим старшим, у которого прорезался голос до песен военных лет, справиться будет нелегко. Пойти по нужде согласился, но расставаться с такой веселой компанией не хотел. Требовал продолжения банкета. Мунавар вызвал ветерана журналистики на разговор, и они медленным шагом направились в сторону общежития. Гостям было не до кого, тем более краснощекая новоиспеченная семья только этого и хотела, чтобы закруглиться, пока стулья целы и «овцы сыты». Держась за оба фланга Гамова, вся группа вскоре оказалась в своих комнатах. Этот вечер долго еще будоражил память, как время, потраченное далеко не зря. Сытный ужин располагал к последней неделе в городе, где много зеков, старых машин и мало пивных точек.

А теперь история с бормотухой в период моей дворницкой жизни на Васильевском острове. Чистил район как студентом, так и в аспирантские годы. Для разрешения на право заняться таким благородным видом труда, мне приходилось брать справку из отдела кадров ЛГУ им. А.А. Жданова. Если ты студент и учишься хорошо, тогда без проблем на бланке чертили пару цифр: курс и период. Но аспирантам не разрешалось устраиваться на работу. Страна строго

следила за тем, чтобы каждый занимался своим делом. Но, как правило, если очень надо, то можно.

За студентов-журналистов в отделе кадров отвечала Марта Ильинична, лет шестидесяти, низкого роста женщина, с толстыми лупами в черной оправе и большая любительница шоколадок «Тройка». Зная меня как студента уже не первый год, статус аспиранта вынуждал идти на нарушение общепринятых правил.

Каждые полгода приходил за очередной справкой. Крадучись подползал к ее рабочему месту и также тихо здоровался. Садился напротив. Эти действия как знак мольбы о помощи. Молча клал на край стола «Тройку». Она открывала ящик и от легкого движения ладони шоколадка падала куда-то вниз. Поверх луп на меня смотрели глаза, полные, якобы, недовольства, типа «как вы мне все надоели», а сама «отправляла» меня в студенты четвертого курса. И так все аспирантские годы для жилконторы района на шестой линии я числился студентом-недоучкой, вечным второгодником. Начальник по фамилии Аникеев жалел меня, что никак не могу освоить полный курс четвертого года обучения.

Мне посчастливилось работать с известными учеными и деятелями культуры, с бывшими ворами и отсидевшими разные сроки в тюрьмах. Запомнился Миша с седьмой линии. Проживал с женой на шестом этаже дома, где и сегодня «Аптека Отто». Веселая семья двух неровно дышащих к русской водке людей. Пили вне работы. Когда Миша прикладывал стакан к еле заметным губам, делал паузу, будто молится или балдеет от обстановки, и залпом… Жена также, но молча. Миша был заслуженным работником культуры страны, известным аккордеонистом. В квартире, по-видимому, все уже было продано, но три музыкальных инструмента – аккордеоны разных цветов, строго смотрелись над сервантом. Как он играл!!! Вот, талант точно не пропьешь, кроме всего остального. Мы с дворником Ромой любили слушать бесплатный концерт, пока пара не вырубалась. Мой друг был стойким на данный напиток, но мог уйти в запой на неделю, будто так и должно быть.

Как-то раз Миша застал меня на работе, на Смоленском мосту. Сообщил, что Ромы два дня нет и это его сильно волнует. По пути заехали к нашему товарищу по партии, Сашке. Он тоже забеспокоился. Очухался, встал с бодуна, стал одеваться

и спросил: «Валера, а ты где химию проходил?». Я не понял, с чего такой вопрос. Хотел сказать, что в Лескене, в школе. Я полюбопытствовал, в чем дело. «Ну ты, где сидел-то?»

Дело в том, что годы сделали свое дело и я общался с ними на равных, употребляя аналогичные идиомы, жаргон соответствовал статусу и они были уверены, что за мной, как минимум, одна ходка. Ответил, что ни разу не привлекался, он мило улыбнулся и сказал: «Ладно, пусть будет так». Я тогда задумался…

Поехали к Роме, проживавшему на Литейном проспекте, в коммуналке. Дверь открыл какой-то невзрачный тип в пиджаке и одних трусах с чашкой чая в руке. Мы вошли без вопросов и ответов. Постучались к нашему коллеге и дверь сама распахнулась. Посередине, грязной во всех отношениях комнате, лежал Рома. Без признаков жизни. Миша прилег и, как сантехник слушает фановую, стал улавливать пульс. Дальше было еще интереснее: Мишкина голова на груди полумертвого, а правой рукой он что-то показал Сашке. Тот тут же куда-то побежал и вскоре вернулся с бормотухой, или как еще называли, бомбой. Бутыль недешевого портвейна и вправду напоминала авиационную бомбу времен Блокады. Открыв посудину, Сашка приподнял голову Ромы, а Миша силой зажал челюсть. Прямо с горла так называемое вино полилось глотками в рот умирающего Ромы. Отложил бутыль. Прошла минута, вторая и о чудо! Неподвижное тело шевельнулось, потом заговорило: «Толчок». Второй и третий глотки вернули его к жизни и вскоре мы оказались на улице. Так мой словарный запас пополнился неологизмом. Одним словом, как при неработающем аккумуляторе просят толкнуть, чтобы двигатель завелся. Благодаря им узнал много хитростей скрытой от рядового обывателя жизни. Они были добрыми малыми, с открытой душой, не лишенной чувства сопричастности и благородства. Только особая любовь к алкоголю мешала им жить как все.

На пятом курсе, перед государственными экзаменами, снял комнату во дворе станции метро «Василеостровская». На этом доме и сейчас висит мраморная доска П.П. Семенова-Тян-Шанского, русского географа, ботаника, государственного и общественного деятеля. В трех комнатах жили по одному. Запомнился бородатый Володя, продавший в комнате все, кроме кровати. У него была при-

вычка просить у меня в долг небольшие суммы. Я выручал, когда невмоготу было терпеть трезвый мир. Но одно «но»: скажет, что вернет десятого числа, можешь не волноваться. Точь-в-точь, десятого деньги вернет. Проверял не раз. Мог пить без устали до намеченного времени, но вернет долг вовремя. Мне приходилось много читать Маркса и Ленина, а потому он прозвал меня философом. Нередко постучится в дверь и тихо позовет: «Философ, выходи».

Наблюдая за поведением этих людей, стал понимать, что большинство из них обладают большим состраданием, чем «правильные», не пьющие и не пропускающие субботников и выходов на переборку гнилой картошки на овощебазах страны. Просящие подаяние были всегда: те же старушки, оставшиеся в одиночестве по разным жизненным причинам или одноногие мужчины в возрасте. Редко они проходили мимо них, не поделившись мелочью. Сегодня мало кто следует их примеру. Что сказать? Помните, у Шекспира: «И зверю дикому не чуждо состраданье – его не знаю я, а значит я не зверь».

Так, из года в год, трудясь и набираясь знаний по творческому ремеслу, узнавал много нового, за что безмерно благодарен великому городу великих ленинградцев, перенесших столько тягот, но сохранивших в себе порядочность и милосердие. Нередко проносимся по колее современной, технологически развитой действительности, не замечая не то, что моих героев, пусть спившихся, где-то перешедших экватор общепринятого поведения в социуме, а даже родных по крови людей, дядей и тетей, а часто и братьев, и сестер, доказывающих родство в эфире программы «ДНК» на всю страну. У первых научился доброте, у вторых как разумному и вечному, так высокомерию и позору. У первых в сердце была страна, которую никогда бы не променяли, у вторых этот вопрос открыт, как и государственные границы, издалека манящие огоньками другой жизни и других надежд. Парадокс.

Последние дни проживания в общежитии были наполнены воспоминаниями о быстро пролетевших годах учебы. Вечерами собирались друг у друга, и рассказывали о том, что было и что будет, когда полноправно станем работать по профессии.

Через год, будучи стажером-исследователем, один случай из моей практики многим из них показался бы интерес-

ным, но они уже трудились в разных концах СССР, оттачивая навыки ремесла и общественной жизни.

Шел 1984 год. Прилетел в Минеральные Воды, оттуда в сторону Лескена можно было поехать маршрутными автобусами, следовавшими в Баку, Махачкалу, Грозный, Орджоникидзе. На перекрестке московской трассы и Старого Лескена, в Кабардино-Балкарии, как правило все, направляющиеся в сторону единственного осетинского села Лескен, начинали «голосовать»: ждали попутные авто, надеясь на удачу. Особенно, когда время позднее, уже с Нальчика настигали мысли об этой транспортной коллизии. Двести километров из Минвод до названного осетинами «Касаги поворот» не пролетали быстро, скорее, наоборот, по той простой причине, что водители часто подбирали транзитных попутчиков, в надежде заработать побольше. Если в те годы в Ленинграде каждому пассажиру билет выдавался в обязательном порядке, то на Кавказе это действие до последнего считалось редким явлением. Наличность никем не регулировалась, не облагалась налогами и другими обязательствами. Что касается контролеров, то они редко входили внутрь салона, ибо прямо на ходу, чуть сбавив скорость, в сторону двух или одного стража закона летел спичечный коробок с заранее обговоренной таксой.

Многие в эти минуты оглядывались назад, чтобы вновь насладиться легкой утиной походкой толстых силуэтов, подбирающих коробок в пыли, как очередную счастливую единицу жизни, дающей не просто быстрые деньги, а прилив кайфа в жилах, благодарности Всевышнему, что именно ему дан стерегущий и стригущий одновременно контрольный пост. Полный мужчина с какой-то непонятной повязкой без надписей, нагибался, быстрота движения и никакого мошенничества, как говорится. А мы уезжали дальше и через определенный километраж данная процедура повторялась. Где-то водитель останавливался и с видом римского патриция – полноправное население – проходил до последнего ряда, не проверяя ничего и никого, но с миной человека, которому только вчера доверили охранять казну страны. За ним спускался наш шофер «Икаруса» и второй раз здоровались, где приятное ощущение бумажной банкноты в ладони проверяющего отчетливо проявлялось в его внезапной милой улыбке. Водитель отвечал взаимностью и глаза

горели желанием продолжить путь к попутным «зайчикам». Казнокрад и ее страж в одном лице гордо смотрел на нас, как на плебеев – типа московской лимиты или «понаехавших»). Наш рулевой хлопал массивной дверью автобуса, ругался в адрес мздоимца минутной давности и набирал скорость, дабы другие джигиты не подобрали его 20 или 50 копеек.

Тысячелетия прошли с основания Рима, а правила остались, видоизменяясь в пользу контролирующих органов, а не населения, человека-кормильца. Весьма интересна жизнь обычного работяги: в день зарплаты будто воздух подали, задышал полной грудью, мечты уносят в торговый центр за сапожками для жены, за кроссовками пацанам и куклой для дочери. Правда, через сутки-двое мечта начинает изменять и тебе, и себе: больно накладны такие расходы. И ты возвращаешься на круги своя, покупая немного мяса и чуточку мороженого. Проходит несколько дней и уже мысли про аванс, чтобы дотянуть до зарплаты, а там вновь по замкнутому кругу. Эта система при Сталине и с коррективами Брежнева была жизнестойкой, имеющей ряд существенных преимуществ, таких как ежегодное снижение цен на ряд товаров. Сегодня же – кабала, на которую молится рабочий два раза в месяц…

Попросил остановить на повороте. «Икарус» нехотя тормозил время и деньги. Я сошел на землю кабардинцев, предки которых в свое время – в середине девятнадцатого века, за хорошие казенные деньги уступили дигорцам земельный надел, на котором и зародился Лескен, в 12 километрах отсюда. Вот почему он является границей Осетии и Кабарды. Если правильно, то Кабардино-Балкарии. Добрые работяги плодородных земель, не то что осетины, издревле привыкшие к кочевому образу жизни, мало уделявшие выращиванию каких-либо культур. Так повелось, что и сегодня помидоры, огурцы, арбузы и абрикосы у нас ассоциируются с ними, аккуратно ухаживающими за полями, снимающими богатые урожаи и оптом продающими осетинским торговцам как по дороге в Орджоникидзе, так и на рынках города. Отличительная особенность, объясняющаяся традицией седьмого пота на лбу и заслуженной мздой за труды.

Остановка «Касаги поворот» (Касаг – на осетинском Кабарда), страждущий нежилой индивидуум из бетона и ды-

рами на боку, и в тот поздний вечер не изменил себе. Ни души. Кругом полутемнота. Близость московской трассы придавала оттенок жизни: со скоростью пролетавшие мимо большегрузы отгоняли нехорошие мысли. Идти пешком бессмысленно, так как время совсем не для прогулок. Через час, издали, со стороны Второго Лескена, послышался прерывистый звук мотоцикла. На трехколесном транспорте после короткого знакомства с четырьмя подвыпившими кабардинцами – моими сверстниками, стал пятым. Развернулись и поехали. Теплый воздух становился прохладным. Было здорово гнать под восемьдесят с веселыми ребятами. Доехали до их села. Там попрощались. В пяти километрах маленькое село Ерокко, оттуда до моего Лескена рукой подать, примерно 5-6 километров.

Через час прошагал до самого края села, откуда только темные леса и поля до моего дома. Полночь. Пошли первые минуты нового летнего дня со звездной крышей и отдельными звуками, доносящимися от последнего дома. Взвесив все «за» и «против», рассчитав возможные риски, больше связанные с редкими волками и частыми шакалами по пути, однозначно пугающими меня до дрожи по всему телу, встал на окраине и думал ни о чем. Попутных машин в это время уже не было напрочь. Всю дорогу сопровождал только лай домашних собак и поддакивающих им гусей, спасших в свое время Рим. Мысли закончились, как и надежда на благополучное шествие с сумкой, где подарки родителям и, как всегда, соседским детишкам.

Из последнего саманного дома, что слева, раздавался редкий звук молотка. Подошел к нему. Постучался. Хозяин ремонтировал грузовой ЗИЛ. Поздоровавшись, тут же представился: «Я сын Дзантемира Таказова из Первого Лескена. Учусь в Ленинграде. Прилетел поздно. Боюсь дальше идти». Во время отчета четко прослеживалось, как он сейчас предложит мне ночлег до утра, и как всю ночь не уснет от страха, боясь что я вор или убийца, и как жена его лишится сна, ругая за опрометчивый поступок. Чуйка в таких переговорах до сих пор не подводила. Видя почти растерянные глаза и молчание, чтобы не вводить в недоразумение самолюбие, не дожидаясь ответа, продолжил: «Ну, ничего, в центре села заметил свет в окнах. Сейчас вернусь к ним. Вам успехов, извините».

Это тот случай, когда и ругать некого, но воспитанный в иных традициях гостеприимства, учась этому на примере своего отца, с одной стороны, поражаешься безучастию хозяина дома, с другой, оправдываешь его, ибо кто я такой, некто дигорец в ночи и только. Моего отца в Ерокко знали многие, он оказался не в их числе, а может сделал вид, что не слышал о нем. Мне вспоминалось, как в детстве постучались к нам такие же незнакомцы – ингуши, возвращавшиеся с охоты из Ташлы-Тала, балкарского селения, окруженного лесами со всех сторон. Отец вышел к ним и сказал, чтобы заходили в дом, где можно и поговорить. В таких случаях считается большим неудобством и неуважением к путнику, если не предлагаешь войти. Как только вошли в так называемую гостиную, состоящую из пристройки к основному жилищу, дому из трех комнат, Дзантемир произнес: «Гость – гость Всевышнего. Располагайтесь». Через минуту мать накрывала стол. Я вышел к гостям и стал обслуживать старших. Через некоторое время отец взглядом дал понять, чтобы мы уходили. И у них начался мужской разговор. Они, оказывается, охотились и запоздали. Бензин на исходе и заправиться в то время и ночью – просто нереально. Остались на ночь. Утром, позавтракав, совершив намаз вместе с утренней зарей, уехали в Назрань. Мы как-то с отцом были у них в гостях в Назрани. Запомнилась большая толкучка спекулянтов с товарами прямо на земле.

Это был не первый и не второй случай, когда пример отца учил меня без конспектов и учебных пособий обычной человечности.

Я направился обратно, в центр Ерокко. Свет в окнах по-прежнему продолжал гореть в единственном доме. Постучал. Вышел высокий парень, по чертам лица не похожий на кабардинца. Стал объяснять, но он прервал, сказав: «Пошли, сядем, поговорим». Многоголосье в других комнатах говорило о гостях откуда-то издалека.

Его звали Автондил. Турок-месхитинец. Месхетинцы были депортированы в среднюю Азию в сороковые годы XX века. Только в конце семидесятых годов им разрешили переселиться на Кавказ. У нас в селе тоже было двадцать четыре семьи, дети которых в настоящее время говорят на дигорском так же свободно, как и коренное население. Трудолюбивый народ. В первые годы развала социализ-

ма, практически весь коллектив совхоза имени Ленинского комсомола, от директора до трактористов, состоял из турок и курдов – мухаджиров (переселенцев).

Автондил угощал на скорую руку: арбуз и патыри (лепешки) из Узбекистана пришлись весьма кстати для изголодавшегося желудка. Предложил алкоголь. Отказался, конечно. Поняв причину столь позднего стука в их дом, стал извиняться, мол утром рано в аэропорт, в Ленинград надо лететь. Сказал, что я оттуда прилетел и что учусь в университете. Я спросил, где он остановится. Вскоре пришлось объяснять, что без командировочного удостоверения ни одна гостиница не поселит его. Тут же достал ключи от комнаты на Васильевском, где жили вдвоем с аспирантом Аланом Караевым (ныне доктор наук, профессор). Объяснил, как доехать, и чтобы не волновался, пусть живет, сколько нужно. Вот как мы выручили друг друга. Но это не все: стал рассказывать, что в газете «Труд» прочитал заметку о новом способе лечения раковой опухоли. У отца оказался именно этот самый ядовитый недуг всех времен. Достал газету из чемодана. Автор Дмитрий Струженцов, собственный корреспондент «Труда» в Ленинграде. Два года практики в его офисе во «Дворце труда» стали настоящей школой жизни. Мы с ним сдружились очень. 17 октября 2019 года ушел от нас на 95 году жизни.

Автондил не знал, как найти автора заметки, а я в уме держал и рабочий, и домашний номера телефонов известного журналиста, моего преподавателя. Добро не забывается и человек, приютивший меня, получил ответы на свои вопросы. Пробыл в Ленинграде неделю, встретившись со Струженцовым, сдружившись с Аланом, вернулся в Ерокко. Больше мы не виделись.

Автондил постелил мне во втором кирпичном доме, где стопка из 15 матрацев была всегда кстати. Через минуту умиротворился и спал легко и просто. Первые попутки в сторону Лескена разбудили в шесть утра. Моего спасителя уже и след простыл: ему в Ленинград, да поскорее. А я сел на попутный грузовик и через несколько минут постучался в свой дом. Родители обрадовались. Отец приготовился идти в лес за нашей коровой, которая умудрилась отелиться где-то там далеко, где вполне могут водиться волки. Времени на любезности не оставалось, и мы с Дзантемиром поспешили

за кормилицей. Отец боялся, что хищники могут опередить нас, а потому шел быстро, по-военному. Через некоторое время нашли их. Новорожденный, естественно, достался мне, что ничуть не обрадовало после ночных скитаний по кабардинским селам. Отец погонял корову, а я догонял с живым грузом на руках. Тяжесть неимоверная. Но как я мог подать вид? Никак. Это стыдно. Один-единственный привал за все время еще больше прибавил усталость и желание просто лечь и отключится. Через десять минут в путь. Несколько километров такого счастья никому не пожелаю.

Однажды Дзантемир остановился, посмотрел на меня и сказал: «Небось думаешь, почему я тебе не помогу? Пройдут годы, и ты сам поймешь». Не раз вспоминал эти слова. Пока мы молоды и кость растет, жалеть особо не надо. Будущее предъявит свои экзамены, где наряду с развитыми извилинами, нужна физическая сила, наработанная в молодости. Чтобы могли постоять не только за себя, а за семью и за родину. Он был прав.

Через две недели я вернулся в Ленинград. Продолжил путь, ведущий к сегодняшнему дню. Пройдет много лет, вернусь домой на четыре года. Буду работать в Северо-Осетинском госуниверситете деканом факультета журналистики. Однажды, вместе со своей семьей решил поехать в город не как обычно, а через Ерокко. Без труда подъехали к тому дому, где так сладко ел арбуз и также сладко уснул до утра. Мне очень хотелось увидеться с Автондилом. Вышел новый хозяин дома. Оказывается, после того, как похоронил отца, вместе с домочадцами уехал навсегда в Турцию. Соседи тоже не знали, в каком городе живет. Впоследствии так сложится, что в течение нескольких лет тесно сотрудничал с коллегами из Стамбульского университета и ряда турецких телерадиокомпаний. Каждый раз, когда прилетал в бывшую Византию, глаза частенько не слушались меня, они искали знакомые черты того самого Автондила, которому до сих пор хочу пожать руку и сказать «тэшекюр» («спасибо» на турецком) … Кто знает, может когда-то он сам постучится в мою дверь и попросит помощи. Как я буду рад!!!

1983 год. Подошло время вручения заветных дипломов. Председатель Ленинградского Союза журналистов Андрей Константинович Варсобин в торжественной обстановке, в актовом зале Дома журналиста, вручал столь заветный до-

кумент, называя каждого по фамилии, имени и отчеству. Как сегодня помню, с какой радостью и большой ответственностью крепко пожал руку известного в стране человека. Всем казалось, что именно на нем делал акцент при этой процедуре. Сегодня сознаю, что все для него были равными, только мы были другие, понимающие важность не только события, но и свою ответственность перед Родиной, профессией и читателями. Не как сейчас, не так искусственно. Многие и на вручение не являются и только к осени приходят в архив, чтобы расписаться в журнале, как за сухой паек или килограмм сахара. Много чего поменялось не в лучшую сторону… Об этом потом.

Особо дружной группой считались так называемые целевики, кому посчастливилось стать посланцем республик СССР, достойно представляя малую родину в большом мегаполисе. Все настроились на работу. Особых проводов друг другу не стали устраивать. Было немного грустно, что уже долго не свидимся. Только память не даст забыть. Еще не раз будем вспоминать истории, о которых поведал и не поведал тоже, в силу разных причин. В те годы можно было бы про все, но спустя десятилетия, у всех уже взрослые дети, которым отдельные, далеко не всегда положительные детали про отца или мать лучше не знать. Да и все мы не без греха. Но самое главное и характерное мимо памяти не проскользнуло.

Недавно мой дорогой друг и коллега, журналист-международник Олег Цаголов по-дружески захотел проверить, как это я могу помнить такие детали событий, которым уже под шестьдесят лет. До Олега тоже несколько моих однокурсников спрашивали о том же самом. Не могу ответить на этот вопрос, но предполагаю, что это благодаря моим героям, которых запомнил в определенных ситуациях. Как они показали себя, что в это время подумал о них… И память заносила их в отдельный файл. Многим тогда хотелось задать вопрос, как тем же соседям – старикам, вечно рассказывающим случаи из прошлого, но традиционный уклад, ограничивавший некую вольность, особенно при старших, заставлял только молчать и думать про себя.

Мельчайшие детали из детства прочно осели где-то внутри меня. Например, когда я только стал понимать, что, существует школа и рано или поздно сам пойду туда же, то

есть примерно в мои три года, дядя Муртазбек сгрузил у нас во дворе саженцы плодовых деревьев с целью продажи. Сидел вдали, но хорошо все видел. Как сегодня помню, среди группы покупателей была мать моего ровесника с другой улицы Хабеба Цамакаева с мужем Андреем. Они ничего не купили и медленным шагом направились в сторону ворот. Но, вдруг, Хабеба повернула голову влево и еще раз посмотрев на гору саженцев, сморщилась, потом резко показался ее язык – явный признак несогласия с чем-то или скрытой злости на кого-то. Тогда про Эйнштейна не знал, было бы что сравнить. Удивился, почему она так сделала? Полностью могу обрисовать гримасу соседки, цвет лица и даже походку.

Два раза ошибся в именах. Поправили ребята, молодцы. Всем, кто указывает на мой недочет – всем респект. Я против непризнанных гениев – любителей обижаться на замечания. Я из другой бригады.

Многие хотят мои опусы видеть отдельной книгой. Не было такой идеи, но теперь и сам задумался. Пишу по утрам и тут же выкладываю. Придет время, когда хороший литературный редактор оседлает рукопись и удивит нас многими существенными правками. Только тогда можно отдавать в печать.

Часто в воспоминаниях фигурирует Борис Хозиев, а как же иначе, мы вместе приехали, жили в одной комнате, учились. Много времени проводили вместе. Как и другие целевики: если увидел на улице Мишу Васютова, значит где-то рядом Женя Рочев. Они приехали из Коми. Первый всегда спокойный, сосредоточенный. Помнится, перед отправкой на военные сборы Мишанин, Муллочаев, Буянкин и я постриглись под ноль. Оделись в строгие костюмы с галстуком и пошли в ресторан при гостинице «Пулковская» отмечать предстоящее событие. Кажется, один из нас не постригся – это был Миша Васютов, обладатель строгих правил и трезвого ума. Женя – душа нараспашку, свой среди всех и громкий смех – вот основные его характеристики. С ними еще один приехал из заснеженной республики с наглыми комарами в летний зной. Звали Лешей. Вот он был совсем другим. Находясь в комнате, мог достать из тумбы бутылку водки, спокойно налить рюмку, аккуратно отрезать кусочек сала в расчете на себя любимого… Единоличник, каких

было мало. Даже на учебу ездил один. Землякам за него было неловко.

А братья-таджики из разных курсов вместе под настоящие восточные подколы, солянкой спешили в храм науки. Таджиков всегда отличает несравнимое добродушие. Меня привлекала Средняя Азия и я не раз бывал и там, и в Узбекистане. Прошел ногами почти все республики, будучи студентом в Северной Осетии и в Ленинграде. Летом было куда интереснее, но и зима не останавливала. Из Душанбе как-то вылетал в Бухару. Зима была настоящей. Холодно как на севере. Сели на Як-42. Начался настоящий метель. Ветер был таким крепким, что самолет вскоре остановился, кряхтя тормозами. Все покинули борт.

Не зная, куда путь держать, обратил внимание на группу молодежи из девяти парней и девушек. Смекнув, что они местные и наверняка что-то решают по проблеме, спросил, как быть. Предложили присоединиться и ехать на железнодорожный вокзал. По пути я стал главным. Их паспорта оказались у меня вместе с деньгами на билеты. Взяли на ночной. Ждать три часа. Поступило предложение поехать к ним в поселок Южный, примерно в 10 километрах от вокзала. Согласие поступило немедля.

Мы приехали в большой красивый дом-офис «Евангельских христиан-баптистов» – основной конфессии, придерживающаяся баптистского вероучения на территории многих стран. Хозяин, человек пожилой и грузный, порадовался всем. Сам был русским, а жена казашка. Это был один из самых больших в республике евангельских центров. Накрыли стол. Приняли какую-то непонятную мне стойку, тихо проговаривая молитву. Поели здорово. Познакомились. Спросили кто я по религии. Ответил, как есть: «Из мусульманской среды. Правда, мало отличаюсь от других форматов, так как не соблюдаю никаких религиозных традиций, кроме общечеловеческих». Вскоре старик позвал в большие богатые апартаменты и стали говорить обо всем. Запомнился один аргумент в пользу существования Бога. «Идет человек по дороге, вдруг падает и умирает. Все при нем. Глаза, уши, руки, ноги – все на месте. Это душа его покинула, тело осталось», – рассказал главный баптист.

На прощание назвал адрес такого же центра в Орджоникидзе, на улице Ноя Буачидзе (ныне Коста Хетагурова),

кажется. Мы благополучно сели в вагон и всю дорогу молодежь пела псалмы. Одна из девушек оказалась осетинкой, по фамилии Канукова. Знала два слова на родном и то, что они из Эльхотова. Мать русская, отец-осетин. Поезд прибыл в Каган, в десяти километрах от Бухары. Я остался в Кагане на неделю и объездил окрестности Узбекистана вдоль и поперек. Это была вторая поездка в эту республику. Брат мой, Юра, проживал там и тремя годами раньше, в мае 1977 года, поехали в Караул-Базар к лескенцу Караеву Таймуразу (прозвище Маршук), у которого в тот день родился мальчик по имени Алан. Через неделю отец признался: «Не знаю, кем вырастет, но ест за троих – это точно». Пройдут годы и Алан станет всемирно известным силачом, спортивной гордостью России.

Жалко было расставаться и с туркменами, хлебосольными друзьями, с кем все годы делили радость и сессионные недоразумения, с Жанной из Ташкента, Лелой Меримовой и Умаром Гаджиевым из Дагестана, Кареном Маркаряном, Мишей Кузьмицким и его девушкой Ириной, с неразлучными Рафиком Авакяном и Рубиком Акопяном, мордовскими братьями, особенно с Колей Пинясовым, удмуртскими девчатами Ренатой, Лидией и Светой, комичанами, ленинградцами и иностранцами… Но жизнь ведет каждого разными дорогами. Великий Ленинград дал нам по путевке с надписью в будущее: «Жизнь полна загадок».

ОРДЖОНИКИДЗЕ

Летом 1983 года мы с Борисом покинули город молодости, жарких споров и бесконечных историй обо всем на свете. Когда я приехал в Ленинград весил 57 килограмм, по окончании цифры поменялись местами. И через несколько дней, поняв, что в редакцию «Социалистической Осетии» не устроиться никак, стали штатными сотрудниками республиканской газеты «Растдзинад» (Правда). Для меня это была вынужденная необходимость, так как отчетливо понимал, что писать на иронском языке я вряд ли смогу. Хорошо помню, как в первые дни моей корреспондентской деятельности, заместитель редактора Сулейман Тегаев вызвал к себе и по-отечески сказал: «Тебе надо в «Соцосетию», но туда нужен русский». Этим самым русским стал Серега Архипов, наш однокурсник и большой друг.

В те годы существовали разнарядки как по профессиональной принадлежности, так и по национальной. В члены компартии для карьерного роста, естественно, также была установлена шкала благонадежности и своеобразная квота: двое русских, один осетин, один ингуш. Преимущество отдавалось мастерам машинного доения – доярам, механизаторам и рабочим из заводских, литейных цехов. Одним словом, политическая проституция – другой еще не было, но она уже дышала в затылок страны.

В «Растдзинаде» чувствовал себя профаном в прямом смысле этого слова: заметки, написанные мной на непонятном осетинском, подвергались скрупулезному лексико-грамматическому облучению со стороны начальника отдела Хасана Малиева. Всегда взбадривал, мол все получится. Но я-то понимал, что думаю исключительно на русском,

на худой конец – дигорском, никак не иначе. Это недобровольное самоизнасилование, как нынешняя самоизоляция, долго не могло продолжаться. Хасан знал, что осенью или моих ног в редакции не будет, или не будет самой редакции. Большее предпочтение, естественно, отдавалось первому, что сильно радовало. Дигорской газеты не было, иначе пошел бы туда устраиваться. Парадокс заключается в том, что хочу написать вместо дигорской – «осетинской газеты», но тогда получается еще больший маразм: получается, я не мог писать на осетинском? Но я мог и сейчас могу. На осетинском, то есть на дигорском. С другой стороны, не могу писать на иронском, а значит не могу на осетинском. Так что, не в обиду всем читателям, особенно тем, кто скрывается под высокопарными иероглифами вместо имени и фамилии, называющими меня «иронафобом». Лучше себя на мое место поставьте в разрезе этой проблемы и подскажите, как я должен выразиться.

Двухмесячные истязания собственного тела и не только, благополучно завершились. Начались другие мытарства, богатые общекавказской колоритностью и ментальными ухищрениями, которые оставили заметный след в моем архиве, что на плечах. Борис печатался, ибо язык для него был материнским, а для меня нет, конечно. Это реальность. И не собираюсь ни перед кем оправдываться в этом вопросе. Мать родила и обратилась мягко «бадола», как и к деткам-иронцам: «хъабул». Это наше богатство, а его надо беречь, несмотря на отсутствие иного звона.

В Ленинграде нам выдали характеристики-рекомендации в аспирантуру. На двух страничках формата А4 уместились наши победы, без указания на поражения. Это была единственная надежда спастись от своего графоманства и бездарности как журналиста издания с громким названием «Растдзинад». Борис Хозиев ныне является главным редактором именно этой газеты. Все возвращается на круги своя. Боря всегда владел иронским языком хорошо, я же – отвратительно.

Поговорил с моим двоюродным дядей – гуру иронского и дигорского языков, Харумом Алихановичем Таказовым. Просьба была одна: «спаси-сохрани», только не современный мем, а душераздирающий возглас из глубин сердца. Просил встретиться с ректором университета Ахсарбеком

Хаджимурзаевичем Галазовым и объяснить ситуацию, представить нашу рекомендацию. Кто знает Харума, тот уже догадался и жалеет меня, мол, не стоило тратить свое драгоценное время. Дядя и на этот раз не изменил себе. «Приду к Галазову. Он скажет, вот за брата ходатайствует. Неудобно», – тихо, как в преисподней, произнес главный у Таказовых человек. Согласился с ним полностью, только один вопрос до сих пор не оставляет в покое: «А за старушку Гуче или хромого Бидже из моего детства он пошел бы просить? И почему должен был Галазов удивиться, что брат помогает брату? Представляю картину в кабинете у ректора: «Харум Алиханович, вот если придешь просить за Дурдымурдыева или Гельдытачева, решу вопрос тут же. А вот за Таказова, и как тебе только не стыдно!»

Когда меня загоняли в угол такие как Тамерлан Гуриев, начинал думать своей головой и напролом идти куда угодно и к кому угодно. И это оказалось правильным решением. Сентябрьские заботы на факультете не помешали декану филологического факультета Светлане Зелимхановне Габисовой-Цуциевой внимательно послушать меня. Набрала приемную Галазова. Секретарь Марина подтвердила, что ректор на месте. Мы пошли вместе. Декан Габисова, у которой я получил свою первую оценку по двухбалльной системе проверки умственных извилин, второпях шла решать мой вопрос. Проблема была во внесении в протокол заседания ближайшего заседания университетского совета нашего с Борисом вопроса о целевом направлении в ЛГУ им. А.А. Жданова для продолжения учебы в качестве стажера-исследователя. В случае успешной сдачи экзаменов в аспирантуру можно было остаться в Ленинграде еще на три года. Но, хорошо понимая, что наряду с обычными есть и подводные камни, в виде завистников и самоедов (самоедство для нас, осетин, как отче наш для христиан). Должен оговориться, случались исключения.

Светлана Зелимхановна, невысокого роста женщина, от которой на расстоянии чувствуешь интеллигентность и аккуратность, спешила помочь мне. Такое не забывается. Зашла к ректору, высокому осетину из нартских сказаний, прекрасному знатоку русской словесности, мудрому человеку. Он и говорил, будто боится чем-то обидеть. Между тем чувствовалась мощь. За таким, обычно говорят, в огонь и воду.

Я остался в приемной и было время представить ситуацию на будущее: ректор дает добро, на совете все припишут Харуму Алихановичу, как моему «торпедо», многие сильно захотят не согласиться с мнением Галазова, но скрепя сердце и кое-что еще, проголосуют за меня. Или второй, не менее интересный по своему содержанию сценарий: увольняюсь и уезжаю из республики как можно дальше. Перепрыгнув Кудыкину гору в Великих Луках, оказаться там, где можно работать журналистом – это Москва, куда стекаются все потоки, как людские, так и партийные, финансовые. Был еще третий вариант для малодушных – суицид и вечная дорога в один из небесных форматов. Но это не для меня в любом случае. Пожил мало, а хочется как! Да и Кутлыев Тачгельды Кутлыевич не поймет мой опрометчивый поступок…

И вдруг дверь открылась. Я вскочил. Голубоглазый, светловолосый богатырь с добрыми чертами спросил: «Вы – Таказов?» Мне показалось, что ответил, как в армии: «есть!» «Я буду поддерживать Вашу кандидатуру!» – это были слова надежды, а скорее, уверенности в победе. Этот шаг мне нужен был как никогда. Светлана Зелимхановна радовалась не меньше нас. К тому времени подошел Борис, и мы начали собирать документы для заседания. В мозгу слышался стук колес и смех из разноликого общества, проживающего в первом корпусе городского студгородка.

Вскоре мы вернулись в наш город. Для меня он город друзей – дворников, бродячих собак и настоящей русской интеллигенции, у которой так хотелось еще поучиться…

Стажер-исследователь – это то же самое, что подготовительный класс в школе. Вроде ты аспирант, а вроде и нет. Скорее нет, потому что впереди еще больше книг и сложных экзаменов на проверку личности, являешься ли ты кем-то в мире знаний или нет. При всем спорном содержании отдельных черт советской власти, отбор заслуженных велся всегда. Блат был даже при Цезаре, но ты должен доказать поступками, что стоишь этого внимания. Скорее это было республикой, нежели диктатурой, учитывая, что полной свободы не существует, а есть только форма ее определенной достаточности, значит и неполноценности.

Страна предоставляла много возможных вариантов для становления личности, не скупясь на безвозмездность вложенных средств, ибо впереди была жизнь во славу своей

семьи и государства. При отчетах и докладах с трибун, эти понятия озвучивались в обратном порядке. Был теплый обман, который устраивал всех. Вперед под знаменем Ленина – без проблем. Какая нам разница? Лишь бы социальная гарантия сохранялась веками, беззаботно оставляя распахнутую настежь дверь. О выстрелах в ночи и говорить нечего – это бы прозвучало на весь город. Помню, в автобусе-«гармошке» под номером семь, старушки шептались, мол вчера в городе кто-то слышал выстрел.

Старушки того времени – это отдельная тема. Больше всего их было в длинных очередях в Гостином дворе или Пассаже, чуть меньше в ДЛТ – Доме ленинградской торговли. Кстати, как мне рассказал мой большой друг и известный журналист Сергей Ярошецкий, первое название магазина ЛДТ – Ленинградский дом торговли. Но вскоре первые две буквы пришлось менять местами, так как изначальный вариант – аббревиатура ДЛТ многие горожане расшифровывали как Лев Давидович Троцкий. Нет, чтобы сразу додуматься до ДЛТ – Дома ленинградской торговли.

В советские годы в город на Неве приезжали не только посмотреть архитектурные красоты, но и за покупками. Отряд так называемых экскурсантов метался между тремя точками – Пассажем, Гостиным двором и ДЛТ. «Гостинка» отличалась колхозными правилами или вовсе без правил, теснотой и отсутствием вентиляции. Пассаж – женский рай, от колготок до меховых шуб в летний зной. ДЛТ специализировался на детских товарах.

Кстати, ДЛТ и в годы войны не прекратил работу, продавая товары из Пассажа и Фрунзенского универмага. Сами работники жили здесь же, а через дорогу, на крыше здания дежурили расчеты ПВО.

Каждое утро мой маршрут следования до Публичной библиотеки, что рядом с Гостинкой, наполнялся новыми эмоциями от говорливых старушек в спортивных кедах, повидавших виды на своем веку. Если бы они могли говорить! Были и другие кеды, отвечающие духу времени расцвета социализма: цветастые и без дыр. Так привык к свежим новостям от бабуль, что заранее знал, кто войдет на следующей остановке: то ли сплетница. не ладившая с соседями по коммунальной квартире из четырнадцати комнат на углу Большого проспекта и первой линии. Годы спустя, случайно

оказался и в этой квартире: у земляка там комната была, в которой жил его племянник и решил наведаться. Увидел ту женщину с автобуса, вечно недовольная, особенно данной обстановкой.

Не заметил, чтобы кто-то ругался, но одной, хоть и большой, кухни, было маловато, как и двух сортиров, с исписанными дверьми и стенками в номерах телефонов. Кто-то просил заткнуться, прося сделать музыку потише, хотя музыки вовсе не было слышно. Чья-то собака, давно потерявшая сторожевой инстинкт, смотрела на меня как на дурака, мол, ты ничего не попутал, как тебя занесло сюда. Земляк, человек взрослый и очень добрый. По пути в комнату племянника, здоровался со всеми, кто встречался. Кто-то отвечал взаимностью, а одна женщина с папироской в руке громко, будто так и должно, послала его на ходу по обычно укоренившемуся в сознании россиян маршруту. Он обернулся и приложил указательный палец к губам, мол, не обращай внимания. В Осетии бы она уже лежала в судорогах за такое «доброе и насыщенное колоритом» приветствие, после чего по утрам бы честь отдавала и провожала до остановки.

Земляка все звали почему-то Борис Борисычем, хотя имя и отчество далеки были от Борисов. Родом из Сурх-Дигоры, Батырбек Саракаев, давно ставший ленинградцем, заведовал отделом у проректора по поселению Вадима Полонского. Все его принимали за еврея почему-то. Говорил без акцента на русском и дигорском. Много лет спустя, ездил к нему в двухкомнатную квартиру в Приморском районе. Все собирался обменять ее из-за малой кухонной площади.

Старушки-пенсионерки в большинстве своем выходили там же, где и я – у Гостинки. Расходились на две стороны – одни в Пассаж через подземный переход, другие – в бок Гостиного двора, откуда «выбрасывали» импорт. Понятие «выбросили» знакомо было даже детям: у оконных проемов в трех-четырех местах выстраивалась очередь на авось. Вдруг что «выбросят». Могли продавать колготки по две пары в одни руки, зимние сапоги на меху, когда на улице собаки с высунутыми языками делали круги с деловым видом. Или те же самые трусы мужские или женские, кофты и свитера. Что интересно, покупали все подряд. Ходовые размеры заканчивались мгновенно. Большие размеры тоже

шли хорошо, ибо «пихнуть», то есть перепродать не составит большого труда. Спекуляция в таких мелких размерах считалась скорее жизненным навыком, чем преступлением. Хотя и тогда сержанты – стражи порядка, могли подзаработать на лапу за милую душу. Это не было еще хаосом, а только мелким бардаком в порядке вещей. Роль бабуль состояла в другом. Они становились в очередь и если удача не пролетала мимо, как ворона, какающая на лету, то день прожит не зря – подходили к молодым людям, что в полукилометре от ее «законного места», и выставляли коммерческое предложение по экономии времени и нервов: место в двадцати метрах от заветного «окна изобилия» стоило 10 рублей. Многие соглашались и повышали свой статус в глазах своей девушки или любовницы, хотя вторые в таких местах не появлялись – партком зорко отслеживал поведение «строительниц коммунизма».

Немало в очередях стояло кавказцев в черных лайковых плащах, как в отличительной упаковке горцев Северного Кавказа и Закавказья. Они портили настроение большинства страждущих спекулянтов. «Понаехавшие», впоследствии ставшие «лицами кавказской национальности», умудрялись платить старушкам на пять рублей больше, но при условии приобретения товара самими же. Получалась комичная картина советской эпохи: молодой красавец покупал две пары чулок, больше не разрешалось. После него отряд из двадцати старушек брали еще сорок. Вот вам и коммерция в одни руки, монополизация то бишь. Тут же начинали тянуть межнациональную струну, мелодия которой и сегодня слышна, меняя форматы и нанотехнологии, нередко становясь хорошим политическим товаром «не корысти ради, интереса для».

Не менее замысловатые баталии разворачивались в «Пассаже», через дорогу. Открывался магазин, в прошлом повидавший не одного царя и иностранных вельмож, в десять утра. Большие железные двери со стороны Невского проспекта уже в девять оккупировались людьми разного достатка. Кто собирался покупать себе, те приходили в полдень или под вечер. Кто хотел сэкономить на подарках ко Дню рождения и внести изюминку удовольствия, с раннего утра стояли, как все. Данная толпа сглаживала статусную напряженность общества: здесь все равны, здесь только

голытьба или скупердяи, сейчас бы их назвали людьми с коммерческой жилкой. Самый ответственный момент – это время открытия: толпа замолкала, уши как локаторы ловили каждый лишний скрип дверей и лязг какой-то железной штучки, крик с внутренней стороны: «Осторожно!» Обе стороны распахивались. Ответственные за долгожданное открывание «врат рая» прятались за дверьми, отключая дыхание на время нашествия. Штурм Зимнего в фильме Эйзенштейна «Октябрь» покажется детской игрой в «Лего». Как правило, самые заядлые любители собак, питомцев туда не брали. Это могло закончиться плачевно для братьев наших меньших, а хозяин отделался бы нелегким испугом или инфарктом миокарда.

По центру магазина тогда не было прозрачных ларьков для бижутерии, как сейчас. Снесли бы за милую душу. Кто-то падал, через него перепрыгивали или наступали всем своим весом. Через сто метров в обе стороны вели лестницы, на которых выстраивалась очередь до третьего этажа. Если в Гостинке «выбрасывали», то здесь «давали». Неудачники проходили мимо и спрашивали: «Что дают?» Утром все отвечали: «Не знаем».

Нередко сам заходил вечером, после Публички. Смотрю, очередь с центра зала в сторону театра Комиссаржевской, где выход на Итальянскую улицу. Какие-то деньги были в кармане, почему бы не воспользоваться. После книг освежить голову никогда не мешало. Простояв минут десять, обратил внимание, что в очереди одни женщины. Я отпросился. Прошел вперед, узнать, что «дают». Ни одного радостного лица с коробкой, тем более другой обновкой. Наконец дошел до заветного начала – это была очередь в женский туалет. Без комментариев.

Но был и другой, весьма продуктивный поход в эти кладовые, притом с раннего утра. Прошелся слух, что завтра будут давать французские духи. Это было позже, во время моей докторантуры. В нашем корпусе проживал аспирант Борис Лазаров (ныне доцент кафедры международных экономических отношений СОГУ, кандидат экономических наук). Он был самым быстрым в беге и великолепным танцором. Если бы он пошел в большой спорт, бегун Лазаров навеки бы вписал себя в историю России. Так как в одни руки давали по два флакона, то накануне поездки в Осетию, решил

отовариться в пользу родственных душ. Попросил друга с утра составить компанию при «взятии Бастилии».

Я еще добирался до начала заветной очереди за мечтой советских женщин, парфюмом из самого Парижа, а Борис стоял локомотивом у прилавка на последнем этаже. Мы были первыми! Только раз улыбнулась удача. После этого пошли по своим делам. Как мало для счастья нужно!

Постараюсь постепенно давать отдельные куски историй из памяти, как мазки на белой бумаге, рисуя Ленинград и ленинградцев, так понравившихся многим миллионам со времен Петра Великого и Коста Хетагурова. Во мне две культуры, русская и осетинская, где-то отличающиеся, но не противоречащие друг другу и законам бытия. Сказать, что одну сторону принимаю полностью – неправда. Но вместе продолжают строить из меня человека, простого горца, набравшего храбрости ступать по следам великих людей, оставивших нам главное достояние – быть, а не казаться.

Как-то разговаривал со своим племянником, московским адвокатом, кандидатом юридических наук Сосланом Батыровым, рассказавшим случай из нашей с ним практики по линии общественной деятельности в Москве и городе на Неве. В октябре 2008 года в молодежном центре СПБГУ проходил очередной «Форум осетинской молодежи в Санкт-Петербурге». Приехали делегации из разных городов Европы и России. Всего участников было более шестисот. Выступали известные ученые, военные, председатели комитетов из Смольного. Одним из первых слово взял первый президент Южной Осетии, профессор Людвиг Чибиров. От имени главы Республики Северная Осетия-Алания выступил Таймураз Касаев. Обсудили причины югоосетинского конфликта, состоялись премьеры документальных фильмов о войне в Южной Осетии и теракте в Беслане. Для гостей выступили фольклорные ансамбли под руководством Фатимы Алдатовой, о которой речь пойдет позже.

Сослан напомнил, что после Форума москвичи пошли гулять по Невскому проспекту. Искали определенный адрес во дворах центра города. Не сориентировавшись по карте, спросили одну незнакомку. Она попросила группу следовать за ней. Женщина по дороге рассказывала одну историю за другой из жизни города и его жителей. Дошли до заветного места.

– Мне казалось, что ей, видимо, тоже туда и нужно было, – говорит Сослан. – Открыл дверь в здание, чтобы ее пропустить первой. Она пожелала успехов и сказала, что ей в другую сторону, просто не хотела, чтобы мы блуждали…

Вот вам очередной штрих, рассказывающий о людях, с которых надо брать пример и следовать подобной благожелательной практике. Кто-то из нас адаптируется, вняв ленинградскому порядку, остается в городе Белых ночей, достойно продолжая традиции русских реформаторов, ученых и живописцев, оставаясь горцем в душе и добрым человеком в поступках.

Мы ездим на мерседесах, но не забываем горскую арбу, для изготовления которой заготавливали карагач для ободьев, ясень для спиц, бук и граб для оси и остова арбы, осину для оглобли и липу для ящика… Именно на такой арбе в 1749 году приехали осетины для открытия своего посольства в Российской империи. Это уже отдельная тема.

Накануне Нового 1984 года позвонили из главного здания университета и сообщили, что мне выпала честь в новогоднюю ночь дежурить в ректорском флигеле в компании со штатным сторожем. Тогда для себя решил: если разговор начинается со слов «доводим до Вашего сведения» – бросайте трубку, ничего приятного не услышите. Позже сошлетесь на проблемы со связью. Ни разу не помню, чтобы начинали речь с этих выражений и стипендию увеличили или проявляли возмущение моим отказом от премиальных.

На той стороне провода вдруг замолчали. И я молчу. «Вы почему молчите?», – раздалось наконец.

– А что мне остается делать? – съязвил я.

– Ответить, что Вы согласны на дежурство, – в голосе девушки прозвучала скрытая угроза, то есть она сама против таких сообщений и готова войти в мое положение, но обязана повысить голос так, чтобы запомнить и на будущее. Прямо как во времена моего пастушьего детства: быки или бараны такие злые и сильные, а крикну на них, и я довольный, и походка гоголем. Примерно так и в данном случае. Ее понять можно. Сказано так, значит так. И потом, она привыкла, что все расстраиваются при таких объявлениях о выпавшем на долю высоком доверии сторожить и смотреть на замерзшую Неву через дорогу.

– А если скажу, что не в восторге от такого предложения? Что-то изменится?

– Нет. Ничего!

– Молчание – знак согласия, – нехотя выдавил из себя. Девушка ушла в неизвестность из моей жизни, а я погрузился в тайны небесных сил, чтобы они шепнули как поступить. Первое что приходит в голову: «Да пошли вы!» Через минуту сдаешься, дабы это может обернуться не совсем приятным событием в твоей судьбе, жаждущей подвигов и трудовых свершений. Да и перед набожным соседом Афако как оправдываться? Сказать старику, что мы кавказцы, крутые, понт дороже денег и так далее, так он запустит в меня тростью с такой силой, что сам буду напрашиваться подежурить в период всех без исключения праздников. Для моих некавказских читателей должен дать короткую справку: будь ты хоть профессором или академиком, ты для этих стариков все тот же босоногий пацан на побегушках. Ты не можешь с ними рядом присесть, хотя тебе самому уже за сорок, да хоть за семьдесят. Так положено. Пройдут годы и сам будешь на их месте, как и нравы осетин, переданные нам от предков. Есть пословица такая: «Если старик даже сопли не держит – вытри их и попроси у него совет, как жить дальше».

Характерный случай из жизни. Генерал Виктор Асламурзаевич Гацолаев родом из маленького горского села в Дигорском ущелье. Участник Великой Отечественной войны, кавалер многих орденов и медалей. Занимал высокие должности в структуре войск Советской Армии. Сельчане пригласили его на родину, чтобы порадоваться ему и его генеральским погонам. Он первый генерал из Ирафского района. Большая честь для десятков жителей-односельчан. С ним же приехали трое генералов, его заместителей. Когда накрыли стол, приехали и гости из местного правительства. Русские генералы удивились одному обстоятельству – их начальник не садился за стол, а потому и они не смели. Он еле уговорил их не обращать внимания. Все дело в том, что за столом находился его отец Асламурза, а значит сыну с ним за одним столом никак нельзя. Через несколько минут старик пошел в дом к другому застолью, чтобы не мешать молодежи, то есть генералам и гостям, свободно развивать традиции осетинского гостеприимства.

Вернемся к звонку из университета. Ломать голову – не мое. Тут же оделся и поехал в общежитие, где Хозиев жил один в комнате, так как я был в статусе «мертвой души», де-юре прописанный там, де-факто живущий в комнате с видом на Неву. Боря готовил хорошо. Даже лучше. Особенно первое блюдо. Как-то в студенчестве его подколол на этот счет: «Боря, ты так готовишь классно, что, если бы не одно «но» – женился бы на тебе. Не посмотрел бы и на рост, и на вес и большой нос».

– Что же тебя останавливает? – также серьезно спросил меня, внимательно разжевывая кусок мяса.

– Детей не будет, – парировал я, напрягшись, во избежание правостороннего хука.

– Да, – протяжно выдавил гигант в белой майке и добавил: «Аргумент сильный!»

Сделав вид, будто его судьба мне не совсем безразлична, нахмурив брови в знак несогласия с порядками в университете, особенно с дежурством в новогоднюю ночь, стал его пугать как мог: «Боря, как хочешь, так и поступай. Ты дежурный, мне сообщили, чтобы тебя оповестить. Я свое дело сделал». Стажер Хозиев выругался пару раз. Вид у него был потерянный. С трудом находил слова для недовольства – я ему в этом помогал во время фырканья, как бык на испанской корриде. Зверь выходил из себя постепенно, я в том же ритме, «разделяя его справедливое возмущение», засобирался домой, чтобы на диване лечь поудобнее и смотреть предновогодние теле-огоньки.

Не сомневался. Он пойдет дежурить. Человек – общественник, выпускающий стенгазету кафедры, не пропускавший трудодни на овощебазе, где было холодно, как в Антарктиде, когда не знаешь, в какую минуту отключится рядом сидящий и перебирающий гниль картошки стажер-исследователь, гуманитарий, которому не чужды ярко выраженные ароматы колхозный полей, где всегда шла борьба за урожай. Почему с ним «боролись», до сих не пойму. Можно ведь просто собрать.

Новый год прошел в спячке и заметным списком ленинских трудов. Только запахи осетинских пирогов вносили в быт новые ощущения первых дней наступившего восемьдесят пятого года. Редкие прогулки по Набережной Лейтенанта Шмидта дарили свежесть духа и желание оставаться

краснощеким молодцем с мыслями о научных открытиях в международной политике через призму курской проблемы.

Прошел месяц, и я поднимался на кафедру истории журналистики, где с минуты на минуту должно было начаться первое заседание в этом году. Заведующий кафедрой Хазби Булацев в памятные и праздничные дни приносил бутылку грузинского коньяка и по окончании совещания угощал сотрудников желанным напитком. Однажды спросил его про эту традицию, и он ответил: «Доза маленькая, а эффект большой. Сплачивающий». Дойдя на третий этаж знакомые поздравляли с каким-то совершенным мной мужественным поступком. Ничего не понимая, при полном неведении о новых, скрытых от собственных глаз, качествах своей харизматичной натуры, хотелось быстрее узнать. Первое, о чем подумалось, видимо, что-то натворил, типа невыхода на овощную базу, что для меня стало нормой. Я был там единственный раз и твердо решил, что это не по мне. За все годы учебы один единственный раз – в самом начале.

На доске объявлений висел один только лист, на котором прочитал свою фамилию, имя и отчество полностью и без ошибок. «За проявленное мужество и отвагу при дежурстве в главном здании университета объявить благодарность…». Кому не приятно такое читать? Узнать бы еще, какой поступок совершил. В памяти вертелись Ленин, осетинские пироги и дворницкая метла.

Земляк, руководитель кафедры и все остальные кафедряне по-особому отреагировали на мою личность, как победителя в неизвестной мне войне. Зачитывая копию из приказа ректора, всех одолевала гордость за меня любимого. Поблагодарил за внимание и произнес всем хорошие слова скромного донельзя дигорца, если к дигорцам, априори, подходит данное определение: «Каждый на моем месте поступил бы также». По завершении заседания просили рассказать подробности. Мне бы кто рассказал. Бориса, на мое счастье, в тот день на кафедре не было. Как вы понимаете, по окончании мероприятия, следы моих ботинок могли найти только на Первой линии, от дома 26, в сторону Большого проспекта.

Оказывается, во время моего де-юре дежурства, и Хозиева де-факто несения службы в просторных паркетных кори-

дорах с огромной картиной кисти художника В. Орешникова «Ленин на экзамене в Петербургском университете». Студент Ульянов сдавал сессионный экзамен по политической экономии и статистике. Тогда был май 1891 года, а для Бори отсчитывались последние часы перед 1985 годом.

В том самом коридоре слева высокие витражные окна и много дверей справа. Хозиев неравнодушно дышащий к военному порядку, особенно к танкам, совершал обход второго этажа, чутко прислушиваясь к каждому шороху и писку на объекте. Я бы ни за что туда не пошел, а просто смотрел телевизор и то с видом большого одолжения с моей стороны.

Вдруг, из географической аудитории-кабинета раздался звук, напоминающий рев мамонтенка. Рядом был кабинет по зоологии. Боря, за три километра чующий невидимого противника, точно определил источник загадочного шума. На огромном деревянном столе три на десять метров, видавший виды еще при Менделееве, лежал темный клубок живого существа, храпящий на славу и во все прощелины вузовского геокабинета. Хозиев, почуяв страсть к войне, напрягся, включил свет и приказал не двигаться. Незнакомец и при желании бы не сделал этого, даже и бровью не повел от крепкого сна после вечерней, наверняка, шумной попойки.

Я бы его еще покрывалом накрыл или, на худой конец, медвежьей шкурой, висевшей на стене. Но это не я, который на Предпортовой, 4 поймал вора пластиковых листов, а потом еще и помог перекинуть через забор с пожеланием добра и света в семье. Это был Хозиев, пример всем танкистам и любимчик полковника АнсимоГо, таки получившего к тому времени генеральское звание. Невозмутимость ночного пришельца из советской глубинки, опоздавшего на поезд и решившего заночевать до утра, не остановила борца за свободу Анжелы Девис – ленинградского горца. Боря, недолго думая, закинул его на плечо, бережно доставил в каморку штатного стража порядка, вызвал милицию, составили протокол и повезли бедолагу к себе, в «апартаменты».

Руководство вуза, недолго думая, достало списки дежурных под Новый год. Надеюсь, догадались чьи данные были прописаны на те именно часы, когда доблестный страж Хозиев, рискуя потерять что-нибудь важное из собственных частей тела, пошел на таран, поймал и доставил «языка», правда без видимых признаков жизни, но это уже второй

вопрос. Главное, родина не забыла своего героя…

Знание, а точнее незнание немецкого языка из-за сложившихся обстоятельств в сельской школе, когда два месяца преподавала женщина, когда-то проходившая предмет в школе, допускавшая ошибки в правописании алфавита и не терпящая дополнительных вопросов по существу, а также из-за того, что практикантку Юлию Сергеевну по истечении двух недель умыкнули в соседнее село, оставило неизгладимый след на моем стажерском, впоследствии и аспирантском сердце.

Меня, не проходившего иностранный язык никогда, записали в романскую группу филологического факультета, где ребята спокойно общались между собой на немецком. Нетрудно представить, какие были у меня ощущения от такой вузовской обстановки: будто попал в плен к фашистам и в ожидании далеко не радужной участи, делаю вид, что мне хорошо и совсем не больно. Преподаватель, женщина лет шестидесяти, всю жизнь посвятившая немецкой филологии, при встрече могла не поздороваться, будто я становился прозрачнее дневного света и про меня можно было только помнить, и то в худших снах. Полностью разделяя ее взгляды на учебный процесс и встречи по вторникам и четвергам в старом бухгалтерском корпусе, спрятанном в темном углу большого университетского двора. Кирпич столетней давности покрылся зеленовато-темным цветом, цветом мольбы о капитальном ремонте. Пол на этажах местами был в заплатках из разноцветного линолеума. Коридоры узкие, подоконники, служившие скамейками ожидавших справок или свидетельств, зарплаты или расчета…

Кафедре иностранных языков повезло больше: с половины этажа пол был ровным и можно было уверенно идти под скрип деревянных балок и скрежет редкого металла. Рядом была аудитория, в которой два раза в неделю проходили «пытки». Мои пытки. Готов был столько же дней на наказание шомполами, чем издевательства Галины Виноградовой. «Если программа утверждена для «немцев», значит это касается и Вас, Таказов. Прошу готовиться к ответам серьезно. Ваши проблемы – Ваши, запомните!» Готовился как мог и как не мог вовсе. Редкая «тройка» радовала глаз. Остальные двойки. Что интересно, когда отвечал на два балла, просто говорила: «Садитесь. Два».

Стоит ответить на международную, так начинала повышать голос: «Почему так плохо подготовился?!» Парадокс: не учиться вовсе и сохранить нервы, или учиться, получать тройки и терпеть изощренные словесные издевательства. Она уничтожала во мне все, что только можно было. Есть такие люди, написано вот так, значит так. Она, по идее, не виновата.

Но и моя вина не тянула на все ее крики и восьмерочные гримасы. Мы с ней две противоположности по жизни. Одно только нас сближало: на старушке отчетливо были видны усики над верхней губой, а на мне черные пышные усища. Женские усы вызывают отвращение, но в данном случае готов был считать признаком большого ума и мудрости. Но ей было так безразлично, кто о ней как думает, что реверанс в ее адрес мог отразиться немецкой идиомой в лучшем случае. Например, «dumm wie ein Ochse» (глуп как пробка). Оно мне надо?

Разговор с заведующей кафедрой, Валентиной Федоровой, которая понимала проблему, разделяла остроту вопроса, желала мне как-то помочь, ссылалась на сложный характер преподавателя и ее ощутимый стаж работы, успокаивала, мол, «Вы сможете». Это как в жизни, родился альбиносом, а ему говорят, что через год волосы станут черными как зола. Настаивание на отдельной программе для подобных мне «слабаков», не возымело должного эффекта. Жизнь продолжалась. Мне можно было записаться на любой другой язык – промахнулся. Виноградова ждала январской промежуточной проверки знаний (которых у меня существенно не прибавилось). Тогда бы лишила меня возможности продолжать учебу с будущими преподавателями немецкой словесности. И стал бы думать, как Чернышевский или тот же Ленин, «что делать?»

Делать было нечего, кроме как терпеть и повышать уровень немецкого. Продолжил штудирование истории философии, второго вступительного экзамена в аспирантуру. Преподавал Асалхан Ользонович Бороноев, доктор философских наук, профессор и замечательный педагог, чьи лекции вызывали неподдельный интерес и внимание, вокруг него всегда было много аспирантов и молодых специалистов. Известный в мире, простой и доступный педагог. Его лекции могу и сейчас пересказать.

Первый декан факультета социологии родился в 1937 года в улусе Старый Хогот Эхирит-Булагатского аймака Бурят-Монгольской АССР (ныне деревня в Баяндаевском районе Иркутской области). Работал в колхозе, в окружной газете, затем служил в Советской Армии. В год моего рождения стал студентом философского факультета Ленинградского государственного университета. Прошел все пути совершенства и признания, а он остался таким же обычным человеком из улуса, которого на карте не найти. Не это ли самое интересное из моего рассказа? Как он находил ключ к каждому аспиранту и как объяснял материал! Спрашивал про Осетию, про Орджоникидзе и так с каждым из нас. Неужели у него не было методички или утвержденного плана по работе с соискателями? Просто он – человек, а не искусственное существо для четырех стен. Он знал и мою проблему с иностранным и очень переживал за меня.

Как мог протянул до новогодних каникул, после чего предстояла проверка моих умственных возможностей и принятия решения о целесообразности моего пребывания в стенах славного вуза. Каникулы пролетели как обычно. Готовый по своему усмотрению и не готовый под уровень романистов, шел на первое занятие в новом 1985 году. Признаюсь, особой радости не ощущал. Трудно, когда чувствуешь свою убогость, пусть с объективной причиной. Приходится работать над собой днем и ночью, но прошлое, где учили, а ты не мог, уже не вернуть. А с тебя спрашивают, как со всех, как и должно быть. Отложить бумагу и отнестись к человеку, который хочет идти к познанию определенного кусочка мира, как живому, как к равному Homo sapiens – вид рода человек разумный из семейства гоминид в отряде приматов – это так реально, но, видимо, у «немки» было другое восприятие общечеловеческих ценностей.

Многие знают проход через филологический факультет с Университетской набережной. Тогда не было вахты и сторожей в форме полицаев, а просто была жизнь, полная свободы и литературы у входа – в лотке от Академкниги. Я пробежал это место как вдруг, взгляд пришелся на очередной некролог. Под большим зеркалом был выступ, на котором часто замечал фото в черной рамке и красные гвоздики под ней. На этот раз цветов не было, но сам портрет в рамке влетел в сознание, и я повернул назад. Что я увидел?! Гали-

на Васильевна с широкой улыбкой… Первый раз ее видел веселой. Оказывается, она умела смеяться.

На этом месте сдержу эмоции, дабы не показаться душегубом, извергом, некультурным и злым ненавистником. Мне не стало жаль, только перед глазами черным вороном пролетели ее оскорбления и ор за то, что не говорю на языке великих Гете и Шиллера, и фашистов, из-за которых мои пятеро дядей не вернулись в свои семьи…

Через неделю стал заниматься у другого преподавателя, от которого кроме желания помочь и поправить не помню ничего злого. Стажировка подходила к концу. Минимум знаний для дороги в аспирантуру был преодолен спокойно. Началась новая эпоха. С немецким позже встречусь, но это будет через три года, когда наступит время защиты диссертации. Есть, что вспомнить, в том числе уроки немецкого, которого, жаль, так и не смог одолеть как следовало бы. Остается только завидовать Олегу Цаголову.

Если немного отойти от воспоминаний, то меня всегда интересовали Цаголовы. Началось мое увлечение этой фамилией с периода изучения творчества уникального журналиста и публициста Георгия Михайловича Цаголова, самого плодовитого репортера и общественного деятеля начала двадцатого века. Коста – романтик, несколько странный по отношению к своим друзьям и более определенный к знакомым женщинам своего времени, не лишенный чувства нарциссизма и зависти, в самом начале статьи «Избави Бог и нас от этаких судей» крайне резко выступил против Георгия Михайловича. «Ни одной статьи г-на Цаголова я до сих пор не мог дочитать до конца без чувства большей или меньшей досады», – писал Коста. Это была полемика двух известных на Северном Кавказе творческих личностей. Статья интересная и важная для историков и литераторов. Между тем исследователи хетагуровского наследия, не упускали возможности отметить «революционность» Коста и «народность» (недостаточно понимая смысл народничества) Георгия. Этот именно штамп переходил границы и приобретал предательский смысл. Время было такое, скажете. Пусть будет так. Современным литераторам не стоит повторять таких заказных и привычных идеологических ошибок. Само творчество Коста, как талантливого публициста, нуждается в новых

исследованиях – давно наступило время для свободного мышления, без оглядки и на совесть.

Если бы написать истории отдельных осетинских фамилий, прославивших родину, достигших успехов в мировой науке, воинской доблести и культурной истории России – это была бы настоящая энциклопедия малого народа с большой родословной. О том, что мы скифы и сарматы, аланы, ассы и осы, и еще кто-то, трубим на все социальные сети. Хотя и там напрашивается детский вопрос: «Кто мы?» Может найти какую-то середину. Я, например, не знаю, к какому из перечисленных народов отношусь, кроме осетинского. А сами осетины от кого – это для меня вопрос. Сколько же отцов и матерей у нас?

Доставило бы удовольствие узнать о всех Цаголовых – экономистах, историках, писателях и журналистах от Дигоры до Латинской Америки. Уверен, есть и другие сыны, и дочери фамилий, по праву именуемыми лучшими из лучших. Мы много чего изучаем, много где бываем. А о своем месте в жизни ленимся рассказать. Это же память для потомков, которым останется или гордиться нами, или скорее позабыть – это уже судить той эпохе и нравам. Вы слышали про Дзгоева из селения Саниба – помощника и секретаря великого русского мыслителя А.М. Бакунина, революционера, идейного противника Маркса и Энгельса по многим вопросам. Он же первым перевел «Манифест Коммунистической партии» на русский язык. Асланбек и Фатима Бутаевы из Салугадана, Гогки Токати, Васо Абаев … Это нам сейчас кажется, что интернет за нас им поведает. Если такая маленькая по численности нация смогла дать миру столько разных по типу свершений, значит в нас течет кровь талантливого предка, прославлять которого надо ничем иным, как своими поступками.

Вернемся в Ленинград, город белых ночей и многих удивительных событий. Моя учено-дворницкая деятельность претерпела определенные изменения. На Кораблестроителей, 19 в строй ввели три огромные восемнадцатиэтажки. В первом корпусе жили экономисты, во втором – журналисты, а в третьем – по большей части иностранные студенты, изучающие русский язык, историки и социологи. Убирал остановку у Морского универсама и следующую, что у Смоленского моста. Работа непыльная. Убрал и свободен.

Как-то раз обратил внимание на большой МАЗ у второго корпуса. Любопытство порой оказывается коварным, но случается и обратное. Разгружали мебель. С комендантом Надеждой Павловной нашли понимание в вопросе моего трудоустройства в качестве плотника.

Вскоре моя семья стала первой, кому удалось заполучить заветные ключи от не менее заветной квартиры под номером 305. В корпусе были две комнаты по типу однокомнатной квартиры. Еще несколько месяцев ключи от всех восемнадцати этажей находились у меня. Мог приютить всех, кто нуждался. Особенно этим благом пользовались наши земляки, приехавшие на курсы повышения квалификации. Спустя три года, там встретились с Черменом Зембатовым (светлая память) с женой и только родившимся пацаном. Знал и уважал его отца Шахама.

Чермен в студенческие годы был нашим старшим. Он тогда учился в аспирантуре исторического факультета. Его отеческая забота о нас стоила многого, будто ему кто-то за нас говорил в Осетии, мол, присмотри за нашими. Когда приехали ко мне и попросились на пару месяцев, я спросил какой этаж им выделить. Остановились на шестом. Весь этаж был предоставлен им. Удивительно, но факт: вечерами спускались к нам, общались долго и мы с женой больше беспокоились за спящего сыночка, оставленного дома. Чера и его супруга успокаивали нас, что у него такой спокойный характер. Часами могли не будить – он просто спал, не мешая никому. Мы же по своему опыту привыкшие к недосыпу и звонкому голосу Алинки, перепутавшей день и ночь, не находили себе места. Не так много прошло времени и услышали о трагедии на транспорте, с участием нашего веселого Чермена. Прошел год. Прилетел в Орджоникидзе и соболезнуя его отцу, Шахаму, слезы мои рекой полились на его рубашку…

Вскоре нас разбудил громкий стук в дверь. Передо мной стоял худощавый азиат, с добрыми и хитрыми глазами. Стрижка ему не шла, но это никого не волновало: ему нужны были столярные инструменты. Улетал вечером домой, в Узбекистан. Сменив замок на двери в только что полученную комнату на нашем этаже, вернул инструменты и сказал, что убегает – лететь надо домой, в жаркую республику. В конце этажа его настиг мой строгий и серьезный возглас:

«Имей в виду, дыню не привози!». Остановился. Развернулся и чуток подумав, также настороженно переспросил: «Почему?» Через секунды смекнул, что именно дыня должна первой лететь на обратном пути. Это был студент Саид Тулаков, сыгравший в нашей жизни весомую, настоящую товарищескую роль. Я с удовольствием расскажу о нем и на его примере хочу многим ребятишкам показать, насколько просто стать известным, если не лениться. Вам понравится.

Первого ребенка в многодетной таджико-узбекской семье Тулаковых назвали Саидом. Обычные трудяги-родители вряд ли могли подумать, что сын станет известной личностью на всем советском пространстве. Однажды встречался с его мамой-старушкой, повидавшей много крестьянского труда и мытарств в период нужды. Она не понимала по-русски и позвал Саида, чтобы переводил. Я говорил мало, но, по существу. Сказал ей, чтобы считала себя самой счастливой матерью на свете. Таких сыновей мало. Именно таких, как Саид, который с малолетства сам выстроил свою жизнь, пройдя массу трудностей на своему пути. В знак благодарности мне, незнакомцу, мягкая и теплая, струящаяся улыбка на лице женщины-матери говорила о благодарности Всевышнему, который подарил ей эти радостные минуты и годы. Это больше, чем орден Красной Звезды и боевые медали из Афганистана.

Оглядываясь назад, начинаешь верить в предзнаменования: среди восточных имен Саид занимает лидирующую позицию. С арабского переводится как «счастливый», «удачливый» и сулит своему обладателю отличную судьбу. Но может ли человек, названый удачно при рождении, не прилагая никаких усилий и вопреки всем испытаниям, стать успешным? Нет. Это Всевышний дает ему хорошее начало и шанс, предлагая экзамен жизни – сможешь или нет? Будто смотрит исподтишка и смеется.

Саид дыню привез. Длинную, какую на рынке не видели до этих пор. Не знаю, как получилось, но с первых же дней мы стали очень дружны. Смеяться любил – это главное. Терпеть не могу хмурых. Вскоре студент восточного факультета стал сантехником. Мы не были никогда хорошими работниками, но и жалоб не поступало, а если и появлялась в общежитии какая-то заблудшая «курица», изложившая свое презрение существующим порядкам в плане нашей неявки по

вызову, то страница журнала куда-то быстро исчезала, унося с собой вещественное доказательство. Или же вахтеры давали знак, что очередной «компромат» ждет не дождется. Однажды Саид вовсе порвал журнал. Одна из активных стражей, в очках и белой прическе, пристала с вопросом: «Почему Саид украл журнал?» Я тут же ответил: «Трактовка проблемы не отвечала требованиям». Она задумалась. Больше вопросов не последовало.

Саид оказался хитрее меня во стократ. Больше вызовов шло на душу сантехника. Поняв эту яркую несправедливость, поступал следующим образом: кто-то из тех, чьи заявки вместе с журналом плавали в луже, что рядом со зданием, потеряв надежду, повадились обращаться непосредственно в комнату Саида или мою. Он открывал дверь. Внимательно выслушивал обиженного и в конце вызывающе спрашивал: «Простите, а я при чем?»

– Вы же сантехник, – предъявлял студент хренов.

– Сантехник, молодой человек, живет в 305 комнате и обращаться к нему надо по отчеству, иначе выставит вас через черный выход. Запомните – Дзантемирович. Если ошибетесь, вам будет плохо, – с позой довольного хлебороба выдавливал из себя социальную справедливость, типа, «ходят тут всякие». Человек направлялся в мою сторону – между нами с Саидом было метров 10 не больше. Перед тем, как оказаться на моей площадке надо было открыть и закрыть за собой дверь.

Стук ко мне. Человек, минут пять разучивающий мое отчество, а иностранцы вовсе записывали и произносили громко, по слогам. Тем временем, Саид успевал накинуть на себя одежду и убегал в кафе на втором этаже или к друзьям.

Я входил в положение страждущих, но помочь ничем не мог, так как это была поляна моего друга, куда я вмешиваться просто не мог. Данная тактика «я не я и лошадь не моя» через полгода начала давать сбой. Тогда я на двери у себя написал «Сантехник живет в 303 комнате». Саид, поняв всю обстановку, играющую не в его пользу, написал на своей двери фломастером шрифтом тридцать шестого кегля «Я - ПЛОТНИК» с восклицательным знаком. И стук прекращался. Вопрос снимался. Народ шел на вахту оставлять след в анналах истории.

Саид заходил к нам каждый день и вечер, а потому было над чем посмеяться. Приняли решение по всем вызовам ходить вдвоем. Это нас вовсе расхолодило. Но в экстренных случаях реагировали быстрее пожарных (МЧС тогда еще не было). Так, «атас» прилетел с четырнадцатого этажа. Саид не боялся работы, только стеснялся, все-таки он молодой и не женатый, а кругом столько девочек. Вызов был по части раздельного туалета. Прибыв на место, предупредил Саида, что это по его компетенции, так что работать будет он, а я только составлю компанию. В комнате царило веселье, то ли кто-то женился, не помню. Радость и пение «Ой, мороз-мороз…» прервались с нашим приходом. Все кричали «ура», ибо все остальное уже прокричали полностью. Девочки, как самые любопытные, встали рядом. Саид понял, что не отмазаться, и быстро, по-военному открыл дверь сортира, поднял крышку унитаза и во весь голос закричал на всех: «Вы что, тут срете?!» Девочки забежали внутрь. Ротозеи оцепенели. Я ответил другу: «А вы, сэр, на редкость догадливы».

В той же веселой компании запомнил студента-журналиста, Григория Брынзу, впоследствии долгое время руководившего филиалом ВГТРК-ГТРК «Карачаево-Черкесия», ныне работает в ГТРК «Ставрополье». Хорошие репортажи вел с войны в Чечне. Как рассказал мне наш общий знакомый Николай Пинясов, в восьмидесятые годы, дочь известного на всю страну преподавателя фотожурналистики Александра Николаевича Пирожкова выходила замуж за итальянца. Молодые люди полюбили друг друга. Что тогда началось!

Пирожков дважды становился «человеком года» по версии всесоюзного журнала о фотографии. Партком стал уговаривать его повлиять на дочь, чтобы отказалась от своего счастья. Местная факультетская ячейка стала обсуждать, требовать от него выйти из партии. Гриша, отслуживший в армии парнишка, встал и сказал: «Если по такому поводу поддержать не можем своего же партийца, то какие же мы коммунисты?» Бросил билет на стол ведущего и покинул собрание. Единственный человек, который встал на защиту своего учителя. Абсурдность ситуации описать трудно, но, видать, рановато было еще для свободы слова и собственного мнения. У Григория был выбор: или извиниться и продолжить учебу, или исключение из университета. Он

выбрал второе. Пошел работать на военный пороховой завод «Сокол». Через год восстановился. Вот, что значит быть настоящим! Гриша Брынза и Николай Пинясов учились на разных курсах, Николай окончил факультет чуть ранее, в 1985 году, но характеры у обоих – Григория Брынзы и Николая Пинясова – были действительно сильные, два прямолинейных человека, говорили то, что думают и были надежными ребятами.

Самого Пинясова в том же году хотели исключить, из-за несданного зачета по научному коммунизму. Ребята-однокурсники потребовали создать комиссию. И он спасся. Сдавал с узбечкой Гулей, которую преподаватель с философского факультета спросил: «Гуля, вот ты узбечка, а родной язык у тебя какой?» Девушка с весьма плохим знанием русского, еле выговорила: «Рююский». И получила зачет. Такие примеры тоже были на нашем веку.

А мы с Саидом шли на очередной вызов, о котором скоро расскажу. А пока о нашем факультете коротко, но от души.

Факультет журналистики всегда был одним из наиболее предпочтительных в плане построения карьеры. Идеология страны была главным звеном в цепи общественной жизни. Когда на завод, фабрику или любое другое учреждение приходил корреспондент, пусть внештатный, – быть переполоху! Человека в милицейской форме так не боялись, как прихода журналиста и его приветствия: «Здравствуйте, я журналист!» Все дело в том, что отрицательный отклик в любой газете, начиная с многотиражки и районной, до, Боже упаси, союзной, рассматривался на парткоме, с участием членов профкома. Следовали увольнения или, как минимум, выговоры по службе. О принятых мерах в обязательном порядке сообщалось в редакцию издания.

Сами корреспонденты жили хорошо. Квартиры им предоставляли одним из первых. Само положение тоже приносило ряд привилегий в поиске дефицита и установления «нужных» связей. Что было, то было. Конкурс на факультет всегда был сумасшедшим, больше чем на юридический и экономический факультеты. Вниманием со стороны органов правопорядка тоже не были обделены. С одной стороны, журфак – центр подготовки идеологических кадров, а с другой, – на нем обучаются сотни иностранцев из более чем тридцати стран мира.

На кафедрах трудились известные ученые и журналисты-практики. Работа была налажена идеально. В мою студенческую и стажерскую бытность деканом был Валерий Никитович Козлов, а в аспирантские годы Валерий Георгиевич Комаров – оба доктора исторических наук, профессора. Позже руководили: Эдуард Васильевич Летенков с теми же регалиями и Юрий Никифорович Солонин, доктор философских наук, профессор. Интересно не то, что от Козлова я перешел к Комарову, а то, что с базовым журналистским образованием декана почему-то не было. Назначали профессоров со стороны, как правило, из истфака. Только Марине Анатольевне Шишкиной удалось нарушить правило назначения сторонних ученых без базового образования. Марина – наш комсомольский лидер в годы студенчества. После учебы работала в редакции радио в городе Тосно, кажется. В 1991-м и в 1999-м годах защитила кандидатскую и докторскую диссертации. В 1996 году стала деканом журфака. Марина всегда была активной, быстрой, грамотной студенткой и то, что она займет свое заслуженное место в жизни, никто никогда не сомневался. Возглавила факультет в те годы, когда одних регалий было недостаточно. Она оказалась руководителем с хорошей хозяйственной жилкой, прекрасно знающей технологии пиара в вопросах развития факультета. Я многому научился у нее в плане руководства факультетом, где на тот момент общее количество студентов и магистрантов составляло чуть меньше двух тысяч.

Четыре года ее правления оставили хороший след: она превратила запущенное донельзя здание в идеальный центр теории и практики современной журналистики. Дополнительный, седьмой этаж существенно разгрузил аудиторный фонд. Появились свое телевидение, газета и радиоузел. Много и много еще удивительных и знаковых побед числится за ней во время ее деканства.

Но, как правило, хорошему, в России особенно, конец приходит быстро и с расстановкой. В 2010 году, после долгих разбирательств в судах между ректором университета и деканом, прийти к консенсусу не удалось, и Марина Анатольевна уволилась. Она известный человек, депутат прошлого созыва, возглавляет северо-западное отделение партии «Справедливая Россия». Со времен Бакунина россияне ищут справедливость, а она, редиска, куда-то запряталась…

После Шишкиной директором Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций стал заведующий кафедрой международной журналистики, доктор социологических наук, профессор Анатолий Степанович Пую. Самый молодой доктор социологических наук в России. Приехал учиться на философский факультет из маленького села Синешты, Унгенского района Республики Молдовы. Своей целеустремленностью и работоспособностью доказал, что не имеет никакого значения, где ты родился и где окончил школу, только было бы стремление. Сегодня, наряду с директорством в Санкт-Петербурге, руководит международной магистерской программой факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, он же эксперт российской ассоциации политических наук (РАПН). Также получили свое развитие новые международные программы, разработанные совместно с московским факультетом журналистики. Я несколько лет работал на кафедре международной журналистики, где наряду с несколькими докторантами и аспирантами из Осетии и Китая, нередко раздавался громкий смех с молдавским акцентом. Мы знакомы со студенчества, со времен наших дворницко-плотницких забот о Васильевском острове, потому Анатолий остается для меня Толей, или просто «Степанычем».

Людмила Петровна Громова была деканом факультета журналистики в структуре Высшей школы с 2012 по 2017 год. Один из самых известных исследователей истории русской журналистики, доктор филологических наук, профессор, автор ряда учебников и учебных пособий по нашей специальности. Вдумчивая не только как исследователь, но как человек, умеющий выслушать и понять проблемы студентов. Во многих зарубежных и отечественных университетах читала лекции, но больше всех в Северо-Осетинском государственном университете имени Коста Хетагурова.

Лето 1984 года. Перед вылетом в Осетию, навестил Хазби Сергеевича Булацева в Мариинской больнице. Полчаса говорили обо всем. В том числе о декане Козлове, который смог рассорить Хазби с его учителем, одним из основателей факультета журналистики и известным ученым Алексеем Бережным. «Ничего так не беспокоит, как то, что Бережной доверился ему. Козел меня довел до этого…» – сказал Хазби

Сергеевич. Мы попрощались. Кто мог подумать, что навсегда. Обещал к нему заехать через три дня.

Двухдневная поездка в Осетию закончилась. На следующий день собрался его навестить. По дороге в метро, встретился с друзьями, и мы зашли в мороженицу, что через улицу от станции метро «Василеостровская». Мы стали над чьей-то историей смеяться громко. В эти минуты чья-то рука опустилась на мое плечо. Это был Эдуард Васильевич Летенков. Он был мрачен, как никогда. Я ему порадовался, но по его лицу было видно, что сейчас не до этого. Спросил: «Валера, ты ничего не знаешь про Булацева?» Я ответил, что вот сейчас к нему еду и буду знать… «Он умер» – навсегда запомнил этот момент. Казалось, мир перевернулся, все может быть, только не это. Обещал сразу его навестить и рассказать про Осетию, привез ему свежую местную прессу.

В пятьдесят два года нашего Хазби не стало. Факультет был в трауре. На панихиде его учитель Бережной плакал, не стесняясь слез даже при последнем слове за ученика: «Он отличался от нас всех. Был другим. Не знаю, как ему удавалось, но с первой минуты он становился родным всем. Сын Осетии научил нас многому. Главное – доброте в любых ситуациях».

Студенты из многих государств плакали. Всем хотелось выразить моему земляку личное признание. Кто говорил, что не доиграли партию в шахматы, другие расстраивались, что не дочитал лекцию, не рассказал историю из своей корреспондентской жизни.

Сплетни и интриги убивают только хороших. Он слишком близко к сердцу воспринимал любую чужую боль. Мне рассказывали коллеги, что при очередном выделении квартиры, как это бывало в СССР, по очереди, он пропустил вперед себя работницу методического отдела, женщину, у которой по мнению Булацева, была «куда сложнее ситуация», и Хазби еще два года ждал своей квартиры.

В такие минуты вспоминаешь все. Одно хорошее. Плохого не было вовсе. В студенчестве он не проявлял к нам особого внимания, как это обычно бывает у земляков. Меня это удивляло. В конце четвертого курса остановил на лестнице и сказал: «Молодец, Валерий, опять сессия сдана лучше не придумаешь. Приятно». Я понял, что он отслеживал нашу с Борисом учебу.

На следующий день мы полетели с Хазби вместе, только он находился в другом отсеке. От университета с нами были коллеги по факультету Петр Самуилович Карасев и Эдуард Васильевич Летенков. Рейс был прямой. В Беслане собралась масса людей, встречающих Хазби, но мы вынужденно сели в Минеральных Водах. В Осетии шел сильнейший град. Сама родина не хотела верить в произошедшее.

Ночью приехало несколько машин с людьми, которые рыдали навзрыд. Особенно родственница Земфиры, жены Булацева, Зинаида Хасанбековна Тедтоева, наш преподаватель в СОГУ. Через некоторое время кортеж тронулся по московской трассе. Никто из нас не чувствовал усталости и сна. Ближе к Осетии погода сильно испортилась. Приехали к дому его брата Шамиля на улицу Коцоева. Было три часа ночи, а людей столько, что многие стояли на улице в установленных наспех брезентовых палатках. Проливной дождь и не думал заканчиваться, но не мог заглушить массовый рев: плакали все. Для Карасева и Летенкова такое зрелище казалось несколько странным, и мы с Борисом поспешили их проводить в гостиницу «Владикавказ» на берегу Терека, с видом на Суннитскую мечеть и совсем недалеко от дома Булацевых.

Ближе к утру подъехал к сестре. Она и зять перепугались. С одной стороны, стук в ночи, как правило, не к добру. С другой – только улетел в Ленинград. Привел себя в надлежащий вид и утром вместе с Хозиевым были у Булацевых, к полудню отправили нас с пирогами, мясом и пивом к Карасеву и Летенкову, с удивлением наблюдавшими за всей похоронной процессией: улица полностью была перекрыта. Дежурили гаишники. Когда все пошли за гробом, Петр Самуилович не сдержал своего удивления: «Валера, здесь все три тысячи людей, и они идут на кладбище?»

Кладбище примерно в двух километрах. По дороге автомобили останавливались, водители и пассажиры выходили из салона и чуть склонив голову, тоже прощались с незнакомым им человеком, но в этот момент все становятся родственниками.

«Гизельское кладбище» приютило славного сына гор, которого в период царствования Билара Кабалоева и с его непосредственной подсказки, Осетия выдворила из своих пределов, лишь бы не затмевал облик Первого секретаря. Уверен, в книге о Кабалоеве, которая появилась на днях, об

этой истории ничего не сказано. Интересно, есть там другие, не менее интересные события вокруг других ученых, таких как Борис Сабанти, Петр и Ахурбек Магометовы? Этот список можно продолжить…

«Самоедство» и способность жить одним днем не отнять у нас. Может в этом есть что-то позитивное: кто-то таит обиду и доказывает родине, что он и вне семьи может прославить себя и свой немногочисленный народ, другие просто работают, не обращая внимания ни на что, делает свою работу лучше многих. Первенство, а если точнее, быть первым, а не вторым, ценится с особым пиететом и трепетом. К примеру, наши спортсмены: если стал чемпионом, его встречают в аэропорту с тремя пирогами, придавая святость и почтение как самому ритуалу, так и виновнику торжества. Отстал на полбалла и получил серебро – совсем другой почет, уже на уровне близких родственников и друзей. О бронзе, даже олимпийской, и речи нет. Мы – люди «ериса» (соревнования). Нам нужно исключительно золото. Хорошо это или нет, не мне судить.

Что касается случая с Булацевым, первым секретарем обкома ВЛКСМ, на которого равнялась вся молодежь Осетии, писать легко, понимать трудно: если кто-то пользуется большим авторитетом, чем первое официальное лицо республики – это нонсенс. Нельзя. Указ Петра Великого от 9 декабря 1709 года никто не отменял: «Подчиненный перед лицом начальствующим, должен вид иметь лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство». Так произошло и с Хазби, который умел только хорошо работать и оставаться народным. Нет, чтобы написать на лбу: «Не смейте обо мне говорить хорошо, относиться по-родственному, всуе упоминать мое имя…»

О причине возвращения на родной факультет Хазби Сергеевич никому не рассказывал. Он начал вновь и сначала. Привожу слова из воспоминаний его коллег и студентов, из статьи известного ученого, доктора филологических наук, Геннадия Васильевича Жиркова «Прерванный полет». В день защиты докторской Жирков посвятил ему стихотворение:

Мой друг не очень балован судьбой.
Он покоряет горные вершины.
Полет орла – он с виду лишь простой
И у него изгибы и стремнины.

Красы Осетии не видел никогда,
Но я скажу, что это край –
Орлиный.
Об этом говорит твоя судьба,
Вся жизнь твоя – достойного ей сына.

Геннадий Васильевич тогда еще в Осетии не был, а впоследствии не раз читал лекции на журфаке СОГУ, посещал могилу Хазби и долго говорил с ним, как с живым.

Валентина Григорьевна Березина, доктор филологических наук, профессор:

«Хазби Сергеевич был человеком большого сердца, активно добрым и внимательным, поразительно чутким к людям, с которыми ему приходилось общаться и работать. Он умел вовремя поддержать человека, прийти к нему на помощь. Энтузиаст не только в науке, но и жизни, по-юношески жизнерадостный, остроумный, он всегда был душой кафедральных встреч».

Студентка, затем аспирантка Б. Санджиева, ныне доктор педагогических наук, профессор (Калмыкия) замечает: «Хазби Сергеевич – человек оригинального, мудрого мышления, избегал прямого нравоучения, говорил с нами как с равными. Учил нас на простых, конкретных примерах из жизни… После общения с ним, после высказанных им замечаний хотелось работать в тридесять раз больше и работать только хорошо. В этом и была его сила как педагога».

Студент Ш. Хусейнов (Таджикистан) вспоминал: «Хазби Сергеевич Булацев читал лекцию по журналистике народов СССР. Читал живо, непринужденно, как может читать только действительно увлеченный своим делом человек, знающий специалист. Его можно было слушать до бесконечности, и при этом нисколько не устать. Производило впечатление не только его умение говорить доходчиво, но и сама внешность лектора. Всегда подтянутый, с красивым выразительным лицом, легкий в движениях, он заставлял думать о себе как о сильной личности».

Уверен, кто из студентов Хазби прочитает все это, не сможет и сегодня удержаться от личного комментария.

В целом похоронный обряд у осетин претерпел определенные изменения, но во многом еще сохранил свои ментальные особенности. Скажем, в городе, за исключением

родных, на похороны идут все те, кто покойнику или его потомству чем-то обязаны. Может быть и другое: сына покойника не так давно назначили на высокую должность и, вдруг, он понадобится в будущем. Надо, чтобы он запомнил его грустное лицо во время похорон и в списках «обязательных взносов». Если ты в списках есть – значит ты был в тот горестный день. Если ты три дня простоял рядом с близкими, но в списках тебя нет – значит тебя не было вовсе. Многие, желающие от сердца разделить горе, часто не провожают в последний путь, ибо у них в данный момент напряги с финансами. В городе даже собаки ведут себя иначе: злые на всех, несмотря на тягостное событие. Им все поровну.

В селе, не дадут соврать мои со студенчества друзья: Менке Конеев из Калмыкии, Коля Пинясов и Юра Мишанин из Мордовии, Назар Мирзода и Курбон Аламшоев из Таджикистана, Маджид Шейхо из сирийского Африна, выросшие в селах, поселках и кишлаках, соседские псы будто разделяют горе со всеми. В светлое время суток даже собака со двора покойника покидает свой двор и присоединяется ко всем другим соседским собакам. Они появляются редко и вдали. Опущенные хвосты и редкие, стеснительные взгляды животных в сторону скорбящих, рисуют картину исключительности дня. Будто присоединяются к общей трагедии и приносят соболезнования своему четвероногому другу из этого дома, мол, держись, брат, все в руках Всевышнего, жизнь так устроена, крепись, мы с тобой… Только под вечер одна-две собаки появятся в огороде, где в огромном чане варилось мясо крупного скота. Потом уходят. Видимо докладывают своим, что все идет по плану и когда стемнеет, можно наведаться к «столу».

Как стемнеет, и чан, и всю посуду моют соседи, которые приводят в порядок все внутри периметра события. Вся похоронно-организационная работа – дело соседей. Хозяева ни к чему не притрагиваются, это даже стыдно, – мол, у тебя соседей нет, что ли. В это же время стая собак постепенно начинает давать о себе знать и главный за пищеблок выносит им остатки со столов и со дна большого котла, осторожно наливая мясной бульон в один из многих тазов. Они не набрасываются и не скулят. Все как положено у людей. Это у дигорцев моего села называется «афсапа», кажется, кабардинское слово, означающее благодарность во имя

усопших. В целом это стало нормой со времен приобщения домашнего животного – собаки, как друга и надежного охранника. В селах собаки другие, потому что к ним и отношение иное. У нас был Шарик – черный пес с белой меткой на конце хвоста. Когда он проходил по двору, то гордыня-походка выдавала в нем хозяина. На себя смотрел как на гостя. Уверен, Шарик даже и не сомневался…

Аспирантские годы – лучшая пора: свобода действий. Предоставлено время – распорядись по своему усмотрение. Хочешь чего-то добиться, спорь со всем миром, ищи свою нишу. Больше доверься ученым и Публичной библиотеке. Поняв, что максимум по немецкому мне не одолеть, а годы будут идти, играя в этом против меня, сделал упор на написании диссертации, а к языку Маркса решил вернуться впоследствии. Научным руководителем назначили Жиркова Геннадия Васильевича, ставшего заведующим кафедрой после Хазби Сергеевича. Под его руководством работал все годы, в том числе и докторантские. Это мой духовный отец. Его внимательное участие в моих первых шагах в гуманитарной науке стоят всей моей жизни. Настоящий ученый-исследователь. Многому научил – это слишком мягко сказано. Курдскую тему по совету Жиркова пришлось менять на осетинскую. Профессор объяснил почему. Я все понял.

Ежедневное посещение Публички или библиотеки Академии наук стали давать определенные плоды. Особый шарм находил в газетном зале, где хранились обязательные экземпляры периодики царского периода, включая и первые издания на осетинском языке. Писалось легко. Особенно завлекала расшифровка псевдонимов, тайны первых просветителей – журналистов Осетии.

Наряду с участием в научных конференциях в Москве, Киеве и других городах, жизнь продолжалась в обычном ритме, полном общегражданских мотивов и поступков. Наши халтурные работы в качестве плотников или сантехников, дворников и инкассаторов добавляли новые впечатления и эмоции, без которых было бы скучно.

Саид стал работать в охране какого-то предприятия в городе и возвращался поздно. Мы не закрывали входную дверь, потому как он должен был прийти и поужинать. На кухне его ждали осетинские пироги или суп в кастрюле. Он приноровился настолько, что мы даже и не чувствовали, что

кто-то ночами заходит к нам. Алинке было тогда два года, но уже заботилась о его благополучии: вечером начинала подсказывать, что на стол надо накрыть для друга. Саид все просил ее выговорить свое имя «Саид», на что следовало: «Ака». Что только не предпринимал – ответ оставался неизменным. Большими друзьями дочери стали Маджид Шейхо из Сирии и Саид из Сомали, темная кожа которого долгое время пугала ее, отчего становилось весьма неудобно, а также Борик Лазаров, аспирант экономического факультета, стесняющийся на первых порах столярной халтуры. Это была компания людей, которым было интересно жить, трудиться и набирать знания и опыт.

Залина, жена, хлебосольный человек, искусно готовящая национальные блюда, особенно пироги, делилась всем и со всеми. Нередко целый горячий пирог оказывался на столе у вахтерш на первом этаже, чему всегда были рады. Восторгаясь такой щедрости, одна из них сказала: «Ой, Залиночка, опять! Ну, ладно. Я через день обещаю вам «отомстить». Вот увидите!» Понимая, что старушка собирается чем-то отблагодарить, жена стала успокаивать ее, мол, это нормально и ничего в ответ предпринимать не стоит.

Мы про это забыли, но «мстительница» рано утром постучалась к нам. Разбудила. Жена открыла дверь и начался весьма странный диалог:

– Залиночка, я же обещала вам отомстить! Я слово свое держу! – послышался писклявый голос шустрой бабули, протягивающей целлофановый сверток с двумя маленькими творожными пакетиками.

– Ну, что вы, зачем? Я же не для этого вас угощала, чтобы взамен что-то получить. Спасибо, конечно, огромное! – с чувством безмерной благодарности и вечной признательности соловьем заливалась жена, как могла. Приглашала ее зайти, мол неудобно, что стоите в коридоре. Старушка стояла и гордо улыбалась, и не заходила внутрь. Ситуация отдавала загадочностью, неловкостью и недопониманием дальнейших действий. У осетин не принято первым прощаться, и даже намек в сторону гостя считается верхом невежества и невоспитанности. Моя сторона вся в недоумении, а коридорная, на вид, в беспамятстве. Рядовые, не обязывающие ни к чему, чисто женские выражения типа «ну вы даете» или «ну зачем вы так» пошли по второму кругу. Понимая, что им

не разойтись, жена ускорила финальный аккорд и сказала, что ребенок просыпается и чуточку решила прикрыть дверь. В эту минуту пришла долгожданная развязка. «Мстительница» произнесла: «Тогда я пойду?» Кто бы не ответил тут же: «Конечно. Еще раз вам огромное спасибо».

– Только с вас двадцать четыре копейки, – бодро, уверенно и с тактом бывалой кассирши выдавила, наконец, бабуля – любительница осетинских пирогов и ленинградской вендетты. Жена, не готовая к такому повороту, не сразу поняла и переспросила. Утренняя гостья подтвердила цену творожной массы. Готовая ей отдать сколько угодно денег, жена тут же рассчиталась, еле сдерживая смех. Утро обещало быть позитивным, несмотря на ранний стук далеко не в дверь, а в безграничность кошмарного подсознания…

Тем временем наступила зима, которая вошла в историю Ленинграда, как одна из самых жутких. За ночь во всех трех корпусах замерзла вся система водоснабжения. Полопались трубы и батареи. Сорок семь градусов вынудили городские школы отпустить учащихся на вынужденные каникулы. Все студенты были эвакуированы, в том числе иностранные, улетевшие в разные концы мира за счет Советского Союза. Завод «Красный треугольник» круглые сутки начал восстанавливать систему отопления. Кроме Саида и нас никого не осталось в общежитии. Везде тьма. Все обесточено. В комнате по всему периметру уложили матрацы. Но без электричества с ребенком – это никак не вписывалось в мои принципы и представления о домашнем очаге. После долгих поисков точки электричества, улыбнулась удача: в первом корпусе, в одном из помещений разведал рабочую розетку. Провод у заводчан взял без спросу. Проложил по периметру этажей из одного к другому корпусу. Саид вспоминал: «Возвращаюсь домой. Везде темно, а в 305-м горит свет». Через некоторое время провод в комнате зашевелился. Это Саид мастерил линию в свою комнату. Так мы и спаслись.

Мы были штатными работниками, а потому определенные, обязательные виды деятельности никто с нас не снимал. Стали командовать рабочим людом. С факультета журналистики ежедневно кто-то приходил. Так, однажды, за моей спиной встал доцент Петр Яковлевич Рыкованов, внимающий моей бранной дискуссии со сварщиками, любителями принять на грудь. Мой ор на заводчан переходил

в грубый мат, почерпнутый из моей дворницкой жизни. В это время посмотрел на того же Рыкованова, который как-то странно сник и смотрел подозрительно. Рядом стоял мужчина лет сорока пяти в зимней военной шубе. Ему тоже перепало от меня. Петр Яковлевич в это время стал отходить назад, к витражному окну. Я замолчал и пошел к нему. Спросил, кто этот мужчина. Ответ заставил задуматься: «Ректор». Два месяца как ректором стал доктор физико-математических наук, профессор Станислав Петрович Меркурьев. Слышал о нем, но воочию не видел. Как он на меня среагировал, когда и на него накричал? Культура, друг мой! Человек-скромняга, умер в 48 лет. Светлая память.

Помню, в том же году, в первом корпусе повстречался с предшественником Меркурьева, академиком Валентином Борисовичем Алесковским, в сопровождении проректора Владимира Николаевича Красильникова. Они осматривали холл на втором этаже. Ректор был в годах, а потому шел по этажам тихо, о чем-то переговариваясь с комендантом общежития. Я шел за ними и хорошо слышал диалог ректора с Красильниковым. Проректор предложил зайти в комнату студентов и посмотреть, как им живется. Академик остановился на лестнице, повернулся к Владимиру Николаевичу и спросил: «А нас приглашали?» Ответа не последовало.

Куда же пропали интеллигентность и культура? Ректор Ленинградского университета без приглашения не смел навестить студентов. Вот и думайте!

В период этой аварии я получил травму: краник не выдержал и с хорошим напором горячая вода хлынула мне на левую руку, поверх кисти. Пока расстегивал телогрейку, кожа предательски снялась и вены оголились. Хоть и успел с силой отпихнуть Саида, чтобы он не пострадал, но кривая струя задела и его. Притом, в область лица.

Приехала скорая. Врачей успокоил тем, что сами справимся. Они уехали и начался Армагеддон боли. Сон даже сниться не смел. Впервые буквально «лез на стенку» от жуткого ощущения боли, к которой невозможно было привыкнуть. Так выдержал неделю. Декана факультета Комарова жалел больше, чем себя, так как при виде моей раны ему стало плохо. Он предлагал помощь во всем, но и он не мог подарить простой, обычный сон. Делал вид, что все у меня хорошо, но глаза выдавали иное состояние души.

Аптечный, польский спрей не помогал. Через неделю прилетела сестра. Алла привезла народное средство от ожогов. Черная мазь, отдающая нефтью, стала моим спасением, причемнемедленным. В этот день я уснул. С каждым днем убеждался в достоинствах и превосходстве народной медицины. Снова жизнь заиграла красками и показалась малиной.

Месяц пролетел и постепенно жизнь начала обретать привычные черты: студенты возвращались, температура упала до тридцати. Вновь восстановил занятия по тому же «любимому» немецкому, которые далее откладывать было нельзя. Это была последняя возможность сдачи. Под самый конец аспирантуры.

Диссертацию написал за год. Научный руководитель знал об этом, но по моей просьбе никому не говорил. За оставшиеся два аспирантских года работал над докторской темой и многое удалось. Во-первых, кандидатская – это как хорошая дипломная работа со многими архивными материалами, вводимыми впервые. Одним словом, незначительные открытия. Что касается докторской, то необходимо заявить новое направление, что является основной задачей, ибо наука не должна стоять на месте, особенно в гуманитарной сфере. Первое, на чем сконцентрировал свое внимание – это апробация понятия «народоведческой публицистики» России в XVIII-XIX веках. До сих пор неровно дышу к этой теме, но, знаю, что разрабатывать ее не стану. Кто бы рискнул – все подскажу. Это весьма перспективная тема. В двух словах: газетные очерки первых зарубежных и отечественных путешественников – это огромный историко-литературный пласт, до сих пор толком не рассмотренный в столь широком формате.

Я же сделал акцент на простом решении проблемы: если ранее ученые первенство в становлении литературного процесса отдавали исключительно самим литературным произведениям, то мне это показалось неправильным с источниковедческой точки зрения: рассказ или повесть, очерк или новелла, в силу исторически сложившейся практики, сначала публиковались в газетах, а впоследствии в журналах, или выходили отдельными книгами. Именно газета становилась фундаментальной основой для писательской деятельности многих и многих русских литераторов. Одним

словом, от журналистики к литературе, а не наоборот.

Так, еще не имея за спиной кандидатской корки, сделал большой задел для своей докторской работы. Для чего я это пишу? Не потому, чтобы себя представить таким умным – это время уже давно прошло, по крайней мере для меня. Пишу для того, чтобы молодежь, которая соберется продолжать учебу в аспирантуре, не боялась ответственности заявлять новую теорию, твердо отстаивая свое видение проблемы. И не надо идти проторенной тропой – ищите свою. «Не боги горшки обжигают!»

Тем временем подходило время икс. Нервы мои оказались совсем не железными. Ежедневные занятия по иностранному языку сводили с ума, но лучше сойти с ума, чем вернуться к соседям, к тем же старикам в селе, не защитив диссертацию. Не буду же каждому объяснять, что «баклуши не бил», просто так вышло. Чем ближе подходил день сдачи, тем стремительнее росло волнение. Это был экзамен, который мог дать дорогу, как рабочий шлагбаум, а мог и остановить…

Утром, перед экзаменом, не пришлось просыпаться, так как вовсе не сомкнул глаз. Решил промыть лицо и вдруг в зеркале вижу, что в одном месте, справа, белое пятно на волосах. Начинаю смывать, ничего не получается. Думаю, значит это не от стен в коридоре, а краска. Но это пятно оказалось навсегда – за ночь выскочивший пучок седых волос на долгие годы стал моим знаком отличия, так как волосы оставались черными, а белый островок напоминал про ночь переживаний.

Все друзья ждали от меня положительной оценки, так как другого варианта для того, чтобы остаться в Ленинграде не было. Каждый пролет на лестнице, ведущей к аудитории, где заседала комиссия, остался в памяти…

Через некоторое время друзья и домочадцы стали свидетелями моей радости: сдал! Получил «тройбан» по цене четвертного. Тройка, открывшая дорогу на защиту диссертации и на все остальное, что ожидало впереди. А впереди была жизнь, полная грез, иллюзий и отдельных побед над собой, и не только…

Сергей Калицов, аспирант экономического факультета, всегда про всех все знал: у кого когда день рождения, кто умер, кто и когда едет в Осетию. Энциклопедия. Наряду с

тем, что он всегда был отличником, был еще и лучшим хозяйственником в доме: мог починить все, начиная с будильника и заканчивая газовой плитой. Мог за день навестить нескольких земляков и успеть по учебе выполнить задания на пять баллов. Большие голова и глаза, а также дикторский голос предрасполагали к высокой должности в будущем. Так, собственно, и случилось: несколько лет работал заместителем министра экономики в Осетии. Ученый, кандидат экономических наук. Его брат Инал, тоже кандидат, правда, социологических наук, в настоящее время возглавляет Контрольно-счетную палату республики. «Умный чиновник» – говорят о нем в народе. И отец, Алексей, много десятилетий работал доцентом Северо-Осетинского государственного университета. Прекрасной души человек. Всегда чуткий к проблемам молодежи, не поздоровавшись, никогда мимо не пройдет. Всегда искренне радовался нашим мелким победам в учебе.

Сергей был на первом курсе аспирантуры. Мы шли по Невскому проспекту. Ходил всегда быстро, как Ленин. Главное, говорил тоже много, но интересно. Пожалуй, из-за него стал в будущем ходить быстрее обычного, будто за мной кто-то гонится. Заглянули в Центральные авиакассы. Просто так. Чтобы знать, летит «прямой самолет» в Орджоникидзе или нет. На выходе к нам подошел высокий по сравнению с нами курсант-выпускник и смутившись, попросил три рубля. Он что-то еще говорил, но мы тут же полезли в карманы. Сергей и тут меня опередил. Пожелали ему хорошей дороги. Военный просил оставить адрес, чтобы вернуть. Мы посмеялись, мол, не беспокойся, лети на здоровье. Вроде бы рядовой случай, но потом узнаете, почему о нем упомянул.

Сергей приходил на помощь тоже первым. Когда родилась старшая дочь, пришел к нам и научил пеленать младенца, и как за ней следить и ухаживать. Неделю приходил и экзаменовал нас. Будучи аспирантом, успевал еще и лекции прочитать студентам. Где-то подрабатывал. А когда студент Академии художеств Сергей Цахилов, ныне известный художник-скульптор, в качестве дипломного проекта лепил огромную скульптуру Коста Хетагурова, то позировал тоже Калицов. Правда у Коста отдельные черты лица точно смахивали на моего современника. Может мне показалось или так сильно хотелось?

Вскоре у них с Тиминой родился Таймураз, ныне известный в Осетии русскоязычный писатель и журналист.

Мы с Сергеем и Аланом Караевым часто навещали землячку Римму Такаеву (девичья фамилия Дзираева) из Нальчика. Муж скоропостижно скончался, но она не растерялась и всего добивалась сама: сперва жила в коммунальной квартире от завода «Красный треугольник», где работала бухгалтером. Впоследствии трудилась в железнодорожных кассах. Через несколько лет купила большую квартиру с высокими потолками на Гороховой, первым хозяином которой был личный повар царя. Сын с кричащим и строгим именем Ибрагим, был худощав и скромен. Для него было большой радостью видеть нас в гостях. Вместе с тем, был самостоятелен не по годам во всем. Мать оставляла его дома одного, пятилетнего, и могла не беспокоиться. Римма – гостеприимная и умеющая в ленинградской коммуналке печь тонкослойные осетинские пироги. А еще от нее узнал, что кабардинцы готовят яичницу своеобразно, с добавлением сметаны. До сих пор у нас в меню этот рецепт в моем исполнении.

Ибрагим был любознательным. Ругал его по-дружески, почему не говорит на дигорском. Все понимал, но не разговаривал. Мама его тоже жаловалась на него, мол, хотя бы одно слово скажи. И время этого словечка само пришло. Римма рассказывала, еле сдерживая смех. Оказывается, сели на трамвай. Надо было проехать одну остановку. Можно и не платить – человеческая слабость. Но малыш заметил приближающегося к ним кондуктора и в страхе неминуемого штрафа, одернув за рукав маму, таинственно и еле слышно заговорил на дигорском, чтобы контролер не понял его: «Уруссаг арбацауй» (русский идет). Билет немедля оказался в руках мамы. Эта сценка напомнила сюжет из первой повести из осетинской жизни неизвестного автора Е.Ф. Козьмина «Хутор Сабы» (Владикавказ, 1883 г.). В конце девятнадцатого века горская детвора, наслышанная о карательных операциях царских войск, боялась русского человека, пусть даже одетого в гражданскую одежду. Они начинали метаться в своих дворах, передавая по цепочке «Урус, урус!» (русский, русский).

Так маленький пацан с грозным именем, заговорил на родном языке. Проблема осетинских, да и других кавказских

детей в целом, из года в год в вопросах развития национальной культуры и материнского языка, оставалась больной темой. Не имея практики, трудно не забыть язык. Большинство старалось отправлять детей на летние каникулы к родственникам. В качестве примера: у Константина Тамаева два сына, супруга русская. Все годы в Санкт-Петербурге, однако сыновья говорят на чистейшем дигорском языке только потому, что все летние каникулы проходили в Хазнидоне.

Другой не менее интересный случай: я навестил Таймураза Боллоева (надеюсь, представлять не надо, ибо займет слишком много места) в родовом горском ауле, откуда берут начало наши фамилии. На высоту более 1600 метров над уровнем моря проложил автомобильную дорогу, построил родовую башню и замок в стиле горской архаики, восстановил мечеть в память об отце. Заметил его двух сыновей школьного возраста, в поте лица и с трудом справляющихся с тяжелыми камнями для строящихся ворот. Спросил его, почему они так усердно работают. «Чтобы знали, как достаются жизненные блага и ценили то, что имеют». Оригинально, не правда ли? Это и есть личный пример и воспитание. Есть над чем задуматься.

Национальное в стиле наших предков, обогащает и дополняет. Находясь в несколько иной культурной и ментальной обстановке, на больших платформах мегаполиса, мы принимаем высокую культуру, ничуть не принижая свою собственную. Чувство первенства, возвеличивание себя и превосходства над другими – это отрицалось, как в древние времена, так и сегодня. А прогрессивный симбиоз порождает гармонию культур, пусть разных изначально, но одинаковых в стремлении к целостности взаимоотношений. История имеет правило молоть время поминутно. Память – строгая категория, но мы не лишены возможности строить будущее, находясь за рулем «Мерседеса» и, в то же время, не забывая про арбу из карагача, пропитанную кровью и потом наших отцов.

Накануне защиты кандидатской не пропускал возможности дольше насладиться атмосферой редких книг из фонда Публички. По мне бы ей работать круглые сутки, потому что, кто знает, когда еще свидимся по окончании аспирантуры. Как-то вышел из библиотеки в девять вечера. Решил пройтись, освежить голову. Пассаж заманил очередью. Мы же

хотим узнать, «что дают», будучи уверенными, что это не по карману. Это были белые женские сапоги фирмы «Саламандра», на сплошной платформе и натуральном меху. Стоимостью в 160 рублей. Подумал, вот были бы у меня эти деньги, купил бы жене, не раздумывая. И очередь бы отстоял, как надо. С этими мыслями покинул просторы универмага. Поехал на метро, до станции «Приморская». На эскалаторе меня вновь настигла мысль про те сапоги.

У выхода были две кабинки междугородней связи. По привычке, решил позвонить сестре, спросить ни о чем, просто так поговорить. Дверь одной из них открылась легко. И что я вижу! На узкой железной подставке для сумки, может для чего-то еще, лежал кошелек. До сих пор вспоминаю эту нежную лайку. Мягкость такой кожаной фурнитуры удивила. Открыл его. Там было ровно 160 рублей бумажными купюрами и во внутреннем кармашке на замке двадцать пятнадцатикопеечных монет. Я позвонил сестре и ей тоже заодно рассказал про находку. После этого стал ждать. Мало ли, явится хозяин этой находки. Удивительно? И мне, до сих пор. Полчаса ожидания не дали результата, кроме одного: в одном из отделений кошелька обнаружил талон на прохождение флюорографии с надписью: «Гулич Мария. 2 к. эк. ф.». Жена тут же стала рисовать фломастером текст с просьбой объявиться данной особе в нашей, 305 комнате. Студенты экономического факультета проживали в первом корпусе…

На следующий вечер, после похода в библиотеку, от радости не находили себе места. Она нашлась. Жена вручила ей кошелек. Спустя сутки такая картина: я направился в общежитие. По дороге жена с Алиной в коляске встретила на остановке. Направились домой. Общежитие освещалось очень плотно и было светло как днем. И вдруг она говорит: «Вот эта девушка, чей кошелек ты нашел!» Мы думали обрадуется нам. Кто знает, может за стуки не признала жену. Она даже не поздоровалась.

Речь не о ней совсем. Если Мария Гулич из Минска прочитает эту историю – вспомнит. Дело в другом. Когда нашел деньги, мне казалось, Всевышний наблюдает за мной и испытывает, кто я и чего стою. Экзамен. Сдам или нет?

Заодно вспомнил тогда историю от отца. Он служил в Кишиневе все четыре послевоенных года с 1949 по 1952 год.

Его призвали сразу после свадьбы. Жена с двумя маленькими детьми еле выжила и дождалась отца. В отсутствии кормильца, только чудо и редкая благосклонность со стороны сестер, проживающих в другом селе, дали выжить им на так называемой муке с водой (халтама). В это время отец обнаружил в бане сумку, полную связок банкнот. Ждал, кто явится. И через час полковая кассирша впопыхах явилась к двери войсковой бани. Тогда времена были другие, получку забирали домой и с утра начинали выдавать зарплату. Вот такой случай тоже имеет место для воспоминаний. Он с такой любовью вспоминал Молдавию, войсковую часть! Если что не смог ему при жизни сделать приятное, так это то, что не отвез в Кишинев на экскурсию. Надо было! Слишком поздно начинаем понимать, что в жизни первично…

Случайность или закономерность? На этот вопрос отвечают многие и по-своему. Я промолчу, просто поведаю правду, а вам судить. Помните, в самом начале акцентировал внимание на курсанте? Не случайно…

Защита диссертации после предварительной экспертизы на кафедре – это уже как детская игра. Пройти кафедру, значит испытать все: или собственную ограниченность в познаниях или, наоборот, почувствовать твердость почвы под ногами и замахнуться на что-то новое, большее.

Ленинградский университет ни в чем не изменял себе. Он был классическим, значит таким, каким был при Ломоносове. Не переставал удивляться судьбе, предоставив такую уникальную возможность мальчику из Лескена, где такой свежий воздух и вид на двуглавый Казбек и гору Уаза.

Село детства – это как вечный штамп, от которого не скрыться, как бы тебе ни хотелось. Там даже роса другая и лай собак. Даже куры поют в унисон, оставаясь со своими индивидуальными затравками. Правда, до поры, до времени. Гость придет и жизнь, будто ее не было. Интересен другой случай из недолговечной судьбинушки: петушиный крик приятен утром, под шум пробуждающейся улицы, но плох, если ночью раздастся, да еще в исполнении курицы. Это к беде. Хозяин в доме одевается и осторожно пробирается в их тесную коммуналку, которую почему-то называют курятником, хотя, судя по походке и умению держаться, петух является хозяином в доме и женихом всех невест.

Если запела курица «Кукареку», что является секретом природы или анатомической тайной, опасность нависает над кем-то из мужчин в доме. Однажды стал свидетелем такой экзекуции, будучи во втором классе. Отец, не помню где был. Кажется, уехал на сезонную работу. Мать разбудила меня посреди ночи и сказала, что одна курица беспредельничает. Это очень редкое явление, кстати. Я тут же вскочил и пошел наблюдать за этой дурой. Вскоре она вновь опробовала голосовые связки, без капли стеснения от моего присутствия. Тут же я ее схватил за ноги. Повалил, как этого требует традиция, в сторону Мекки и, быстро прочитав «БисмиЛляхи-р-Рахмани-р-Рахим» (Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного) полоснул лезвием ножа. Эти слова следует произносить перед любым важным делом. Это тоже особый ритуал, не так, как в русских селениях, топором чик и делу конец. У мусульман это считается грехом. Внимательное отношение к птице в ее последние минуты мужчина – женщина, кстати, не должна резать никакое животное – тем самым разделяет ее участь, понимая, что жизнь и смерть стоят рядом, только время отмеряет Всевышний. Минут семь продолжается гильотинная процедура: спокойно, замерев, будто это самой птичке важнее, чем едокам свежей курятины. На самом деле куда спокойнее, что предотвратили горе в доме.

Где университет, спросите вы, и где куры в Лескене? В том-то и беда наша, что не видим жизнь как одно целое: все важно в ней – матушке-природе. Все в ней едино: как калмыцкий обряд очищения огнем, так и чеченский зикр. Все родное для всех, просто в разных форматах. А университет, как школа быта и поведения человека в обществе. Только доходит до нас по-разному. Где-то помогает книга, а где личный пример. Для меня примером стали мемориальные доски внутри вузовского дворика. Какие были люди! Разве мог я поступать нехорошо? Нам кажется, порой, что человек умер и с ним умерла его суть. Нет. Мы учимся на примерах, достойных подражания.

Защита прошла. Первый «кирпич» – бумажный вариант твоих мыслей в пяти экземплярах, остается в библиотеках и на кафедрах. Но один из них вместе с сопроводительной документацией отправляется почтой в Высшую аттестационную комиссию, в Москву. Почему-то многим, в том числе

и мне, казалось, что по дороге могут потерять и тогда одним расстройством не обойдется, это будет стресс на всю жизнь. По опыту ранее защитившихся, тоже решил самолично отвезти в златоглавую. Смешно, но факт: в ВАК заносить диссертацию нельзя (позже, в эпоху перестройки, разрешили). Через дорогу почтовое отделение. Такое же, как везде, в том числе и в Ленинграде. Будто здесь не может затеряться, хотя никак не припомню ни единой почтовой пропажи.

Сдал труд. Обратный поезд только поздним вечером. Времени предостаточно. Прошелся по Красной площади, по книжным магазинам. Все равно еще рано. Пошел смотреть кино. Купил беляши. Транжирю время как могу, а оно будто застыло. Наконец, подали наш состав, и все ринулись на платформу. Я особо не спешил. Главное, все успел.

В купе все были на месте, кроме меня. Поздоровался, правда, не расслышал ответа. Подумал: рассчитывали, что не явлюсь. Через три минуты поезд тронулся. Сидим, молчим. Всегда поражает это гробовое молчание в купе. Почему-то европейцы тут же знакомятся и разговаривают. У нас не так. Если под коньячок – тогда все свои. Но и компания должна соответствовать духу и желанию коллектива. Нас было трое мужчин и одна женщина. Так и не понял, семейная пара или просто знакомые. То ли из тех, которые просто надоели друг другу не со зла, а просто так – устали. Без зла и обид. Вот и уставились в окно, хотя еще стояли. Рядом молодой офицер читал свежую газету. Минуты три как послушался голос пожилой проводницы: «Готовим деньги за белье». Ешкин кот! Совсем из головы вылетело, что одно дело приобрести билет, другое оплатить постельное белье, которое тогда нередко отличалось запахом хлорки, черной квадратной печатью, как на форме арестантов. Если попалась половина простыни – не проблема, поменяют, с видом «фирма веников не вяжет, а если вяжет, то фирменные».

Голос проводницы уничтожил все самое светлое на данный момент жизни. Беляши и кино, конечно, не были лишними, но как мне в глаза смотреть партнерам по купе: злой паре и стройному офицеру. Как стыдно! Сейчас они подумают, с ними едет кавказец – вор и мошенник. Глаз не сомкнут. Я в мышеловке. Ладно, что будет, то будет.

– Товарищи, – начал не спеша, взвесив все, даже слова. Немолодая пара впервые отвлеклась от скуки. Офицер

отложил газету и пристально посмотрел на меня, будто хотел поздороваться. – Сейчас придет проводница, попросит оплатить за белье. Так получилось, забыл… Прошу не думать плохо. Не рассчитал. Не прошу денег, просто от вас неудобно очень.

– Да вы не волнуйтесь, – весело произнес военный. – Все нормально. Вы, конечно, меня не помните?

– Видимо с кем-то путаете меня, офицер. Дружу с памятью, – ответил я.

– А я Вас помню.

Надо же такому случиться! Он напомнил про три рубля у авиакасс на Невском. Все сказал правильно. И то, что со мной был мой друг Сергей Калицов. Мы еще час говорили с ним. Старший лейтенант ехал в Кронштадт. Вспомнил его, высокого выпускника военного училища. Он предложил мне деньги, но я отказался. В кармане были пять копеек на автобус под номером семь, прямой маршрут до общежития. Он попросил написать адрес, в надежде увидеться в Ленинграде. Но вскоре я уехал в Осетию в свою первую альма-матер. Вот вам и чистая правда, как с Автондилом из селения Ерокко, ныне проживающим где-то в Турции.

С Ленинградом прощаться – дело не из легких. Нева не отпускает. Вместе с тем, чувство сопричастности к родине, желание начать профессиональную жизнь, налагает обязательства как перед семьей, так и университетом, направившим в северную столицу. Это не просто слова – тогда все были такими. И друзья были настоящими. Помню, как трудно было расстаться с Саидом. А Коля Пинясов смотрел вслед и говорил, скорее бы, «чтоб не опозориться из-за своей сентиментальности».

Позади три интересных года, полные задора, романтики и научных поисков. Среди них выделяется и общественная деятельность, проводимая в рамках сотрудничества с землячеством. Много времени не уделял никто. Старались собираться, обсуждать, наметить планы. Руководил бессменный на то время председатель, авиатор Валерий Фриев. Разносторонний, трудяга и инициатор всех событий нашей общины. Кто как мог, участвовал. Силой не заставляли никого «родину любить», как сейчас. Ведь у нас было государство, которое чутко отслеживало все процессы межнацио-

нального согласия, и если все же возникали проблемы, то рядовые, не заметные большому кругу людей.

В этой книге не могу не уделить внимания человеку, который до сих пор поражает мое воображение своей преданностью осетинской национальной культуре. Это руководитель нашего танцевального ансамбля «Иристон». В те годы такую общественную ношу взвалить на себя не решался никто. Сегодня этот коллектив, состоящий из многочисленного студенческого отряда имеет славную историю: лауреат всероссийских и международных конкурсов. Заслуженный деятель культуры Республики Северная Осетия-Алания Фатима Савельевна Алдатова десятки лет представляет каждого из нас в многонациональной семье народов, проживающих в Ленинграде – Санкт-Петербурге. Не хотелось бы бежать впереди той же самой арбы, так как спустя некоторое время вновь вернусь в этот город, но под другим названием, и тогда будет куда уместнее раскрыть все, что связано с этим удивительным коллективом.

ЗДРАВСТВУЙ, РОДИНА! Я ВЕРНУЛСЯ!

Прибыв в Северо-Осетинский государственный университет, столкнулся с новыми, в отличие от Ленинградских, проблемами. Кто-то ссылался на «семейственность», имея в виду известного ученого Харума Алихановича Таказова, работавшего на филологическом факультете, кто-то придумывал иные причины. Надо отдать должное ректору Ахсарбеку Галазову, полгода назад сказавшему мне, чтобы я «начал журналистику». И Сулейману Сабаеву, открывшему с моим приездом специализацию по направлению. Одним словом, все встало на свои места и очень скоро. 15 февраля 1988 года я прочитал первую лекцию нескольким студентам-филологам, записавшимся в группу СМИ. Одной из них была Анжела Кастуева, впоследствии возглавившая пресс-службу следственного департамента МВД России. Предельная собранность и любознательность отличали ее от остальных. Грамотная и целеустремленная Анжела достигла больших успехов в карьере.

На сайте университета говорится, что факультет журналистики как самостоятельное структурное подразделение СОГУ функционирует с 2002 года. В том году только название поменяли, а не учредили сам факультет. Не отнимайте у себя свою историю. Это важно для абитуриента и истории гуманитарного образования в СОГУ. Где же получили диплом журналиста практически все бывшие и настоящие руководители республиканских СМИ? Среди них Алан Диамбеков, Тимур Кусов, Максим Березин, Илья Костин (светлая память), Руслан Бекуров, Залина Хубецова, Мадина Каражаева – доценты вузов Санкт-Петербурга, полковники Алан Парастаев и Валерий Гамосов, депутат Тамара Таболова,

майор Анжела Царикаева, редакторы Эльбрус Дзабиев, Марина Битарова и Альбина Олисаева, заместитель министра Сослан Мамсуров и многие другие? Во многих вузах страны журналистика начиналась со специализации, и свои вехи прошлого они начинают именно с нее. Судя по «осетинскому летоисчислению» Санкт-Петербургскому государственному университету 29 лет.

Для справки привожу данные из истории факультета журналистики СОГУ им. К.Л. Хетагурова:

– 15 февраля 1988 года – открытие специализации по русской и осетинской журналистике при кафедре советской литературы. Заведующий кафедрой доктор филологических наук, профессор С.Б. Сабаев;

– 1990 г. – открытие факультета осетинской филологии и журналистики. Первым исполняющим обязанности руководителя назначили кандидата филологических наук, доцента В.Н. Цаллагова, а через год он же был избран первым деканом;

– 1993 – 2001 гг. – декан Р.З. Комаева, кандидат филологических наук, профессор;

– 1999 – 2001 гг. – декан В.Д. Таказов, доктор филологических наук, профессор;

– 2001 – 2015 гг. – декан З.Х. Тедтоева, кандидат педагогических наук, профессор;

– С 2015 по сегодняшний день – декан Ф.С. Хабалова.

Интересно, когда в Осетии белое начнут называть белым, а не голубым – в хорошем смысле слова, если у него еще остался такой смысл. Без обид.

Когда осетин, в молодости получивший образование в Москве, Ленинграде или других ведущих вузах страны, возвращался на родину, он обретал странное ощущение. Жизнь продолжалась в том же русле. Между тем, в первые же дни начинал понимать, что чего-то особенного не достает: колорита в общении и комфорта на кафедрах. Если в Ленинграде каждая встреча с коллегами приносила атмосферу добра и желания в каком-то научном или бытовом вопросе поучаствовать сообща, то, родина отвечала строгостью: ставила на место, каким-то только интуитивно понятным способом передавая команды: «Это можно, а это нельзя». И без вопросов. Спустя месяц, начал понимать, что тут неплохо, да и студенты смышленые, рвущиеся к позна-

нию себя и общества. Первые опыты в практической журналистике, в продвижении юного организма, как личности, в бесконечный мир популярности, постепенно делало их другими, светлыми и нужными. Строго одетые в черные костюмы и в выглаженных галстуках Алан Парастаев, Заур Хубаев, Казбек Цагаев с осетинского отделения и вечно в поиске Анжела Кастуева с русского филфака задавали тон новой специальности.

Каждый студент жаждал глобуса – всей планеты. Вскоре появились новые желающие вступить в их ряды, но было поздно: лингвисты и литераторы тоже нужны обществу. С первых дней сотрудничества установили порядок посещения редакций всех республиканских газет. Телевидение пришло позже. Среди них отчетливо замечал романтиков и скрытых карьеристов, что нравилось очень. Их первые заметки мной возносились до небес и, вместе с тем, плавно опускались на землю через критику их слога и формы подачи.

Из-за нехватки количества часов по журналистике, пришлось освоить смежные, филологические дисциплины кафедры: советская литература для студентов факультета иностранных языков и часть литературы народов СССР, читаемых доцентом Н. Мамиевой, большой любительницы творчества Низами Гянджеви, автора пяти поэм, а именно: «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц», «Искендер-наме». Странным казалось, что великого философа и поэта Абу́ Муха́ммед Илья́с ибн Юсуфа, известного под псевдонимом Низами́ Гянджеви, ни разу не назвала курдом. И это несмотря на то, что все вышеперечисленные сокровищницы мировой литературы написаны на курдском языке, на диалекте сорани. Спишем это на судьбу многострадального Курдистана.

Молчание – золото, если впереди видишь очертания своего будущего. Спорить с коллегой не имело смысла и в том, что она перед лекциями на вечернем отделении с особым азартом ела чеснок без хлеба. Кафедра наполнялась запахом древней медицины. В это время нас было только двое: ей в кайф вечернее испытание – проживала рядом, на «Осетинке». Мне же, ассистенту, приходилось читать 1200, именно тысячу двести часов на дневном, порой и на заочном, и на вечернем отделениях. Проживал на БАМе – это новостройка города, прямо как БАМ на востоке Сибири.

Чтобы с ума не сойти от повтора одних и тех же лекционных тем, старался добавлять в содержание такие новые для нашей провинции понятия как декаданс и авангард. Странно, что именно тогда был вызван во второй отдел университета и познакомился с человеком, который впоследствии переведется в Санкт-Петербург по недвусмысленной профессиональной линии и мы сдружились, нередко встречаясь на мероприятиях осетинского землячества.

Это была хорошая школа для испытания на износ своих возможностей. Я не был первым ассистентом, кто читал за двоих, хотя статус, по правилам, вовсе не располагал к лекторству. На ассистенте пахали все, кому не лень. «Ты должен оправдать доверие, – строго прозвучало напутствие заведующего кафедрой Сулеймана Сабаева. – С одной стороны ты дигорец, с другой родственник Харума (имелся в виду профессор Таказов, который мне всем дядям дядя, только до сих пор не знаю, как и кем мы друг другу доводимся). – Постарайся быть на уровне».

Что касается дигорца, долго объяснять, но что-то типа «ты русский, но еврей» (в более слабой форме). Дигорцы, лишенные родной азбуки, алфавита, письменности и газет на родном языке, заимели некий штамп отверженных. Все, конечно, относительно, но это чистая правда. Может сыграл свою роль и тот факт, что они явились создателями первой революционно-демократической национальной партии «Кермéн» – осетинской партийной организации, возникшей летом 1917 года во Владикавказском округе Терской области, ныне Северная Осетия. Позже организация вошла в состав РКП(б). Благо, постепенно рок сменился на милость с шутливой оговоркой про дигорцев, как про «осетин высшей пробы». Правда, в каждой шутке, есть доля самой шутки, но это отдельная тема.

Вот я и старался. Надеялся. Верил. На редкие вопросы о совершенстве социалистического строя и такого же реализма отвечал так, чтобы было понятно, да не совсем. Студенты не дадут соврать, первый вопрос в самом начале трудовой деятельности прозвучал так: «Вы верите в коммунизм?» Помня о причине ссылки одного из первых осетинских профессоров сталинской эпохи Губади Дзагурова, ответил «вроде да, а вроде нет». Умнейшего Губади в стенах данного вуза спросили: «Язык Сталина литературный?» Дав

характеристику литературному языку, через неделю был сослан в Таджикистан на десятилетия, где напишет грамматику таджикского языка и соберет десятки томов фольклора на Памире. Дятлов, другими словами, стукачей в Осетии хватало – их всегда было много. Неслучайно большая часть интеллигенции была репрессирована задолго до Отечественной войны. Осетин – Героев Советского Союза больше всех, если считать на душу населения, но и по количеству репрессированных мы на том же месте. Эта практика доносительства имеет место быть и сегодня. Что интересно, таким людям легче удавалось занять должности, к которым другие, остававшиеся при своем цивилизованном мнении, шли годами. Сегодня также, ничего не меняется. Не всем дано стесняться себя самого. Потом начинаем удивляться, где наши корни? В доносах и ГУЛАГе. Как правило, ссылали не только мужчин, но и их родственников. Ряд осетинских фамилий из-за этого вовсе исчезли.

Мне казалось, что студентам не хватало старшего товарища для откровенных бесед обо всем. Даже ни о чем. Мы смело шли после занятий выпить по чашке кофе и продолжить беседу. Каждый год, когда приезжаю в Осетию, читаю лекцию для будущих журналистов. Два года назад, как обычно, не хватило времени, и я по привычке добавил: «Я по делам в университете. Буду еще пару часов. Как закончите, жду вас в кофейне на Бутырина. Угощаю». Это вызвало странные взгляды и даже смех. Конечно, понял: как так, с профессором пить кофе? Они просто в другой, несколько иной среде, где мой коллега в Осетии вряд ли себе позволит такую свободу мысли и действий. Пройдут годы и кофе станет для моих осетинских и питерских студентов хорошим поводом для дискуссий.

Кафедра советской литературы славилась своей безлюдностью. К нам редко заходили коллеги с других кафедр. Гассиева Вера Захаровна, впоследствии защитившая докторскую диссертацию по образной системе Ф.М. Достовского, считала, что весь филологический мир университета со времен первого ректора Цомака Гадиева, ополчился на нее и в каждом видела недобитого врага. Первым в этих списках значился профессор Сулейман Сабаев, вторым – доцент Джабраил Дедегкаев, третьим был я – сплошной дигорский анахронизм, не дающий никому покоя. Впослед-

ствии пришел еще один – доцент Володя Бекоев, спокойный до чертиков, соглашавшийся с ней во всем, лишь бы ей не отвечать. Такая атмосфера на кафедре стала хорошей причиной редкого появления заведующего и Джабраила, который на вопрос: «Как Вы работаете?», указывая ему на очередное опоздание, уверенно отвечал: «Как платите, так и работаю». Мне нельзя было пропускать занятия ни за что. Даже не помню, был такой случай или нет, не считая весомой уважительной причины – похорон. Это святое. Нередко часы откладывались, автобусы подавались к вузу и уезжали на проводы родственника кого-то из универсантов. Думаю, эта практика сохранилась до сих пор.

Приспособиться можно ко всему, даже к необитаемому острову. Правила факультета становились родными, несмотря на предыдущую столичную практику. Порой становился свидетелем событий «от Жванецкого».

Сегодня-то заседание профсоюзной организации филологического факультета отдает и новизной, и своевременной актуальностью. Уже два часа большой коллектив гуманитариев, во главе с деканом и умным экономистом Маратом Казбековым, не мог принять решение по весьма злободневной теме выделения автомобиля «Жигули», а если точнее, то права на его приобретение. Больше всех выступала группа поддержки Риммы Заурбековны Комаевой, которая пять лет назад уже воспользовалась этим правом. По мнению Зинаиды Хасанбековны Тедтоевой, навеки преданной соратницы, «Комаевой полагается, так как от этого судьбоносного права прошло уже пять лет». Кто-то съязвил, мол, в таком случае еще долго всем остальным не видать «жигулят». Ничего не напоминает?

Требование по обнулению срока не прошло. Но и не было принято решение. Голосующие отдали предпочтение скромно сидящему в конце аудитории профессору Сабаеву. Между тем, понимая всю сложность любой ситуации, связанной с Комаевой, Марат Гадзоевич обратился к народу: «Какое решение принять?» Все молчали. Наступила тишина, ничего хорошего не обещающая для тех, кто не поддержал Римму Заурбековну. Наконец, Сулейман Базжеевич, не первый раз услышав просьбу декана о формулировке решения собрания, разрядил обстановку: «Обдумать!» Зал ожил. Появилась надежда на продолжение жизни и трудовой дея-

тельности. У кого-то открылось второе дыхание.

Вскоре профессор Сабаев, зорко отслеживая каждый километр на спидометре, не нарушая правила при вождении и нерабочем двигателе, гарцевал как «новый русский в фиолетовом пиджаке» и с кожаной барсеткой. Всем за него было приятно. Заслужил. Не то, что некоторые…

Период с 1988 по 1991 год, когда первый раз рухнул рубль, был еще советским: все необходимое для человека было в свободном доступе. Продукты и промышленные товары продавались по таким ценам, что иначе, как коммунизмом не назовешь. Правда, без изыска: джинсы на полках не валялись, импорт покупали у спекулянтов, на «Скотном рынке». В этом деле преуспели ингушки. Если нужен хороший товар для свадьбы – прямая дорога по их адресам. Им тоже далеко до армян и азербайджанцев, но на осетинском рынке им не было равных. Они куда предприимчивее нас. У них и у чеченцев запах денег вызывает куда больший интерес. И это не только в ширпотребе: почти вся зелень – лук, черемша, петрушка, укроп и прочая поступала из Ингушетии.

Работники ОБХСС боролись со спекуляцией ровно настолько, насколько требовало начальство, а потому на рынке, что на улице Пушкинской, по выходным дням ассортимент вовсе не соответствовал своей специализации на сельхозпродукции. В качестве оправдания выставлялся камуфляжный – короткий и узкий ряд птицы и барашек. Кримпленовые платья и самопальные джинсы из подпольных армянских цехов города до полудня продавались с азартом. После этого оставались самые жадные, которых борцы со спекуляцией задерживали для проформы и создания видимости бурной деятельности.

В целом, понятие «сделать вид» на работе означало номинальное появление на рабочем месте. Проявление такого коммунизма не одну империю уничтожило в угоду другой, ожидающей той же участи. Мы привыкли так жить: отработал свое время – свободен. План выполнялся всегда. По бумагам – однозначно. Я бы пожил еще при СССР, где кило сахара в моем селении и Ашхабаде стоило одинаково – 81 копейка. За тунеядство сажали без сожаления. Социалистическое соревнование, не вдаваясь в его суть, как и в градацию переходных красных знамен и вымпелов, било все возможные и не очень возможные рекорды.

Ничего не менялось только в образовании: надо было учить молодежь должным образом. Педагоги десятилетиями читали одни и те же лекции. Научный коммунизм, казалось, ни у кого не вызывал сомнений в его полезности и неотвратимости, при всей его безнадежной утопичности, граничащей с безумием. Журналистика, как идеологическая машина, работала исправно. Пенсии выплачивались также. Редко, кто в частом секторе закрывал двери, а в городе все были в курсе о месте нахождения примитивного ключа от квартиры под ковриком.

Студенты вузов и техникумов, а также школьники в селах, стремились осенью подольше задержаться в деревянных бараках под бесконечный хохот и первые свидания с «местными», со взглядами голодных волков при виде овечьей отары. Многое зависело от пастуха, чтобы умудриться проследить за всеми. Подобная участь «смотрящего» не обошла стороной и меня, когда в первые годы оправдания своей должности ассистента, выезжал в Бесланский плодопитомник для сбора сочных яблок и картофеля. Совхоз предоставлял помещения и ряд кривых умывальников. Главным агрономом предприятия работал мой свояк, Энвер Тохтиев, работяга и мастер на все руки, каких мало. Честный и порядочный был человек (светлая память).

Энвер поздно ночью уезжал, а моя работа только начиналась: частые разборки под запах местного самогона мне надоели в первую неделю. Местным выставил ультиматум: «Или я по ночам сплю спокойно, или отряд на следующий день уезжает. У вас, страдальцев, день на размышление. Или заберите своих «невест» домой, для себя или своего баба (деда), мне без разницы. Только не забудьте их предупредить, что у нас, не как как в Воронеже, тем более, в Москве». Я имел в виду особые условия для осетинской невесты: вставать с первыми кукарешками (в советское время и подумать не мог, что, так называемая «эмансипационс» заставит искать синоним слову «петух». О времена, о нравы! Не могу же огласить, что невесты-осетинки встают с первыми петухами).

После этого ненадолго наступал примерный распорядок. Больше всех тишину в армии филологинь поддерживал студент Джибилов. Алан родом из Беслана и мог с ними общаться на их языке поведения. Когда надо было при-

струнивал кулаком или необычным сленгом, трудно переводимым из-за непонятных мне отдельных идиом. Он был старостой курса, отличником учебы, всегда одетым с иголочки и при галстуке. После армии обычно ребята борзые, а он – скромняга и требовательный к себе и курсу.

Интересно сложилась дальнейшая судьба этого парня. После третьего курса, когда скончался отец, решил бросить учебу, так как остался за хозяина и кормильца для матери и сестры. Еле уговорил перевестись на заочное отделение студента, который подавал большие надежды на блестящее будущее. Успел выступить в печати с научной публикацией, получить первую степень на конференции в Ленинградском университете. Заслужил авторитет у всех на факультете.

Через год, прилетев из Москвы, в аэропорту Беслана я застал несусветную жару. Вдали от трапа, с ружьем на плече, в старой военной форме и таких же разбитых сапогах, больше похожих на полуботинки, за прибывшими строго следил солдат. Это был Алан Джибилов. Так, один из лучших студентов факультета и наша гордость вынужденно и кардинально сменил условия жизни. Так несколько лет. Не буду все расписывать, но со временем стал наверстывать упущенное. Окончив еще один вуз по линии государственной службы, становясь узнаваемой личностью в республике, возглавил Министерство транспорта, энергетики и промышленности. Это я к тому, что любые невзгоды можно пережить, лишь бы не потерять веру в себя, и человека в себе.

В Осетии, как во многих субъектах страны, устоялась практика смены команд при новом руководстве республики. Экс-министр и блестяще защитивший кандидатскую диссертацию по политике в СПБГУ, сегодня безработный. Заслужив уважение среди местного населения, пройдя все ступени роста, профессионал, каких мало, будучи молодым и энергичным, доживает свой век среди соседей и друзей, оставаясь тем же любителем книг по политике. Уверен, его час пробьет вновь…

Даже при царском режиме специалистов просили остаться на руководящих постах директоров промышленных предприятий, не говоря о плененных немцах в период Великой Отечественной войны. Как же обустраивать Россию-матушку? Таких Аланов тысячи в стране.

Университет Коста, следуя советским параметрам кадрового обновления, продолжал растить умных специалистов в разных сферах. «Ученый» – звучало гордо, как и педагог в школе. В эти же годы вернулись кандидаты наук из Москвы. Например, востоковед-историк Борис Койбаев – ученик Евгения Примакова, а ныне доктор политических наук, экономист Руслан Цаликов, ныне первый заместитель министра обороны. Стремление к совершенству было неотъемлемой чертой универсантов. Отношение к сотрудникам вуза со стороны государства и ректора, в частности, было уникальным.

Помнится, в 1989 году в Политехническом институте в Москве начиналась конференция, посвященная 150-летию изобретения фотографии. Билетов не осталось на самолет. Пришел к ректору, Ахсарбеку Галазову. В кабинете у него совещались проректоры Анатолий Райцев и Владислав Койбаев. Отложив беседу, выслушал. Тут же стал звонить в обком партии и через десять минут бронь была переоформлена на меня. Это кому-то покажется мелочью, но не мне.

Тем временем журналистика повышала свой статус, и желающих связать свою жизнь с нею становилось все больше. Через год Галазов стал первым президентом Осетии, а ректором вскоре был избран известный журналист, доктор исторических наук, профессор Ахурбек Алиханович Магометов. Он поверил, что под руководством доцента Владимира Цаллагова мы сможем вывести факультет осетинской филологии и журналистки на хороший профессиональный уровень. Владимир Николаевич в прошлом выпускник журфака МГУ имени М.В. Ломоносова. Работать с ним было интересно. Со студентами контакт находил быстро. Но его погубили демократический дух и открытость при общении с Комаевой. Многоопытная стратегиня и интриганка с большой выслугой лет, она в 1993 году сделала свое дело и заняла место декана. Что-что, но в кулуарных баттлах была сильнее многих. Она умела пользоваться богатством русского языка. Грамотной и красивой речью могла подавить танковое сражение. Могла прилюдно «ущемить» за неправильное ударение. Сарказм в исполнении Комаевой – отдельная тема, полная актерского мастерства и красноречия.

Римма Заурбековна на заседаниях, больших и малых, выступала так, чтобы не все поняли секрет оратора, чувствующего нерв толпы. Она прекрасно понимала свое пре-

восходство, состоящее из любви к себе, в первую очередь, а также из ощущения нерва толпы. Умела повысить голос там, где надо было, сделать замечание во время доклада даже членам президиума, но ректору никогда. Субординацию не переходила, хотя могла сделать вид, что и первое лицо республики подвластно ей. Гордыня, обусловленная ежедневной практикой осетинской общественной жизни, и сегодня поощряющей привычку беспричинно кланяться пафосным личностям и тут же плевать им вслед, вечным облаком витала над университетом. Ей бы родиться в эпоху Вечного города! Уроки ораторского искусства от Комаевой имели бы ошеломляющий успех. Так, как во время ее периодических выступлений на заседаниях «Большого Совета»: последнее предложение звучало так, что раздавался уместный хохот или гробовое молчание. «Мавр сделал свое дело» – читалось во взгляде, многолетней осанке, по типу «все болит, а я живу». Сменив вторые очки – вечные безбилетники на шее, гармонично сочетались с ее амплуа, и медленно спускалась к народу. То ли трибуна не отпускала, то ли наоборот, но движения были достойны не королевы – короля.

Тем временем, так называемая, «перестро́йка» – общее название реформ и новой идеологии советского партийного руководства, инициированных генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым в 1986–1991 годах, быстрыми темпами наступала на мозоли российской провинции, пока не превратилась в опухоль всей страны. Новые директивы власти, нередко противоречащие элементарной логике, вводили в заблуждение и руководство, и педагогов. Запомнилось выражение ректора Магометова, по-видимому изрядно уставшего от бредовых постановлений Москвы. Он сказал: «Представим себе, что ничего не случилось. Никакой перестройки тоже. Мы просто должны работать так же хорошо, как и до нее». Но так уже не получалось, хотя бы по той простой причине, что доллар падал без промежуточных остановок, люди чуяли хаос всеми своими нервными окончаниями, холодильники становились полупустыми. Наша тройка: Альберт Бурдули, Борис Койбаев и я отказывались от привычного обеда за пять рублей на всех, в «Интуристе», что на проспекте Мира. Вместо привычной пятерки надо было доставать пятнадцать.

Еще недавно мои ассистентские 160 рублей покрывали расходы настолько, что жизнь казалась почти малиной. А через три года, в 1990-м с доцентской зарплатой денег девать было некуда. Сто рублей откладывали на книжку, хватало на все и вся. В связи с получением звания доцента не могу не вспомнить Сулеймана Базжеевича, заведующего кафедрой.

Сабаев – человек спокойных нравов во всем. Хоть война – ни одна жила не дрогнет. Присел напротив. Ничего не предвещало бури, если бы даже случилось цунами – его природное спокойствие сильнее. Но мне удалось внести коррективы в его генетический код.

– Сулейман Базжеевич, – начал я, поднажав на фонему «ж» со всеми ее формами: она может произноситься как долгий мягкий передненебный звонкий щелевой, либо как твердый согласный, но тоже долгий. Выбрал второе. – Пора бы заняться документами по доцентству, как Вы считаете?

Это был далеко не вопрос, а скорее проба выносливости оппонента и моей личной безмерной наглости. Чтобы стало понятно, в тридцать лет стать доцентом может кому-то удавалось и до меня, но на филфаке – не припомню. Профессор пил чай и закусывал печеньем. Удивительно, что печенье не тот продукт, что осаждает желудок своей неподатливостью. Но только не в моем случае. Хочу, чтобы вы представили ситуацию, будто к алдару (высшее сословие у осетин) пришел ихуарст (наемный работник, не имеющий никаких прав в обществе, кроме как дышать воздухом) и заявил: «Люблю Вашу дочь – выдайте ее за меня!»

Заведующий все продолжал мять какую-то жижу во рту. Я знал, что это когда-то было печеньем, а мой старший коллега напрочь забыл об этом и думал, не во сне ли он, когда же этот замысловатый сюжет исчезнет, а он вновь задышит природой, ценящий жизнь до последнего глотка, до изюминки бытия… И он резко спустился на землю. Посмотрел на меня как на глобус, в котором затеряна точка опоры, чтобы взяться упереться в нее и не дать волю кулакам.

– Ты, вообще, подумал, что ты произнес? – отодвинув чай и достав «Беломор» из кармана, профессор вытер лоб скомканным носовым платком. – В прошлом году стал старшим преподавателем, а теперь доцентом? Ты знаешь, сколько лет мне было когда я стал доцентом? – это была скорее угроза,

чем вопрос, и, конечно, совсем не любопытство. Но меня не остановило данное действо, тем более испорченный полдник. Полюбопытствовал насчет срока присуждения искомого звания. «В пятьдесят два года, мой друг!» – прозвучал ответ, полный внутренней злобы на общество, на стены, на недопитую чашку чая и пережеванное печенье. В голосе Сулеймана обнажилась страна, застывшая в порядках по типу «так не положено», забыв, что есть положения и законы, написанные черным по белому, что если у претендента количество научных статей и монографий соответствует обозначенному количеству, то ему лучше собирать документы, вместо данного разговора двух дигорцев в обличие Цезаря и новоиспеченного спартанца. Верхи не хотят, низы не могут.

Заручившись железным отказом от моего односельчанина, пришел к проректору Анатолию Васильевичу Райцеву и спросил его: «Если у претендента на звание доцента в три раза больше работ, чем требуется, это грех или преимущество?» Через пять минут заявление на его имя стройной лошадкой искало папку с надписью: «На Совет».

Мой хороший заведующий и простой лескенец успел пожаловаться на меня моему отцу. Отец не все понял и пришлось объяснить, что мир меняется, надо в молодости успеть что-то правильное сотворить, а в старости лучше отлеживать кости на жарком песке с видом на все прошлое, что было. А ведь там было… И все еще только начинается.

Накануне грандиозного шухера под названием «лихолетье девяностых», по линии «Интуриста» удалось вылететь в Египет – это первая зарубежная страна в нашей исчезающей советской действительности. Кто знал, что через год с лишним устои общества поменяются настолько, что вынужден буду ежемесячно летать в Северную Африку, чтобы покупать «ходовой товар» и стать официальным спекулянтом. Потом будут по несколько раз Индия, Польша и все другие государства, в которых продавалось все, а у нас – ничего из этого всего.

Помнится, прилетел в Ленинград в 1991 году и привез с собой пять полукопченых колбас. Дарил по одной. Завидовали, что вот так просто можно взять да есть. Так называемое мясо в универсаме «Морской», что возле моей дворницкой остановки, скорее было похоже на остатки роскоши из подворотни сельской бойни.

Мы прилетели в Египет, уверенные, что каждый араб норовит тебя завербовать в пользу третьих стран. У каждого были фотоаппарат и матрешки далеко не в качестве сувениров. Пихнули тут же: лавки коммерсантов уже годами осваивали скрытые технологии купи-продай и открытого мошенничества. Но им было невдомек, что среди нас тоже были их коллеги по бизнесу, из-за которых отдельные магазинчики нашу группу не подпускали ближе пяти метров от витражных окон. Оказывается, один из нас специализировался по фальшивому золоту из России, а второй по золотым цепочкам. И никакие матрешки не приносили столько дивидендов! Но я главного не рассказал: прилетели поздно. Подали автобус. Все такие веселые, потянуло на громкий смех от виртуоза-водителя, лихо рулившего периодически ногами вместо рук. Но как только подъехали к Каиру, наступила мертвая тишина: народ увидел не предполагаемый склеп Хеопса, а яркий свет магазинных витрин. Были видны сотни пар любой обуви на любой размер! Можете представить, что могло случиться в сознании людей, которые привыкли к телеуниженным Анжеле Дэвис от Валентина Зорина и еле влачивших ноги бедуинам от Фарида Сейфуль-Мулюкова? До отеля молчание сменялось восторгами и только. Как так можно, чтобы столько красочной обуви продавалось без очередей и бабушек в кедах?

Нам поскорее хотелось увидеть утро двадцатимиллионного города, пока все не раскупили. Но и плато Гиза постаралось внести в оставшиеся нетронутыми коммерческими идеями мозговые извилины долю новизны: первые секунды от вида того, чего, по идее, не должно быть на земле. Это была не пирамида, а сумасшествие. Горы Кавказа показались игрой в «Лего». Надо было смотреть под ноги, чтобы не наступить на остатки сухих верблюжьих какашек, но было совсем не до них. Мы смотрели на одно из семи чудес света.

Десятки раз придется видеть его, но первый из них особенный. Кто-то не жалел идиом и междометий, равно означающих распространенный в нашей стране жаргон. Впоследствии привык, кто в каком месте произнесет привычный уху сочный мат.

Первое знакомство для мня стало локомотивом будущих поездок в эту удивительную страну. Об этом еще расскажу,

а пока про сказочную Индию, страну чая «Три слона». Это единственный продукт, который ассоциировался с ней и с Индирой Ганди. Приземлившись в Дели и увидев сотни колясок для багажа, стоявших на улице и без охраны, мы уже задумались. У нас так не бывает: если и есть эти коляски, то редко и со сломанным третьим колесом. Через минуту груз оказывался на плече или в руках.

Нас привезли в одноэтажный деревянный отель, где по-видимому проходил слет старых, худых крыс. По их резвому и наглому поведению можно было судить о статусе гостиницы, не оскорбляя рейтинг по звездам. Два часа переговоров с московским офисом «Интуриста» дал результат. Я успел уговорить лоточника обменять мне железный рубль «Голова Ильича» на бутылку «Кока-колы» в стекле. Торговец никак в нем не признавал президента Вашингтона, но видя мой уверенный настрой в политической игре, сдался. Нас поселили в пятизвездном отеле «Сидхарт», одном из самых дорогих в столице Индии. Там же выдали по 142 рупии: страна еще дышала в том году и не бросала своих во время культурного релакса.

Дели и Тадж-Махал покорили – это если выражаться очень мягко. Особенно своим контрастом: на одной улице полный мрак, ни света, ни очертаний жизни, кроме спящих на земле беднейших слоев местного населения. На другой – яркий свет от позолоченных колонн частных дворцов. Толпы попрошаек и немытых коров значительно задерживали проезд угловатого, тяжелого автобуса. На пути к Тадж-Махалу, что в 250 километрах, посередине трассы перевернулся маршрутный автобус. Обошлось без жертв. Самое интересное – все справляли нужду там же у автобуса или чуть поодаль, ничуть не смущаясь. Да и мы, привыкшие уже к открытым, в самом прямом смысле, столичным туалетам: видишь, течет ручеек посреди магазинов – вперед и с музыкой, на которую кроме нас никто не реагировал. Мы привезли с собой с десяток кусков обычного мыла и по блоку сигарет. Тут же ушли с «руками и ногами». В первые же дни долларовый запас осел в руках одного из фабрикантов, специализирующихся на кожаных изделиях. Два женских плаща «оправдывали дорогу» с лихвой, а в остальном можешь себе не отказывать. Чемоданы туристов приобрели далеко не сувенирный вид, особенно вширь, но и заметно

прибавили настроения. Кто-то уже подсчитывал наварные, кто только включал свой мозговой гаджет.

Ужин в ресторанах отеля удивлял разнообразием блюд. Есть хотелось больше, чем надо. Почему-то все ели быстро, а наша группа с тактом, типа «как не стыдно». Дошли до высоких бокалов, заполненных кока-колой. Кто-то успел пролить на себя, кто-то удалил толстую соломинку, как ненужное излишество в приборах. Позвал молодого сикха, владеющего русским также, как я английским, но удалось донести просьбу, почему белая соломка столь высока и неудобна при распитии напитка. Поняв, в одну секунду, двумя пальцами согнул ее… Боже мой, мы и этого еще не знали! Нам бы взять граненый, да залпом, а тут соломка, будоражащая нервы и собственное достоинство.

Через неделю улетали в Гоа. Меня, как человека, до этого побывавшего заграницей, попросили узнать, где расположена камера хранения. Мы должны были улететь на отдых на неделю и потом вернуться в отель и ехать в аэропорт. Регистратор предложил оставить чемоданы, полные товаром на продажу, прямо в вестибюле. От этого предложения многие отказались, другие последовали моему примеру и налегке направились к автобусу. На родине, так оставить свой багаж – это лишить себя отдыха и километров нервов. Дальше было интереснее: один из наших полутуристов-полукоммерсантов по имени Беслан, умудрился оставить багаж в аэропорту Дели. Аэровокзал Гоа обслуживался двумя молодыми сикхами, попросившими у нас адрес нашего курорта «Энкор», что в 45 километрах на берегу моря. Беслан остался в сланцах и желтых шортах. Настроение никакое. Обещание ребят доставить груз следующим рейсом не прибавило надежды на светлое будущее. Мы пообещали скинуться.

К вечеру другого пляжного дня мы стали свидетелями интересной картины: во время водных процедур в чистом бассейне, к главному входу в корпус Беслана, медленно катились два огромных чемодана на колесиках. На минуту просмотр картины сопровождался нашим мертвым молчанием. Каждый думал о своем. Только Беслан не выдержал и внятно, как на уроке русской словесности, изрек то, о чем вы подумали…

Девяностые годы неслучайно прозвали лихими: народ, привыкший жить, а не существовать, метался в разные сто-

роны. Жизнь предстала в разных красках, больше в темных. Цены в магазинах переписывались ежедневно, а позже вовсе додумались продавать в «уе», то есть в долларах. Город превращался в муравейник, в котором смешались мечты о светлом будущем с реальным крахом завтрашнего. Юра, грек, сосед Бори Койбаева, разводил желтый порошок с водой из-под крана и продавал на улице в узких целлофановых пакетиках.

Другие привозили из сел сыр, мясо, фрукты. Остальные, не ведая что делать и как жить, больше времени проводили в дискуссиях и критике правительства, уровень доверия к которому упал ниже уровня Кольской сверхглубокой скважины. Особенно тяжелым оказался удар по личным сбережениям, обнуленным «павловской реформой», обездолившей население страны путем отъема честно заработанных денег, хранимых в сберегательных кассах. Это больше напоминало откровенное воровство средь бела дня. Государство с мнимой перестройкой, гласностью и ускоренным уничтожением стратегических ракет и виноградных плантаций, резко повернулось в сторону польской шоковой терапии.

Воочию увидеть ту самую терапию хотелось и мне. Заодно продать часы «Командирские», лимит в количестве которых составлял пять единиц. Шестые уходили таможне или кому-то еще. Разрешалось еще взять с собой две бутылки. По дороге из Владикавказа в Брест, где ждали люди в форме и начинали обыск, в Беслане один из моих друзей вместо литра водки занес в купе два ящика, то есть сорок поллитровок. В Осетии от такого «внимания» отказываться грех, хотя был уверен, что кроме проблем на таможне меня ничего не ждет. Оставить их – тоже не совсем хорошо. В Бресте, как всех, попросили выйти из поезда, захватив свое добро. Водку оставил, мол, пусть сами и забирают. Пройдя это унизительное действо, когда соотечественники в форме смотрят на тебя как на фрица, мы вскоре вернулись в вагон, где мой алкогольный багаж лежал на полке нетронутым.

Зима стояла настоящая, ощутимая во всех местах. На польском рынке без перемен: мужчины и женщины среднего достатка ходили по рядам и торговались. Я положил два ящика водки на видное место, подозвал мужика с большим красным носом и сказал ему: «Не торгуясь. Берешь все!». Он оказался человеком, не лишенным юмора и вдруг по-

любопытствовал, откуда я знаю, что ему водка нужна. Мой быстрый ответ разрешил все споры по ценовой политике. «Ты давно в зеркало не смотрел на себя?»

Продав все, народ стремился в поезд: кто-то с чемоданами, кто с долларами. За день стал миллионером, потому что польские тышенцы в обменниках превращались в реальные несколько сот долларов. На обратном пути, тоже в Бресте, надо было предоставить имущество или валюту, дабы не разбогател русский человек и не почувствовал в карманах более двухсот баксов. В стране царил бардак: народ уезжал в Турцию, Египет, Индию, Польшу и Китай, чтобы прокормить семью. Наступила эра «крыш», без которых жизнь представить было даже неудобно. Власть грызлась за мегапроекты, выпуская ваучеры и обещая все, что только можно было пообещать.

Приняв законы времени за должное, происходила деградация населения. Юная женская поросль уезжала торговать собой, вчерашние колхозники садились на стакан, беспризорники прощались с жизнью в московских подвалах. Только вузовские работники, не лишенные оптимизма, но лишенные коммерческой жилки, еле-еле сводили концы с концами. Народ в провинции еще верил в СССР, а самые умные бросали учебу и становились челноками. Во Владикавказе, по правилам новых русских назначали стрелки, на которых редко обходилось без автоматных очередей. Национально-устойчивое самосознание народа лишь изредка давало о себе знать. Банковские институты и система налогообложения давали сбой от массовых неурядиц в обществе.

Это было время хаоса и экзамена на выживание в экстремальных обстоятельствах. В этот период одним из первых мне удалось открыть магазин на Армянской, через дорогу от здания Армянской церкви. Сейчас там кафе. Все было готово к началу работы, кроме одного: кто крышевать будет? Без ее разрешения торговать нельзя. Две недели ждали. Наконец приехал мужчина и сказал: «Вот вам телефон. Если кто мешать будет – звоните». Странное предложение в период общего бардака.

– Главный знает о тебе, хорошо отзывается о твоих успехах в науке и смотрит твою передачу по местному телевидению «Интерконтакт». Говорит, что от таких, как Вы, собирать процент не будет.

Хоть верьте, хоть нет – это правда. Добро получено от кого следует, и мы начали пробивать дорогу в новую жизнь. Мой компаньон Жорик разливал водку у себя дома так, что настоящую брали неохотно. Просили самопал. Рядом с нами, на углу площади Штыба и проспекта Мира, был известный универсам. Туда привозили пиво «Жигулевское» за 23 копейки. Договорившись с директором магазина, огромный ЗИС через сутки сгружал возле моего магазина ящики из-под «Жигуля». Цена бутылки становилась 45 копеек.

Сахар пропал. По знакомству двадцать мешков оказались у нас. Проезжавшие мимо осетины из Южной Осетии загрузили все. Народ предавался атмосфере «Марса» и «Сникерса», а мы продавали моздокский лук прямо с кузова грузовика на центральном рынке. Помню, председатель профкома СОГУ Левашова встала в очередь и потом крикнула: «Не верю! Это Вы, Валерий Дзантемирович?»

Так, постепенно, не оформляя ни одной официальной бумаги, но не забывая о «благодарности» отдельным чиновникам, успевал читать лекции, призывать к патриотизму и любви к родине, которая таких червячков, как я, бросила в пучину на самотек. Что же говорить о других, кто не был предрасположен к коммерции? Единственное, чем им помогал – в долг давал деньги всегда, заранее зная, что не вернут. И не возвращали. Отдельным было в радость, другие от зависти строили козни, а как же иначе?

В детстве нередко посещали рынки и каждый из них имел свое название: в Нальчике и Старом Лескене, на поляне у реки – «Толчок». Стал школьником, но и тогда не переставал удивляться, почему продавцы блузок, трикотажа, утюгов и другой утвари прячут товар и продают скрытно. Рядом с помидорами, огурцами «толкали» нарядные платья, постельное и нижнее белье. Через некоторое время появлялась милиция, а народ беспорядочно рокировался и наспех ходил в разных направлениях. Мы с матерью шли в гости к Вере Кумеховой, которая недолго была в замужестве за моим дядей Володей (Буно). У них родился Артур в том же месяце, что и я. С детства слышал о ней прекрасные отзывы родственников и соседей. Никто не обвинял ее, что не получилась полноценная семья. Сам Буно признавался в своей ошибке, что не сберег. До сих пор она нам ближе многих родных по крови. Вкус ее старо-лескенских пирожков до

сих пор у меня во рту.

Самих кабардинцев я воспринимал как дигорцев, только почему-то говорящих на другом языке. Особенно прислушивался к произношению фонемы «ж» в их исполнении. На это отличие обращал внимание и в школьные годы, при проведении ежегодного «Костра дружбы» в День защиты детей – 1-го июня. Наше село и Ерокко расположены на административной границе Кабарды и Осетии, а потому два совхоза подходили к этому мероприятию весьма ответственно. Прежде, чем загорится долгожданный костер, проходили соревнования, представления, концерты. Вот у кого не грех опыта набраться по вопросам национальной политики. Столько задора и желания дружить!

Мы с ровесниками с раннего утра угоняли совхозных лошадей на приграничную территорию. К позднему вечеру возвращали. Не обходилось без ругани со стороны хозяев, но это того стоило. Новые знакомства кабардинской и дигорской детворы зарождали светлое будущее советской пионерии.

В этой связи уместен пример из девяностых годов – тех самых, о которых буду еще не раз вспоминать. Была зима. Накануне Нового года на рынках Владикавказа пропало детское питание НАН. Не было и другого. На своих «жигулях» с московскими номерами и летней резиной выехал в Нальчик, на рынок. В правах отсутствовал штамп о позволении рулить легковой машиной. Все руки не доходили. На даргкохском посту с ГАИ обошлось: сказал, что еду в Лескен, а обратно поеду через свой район. Второй милиционер обратил внимание на шины. «Они у тебя как лыжи», – предупредил он.

В Нальчике нашел, зачем приехал. Четыре ящика голландского питания радовали глаз, но, учитывая зоркость кабардинских гаишников и ложное обещание изменить маршрут, решил отвезти их в автовокзал. Загрузил в махачкалинский «Икарус», держащий путь транзитом через Владикавказ. Договорились встретиться там. Поспешил, думаю, встречу его в городе.

Ничего не предвещало плохого. На выезде из Нальчика, меня остановил молодой сержант. Попросил права. И началось: он повторял одну и ту же фразу: «штраф-площадка». Минут сорок мы не приходили ни к чему. Деньги в размере «сколько надо» не пробивало юность и служебное рвение.

Стемнело быстро, а мой груз уехал. Рассказав ему всю свою подноготную и получив отказ на все и вся, в самом конце у меня вырвалось: «Ну вот, сосед называется!» Переспросил. Я ответил, что родился в Лескене. Он задумался и стал проверять, лгу я или нет. Убедившись в моих краеведческих познаньях о кабардинских селах Верхний Лескен, Старый Лескен, Второй Лескен и, наконец, осетинский Первый Лескен, произнес: «А что ты молчал?» и протянул документы, пожелав успехов. Как не предлагал ему взятку – бесполезно.

Гнал машину по полной программе. Успел. Наутро товар был сдан оптом. Просили еще, но я промолчал – объяснять было долго.

С 31 октября по 4 ноября 1992 года произошел первый в новой России осетино-ингушский вооруженный конфликт. Примерно год еще между двумя народами стоял кордон ленинградского ОМОНА. Перед Новым годом, несмотря на все обстоятельства, связанные с конфликтом и всеобщим дефицитом, каждая владикавказская семья не могла обойтись без майонеза в стеклянной посудине. Завод находился недалеко от Владикавказа. Директор Феликс Кочиев – мой односельчанин, брат моей одноклассницы и родственник не смел отказать. Загрузился так, что «жигуленок» выл, но ехал. Проезжая селение Карца, где десятки домов были в руинах от октябрьских взрывов и поджогов, меня остановил военный патруль. По документам груз надлежало доставить в университет. Обязательный обыск был отложен, когда узнали, что я ленинградец, практически, их земляк. И хорошо, что солдат попросил оставить «трешку для ребят», иначе моя поездка стала бы головной болью военного положения. Дело в том, что по пути на завод встретился с Вадимом Скодтаевым. Просил подвезти недалеко, но я вспомнил, что он временно закинул гранату в бардачок. Вспомнил о ней только в момент знакомства с омоновцем. Пронесло. На следующий день боеприпас вручил хозяину, который посмеялся, мол, взорвал бы где-нибудь.

Магазин на Армянской вскоре закрылся, так как хозяин, поняв, что торговля приносит прибыль, решил сам заняться бизнесом. Хозяин – барин. В те времена конфликты разрешались «крышей» или так называемым «вором в законе». Правда, расплодилось этих «уважаемых» людей изрядно! Таких чертей и по Кавказу хватало. К примеру, через до-

рогу от магазина, рядом с Армянской церковью, проживал Ахсар, худой, как сушеная вобла. В первый день открытия нашей точки пришел с «Макаровым» и объявил, что он вор в законе и, как бы невзначай, уронил пистолет на стойку. Чтобы не терять рабочее время, предложил ему с оружием больше не появляться, в противном случае оно выстрелит ему в то место, куда его обычно суют нехорошим мальчикам. Ему, отсидевшему большой срок в тюрьме, казалось, что страна у него в долгу. Жена его, полноватая армянка, командовала в доме. Могла на него поднять руку, обозвать на ломанном осетинском почему-то, но так сочно, что муж «бежал быстрее лани». Именно такие отщепенцы портили всю деловую картину провинциального города.

И еще. Половина мужского населения, кроме меня и моих соседей на Пушкинской, 3, все вдруг стали «кэгэбэшниками», или стали ходить как Бонд, будучи больше похожими на умалишенных. Раньше ни одного живого «комитетчика» не встретишь. Одевались в черное, осенью в шляпе и очках. Походка стала какой-то необычной, будто щипцы неудачно пошутили в одном месте. Если в фильмах шпионы делали все возможное, чтобы оставаться в тени, то новоявленные «работники невидимого фронта» только на спинах не писали свою профессию, являясь любителями сна и блуда. Кто был никем, тот стремился отыграться и стать всем. Надо признаться, у кого-то получилось неплохо.

Новое время – новые порядки. Даже парламент обнулился и теперь на небе загорелись звезды депутатов первого созыва – 1995 года, когда мы на спор провели в народные избранники человека, не способного дать характеристику самому понятию «Парламент». «Что я там буду делать? – спросит он меня к концу выборной компании. «Ничего. Греть задницу», – ответил ему. Позже расскажу о технологии продвижения в годы первой парламентской пятилетки. Благо, сегодня об этом говорить можно, но не называя имен, ради сохранения семейного счастья и детского смеха в доме. Несмотря на прямолинейность, в определенных ситуациях есть большая доля этики журналиста – правда, противоречащая самой себе же, но которую надо блюсти в меру своего воспитания.

Тем временем, уяснив для себя, что на одну зарплату доцента не прожить, распределил свое рабочее время между

торговлей и теорией журналистики в стенах университета. Обстоятельства не оставили иного выбора. Отчитав положенный лимит лекционного времени, освободив неделю для собственных нужд, улетал в Египет, как к себе домой. Выбор на эту жаркую страну пал неслучайно. Первая поездка в город пирамид в то время, которое еще номинально называлось советским, дал хороший урок для моей наполовину пошатнувшейся веры в торжество коммунизма.

Дело было так: наша интуристовская группа соответствовала своему назначению, то есть мы с интересом были проведены по ряду экскурсионных маршрутов, обогатились интеллектуально, чувствуя вкус родины и осетинских пирогов из тонкого теста. Неделя кайфа оставила желание вернуться туда вновь. Накануне выезда в аэропорт Каира, у членов нашей группы вместо недосыпа отчетливо виднелись очертания железного доллара вместо глазных ям. Я же, не сдающийся пока «el camarada», верящий в торжество коммунизма, не приобрел ничего, кроме сувениров для друзей и тридцати шести фломастеров в красочной коробке для Алинок. Времени было еще достаточно до отъезда и некоторые члены группы все еще бегали за покупками. Почему-то в салоне виднелись аккуратные упаковки тюля и редкие люстры из искусственного хрусталя. Рядом сидела швея – Наталья, жена того самого Беслана – индийского растеряшки. Считала остатки валюты и все не могла придумать, что бы еще прикупить с целью «оправдать дорогу» и не только. У большинства в голове бесперебойно работал калькулятор. Пример заразителен и мое внутреннее «Я» побудило к действиям. На то была причина: один шустрый парень из Эльхотово подошел ко мне и говорит, что я ничего не потратил, значит везу доллары домой. Первое, что в голову пришло: «Он знахарь – экстрасенс или человек-сканер, на худой конец ученик соседки по селу, старушки Аппы». Ему, оказывается, на днях жениться, и я должен его выручить. За секунду просчитав расходы на частные поездки в Эльхотово и мольбу о возврате моих кровных, призывы к справедливости, «развод» штампом обрисовался на строгом лице Линкольна из моего кармана. Видимо, он не первый день готовился к нашему диалогу, а я стер его мечту за минуту, одарив полной безнадегой. Я, конечно, люблю Татартупский минарет, но не до такой степени.

– Наталья, ты же швея? – спросил ее. – А какой материал на платья в цене у нас, в городе?

Она сменила взгляд серьезности на «фейсом об тейбл».

– Валера, а чего же ты молчал все это время?! Трикотаж, черный! – произнесла вслух и стала рыться в кошельке, где сто раз уже дорылась до последнего угла.

Кто, если не швея должна знать ответ на такой простой вопрос? Видимо пример остальных сбил ее ориентацию в пространстве. Она побежала в магазин тканей. Я за ней. У нее хватило на сорок метров. Я взял три рулона по восемьдесят. «Ты даже не представляешь, с какой скоростью уйдет твоей товар», – обнадежила она. – С руками и ногами оторвут! А я туфту набрала!»

На следующий день отряд новоиспеченных коммерсов с голодными глазами пошел в народ, кто к спекулянтам, другие разбежались по хозтоварам. Спрос на мое предложение был хорош, чему стал свидетелем на улице Ленина, где работал первый кооператив по пошиву модной одежды «Алана». Директриса с явным дигорским акцентом и гарнитуром бриллиантовых изделий на шее и пальцах, выглядела королевой всех болот на улице. Показав кусок материи черного трикотина с вбитыми на нем канадским кленом и без, оживило атмосферу двух партнеров по разные стороны денежных знаков. Она тут же предложила 110 рублей за метр. Мой компьютер, еще ночью выдавший чек с расходами в 40 рублей, стал вновь набирать табло успеха. Сославшись на то, что трикотаж доставят сегодня-завтра, мы расстались с миром: женщина предлагала еще попить кофе, но мои мысли были уже в других точках города и, кажется, вели очередные переговоры в поисках консенсуса.

Через десять минут оказался в армянском ателье на Бутырина, 10. Зная прекрасно, что мне армянина не провести и в загробном мире, прибавил к цене столько, чтобы в ответ все, как один, рассмеялись. Так и произошло. С 250 цена скатилась до 210 рублей, что меня устраивало до умопомрачения. Через час материя оказалась у них, а у меня столько наличных денег, что мог высчитать или в попугаях, или в ночных посиделках с Лениным или иным теоретиком коммуникации. В доцентских окладах выходила сумма, равная 14 месяцам беззаботной жизни.

Так, сделав первый маркетинговый шаг в мир коммерции, которая наполовину еще считалась спекуляцией, почуял запах бумажных банкнот, свободы, любви к Отечеству и даже пернатым, считающим своим долгом ежедневно «расписывать» подоконник в стиле преследуемого авангарда.

Далее было еще интереснее, ибо материальное первично. Идеи, которыми была пропитана кровь, дали сбой, хотя ряд лет мы все еще продолжали жить по старинке: призывали к светлому как могли, но мысли студенческой молодежи находили свою обитель в другом. Их понять не то, что можно, но и нужно было. Старались, как могли.

Новый дух постучался и в детский сад: дочка пришла недовольной. «Интересные все люди, – начала она. – Каждый за свое маленькое большое просит!» Оказывается, подруга по садику предложила ей обменять большую египетскую куклу на маленькую отечественную…

В Египте меня звали Магометом. Часто прилетал за товаром. С фабрикантами Магометом и Яхьей стали друзьями. Вспоминая то время, все больше убеждаюсь в позитивной роли торговли в деле укрепления мира на земле. Мы много говорим о развитии туризма, но мало что получается, потому что забываем основную черту принимающей стороны – это улыбка. В городе или в пустыне у бедуинов – она не меняется, будто родились с ней и белые зубы на смуглом лице смотрятся живым брендом древнего мира. Это народ с первой цивилизацией, которую до сих пор ученые понять не могут. Они простые труженики. Да, госслужащие на особом счету, но не отличаются заносчивостью. Все они рядом, начиная от чистильщика обуви, продавца на рынке, до служащего городской управы. Каир – город средневековых трущоб, окраина в стиле ар-деко, тележки, запряженные ослами и лимузины – вся эта картина придает стране особый колорит и контраст. Здесь богатые и бедные. Вторых значительное больше.

Всю ночь слышны сигналы авто. В городе всего восемь светофоров. Первыми просыпаются надомные работники. Они есть у всех, у кого позволяет кошелек. Таких много, практически у всех, кто проживает в собственной квартире. Есть династии прислуги. Живут, как правило, в подвальной части дома. Хозяин выходит утром и автомобиль сверкает первозданным блеском. Ему бы сесть и поехать по делам,

но это не так. Дворники на лобовом застыли в положении оловянных солдатиков. В этом старом ритуале своя философия: работник (в старину раб) тем самым, не имея права перечить работодателю, наглядно подчеркивает, напоминает, что он не просто живет за его счет, а вносит свою лепту в его благополучие. Так везде в Египте.

Много в этой стране того, что отличает нас от арабов – людей-трудяг, непьющих и всегда готовых прийти на помощь. Как-то мы с сестрой сидели на веранде ресторана. У нее болела голова и пальцем надавила на висок – обычная практика. Официант подошел и поинтересовался. Через пять минут «мальчик на побегушках», которых много в таких местах, принес из аптеки лекарство. Платить за него не разрешили. Те самые мальчики, зная несколько слов на русском, могут провести куда угодно и лучше любого гида. Они не говорят про стоимость услуги – все по совести.

Конечно, встречаются и мелкие воришки, которые охотно меняют доллары на фунты, нередко подсовывая бумажные пиастры, цена которым сущие копейки, но при этом их с трудом отличишь от египетских фунтов. Есть и вполне законные странности: от центра Александрии до курортного места «Мунтаза», что в 10 километрах по набережной. Таксист отвезет за 10 фунтов, но обратно за 15. Такса не меняется. Исходят из того, что на берегу не останешься, захочется в отель и ты дашь любую сумму, лишь бы после зноя оказаться в номере с кондиционером.

Если таксист нарушил местные правила дорожного движения и постовой остановил его, можете выходить из машины. Начнется бюрократия на час, не меньше. Мы сказали водителю, что готовы дать «на лапу» стражу порядка. Вы бы видели его лицо: ни в коем случае! Тогда он потеряет работу, так как полицейский немедля сообщит по рации. Светит срок за предложение «понять и простить» и взять мзду за понимание.

В старой части Каира находится вещевой рынок «Хан аль-Халили», которому более шестисот лет. Он расположен западнее мечети аль-Хуссейн и считается самым большим рынком Африки. Огромный – не то слово. Мы с сестрой пошли туда просто так. Муравейник в арабском исполнении. Ничего странного: кто-то торгуется с продавцом – это тоже правило, а другие идут и на ходу исполняют арабскую песню. Вдруг, в ста метрах от нас, заметили, как лавиной

стекается народ в одну точку. Два офицера не могли справиться с сотнями посетителей базара. Оказывается, кто-то у кого-то украл товар. Потерпевший показал на человека, на которого тучей набросилась огромная масса людей. Каждый считал своим долгом пинком направить на путь истинный вора и с чувством исполненного долга отходил в сторону, давая возможность приложить ногу к правопорядку другому желающему. В порядке вещей, если попался вор. Другое дело, ведь могли показать на любого другого. Странно, но в любой стране случаются издержки правосудия.

Минводовская группа туристов, с кем мы прилетели, два дня знакомились с достопримечательностями города. Нам же, посетившим Каир более десяти раз, оставалось только «убивать время». Гуляем. Едим мороженое. Не первый раз слышу громкий женский зов, то ли о помощи, то ли просто так. Терпел. Потом сказал сестре, что должен найти источник этого странного крика. Через километр источник ора предстал перед нами – высокая и плотная арабка на весь мир предлагала индонезийские надувные шары. В эту минуту вспомнил, как совсем недавно по всему Владикавказу искал их, чтобы исполнить просьбу дочери. Стоял ноябрь на улице, но у Алинки свой отсчет времени: она с сентября начинала подготовку к долгожданной елке. Где только не спрашивал! Вот и подумал, если мне не удалось их раздобыть, то другие могут оказаться в таком же патовом положении, учитывая приближение зимы и зеленой ели.

Моментально поменял свои планы и решил на все деньги взять шары. Оплатил. К вылету нашего рейса египетская сторона подвезла их в аэропорт. Таможенный сбор в два доллара за килограмм груза и тяжелые картонные ящики взяли курс на Минеральные Воды, где отечественная таможня держала экзамен на знание свежих указов Ельцина, гласящих о бесплатной доставке детских товаров, без подробной расшифровки данного определения.

Прилетели. Спор двух сторон обретал враждебную интонацию. Люди в форме просили денег, которых уже не осталось, да и не собирался отдавать, учитывая текст бездарного указа, но, к счастью, указующего в мою пользу. Привожу диалог с таможенником:

– Это детский товар?

– Да.

– Вы в шарики играете?

– Нет.

– Указ Ельцина вам не указ?

После этого десять коробок охотно перебазировались в нашу машину и ночной холодный вечер остудил пыл, так и не придя к консенсусу между мной и любителями наличности в форме. Время диктовало свои законы, а потому все пользовались несовершенством законодательства и привычкой «дать и взять». Количество товара требовало куда большего покупательского спроса, чем Осетия, а потому с директором культторгбазы быстро поняли друг друга. Стоимость одного шара, вместе с расходами по доставке составила 35 копеек, мне же оптовый покупатель предложил 2 рубля. Расчет еженедельный. Северный Кавказ утопал в заморском товаре для детей. В одном из первых кооперативных магазинов «Ас-Мадзал» на Горького и в ряде других торговых точках шары появились по 5 и 7 рублей за штуку. Это был бизнес: каждая сторона накидывала свой процент. Шаровая монополия сделал свое дело и появились деньги, чтобы вновь и вновь прокладывать новые маршруты с целью наживы, конечно.

В это самое время стали появляться иномарки в городе. Сотрудники университета стеснялись, да и боялись приобретать зарубежные модели. Мой «Опель Кадетт Караван» разрушил эту практику и вскоре, после моей премьеры, стали заезжать во двор СОГУ две-три иномарки. Наступила новая эра: бедных и полубедных, за исключением бандитов и крутых предпринимателей. Я относился ко вторым, которые могли и семью содержать, и родным помочь. Между тем, идея стать доктором наук, не покидала меня. Заработанный капитал должен был помочь в этом, ибо предать мечту не каждому под силу. Дилемма стать бизнесменом витала в воздухе, но не до такой степени, чтобы оставить работу в университете и такой слаженный коллектив студентов – именно студентов, которые стали моими хорошими друзьями.

Бывало, по выходным, на «Фаллой» (вещевой рынок) подгонял свое авто с широким капотом, служившим витриной для египетских босоножек и туфель. Коллеги по университету – сотрудницы филфака, увидев меня, удивлялись «картине маслом». Все это пишу только для того, чтобы на-

помнить про это бесовское время, когда пошатнулась уверенность в завтрашнем дне великой еще недавно страны. Я далеко не один, кто хотел жить как обычный гражданин. Когда страна не способна дать элементарное, замахиваешься на большее, вопреки всему. Учитывая, что пара туфель стоила больше моего месячного оклада, надеюсь, вы все поняли.

Между тем, больше времени, конечно, уделял проблеме официального признания специализации «журналистика» в нашем университете. Тогда главным противником этой идеи была Римма Заурбековна Комаева. Она не скрывала своего скепсиса и нередко на заседаниях филологического факультета открыто заявляла об этом. Только профессор Сабаев поддерживал нашу целеустремленность. Студенты-журналисты стали самыми активными участниками ряда мероприятий всероссийского масштаба. Они участвовали на выездных конференциях, форумах целевой направленности. Комаева не ожидала, что через два года сможем открыть факультет осетинской филологии и журналистики. Владимир Цаллагов продержался в должности декана лишь два года. Комаева, не верящая в продвижение новой специальности, сделала все возможное, чтобы возглавить молодой факультет. С этого времени почему-то стала верить в развитие специальности «журналистика». Цаллагов вынужден был уйти на факультет искусств. Все прекрасно это помнят. Присущие Комаевой скрытые технологии дали результат.

Второй этап для статуса специальности – создание автономной кафедры. С этой целью посетил факультеты журналистики МГУ и СПБГУ. Был составлен учебный план. Вся документация по кафедре получила одобрение в учебном отделе университета. Был определен кабинет для кафедры. Вот-вот наступит день, к которому шли годы – самостоятельная ячейка со своим графиком и научным направлением. Мы подошли к этому, имея за плечами имидж, наработанный достойно: о нас говорили, как об осетинской школе журналистики. Интерес учащихся был высок. Тогда же поступила к нам Ольга Алленова – ныне звезда российской журналистики, специальный корреспондент газеты ИД «КоммерсантЪ», автор книги «Чечня рядом. Война глазами женщины». Наша гордость!

Помню, был вторник. Я прилетел из Москвы. Комаева попросила зайти к ней.

– Как жаль, что тебя вчера не было, – начала она демонстрацию личного актерского мастерства, в котором я к тому времени двух собак съел. – Очень жаль…

Пауза. Она в пробуждении моего любопытства, я же весь внимание.

– Вчера надо было на большом совете утвердить кандидатуру заведующего кафедрой. Ты у нас единственный журналист со степенью. Конечно, ставку делали на тебя. Но тебя не было, и я была вынуждена назначить Бориса Хозиева.

Я промолчал. Потом спросил: «Могу идти? Занятия скоро начнутся».

– Ты только не обижайся, смотри у меня, – по-дружески, если уместно это определение в данном случае, почти обняла. Я – почти улыбнулся.

У меня не было претензий ни к кому, кроме Комаевой, но что с нее взять – она в любом случае будет ставить одну и ту же пластинку, а мне нужна другая. Коса на камень – время пришло для чего-то нового. Три года, как был в переписке с Министерством образования страны по вопросу открытия докторантуры по журналистике в СПБГУ. К сожалению, из раза в раз письмо от Барановой приходило с отказом. Но мы же такие, пока «жареный петух не клюнет», а потому подключил даже людей, вообще никак не связанных с моей проблематикой.

Наконец, удалось. Будучи в Осетии, смог открыть ее в Питере, став первым докторантом по журналистике. Получив документ о случившемся для меня приятном, кое для кого – наоборот, событии, поспешил оповестить руководство факультета, чтобы загодя предприняли меры по штатной единице вместо меня.

Римма Комаева и Зинаида Тедтоева попросили отвезти «на Дружбу», то есть в окрестности кинотеатра «Дружба». Там располагалась квартира декана, а Зинаида Хасанбековна – самый преданный ей человек, как правило, сопровождающий ее до самого подъезда. В салоне царил дух лицемерия, искусственной радости и веселья, далекий от естественной атмосферы серпентария. Недолго думая, решил их тоже повеселить в стиле моего греческого бога смеха под несколько замысловатым именем Гелоса. Мы остановились у светофора, на Горького.

– Коллеги, чтобы не доставить вам лишних хлопот, заранее предупреждаю, что по окончании семестра уезжаю в докторантуру, в Санкт-Петербург – сказал я им в стиле того же самого бога. Вдруг в салоне стало так тихо, что мог услышать шепот на улице. Женщины, ожидавшие все, только не это – молчали, как на похоронах. Со своей стороны, дабы разбавить обстановку позитивом, продолжал нести дорожную чушь, лишь бы они подавали признаки жизни. Тщетно. Мой Гелос, обессиленный тревожным молчанием, кемарил в сторонке.

На следующее утро Римма Заурбековна ввела «ЧП»: всем сотрудникам факультета с 9 до 16 часов находиться на кафедрах. Отлучаться можно в пределах зоны прямой видимости. Мне очень жаль, что из-за меня все коллеги были подвергнуты изощренной экзекуции.

Комаева знала, что наряду с лекторством, занимаюсь коммерцией, сопряженной частыми вылетами в разные страны, значит меня нужно ловить на пропусках занятий. С утра до вечера сидел на кафедре или в библиотеке. Со стороны велся график моего рабочего времени. Правила касались всех, но меня особенно и без малейших поблажек. Для наглядности приведу пример. Утром на первую пару опаздывал, несмотря на мою привычку ездить быстро. Позвонил в деканат и предупредил, что образовавший затор не дает возможности приехать вовремя. После пары меня попросили к декану.

– Валерий Дзантемирович, кто Вам дал право опаздывать на лекцию, тревожно и без обычного приветствия спросила Римма Заурбековна. Я объяснил, как мог.

– Почему не поставили в известность деканат? Не могли позвонить? – любознательно продолжила она добивать меня.

– Именно так я и сделал, деканат в курсе.

Позвала, кажется, Оксану Олисаеву, методиста по заочной форме обучения, подтвердившую факт моего звонка. После этого вызвала коллегу, ответственного за стукачество – более исчерпывающего определения для этого вида деятельности трудно подобрать. Надо отдать должное Римме Заурбековне, любила она стравливать людей и наблюдать со стороны за убогостью и трусостью сильного пола. Стало жаль красавца, богом наделенного мужским содержанием, но обесценен-

ного в моих глазах до ломанного гроша или «цьаса кьапек» (дырявая копейка). Встречались в жизни такие немощные мужики на моем пути, которые высоко ценили жизнь, представляя себя божеством, а по факту являясь ничтожеством. Римма Заурбековна извинилась передо мной, а на стукача накричала и попросила «выйти вон». Комаева, при всех явных перегибах, могла поступать так, что оставалась при достоинстве и при мужских понятиях – именно мужских. А коллегу не называю по причине особенностей личного воспитания и уважения его родных и близких.

Пришел Валера Кочисов с просьбой пройти в «стекляшку» – ректорский корпус. Объяснил ему, что последовать туда можно только с разрешения декана. Он подумал, что шучу. «Весьма польщен, что в туалет могу без сопровождения идти», – пошутил он. Таких нелепых моментов было много. План декана смотрелся издали красиво, но безнадежно: меня надо было уволить за что-нибудь, лишь бы не смог выехать в докторантуру. Единственный грех, на который можно было рассчитывать – это пропуски и опоздания. Поездки за рубеж накрылись тем же тазиком, что и обычно. Бизнес свернут, но подушка безопасности к тому времени окрепла настолько, что я мог себе позволить даже такой полутюремный кайф на месте. При желании, конечно, мог быстро урезонить старушечий понт, но хотел мирно дожить до окончания семестра и «бежать огородами», то есть со скоростью ветра в сторону цивилизации от доморощенного «матриархата», оставляя попутно метки для скорейшего возвращения обратно.

Римма Заурбековна – человек-контраст. Умело пользовалась не своими познаниями в лингвистике, а именем – своеобразным брендом. Прекрасно понимала, что не бог, но почему бы не примерить его хитон или, как минимум, пурпурную мантию царя. Знала с кем как разговаривать. Студентам и отдельным преподавателям достаточно было ее зоркого взгляда, чтобы на время оказаться в прострации и мечтать скорее выйти из ее кабинетного окружения, чтобы отправиться ловить кайф «у Казбекова», как называли туалет на втором этаже корпуса, где по пути в райское наслаждение располагался кабинет декана филологического факультета Марата Казбекова. С людьми, готовыми в любой момент парировать ее вербальные атаки, она становилась

собой – такой, какая есть. Ежели заходил человек в галстуке и не из университета, вставала и торжественно приветствовала, замечая цвет и фасон упаковки, ее размеры и загадочность содержимого. Сотрудники кафедры, как по команде, выходили в коридор и ждали окончания встречи с незнакомцами. Впоследствии, заняв место декана нового факультета, стало куда вольготнее.

Зинаида Хасанбековна Тедтоева, продолжательница интеллигентнейших родителей и плеяды знаменитых ученых и, вместе с тем, тень и отражение Риммы Заурбековны. Она великолепный администратор: строгий учет сотен документов в темно-синих толстых скоросшивателях, хлебосольство и готовность помочь буквально во всем – это все она. Понимая то, что ради Комаевой может записаться и в добровольческую армию африканских повстанцев, заставить землю крутиться вокруг луны, я не таил на нее злобу и тогда, когда она действовала в угоду кому-то, а не по справедливости. В целом, она человек университета – вся ее жизнь в нем. Будь ее воля, отменила бы выходные. Уникальный человек без собственного «Я». Ради декана, не раз прилюдно повышавшей голос и на нее, и ради всех, кому нужна помощь, осетинская «Мать-Тереза» всегда была на своем месте. Даже сегодня столько делает для гуманитарной науки Осетии, только взять и обратить на это внимание – другой вопрос.

Такие люди становятся значимыми только после жизни. Красноречию осетин, выступающих перед могилой, любой позавидует. А вот при жизни бы научиться делать комплементы. Этого стесняться не надо. Малые народы всегда отличались единством помыслов и готовностью прийти на помощь. Сегодня, к сожалению, все не так. Мы разобщены не потому, что кому-то земли не хватает. Причина в другом – в неумении ее обрабатывать и нежелании лишний раз поклониться земле-матушке.

Всегда жалко оставлять коллектив, в который вложено много своего. Я про студентов. Это люди, которые доверились тебе, и в ожидании личного будущего готовы слушаться, лишь бы чувствовали твое неравнодушие и профессионализм. Но приходит время, когда идешь наперекор. Не остается ничего другого. Оставлял их, еще не начав – это было скверное чувство, сродни предательству, но иная до-

рога вела на улицу и городские рынки, вместо мечты учить разумному и вечному. По крайней мере тогда еще молодежь стремилась к познаниям и светлым помыслам. Несмотря на бардак в стране, провинция еще держалась на своем ментальном пятачке, полном человечности.

ДОКТОРАНТУРА

Мой славный Ленинград. До сих пор называю так. Как мы можем иначе, если дух высокой культуры и классического образования слепили из нас людей неравнодушных, готовых идти дальше по тропе совести и науки. Вновь ощутил атмосферу иного быта: вроде все обычные люди, а кажутся другими. Все как один благодарили за открытие докторантуры. На кафедре царила та же обстановка взаимоуважения и взаимовыручки без искусственного смеха, косых взглядов и коридорного ора Тедтоевой «Почему не на занятиях?!» Встретили как родного. Все члены кафедры были докторами наук, профессорами. Какие имена: Валентина Березина, Геннадий Жирков, Александр Бережной, Людмила Громова.

Первое заседание. Назначение научного консультанта и сроки написания.

– «Три года на сбор материала. Потом поедешь в Осетию и постепенно доведешь до ума, вернешься на защиту», – сказал мой духовный отец Геннадий Васильевич. Поняв, что у меня иные планы, профессор добавил: «Вы сами-то как планируете?»

– Думаю, за полтора года выйти на защиту, – кафедряне по-дружески рассмеялись.

Общежитие приняло нашу семью как родных, будто и не уезжали никуда, ничего не изменилось кроме одного – нас стало четверо: Залина, Алина, Алана да я. К смене климата привыкли сразу, хотя младшей не особо нравился мороз, с которым ей придется подружиться на долгие годы. Мне и холод был ни по чем, так как в студенческие годы вместо него свирепствовал морозище со льдинками на усах. Наря-

ду с тем, что любимая Публичка вновь стала основным уголком ленинградской топографии, были и случаи, о которых без смеха не рассказать.

На кафедре не было аспирантов, а потому меня отправили выступать на соревнованиях по лыжному спорту в Парголово. Жирков сказал – надо, я ответил – есть! Заранее предупредил всех, что впервые в жизни встану на лыжи. Не поверили. «Главное не победа, а участие!», – подбадривали ученые. Надо же факультет кому-то представить.

Приехал в Парголово ранним утром на электричке. Я был в списках. Выдали лыжи, о которых знал, что это изделие для перемещения человека по снегу. Более того, это деревянные или пластиковые планки с заостренными и загнутыми носами. Всех выстроили в шеренгу. Сказали, что предстоит преодолеть 10 км. Можете себе представить, что я творил с собой и снегом? Всех пропустил от греха подальше. Самое интересное: преодолев километр, уяснив, что мне лучше вернуться, женщина-тренер в красном костюме показал знак, в сторону которого лучше не оборачиваться. Вокруг никого. Падаю. Встаю. Пот льет со всех не рекламных мест. Хочу казенный инвентарь понести на себе, но толщина снежного покрова составляла примерно полметра. Я просто тонул в снегу. Назад нельзя – там «смерш» в обличии краснощекой злой женщины. Иду, нет, ползу вперед по лесу. Прошло три часа. Стало темнеть не по-детски. Наконец увидел синюю лампочку. Раздался гудок отходящего поезда. Когда до тренера оставалось метров сто, в мой адрес поступали звонкие до степени хрипоты матюгальники. Не смогу подыскать соответствующий синонимичный ряд для этих выражений, но, заверяю, никогда от слабого пола не выслушивал такой град жаргона, пропитанного ненавистью ко мне и, видимо, к своей работе. Когда снял ботинки и с трудом одел свою обувь, только тогда вернулась святая любовь к гражданской жизни, где есть Парголово, но нет лыж.

Через день состоялось заседание кафедры. Спросили какое место занял. У меня никогда не было проблем со словарным запасом, но в данном случае промолчал и через минуту добавил: «Первое». Ответ нашел понимание в душах, ликующих настолько, что и сам чуть не поверил. Особенно, когда довели до сведения Жиркова. Объяснил ему, что это шутка и забылось на неделю. Вскоре по факультетам

пошла общая рассылка с главного здания. Убедившись, что никакой я не марафонец, интерес к моей персоне спортивных функционеров пропал быстрее, чем я ожидал. Интересно, дигорец из Лескена на что мог рассчитывать? Только на фиаско…

Мои мысли были далеки от спорта. Впереди главное сражение с элементами партизанской борьбы и сицилианской вендетты. Но это будет не скоро.

Первое время не давало покоя то обстоятельство, что студенты, в которых видел ростки новой, более свободной журналистики, на которых не давила цензура, за исключением их собственной – ментальной, более узкой по содержанию, состоящей из субъективных «это можно, а это нельзя», были далеки от меня. Но время перемалывает все. Постепенно Осетия отошла на второй план и рабочий график полностью состоял из неутомимого желания как можно скорее выполнить работу и вернуться домой.

Подработки отошли в сторону – ставка больше, чем все остальное. Утро начиналось с посещения архивов и библиотек. Многое из того, что находил в книжных и других кладовых Петербурга, оказывалось не совсем по теме диссертации, но столь интересным для истории моего народа, что не обошлось без кратких выписок из уникальных источников. До сих пор много тем так и не нашли своего исследователя. Особенно это касается рукописного фонда Императорского архива, что рядом с кунсткамерой, где лежат дела по первому осетинскому букварю и азбуке, «написанные Аладжиковым на шведском языке», рецензия В. Миллера на двухтомный русско-осетинский словарь Иосифа Чепиговского, записи Аксо Колиева и т. д. Так и хотелось подробнее изучить творчество каждого из них, но мысль о необходимости спешить с текстом исследования не давала покоя и такой возможности. Архивы города на Неве таят еще много тайн из истории осетинского народа. Отсюда идет наша гражданственность в составе Российской империи. На Псковской, 18, к примеру, расположен архив Ленинградской области, в котором личные дела студентов-осетин и не только с оценками на текущих сессиях, но и с фотографиями. Что тут говорить о Центральном госархиве?

Если коротко, то нужна целевая программа по изучению прошлого осетинского народа с учетом таких направлений,

как педагогика, литература, языкознание. Нужны свежие молодые умы, способные дать объективный анализ той или иной исторической эпохи на основе архивных и иных источников. Как? Только не на голом энтузиазме, а с добротным финансированием, чтобы не скитались по подворотням мегаполиса в поисках халтур, а занимались наукой. Для этого нужны гранты от республиканского правительства, мэрии и кошельков осетинских бизнесменов, с ежегодной экспертизой проделанной работы. Ежели будем рассчитывать только на официальную сторону со стипендиями, то лучше ничего не надо, ибо человек, избравший науку, как ни странно, тоже хочет есть и жить под крышей, а не на улице. Время, когда государство отвечало за это направление на соответствующем уровне, закончилось. Если малым народам важно сохранение своей идентичности – им самим и нужно изыскивать финансовые возможности. В противном случае мы еще долго будем забавляться сплетнями в соцсетях о скифах, сарматах, аланах, иронцах и дигорцах. Вот почему до сегодняшнего дня мы реально, достоверно и обоснованно не можем ответить на вопрос: «Кто мы?» Светлая память осетинской интеллигенции, репрессированной в большей степени по доносам самих же осетин, ожидает своего пытливого исследователя. Молодежь у нас хорошая, но после окончания вуза вынуждена искать работу не по знаниям, а по окладу, в лучшем случае.

С возвращением в Питер удалось привлечь несколько талантливых осетин, с честью представивших нас, как этнос, в культурной столице. Среди них мои бывшие еще во Владикавказе студенты Руслан Бекуров, Залина Хубецова и Мадина Каражаева, приехавшие в один год и впоследствии ставшие кандидатами политических и филологических наук. Позже к ним добавились Алан Цхурбаев, Илона Калоева, Юлия Коняева, Мадина Бабочиева, также успешно защитившие диссертации в СПБГУ. Борис Койбаев здесь же прекрасно защитил диссертацию по журналистике и стал доктором политических наук по нашему шифру. Его монография по журналистике Ближнего Востока выдержала в Питере несколько изданий. Сегодня он оформлен на четверть ставки на журфаке СОГУ. В этом списке нет наших аспирантов Эльбруса Дзабиева и Сослана Мамсурова – обласканных Творцом особым даром поэта и публициста. Совсем не-

давно Мадина Бабочиева стала работать на журфаке СОГУ, а остальные где? Вопрос не ко мне. С таким творческим и научным капиталом наш факультет давно считался бы одним из лучших. А пока на сайте университета факультет журналистики основан в 2002 году… Нет нашей истории, не было ничего до этого года! Вот, что губит нас – самоедов! Не смейте молодежь Осетии упрекать в том, что уезжает из Осетии. Правильно делает!

Отвлеклись. Работа над докторской отнимала все время. Уже зимой первого года обучения видел контуры исследования. В уме. То есть само направление и главы нашли свое место в подсознании. Осталось вывести на бумагу. В Публичке сидели рядом с аспиранткой Мадиной Каражаевой, и она полюбопытствовала о том, что пишу. «Автореферат», – ответил я. «А где текст диссертации?», – не унималась она. «В голове». Об этом пишу потому, что вдруг кому-то тоже поможет мой прием: ведь содержание и форма исследования давно засели в голове. А почему тогда не попробовать пойти от противного? Так, примерно через месяц он был написан, и куда легче давался основной текст. Наука – это свобода мысли и не всегда следует идти по проторенной кем-то дороге, ставшей общепринятой и стандартной. Фантазия – необъятна, как и сам эксперимент.

Этот опыт напомнил случай из жизни. На химическом факультете многие годы работал Николай Бекоев, человек-добро. Два года назад его не стало. Светлая ему память. Кроме широкой улыбки и разговоров про научные изобретения в мире вспомнить другое трудно. Он проживал прямо надо мной. Работая допоздна над статьями, я имел привычку выглядывать с восьмого этажа, чтобы освежить мозги. Довольно часто видел Колю, возвращающегося из своей лаборатории в подвальном помещении университета. Заходил ко мне, и мы долго общались на кухне. Он был известным физиком-химиком. Продолжал работу над созданием аккумулятора – заменителя двигателя, над которым и сегодня вовсю трудятся в Японии и Америке. Не раз получал приглашения в США в качестве сотрудника Нью-Йоркской Академии наук, где состоял действительным членом.

Бекоев – создатель аккумулятора для проекта «Союз-Аполлон» – совместного экспериментального пилотируемого полета советского космического корабля «Союз-19»

и американского космического корабля «Аполлон», осуществленного 15 июля 1975 года. Коля, будучи аспирантом, впервые сделал изобретение мирового уровня.

– Почему ты ночами работаешь, – спросил я его.

– В подвале свет горит и руководство видит это, не раз получал нарекание за трату электроэнергии. Вот и приходится тайно проводить опыты, – смеялся он.

Из-за его природной наивности и предельной доброты соседи тоже общались с ним с оттенком мелкой издевки. Он не играл в «секу» (карточная игра на небольшие деньги), но болел за всех одновременно. Отдельные соседи не упускали возможность как-то задеть его полушутя. Я написал о нем в нашу главную республиканскую газету, сославшись на отзывы великих ученых – академиков. Двенадцать исследовательских лабораторий в СССР были закрыты после появления и признания аккумулятора аспиранта Бекоева, который был интегрирован в систему «Союз-Аполлон», после чего и состоялась известная стыковка. Коля получил премию в 112 рублей, а страна десятки миллионов долларов.

То же самое можно сказать о Фидаре Фидарове (светлая память) – одном из пяти ученых – авторов искусственного кристалла, такого, которого нет в природе на планете Земля, если коротко. Тогда аспиранту Фидарову была присуждена премия имени Ленинского комсомола. Также, как Бекоев он десятки лет ожидал получения квартиры. Дождались. Это случилось в то время, когда и мне, как молодому специалисту, вручили ордер. Несколько неудобно было, признаюсь. Они были людьми такого уровня, и кто я? Причина этого была в их порядочности и внутренней культуре, а с моей стороны – в наглости и знании законов. За 1 год и 8 месяцев мне выдали ключи от трехкомнатной квартиры. У нас не было еще второго ребенка, но члену Союза журналистов СССР, как и кандидату наук, полагалась отдельная комната для работы. Страна отвечала за людей, не то что сейчас. Когда привожу такие примеры из советского периода, студенты смотрят на меня, как на сказочника. «К прошлому возврата нет», – говорит Чубайс и его понять можно. А жаль…

Стояла первая зима докторантуры. С утра был в БАН (Библиотеке Академии Наук), расположенной со стороны заднего фасада главного здания СПБГУ. Закрывалась она в 22 часа. Последние читатели спешно покидали книжную

достопримечательность. Вышел на улицу. Метель и стужа. Ветер доставал круто. Прижав к себе блокнот с записями, согнувшись «в три погибели», поспешил в сторону Невы, на остановку. Пройдя прямо метров пятьсот, свернул вправо еще на сто метров – там уже дремали восточный и филологические факультеты. Еще пятеро страждущих держались со всех сил. «Семерочка» до Кораблестроителей, собственно и другие тоже, не появлялись минут двадцать. Мы мерзли, но держались. Решил остановить такси, но жалко было десяти рублей. Стал по-хорошему завидовать пассажирам легковушек. Минуты сменялись, становилось только холоднее. Вдруг мне почему-то показалось, что у меня есть автомобиль. Стал спорить с собой, с чего мне такое на ум пришло. Начал вспоминать утро сегодняшнего дня. Нет, если бы у меня была машина, я бы на ней приехал. Представил обстановку восьмого этажа и оконных рам, ведущих на улицу, где, наверняка ставил бы авто. Нет, такого в мозгу не обнаружилось. Даже посмеялся над собой. Автобуса как не было, так и нет. Стал рассуждать откуда в голову могла прийти идея о личном транспорте. Подумал, если бы это была правда, то я должен был на ней добраться до БАН.

Последний аргумент призвал к действиям – ради интереса и жадного любопытства. Я направился обратно, в сторону библиотеки, посмеиваясь над собой. Хотелось быстрее ответить на свой посыл в обертке изощренного маразма. Наконец показалось здание и рядом весь в снежной шапке «Опель Кадетт Караван». В кармане нащупал ключи. Странно другое: почему я сразу не посмотрел их и техпаспорт? Вот такой случай тоже имел место быть. До сих пор смеюсь, кто мне мешал на остановке порыться в кармане? Не додумался.

Я никогда не верил, что ум за разум может зайти так далеко, вплоть до «сноса крыши». Задумался, но ненадолго. Второй случай заставил лишний раз притормозить по полной. Дело было в газетном зале Публичной библиотеки, где нередко встречал за кипой подшивок газет легендарного Юрия Кучиева первым «оседлавшего» Арктику. Поражался, в Осетии моря нет, а он и Казбек Хетагуров – главные по океанам.

Вышел на улицу. Прогрел мотор. Спокойно выехал по Фонтанке, правда, в глазах было больше темени, чем света.

Выручали фары впереди едущих авто. На Невском повернул вправо на мост Аничков. Не по-детски забеспокоился: с глазами явный непорядок. Вижу только очертания редких фар и не более того. Прямо на мосту по центру увидел красный свет, далеко не от светофора. С чего бы на мосту гореть лампочке? Притормозил. Это была крашенная лампа, повисшая на двух самодельных досках – дорожная проблема. Стою и думаю, что же делать. Мысль: кто отгонит машину? Выхожу. Осмотрел ров, повернулся обратно к машине. Боже мой! Я не включил свет фар всего лишь. Но почему? Какое это было счастье повернуть переключатель и увидеть дорогу домой!

Это реальные события, которые должны подсказывать об осторожности по отношению к своему здоровью. Хотя, не помню, смог сбавить пыл или продолжил наращивать темп. Одно точно: в Публичке столы огромные и на них не только удобно работать, но и спать. Практически я там жил. Вечером приезжал домой, а дети уже спали. Утром уходил, они еще дремали. Редко, когда вносил изменения в свой распорядок, и оставался дома. В этом случае девочки кричали: «У нас сегодня праздник!» На вопрос: «Какой?» громко отвечали: «Папа дома!»

Но пропуск компенсировал работой над темой ночью, на кухне. Случалось, проснусь со злости, что сплю! Может это и ненормально, но стимул брал верх над общечеловеческими потребностями бытия. Тогда придумал свою поговорку: «Если нет врага, придумай его. Это стимул к самосовершенствованию!» Мне повезло: он у меня был, и не один.

Если взять в целом отрезок времени под названием «девяностые», то без труда можно вычленить плюсы и минусы двух экономических систем производства и распределения. Социализм обеспечил, казалось, навсегда минимумом удобств для жизни, начиная от бесплатных кусков хлеба в столовых и множества социальных льгот. Тогда не собирали очередную сессию Верховного Совета для увеличения пенсий и снижения цен на все товары. Как можно не поверить в торжество коммунизма? С другой стороны, нас постигла участь Вечного города: империя не выдержала конкуренции со стороны Запада и открытого предательства отдельных деловых кругов. А когда у нас власть передавалась по добру? Никогда. Это вам не Иран и далеко не Махмýд

Ахмадинежа́д, тем более не Рафсанджани. Зато у нас стабильность: петушиный крик в моем селе не меняет ноты, баранота, как была послушной, так и остается во власти старого чабана Данела Дзугкиева.

Кстати, в Дигории порой такую фамилию услышишь, что остальные покажутся инновационными. Например, безобидные Савкуевы производное от «сау куй» (черная собака), Цеовы от «цеу» (цыпленок), Аршиевы от «арс» (медведь) и так далее. Одним словом, дичь представлена весьма широко. Даже есть одна уважаемая фамилия, производная от слова «свинья», для смягчения и статности смягчим до «кабана», но не более. На дигорском выведу эту фамилию, но кириллица донесет ее до вас далеко не в лучшем виде. Все запомнят, что наиболее часто наносимое на деревенские заборы в русской провинции слово из трех букв, творит чудеса. Собственное фэнтези может тебя принять за умалишенного.

Вечерним автобусом возвращались в село из Орджоникидзе. Чтобы заслужить право поехать с ней в город, для этого надо было, как минимум, неделю показать себя с примерной стороны. Дать клятву, что не будешь просить купить что-нибудь и устраивать истерику в случае отказа. Я всегда молчал и тем самым был в фаворе в роли сопровождающего. Дорога в 88 километров до Орджоникидзе через сельские серпантины становилась такой же желанной, как поход городской детворы на карусель в парк имени Коста Хетагурова. Обычно уезжали утренним шестичасовым «пазиком», заполненным до отказа. На выезде из села водитель глушил мотор, вальяжно перемещался в салон. Начинал собирать деньги, раздавая светло-голубые корешки с рисунком модели автобуса. Что странно, при этой процедуре без надобности поплевывал на палец, чтобы оторвать талон. Нередко при этом его слюна по-снайперски достигала пассажирского лица. Кто-то рефлекторно вытирал возможный микроб, о котором тогда и не слыхали вовсе. Ни тебе коронавируса, ни спида.

Я тогда и в школу еще не ходил и мать старалась не брать мне проездной документ с целью экономии семейного бюджета. Водитель, зорко и со знанием геронтологии вычисляющий возраст ребенка, нередко входил в спор то с одним родителем, то с другим. Когда очередь доходила до нас, к

тому времени со страха реально чувствовал присутствие мочевого пузыря во всех конечностях, а порой и не только его. Эти тревожные минуты ощущал всей плотью зачитывая единственную известную мне суру из Корана. Мать сохраняла такую уверенность, что при явном изменении возраста ребенка, водителя предательски подводил глазомер, чего не скажешь про соседский газомер при облаве. Прямо, как в фильмах про немцев, выглядевших скорее идиотами, чем солдатами Вермахта. Почему-то во всех картинах они гонялись за домашней курицей…

Но в сторону Кабарды царила иная автобусная политика. Мать забирала меня на колени, мол, места не занимает, платить не надо. Но не всегда этот маневр проходил удачно.

На маршруте Нальчик-Чикола работал веселый, седовласый мужчина, родом из нашего села по фамилии Хачиров. Отец прожужжал все уши, что есть фамилии – братья, в том числе и Хачировы. Меня удивлял тот факт, что, если он нам брат, почему берет деньги также, как со всех остальных. Мы часто виделись с ним, так как дигорские домохозяйки ежегодно пользовались плодами придорожных бесплатных абрикосов. Самое интересное, это продолжается и сейчас, при этом между плодовым Клондайком – Аргуданом и нашим селом примерно 20-25 километров. Не может Творец так безрассудно выделить и одарить одних чад в ущерб другим. Причина в другом: в умении, трудолюбии и рассудительности. Нет, чтобы вернуться к работе над ошибками и возродить сады Хидирова и Тубеева, «врагов народа», и начать отсчет с начала. Это камень не столько в огород лескенцев, а государства нашего, потерявшего ориентиры на нужды крестьян и сельского труженика.

Автобус трогался. Впереди «солнечный город – Орджоникидзе», хотя он преимущественно дождливый из-за ландшафта с непосредственной близостью гор. На ходу наш рулевой перекладывал одну часть навара в один карман, а госказна довольствовалась остатками. Стоимость проезда составляла 80 копеек, а билет с плевками тормозил на отметке в 20. Природа, конечно, необычайно красивая в Осетии. Поверьте, есть с чем сравнить. Но конкурировать мы никогда не сможем: также будем ездить к кабардинцам за фруктами и овощами, к балкарцам – за козьей шерстью,

а сами продолжим строить из себя скифо-сармато-аланоирono и дигоро потомков, для которых прошлое никак не перейдет в настоящее. Тем временем турок-официант приглашает отведать люля, попить кофе или грушевый чай. При этом он не настойчив, но улыбка манит ответить взаимностью. Обратите внимание, как они искусно превращают вас в друга и соратника по поддержке турецкого бюджета. Так же и в Италии, Франции, Африке…

В целом если что и портит нас, северо-кавказцев, братающихся с пеной у рта от случая к случаю – это чрезмерная показуха, данная нам далеко не Всевышним, а самим Шайтаном. О высокомерных говорится в Китабе: «Они ждут всеобщего уважения, а не добившись этого, относятся к другим с неприязнью». Мы же горцы, избранные, как в «Мимино», оставляющие на чай две копейки, заправляющие свои иномарки под залог удостоверения личности. Если при этом еще данное выражение имеет смысл. Не лучше ли отставить спесь и прогнуться под реальность, зависимую от нас самих, а не от предков?

Вернемся к началу повествования от Махму́да Ахмадинежа́да до чабана Дзугкиева. Тот день в городе стал необычным. У входа нынешнего владикавказского рынка в центре города в то время располагался деревянный магазин «Ткани». Мать всегда долго выбирала отрез. Я нашел свое место в пыльном углу. Смотрю, лежат целых десять рублей одной банкнотой. Дрожь в коленках оказывается выбивает сознание, особенно в моем возрасте и у тех, кто, как я, редко держал такой соблазн в собственных руках. Не успел включить свой мозговой центр, впавший в меланхолию от взрыва эмоций и в полный неги красный туман – десятирублевая купюра. Странно, почему кроме меня никто не увидел эту красоту между богатством и депрессией. Поднял и вышел на улицу. Мать выскочила за мной, мол, стой внутри. Я же, как минимум агент 007, придержал ее руку, показывая содержимое своей, и с видом особой невинности перед миром, прошептал: «Я их нашел в магазине». Мы ушли, будто и не приходили, и кримплен нам был вовсе не нужен.

За материей мы приезжали в особых случаях, когда кто-то из родственниц выходила замуж. Это тоже такая интересная процедура, всегда манящая секретами. По селу молнией разносилась новость, что кто-то скоро выходит замуж.

Если у кого-то в шкафу остался чей-то подарок в упаковке, сохранив товарный, еще лучше, презентабельный вид, то проблема решалась с улыбкой на устах. Другие откладывали сумму на вынужденные расходы. Однажды тетя моя из районного центра спешно стирала свою ночнушку, мол, вчера только одела – сойдет для подарка.

Но кульминация события не в том, что сваты приходят в дом невесты и делают вид будто проходили мимо и решили наведаться. На самом деле будущая невеста сообщает матери, та в свою очередь ведет дипломатичные переговоры с мужем, которого не смеет называть мужем, а несколько иносказательно «ма сари хецау» (буквально – «хозяином моей головы»). Или еще: «Уарте», означающий местоимение «тот», на крайний случай могут назвать по фамилии, но только не при старшем брате или отце. Много наносного сохранилось в обрядах. Если все расписывать, получится комедия из трех частей, что интересно, придумывать что-либо не придется. С позиции «растаможенного дигорца», адаптированного к иным порядкам и условиям, смотрится необычно и смешно, но предельно интересно. Особенно в минуты, когда невесту подводят к столетней бабушке с целью получения пожеланий счастья и семерых детей в новом доме. Нередко девушка современных правил делает вид, будто впервые открыла глаза на мир сей, стесняясь самой себя и мечтающей поскорей закончить представление. В глазах отторжение, прикрытое ресницами в пол. Ее потом ведут старикам как на подиум Валентина Юдашкина. Справа ее поддерживает кохбалхуацаг (рукодержатель), слева – «кегьаре кизка» (сопровождающая невесту). Мужчины разглядывают виновницу торжества, отмечая осанку и угол стеснения. Тосты с элементами мольбы льются как из рога изобилия в зависимости от дозы выпитого. Молодая особа застывает на месте, мечтая быстрее завязать с представлением и поскорее выставить фото в Инстаграм. Дальше еще хлеще: два дня стоит в углу, и все, кому не лень, смотрят на нее, как на пришельца из космоса. Редкий, незаметный поворот головой говорит о ее земном происхождении.

Тем временем женская половина с нетерпением ждет оглашения списка подарков. Сейчас могут и конверты с деньгами иметь место, а в мою детскую бытность со стороны невесты как приданое, а от жениха типа калымного

начала, выступали сорта трикотажных тканей по степени родства. Дальние родственники обходились дешевым ширпотребом, основной куст дядей и тетей и, конечно, родителей, удосуживался тонкой шерстяной тканью крепдешин, а матери верх совершенства – кримплен. Отцу рубашку с указанием производителя товара, мол, это не просто местная безделушка, а самая настоящая, московская.

К этим вещам для особо близких прилагались духи «Красная Москва», а мужчинам одеколон «Кармен», которым годы спустя травили крыс вместо мышиного яда. Что важно заметить, перечень подарков оглашала женщина, обладающая хорошим звонким голосом, способная интонацией подчеркивать дефицит содержимого, его уникальность и высокую стоимость. Надо было придать всему действу особый шарм, мол, теперь будете знать с кем породнились. Правда, редко обходилось без обид: кто-то говорил, что двоюродной тете и родной достались одинаковые подарки – это неправильно. Другие могли пожурить соседку, что и ей следовало вознаграждение. Я пристально вглядывался в лица, на которых светились не только глаза, но и уши. Если кто что-то уронит невзначай во время доклада, приходилось повторять для тех, кто пропустил, скажем, сорт или метражность. Чтобы не подчеркивать все мелочи, предназначенные, типа мелких флаконов советского парфюма, произносилось одно единственное слово на дигорском, обозначающее сразу несколько патентов, начиная от носового платка и заканчивая детским мылом. Это звучало под конец объявленного трикотажного шедевра: «Ад листаг миута», что означало: вместе с названным подарком еще присутствует мелочевка, которая без сомнения поднимет вам настроение и охоту жить дальше. Отряд довольных и обиженных халявщиц вскоре направлялся домой, чтобы и там высказать недовольство, рассчитывая на поддержку домочадцев. Правда, мужики терпеть не могут такие моменты, при которых скошенная гримаса делала с их женами непонятную метаморфозу.

Это всего лишь небольшой процент от и без того мелкого, сельского, тлеющего огонька нашей истории. Какими бы ни казались непонятными или смешными обрядовые действия, порой, с заметными изменениями, все равно это наше – горское, народное, отдающее потом наших отцов и молоком материей. Если не способны сохранить язык, то

хотя бы то, что по силам и плечу. При этом ничуть не возносся себя на пьедестал, а просто оставаясь джигитом в науке, просвещении и быту.

Вновь и вновь возвращаю вас к вечеру. На том же пазике поехали домой. Понемногу стал засыпать на груди у матери и это мне удалось, пока чья-то белокурая овечка не лизнула мои голые пятки. Впереди были города Ардон и Дигора и ряд мерцающих огней небольших сел: Чикола, Хазнидон, Толдзгун и, наконец, мой Лескен…

В школе не все хорошисты. Некоторые вовсе не учатся, просто делают вид и убивают время. Юра Каиров был в младших классах, а мы уже заканчивали. Он был в чем-то оригинален уже тогда: на перемене несся по коридору ракетой, пока не сталкивался с кем-то из учителей. Небольшого роста, рыжеватый, кучерявый, с небольшими, чуть с прищуром глазами.

После первого года докторантуры прилетели в Осетию и посетили известный вещевой рынок «Фаллой», где не так давно впервые вкусил запах денежной массы. Проходя по многочисленным торговым рядам, откуда-то доносился живой рекламный вой: «Итальянская обувь, все цвета и размеры!» Голос показался знакомым и я пошел в эпицентр ора. Увидев глашатая, я прокричал в ответ: «Оптовым покупателям – значительные скидки!». Это был все тот же неугомонный Юрка!

Наблюдая за его статусным ростом и, заметив на нем фирменные кроссовки, в которых обычные люди строят глазки исключительно по праздникам, задумался: а правильно ли я живу? Мальчик, моего детства заказывает живую музыку, а мы все в поисках разумного и вечного. Теплилась надежда на возврат, но, как оказалось, тщетно.

Забегая вперед, приведу другой пример, связанный с моим школьным другом. Несколько лет спустя, будучи профессором кафедры международной журналистики СПБГУ, находясь в Осетии, вновь встретился с ним на перекрестке улиц Джанаева и Тамаева. Это было всем известное нелегальное место для «валютчиков». Там же находился официальный пункт обмена, но народ охотно проводил транзакции у граждан, потому что было ощутимо выгоднее. Органы правопорядка прекрасно все видели – не слепые же, но, ког-

да есть «интерес», и они могут прикидываться незрячими. Это место подчинялось Юре, его жене с братьями – тоже лескенцами. Отец у них всю жизнь работал на тракторе, мать – домохозяйка.

Юра увидел меня и подбежал. Обнялись. Обратил внимание на его блестящий БМВ. Оказывается, он уже не первый год в этом бизнесе. Все тот же смех и та же невинность в глазах. Приятная встреча!

– Валера, когда тебя вижу по телевизору, всем рассказываю, что мы из одной Лескенской средней школы. Так бывает приятно! Честно! – чувствовался скудный словарный запас для передачи эмоций. – Чем тебе помочь, Валера, ты же профессор, я знаю, в каком состоянии сейчас интеллигенция. Жалко, конечно! – и выразился отборным матом. – Скажи, что тебе надо?

– Спасибо, Юрка, ничего не нужно, все есть, хвала Всевышнему, – ответил ему, улыбаясь встрече и смеясь над собой. Как он просил меня взять деньги! Достал из кармана кучу… Отказал юному другу. Он не отступал и говорил, что хочет чем-то помочь мне, просил уважить. Тогда предложил помочь моему другу и такой же жертве капитализма, профессору Койбаеву, год назад подготовивший к выпуску очередную монографию по информационным проблемам стран Ближнего Востока. Это, кстати, тот самый человек, который первым в стране предрек начало первой американо-иракской войны. На защиту докторской были приглашены известные специалисты по Востоку. Отдельные из них возмутились, мол, такие заявления могут иметь негативную реакцию в мире. Борис Георгиевич не отступил от ряда личных наблюдений и твердых аргументов. Прошел ровно год и на журфаке то один, то другой профессор говорили мне: «А ведь Койбаев оказался прав…».

Вечером позвонил Боря и спросил кто этот благодетель. Вот такая история, напомнившая и другие, для сравнения уникальные случаи из жизни. С одной стороны, советский образ жизни отступал напрочь, профессура нуждалась, как только могла. И редкие люди, как Юра Каиров, остались с чувством народности и не поддались хаосу. В них осталось больше гордости, чем у миллионов…

Докторант получал стипендию 242 рубля в месяц. «Подушка безопасности» стала подводить по причине моего от-

каза от халтур в пользу скорейшего написания диссертации. Приехал к одному моему давнему знакомому, земляку, состоявшемуся бизнесмену, повидавшему вместе со мной разделенные поровну крошки хлеба. Такая гордость за него брала, словами не описать. И сегодня также – просто молодчина. Обратился к нему за стипендией в те же 242 рубля. Он сослался на отсутствие статьи в Уставе мегапредприятия. Через минуту я попросил его забыть мою просьбу, так как не хочу иметь такую черную метку на нашей многолетней дружбе.

Теперь о своем друге – не земляке. Помните в аспирантские годы мы сдружились с Саидом Тулаковым с восточного факультета? Он случайно узнал, что мы вернулись в Питер. В дверь постучали и там стоял мой юный друг и соратник по сантехническим полуподвальным системам, сломанным замкам и оконным рамам. Рядом с ним трое здоровых и высоких бойцов, иначе не назвать. Оказывается, он основатель известного в стране ООО «Афганвет». Название само говорит, о ком идет речь. Десятки коммерческих проектов, отличающихся своим масштабом и актуальностью для городской казны – это все он. Главным в его охране был Володя – в прошлом – армейский старшина. У Саида, как ни странно, с памятью все оказалось куда лучше. Сто раз вспоминал, как он ночами возвращался с халтуры и путь лежал через нашу кухню, где его ожидал ужин и осетинские пироги. Приятно, когда человек, сам себя выстроивший, сын бедного крестьянина Джумы, не растерял знакомых и остался таким же Саидом, когда-то нянчившим Алинку.

В одно время стал говорить, что вместо этой электропечи лучше бы что-нибудь другое, диван в большой комнате не помешал бы… Потом только вспомнил, что Володя стал что-то записывать в блокнот. На следующий день холодильник и все продиктованное доставили те же ребята в наш двухкомнатный номер. Тогда же меня попросили приехать в офис компании с паспортом. Подумал, надо расписаться за мебель и богатую хозяйственную утварь. Но не тут-то было. Женщина в светлых очках была в курсе и попросила моего согласия на стипендию в пятьсот рублей. На этом все не закончилось. Саид отвез в мясоперерабатывающий цех. Директору Тимуру Кудратовичу было сказано при мне следующе: «Валерий Дзантемирович, когда бы ни заехал, пусть

возьмет из ассортимента все – хоть все буквально – отдайте». В месяц два-три раза приезжал, загружали мне много чего, начиная от свежей говядины, до готовой продукции. Перепадало еще нашим аспиранткам из Осетии. В течение всего периода нахождения в докторантуре получал от Саида 500 рублей и свои же 242 рубля. И сегодня он остался таким же простым и богатым, как тогда. Не испортило его время и графу в Уставе долго искать не пришлось, хотя ни слова не было сказано о помощи. На самом деле, никто никому не должен, но есть в нас нечто такое, что не отпускает – это память. С ней лучше дружить.

В первое лето докторантуры всей семьей приехали на родину. Осетины приверженцы всех в мире основных религий. Особенно – язычества. Все как-то вперемешку. В Алагирском ущелье расположен памятник святому Георгию, встречающий путников на одном из участков Транскавказской магистрали. Одно из самых популярных мест поклонения. Накануне выезда обратно в Питер, мы с доцентом Черменом Магометовым семьями приехали к этому месту. Перед тем, как покинуть авто, развернулся и поставил в тень. Жены и дети организовали застолье, произнесли тосты на дорогу, как и должно быть. Внесли добровольный «нисайнаг» (пожертвование – денежный взнос) для нужд праздника во имя Святого. Через час завели машину. Работает мотор, коробка передач слушается, но «Жигули» Артура Атаева замерли на месте. Стоит и все. Попутная машина увезла наших жен и детей во Владикавказ. Мы стали «голосовать» на Транскаме. Летом вечереет быстро. Наконец один старенький «Москвич» подцепил и медленно двинулись к ближайшему городу Алагиру. Рассчитывал там проехать до единственного, еле заметного магазина автотоваров. В то время еще бизнес в данной сфере был крайне несовершенен.

Близко к Алагирскому кругу заехали в работающую в это время станцию техобслуживания. Мастер за минуту огласил диагноз: «граната» рассыпалась. Недалеко стоял вагончик, где горел свет. Это была контрольная весовая для большегрузных машин и больше ни души. Вошел внутрь. Мужчина лежал на диване и смотрел телевизор. Только увидел меня, подскочил и от души приветствовал: «О, какой желанный гость!» Не заметив на моем лице аналогичной радости,

спросил: «Ты не узнал меня?» Я ответил отказом, хотя стало не по себе. А он продолжил: «Зато мы тебя всей семьей вспоминаем каждый раз и благодарим за услугу, стоящую дорого, а ты все сделал бесплатно!». Вспомнил, тоже стало хорошо на душе. Рассказав о своей проблеме и просьбу довезти на своей зелененькой «Таврии» до центра с целью купить запчасть, он сказал:

– Во-первых магазин этот работает «по праздникам», но, помнится два года назад мой брат собирал «Жигули» (тогда нередко по частям собирали, привозя их из Тольятти). Но потом устал этим заниматься, распродал все, но единственная часть, которая не продавалась – это «граната» в сборе. Только не уверен, есть ли она еще или нет. – Мы поспешили, слушая его благодарственные слова в мой адрес.

Полез на чердак. Через пять минут вышел, сияя от радости – именно она и осталась не проданной. Фамилия моего спасителя Кантемиров, а дочь училась у меня на факультете филологии. Стала учительницей и жизнь удалась.

Это расписываю в назидание, как в поговорке «Сделай добро и выбрось в море. Вернется». Не жалейте себя в том малом, в котором под силу протянуть руку помощи. Что касается осетинской ментальности советского и нынешнего периодов – это день и ночь. Победила ночь, но это отдельная тема, к которой еще не раз вернемся. А если у кого-то появится естественный интерес, а как себя вел Таказов в подобных ситуациях – пусть ответят мои, теперь уже коллеги, и не только. Добро творить нелегко, но жить куда интереснее, ощущая себя человеком неравнодушным или просто человеком.

Девяностые годы для Запада стали благодатными в проблемах изучения нашей страны. Оказывается, они совсем не так о нас думали, им все стало интересно. Стали приглашать на все мероприятия с обязательной оговоркой: «все расходы за счет принимающей стороны». Сегодня этот пункт, к сожалению, остался неизменным для россиян. Стыдно. Если касается международного формата, то можно забыть напрочь. Особенно активно действующими фондами оказались немецкие: Роберта Боша (немецкий промышленник, инженер и изобретатель) и Конрада Аденауэра (известный государственный деятель Германии, первый канцлер Федеративной Республики Германии с 1949 по 1963 год).

Надо отдать должное, немецкая сторона сделала все возможное для развития нового межкультурного диалога между нашей страной и новой Германией. Первые зарубежные поездки коллег обнажили много проблем, в первую очередь, ментального и бытового характера. Так, во время шведского застолья отдельные сотрудники вуза поверить не могли, что можно есть столько, сколько душе угодно. Извечная русская привычка забирать с собой в номер «на потом» иногда приводила к малоприятным эксцессам. Доцентская группа состояла из продвинутых специалистов и наши доклады, конечно, отличались в лучшую сторону. Порой немецкая профессура выступала по теории международной журналистики со столь наивными докладами, что становилось по-детски смешно. Не меньше смеялись мы над собой, впервые увидев пластиковые карты, например. Программа пребывания всегда интересная. Немцы умеют встречать как надо. Мы стали учиться у них даже такому элементарному мероприятию, как проведение кофе-брейк и его смысловому наполнению.

С одной стороны, становилось противно от того, что мы представляем страну-победительницу, а воочию видим обратное. Немцы аккуратны во всем: особенно при проведении конференций и форумов. До сих пор мы хромаем на обе ноги: нет денег на командировки, на приглашения. Так, понемногу, понимая свой статус как просителя, начали из себя строить равного – это мы умеем. Понт для нас превыше денег. Но трудно получается даже это. Когда нет государственной поддержки в таких социально значимых проектах, то они закачиваются, даже не начавшись. А пока мы только учились, удивляясь на каждом шагу, как в юмореске «А разве так можно было?»

Пример. Прилетели в западную часть Германии поздно. Встретили нас. Отвезли в гостиницу католического храма в местечке Плининген, муниципалитет Штутгарта в земле Баден-Вюртемберг. На ресепшене отеля ни души. На стойке ключи с нашими фамилиями. Везде все открыто. Даже бар с любыми яствами, вплоть до виски. Не знаем, как быть? Кому платить? Да никому: просто цены есть и есть открытая железная коробка для денег. Все на совесть. По чести, как говорится. По утрам уезжали во Францию, в Совет Европы. Вечером в отель и вновь – касса на совесть. Там уже к этому

настолько привыкли, что вопросов не вызывало ни у кого, кроме нас – россиян, которые победили Германию.

В эту же неделю в актовом зале храма проходила тусовка пенсионеров из разных стран. Расспросив о странных людях в кристально белых нарядах и танцующих быстрые танцы, несмотря на возраст, при котором у нас уже покоятся на другом свете, поняли всю подноготную мероприятия. Оказывается, они создают группу ровесников в интернете, разрабатывают план и встречаются то здесь, то в другой стране и продолжают радоваться жизни. Забегая вперед, скажу, что у нас в университете тогда еще не было интернета и не знали, что такое электронная почта.

Не меньше удивлялись десяткам кабриолетов с открытыми крышами на улице, в салоне которых отчетливо были видны мобильные телефоны и личные вещи. Можете себе представить такое? Наши глобусы оказывались именно там, где вы и подумали. Мы в это время могли не удивляться только тетрисам с обезьянкой, сникерсам и марсам… Вот и думали, каждый о своем. В том числе о том, что можно одному человеку перевозить десять бутылок вина, немецкие багеты и разные виды сыров. Искали в туалетах включатели, которые сами за нас думали. Позже в Швейцарии не могли понять, как открыть краник с водой, которого нет вовсе, а надо всего лишь поднести ладонь.

Поздним вечером прибыли в Западный Берлин. Сопровождающая нас фрау Салазар, семидесятилетняя сотрудница фонда, невзначай сказала, что наличные деньги закончились и ей надо будет по дороге «снять». Беспокоились за нее, так как по нашим меркам почта не может работать в это время суток и где она сможет взять наличность. Вдруг на одной улице попросила остановиться. Вышла. Пошла в сторону одного из домов. Вернулась с марками. Так узнали, что такое банкомат. Профессора и доценты недоумевали, как такое возможно и при этом аппарат еще не украли.

Дальше были другие страны и столько же мозговых атак. Только в этом можно было приветствовать перестройку. Хотя все потом поняли – лучше бы ее не было вовсе! В Советском Союзе, наряду со множеством негативных моментов, было огромное преимущество в остальном. По крайней мере в бесплатном образовании. И в карьерном росте:

парткомы отслеживали профессионализм сотрудника и предлагали «обратить внимание». Перестройка же относительно одарила понятиями, знакомствами и деньгами для достижения определенных высот. Если сегодня это не так, то я живу на другой планете и прошу прощения.

Докторантура сложна тем, что открывает новое направление и ко многому обязывает. В первую очередь, к ответственности за выдвинутое предположение. Доказывать приходится известным ученым. В составе диссертационного совета, как правило, профессура в возрасте от 60 и выше. Не принято было становиться доктором наук в молодости. Боясь за репутацию, ученые с опаской подошли и к моей кандидатуре, но не было вариантов: все формальности выполнены, надо выходить на защиту. Мне было 37. В день защиты Валентина Григорьевна Березина подошла к одному из официальных оппонентов, профессору Евгению Алексеевичу Корнилову и задала вопрос: «И все-таки, Вы считаете, что он готов? А что скажет ВАК?». Корнилова знали все. Он был одним из ведущих по направлению диссертации специалистом и весьма авторитетным ученым. «Да, готов. ВАК? Проверим!» – ответил он.

Соискатель обычно знает о членах совета все, так как среди них некоторые отличались строжайшей принципиальностью. Накануне моей защиты простыл Сергей Васильевич Смирнов. Новость меня порадовала, как бы нехорошо это ни звучало. Он профессионал не только в истории журналистики, но и в теории. Его вопросы всегда заставали соискателей врасплох. До начала защиты оставались минуты и в большую аудиторию вошел тепло укутанный Смирнов. «Валерочка, я так плохо себя чувствую, но не мог пропустить твою защиту». Я, конечно, обрадовался в кавычках. Как и предполагалось, именно его вопрос, рассматриваемый ленинградской и московской научными школами по-разному, заставил поволноваться. Но, в целом, обошлось без пресловутого «черного шара». Так и прошел день, к которому давно стремился. За один год и восемь месяцев остановил выплату стипендии, спонсорской помощи Саида Тулакова и доброе отношение моих ленинградцев. В том числе попрощались с аспирантками из Осетии Оксаной Цуциевой и Мариной Цогоевой. Они писали темы научных исследований под руководством очень известного и строгого профессора

Леонида Соломоновича Бляхмана. Осилить его требования не всем было по силам. Наши девочки справились вовремя. Акцентирую на этом внимание моих земляков, чтобы стремились повторять такие подвиги. А родителям Оксаны и Марины – отдельное спасибо за столь правильное и интеллигентное воспитание. То же самое могу сказать и о Диане Сокаевой и Алине Хадиковой. Такой молодежью можно гордиться на просторах Вселенной.

Но один случай не могу не рассказать – просто, обязан поведать. Мог защититься и раньше, но встала проблема выпуска монографии в университетском издательстве. Денег нет и надо что-то делать. Целых пятьсот долларов. Беспокоить никого не хотел. В то самое время прилетел в Осетию на неделю. Встретился с Сергеем Калицевым. Вспоминали Питер, пили кофе. Спросил, на какой стадии. Посетовал, что осталось издать монографию, и есть проблемы с деньгами.

– Ты знаешь, у нас тут есть один банкир, такой простой и доступный, ты не поверишь, – начал он говорить. – Не стесняйся, ты сам убедишься, что таких людей и не бывает вовсе, но он такой.

Было неловко встречаться по такой причине с незнакомым человеком. Неудобно – не то слово, но Калицов позвонил ему при мне. Веселый и задорный голос на том конце провода придал больше уверенности. Пришел, как и просил банкир, во вторник, в 12. Так познакомился с Сергеем Такоевым, с которым дружим до сих пор.

– Валера, – сказал он. – Наверняка тебе нужно больше, и ты стесняешься.

Минут десять просил меня взять большую сумму, ссылаясь на важность моего участия в жизни Осетии. Не согласился. Так меня выручил человек, о котором впоследствии слышал очень много лестного от нашей интеллигенции. Всегда радовался его успехам и карьерным достижениям. Оказывается, такие доступные и простые в общении люди могут стать премьером республики! О нем могу говорить долго…

Недавно виделись в Москве, и я спросил его: «Серега, ответь мне, как тебе удается оставаться самим собой? Сколько тебя знаю, столько ты такой же уверенный в себе и народный? Даже твоя улыбка не изменилась!» Он, как всегда, громко рассмеялся и сказал: «Я человек набож-

ный. Если Бог в чем-то мне помогает, это предназначено не исключительно мне, а людям, кому в состоянии помочь я. Если могу – почему не протянуть руку помощи?»

Поверьте, есть с кем сравнить. Из осетин высокого ранга он единственный, кто не меняется. Не это ли показатель человечности? Вот, у кого надо поучиться многим из нас. Это всего лишь пара слов из тысяч, которых хотелось бы сказать о нем.

ЗДРАВСТВУЙ, РОДИНА! Я ВНОВЬ ВЕРНУЛСЯ!

И вновь поспешил к чемоданам. Впереди родной Северо-Осетинский университет, откуда не так давно вернулся в Питер. Надо было снова начинать создавать осетинскую научную школу журналистики и развивать практику через творчество молодых талантов. Не скрою, был и личный интерес, связанный с Риммой Заурбековной Комаевой, которой совсем не было по душе мое возвращение. Может и остался бы в Санкт-Петербурге, но воспоминания о ее попытках удалить меня из университета, забыть не мог. Всякое действие рождает противодействие. Назовите это местью или как-нибудь иначе, но это правда, от которой не отрекусь никогда. Быть флюгером, не значит быть умным человеком. Помню, когда начались баталии по второму сроку президентства Галазова, которому Комаева так была обязана, она выступила против него и поддержала Дзасохова. В тот период ко мне зашли два гонца из Осетии с просьбой последовать ее примеру. Конечно, отказался, рассказав случай, когда именно Ахсарбек Хаджимурзаевич поддержал мою кандидатуру для направления в целевую аспирантуру. Это было бы предательство, самое настоящее.

Два года работы под руководством Комаевой, с 1997 по 1999 год, дали свои плоды на ниве теории и практики журналистики: конкурс на факультет увеличился существенно, что было на руку и Римме Заурбековне – как оказалось, в прямом и переносном смыслах. Ряд проектов, касательно студийной работы со студентами стали приносить имиджевые преференции. Студенты ездили на конференции, занимали высокие места. Надо было, чтобы о нас заговорили в центре. К нам стали поступать лучшие, среди которых чле-

ны студии «Журналист», впоследствии ставшие далеко не рядовыми сотрудниками федеральных редакций и агентств: Ольга Алленова («КоммерсантЪ»), Максим Березин (НТВ), Нина Сацирова (диктор телевидения «Подмосковье»), Илья Костин («1 канал», светлая память), Богдан Засульский и Люда Дудиева («Бизнес-FM»), Нонна Дзиваева («РБК»), Тамрико Гогичашвили (кинорежиссер, Москва), Ольга Цораева (Бельгия), Нино Джабиева (Стамбул), Марина Томаева («1 канал»), Олеся Шахбазова (ТВЦ). Ощутимый вклад в СМИ республики до сих пор вносит целая плеяда студийцев: Вадим Тохсыров, Ольга Дзгоева, Заур Фарниев, Ольга Датиева, Нонна Кусова, Алан Диамбеков, Эльбрус Дзабиев, Елена Коваленко, Залина Тускаева, Леван Козаев, Казбек Бутаев, Дзера Караева. Вспомним Диану Салбиеву (светлая память). Отдельная группа ребят под руководством тележурналиста, общественного деятеля, генерального директора Кавказского центра стратегических коммуникаций «Ирин-форм», прошла такую профессиональную закалку, которую смело можно назвать уникальной. Среди них Тимур Кусов, Руслан Тотров-младший, Тома Таболова, Илья Костин и другие. Кого-то мог не вспомнить – извините. Еще лучше – напомните. Буду рад!

Студия «Журналист» станет родоначальницей «Школьной журналистики в университете» в Санкт-Петербурге, ставшей лучшим профориентационным проектом в России. Обо всем этом и моих студийцах расскажу отдельно. Достижения преподавателя не в личных заслугах, а в его продолжателях и их успехах. Никогда не надо забывать, что лектор – он же и педагог.

По возвращении из Санкт-Петербурга, спустя полгода, стал исполняющим обязанности декана факультета осетинской филологии и журналистики. Надо было подготовиться к процедуре прохождения конкурса на должность. Скажу прямо – это была инициатива ректора, будто читал мои мысли, что именно за этой картиной маслом и вернулся в первую очередь. В этот момент Ахурбек Магометов значительно обновил деканский корпус СОГУ. Ректор – известный журналист и, видимо, чувствовал, что на факультете кроме филологического содержания должно быть и журналистское, если выдаем дипломы журналистов. В этом есть своя железная логика, не так ли?

На второй день, как Ахурбек Алиханович представил меня коллективу факультета, все шло как положено, хотя в воздухе явственно запахло керосином: Римма Комаева, Зинаида Тедтоева и Людмила Авуль пришли на работу во всем черном. Странно, но и небо казалось по-особому темным. Черных дней я им не обещал. Факультет – это живой организм, и он должен работать, не забывая о прошлом, но и не зацикливаясь на нем. Комаева спросила: «Ты же будешь совмещать деканство и заведование кафедрой, как все? Тедтоеву уберешь?»

– Нет. Считаю вся ее жизнь в ней – в кафедре. Еще и помогу во всем, – ответил я ей.

До моего конкурса, предстоящего в феврале, у деканата стала дежурить группа активных студентов, собирающих подписи в поддержку Риммы Заурбековны и отмену решения ректората. Я не стал им мешать в проведении так называемого флешмоба. Списки были у Тимура Кусова и Руслана Тотрова. Я только попросил их встать поодаль, чтобы не мешать посетителям деканата. Сам тоже присоединился к их инициативе и подписал петицию, будучи уверенным, что мертвому припарки ни разу еще не помогли. Вечно интересующийся всем, как и сегодня, газетчик, студент Вадим Тохсыров искал слабые точки моей психики, сохраняя при этом строгий демонстрационный нейтралитет. Мне нравилось наблюдать за этой обстановкой, приветствуя гражданскую волю молодежи, чего тогда сильно не доставало в провинции. Ребята – молодцы, отстаивали Комаеву как могли.

Тем временем Римма Заурбековна попросила занять ее кресло в кабинете. Я, конечно, не стал сопротивляться. Все, что можно было забрать на кафедру – унесли. Но через день за тем же креслом явилась Зинаида Хасанбековна, мол оно тоже нужно на втором этаже. Ответ был отрицательный. «Что нужно на этажах – мне решать, а лимит контрибуции вчера закончился. Дайте хоть прогреть его разок». Я, можно сказать, десятки лет рисовал эту картину маслом и другими яркими красками, а насладиться вендеттой не дает инквизитор в черном, с серпом в руке. Вслед добавил: «Все имущество будет оприходовано и пронумеровано специалистами из соответствующих служб СОГУ, а потому личное попрошу вывезти из кафедры». Инвентаризация до этого времени не проводилась.

Твердо был уверен, что долго не задержусь. Главное – это малое время посвятить студентам, дать им возможность поверить в себя. Журналистика, как социальный институт и отрасль коммуникации, прописалась в агентстве Ирины Таболовой, что касается остальной студенческой среды, то она просто числилась. Нашу специализацию мало знать профессионально, надо чувствовать ее безграничные возможности. Журналистика не имеет границ. Имидж факультета, в первую очередь создается студентами, их победами, остальное за лекторами и практиками.

Более того, важным звеном между абитуриентом и вузом должна быть профориентационная школа. Даже сегодня большинство выпускников школ не может определиться с тем, куда поступать, какую профессию выбрать. С этой целью довольно быстро открыли студию «Журналист» с двумя группами – для учащихся школ Осетии и студентов журфака. В первую группу набор проводился путем объявления в СМИ республики, а во вторую записывались из среды студентов. Ученический кастинг радовал глаз больше, так как желающих было слишком много. Всеми процедурными вопросами занимались студенты старших курсов под руководством третьекурсницы Дианы Салиевой (светлая память). Родители платили за ребенка двести рублей в месяц. Время было такое, что ежегодно цены росли везде, кроме нашей студии. Все три года работы студии стоимость не менялась ни разу. Студенты получали зарплату больше, чем профессора. Это при том, что оплачивали университету арендную плату за аудиторию, в которой выпускали многотиражную газету «Журналист», а впоследствии стали выходить в телеэфир с передачей «Студия «Журналист» СОГУ представляет». Выручали местные каналы «Ир» и «Визави». Для преподавания подбирал лекторов сам. Мне было важно, чтобы они были не как все. Объясняли материал по русскому и иностранному языкам так, чтобы школьник не мог дождаться новой лекции и встречи с профессурой.

На эти лекции записывались аспиранты и студенты других факультетов. Разве могут они забыть наше сообщество и наши встречи с министрами, редакторами, промышленниками? Летом пресс-конференции проводили на университетской базе в Кобанском ущелье, куда нас привозил нанятый нами за 250 рублей автобус ЛАЗ. На базе было все

для студийных занятий и даже мангал. К сожалению, этой базы уже нет после схода лавины с горы Колка, когда погибло много людей, в том числе и сотрудники университета, а также Бодров-младший со своей съемочной группой. Светлая память.

Нам было мало этих проектов. Участие в различных форумах в городе стало обычным явлением. Ребята самостоятельно придумывали темы. Помню, как здорово отозвался мэр города Михаил Шаталов о сюжете «Семечки» Дзерановой, запамятовал ее имя. Две камеры ВХС не покидали плечи Казбека Бутаева, Валеры Гамосова и Максима Березина, возглавившего впоследствии Северо-Кавказское бюро НТВ. Как не отметить активистку студии, аспирантку Карину Барсегову, ныне кандидата психологических наук, майора полиции, старшего психолога-полиграфолога ОМОН на транспорте Главного Управления по Санкт-Петербургу и Ленинградской области! Всех не перечислить! Горжусь ими всеми!

Гости Осетии не раз становились участниками наших передач. Ребят знала вся республика, потому отдельные учреждения сами предлагали помещения для занятий. Среди них Владикавказский институт управления, ректором которого тогда была Зита Салбиева, впоследствии министр образования республики, а ныне – заместитель главы Владикавказа. На площадке института прошли десятки интервью с известными людьми.

Ни одно занятие не состоялось без кофе-брейка. Доцент Чермен Магометов с легкостью находил спонсоров из общепита. Диана Салиева, наш бухгалтер, в конце каждого месяца всем педагогам-студентам, а также профессорам, в том числе и мне – своему декану, платила заработную плату. Молодежь должна была знать, что знание – это не только сила, но и деньги.

Наряду с профориентационной студией были и другие коммерческие проекты. При входе в университет был выстроен белый книжный ларек «Вузовская книга», где принимались заказы от профессорско-преподавательского состава университета. Литературу выписывал из Петербурга. Почтовые вагоны из-за чеченской войны в то время доезжали только до Прохладного – это в Кабардино-Балкарии. Дальше приходилось доставлять на своей машине. В корпусе с колоннами, неподалеку от факультета действовал «Ксе-

рокс» и кофейный уголок. За этот бизнес отвечал бывший проректор по АХЧ Георгий Кудрявцев. Эти предприятия давали прибыль, определенная часть которой отдавалась на нужды факультета.

Заместителем декана с первых дней моего деканства стала Оксана Олисаева, работавшая до этого в деканате методистом. Оксана и остальные работники деканата вдохнули новую жизнь в это пространство. Молодцы!

Оставалось только учиться и выстраивать свою жизнь по своему собственному усмотрению. Вместо ора в коридорах, случайный студент мог услышать только благожелательное обращение. К нам стали переводиться с других факультетов города и страны. Все это благодаря тому, что я назвал в самом начале имиджем. Если он есть – есть признание. Для чтения лекций нередко приглашались известные ученые из СПБГУ. Отдельные из них не один раз побывали в СОГУ. Среди них доктора наук, профессора Г.В. Жирков, Л.П. Громова, С.А. Михайлов и другие. Надо отдать должное Зинаиде Хасанбековне, которая принимала гостей как родных. Она встречала, она же провожала. Это действо продолжалось и в то время, когда отлучился в докторантуру.

Однажды на кафедру в Петербурге позвонила Тедтоева. Трубку сняла Людмила Громова, рабочий стол которой стоял рядом с моим. Будучи докторантом, мне дали читать курс по истории русской журналистики. Зинаида Хасанбековна позвонила с просьбой.

– Людмила Петровна, нужна Ваша помощь. Прошу приехать к нам и прочитать курс по истории журналистики. Будем очень признательны, – умаляющий голос Тедтоевой был хорошо слышен всем присутствующим. Людмила Петровна, поняв, что речь идет именно про тот период истории, который читаю я, поспешила обрадовать абонента из Осетии.

– Зинаида Хасанбековна, Вы даже не представляете, как я Вас порадую, – уверенным в своем замысле тоном поспешила ответить Громова. – Дело в том, что этот период у нас читает, кто бы Вы думали? Таказов!

Я-то понял, чем закончится этот диалог, но моя интеллигентная коллега может не понять. Так и получилось. Людмила Петровна хотела обрадовать Тедтоеву, что ее питомец читает в СПГУ, и точно справится в родном вузе. С той стороны

провода мольба шла как бесконечная тень. Чтобы разрядить обстановку, Громовой шепнул в ухо: «Соглашайтесь, в родном отечестве нет пророков». Профессор Громова долго еще не могла понять. Хотела, как лучше…

Невдомек петербургским, и не только ученым, что в Осетию пригласить для чтения лекций Таказова – это нонсенс. С одной стороны, это я, которого не удалось уволить из вуза, с другой нужен пафос: фамилия осетинская в Осетии – разговор ни о чем. Пусть лучше будет шизофреник из Центральной России, но с русской фамилией. Тогда это событие. Осетия давно находится в состоянии признать любого, только не своего, родного. Дело совсем не во мне. Читатели-осетины, меня поймут. В 1918 году полковник царской армии в своих донесениях писал, что с осетинами дело иметь можно. Мол, они грамотные, цивильные, профессионалы, но САМОЕДЫ. До сих пор это качество не покидает нас. Хорошо это или нет? Мне кажется, это плохо. Особенно для такой малочисленной нации, как осетины.

Между тем жизнь шла своим чередом. Молодая поросль журналистов стремилась идти дальше родных гор. Кто поступал в аспирантуру, кто уезжал в Москву для получения еще одной специализации. Как-то пригласил на разговор Ольгу Цараеву – студентку третьего курса. Она отличалась тем, что рисовала великолепно и писала неплохо. Она не раз выручала нас на конкурсах. «Хочешь, переведу тебя в СПБГУ, на факультет журналистики. Мне кажется, не стыдно будет за тебя поручиться. Поговори дома, если родители не будут против», – предложил я.

На следующий день в кабинет постучался ее отец. После недолгих реверансов в мой адрес, спросил: «Сколько это стоит?» Я переспросил. Он имел в виду во что – в какую сумму встанет моя услуга. Когда два раз подряд ему объяснил, что от него ничего не нужно, просто разрешить Оле получить образование в центре и надеяться на ее успех в будущем, он встал и спросил: «Вы серьезно?» Как показали последующие мои действия, я был серьезен, и умница Цараева вскоре стала студенткой журфака СПБГУ. Помню, когда она защищалась, ей назначили в качестве оппонента известного практика медиа-дизайнера, у которого считали за честь получить удовлетворительную оценку. Оля получила «отлично» и лестный отзыв от рецензента.

До нее перевел на журфак МГУ им. М.В. Ломоносова Олесю Шахбазову и Богдана Засульского. Обычно лучших не отпускают от себя. У меня была иная практика: замечал способного и талантливого, предлагал помощь в переводе. Естественно, бесплатно, иначе бы и не переводил. О других случаях уже рассказывал. Главное – не подвели и радуют до сих пор своими успехами.

Очень важно, когда студенты – будущие журналисты проходят производственную практику за рубежом. Попасть в такую программу могли немногие. Но мои студенты со знанием немецкого языка по два человека в год уезжали в Германию, в лучшие города и редакции. Все это стало возможным благодаря участию в судьбах моих студентов директора Свободного Российско-Германского института публицистики при МГУ им. М.В. Ломоносова, доктора политических наук, профессора Галины Федоровны Вороненковой. Наши ребята получали летние стажировки в Германии, а впоследствии и в Швейцарии. Все оплачивала принимающая сторона и стажеры возвращались с несколькими тысячами марок в качестве платы за корреспондентскую работу. Так, горская молодежь познавала Европу, какая она есть.

Необходимость открытия диссертационного совета по «Литературе народов Российской Федерации» напрашивалась давно. Открыли. У меня были две аспирантки: Залина Борукаева и Татьяна Валиева. Вместо трех лет, уложились в полтора года. Две диссертации прошли всю апробацию и Татьяна, рассмотревшая реализм Арсена Коцоева и Залина – художественное своеобразие творчества Георгия Цаголова, стали кандидатами наук. Были и другие желающие поступить ко мне в аспирантуру, но предчувствовал, что могу не успеть… Все шло к этому. За три года деканства в СОГУ, понял, что долг свой выполнил как перед собой, так и перед студентами, с которыми до сих пор продолжаем сотрудничать. Я не бросил их – это главное. Наступило время, когда они за мной поедут в Питер. Так надо было… Римма Заурбековна подошла ко мне и спросила: «Ты приехал, чтобы меня снять?» Надеюсь, вы поняли, что ей ответил.

Вот и наступило то время, когда вернулся в город, ставший родным. Подаривший массу эмоций от увиденного и пережитого. Расскажу о всех, кто надолго, а кто и навсегда оставил в сердце след, с которым жить – одно удовольствие.

Повторись снова, попросил бы Творца, пережить эту гирлянду событий вновь и вновь… Интересно, сколько шагов от моего села до Эфиопии, от незнакомки Турции до Кении, от Рима до Парижа? Удивительно, Рим – Вечный город, а с вечным вопросом прилетают сюда, чтобы влюбиться, оставляя личную драму чужому рыцарю в темных очках – Нотр-Дам-де-Пари…

МИЛЛЕНИУМ

Но все по порядку. Начало нового тысячелетия особо не отличалось от девяностых. Также народ нуждался во всем. Ни на что не хватало денег, как это было при Советском Союзе. Иммиграционные процессы шли потоками: большинство из республик бывшего Союза искали счастье на просторах России, меньшая, но более головастая, часть искала выходы на Запад и деньги на билет в один конец. Какая-то непонятная, ничем не объяснимая надежда на улучшение жизни теплилась где-то поодаль от сердца. Но тщетно. Становилось только хуже. Рассчитывать на одну зарплату – быть в ущемленном состоянии. Искать подработку, но эта атмосфера для большинства была новой и непонятной. Профессура могла рассчитывать исключительно на мозги и навыки в научных отраслях, но спроса на нее не стало. Особенно это коснулось гуманитариев. Технари хоть подрабатывали у так называемых коммерсантов. К слову, тот же самый Коля Чекоев, автор аккумуляторов для космических кораблей, придумывал разные способы очистки и переработки для производителей алкогольной продукции Осетии. В те годы бутылка водки во Владикавказе стоила дешевле пепси.

Много жизней похоронил тот бизнес. Борьба была не на жизнь. Страна утопала в осетинской водке, лучшей по качеству и, конечно, по цене. Но и слез от нее хватало…

По сравнению с остальными коллегами, где-то можно было позавидовать мне: по приезду в Питер стал профессором кафедры международной журналистики, заместителем декана факультета журналистики, предоставившего двухкомнатную квартиру в том же общежитии на Кораблестроителей, 19. Деканом тогда была Марина Анатольевна

Шишкина – великолепный руководитель, инициатор ряда новшеств, выдвинувших журфак на лидирующие позиции. Заведовал кафедрой тоже мой студенческий друг – философ, доктор социологических наук, профессор Анатолий Степанович Пую, выходец из маленького молдавского поселка. Мне везло всегда с друзьями в городе на Неве. Особенно с продавцами книг из «Академкниги», букинистических магазинов. Как ни странно, но факт – все они были евреи с высшим образованием, а некоторые – со степенями кандидатов наук. Так, Миша (светлая память), продавец филиала «Академкниги» на историческом факультете знал многих евреев – известных профессоров СПБГУ, с кем впоследствии знакомил меня, и с кем сотрудничали на ниве гуманитарных исследований. К примеру, профессор Юрий Давидович Марголис, написал рецензию на книгу о народнике конца XIX века Алихане Ардасенове, другие выступали по разным аспектам осетиноведческой науки. Оказавшись в такой интеллектуальной атмосфере, иначе, как соответствовать духу коллектива, было нельзя. Если что-то ценное удалось приобрести в жизни в плане научных поисков, то благодаря им. Окружение воспитывает не по книге, но не уступает ей в доходчивости. Взаимовыручка, как человек человеку, пусть даже в мелочах – это все от них.

Позже познакомился с Юлием Робертовичем Рысиным, известным адвокатом, кандидатом юридических наук, Зауром Агаевым, больше известным как Марк – прозвище от его мамы Розы, из Сумгаита и Анзором Котиковым из Ингушетии. С ними мы до сих пор как братья. В них можно верить, как в самого себя. Нас связывают десятилетия: время – свидетель каждому из нас, оно дает оценку твоей личности – стоишь ты чего-то или нет. Иначе как понять, что когда-то случайно встретились юрист, строитель, бизнесмен и журналист и не разбежались по углам? Со временем еще сильнее становится сопричастность друг другу и желание быть нужным в любую минуту. Время – строгий судья, не терпящий лжи и лицемерия. Многое, что пересмотрел в жизни, благодаря этим людям. Их родня стала моей, пусть и на расстоянии. На Кавказе почитание старших святое, особенно родителей. Если бы вы видели, как евреи относятся к своим родителям! На примере моих друзей – это искусство быть настоящим.

Домочадцам Юлика стал дядей Валерой: для доченьки Сашки – ныне адвоката-практика, для Вовы – выпускника колледжа в Израиле и большого умницы. О хлебосольной Ирине и речи нет. Брат моего друга Евгений Рысин – известный в городе психотерапевт. Родители Юлика не пропустили ни единого раза, чтобы не позвонили в день моего рождения. Рысины со своей стороны знают все про моих детей и внуков…

Наряду с тем, что факультет – сложный механизм, требующий большого внимания, надо было думать и о хлебе насущном. Мы – мужчины, испокон веков «носители», то есть на нас всегда лежит обязанность по обеспечению семьи. Если бы встал выбор между любимой работой с малой зарплатой и тяжелым трудом с деньгами, предпочел бы второе. Нет ничего важнее детей в этом мире. Но бывает еще и по-другому: совместить, на первый взгляд, несовместимое. Согласен, нужна особая жилка, но кто мешает попробовать? Методом холодного расчета и проб можно проверить себя. Для примера забегу вперед.

На петроградской стороне, на улице Гатчинская, 56, был у меня магазин продовольственных товаров со всем ассортиментом, включая алкоголь. Неподалеку – большой канцелярский, где работала еврейская семья во главе с Михаилом. Пришел как-то к нему и разговорились. Я спросил его: «Скажите, пожалуйста, как можно отбивать расходы по такому, далеко немаленькому, магазину в таком непроходном месте? Это же всего лишь канцелярия?» Ответ был кратким: «А ты попробуй».

Через год с лишним рядом с общежитием, где мы проживали когда-то, открывался торговый центр. С условием полной монополии на канцелярский ассортимент, я снял в аренду восемь квадратных метров. Ежемесячная плата составляла 14 тысяч рублей. Установил принтер, купленный в кредит… Не буду все расписывать, ибо наименования товаров от резинок разных видов, тетрадей и моря ручек, составляли не одну сотню. Через три месяца только принтер выдал 48 тысяч. Он себя окупил трижды! Жена работала, управляла всем этим хозяйством. Как известно, когда у жены есть «свои деньги», то и детям перепадает больше, даже если они и не нуждаются. Это я к тому, что Миша сказал: «А ты попробуй». Больше всех из бизнес-проектов про-

существовал именно этот. Оказывается, когда мы, миряне, покупаем резинку за 10 рублей, то ее цена на оптовой базе 10 копеек. Вот и считайте. А на игрушки наценка сумасшедшая. Неужели человеку с высшим образованием трудно разобраться в этом мелком на вид бизнесе? Но часто нерешительность приводит к привычке греть диван или наоборот, что греть – это на выбор и по умолчанию.

В первый год моего третьего пришествия в Петербург, когда еще не было интернет-страниц издательств и отсутствовала реклама, стал принимать заказы от университетов страны на поставку вузовской, научной и учебной литературы. Тема, которую начал продвигать в СОГУ – «Вузовская книга», нашла свое продолжение в более широком формате. Порядок был всегда такой: пока заказчик не получал свои посылки, к прибыли дорога закрыта. Дело в том, что в случае потери товара, мог вновь купить тот же ассортимент и повторить отправку, так как наценка была неизменной – 100 процентов. Ничего не заработай, но не подведи. Правда, такой форс-мажор ни разу к нам не наведался. Заказы от 10 до 150 тысяч, редко выше, придавали уверенность, несмотря на еженедельно скачущие цены на прилавках. Понимал, что грядет эра глобальной сети, а потому надо было наращивать темп. В помощники напросился земляк. Готовый бизнес ровно на двоих. Не жалко, понимая, что он нуждается. После полугода, при очередном заказе, стоимостью в 200 тысяч, он принес сто тысяч чистой прибыли. Я сказал, чтобы держал их при себе до того момента, когда заказчик поблагодарит за исполнение. Через две недели отчитался, мол все дошло. Попросил деньги занести. Занес. С нехваткой 45 тысяч. Весь пакет наличных денег отдал ему и сказал: «Все остается между нами, как и было. Но к моему бизнесу ты никогда больше не подойдешь». Такое тоже бывает. Это тоже проверка. Как деньги проверяют нашу сущность, так ничего. Даже клятва отступает. Но, ежели, финансы не заманили к дьяволу, значит он настоящий.

Как я познакомился с Марком. Наряду с магазинными проектами, назрела идея с летним кафе. Две фирменные палатки «Балтика» прямо у станции метро «Чкаловская» загораживали пятачок, откуда шел манящий запах шашлыка. Мои партнеры: Боря, больше известный почему-то как Ник из Абхазии и Игорь из Южной Осетии – искусно готовили

этот превосходный продукт всех времен и народов. Я всегда организовывал бизнес, брал на себя официальную часть, держал ответ перед главами районов, а ребята отвечали за все остальное. Прибыль на троих. За тем самым пятачком за нашим корпоративным столиком (каждый кавказец делает такое место при общепите, чтобы в любое время мог принять нежданных гостей – земляков или просто друзей) сидел невысокий и худой мужчина, больше похожий на парня, чем на взрослого и солидного человека. Большая кавказская кепка зонтом свисала на лоб, а на лице как штамп из баклажана – нос. Не то, чтобы нос в его классическом варианте, а носище. Обычно на лице бывает нос, а тут наоборот, даже тень отчетливо падала от него. Форма одежды: молодежная, а по мне – натуральное тряпье. Както потом, после более близкого знакомства, пристыдил его, почему в таком рванье ходит, может, приодеть. Оказалось, этот маленький эстет и майку не наденет дешевле двухсот долларов, а обедает исключительно в ресторане «Баку» в самом центре города.

– Ник, – обратился я к Боре, – что здесь делает этот мелкий воришка? – поинтересовался я, указывая на визитера.

– Ты не знаешь его, Валера, поговори с ним, ты его сразу поймешь, – ответил он. Игорь и Ник несколько лет были знакомы. Марк уже пробовал к тому времен говорить на осетинском с явным кударским акцентом. Когда произносил редкие осетинские слова, он напоминал историка-аспиранта из Сьерра-Леоне, с кем случайно познакомился в аспирантские годы в метро. Оказывается, два года он участвовал в археологической экспедиции в Южной Осетии. Очень хвалил гостеприимство южан. Похвастался, что говорит на осетинском и стал перечислять предметы, одежду, пищу. Все правильно, только кударский говор в его исполнении вызвал у меня смех на весь вагон.

Марк тогда руководил строительными проектами. Каждый вечер приезжал к нам. Учтивый, грамотный и душа-человек. Вот каким он оказался, мой «воришка». До сих пор дружим. Ничего в нем не изменилось. Также любит жизнь и друзей, но больше всех сестру и ее детей, проживающих в Сумгаите. Когда мы купили трехкомнатную квартиру, почему-то попросил ключи. Она была совсем новая и мы еще не жили в ней. Стоила она сто тысяч долларов, а

у меня было девяносто две. В тот же день, когда об этом узнал Юлик, приехал ко мне и говорит: «Только с одним условием. Без возврата!» – и протянул недостающую сумму. Ключи я бросил Марку и забыл про это. Через две недели позвонил незнакомец и попросил приехать в квартиру. Там, как оказалось, шел капитальный ремонт: пластиковые окна, кухонный гарнитур, мебель во всех комнатах, плитка в ванной, стиральная машинка, входная железная дверь… Один из специалистов просил подсказать цвета обоев. Как не рассказать о моих друзьях, которые столько лет такие же. Даже время и обстоятельства не испортили нас.

В одно время Анзора «навестила» странная болезнь, хотя и болезнью не назовешь: он мог в любую минуту отключиться на 30-40 секунд. Не осталось врачей в городе, к кому бы он не обращался. Мы один раз стали очевидцем этого странного недуга – благо, сидели за столом в чебуречной. Ежевечерне, после работы, я приезжал к нему. Зульфия, супруга Анзора, спускалась с ним в лифте, и мы уезжали в любимую «Идеальную чашку» на Среднем, дом 46. Наш друг, не знающий, что такое ложь, таких особых общечеловеческих правил, интеллигентный и набожный человек, оказался в таком странном положении. Мы ничем помочь не могли.

Анзор, которого из-за внушительных габаритов я прозвал Анзориком, в былые времена познал большие деньги и высокий бизнес. Не по его вине он закрылся. Скорее из-за форс-мажора во всей стране, но это отдельная тема. Главное, что и этот факт не смог сломить в нем его кристальную чистоплотность во всех ее проявлениях. У него был не один «Мерседес». Когда очередной раз продавал один из них своему земляку, Анзор стал говорить о мелких проблемах по ходовой части и кузову, покупатель спросил его: «Анзор, ты машину продаешь, не забыл? Обычно про такое не говорят, а ты все делаешь наоборот».

– Если новый хозяин обратит внимание, подумает, что специально не сказал. Это грех». Земляк сказал ему, что в любом случае машину возьмет, зная его. Часто Анзор напоминал моего отца.

Врачи разводили руками. Недуг редко беспокоил, но никто не мог предугадать о времени наступления этих злополучных секунд. Тогда пригласил молодого муллу из Питера.

Один единственный раз прочитал молитву. С того дня ни разу не беспокоит нашего друга «шайтан». Хоть верьте, хоть нет. Если бы это не рассказал сам Анзор, наверняка, мы бы тоже не поверили. Через некоторое время семья Котиковых переехала в Карабулак, так как отец умер и надо было быть с матерью – это не обсуждается. Часто созваниваемся. Еще чаще втроем вспоминаем его, как удивительно честного человека нашего времени.

Такие у меня друзья: еврей, ингуш и азербайджанец. Нередко делим что-то, будто жизнь вечная. Неужто это главнее смеха в доме после работы. Неужто нашим внукам и правнукам лучше смотреть исподтишка? Не лучше ли им братское застолье с паштидой, чапильгашем, кутабом и осетинскими пирогами? Это не вопрос, это пожелание.

Оказавшись в своей альма-матер на 1-й линии, не забыл про свой факультет в Осетии. Вскоре поступать в аспирантуру приехали мои студенты Руслан Бекуров, Залина Хубецова и Мадина Каражаева. Позже к ним присоединятся Мадина Бабочиева, Илона Калоева, Юлия Коняева. Все они защитили диссертации блестяще! Студентки Зарина Губаева и Олана Марзоева – отличники учебы и наши активные помощницы во всех начинаниях. Это была хорошая команда умных, целеустремленных ребят из Осетии. Неоценимую помощь оказывали в проведении международных конференций под руководством заведующей отделом аспирантуры Татьяны Румянцевой (светлая память). Также, всю организаторскую миссию по проведению ежегодного «Форума осетинской молодежи в Санкт-Петербурге: «Осетия – Санкт-Петербург: история и современность» полностью взяли на себя. Мне и полковнику Валерию Закоеву оставалось только следить за подготовкой к мероприятию. Программа конференции была насыщенной, включая политико-экономическую и социальную составляющие. Целыми делегациями приезжали из разных городов страны, а также из Европы. Первый день полностью был предоставлен докладчикам и выступающим в прениях. В качестве приглашенных и активно участвующих в работе нашего сообщества были председатели ряда комитетов из городской администрации, руководители национальных автономий и землячеств, представители целого ряда стран.

Наиболее активными среди делегаций можно назвать представителей Москвы, Самары, Тольятти, и, конечно, Владикавказа, которых возглавлял Таймураз Каурбекович Касаев, на тот момент председатель комитета по делам молодежи РСО-Алания.

В заключение первого дня форума оргкомитет представлял Итоговый документ, в котором емко оценивалась содержательная часть мероприятия, через призму затронутых спикерами проблем.

С особым вниманием все слушали Людвига Алексеевича Чибирова, первого президента Южной Осетии, руководителя московской делегации, аспиранта на тот момент, а ныне – кандидата юридических наук, адвоката, Сослана Ермаковича Батырова, Алана Олеговича Джибилова, на тот момент руководителя федеральной транспортной инспекции РСО-Алания. На закрытии форума, как правило, слово представлялось старейшинам, руководителям и представителям других землячеств, диаспор, представительств (Абхазия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Адыгея, Дагестан, Чечня, Белоруссия, Армения, Украина, Азербайджан, Финляндия, Польша, Голландия, Ставропольский край, Краснодарский край, Ростовская область). А какой форум обошелся бы без искрометного выступления вокально-инструментального ансамбля «Иристон» (художественный руководитель – Фатима Алдатова)!? Благодарили спонсоров Форума Таймураза Боллоева, на тот момент президента пивоваренной компании «Балтика», Бориса Газалова, ныне представителя РСО-Алания в Северо-Западном федеральном округе, Эдуарда Етдзаева, председателя Совета директоров «Мостоотряда-19». Дабы не будоражить фантазию земляков, ответственность за все расходы была полностью возложена на Залину Хубецову и Мадину Каражаеву.

Осетинский форум, как его прозвали в городе на Неве, стал примером для пропаганды толерантности среди молодежи всех этнических меньшинств. На это были основания: место проведения – Санкт-Петербургский государственный университет, состав участников, география проекта. Форма проведения – демократическая: по окончании выступления спикера, слушатели дискутировали с докладчиком на заявленную тему.

Позже организация и проведение форума были возложены на саму молодежь. Было проведено еще, кажется,

два мероприятия, после чего он пообещал долго жить. И сегодня у нас хорошая, воспитанная молодежь, но время идет и буквально валит с ног позитив подобных мероприятий. Благо есть еще те, кто с ними ведет работу, пусть разрозненно, совсем не так, как раньше. В кругу полковника Валерия Зокоева, одного из самых инициативных осетин Петербурга, много будущих офицеров. Каргинов Аслан, Ниниев Петр и многие другие стараются поддерживать костяк горской молодежи. Но что-то точно менять надо. Не людей, а отношение.

Еще со студенческих лет мечтал, чтобы в Питере было кафе с осетинскими пирогами. Хотел, чтобы туда приходили осетины и делились своими новостями, проводили национальные вечера. К сожалению, долго никто не отваживался на реализацию подобной идеи. Наступило время взяться за это дело самому, и вскоре кафе «Алания» на берегу реки «Ждановки» в непосредственной близости к стадиону «Петровский», приняло своих первых гостей. Болельщики «Зенита» с их главным «Борисычем» стали постоянными клиентами. В дни матчей проблемой становилась скорость исполнения заказа. Всем хотелось пирогов от Эммы, шашлыков от Ника и порядка от Игоря. Студентки из ЛИТМО все годы учебы работали у нас официантками. Петроградский район, гости города, известные творческие люди и управляющие сетевыми ресторанами – все стали ценителями осетинских пирогов.

Тогда не было еще владикавказского поезда и еженедельные поставки нашего сыра осуществлялись самолетом из Минеральных Вод. Вскоре палатку «Балтика» сменили фирменным стационаром «Карлсберг». Довольно большая площадь заведения с летней верандой и танцполом постепенно превращалась, пожалуй, в одно из самых любимых мест питерцев. Периодические выступления известных певцов прибавляли рейтинговые очки, а также повышала и без того хорошую выручку. Больше всего народу нравился «дзахарагун» – пирог со свекольными листьями. Многие уже узнали, что осетинам не нравится, когда данный пирог называли «пирогом с ботвой». Круглосуточная работа заведения с особой атмосферой не мешала округе, так как рядом не было жилых многоквартирных домов. В прошлом солдат, балкарец Мартин, наш вечный бармен и администратор, человек строгих правил, отличающийся

работоспособностью и акцентом, выдающим в нем балкарца, стал нам как брат родной. Бухгалтерский учет и отношения с налоговыми органами надежно и умно вел молодой кандидат экономических наук Асланбек Ханикаев. Умнейший – другого слова не найти. Ни разу не было спорных ситуаций с проверяющими, которые быстро уходили от нас, так как Аслан им же указывал на их ошибки. А кое-кто получал и бесплатную консультацию.

Матч «Алании» с «Зенитом» начинался за несколько часов до свистка: как же иначе, если кафе «Алания» любимое место зенитовских фанатов. Всем хотелось, чтобы я произнес тост. Никогда не отказывал. Видя горячие взгляды осетин и местных фанатов, а также двусмысленность предложения, начинал издалека, говоря о славном «Зените», нашей любимой команде и ее звездах, но все ждали концовку речи. Из года в год они привыкали к развязке, но все равно им хотелось услышать в моем исполнении. «За нашу победу!», – кричал я что было мочи. Все понимали, что тост от шефа отдает осетинской пропиской.

Так, кафе «Алания» стала инициатором продвижения осетинских пирогов как товара. Мои партнеры, Ник и Игорь, сперва сомневались в успехе данного продукта как ходового товара, ссылаясь на силу рекламы и ее отсутствие у нас. Между тем, у нас и в этом была своя фишка: если приходили просто пообедать, не зная вовсе про новинку, официантка выносила пирог «от шефа», то есть бесплатно. Кто один раз попробовал, тот становился нашим клиентом навсегда. Мы особо не отличались от других общепитовских мест, если только не пирогами и уникальным зеленым массивом, рекой и искусственным озером. На третий год решили добавить несколько новшеств. Но не получилось. Вот почему: начало двадцать первого века ничуть не отличалось от конца прошлого. Также все покупалось и продавалось, «понятия» никто не отменял, «ставили на место», предлагали «по-хорошему» и так далее. Мы тоже не были сиротами, а потому стояли на своем уверенно.

Но все имеет свою меру и свои возможности. Не раз Мартин говорил мне, что во время аншлага заезжает авто и фотографирует. Конечно, мы догадались, что не виды на Ждановку их интересуют. Перед открытием сезона, пришлось познакомиться с грамотными, хорошо одетыми

людьми в штатском. Правда, по общению только глухой мог не понять, что это не рядовые бандиты, с которыми всегда находил общий язык, как ни странно. Бандит бандиту рознь. Мои знакомства с генералами не спасали, так как на каждого генерала есть свой маршал, а так было далеко, что и думать было небезопасно. В районе вопрос не решался напрочь, поверьте мне. Можете себе представить, что право сдачи в аренду лакомых мест от администрации перешло к частному ООО? Именно так и произошло. А как может не понравиться точка, которая только по продаже разливного пива занимала первое место? Загнали в угол, но мы все равно еще не сдавались и ухитрялись работать как обычно. Извинения со стороны руководителей районной милиции выглядели куда смешнее, чем сама сложившаяся ситуация. Они ничего против не имели, наоборот, были за нас. «Подмять» не удавалось, и тогда меня пригласили к их главному, офис которого до сих пор вспоминаю. Мне показалось, что шел не к начальнику чего-то, а к самому Богу.

После пятиминутной тишины ко мне вышел веселый, холеный барин в погонах. Мой ровесник, полковник. Два его заместителя, которые уже не первый месяц общались со мной и не могли ничего придумать в свою пользу, встали по бокам пафосной приемной. Вид у них оставлял желать лучшего, несмотря на роскошные деловые костюмы. Одним словом, тщедушные добрячки, родившиеся у богатых родителей. Отца одного из них знаю по телеку – известный и талантливый сатирик. Очень люблю его выступления. Другое дело их начальник. Такое впечатление, что он с детства начальник. Самодовольный, с видом филантропа, но не имеющий к благотворительности никакого отношения. Хороший актер.

Искусственно обрадовались друг другу. Предложил выбор: «Кофе или сразу по делу?» Я выбрал второе.

– Вижу, за тебя есть кому слово замолвить. Общие знакомые. Давай без обид, Вам что надо? – тот же тихий голос и та же манера казаться тем, кем он и в люльке не казался, пулей настиг ушную перепонку.

– Свободу! – произнес я, подражая его же смеху. Он еще громче засмеялся, а два холуя ничуть не сменили мину.

– У нас свободная страна. Страна возможностей! – уверенно парировал полковник.

– Можно после этих слов теперь я посмеюсь? – также уверенно попросил его, будто и дышать у него надо спрашивать. После этого мы оба поняли, что надо вернуться к «нашим баранам». Он предложил поднять ставку аренды на десять процентов. Милое дело!

– Могу Вам их разово принести сегодня и на год вперед, – ответил я.

– Зачем? Нет. Перезаключим договор и ежемесячно…

После этого я ускорил процесс и сказал: «Дорабатываю до 14 ноября, к концу сезона я встану». Так мы и сделали. С кем они заключили соглашения, все погорели. Но это уже не интересно. Интересно другое: прошло лет десять. Смотрел программу «Время» и передали, что именно мой ровесник, самовлюбленный до ужаса, арестован. Он и сегодня, спустя четыре года, сидит в Лефортово. Надеюсь, еще долго будет сидеть. Я совсем не расстроюсь.

Когда кафе закрыли, ребята спросили, буду ли я дальше продвигать нашу фишку. «На моем примере можно детально расписать невозможность развития малого бизнеса и появления среднего класса в России. Ни рубля долга, ни дня просрочки платежей и такой конец…», – партнеры поняли, что это уже начало конца. В свое и чужое оправдание можно сказать одно: такое было время, по земле российской пошла трещина со скрежетом… Видимо, что-то изменилось, но я до сих пор не замечаю. Да и замечать неохота. В лескенской школе Раицка Кожиева запустила по мне учебником немецкого языка, тем самым рассеяв мое любопытство по пыльному классу, а «настоящий полковник» лишил бизнеса, вскоре угодив в «зиндан» (тюрьму), от чего многим и многим стало весело и смешно. Такова жизнь. Если не видишь свою тень ночью, это не говорит о том, что тень тебя не видит.

Зато есть, что вспомнить. Как-то мы сидели в кафе с известным калмыцким журналистом Менке Конеевым, большим любителем ахчина – осетинского пирога с сыром. К нам приближался мой земляк, лысый и усатый. Менке спросил: «Кто он?» Я ответил: «Никто». Прошло несколько лет, и мы встретились в Питере. Он сказал: «Валера, помнишь тот случай… Сто раз вспоминаю твой ответ и боюсь жить неправильно, чтобы кто-то не обозвал меня «Никто».

Будучи заместителем декана в СПБГУ, частые конференции, куда приезжали представители ведущих школ журналистики, пополняли список знакомств, без которых в нашей специализации делать нечего. Журналист на то и журналист, чтобы обрастать связями во многих городах страны и мира. Однажды к нам приехали студенты из многих отечественных университетов. Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта представляла студентка третьего курса Мальвина Друкер. Мы обратили внимание на ее умение говорить и отстаивать свою позицию. Тогда я сказал коллегам: «Из нее толк будет». Нам важно не пропустить мимо талант и всячески помочь в определении будущего. Мы продолжили общение в осетинском кафе и расстались. Прошло десять лет, вспомнил ее, так как что имя, что фамилию запомнить нетрудно. К тому времени интернет стал входить в наш быт, в поисковике ввел ее данные. Оказывается, она работала в администрации города. И все. Попросил разыскать ее и со мной связаться. Вскоре Мальвина позвонила. Уже не помню сколько лет прошло, но мы до сих пор активно сотрудничаем и дружим с ее супругом и дочкой Полей. Первый проректор Ирина Кукса, доцент Михаил Берендеев и многие другие стали наполовину питерскими, потому что проводить форумы и решать вопросы с ними всегда было просто, успех был гарантирован. О них я еще не раз поведаю. Этот пример для того, чтобы коллеги из учебных центров понимали важность и особую актуальность личных связей в вопросах достижения побед на поприще педагогики и науки. Не скрою, роль осетинских пирогов даже в таких вопросах, поверьте, весьма плодотворна. Стоит вспомнить эпизоды из сериала «Улицы разбитых фонарей» снимавшиеся у нас в кафе, живой концерт Афины из «Русского шансона», вечера литераторов и ученых города…

Работая на факультете журналистики СПБГУ, отчетливо стал понимать, что следование учебному плану, в котором больше половины часов отводилось федеральному компоненту, значит, полное подавление практики сухой теорией. Согласен, без нее никак, ибо подготовка журналиста должна начинаться с общегуманитарных предметов. Но на журфак поступали потоки сильных выпускников с такой же школьной базой знаний по истории, обществоведению, литера-

туре. Что уж говорить о физической культуре или ОБЖ, по любому сами преподаватели нуждались в стажировке. Если честно, и сегодня остаюсь при своем мнении, что учебный план растянут наполовину, как и срок подготовки по нему. Двух лет на него вполне достаточно. Просто, надо больше времени уделить практике. Нередко молодежь приходит целеустремленной, а через год-два уходит, так как в плену конспектов можно оставаться технарям и медикам, филологам, но только не журналистам. Это совсем другая натура. Они рождаются такими. Не обязательно строить из них политиков и преданных курсу партии, а исключительно репортеров. Что касается остального – сами разберутся. Если кому-то дальше учиться – есть магистратура, аспирантура. Репортерская стезя самая основная, а набор сопутствующих знаний дело времени.

ОТ ЗАМЫСЛА – К ВОПЛОЩЕНИЮ. ЖИЛ-БЫЛ УНИВЕРСИТЕТ

Замысел о создании факультета со своим видением на подготовку журналистских кадров засел во мне надолго. Приглашали возглавить выпускные кафедры в других вузах, но привычка и любовь к своей альма-матер не отпускали. Но однажды, взвесив все «за» и «против», все-таки перешел работать в Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики. До меня заведующим был мой преподаватель в студенчестве, известный теоретик и практик Валентин Васильевич Ворошилов. Теперь мы стали сотрудниками одной кафедры. Пригласивший меня ректор Владимир Николаевич Соловьев дал полную свободу моим проектам, правда, через два месяца и его самого сменил Александр Дмитриевич Викторов, восемь лет до этого возглавлявший комитет по высшей школе администрации города. Человек-уникум, профессионал высшей марки, понимавший меня с полуслова. Со многими ректорами пришлось работать, но он, однозначно, лучший.

Для декана очень важна личная свобода действий в определении главного направления на факультете. Обычно мало кто из ректоров на это идет, но Александр Дмитриевич относился к тем людям, которые ценили индивидуальность и личную инициативу. Он мог угадать, представить весь процесс предложенного проекта, при этом, не забывая ни одной мелочи. Он не курировал специально, но мог позвать в любое время и попросить доложить обстановку. Все удивлялись его памяти. Настоящий доктор экономических наук и профессор, знающий все детали образовательного процесса. Если поверил в прогресс, положительный резуль-

тат от инициативы, открывал все дороги – только работай и не подведи.

В вузе обучалось тогда 33 тысячи человек. Один из самых востребованных университетов. Система экономии денег и поощрения была полностью аккумулирована на выпускающих кафедрах. Заведующий кафедры – он же декан, обретал эффективные рычаги воздействия на сотрудников, стимулируя их на достижения. У меня на кафедре работали 29 сотрудников: шесть профессоров, 15 доцентов и 8 старших преподавателей. Большинство из них – русисты, обслуживающие все специальности вуза. Обычно профессору льстит такое большое количество подчиненных, но я к таким никогда не относился. Уговорил ректора поделить свою кафедру на две. Так появилась еще одна под названием «Кафедра русского языка и культуры речи». Все сделал для того, чтобы Нина Белунова, доктор филологических наук, стала заведующей и ей присвоили звание профессора. Думал, она «спустится на землю» и станет работать со студентами как человек, но впервые в жизни ошибся в подборе кадров. Есть такая порода людей, которая кроме себя и своего кота никого не видит и не хочет видеть. Ей бы и во сне не приснилось профессорство, но когда-то же и мы должны ошибаться, чтобы потом не повторяться.

Наша кафедра осталась в таком составе, в каком ее представлял. Доктор филологических наук, профессор Юрий Зобнин (светлая память) – один из лучших в стране знатоков русской литературы, а также лучший в издательском мире Северо-Запада, редактор ряда изданий, известный журналист и профессор Сергей Ярошецкий – не каждая кафедра могла похвастаться такими именами. На лекции литератора от бога, доцента Татьяны Рябовой, и сейчас бы записался – она так читала, что вся аудитория становилась участником описываемых сюжетов и событий, а теория и практика от Елены Подставко отличались любовью к своей профессии и новизной материала. Как не вспомнить доцента Олега Зыкова, историка и педагога, «жившего» научной студенческой атмосферой, неотъемлемыми атрибутами которой становились конференции и сборники научных статей. Специально оставил «на закуску» метра журналистики Валентина Васильевича Ворошилова и секретаря кафедры Гелену Болиславовну Шехватову. Первый не только брал статусом –

на его учебниках обучались во всех вузах страны, но и пробой молодежного пера на страницах редактируемой им газеты «Мир ГУСЭ». Что касается Гелены Болиславовны, то и слов-то не найти: знающий специалист всей бюрократической машины – это ничего не сказать. Вот почему так и не отпускал ее на пенсию все годы, ибо бумажная волокита со своей архиответственностью сложнее деканских забот. Многих не назвал, но это ни о чем не говорит, кроме как об экономии жанрового пространства.

На двери кафедры, студенты помнят, висела надпись шрифтом 36 кегля: «Кафедра, в первую очередь, для студентов, во вторую – для сотрудников». Это был не просто девиз, а наша обычная практика. Во время перерыва, порой, не хватало стульев для лекторов. Начинались споры, вопросы, анекдоты. По звонку вместе с лектором уходили на занятия. Тем не менее никто не считал это за панибратство и хуже не стал учиться. Сотрудничество преподавателей и студентов давало много преимуществ: уверенность при ответах, раскованность во время проведения дискуссий и открытость в общении. Конечно, на практических занятиях приглашенных лекторов привычной свободы не доставало, но это не было большой проблемой. Главное, что журналисты, как правило, выходили победителями во всех университетских конкурсах.

Ключ от моего служебного кабинета находился у ребят, готовящих новый выпуск газеты или еще что-нибудь. Их было уже не остановить. Если мы не выигрывали какой-то конкурс по профилю, значит, мы просто не участвовали. Дух – соревновательный, настрой – позитивный, ответственность – на уровне, что еще нужно для победы? Лидеры!

В любом коллективе есть свои звезды, только бы их обнаружить вовремя. Первой, кто показала пример остальным, была Вика Шпаковская, ныне Устюгова, мама троих пацанов – будущих хоккеистов. Та самая Виктория, которая вскоре стала лауреатом всероссийского конкурса «Золотое перо России», чьи материалы выходили на первой полосе «Комсомольской правды», смогла показать пример другим студентам, что упорство и старание могут приносить достойные плоды, несмотря на статус и место расположения вуза.

Вскоре состоялся первый прием первокурсников моего деканства. На сентябрьском собрании выбирали старосту.

Это первое знакомство и с сотрудниками кафедры, с которыми придется учиться и работать все четыре года. Были приглашены и старшекурсники. Ряд молодых людей сразу обозначили себя наиболее активными, способными повести за собой курс. Решающее слово было за мной. Смотрел на них, как на лучших. Осмотрев еще раз аудиторию, сказал, что старостой будет девушка в первом ряду. Она представилась: «Ксения Лурикова из Петрозаводска». Ни она сама, ни ребята не ожидали такого поворота, так как она сидела тихо и не выступила с программной речью.

Пройдет год и на каком-то из наших собраний я обронил фразу: «Лурикова – это наше все!». До сих пор помнят этот случай и часто вспоминают. Она заслужила это быстро и на все годы. Конечно, не сразу все у нее получалось, но каждое замечание по работе становилось для нее стимулом к исправлению и самосовершенствованию. Любой проект от нашей кафедры приобретал особое звучание в университете. Вместе с ней начали собирать команду инициативных ребят, готовых покорять любой конкурс. И это у нас получилось. Мне важно было развить студию «Журналист» Северо-Осетинского государственного университета на новой образовательной платформе. Что из этого получилось, благодаря моим юным коллегам, вскоре распишу подробнее. Буду рассказывать не без удовольствия, ибо кафедра по своему разумению не смогла бы занять свое место в кругу ведущих журналистских центров, без участия умников и умниц со всех концов страны. Они заслуживают этого, вот увидите…

В СПБГУСЭ пришел в 2008 году. Из года в год из 20 бюджетных мест у меня остались крошки и надо было готовиться к худшему: рассчитывать исключительно на коммерческий прием. На каждом курсе было 60 человек. Из них 40 – платные, 20 – бюджетные места. Вскоре осталось 10, потом 2 бесплатных места. На третий год остались и вовсе без этого небольшого добра. Все университеты стали оставлять некую «замануху» в виде нескольких бюджетных мест. На очередном совете вуза высказал мысль о необходимости уделить больше внимания профориентационной работе, дабы не остаться вовсе без студентов. Этим заявлением я у многих вызвал смех. Спустя полгода Александр Дмитриевич там же, на очередном заседании, припомнил

мои опасения и просил внять совету коллеги. Но мало кто всерьез это воспринял. Мы же со своей стороны полностью переключились на новую форму работы со школьниками, будущими абитуриентами.

Владикавказский формат студийной работы остался в целом неизменным, не считая названия. Вместо студии «Журналист» началась эпоха «Школьной конференции в университете» – профориентационного проекта кафедры. В воскресенье 22 ноября 2009 года на Первую школьную конференцию по журналистике, явились четыре выпускника. Через неделю – двадцать. Потом по сорок-пятьдесят. Старшекурсники занимались составлением программ, младшие – регистрацией участников и кофе-брейком во время перерывов. Расходов было мало, но эффект существенный. Мои друзья не раз становились участниками, докладчиками и спонсорами проекта. Еженедельные встречи учащихся старших классов, родившиеся под определенной звездой, заполняли выделенную для нас специальную аудиторию на первом этаже корпуса на Бухарестской. Все действо проходило по субботам и воскресеньям.

В некоторых вузах такие подготовительные группы появились быстро, но платные. У нас же все бесплатно и с кофе-брейками. На встречу с тинэйджерами приглашались известные журналисты, телеведущие, корреспонденты различных агентств, а также артисты театра и кино. Для наглядности привожу программу «Первой школьной конференции в университете»:

«Регистрация – 11.00.

Открытие конференции – 11.20.

Творческая мастерская

«Достать новость «из-под земли» – 11.30.

Кофе-брейк – 12.30.

Творческая мастерская «Репортерская работа» – 13.30.

Творческая мастерская «Газета своими руками» – 15.30.

Вручение грамот (кофе-брейк) – 17.00.»

Каждую мастерскую вел отдельный специалист. Через год данный проект обрастал новыми партнерам из разных городов страны. Из Волгограда, Саратова, Нижнего Новгорода, ряда населенных пунктов Ленинградской области приезжали целыми группами. Приветствовалось посещение занятий с родителями, просто знакомыми. Поняв, что такой

метод работы с абитуриентами дает хороший результат, пошла пиар-компания, которая заключалась в выступлениях педагогов и студентов перед школьными коллективами города. Не было случая, чтобы после каждой акции у нас не прибавлялось слушателей именно из этих учреждений. В первый год было сложно, так как ощущалась нехватка лукиковых и шпаковских.

Но вскоре провели еще одну приемную компанию и среди первокурсников оказались вчерашние участники наших конференций. С того года выстроили образовательную вертикаль сверху вниз: четверокурсники курировали третьекурсников, они в свою очередь второкурсников, а первый курс определялся в качестве участников и помощников в распечатке материалов, оформлении бейджиков, регистрации и подготовке кофе-брейков. Что удивительно, все четко понимали ответственность и шли по вертикали слаженно, не нарушая субординацию. Не всем нравилась чрезмерная строгость Ксении Лукиковой, но все понимали – она сильнее, она все знает, а потому лучше подчиняться.

Сами цветные программки семинаров отличались профессионализмом в исполнении: цвет, эмблема, рисунки на мелованной бумаге смотрелись как праздничная открытка. Это тоже «наше все» – Лукикова. Связь со школами и отдельными участниками – за Шпаковской. Два человека, которые начали первый проект и не отстали, пока о конференции не заговорили в вузе, городе, стране. Для информации: Ксения Лукикова – теперь помощник проректора СПБГЭУ, выходит на защиту кандидатской диссертации. Вика Шпаковская (Устюгова) – руководитель ООО «Вузкнига» и спонсор ряда подобных мероприятий в Питере. Это называется оставить добрый след на земле. Тот наработанный опыт со школьниками не пропал даром, надеюсь. Приятно, когда есть, что вспомнить.

P.S. Про след. В докторантские годы, зимой, на двухмесячную стажировку приехал в Питер мой друг со школьных лет и сосед по Владикавказу, заведующий кафедрой СОГУ, доцент Хетаг Макоев. Мы жили в разных корпусах, но из окна можно было докричаться до его 16-го этажа, чем не раз пользовался. Открывал окно и эхом разносилось по округе: «Хетаг! Ахчин цаттай!» (Хетаг, пирог с сыром готов!) Жена готовила, естественно, не один пирог, в расчете на го-

стей, особенно на наших земляков и землячек. Хетаг появлялся в течение часа, и мы долго говорили обо всем. Он был интересным собеседником и большим знатоком общей и зарубежной географии. Любой вопрос задай – ответ готов. Прост во всем, открыт для всех. Душа компании и весьма уважаемый среди народа. Отзывчивый донельзя. Бывало, сам поднимался в комнату Хетага. Первый визит оставил интересный отпечаток в моем сознании. Он проживал с финном по имени Йохан, молчаливым и тихим как крот в норе. Лишнее слово от него не услышишь. Со свойственной северянам медлительностью мог ответить, но прежде проходила не одна минута, глядел куда-то вдаль, вспоминая словарь русского языка или еще что-то. По той самой причине старался ничего у него не спрашивать, чтобы не будить в себе зверя.

Только вошел в их комнату, поздоровались, как Хетаг через минуту грозно посмотрел на своего друга по комнате. Тот, конечно, замер и пристально смотрел на него.

– Йохан, (пи-пи-пи, общепринятое ругательство с указанием его матери), что ты сидишь? Не знаешь, что надо делать в таких случаях, когда к осетину гость пришел? – отложив «Беломор» в самодельную пепельницу, чертовски серьезно уставился на двухметрового верзилу. Тот недолго пребывал в прострации, встал и, сделав пару кругов в небольшой комнате, посмотрел на моего земляка и скромно улыбнувшись, стал спешно одеваться и направился к двери. Мы с Хетагом стали общаться на разные темы. Вскоре появился финн весь в снегу и красным носом. Принес палку колбасы, сыр, консервы и бутылку водки.

Йохан приехал на год с целью изучения разговорного русского. За прошедшие три месяца усвоил самый минимум, который умещался в границах «здравствуй – до свидания». Четвертый месяц обещал большего, так как земляк говорил с ним много, подробно объясняя суть изложенного. По крайней мере названия всех аулов Дигорского ущелья он выговаривал четко, с незначительной орфоэпической погрешностью. Это меня сильно удивило.

– Друг мой, – многозначительно обратился к нему Хетаг. – Когда к осетину пришел гость, что ты должен предпринять?

– Я должен пулей в магазин. Купить водку и закусон. Вернуться быстро и также быстро накрыть стол, – по-детски по-

слушно отчеканил наш финский товарищ.

– А почему ты тогда расселся?

Иностранец виновато подскочил и стал нарезать все, что можно нарезать. Через минуту два разных стакана чокались за здоровье трезвенника Таказова и, порой, невпопад, Йохан кричал «Аммена» (Аминь). Спустя некоторое время стал замечать явный прогресс финна в разговорном русском. «Я ему сказал, что он не сможет выучить русский, если не будет вечерами принимать горячительное, – стал рассказывать Хетаг. – Видишь, выпил и совсем другое дело. И словарь ему не нужен. Подает надежды».

Они настолько сдружились, что Йохан стал уходить с Хетагом на геофак СПБГУ по делам земляка. Даже походку перенял от «учителя-мучителя», который вскоре стал собираться в Осетию и настроение его ученика испортилось загодя. Он мне рассказывал, что только благодаря земляку он заговорил на языке Пушкина. Ему хотелось понять русскую душу по Достоевскому, а обрел ее по Георгию Малиеву. Он от души предлагал Хетагу вместе с семьей переехать в его усадьбу в Финляндию. «Я один ребенок в семье, много земли и большие два дома. Могу отдать вам дом навсегда и земли столько же, сколько у меня…», – не раз говорил слушатель «языковых курсов». Но надо знать Хетага, еженедельно уезжавшего в горы и наслаждавшегося красотой символа дигорцев – горой Уаза… Так попрощались Север с Югом, два разных по возрасту и менталитету человека.

Прошло месяцев десять. Уже выпал снег. На журфак приехали два моих в прошлом студента, один из них Руслан Бекуров – ныне доцент, заместитель декана журфака СПБГУ по международным делам, второго не вспомнил. Сели в просторный лифт первого корпуса. Один из пассажиров строго уставившись на небритых кавказцев, спросил: «Кавказ? Владикавказ?». Они удивились познаниям иностранца и ответили: «Да». Тот продолжил: «Северная Осетия?» Вновь повторилось то же самое. Утвердительные ответы растаяли на лице высокого молодого человека. «Хетаг Мокоеееев», – громко, как на параде, произнес он, как сирота, обретший в эти минуты отца-потеряшку.

История ничем не примечательная на первый взгляд, однако, как много в ней содержится настоящей философии двух разных культур: финской и дигорской! Как много

нас, людей планеты, связывает и как, порой, не дорожим мы первозданной природой общечеловеческих ценностей! Хетаг и Йохан, потомки алан, спасших Европу, и создателя осетинского алфавита, финна Андрея Шегрена, вновь и вновь напоминают, что бесследно ничего не пропадает. Мы все оставляем след – это непреходящая истина, главное, не оглядываться и быть уверенным, что след этот оставлен во благо.

Вы спросите, что было дальше? Хетаг не так давно покинул этот мир (светлая память), а Йоханн об этом пусть даже не знает. Жизнь продолжается, и остается пожелать ему успехов в поисках философии русской души по Достоевскому.

Тем временем, пора вернуться к моим ребятам, окрепшим, возмужавшим и неравнодушным. Они только начали сажать рассаду не по лунному календарю, а по душе – еженедельно встречая учащихся у входа на Бухарестской, 24, где все годы работал удивительный дворник с высшим образованием и не менее удивительной привычкой, которая также оставила свой след в душе у многих из нас. Никогда не приходилось писать про дворника, но рискну, чтобы в который раз напомнить себе и многим, что след остается вне зависимости от статуса, цвета волос и даже усов, как у меня…

Так вот, на Бухарестской, 24, у нас был огромный корпус из семи этажей и один-единственный дворник. Но какой! Во время перерыва преподаватели и студенты как по звонку встречались у входа. Перекур – святое дело. Здесь все становились равны: кто-то продолжал обсуждать текущие лекции и семинары, кто рассказывал анекдот или небылицу, другие жадно закусывали пирожком… Но был среди нас человек, не заметить которого было невозможно. Худощавый, лет сорока пяти, мужчина в сером, строго держался за приклад метлы и, не мешая никому из присутствующих, аккуратно собирал окурки, осторожно подметал округу. Никогда не делал замечаний, что вовсе не присуще его коллегам. Он просто делал свое дело, не дожидаясь очередного звонка на занятия, после которого внезапно образовывался затор у Г-образного КПП. Самые проворные протискивались быстрее всех, вне гендерной принадлежности, другие пропускали девчат. Последним заходил молодой азербайджанец, всегда одетый с иголочки и при черном галстуке. Он

учился на экономиста, но больше общался с журналистами, посещая отдельные занятия по теории и практике СМИ, не говоря уже о заседаниях «Школьных конференций в университете», которые пропускал очень редко. Видно было, что парень полностью перенял природный дар отца, редактора и известного политика-журналиста в Баку. Это был Хабиль Агазаде (Habil Ağazadə), больше известный как Хабир. Сегодня он наш успешный коллега и редактор информационного агентства «Утро» в Баку. Ничего в нем не изменилось, разве что цвет галстука. Такой же степенный, воспитанный и молчаливый, большой друг России и моих студентов.

А дворник удивлял работоспособностью и самым ответственным отношением к труду, своему делу. Создавалось впечатление, что он расстраивался, если не было что прибрать или подмести. Не припомню, чтобы у него был выходной или перерыв на обед. Такого дворника больше не встречал. Для меня дворницкая стезя всегда оставалась самой настоящей халтурой с частыми прогулами и красношекими бомжарами. Но только не для него. Везде полный аккурат и ажур. Видел, что убирал даже там, где не должен был. И так из года в год.

Однажды, зимой, мы стояли на этом пятачке. Я заговорил о нем со студентками, предложив им написать о нем материал в вузовскую газету. В ответ раздался смех. Валерия Питерская – у нее именно такая фамилия, хотя родом она из Улан-Удэ. Не помню, чтобы к ней кто-то обратился по имени, исключительно по фамилии, она предложила мне рассказать о нем, кто он, – тот дворник. Кажется, с ней были ее подруги: Анастасия (правда все ее звали Настей и ей это шло куда больше из-за ее огромных красивых глаз и задорного смеха) Валеева и Соня Соловьева (на самом деле Софья, но она это скрывала, как и Алена Смородина из Курска – по паспорту Елена). Эта тройка всегда держалась вместе, все годы учебы. Они здорово дополняли друг друга: Питерская – тихоня и добрая везде, не только внутри, Настя – маленькая, но удаленькая, азартная и с такой харизмой, что лучше сразу сдаться, а Соня – оригинальность в восприятии мира и прирожденная модель. Я о них еще не раз к ним вернусь, они стоят более обстоятельного рассказа. Например, про Алену Смородину, которая развила наши проекты так, что мы уже отступать не имели права. Но все по порядку.

Каждый журналист с опытом, рано или поздно, открывает в себе экстрасенсорику, то есть его восприятие мира становится иным. Ты начинаешь чувствовать людей и природу по-другому, богаче и с большей фантазией. Студенты знали, что кое-что подобное во мне есть, притом, в плане предсказаний. Сам не знаю почему, но эффект нередко был достоин удивления молодежи.

– Валерий Дзантемирович, Вы же всегда угадываете на расстоянии, скажите, кто он? – озадачила меня Питерская. Я давно к нему приглядывался и потому долго думать не пришлось. Сказал, что он по профессии технарь, причем далеко не глупый, вуз отчетливо читается на нем, увлекается астрономией. Все замолчали. Попросили у него сверить мои видения-предположения. Подошли поближе и, зная, что к такому типажу непросто обратиться, начал соответственно культурно, извинившись, что отвлекаем, как это обычно делают дигорцы в Осетии – не поймешь до конца, правду говорил или издевался, отчего прозвали подобную манеру «дигорским ходом», то есть хитрым, до конца не совсем понятным. Может потому и дигорцев шутя именуют «осетинскими евреями». Смог уважить нашу просьбу и временно отвлекся от привычки искать затерявшийся окурок. Он оказался кандидатом технических наук. После минутного общения сделал хитрый, как бы ничего не значащий посыл: «Моим студентам очень нравятся рассказы про НЛО, хотя мало кто верит…» Глаза загорелись, почему-то снял перчатки и стал говорить про небеса и секреты астрономии так, что нам было ой как далеко до неизведанного мира, если продираться через частокол его терминологии. Ему хотелось говорить еще и еще…

Это был второй в моей практике человек, преданный данной теме. В студенческие времена часто навещал земляка, Витю Каргинова, о котором рассказывал в начале. С ним проживали русский Александр и Ян – тувинец. Витя и Ян просили меня не произносить при Александре ни единого слова про космос, иначе придется выходить из комнаты. Я же, нацеленный идти в свой корпус, в самом конце, порой у самого выхода, с видом самого любознательного почитателя его таланта, спрашивал у молчуна Саши: «Слышал, ученые доказали-таки, НЛО есть! Твое мнение?» Весь тихий и во всем прозрачный студент – «холодильник» преобра-

зовывался в ту же секунду, голосом транзистора ВЭФ-412 немедля включался в разговор. В меня летели подушки, а однажды и бутерброд…

Что касается Яна, так он тоже был еще тот типаж – фантазер. После очередных летних каникул на своей малой родине, делился впечатлениями, хотя мы его не просили.

– Девочки у нас воооооощщще, – начал он. – Одна просит, мол тормози. Я остановился. Подвези, мол, туда-то. Я говорю, нет проблем. Она мне показывала дорогу: теперь влево, дальше – вправо. Думаю, доедем когда-нить? Мне еще на свидание надо было. А она все налево-направо.

– А на чем ты ехал? – перебил я его. Вопрос услышал, но продолжал про причуды туземного ландшафта со спусками и редкими подъемами. Мы внимательно слушали, ожидая развязки. Я вновь решил уважить свое любопытство, а он вновь в игноре и поторопился к конечному пункту своего ралли. Ждали, что он сейчас выдаст как минимум «дала номер телефона» или как максимум «пригласила на чай». Он закончил. Витя, кажется, задремал, а я спросил:

– А на чем ехал?

Ответ ожидал любой, от тяжелого грузовика ЗИС до старого «Запорожца». Не тут-то было. Повернулся ко мне и, как ни в чем не бывало, уверенно произнес: «На велосипеде». Витя вскочил и долго не мог успокоиться от душераздирающего смеха. У меня заболел правый бок. Покатились слезы. Только Ян не понимал, что тут смешного и теперь вопросы задавал он. Лучше бы молчал, нам становилось еще больнее смеяться…

С ними еще жил один бугай, которого в общежитии все боялись. Тогда решили его на перевоспитание заселить к Вите, худому, но с аппетитом сумоиста. Вскоре силач оказался в больнице с черепно-мозговой травмой. Витя напоследок пустил в него старый, видавший виды, будильник с одной железной ножкой, которая и застряла в его голове. После этого случая нарушителей тишины в корпусе пугали «путевкой» к Каргинову.

Вернемся к моим студентам, а если точнее, к моей неравнодушной бригаде, состоящей из студентов разных регионов страны. Каждый из них приезжал со своей культурой: якуты знакомили всех с главным национальным праздником «Ысыах Туймаады», символизирующий приход

тепла и возрождение природы, китайцы с праздником Фонарей, таджики с Наврузом… Разве мы могли не использовать такое богатство культур в период студенческой жизни? Раньше, во времена советской действительности, преподаватели приглашались в студгородок на литературные вечера, где обсуждались планы на будущее. Но настали иные времена с железным ограждением «второго дома», куда стало проблемой пройти и встретиться с ребятами. Вот почему многим было по душе проведение концертных и иных программ в просторном актовом зале. Директор Института социологии и управления социальными процессами, кандидат культурологии Андрей Вячеславович Фролов и его заместитель Ольга Калинина были людьми, которым далеко не безразличны судьбы молодежи. Благодаря им образовательная атмосфера была очень позитивной. Уверен, если кто из студентов будет читать про них, порадуется нашей истории. В целом, если бы не такое окружение, вряд ли бы у нас что-то получилось в плане общественного бытия, образования и науки. О людях, без которых трудно представить наш вуз, писать легко.

Проректоры Сергей Михайлович Костенко и Сергей Павлович Рябов, а также его заместитель Сергей Викторович Капустин – это люди, на примере которых и сегодня было бы актуально открытие курсов повышения квалификации, чтобы многих руководителей служб, ориентированных на работу со студентами и с приемными комиссиями, научить по-настоящему. Причем, не теряя ни минуты времени, создавая самые удобные регламенты для тысяч абитуриентов. Дух свободы от ректора Александра Викторова, его умение ставить задачу и не давить на инициативы, позволило им составить рабочую «шахматку», не знающую сбоя. Не надо было подсказывать «ходить лошадью» или просто трезво выигрывать у конкурентов. Нанимая студентов для работы в приемной компании, тем самым молодежь осваивала смежные профессии и умение работать в команде. Что воспитательная часть, что приемные баталии – все проходило как должно. Столько всероссийских и международных фестивалей и конкурсов провести в университете! Сегодняшним учащимся трудно верится, что были такие службы и такие руководители.

Пройдет еще несколько лет и наш вуз попадет в список реструктуризации. Любимого всеми ректора убьют и куда легче станет дробить университет с общим количеством обучающихся в 33 тысячи. К бывшему Финэку, ныне СПБГЭУ, нас присоединили, попутно сокращая и уничтожая самые лучшие наши практики и ноу-хау, наработанные десятилетиями. Об этом потом. Проректоры также, как все, перешли в другой вуз, где обучались в два раза меньше студентов. И сегодня исправно выполняют свои обязанности, потому что они – профи. Им поручены профилирующие направления. Но это совсем не то и не так. Видимся, радуемся, дружим. Бывшие военные, стройные и веселые, но чего-то им не достает. Это как в семье: быть мужем по паспорту одно, а любящим – другое.

Всегда стоял на своем: студент во время учебы должен практиковаться. Чем больше, тем лучше. Конечно, не во вред учебе. Но что значит последнее: люди взрослые и им обязательно нужен кнут, как символ порядка? Молодежь приехала издалека. У родителей туго с финансами, как у многих с мозгами. Это сейчас «хорошо» пенсионерам: им добавили по одной тысяче, чтобы ездили по миру с внуками, укрепляли здоровье, покупали подарки домочадцам, может еще на ночные клубы им останется. Мир сходит с ума!

Многие из студентов вынуждены были подрабатывать, чтобы накапливать деньги на очередную плату за учебу в вузе. Кого-то этот вопрос совсем не беспокоил, но большинство экономило на всем, на чем только можно было. А ведь это девочки – будущие мамы и наше, в целом, будущее. Одни нанимались в салоны связи, другие в бургерные, третьи мерзли зимой с охапкой флаеров, в изношенном китайском ширпотребе с головы до ног. Через год, одна второкурсница рассказала мне про эту мерзлую практику жизни и, пожалуй, впервые я задумался: «Кого винить? Страну, которая отмахнулась от них? Родителей, еле сводящих домашний быт под ноль? А может отца с новой семьей, проживающего в соседнем подъезде и не здоровающегося с дочкой-отличницей, талантливой от Бога?» Себя! И только себя! Нет, присмотреться к ним, понять их душу – а большинство педагогов настроены отчитать свои часы и бежать домой. Бессердечие губило нас и продолжает губить. И дол-

го еще наши таланты будут заниматься не главным, а второстепенным, не первым, а вторым… И также будут морозить ноги, экономить на всем. Чем раньше начнем оперировать человеческими принципами, а не спущенными сверху директивами, тем меньше будем стесняться себя перед зеркалом. Только общими целями, руководствуясь взаимовыгодными принципами и обоюдными желаниями, можно выстроить личное и общественное пространство, чтобы не бояться жить в стране с большущим знаком в конце вопроса Чернышевского «Что делать?» А жить-то когда?

Мои студенты, выстроив «вертикаль власти», из года в год передавая эстафету вновь поступившим, заявили о себе в пределах Санкт-Петербурга ярко и вполне заслуженно. Надо было находить иные темы и более значимые проекты. Во Дворце пионеров Василеостровского района создали секцию журналистики для занятий по теории и практике газетной специализации. Руководство учреждения вскоре почувствовало на себе, с кем имеет дело: на наши занятия подтянулись учащиеся общеобразовательных школ и студенты из разных районов города. Наладили медийную площадку, рассчитанную как на интернет, так и на печатный формат. На равных со мной эту работу проводили Ксения Лурикова и Ольга Сорокина, впоследствии: Настя Валеева, Фурик Мирзода, Артем Чернухин, Саша Швидченко и другие. Не могу не отметить роль моего земляка Георгия Агузарова, более известного как Гоша, благодаря которому наша история запечатлена в альбоме фотографий в группе ВК «Академия журналистики».

Практикум журналистики для молодежи показал свою актуальность: ребята образовали слаженную группу, готовую на любые мероприятия. Стало правилом по окончании уроков идти к станции метро «Василеостровская» через кофейню «Идеальная чашка», на Среднем, 46. Там рождались споры, возникали новые идеи. «Чашка» навсегда запомнилась ребятам, ибо застолье давало возможность услышать все, вплоть до сплетен в вузе и городе.

Вскоре ребята занялись возрождением газеты Дворца пионеров под названием «Васька» – это народный топоним района Васильевский остров. Она успешно выходила годами, но приход перестроечных деятелей к вдасти успел и ее закрыть. Надо отдать должное директору Ирине Борисовне

Ивановой, приложившей немало усилий в запуске новой версии газеты. Редактором лицензированного издания стала студентка Лурикова. Так, постепенно, из года в год, мои студенты обретали большую уверенность и брали новые высоты в медийном пространстве страны. Город им уже был тесен.

Цитата из СМИ: «6-7 декабря 2012 г. в Риге состоялась 8-я Международная конференция молодых ученых. Конференция, проходившая на базе Рижской академии педагогики и образовательного менеджмента, собрала более 50 молодых ученых из Латвии, Литвы, Польши, Чехии, Турции, Германии, Испании, Португалии и нашей страны. Россию представляла студентка 4 курса кафедры журналистики Ксения Лурикова. Конференция была посвящена проблемам современного образования.

Ксения оказалась самым молодым исследователем современных образовательных систем. Она выступила с докладом «Роль учебной газеты в системе журналистского образования». «Меня удивило, что у ребят из разных стран похожие взгляды на значение образования и схожий подход к образовательным моделям, – делится Ксения. – Каждому выступающему на конференции необходимо было не только защитить доклад, но и провести дискуссию в малых группах по теме исследования, своеобразная рефлексия».

Доклад Ксении основывался на практической работе по изданию газеты совместно со студентами 1 и 2 курса кафедры журналистики, на базе студии Дома молодежи Василеостровского района «Журналист». В течение полутора лет ребята успешно выпускают газету и реализуют свой потенциал самоорганизации. А их труды были уже оценены в мае 2012 года на Всероссийском конкурсе молодых журналистов «Хрустальная стрела». Теперь практическая работа получила свое теоретическое обоснование и международное признание. Работу Ксении высоко оценили научные руководители конференции, отметившие ее доклад, как «инновационный подход к преподаванию смежных дисциплин». А молодые ученые признали выступление нашей студентки содержательным и дискуссионным, и присудили «Приз зрительских симпатий».

Только здесь не написали о другом: у Луриковой в Риге украли загранпаспорт и деньги. Но она не из тех, кто спасует пе-

ред посольскими бюрократами и вскоре вернулась в Россию. Оля Юрченкова, владеющая не одним иностранным языком, направлялась в Польшу, Германию, то на месяц, то на два. И там узнавали о нас, мы же становились партнерами различных международных проектов.

В том же 2012 году наша творческая группа «Студия «Журналист», – продолжение одноименной студии при Северо-Осетинском госуниверситете им. К.Л. Хетагурова, – при Доме молодежи стала выпускать газету «Молодежный остров «МОСТ» и стала лауреатам Всероссийского конкурса молодых журналистов и студенческих изданий «Хрустальная стрела». Это была весомая победа. Цитата из СМИ: «Именно это издание и получило столь высокую оценку жюри конкурса, опередив три тысячи претендентов со всех уголков страны. Основными задачами конкурса, одного из самых престижных творческих состязаний, стали популяризация творчества начинающих журналистов, повышение качества студенческих изданий, а также привлечение внимания СМИ к вопросам, волнующим студенческую молодежь. Эти задачи с успехом выполнили ребята из «Студии «Журналист», став обладателями «Хрустальной стрелы».

В любом деле нужна оригинальность – фишка, как мы привыкли говорить. 15 ноября 2012 года в течение 6 часов мои ребята выпустили номер газеты «МОСТ» в четыре полосы, посвященный Фестивалю толерантности в Доме молодежи. Тогда еще не столь была развита онлайн-редакция, но нам удалось ее организовать: корреспонденты собирали материалы к публикации, отправляли литературному редактору, он, в свою очередь, заместителю редактора, потом редактору и на верстку. В 18 часов мероприятие закончилось, и каждый участник конференции получил цветной номер издания. Все публикации был свежие и по теме форума. Редакционный состав номера был приглашен в Кремлевский Дворец для вручения лауреатского Диплома и «Хрустальной стрелы».

Впереди нас ждали новые проекты, ставшие визитными карточками нашего вуза, а пока расскажу о методике проведения производственной практики для студентов-журналистов. Я не раз подчеркивал, что современная система подготовки творческих кадров устроена так, что в вузовский период можно и забыть о самой профессии. Прак-

тическая стезя, то есть прикладной характер нашей специальности, в количественном, временном – почасовом соотношении заметно уступает огромному теоретическому пулу, занятиям по физкультуре, ОБЖ и всяким другим Ж… Объяснил эту проблему ректору, Александру Викторову, и он не стал откладывать проблему в долгий ящик. Все дело в том, что студенты-журналисты – это носители и распространители информации о вузе, значит интерес к вузу вырастет, что немаловажно для любого университета. Сколь угодно говори «халва», от этого слаще не станет. Нужны конкретные примеры.

К очередному летнему сезону прохождения практики были подготовлены договоры с телерадиокомитетами двух городов: Сочи и Анапы. Надеюсь, объяснять не надо, почему именно эти города были выбраны мной. Во-первых, большее количество студентов – северяне, нуждающиеся в солнце как никто другой и, вместе с тем, не имеющие финансовых возможностей для такого релакса. Во-вторых, специфика функционирования редакций в Санкт-Петербурге и всего Северо-Запада и так была знакома вследствие частых посещений по месту учебы. Вот так и началась эпоха «освоения» солнечных территорий страны. Несколько лет подряд студенты-очники ездили туда на практику. Газетчики уезжали в Сочи, телевизионщики – в Анапу, через год менялись городами. Срок практики четыре недели. Университет оплачивал все: проезд, проживание в гостинице и суточные. На каждую группу выходило по 1 миллиону 300 тысяч рублей. С сочинцами уезжал доцент Олег Зыков, в Анапу командировали Елену Подставко. Если вы еще найдете в стране такие условия прохождения практики – с меня причитается. Учитывая время, когда за каждым абитуриентом стали охотиться все вузы, не найдете. Это были весьма интересные, продуктивные во всех отношениях годы студенчества. Одно дело сама причина поездки с оплатой всех расходов, другое – здоровье молодежи, о котором никто до сих пор не заботится.

В советские времена нас заставляли улетать в Сочи на базу ЛГУ (ныне – СПБГУ), в связи с чем зачетки прятали, мол, сперва на отдых, потом вернем. Но после перестройки даже командировочные для сотрудников и направления на конференции для студентов были отменены. Все – за

внебюджетные средства. Это, что называется, «приехали». По моему мнению, если молодежь именно в эти годы не дополучит какие-то блага и небольшие «плюшки» от государства, не повидает новые места – потом самим молодым людям будет не до этого. Впереди поиск работы, создание семьи, рождение детей. Нужда и разводы, матери-одиночки, пацаны-неудачники. Мечта уехать за рубеж – будто нас там ждут, но ведь «хуже не будет» – берет верх. Что с нами происходит? Ответ в фестивалях «Тавриды»: откройте Ютуб и посмотрите на верх режиссуры – целующиеся парни на весь мир, сквернословие кандидата в президенты нашей страны Собчак и примы Волочковой. Если это называется воспитание молодежи и развитие в них патриотических чувств, то я Александр Македонский. Наше спасение исключительно в одном – в семейном очаге, где отец является примером для всех домочадцев. На государственную поддержку рассчитывать – себя обманывать. На эту тему неинтересно писать вовсе. Пустая трата времени.

Если педагоги сами не начнут искать выход из создавшегося положения, то рассчитывать на очередные ФГОСы и сотни минвузовских бюрократических положений по компетенциям ничего не дадут. Знаю хорошо, профессура и вспомогательный персонал изнывает от этого, но «под лежачий камень вода не течет». Хотя бы попробуйте вопреки расчетам часов придумать свой путь в деле обучения разумному и вечному. Иначе говорящая голова за кафедрой – это то же самое, что магнитофонная или видеозапись. Не надо плакаться ректору о несовершенстве существующего порядка организации учебного процесса и жалком положении преподавательского состава и студентов. Инициатива должна идти снизу. Только в этом случае можно надеяться на изменения к лучшему. Самим университетам, особенно в провинции, нужно проводить большую работу с населением, с одним только условием: не ради галочки. Не раз приглашал родителей, хоть кого угодно, на свои лекции, если им интересно. То же самое со школьниками – будущими абитуриентами, с их родственниками. Смотрите им в глаза и говорите правду, какая она есть. Сделайте все возможное, чтобы сегодняшний выпускник рассчитывал только на собственные возможности, аккумулированные в учебе. Рассчитывать на дядю не приходится, это время безвозвратно прошло, и

сегодняшний студент должен знать это лучше нас. Дяде – банкиру тоже умы нужны, а не родственники. Казалось бы, азбучные истины, а понять не получается никак! Там, где другой ровесник может достигать высот, а значит власти и денег, почему ты не можешь?

Отдельные студенты зарабатывали больше профессора, потому что рвались вперед. Алена Смородина из Курска и Настя Валеева из Лабытнанга со второго курса редактировали глянцевый журнал и получали зарплату в 70 тысяч. Сегодня они в Москве самодостаточные специалисты, которые везде свое возьмут. Первая, еще школьницей освоила программу компьютерной верстки InDesign (под руководством известного в стране педагога дополнительного образования Светланы Белоусовой) и мы в ней нуждались больше всего. Вторая, впервые увидевшая мегаполис, смогла изучить методику работы с детьми и открыть свое дело, теперь не нуждалась ни в чем. Магистр Гоша Агузаров учился фотографии, и сегодня он один из самых известных и востребованных специалистов в этом ремесле. Валерия Питерская добилась неплохих результатов в международном туризме. К числу успешных безусловно относятся журналисты: Мария Винокурова, Фурик Мирзода, Лера Оганова, Артем Чернухин. На днях магистратуру окончила Ксения Загоскина и продолжает совершенствоваться в итальянском языке, Оля Юрченкова связала свою жизнь с «Яндексом», Вика Устюгова – молодая мама троих детей и успешный коммерсант. Ксения Лурикова – помощник проректора СПБГЭУ, Надя Лынько – директор страховой компании в Москве. Анна Долгушина – телеведущая и корреспондент известного «78 канала», Виктория Галчинская – продюсер. Что уж говорить про Анну Яблонскую – руководителя медиа-холдинга? Аня Казацкая из Тихорецка, самая талантливая по части литературного изложения мыслей. Писатель от бога! Ныне – лучший репетитор Московской области. Вы бы прочитали отзывы ее абитуриентов! Элина Цыркуль, блестяще окончившая магистратуру факультета международных отношений СПБГУ, как и Залина Зокоева, на днях защитившая там же диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук. Этот список можно было бы продолжить такими именами как Татьяна Личман, Светлана Гельфман. Как-то давно я обронил фразу: «Горд, что руковожу кафедрой в эпоху Цыркуля, Гельфмана

и Личмана». В каждой шутке есть доля шутки, а в данном случае – вся правда. Правда и то, что что о некоторых расскажу еще не раз – они этого заслуживают.

Писатель из Мордовии Николай Голенков, он же мой студенческий кореш, одним утром пожурил, мол, чего это я стал делать себе выходные? Запрос принят. Пишем дальше. Дело в том, Николай, что в последние дни я много рассуждал про наше с тобой студенческое время и лихолетье в перестройку. В первом случае мы были людьми с верой в будущее, потом пришла перестройка и многие из нас стали зверьми. Замечал это и по студентам. Постепенно алчность и лицемерие стали проявлять себя все более открыто, до отвращения явно. Обнажились скрытые чувства. Дружба в понимании человеческой сути отступила, пришла меркантильность по типу «А ты мне что?» Речь идет о всех студентах без различия. Обнажились социально-экономические проблемы общества как-то надо было их воспринять, осмыслить и перетерпеть. Правда, и сегодня терпим, к сожалению. Среда студенчества раскололась, и теперь большую ее часть составляют те, для кого принципы стали ценностями относительными, а деньги – абсолютными. Ругать молодежь за это мы не вправе, поскольку мы, взрослые, предложить им некую альтернативу тоже не смогли. Некогда утраченную надежду на светлое будущее возродила в новом формате другая часть молодежи, сумевшая совместить учебу с работой.

Андрей Купцов овладел секретами интернет-технологий и вскоре стал принимать заказы на изготовление сайтов. Позже стал высококлассным специалистом, с которым охотно работают и крупные инжиниринговые компании, и такие же коммерсанты, что позволяет ему снимать квартиру и менять известные марки японских авто. Подающий большие надежды в журналистике студент, сменил божественное на необходимое, насущное. Пусть оценки сулили большего, как и его знания в творческой профессии, но жизнь диктовала свои правила, и молодой человек, как и многие другие, выбрал деньги, столь необходимые его матери и ему самому. Он и сегодня продолжает работать на два фронта: редактор информационного портала и успешный бизнесмен.

Карина Галимуллина из Башкирии. Склонность к исследовательской работе проявила уже на первом курсе. Каж-

дый рождается под своей звездой. Учившаяся на отлично все годы и делавшая уверенные шаги в науке, по окончании учебы пошла работать, а не в магистратуру и аспирантуру. Уверен, принесла бы большую пользу в изучении истории отечественной журналистики. Но страна отвернулась от гуманитарных наук и молодежи, готовой служить им верой и правдой. Стипендия мизерная. Благо, Карине помогали из дому, но сами студенты понимали, что пора облегчить жизнь родителям, дать дорогу другим домочадцам. Большинство не имели и такой возможности, чтобы рассчитывать на чью-то помощь. Но талантливый человек талантлив во всем: Карина сегодня управляющая самой большой сети барбершопов в стране. Под ее руководством трудятся десятки людей.

На втором курсе одна талантливая студентка рассказала мне как распределяет стипендию по дням недели, чтобы «не сдохнуть». Рассчитывать было не на кого. И таких было много. Не все от боженьки имеют в крови коммерческую составляющую, как и она – отличница и писатель от Творца. И что делать?

Лейла Торощина – восточная красавица из Нижнего Тагила пришла к нам в то время, когда стало понятно, что вуз доживает свои последние годы, после чего его ожидало присоединение к экономическому вузу. Страна уже не знала, на чем сэкономить. Уверенная и большая помощница в всех проводимых мероприятиях, по-настоящему нацеленная на получение любимой профессии, вскоре включила компьютер в голове – цифры не сходились. Зарплата журналиста не покрывала даже расходы на жилье. Сегодня также. Пришлось пойти в коммерцию, открыть свое дело. До сих пор не теряет связи, чтобы быть в курсе журналистских событий. Девушка, мечтавшая стать журналисткой, трудится администратором известной дизайн-студии и вполне довольна жизнью.

Современная молодежь может возразить, мол, ну и что? Ничего удивительного. Но люди, познавшие советский уклад во всем, в том числе в образовании, поправят, что так не должно быть. Как отвечать школьнику на его вопрос, куда поступать и на что ему жить? Мы промолчим?

Мы продолжили работать со школами. Выпускники всегда нуждаются в правдивой информации о специальностях, вузах и колледжах. Проект «Школьная конференция в уни-

верситете» стала менять формы и методы работы. Уже тогда организовывали вебинары, в которых принимали участие тысячи учащихся. Но ничто не может заменить живого общения. Ребята сами стали проводить подобные проекты в своих городах, от Улан-Удэ до Хабаровска. Отдельным студентам-отличникам я разрешил сдавать сессию досрочно, и они уезжали в свои города и проводили там профориентационные мероприятия. Выпустили буклет, вышедший в свет двухтысячным тиражом. Откуда взяли деньги на его выпуск? Рассказываю.

В 2012 году наш вуз стал лауреатом конкурса от Министерства образования по части «Программы развития деятельности студенческого самоуправления» и выиграл грант в 20 миллионов рублей. Наша конференция также была признана лучшей в стране по линии профориентации и из обшей суммы гранта два с половиной миллиона были определены в нашу пользу. Не могу не сказать об огромной работе ректора Александра Викторова, проректора Евгения Лубашева, Сергея Костенко, без которых такой серьезный конкурс выиграть было бы просто не реально. Но самая большая нагрузка выпала на долю проректора Сергея Рябова, ответственного за весь грант. До сих пор удивляюсь тому, как он смог все вынести, преодолеть все бюрократические препоны и рабочий накал данного проекта. Без него трудно представить, что был бы представлен весь спектр направлений, включенных в Программу.

Для нас же это стало отправной точкой к проведению массы мероприятий с участием студентов-журналистов. Особый акцент сделали на выработке оригинальных идей по линии подготовки студентов и школьников к будущей профессиональной деятельности. Четыре отдельных проекта уверенно шагнули в российское образовательное пространство: «Школьная конференция по журналистике в университете», «Открытый конкурс по журналистике «Невское перо» среди учащихся Российской Федерации», «Открытый конкурс по журналистике «Невское перо» среди студенческой молодежи Российской Федерации», «Дискуссионный клуб «Журналист».

Обо всем не рассказать, но главные страницы летописи постараюсь охватить, чтобы коллеги знали, как можно привлечь талантливого школьника и научить студента управлять своим

временем.

Дискуссионный клуб «ЖурналистЪ» был создан осенью 2011 года и вскоре стали называть его по именам ведущих Анны Яблонской и Анны Долгушиной. 31 октября состоялось первое заседание, посвященное теме «Настоящий мужчина: кто он – герой нашего времени?» Цитата из программы: «Наш клуб – это площадка живого общения на самые злободневные темы. Общение в клубе учит слушать и быть услышанным, развивает ораторские навыки! Если существует проблемный вопрос или тема, то всегда можно найти правильное решение. Главное – правильно изложить суть и иметь собственное мнение!»

Клуб собирал гостей еженедельно в аудитории для мастер-классов на Бухарестской, 24. Две Анны так интересно готовили каждую встречу, что преподаватели не упускали возможность принять в нем участие. Тематика привлекала и людей со стороны. Ребята сами предлагали темы будущих дискуссий. Вот для примера некоторые из них: «Эвтаназия – за или против?» от Олеси Филипповой; «Феминизм – феномен современности?» от Вики Устюговой; «Введение дресс-кода в общественных местах: необходимая мера или очередное расточительство государственных средств?» от Леры Огановой; «Оптимист или пессимист: кем быть?» от Карины Галимуллиной. На заседания клуба приглашались известные в городе юристы, операторы, актеры, промышленники, чиновники, что придавало ему значимости и более широкий формат общения, споров.

«Невское перо» – визитная карточка университета, нашей специализации и, вместе с тем, зримая оценка нашей квалификации. Конкурс, которому уже больше 11 лет, проходил в Санкт-Петербурге два раза в год: студенческий и школьный. Десятки делегаций из разных городов заполняли лучшие конференц-залы для оглашения лауреатов конкурса. Особую роль в их проведении играл русско-турецкий культурный центр в Санкт-Петербурге, о котором позже расскажу отдельно. Наряду с «Невским пером» и благодаря Сергею Миронову, председателю политической партии «Справедливая Россия» проводили Всероссийский фестиваль «Выбор», собравший делегатов из 75 городов страны. Замечу, что это единственный политический деятель столь высокого ранга, который предложил свою помощь в его проведении.

Это он является зачинателем этой традиции по определению правильного выбора профессии. В Малом зале Консерватории состоялась церемония награждения победителей из разных уголков России – от Находки до Моздока. Не обошлось и без казуса: отдельным родителям, чьи дети заняли третье место, ручка «Паркер» стоимостью в пять тысяч рублей и культурная двухдневная программа показались недостаточным вознаграждением. По-видимому, рассчитывали на более дорогие призы, как лауреатам. Но это редкий случай. В целом все 75 победителей в разных номинациях остались довольны и еще долго не расходились после экскурсий от двух «Икарусов». Оригинальные дипломы в рамках, выполненные Аленой Смородиной, пришлись всем по нраву, за исключением школьников из моей исторической родины – Осетии и их родителей, оставивших дипломы на подоконнике исторического здания…

Финансирование наших выездных проектов «развязало руки». Первый город, куда мы направились целой делегацией, стал Курск – родина нашей отличницы и выручалочки по верстке, Алены Смородиной. Там же и познакомились со Светланой Белоусовой – инициатором многих известных творческих проектов в России. Это ее школу прошла Алена в свое время и потому знала куда больше сверстников. Курск запомнился добродушием курян, особенно родителями Алены, ее сестрой и Светланой Белоусовой.

Наутро пошли к Борису Дмитриевичу Беспарточному, ректору Курского института социального образования, который принял нас как родных. Сам же выступил на открытии наших мастер-классов. В честь участников дали концерт. Приглашенные мэтры журналистики также выступили с интересными сообщениями о состоянии современных масс-медиа в стране.

Потом началась мозговая атака Санкт-Петербург – Курск, в которой не определялся победитель, а только учились друг у друга новым технологиям в информационном пространстве. После богатой программы в университете, нас пригласили в школу, где нас ожидали будущие абитуриенты. Надо отдать должное моим студентам – они были на высоте! Самому было интересно, как они прибавили! В них можно было верить, что я и делал в будущем, когда путь держали в другие города России, а чуть позже – и за ее пределы.

А пока поезд увозил нас обратно, в Питер. Начались новые рассказы от Чернухина, Мирзода и Агузарова. Смех не давал покоя соседям, но мы ничего с собой поделать не могли. Не знаю, когда они успели попасть в курские истории, но удержаться от хохота не мог никто. Кажется, заснули. Утверждать не рискну…

Продолжу рассказ о творческих мероприятиях, инициаторами которых являлась моя группа самых активных и умных студентов. Для каждого педагога, тем более декана, его питомцы должны быть, по крайней мере для него самого, лучшими. Для рядового читателя эта часть может показаться не такой уж интересной, но, учитывая то, что ваши дети и внуки, возможно, будут учиться в творческих вузах, вполне вероятно, что им пригодится наш опыт. Никогда не соглашусь, что все зависит от ректора, в том числе и поиск денег для поддержки студенческих инициатив. Нужна личная инициатива, как в пустыне.

В самом названии проекта «Школьная конференция в университете» заключен смысл преемственности в образовании – от школы к вузу. Это неслучайно, так как студент первого курса некоторое время ощущает себя еще учащимся. Ему необходим постепенный переход от состояния школьной атмосферы к реалиям института, факультета, кафедры. В этом случае, при грамотном подходе к воспитательному и образовательному процессу, через проведение конференций, как показал опыт, можно выстроить позитивное учебное звено, объединяющее и учебу в школе, и в вузе. Более того, студенты на каждом мероприятии встречаются с профессионалами своего дела, которые охотно делятся «секретами мастерства». Выступления профессорско-преподавательского состава кафедры перед школьниками выпускных классов и студентами начальных курсов дает определенный моральный импульс к дальнейшему сотрудничеству. Лектор передает знания доходчиво, применяя простые и понятливые термины, приводя примеры из лекторской и профессиональной практики. Такие лекции и мастер-классы носят и воспитательный характер.

Лекторский опыт позволил отдельным студентам 2, 3, 4 курсов вскоре опробовать себя в том же качестве преподавателя. Выступления студентов Луриковой Ксении (3 курс) и Сорокиной Ольги (2 курс) перед школьниками по основам

журналистики отличались простотой и доходчивостью излагаемого материала. В прошлом студенты, ныне сотрудники СМИ Санкт-Петербурга и Москвы, Виктория Журик (РЕН-ТВ) и Мария Караченцева (НТВ), они же – магистры СПБГУСЭ, пройдя творческую лабораторию «Школьных конференций», нередкие гости данных мероприятий. Профориентационная работа, таким образом, становится легко усваиваемой с целью определения своей будущей профессии. Чтобы было как можно меньше ошибок в выборе под влиянием иллюзий, заблуждений или как-либо других факторов.

Опрос выпускников Института социологии и управления социальными процессами СПБГУСЭ отчетливо показал, что именно студенческие объединения остались в памяти в первую очередь, и потому решили продолжить учебу в магистратуре по журналистике, международному туризму, социологии. Опрос отчисленных до 2009 года студентов дневного и заочного отделений показал, что нередки были случаи, когда студенты оставляли учебу только потому, что «им было неинтересно» – 40%, или же вследствие «отсутствия должного внимания со стороны преподавателей к нуждам студентов» – 60%. Постепенно большинство из них восстановились на учебу в СПБГУСЭ благодаря «интересным проектам кафедры» и «информации в СМИ города» – 25%, из-за «желания участвовать в «Школьной конференции» – 60% и других «творческих конкурсах» –15%.

В прошлом активные участники проектов кафедры, Элина Цыркуль, Залина Зокоева (ныне кандидат исторических наук) и Ольга Юрченкова – магистры кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета, намерены после защиты магистерских и кандидатских диссертаций вернуться на кафедру журналистики для работы в качестве преподавателей. Одна из основательниц «Школьной конференции в университете» – победитель Всероссийского конкурса среди журналистов «Золотое перо-2009» – Виктория Шпаковская (Устюгова), по окончании магистратуры по международному туризму, продолжает активно сотрудничать в проектах кафедры.

Элина Цыркуль, Ольга Юрченкова, Виктория Шпаковская (Устюгова), Ксения Лурикова, Ольга Сорокина, Настя Валеева, Георгий Агузаров, Анна Казацкая и Анна Яблонская по

праву считаются основателями всероссийских конкурсов «Невское перо» среди учащихся и студенческой молодежи, получившие широкую известность благодаря откликам в СМИ Российской Федерации. Школьная конференция по журналистике призвана активизировать работу по пропаганде знаний в области журналистики, профессиональной ориентации и привлечению учащихся средних школ к журналистскому творчеству под руководством профессорско-преподавательского состава вуза с целью дальнейшей ориентации школьников на поступление в университет. Конференция – уникальная творческая лаборатория, позволяющая будущим абитуриентам максимально полноценно подготовиться к введению в будущую профессию. Благодаря ей они имеют возможность познакомиться с основами журналистики, принять участие в производстве газетных материалов, получить опыт практической деятельности в профессиональной среде. Знания, приобретаемые в процессе участия в работе конференции, оказываются крайне полезными при прохождении творческого конкурса при поступлении в университет. Конференция предлагает своим слушателям занятия по таким предметам, как «Паблик рилейшнз и реклама», «Газетная журналистика», «Теледраматургия», «Журналистика и кинематограф», «Арт-журналистика». Конференция проводит творческие встречи с руководителями и сотрудниками российских и зарубежных редакций газет и журналов, известными журналистами, популярными теле- и радиоведущими.

«Школьная конференция в университете» – это особое мероприятие, в котором школа попадает в удивительное царство науки, культуры, академического общения и профессорского озорства! Да, именно так, ибо под управлением маститых акул пера и звезд телеэкрана мастер-классы по основам журналистики нередко становятся интеллектуальной игрой. Так умело преподнести сложные медийно-загадочные технологии современности может далеко не каждый, пожалуй, только единицы. Как тут не вспомнить мастер-класс доктора филологических наук, профессора Евгении Евгеньевны Корниловой по теории телевидения будущего; Ольгу Радиевскую и Евгения Новикова с «5 канала» – чье творчество больше всего связано с темами криминала и экологии; недавних выпускников Викторию

Журик с РЕН-ТВ, Марию Караченцеву из НТВ и Викторию Шпаковскую из «Комсомолки».

А сколько причудливого и занимательного было в мастер-классах руководителя детской телевизионной студии из Приозерска, известного педагога Таисии Бурениной и кандидата юридических наук Юрия Робертовича Рысина! Этот список можно продолжать, не переставая восторгаться и завидовать себе – будь я студентом этого вуза!

Вот к примеру: в конференц-зале на Бухарестской, 24 состоялась очередная, 8-я «Школьная конференция по журналистике», посвященная теме профессионализма современного журналиста. 143 старшеклассника школ Санкт-Петербурга и Ленинградской области стали свидетелями богатой творческой программы. Свет увидел 8 номер интерактивной газеты школьников «Журналистский экспресс». Ее всегда ждут с нетерпением. Смысл интерактивности заключается в том, что ребята выпускают ее сами. Находясь в своих городах и поселках, дистанционно проводят планерки, согласовывают заголовки, спорят. Когда страсти спадут – подготовленный номер отправляется Ольге Сорокиной – студентке 2 курса кафедры журналистики. После ее одобрения материал попадает редактору – студентке 3 курса Ксении Луриковой. В день открытия конференции авторы публикаций впервые воочию видят друг друга, знакомятся и высказываются по спорным моментам. Ну где вы такое еще увидите? Среди участников форума – студенты других вузов нашего города, и они не скрывают своих эмоций. «Такое нам и не снилось! Сколько впечатлений! Столько полезной информации!», – высказались студенты одного из вузов Санкт-Петербурга Татьяна Лифанских и Мария Ожогина. – «Где мы еще могли познакомиться с секретами интеллектуальной игры по мотивам известного телешоу «Овертайм» и с ее автором Андреем Савченко – руководителем клуба интеллектуальных игр «Ингрия»? Послушать столь открытый рассказ студентки 3 курса Алены Поспеловой «Я училась в Китае», или Евгения Новикова «Журналистика без подводных камней» стоит многого! А чего стоило познакомиться с музыкальным творчеством Джамили Константиновой и Марии Олейник – какие голоса! Это незабываемо!»

Зал с восторгом встретил гостя конференции – «бога детского телевидения», как в народе называют Андрея Ти-

това – создателя известного детского телеканала «Гости из будущего». «Без детского телевидения не может быть взрослого», – сказал он. – «Ведь дети – наше будущее! В этой связи, должен заметить, что в данной конференции нет места скуке, приятно удивлен «горящими глазами» участников мероприятия! Такая энергетика в зале! Не ожидал – честно признаюсь!!! Наслышан об авторе проекта, профессоре В.Д. Таказове, а в мир самого проекта окунулся впервые». На вопрос о целесообразности проведения школьной конференции мэтр тележурналистики ответил:

– Я считаю, что она не только полезна, но и надо расширять! Активно! Возможно, даже переносить на другие площадки… Если ваш университет взял на себя такую огромную задачу, как проводить такие масштабные конференции, а самое главное, что здесь идет профориентация школьников, это дорогого стоит. Я бы предложил проводить их и в Ленинградской области, пусть и не такие масштабные, а итоги подводить здесь.

Главный редактор студенческого журнала «Вольтер», политолог Данил Шишкин, провел познавательный экскурс в мир журнальной периодики, коснулся проблем молодежи и степени их освещения в медиа. Он также заметил, что подобную форму проведения профориентационной работы – в виде конференции – встречает впервые, и она, по мнению политолога, более комфортна и более располагает к позитивному общению, чем другие формы. «Отлично, что данное мероприятие проходит в форме конференции. Потому что, например, в нашем университете (Высшая школа экономики) проводится только день открытых дверей, а такого нет. Мне импонируют любые мероприятия, в которых есть идея. Здесь идея есть. Надо перенять опыт».

Опыт проведения «Школьных конференций в университете» перенимают у нас не только в нашем городе. Уже в Хабаровске и Тюменской области с будущего года начнут действовать филиалы нашей конференции под руководством студенток Насти Валеевой и Любови Гончар. Поздравительные телеграммы в адрес конференции пришли из Москвы – от Н. Сацировой, диктора и телеведущей ТВ Подмосковья; из Израиля – от доцента Л. Аликовой, из Владикавказа – от журналистов Г. Агузарова, Н. Гаглоевой, Дз. Газдановой, Ю. Кабаковой, З. Габуровой, из Санкт-Петербурга

– от капитана милиции, доцента К. Ботнаря и от студентки В. Огановой, из Хабаровска – от студентки Л. Гончар. Конференция расширяет свои границы. И первая из зарубежных границ вскоре пала под натиском моих неуемных студентов: два года подряд группа самых отважных прошла практику в Палестине. Все прошло спокойно благодаря поддержке президента страны Махмуда Аббаса, хорошо отозвавшегося на выпуск нашей газеты «Палестина» и предоставивший практикантам охрану и бесплатное проживание в гостиницах ряда городов. Благодаря усилиям доцента нашей кафедры и знатока многих аспектов международной политики и журналистики Нимера Ризкаллаха, ребята впервые побывли и прочувствовали себя в регионе, где наряду с восточными улыбками, красивым заревом и настоящей шаурмой, своими глазами увидели, как струится река Иордан… Приемы министров и советников президентов, а также семей, где жена русская, а муж палестинец и тому подобные эпизоды на всю жизнь останутся в памяти молодежи. Не обошлось без часовых проверок в Тель-Авиве, в аэропорту, когда мы с Нимером в три часа ночи давали объяснения израильтянам, что мы – мирные люди и прибыли на Восток с миром. Это обычная практика международного аэропорта имени Давида Бен-Гуриона, а потому мы были готовы к этому. Самое интересное, в это время, когда допрашивают и осматривают содержимое сумок и чемоданов, желательно вести себя крайне спокойно и перестать дышать (шутка). Но наши люди везде оригинальны: одна из студенток в это время умудрилась включить камеру и прислать мне видео. Если бы это обнаружилось – практике не быть и это самое малое!

Ежегодно прилетаю во Владикавказ. Основная причина далеко не родственники и не дела. У осетин есть одно извечное правило: где бы они не находились, ежегодно обязаны посетить кладбище, где покоятся родители. В Лескене оно по-особому чистое и не только из-за мусульманской направленности, а скорее от уклада жизни: воспитание в доме отражается на поведении в обществе. Я уже упоминал о том, как у нас издавна повелось: один год шефствует над кладбищем молодежь одного переулка, или намеченного участка, через год переходит к другим. И никому не надо напоминать. Ребята относятся к этому свято и без принуж-

дения. Ничего лишнего на территории кладбища. Кругом зеленая трава, которую косят несколько раз в год. Могилы чистые, как нигде. Напоминает «Осетинское кладбище» в Сиэтле, но там оно обслуживается на заложенные под эти цели деньги наших предков, вынужденных остаться там навсегда.

В начале XX века многие из осетин покинули родину в поисках хорошо оплачиваемой работы. Осетины в Америке становились золотоискателями, фермерами, коневодами. К тому времени наступил 1917 год, позже репрессии, 1941 год, «холодная война» и редко кому удавалось вернуться домой и не попасть под гильотину НКВД. Они все хотели вернуться хотя бы потому, что в те годы кавказцы женились исключительно на горянках. Некоторые поехали, чтобы по возвращении сыграть свадьбу братьям, построить дом. Но судьба распорядилась иначе.

Когда мы приходим на кладбище, воцаряется молчание. Все говорят шепотом. Каждый подходит к блестящим, из черного мрамора надгробиям (чирт) и тихо проводит по ним ладонью, и также тихо произносит «рохсаг» (царствие небесное). Могилы предков, как и у всех других народов, святы настолько, что почитаемы в первую очередь. Их покой на совести живых. И никто не посмеет оскорбить память предков, потому что никакие законы и положения не остановят от мщения и расправы. Оскорбление в обычной жизни прощается и забывается, но в адрес могил – никогда.

Как правило кладбища расположены на сопках села и оттуда открывается удивительно красивая панорама сельской местности: виден зеленый лес, благоухающий луг на длинной и широкой поляне, на которой живо пасется скот и по центру река Лескен, поющая дифирамбы истории и современности нашего села. Сине-голубое небо летом придает особый шарм крестьянской идиллии, а зимой звездный океан окутывает все пространство, словно в сказках Шахерезады.

По окончании «встречи» с родственниками, соседями, друзьями, которых уже нет среди нас, мы выходим через железную калитку и рядом с ней открываем краник и моем руки, и ополаскиваем лицо, дабы «все от того мира оставить здесь, на кладбище». Есть поговорка у дигорцев: «Алкаман-

ахе», что означает «каждому свое», то есть «мертвым – свое, а живым – живое». Много такого ритуального сохранилось у моих сельчан, собственно, у всех осетин, и это хорошо. Оно из прошлого, как колокол, напоминающий и предостерегающий.

Не у всех так. Не так давно у моего друга внезапно скончалась мать. Позвонил. Естественно, принял участие как мог. Приехала и дочь умершей, уважаемой женщины – доктора. С ней были ее соседки. Привезли с собой водку, кока-колу, бутерброды. Наемный ритуальщик спешно расправлялся с урной, не особо обращая внимание на нас. Через несколько минут на импровизированной доске-столике появились еда и выпивка. Одним словом, позавтракали. Остатки еды предлагали желающим забрать домой. Поняв, что до речи в память усопшей не дойдет, сам попросил слова, хотя о ней ничего не знал. Одного только ее призвания хватило, чтобы сказать нужные слова скорби в честь врача. Трое человек из другого города явно были иных принципов и с удивлением смотрели на это странное представление. Среди них была и Мальвина, мой давний друг и коллега, и сказал я ей: «Не хочу умирать в Питере». Долго еще будоражило сознание от увиденного. Может я чего-то не понимаю, но такое понимать не хочу.

В 2011 году, после посещения кладбища, поехал во Владикавказ. Как правило, за 2-3 дня пребывания стараюсь прочитать лекцию на журфаке родного СОГУ им. Коста Хетагурова, где декан Фатима Хабалова и профессор Зинаида Тедтоева с радостью предоставляют студенческую аудиторию. То же самое со школами: одна встреча с выпускниками на их территории. В том году приняла школа номер 26. Большая аудитория заполнилась быстро. Начал, как обычно, с экспромта. Порой выручает фантазия или смешной случай, похожий на анекдот. Это некая фишка, чтобы привлечь внимание детей. Первые двадцать минут слушают внимательно, как по приказу, после чего все зависит от умения лектора удерживать внимание. Стоит пропустить этот момент, и потом их не соберешь. На тебя смотрит масса, так что, будь любезен, не подкачай – так всю жизнь, пока ты за кафедрой, а лучше – в зале с народом. Русское классическое образование было сильно этим: слушатели с глазу на глаз с педагогом-собеседником, а не «говорящей головой», как

это зачастую происходит сейчас. Тем более онлайн-лекции, КПД которых, по-моему, – один процент из ста.

Для провинции язык общения должен быть адаптирован к местности хотя бы изредка, тогда ты свой. Этим приемом пользуются политики во время предвыборной агитации и артисты, в надежде собрать куш побольше, а там хоть трава не расти. Ребята охотно воспринимали историко-литературный экскурс как в прошлое, так и в будущее. Говорил о высшем образовании в целом, о Питере и о самом Петре Первом, о сложных перипетиях горской истории в XVIII веке, когда Осетия вошла в состав России – далеко не добровольно, но это уже в прошлом. Дискуссия со школьниками всегда интересна, потому что задают наивные вопросы, в которых много сложной и взрослой философии. И в этот раз не обошлось без вопросов про любовь, родной язык, и почему я не работаю у себя на родине. На отдельные вопросы отвечал прямо, приводя примеры из творчества русских и осетинских классиков литературы, дабы не уходить от темы встречи.

Среди внемлющей публики был светлый, худощавый парнишка, которого интересовали вопросы посложнее. В его глазах читался большой город, как у меня в пятом классе. По завершении беседы, многие поспешили в буфет, радуясь концу моего выступления. А этот молодой человек проводил до улицы, все усложняя дискуссию и проявляя неуемный интерес ко всему позитивному. Мне нравятся такие – они харизматичны и остановить их невозможно, все равно будут гнуть свое. Остановились. Познакомились. Предложил ему участие в только нарождавшемся творческом конкурсе «Невское перо».

Через месяц оргтруппа конкурса подводила итоги по присланным сочинениям на произвольную тему. Начали с того, что приняло участие 240 учащихся из 45 регионов. Назвали фамилии школьников, чьи работы были признаны лучшими. Все отдали предпочтение рассказу о своей малой родине, мальчику из Владикавказа, тому самому любознательному выпускнику из 26-й школы, Георгию Геннадиевичу Агузарову. Лауреат приехал на церемонию вручения первой премии – ноутбука. Это тот самый Гоша, благодаря которому так хорошо и богато запечатлена история наших многочисленных проектов в группе «Академия журналистики».

Уже на втором курсе отдал предпочтение искусству фотографии и сегодня является самым востребованным фотографом Санкт-Петербурга в молодежной среде. Магистр журналистики Агузаров предан своему ремеслу настолько, что выкрасть свободное время для него проблематично. Любимец публики, воспитанный и гостеприимный, с вечной улыбкой на устах, нехорошо владеющий родным языком, но строго придерживающийся осетинских традиций по отношению к людям, все годы дружбы не меняется. Он также прост и открыт душой для всех сокурсников.

Так, Открытый конкурс по журналистике среди учащихся и студентов России начал свое шествие по всему глобусу, привлекая внимание российской и зарубежной молодежи. К каждому «Перу» подготовительная работа начиналась за полгода. Студенты, обремененные учебой и подработками, успевали превратить конкурс в незабываемый праздник. Ряд городов страны стали нашими партнерами. Многие до сих пор остаются в нашей команде. Не могу не отметить Светлану Белоусову, руководителя Международного образовательного медиафорума «Префикс+10» из Курска, Таисию Буренину из Приозерска, кандидата филологических наук, доцента Ирину Карапетову из Пятигорска, Ирину Стрижову из Озерска, доцентов из Балтийского федерального университета Михаила Берендеева и Мальвину Друкер.

Особая роль в организации и проведении «Невского пера» принадлежит нашему постоянному партнеру – Русско-Турецкому культурному центру в Санкт-Петербурге, руководимому тогда моим студентом, впоследствии магистром и аспирантом Аднаном Озтюрк. Ныне он кандидат политических наук. Целая плеяда студентов из Турции связали свою жизнь с нашими проектами, о которых речь еще впереди. А пока сам начал осваивать образовательное поле совсем тогда необъяснимой и загадочной Турции.

Позволю малый штрих о ней и не только…

Турция – страна, казалось бы, достаточно знакомая, чтобы представить ее, не увидев ни разу, ибо о ней говорят все средства массовой информации, пишут в книгах и т. д. Между тем, сколько существует эта удивительная страна, столько небылиц порой о ней и пишут. А потому лучше увидеть однажды, чем услышать сотню раз.

Турция сегодня – огромная и влиятельная страна, в которой наряду с острыми политическими событиями происходит большое культурное вмешательство человека как в историю, так и в настоящее. А кто же он, этот человек, столько делающий для своей страны полезного?

Турция начинается далеко за ее пределами. Из раза в раз ловишь себя на мысли, что она становится тебе близкой уже в России в тот момент, когда переступаешь борт самолета турецких авиалиний. Как правило, это новенький «Боинг», все тот же комфорт и те же, пускай искусственные, но сильно похожие на естественные, улыбки стюардесс, готовых всю прелесть воздушного перелета разделить с тобой. Нет скрипа сидений, той тесноты в салоне, без чего мы, россияне, до недавнего времени и представить не могли воздушный лайнер. Красоты страны показывают на небольшом удобно расположенном телеэкране, вы наслаждаетесь завораживающей восточной музыкой и выбором национальных блюд, предлагаемых стюардессами. Но главное еще впереди, когда вашему взору предстанет один из самых больших аэропортов в мире – «Ататюрк». Кстати, Мустафа Кемаль (Ататюрк), основатель Турецкой республики, для местных жителей – лицо неприкосновенное, как и вся их история. В целом, к истории у них особое отношение, не как у нас. Они чтят свое прошлое, каким бы оно ни было. Стоит только один раз посетить собор Айя-София или музейный комплекс Султан-Ахмет, чтобы понять, как можно беречь объекты культурного наследия, невзирая на прошлое. Перед вами предстанет и Византия, и сам Константинополь, и все, что связано со столь часто употребляемым в обществе понятием «борьба цивилизаций». Тогда начинаешь понимать, что история должна оставаться историей, какой бы она ни была. Кстати, а в Осетии знают, что первым министром иностранных дел Турции был осетин? А в Турции это помнят.

Международная организация «Платформа Диалог-Евразия» одной из своих глобальных задач всегда считала развитие культурного диалога с мировым сообществом. Она выполняла свой долг перед Турецкой Республикой, выделяя миллионы евро на благотворительность, повышая тем самым престиж страны. «Основной упор делался на культурный обмен и обмен культурами», – сказал Сельман Гюлен, один из руководителей «Платформы» в Санкт-Петербурге в

2009 году. По опыту его сотрудничества с образовательными центрами, учреждениями культуры северной столицы, можно только удивляться эффективности работы в данном направлении. Проекты этой международной организации научили нас иначе воспринимать мир. Надо перенимать опыт друг у друга. Недавно по истории «Диалога» в СПБГУ успешно защитила кандидатскую диссертацию Залина Зокоева, несмотря на то, что сама «Платформа» не так давно прекратила свою деятельность по неизвестным для нас причинам. Очень жаль.

Один из активистов турецкой молодежи, руководитель Общества по развитию культуры и предпринимательства в России (РУТИД) Аднан Озтюрк, впоследствии возглавивший Русско-Турецкий центр в Санкт-Петербурге (тоже закрытый после сбитого российского истребителя), при разговоре сослался на произведения великого философа современности Фетхуллаха Гюлена, которого по праву называют «интеллектуалом номер один» в мире. Будучи глубоко верующим человеком, призывающим к миру со всеми конфессиями, Гюлен одной из главных заповедей считает помощь нуждающимся. «Если тебе трудно – я иду к тебе», – пишет он. Этот философ и общественный деятель одним из первых в мире осудил бандитов, совершивших теракт в Беслане.

В Турции относятся к иностранцам, как к самим себе. Посещая страну, каждый раз поражаюсь миролюбию и трудолюбию народа. Но давайте вернемся к аэропорту «Ататюрк»…

Группа ученых из Санкт-Петербурга летит в Кению и Эфиопию с пересадкой в Стамбуле на следующий день. Все расходы, связанные с транзитом, несет, как всегда, турецкая сторона. По прилету нас ожидал микроавтобус, доставивший в шикарную пятизвездочную гостиницу «Akgun Istanbul Hotel». Не буду описывать отель – количество звезд говорит само за себя. Дело в другом: когда же мы научимся относиться к себе и иностранцам с таким же настроем, пониманием, толерантностью, как в Турции, не говоря уже о финансовых затратах принимающей стороны, а не отправляющей. По работе мне часто приходится летать в разные регионы страны и за границу. Есть что и с чем сравнить. Кажется, все дело в законопослушании, когда каждый член общества строго выполняет функции, определенные ему работодате-

лем. При этом полностью исключаются антиобщественные мероприятия и приветствуется честное исполнение обязанностей.

По пути из аэропорта в отель нас пригласили в ресторан. Несколько штрихов за период ужина: чистота неимоверная, полное отсутствие запахов пищи, несколько заставленных столов для компаний, у входа встречает администратор… Огромный зал обслуживается четырьмя официантами – в Турции женщины не работают в общепите. Их работа – это целое представление для нас, россиян. В нашей стране нередко приходится звать официанта и просить его что-то принести, а что-то унести. В Турции этого делать не надо – они раньше вас подумают обо всем. И так в каждом ресторане или кафе. В целом институт администратора в общепите уходит корнями в далекое прошлое – этот бизнес частенько передается из поколения в поколение. «К администратору идут постоянные клиенты, от его взглядов, улыбки, мастерства общения зависит успех общепита», – пояснял Сельман Гюлен. Век живи и век учись простым истинам!

Небольшое отступление. Когда я учился в 6-м классе лескенской восьмилетней школы, в сельском Доме культуры состоялось праздничное мероприятие. Не помню, чему оно было посвящено, но там присутствовали гости нашей республики – африканцы. С одним из них говорил на немецком на таком уровне, что с трудом подбирал слова, дающие возможность объяснить моему собеседнику суть осетинского танца. Гость утвердительно кивал головой, но, кажется, он многого не понял. В конце он сказал, что приехал из Кении, и добавил, что это «очень интересная страна». С того времени я мечтал там побывать… На следующее утро полетели в Кению.

Белый лайнер с красной полоской взял курс на Кению.

Не терпелось с ней поздороваться: «Джамбо, Кения!» На языке суахили означает «здравствуй».

Кению представить трудно, хотя, зная творчество Хемингуэя, вполне возможно. Но лучше самому увидеть этот удивительный и незнакомый мир. Если театр начинается с вешалки, то страна – с аэропорта. Теснота и неустроенность в плане технического оснащения кенийского аэропорта забываются с той же быстротой, с какой дает о себе знать привычка к познанию неизведанного и не изученного. Но

сначала несколько строк официальной информации. Кения – государство в Восточной Африке. На севере граничит с Суданом и Эфиопией, на востоке – с Сомали, на юге – с Танзанией, на западе – с Угандой. На востоке омывается Индийским океаном, на юге – озером Виктория. Общая площадь страны 582,6 тыс. кв. км. Столица – Найроби.

Население Кении около 31,6 млн человек, главным образом – народы кикуйо, луо, лухья, календжин, камба и более 40 других народностей, а также выходцы с Аравийского полуострова и Индии. Также в Кении проживает более 220 тысяч беженцев из соседних стран, в первую очередь из Сомали и Судана. Административно страна разделена на 7 провинций и одну столичную область. Официальными языками считаются суахили и английский. В повседневном общении используются также банту и более 40 местных наречий.

Кения является светской республикой, государственной религии не установлено. Конституция гарантирует всем свободу вероисповедания. Официально протестантами себя считает 38% населения, католиками – 28%, мусульманами – 10%, но в действительности до 50% по-прежнему исповедуют традиционные местные верования.

Главная достопримечательность Кении – более 40 национальных парков и заповедников, занимающих в общей сложности около 7,5% территории страны. Такие парки, как Цаво, Сибилон, Маунт-Кения, Масаи-Мара, Абердар, гора Элгон, Самбуру, Амбосели и другие широко известны далеко за пределами Кении. Здесь в естественной среде представлено бесконечное разнообразие африканской флоры и фауны, бережно сохраняются вымирающие виды, построены оборудованные всем необходимым для комфортабельного проживания бунгало и лоджи, регулярно проводятся сафари и работают десятки научных экспедиций.

Мы прилетели в Найроби ночью. Кенийское полнолуние завораживало. Местный аэропорт большой, но прилетный терминал мал и неудобен, а по размерам такой же, как в Беслане. Одно только отличие – автобусы и легковые машины подъезжают непосредственно ко входу на аэровокзал, не как в Беслане через шлагбаум и вразброс стоящие по обе стороны легковушки встречающих и таксистов. Нет ни блоков, огораживающих остальную территорию, ни тол-

котни провожающих, а порой их бывает больше, чем вылетающих, без чего наш аэропорт представить трудно. Курить нельзя на всей территории. Но после 6-часового перелета из Стамбула некоторые потянулись за сигаретами, на что полицейский, улыбнувшись, только махнул рукой.

Дороги – вечная проблема развивающихся стран, они и здесь оставляют желать много лучшего. Казалось бы, только на сафари прилетают сотни тысяч туристов со всего мира – страна этим живет… А дороги напоминают осетинские!

Мерцающие впереди огни подсказали направление на Найроби. В городе с трехмиллионным населением немногочисленные высотные здания соседствуют со старинными английскими домами – Кения в прошлом была колонией Англии. Ночь определяет ритм жизни: если в Египте кипит жизнь, особенно среди торговцев, то вечерами на улицах Цюриха пусто, Германия же светится вся, поражая воображение небоскребами «Дойче Банка» во Франкфурте-на-Майне и телевизионной башней в Берлине, а в Найроби жизнь затихает, будто город нежилой.

Между тем, в гостиницах оживленно, в большинстве своем благодаря иностранцам – китайцы, индусы, немцы и англичане, как ни странно, нет вездесущих японцев! Все громко смеются и общаются между собой на английском языке… Осетинским школярам мой совет: учите английский, без него в современном мире очень сложно общаться! Таким предстал отель «Savrova Sandli», что в самом центре столицы Кении.

Кения – это африканский континент в миниатюре. Национальная кухня несколько своеобразна и построена на широком использовании недорогих продуктов. Кроме говядины и свинины, традиционно дорогих в этих местах, широко используется мясо диких животных и птиц. Туристам обычно предлагают экзотику – филе антилопы, тушеное мясо слона, мясо крокодила с салатом из бананов, жареный бок бородавочника, жаркое из страуса с фруктовым соусом, жареных термитов или саранчу, но стоит попробовать и местный вариант курицы-гриль, жареную в тесте дичь, бифштекс из мяса буйвола, куриный суп-пюре с зеленым горошком, тушеную с овощами телятину. На гарнир обычно подают кукурузу, бобы или рис.

Наутро мы приступили к своим непосредственным обязанностям – изучению опыта образовательного процесса

Турции на примере создания частных школ в этой экзотической стране. Здесь стоит оговориться, что последние пару десятилетий Кения удивляет своим прорывом как в экономике, так и в социальной сфере. Одно из чудес – это создание частных общеобразовательных школ, лицеев, университетов. Секрет – в новом отношении к развитию просвещения. Может нам и в диковинку слышать словосочетание «образовательная благотворительность», но факт налицо.

Мне приходилось видеть этот феномен в Стамбуле: люди, получившие образование и ставшие известными бизнесменами, считают своей обязанностью помогать развитию школ, вне зависимости от их места нахождения. Корни такого понимания – в мусульманстве, в котором немало параграфов отведено благотворительности. Светский ислам, а в Турции он окреп не вчера, учит как детей, так и взрослых быть отличником в учебе, зарабатывать и делиться накопленным. Во многом такому ходу событий турецкое общество обязано Фетхуллаху Гюлену.

На встрече со спикером Национальной думы Кении Хоном Фарахом Маалимом неслучайно было затронуто творчество этого великого человека. Спикер сказал: «У меня дома есть все произведения Гюлена… Его ислам не имеет ничего общего с исламом Усамы бен Ладена. Ведь многие достижения Турции в экономике и образовании – заслуга Гюлена».

Другие встречи, проведенные Санкт-Петербургской международной организацией «Диалог-Евразия» в нескольких государствах мира, также подчеркивали необходимость открытого культурного диалога. Председатель Исполнительного комитета российско-турецкого общества РУТИД Алибей Эртугрул Тюркели не раз подчеркнул важность культуры в развитии внешних отношений между странами. Кения – реальный пример такого сотрудничества: с 1998 года здесь были открыты пять школ. Только после этого начало работать посольство Турции в Кении, стал развиваться туризм. Постепенно бизнес обрел темы для взаимовыгодного сотрудничества.

Школа была образована в 2001 году. Первый год в ней учились 400 человек, а сейчас – 1400. В будущем году их станет 1600. Условия, созданные для юных кенийцев, идеальны, как по части соотношения общих, так и специальных дисци-

плин. Из четырех иностранных языков, изучаемых ребятами, один – турецкий, но его не навязывают, исключительно по желанию. Избравших турецкий язык – 40 процентов. Между тем много внимания уделяется официальному языку Кении – суахили.

Для руководства школы одним из приоритетов является подготовка высокоинтеллектуального ученика, готового поступить в любой вуз мира. Опрятный вид самого здания и ее окрестностей на 4 гектарах никого не могут оставить равнодушным. Соотношение предоставляемых услуг – полный пансион – и оплата за обучение вполне реальна и доступна для многих кенийцев. Родители платят 8 тысяч долларов в год. И это при несбалансированной экономике страны! Средняя месячная зарплата составляет 30 долларов. Безусловно, такое образование не всем по карману, но так во всем мире. С другой стороны – это стимул к совершенствованию и поискам пути к финансовому благополучию.

Кения – страна высоток и трущоб, от чего она немного напоминает Индию. В первых трудятся чиновники, промышленники, врачи, экономисты. В трущобах влачат жалкое существование десятки тысяч людей. Контраст между богатыми и бедными сильно ощутим. Но напряжения в обществе нет - то ли смирились с участью, то ли государству пока не до них. На мой взгляд, данное обстоятельство впоследствии может привести к политическим катаклизмам. Всему свое время.

Вернемся к Найроби. Большинство магазинов работают до 5-6 часов вечера, после начинается ночная жизнь. Общественный транспорт преимущественно состоит из маршруток. Правостороннее рулевое управление пугает и путает туриста при переходе улиц. Водители не нарушают правила, штрафы столь высоки, что другого выхода, кроме как соблюдать порядок, нет. То же самое касается пешеходов. На улице моему коллеге сделал замечание один из многочисленных бездомных: «Сэр, могу ли вам подсказать, что здесь курить нельзя. Пройдите, пожалуйста, два переулка и там увидите урну для курильщиков». Вот так! Представьте такую картину у нас, в России, да и реакцию на замечание – тоже. Люди здесь уступчивы, добры не только к гостям, но и друг к другу.

И еще. Европейцы, проживающие в Найроби, преимущественно посещают дорогие рестораны и торговые цен-

тры. На улице их не увидеть, так как у всех есть автомобили. «Белый человек», как кенийцы называют европейцев, по их представлениям, – богатый человек, отсюда уступчивость и услужливость. Интересная аналогия: в свои студенческие годы каждого негра, простите, африканца мы принимали за состоятельного, как многие россияне кавказцев с походкой «на шарнирах» и в лайковых плащах, как у моего друга из Курчалоя – Анзора Довлетукаева. Это нетрудно заметить. Но наступило новое время, в котором африканцы хотят видеть только позитивное. Африка стремится встать вровень со всем миром! У Кении это получится, правда, не так быстро, как ей хотелось бы.

Кстати, вся родословная Барака Обамы из Кении…

P.S. Все время, что пробыл в Африке, вспоминал слова того кенийца из моего детства. Он сказал мне в Лескене, что «Кения – очень интересная страна». Это правда! Она интересна и загадочна как историей, так и современностью. Мой студенческий друг Николай Добронравин, ныне известный африканист, доктор филологических наук, профессор кафедры мировой политики СПБГУ, в 1987 году, как и я, защищал кандидатскую диссертацию по проблемам современного литературного языка хауса Нигерии. С нашим общим товарищем – тюркологом Васей Алексеевым (светлая память), с кем не только учились, но и убирали вместе мусоропровод гостиницы «Гавань», не упускали возможность задеть Колю «по-братски», мол, зачем тебе язык хауса? Он отшучивался. В 2000-м году защитил докторскую на тему «Арабографическая литературная традиция Западной Африки». К тому времени Россия стала открытой страной и мне было не до смеха: Николай стал востребован в научном мире Африки и Ближнего Востока. То же самое могу сказать о тюркологах Александре Сотниченко и Гумере Исаеве. Они молодцы не только тем, что стали известными знатоками Африки, Турции и арабского мира – они вовремя поняли преимущества прагматичности в науке, а не науки ради науки. Горжусь ими!

Программа была насыщена многочисленными приемами, банкетами и конференциями. Уровень – высокий. Они уже привыкли к таким форумам и все их движения напоминали конвейер в Штутгарте, где «Мерседес» собирают желтые роботы, не отвлекаясь на перекур и «а поговорить?».

Многое было новым, но в целом, воочию познакомившись со спецификой ведения образовательного цикла, понял их ответственное, трепетное отношение и столь серьезное внимание к подрастающему поколению дадут весомый результат лет через тридцать. Озабоченность за судьбы молодежи читалась во всех выступлениях и многочисленных дискуссиях. Если что и может им помешать, так латентное, неафишируемое неравенство по цвету кожи. Это не так заметно для туристов, прилетающих за экзотикой, но журналисту трудно не заметить признаки этого неравенства. В больших торговых центрах нет ни одного темнокожего, хотя нет ни одного законодательного положения на этот счет. Просто привычка – это для белых «мистеров». И никто не в обиде.

Через несколько дней наш огромный Боинг, держа удары молнии и треск от ночной грозы, стойко держал курс на Эфиопию. Рядом сидел редактор и журналист Борис Клементьев, за мной расположился худой немец в два метра ростом.

«ЭШИНЭГА». Я неслучайно так назвал эту часть. Почему? Узнаете позже, а пока немного официальной хроники.

Эфиопия – старейшая христианская страна в Африке и одно из древнейших государств в мире. В 1936-1941 гг. являлась частью колонии Итальянская Восточная Африка. Вторая, после Нигерии, по численности населения страна в Африке, граничит с Эритреей на севере, Джибути – на северо-востоке, Сомали и непризнанной Сомалилендом – на востоке, Кенией – на юге и Суданом – на западе.

«Эфиопия», как некоторые полагают, на древнегреческом языке означает «человек с обожженным, загорелым на солнце лицом». Но греческая этимология оспаривается, так как в эфиопской «Книге Аксума» название Эфиопии производится от Итиописа, то есть сына Куша и внука библейского Хама, основавшего Аксум. В некоторых аксумских надписях IV века уже употребляется термин «Эфиопия».

Эфиопы называют свою столицу просто Аддис (Новый), не добавляя Абеба (Цветок). В четырехмиллионном африканском мегаполисе широкие центральные проспекты со стеклянными высотками банков и торговых центров соседствуют с жуткими трущобами. Город лишен какой-либо градостроительной логики, и не всегда очевидно, находитесь вы на базарной окраине или по соседству с президентским

дворцом. Наверное, в этом есть некий колорит, который вскоре вам надоест, так как можно потеряться посреди широких улиц и проспектов.

Наш лайнер летел не первый час, как внезапно начался такой проливной дождь, будто оказались под водой, в океане. Не было видно ни зги, хотя ночью особо и не заметны даже редкие огни на земле. Молния, будто ударяла только по нам. Фиолетовые змейки и грохот не добавляли оптимизма. Четыре сотни пассажиров приуныли, как ростовские цуцики при злом хозяине. Изредка самолет наклонялся, а по стенкам ощущался неприятный сердцу и ушам треск. Рядом задумчиво сидел журналист Борис Клементьев. В такие моменты остается одно: или воспоминания о былом, или просто смеяться. Мы выбрали второе, на что стали обращать внимание по соседству.

Впереди меня сидел бывший вице-губернатор Санкт-Петербурга, известный ученый и дипломат, доктор исторических наук, профессор СПБГУ Ватаньяр Саидович Ягья (светлая память, он недавно ушел из жизни, унеся с собой мое последнее смс с приглашением на чашку кофе на Итальянской улице).

– Вас что-то беспокоит? – спросил я его. – Все равно, Ватаньяр Саидович, в Вашей наследственной массе много останется пустого пространства, так что не волнуйтесь.

Мы любили подкалывать друг друга по-восточному, не стесняясь обид и недоразумений. И в правду, такого честного чиновника, занимавшего столь высокие посты в правительстве города, трудно сыскать. Умница и настоящий питерский интеллигент, на которого равняться нам всем. Он родился в Санкт-Петербурге, но в нем отчетливо видна была татарская душа, открытая и с желанием помочь. Знал ряд языков, в том числе и амхарский – в 1959 году стал студентом главного университета в Аддис-Абебе.

– Валерий, я только об этом и думаю, – парировал он мой сарказм. – Если начнешь мне мешать – позову стюарта и он тебя проводит на улицу.

Борис слышал наш разговор и тихо, скорее молча, улыбнулся. Но вскоре нам вновь стало смешно от нависшего над салоном страха не долететь. Конечно, нам было не все равно, просто понимали, что от нас вообще ничего не зависит. Комфорт Боинга разрушало единственное обстоятельство:

за мной в три погибели сложился высокий длинноволосый немец. То ли он делал вид, что спит, то ли мечтая о скором приземлении, закрыл глаза. Мне изрядно надоели его ноги. Расстояние между креслами было широким, но для его роста точно было узковато. Я не так отчетливо видел собственные, как его 49 размера коричневые сетчатые туфли. Обычно их называют дышащими. Все бы ничего, но они дышали на меня далеко не «Красной Москвой» и не розами соседки Зины Галеовой. Ноги этого неандертальца напоминали папоротник. На моем дигорском, кажется название папоротника звучит «лалуми шифа».

У Хаева Бола, дом которого располагался напротив здания нашей восьмилетки в Лескене, было много детей. Младший сын выделялся большими ушами, за что моя мать дала ему прозвище «лалуми шифа». Он был непослушным в детстве, и его мама попросила меня строить из себя самого строгого. Это возымело эффект: за километр начинал от меня прятаться, а домочадцы стали его пугать моей особой. У них, кстати, в огороде росло большое, высокое грушевое дерево – скороспелка. Оно ежегодно становилось объектом пристального внимания моих старших братьев и их друзей. Они же и рассказывали, как ночью залезли целым отрядом в огород Хаевых и стали спешно трясти весеннее лакомство, как вдруг хозяин дома Бола выскочил к ним с ружьем на плече, но, оторопев от «грушевого дождя», бросил оружие и стал с ними же собирать собственное добро. Ребята не сразу его распознали, но через несколько минут веером разбежались по огороду. О чем тогда думал сосед – история умалчивает.

– Боря, могу тебя попросить об одолжении, прикинься спящим, пожалуйста.

– С чего бы? – вопросительно посмотрел на меня Клементьев.

– Эти ноги хуже любого дихлофоса, и я просто не доживу до аэропорта.

Он, кажется не совсем меня понял, но медленно опустил голову на край подголовника. Ту же позу принял я. Представив, что будет через минуту, собрав всю злость в кулак и правую ступню, приподнял колено насколько это возможно и с размаху, пулей выпустил ногу на его скрещенные лапы в сетчатой обуви. Мгновенно раздался громки и протяжный гласный звук, то ли «О», то ли «У» и ряд немецких выражений,

не требующих толмача. Но мы так славно «спали», что было бы грешно вторгаться в нирвану. До скорого прилета в Аддис-Абебу мы не стали менять позу дремоты и мелкого кайфа.

В Эфиопии поражаешься обилию машин и острой нехватке цивилизации, к которой европеец привык давно. Люди все время чем-то заняты, куда-то спешат, везде торгуют продуктами не первой свежести и промышленными товарами. Попрошайки корчат мины, от которых становится жутко. Между тем никто не ссорится, все довольны жизнью, всех все устраивает. Не чувствуется, чтобы в этом душевном спокойствии какую-то роль играло государство. Между тем эфиопы – народ любопытный. Узнав, что вы приехали из России, они сделают вид, что хорошо знают нашу страну. Но стоит задать какой-нибудь примитивный вопрос, и становится ясно – им ничего про нас не известно. В Эфиопии довольно много наших старых автомобилей. И, кажется, они до сих пор являются роскошью…

По программе нашего пребывания мы в первую очередь посетили две турецкие школы в Аддис-Абебе. Не стоит долго говорить о чистоте и комфорте, созданными турецкими учителями, так как это их обязательный атрибут. Там, где рядом множество трущоб и полно грязи, выделяются своим обустройством школьные здания. Два правительственных флага – Эфиопии и Турции – говорят о дружбе и интернационализме. Профессионализм молодых преподавателей виден во всем: в отношении к учащимся, в демократическом поведении со всеми, как со взрослыми, так и с детьми. Учат нескольким иностранным языкам. Среди учащихся есть и дети сотрудников иностранных представительств. Общаются на английском, турецком и родном языках. Задача школы – подготовить к взрослой жизни человека, готового работать в любом государстве и стать хорошим специалистом. Потому и ближайший ориентир – поступление в университет Аддис-Абебы, в котором все обучение проходит на английском языке.

Не только школа на хорошем счету у местных чиновников, курирующих образование в стране, но и учителя, о чем свидетельствуют дипломы и благодарности от эфиопских властей. Есть чему поучиться. Заместитель министра образования Эфиопии Фуад Ибрахим дал высокую оценку турецким школам.

Может, я слишком часто об этом пишу, но учиться надо. Турецкий опыт для россиян – хороший пример для подражания. К сожалению, пока в этом вопросе между Россией и Турцией нет понимания. Десятки стран открыли двери для турецких школ, в которых, кстати, изучение турецкого языка исключительно добровольное занятие. Только не Россия.

– Цель нашей внешней политики, – сказал посол Турции в Эфиопии Али Риза Чолак, – открытость ко всему миру. У нас не должно быть проблем ни с одним государством. И в этом позитивную роль играют школы, открывающиеся во многих странах мира. Россия для Турции всегда оставалась хорошим партнером как в политике и экономике, так и в социальных вопросах. Открывайте русские школы в Турции – мы только будем рады этому. Благо, интерес к русскому языку довольно высок в Турции.

Турецкую культуру в Эфиопии представляет и ресторан турецкой кухни. Его директор Мехмет Чилдирим, 11 лет проработавший в России в качестве преподавателя турецкой школы в Бурятии, говорит по-русски так грамотно, что не удивиться этому было нельзя. «Язык объединяет народы, государства», – сказал он. – «Я с вами говорю на вашем родном языке – вам же приятно? Я до сих пор скучаю по России. Ваша страна дала мне много – и культуру, и профессию, и многочисленных друзей, с которыми охотно переписываюсь. Многие из выпускников бурятской (турецкой) школы стали образованными людьми. Трудятся в разных государствах, знают по четыре иностранных языка, которым мы их учили. К сожалению, российские власти закрыли школу… Мне так жаль учеников и их родителей, которые желали продолжения нашей мирной работы! Уверен, пройдет время, все встанет на свои места и в России поймут, что в образовательной среде должна быть здоровая конкуренция как школ, так и преподавателей. Я занялся предпринимательской деятельностью, но душа осталась в школе».

Во время нашего разговора в ресторан пришли русские. Мехмет представил меня в надежде приятно удивить их. К сожалению, на их лицах не заметил особой радости, скорее наоборот. Такие ситуации нередки. Нам, россиянам, еще долго надо учиться толерантности.

Ресторан Мехмета прост, но его радушие снискало здесь большой авторитет. Работники дипломатических служб

разных государств здесь постоянные клиенты. Танцпол весь в эфиопских мелодиях и редких красавицах.

Вернувшись в «Хилтон» спросил про Клементьева. Оказывается, слег: зуб болит неимоверно. Лезет на стенку. Пришел к нему в номер. Стало жалко – флюс заметно изменил его облик.

– Борис, открой рот шире! – скомандовал я. С трудом удалось заглянуть внутрь.

– Так это же ерунда, мой друг! – обратился я к нему так уверенно, что и сам поверил в ерунду. Боря сказал, что не до смеха ему.

– Ты разве не знаешь, что я три курса проучился на стоматолога? Все знают, а ты нет? – эти слова придали уверенность в глазах и надежду на завтрашний день. – Понял, что не мое и бросил…

Французский коньяк в моей сумке пригодился, как и значок с тонкой иглой. Продезинфицировав ее, строго, но с улыбкой попросил довериться «врачу». В глазах пациента пропали остатки радуги, но меня уже ничего не могло остановить. Флюс был у меня в пальцах, а самодельная игла как по маслу пролетела мгновенно. Боря – молодец, хоть произвольные слезы сами по себе покатились по разные стороны розовых щек. Граммы коньяка под названием «так надо» тоже сделал свое дело. Вскоре уснул так, будто в тени и на даче. Утром был как огурчик с бабушкина огорода.

У Клементьева свой врач в Питере. Рассказал ему эту историю и про мое медицинское вмешательство. «Все сделал правильно, видать учился хорошо, зря бросил», – передал мне слова специалиста по зубам. Только тогда Борис узнал, что никакого отношения к стоматологии не имею, если не считать того, что моя младшая дочь стоматолог.

В Эфиопии есть «Дом российской культуры», жалкое напоминание Дома дружбы. Трехэтажное здание выглядит убого, больше напоминает сельпо. В примыкающем к нему сарае полно непонятных автомобилей далеко не с дипломатическими номерами. На первом этаже местная молодежь разучивает танцы (не русские – эфиопские), на втором – бар, в котором готовят местные блюда, на третьем располагается аудитория, где, по рассказу директора Дома, проходят курсы русского языка, но эфиопы занимаются там далеко не российской тематикой. «Партам и стульям сорок

лет», – гордо рапортовал директор. Я вспомнил детство, лескенскую восьмилетку. Там были такие же старые парты, но ученики выигрывали республиканские олимпиады по математике, химии, физике! Потому что там работали педагоги от бога – директор школы Р.Б. Хидиров, учителя начальных классов В.А. Дзоблаева, Дз.А. Караева, Л.А. Аршиева, Н.И. Хатагова, А.Т. Кцоева, Э. Елканов, А. Бериев и другие.

А в целом мы очень похожи на эфиопов по внутреннему содержанию. Они далеки от оперативности, больше всего любят откладывать на завтра. То ли мы на них так действуем с 70-х годов, то ли они сами по себе были такими. Лентяи. В году двести с лишним праздников в стране. У местных чиновников одним из наиболее распространенных слов является «эшинэга», что в переводе с амхарского означает «хорошо, зайдите завтра». По такому принципу и трудится народ в Эфиопии. Так что, чуда по типу китайского там не ожидается. Хотя китайцы сами активно входят в африканский бизнес – строят дома и дороги. И другие страны осваивают африканский континент, а от российского присутствия, кажется, остались старенькие «Жигули». Правда, их там много. Доживут ли до нашего очередного приглашения в Африку?

Некоторые вопросы так и оставались открытыми. Как, например, то, что аэропорт предельно высокий, примерно с 8-этажный дом, и был покрашен в белый цвет, из-за чего его можно спокойно принять за точку координат для приземления. Странность еще и в том, что высота неимоверная, а этаж один! Отряды ласточек круглогодично вили в нем гнезда, размножались, охотно какали на пассажиров. Строили наши. Вход туда и после реконструкции остался один-единственный, из-за чего все и продолжают 2-3 часа стоять в огромной очереди. По отзывам в интернете всем почему-то нравится роскошный туалет и только. Их понять можно.

В посольстве работал студент Ватаньяра Саидовича. Думали, сейчас сработает дипломатический статус, и мы пройдем без очереди. Нет. «Первый раз, когда собрался в Россию, подошел к входу и представился. Полицейский показал мне в сторону хвоста очереди. Я ему говорю, что во всем мире так. Прозвучал четкий ответ: «Это не весь мир, это Эфиопия», – рассказал дипломат. А были времена, когда

при слове «советский» даже представители малочисленных племен Сури и Мурси ликовали от радости. Время диктует нравы и предпочтения, оно же их меняет.

Встретился с человеком, который мог бы мне помочь в моем любопытстве. Он учился в Москве и хорошо говорил по-русски.

– Во сколько мы можем поговорить сегодня? – спросил я у него.

В ответ услышал привычное: «Эшинэга».

Подали трап. Я поднимался с одной только мыслью: «Хоть бы за мной не примостился тот немец в коричневых туфлях». Мне повезло.

Есть ряд проблем, связанных с подготовкой специалистов в различных сферах, но я, по известной и объяснимой причине, остановлюсь на отдельных аспектах организации образовательного процесса на факультетах и институтах журналистики. Во-первых, данная творческая специальность во все времена считалась штучной, то есть подготовкой таких кадров занимались исключительно в центральных вузах с высокопрофессиональной кадровой политикой. Большинство педагогов были известными на всю страну теоретиками и практиками, умело совмещающими лекторскую деятельность с деятельностью в различных теле- радио и газетных редакциях. Система была апробирована многими годами упорной работы по совершенствованию подготовки творческих кадров.

С падением СССР и сменой идеологии в стране грянул хаос и в образовательном пространстве. Наряду с огромным количеством юридических и экономических специальностей, стали открываться отделения и факультеты журналистики при государственных и частных вузах. Кстати, в одном городе подготовкой журналистов занимались при автопредприятии. Вместо дипломов пошел конвейер корочек. Мало кого интересовала эффективность такой организации учебного процесса. Лет пять назад, когда началось объединение профильных вузов, во многих из них специальность «журналистка» стала закрываться. Но, опять-таки, полумеры мало что изменили в общем контексте данной темы. Сегодня основными центрами подготовки журналистских кадров общепризнаны следующие двадцать вузов: МГУ им. Ломоносова (г. Москва). СПбГУ (институт жур-

налистики ВШЖиМК, г. Санкт-Петербург). РУДН (г. Москва, г. Сочи). СамГУ (г. Самара). СПбГУ (факультет свободных искусств и наук, г. Санкт-Петербург). НИУ ВШЭ. МГИМО (г. Москва). ТГУ (г. Томск). КФУ (г. Казань). УрФУ (г. Екатеринбург). НИУ БелГУ (г. Белгород). ДВФУ (г. Владивосток). РАНХиГС (г. Москва). ВГУ (г. Воронеж). МГЛУ (г. Москва). МПГУ (г. Москва). ННГУ им. Лобачевского (г. Нижний Новгород). ТулГУ (г. Тула). КубГУ (г. Краснодар). ЮФУ (г. Ростов-на-Дону). В СССР было 23 факультета журналистики. Если к вышеназванным прибавить факультеты в национальных республиках, их количество, как минимум, удвоится.

Я и сам был участников создания факультета журналистики при СОГУ им. К.Л. Хетагурова в 1988 году, а потому мне хорошо известно, какие только причины не находили для актуализации вопроса. Этот хаос прошел и настало время внимательно изучить вопрос о сокращении количества таких центров. В столичных и отдельных провинциальных вузах есть все для обслуживания потребностей в журналистских кадрах в масштабе всей страны. Что касается провинции, то лучше применять испытанную целевую форму. Сэкономленные средства направить на усовершенствование технического потенциала факультетских студий и развитие студенческих инициатив. Дефицита не будет, так как тысячи дипломированных журналистов не могут трудоустроиться по профилю. Мы просто продолжаем обманывать себя. Время изменилось. Сегодня несколько журналистов могут выпускать республиканскую газету. А о районной печати если только замолвить словечко. Ее нет давно. А что есть – это не журналистика. Это мое личное мнение. Если что не так, не в обиду, коллеги.

Понимая на примере своего факультета острую нехватку ряда компетенций, связанных с прохождением производственной практики и развитием общего кругозора, мы приложили много усилий для исправления столь неадекватной методики подготовки профессионалов. Недавно министр науки и высшего образования РФ Валерий Фальков в прямом эфире радио «Комсомольская правда» сказал, что «149 вузов по всей стране устраивают студентов на работу, чтобы помочь им справиться с финансовыми трудностями». Мы уже тогда поняли, что другого выхода нет, ибо казна не справлялась с запросами институтов. С другой стороны, как

можно журналистов готовить без новейшей техники. Пустые стены и «говорящие головы» штучный товар не осилят. До сих пор во многих вузах имеет место подобная картина. Сколько угодно ФГОСов не декларировало министерство и не требовало обеспечения медийной техникой, обучение продолжается «на пальцах». На выходе полуфабрикат – полужурналист, в лучшем случае, а по факту – человек с корочкой журналиста.

Студенты сами стали инициаторами создания собственной редакции газеты «ШВР» (Школа-Вуз-Работа). Четыре полосы цветного ежемесячного издания в 999 экземпляров стал первым экспериментом по профилю учебы. Наряду с общеуниверситетской газетой «МИР ГУСЭ», редактируемый автором ряда учебников по теории и практике журналистики, профессором кафедры Валентином Ворошиловым, студенческая газета была более свободной от конъюнктуры.

Пост из интернета: «Вышел первый номер газеты "Ш. В. Р", что означает "Школа-Вуз-Работа" – проект студентов – журналистов 1 курса. Скажу прямо, «первый блин комом» не получился!!! А, наоборот, свет увидел добротный, богатый различной информацией об университете. Редкий вуз может похвастаться тем, что первокурсники издают ежемесячную, глянцевую, цветную, на четырех полосах, газету. Характеризуя издание, можно отметить слаженный коллектив редакции, состоящий из будущих ценителей русской словесности Анны Яблонской, Виктории Галчинской, Дарьи Морозовой, Ирины Марамзиной, Марии Шикломановой и Анны Казацкой. Кого-то нельзя не отметить за удивительный, мягкий и, в то же время, точный голосок, ласкающий красоту мира книг. А кто-то резче ставит вопрос о строгом отношении к себе, как журналисту, чтобы в будущем не стало стыдно им представляться. Есть и любители спортивных удач и поражений, грациозности спорта и закалки духа. Радует информационный блок о столь разных мероприятиях вуза и не только. Кто-то уже сегодня мечтает стать в своей профессии настоящим! Это хорошо! Есть и почерк тех, кого с первого раза и не заметить. Между тем, их работа не менее актуальна в деле издания печатного органа – это фотограф и журналист Георгий Агузаров, строгий корректор Карина Галимуллина. А для многих открою одну тайну – что в теории, что в практике современной журналистики, на-

званным студентам было бы куда труднее, если бы не их наставник и друг по институту – студентка 4 курса, главный редактор лицензированной газеты «Васька», журналист Ксения Лурикова. Спасибо ей за столь активную позицию в деле профессионального кураторства. И осталось сказать о редакторе – человеке, который берет на себя ответственность во всем – в корректуре, тщательной вычитке, содержательной обработке и т. д., моих нагоняях, без которых – ну никак!!! Это редактор и дизайнер "Ш. В. Р. " – Алена Смородина. Уверен, сокурсники нашли для нее особые слова благодарности, ибо без ее навыков и рвения нам пришлось бы нелегко и непросто!! Так держать!!! Ждем второй номер!!! Удачи! Это ваш первый и очень заметный шаг в будущее!!»

Вскоре о газете узнают и в Москве: Федеральное агентство по делам молодежи и АНО «Центра Новой молодежной политики» прислали приглашение на межрегиональный молодежный форум «Студенческий марафон» и благодарственное письмо в адрес победителей всероссийского конкурса в номинации «студенческая пресса» Ксении Луриковой, Марии Олейник, Алене Смородиной, Валерии Огановой, Георгию Агузарову. В это же время нас ждал Стамбул – город мечты и грез. Неоценимую помощь в организации ежегодной практики в одной из самых влиятельных ежедневных изданий Турции «Заман» оказал руководитель Русско-Турецкого культурного центра в Санкт-Петербурге Аднан Озтюрк. Газета помимо Турции на тот момент распространялась в Австралии, Азербайджане, Болгарии, Германии, Румынии, Казахстане, Кыргызстане, Македонии, Туркменистане и США. Корпункты существуют в следующих мировых столицах и крупных мегаполисах: Вашингтон, Нью-Йорк, Брюссель, Москва, Каир, Баку, Франкфурт, Ашхабад, Ташкент, Бухарест, Алма-Ата.

Решено было сперва лететь в Турцию, а оттуда в Кисловодск. Четырнадцать практикантов взяли курс на Стамбул. И так каждый раз до ноября 2015 года, когда российский Су-24 в Сирии был сбит ракетой «воздух-воздух», выпущенной истребителем F-16C ВВС Турции. Через год вновь наступил очередной политический катаклизм в Турции – попытка государственного переворота. Последний факт сыграл против Русско-Турецкого культурного центра и его сотрудников,

вынужденных покинуть пределы России. Уникальный турецкий уголок в Питере, являвшийся примером для многих других центров, прекратил свою деятельность. Хочется от имени моих студентов выразить сочувствие и признательность всем, кто так усердно и бескорыстно помогал в образовательных проектах и оставил глубокий след в сердцах молодежи. Аднан Озтюрк, Сельман Гюлен, Али Туркелли, Исмаил Таас, Саффет Устюндаг, Эбубекир Шахин и другие, кто был всегда с нами в многочисленных культурных проектах – спасибо вам за все!

Так, постепенно студенты-журналисты стали понимать важность расширения кругозора и вникать в то, что мир не заканчивается Владикавказом и Тихорецком, Курском и Хабаровском, тем более Лескеном. Множество встреч с известными журналистами Ближнего Востока, с историками и литераторами Турции на всю жизнь оставили заметный след в сердцах и помыслах растущего поколения. Наша бригада объездила ряд крупных городов России, таких как Казань, Калининград, Курск, Москва и ряда других, но недоставало заграницы. Какова она, жизнь, за пределами родины? Пока сам не увидишь и не услышишь на месте – не поймешь. Все остальное второстепенно. Порой нам, взрослым, невдомек, что учеба в вузе не заканчивается лекторством. Поездки и другие мероприятия сплачивают коллектив, а значит новые высоты брать куда легче. Гранты и конкурсы всероссийского масштаба стали по плечу моим ребятам. Студентка Алена Смородина прочитала лекцию в БФУ им. И. Канта, а также доклад в МГУ им. М.В. Ломоносова, а в СПБГУ ее реферат был признан лучшим. Анна Казацкая, будущий редактор газеты «ШВР» выиграла все премии Смольного, дважды становилась стипендиаткой правительства России, лауреатом Всероссийского конкурса от Росмолодежи. Ряд студентов за период учебы стали авторами многих научных публикаций.

Вернемся ненадолго в Стамбул. Как правило, мы прилетали поздно вечером. В нашем распоряжении на период практики находился 16-местный «Мерседес». Пользуясь такими привилегиями, как можно было сразу заселиться в отель – всегда четыре звезды в центре города. Мы сперва направлялись в излюбленное место – одна из первых в городе кальянная «Али-Паша Медресе», основанная в 1716 году. Кальян, или «наргиле» на турецком, значимая составляю-

щая турецкой культуры. Курение наргиле – это спокойное времяпрепровождение в кругу друзей. Кстати, здесь самый вкусный грушевый чай. К кальяну, как правило, не спрашивая подают тарелочку фруктов и орехов. К ночи возвращались в отель и к утру все засыпали восточным сном. Только Гошу Агузарова и Фурика Мирзода нередко подводил будильник, зовущий на богатый шведский стол, и на то были веские причины: до утра могли готовиться к предстоящим будням производственной практики.

Это был короткий штрих к нашим образовательным проектам, до сих пор зовущим вдаль, где один из минаретов Айя-Софии черным стражем смотрит на Византию времен Кирилла и Мефодия. На утро муэдзин встанет лицом в сторону Каабы и азан призовет людей к намазу, желая добра и процветания всем, в том числе и моим студентам.

Пока студенты занимались вопросами практики, мне удавалось назначить встречи с коллегами и друзьями, проживающими в Стамбуле. Бессменные атрибуты наших встреч: кофе по-турецки, вид на Босфор и кальян. Мы многое перенимали друг у друга, даже какие-нибудь мелочи из традиционного уклада жизни россиян и тюрков. Это давало больше многочисленных деклараций и призывов к миру между народами. Коммуникация творит чудеса: рождаются идеи и методы к их воплощению в жизнь. Именно такую форму сближения наций избрала для себя «Платформа «Диалог-Евразия» международная общественная организация, созданная в 1998 году. Активное участие в ее деятельности принимают ученые, общественные деятели, писатели, журналисты, деятели искусства из более чем дюжины стран Евразии. Председателями ПДЕ в разное время являлись: писатель Чингиз Айтматов; Ростислав Рыбаков, профессор, доктор исторических наук, директор Института Востоковедения РАН; Анар, председатель Союза писателей Азербайджана; Ильбер Ортайлы, профессор, доктор исторических наук, генеральный директор дворца-музея Топкапы в Турции; Нурлан Оразалин, председатель Союза писателей Республики Казахстан и другие наши замечательные современники.

С 2000 по 2014 год издавался международный ежеквартальный культурно-интеллектуальный журнал «ДА». Символичное название от первых букв Платформы «Diyalog Avrasya» и русского значения согласия способствовало

развитию диалога между народами. Девизом издания является фраза: «Диалог начинается с «ДА»! Конечно, было, о чем поговорить, так как под флагом «ДА» в Стамбуле и Анталии проходили масштабные мероприятия с участием 700 гостей из-за рубежа. Не могу не отметить Сезера Чакмака – координатора программ Международной организации «Платформа «Диалог-Евразия» по Российской Федерации, сделавшего многое для развития отношений между двумя государствами.

Но на этот раз намеченная встреча сулила еще больше позитива и волнения.

Немного истории. Во второй половине XIX века осетины, как и многие другие северо-кавказцы, стали мухаджирами (вынужденными переселенцами). Мухаджирами называли сподвижников пророка Мухаммада, ушедших с ним из Мекки в Медину в 622 году. Не буду вдаваться в подробности – вы сами знаете почему это произошло. Основная причина – окончание Кавказской войны 1817-1864 годов. Российская империя полностью присоединила Северный Кавказ.

Факт: немалая часть горцев ушла в Турцию, не восприняв религию и нравы победителя. Какие тяготы выпали на их долю – об этом лучше не писать здесь, чтобы не расстраивать кого-то из вас. Одно предположу – муэдзин не сдержал бы слез, увидев картину нищенства, бесправия и безнадеги. В таких условиях выжить практически было нельзя… Но так распорядилась Земля, а значит Всевышний, что выжили, вынесли все, что не по ноше было и вопреки устоям самой реальности. Если расскажу их историю, вы будете перед сном вспоминать и расстраиваться, а кто-то за рулем задумается и не услышит сигналов, и не заметит опасность, а другие просто не поймут и скажут: «не может этого быть». Поверьте, это так. Но, что меня давно удивляло, это сила родного языка. Как он смог сохраниться? Какая должна была быть жилка или нерв в человеке, чтобы он устоял перед той картиной, о которой без сумасшедших слез и говорить трудно…

20 апреля 2014 г. встретился с Мутлу Цорити (Мустафой). Пятое поколение фамилии Цориевых. Вот и считайте, сколько прошло лет с шестидесятых годов XIX века, а он свободно говорит на родном дигорском.

Дворец Топкапы, мечеть Султанахмет, собор Айя-София – одним словом, это сердце Стамбула – площадь, вмещающая десятки тысяч людей, бурлящая разноголосьем и трепетом вдохновения. Здесь оживает история. Византия. Ты начинаешь ощущать себя в далеком прошлом, причем сам этого не понимаешь, как так можно…

Мы созвонились с Мутлу (Мустафой) и он назначил встречу в кафе «Дервиш», в котором кофе мне нравится особенно, да и персонал меня знает который год по имени Эфенди! Условились встретиться, но это непросто – народу столько, что любой может заблудиться в метре друг от друга. Я привстал. Смотрел в сторону Султанахмета. Незаметно подошел к незнакомцу и произнес: «Мутлу, да бонта хуарз!» (Доброго дня тебе, Мутлу). Он оглянулся, и мы обнялись: «Агас арцо ме нсувар!» (Здравствуй, брат!) – ответил он. Кажется, и переводить не стоит это – и так ясно – я узнал его. Но как из сотен рядом стоящих людей смог его вычислить – это до сих пор остается загадкой. А может это и есть то, чего до сих пор понять не в силах, что передается по крови? Он спросил: «Как ты узнал меня?» Если бы я мог на это ответить!

Мутлу, а по-настоящему, Мустафа Цорити, до семи лет не владел турецким языком. Только в школе начал познавать свой государственный турецкий язык, на котором теперь говорит блестяще. Между тем, при нашем общении он не употребил ни одного турецкого слова, кроме цифр. Вот вам и сила материнского языка. Я человек любопытный и меня всегда интересуют мелочи жизненного быта, особенно в доселе непознанном восточном или африканском мирах.

– Скажи, Мустафа, ты себя называешь ирон или дигорон, ведь ирон означает – осетин, как общее собирательное выражение идентичности нации? – спросил я.

– В Турции между нами этот вопрос нередко встает при встречах наших земляков в Стамбуле или Анкаре. Если мы, старшее поколение, относимся к этому с усмешкой и можем себя называть ирон или дигорон, не ощущая разницы ни в чем, то молодежь, которая прибывает в центр (Стамбул, Анкара, Бурса), относится к этому с недоумением: их понять можно, ибо дигорские села испокон веков дигорские и разговор ведется исключительно на дигорском и идентифицируют себя как дигорон. И они переспрашивают: а почему

я должен называть себя ирон, я же – дигорон. И многие с этим согласиться не могут, ничего не имея против. Все мы понимаем, что у нас корни одни. Вместе с тем, против своего детства и прожитого времени никто не идет. И это нам, собственно, не мешает, – ответил он.

– А вы свободно общаетесь между собой на родном языке?

– Нет, – сказал он. – Мы преимущественно говорим друг с другом (иронцы и дигорцы) на турецком, потому что плохо понимаем, во многом переспрашиваем друг друга и для удобства пользуемся турецким.

Это, конечно, удивило меня, потому что в России такой существенной разницы нет и дигорцев вполне сносно понимают иронцы. А дигорцы, как правило, свободно разумеют иронскую речь и также свободно, правда со свойственным дигорским акцентом, переходят на иронскую речь. В целом, если сравнивать осетин в Турции и России, то можно смело говорить, что осетины в России, конечно, достигли большего в плане продвижения нации и самого себя как личности. В Турции осетин во власти или в большом бизнесе нет. Нет и интеллигентной прослойки. Мне было не совсем уместно и этично спросить Мустафу об уровне достатка в осетинских семьях, но понять было нетрудно, что живут они скорее, как середняки, чем в достатке. Родиной своей в душе они Турцию до сих не считают. Все знают, что есть Осетия в России, откуда они родом и осетинская земля остается родиной (на мадалон занха). Скучают они по ней или нет – трудно сказать, потому что много воды утекло с тех времен и мне не показалось, что им не комфортно без Осетии. Но их здорово все интересует: что с нами происходит. В речи он, правда, не употребил ни разу слово «Иристон», говорил только «Дигора», но именно это слово олицетворяло всю Осетию, всех осетин. У меня создалось впечатление, что Дигора или Иристон для них однозначны, и разницы не находят и в этом, собственно, нет никакой проблемы. За время нашего разговора не раз позвонил из другого города Золойти Алихан, дядя Мустафы, который и познакомил нас. Также легко и непринужденно говорит на дигорском. Ему так хотелось оказаться с нами! И Мустафа немедля отправил ему наше фото. Мы еще долго общались. Кофейные чашки сменялись сами собой. Он больше спрашивал про дигорские села, про

лескенских Тайсаевых, а меня мысли уносили в их прошлое, когда пешком и на арбах добирались к Черному морю, а там на корабль – кто в небытие, а кто к мечте.

Впервые услышал родную речь в конце восьмидесятых годов прошлого века во Владикавказе от Халиса Асети, полковника турецкой армии. Родился он в Турции в 1926 году в осетинском селе Хулюк. Первым из Асеевых в Турцию уехал его дед, Магомет Созоевич Асеев, 1856 года рождения, получивший высшее образование в университете «Аль-Азхар» в Каире. Асеевы и в советское время подверглись преследованиям и вынуждены были бежать в Турцию. В 1950 г. Халис женился на кабардинской княжне Сервере Казиевой. У них родились два сына. Оба стали офицерами.

Впоследствии, с падением занавеса между нашими странами, стало возможным посещение осетинских сел в Турции и России. Удивительно, в школьные годы никогда не слышал, что на Ближнем Востоке живут наши братья. Это упущение. И сегодня мы наступаем на одни и те же грабли, упуская из виду проблемы осетин вне Осетии. В какой-то степени они лучше нас знают родной язык, несмотря на убогость положения, в котором оказались в середине XIX века.

Первым осетинским поэтом считается Темирболат Мамсуров (1843-1899), один из мухаджиров. С 1857 года он обучался в Петербургском кадетском корпусе. С 1860 года служил в Чугуевском 11-м уланском полку. В 1865 году ушел с военной службы и переехал в султанскую Турцию. Скончался в 1899 году в Османской империи. Между тем мало кто о нем знает в Осетии как о первом осетинском поэте. А кто побывал на его могиле? А где он похоронен? Нам должно быть стыдно, согласитесь. В интернете тоже не найти. Пора и во всех отношениях лучше спуститься на землю и нащупать горсть земли под ногами, нежели витать в облаках…

Благодаря ученому из Осетии Диане Сокаевой и ее турецким связям, удалось узнать, где жил и умер первый осетинский поэт и мухаджир Темирболат Мамсуров. Это округ Токат, район Батманташкей. По сообщению Саттреддина Кусова, председателя осетинской общины в Турции, само место захоронения уже не найти. Здесь жили чеченцы, кабардинцы, а также немного иронцев, которые постепенно ассимилировались со всем кабардинским. Сегодня там еще

есть осетинские фамилии, но сами осетины разговаривают исключительно на кабардинском. В Ленинграде со мной учился Фарид Кушха из Сирии, знавший, что он Бероев – осетин, но знал язык, обряды и традиции только кабардинские. История напоминает, что надо бережно относиться к настоящему, чтобы будущее оставалось самим собой.

Не думаю, что скоро наступит время, когда мои земляки делегацией из Осетии направятся в Батманташкей с целью чествования памяти Темирболата – первого осетинского поэта. Нам бы просто сохранить клочья исторической памяти хотя бы на бумаге. Вдруг реки начнут течь вспять и будущие поколения вернутся в наше сегодня и пойдут дальше в поисках своего начала. Все это касается не только осетин, но я стараюсь не вторгаться в проблемы других наций, ибо там есть своя интеллигенция, не меньше меня знающая обо всем сказанном выше. Одно точно: от незнания и непочитания своей истории будут рождаться новые противоречия, вырастающие в более острые катаклизмы. Отсюда антагонизм, противостояние, разрозненность, войны и исчезновение. Сегодня мы забываем свое прошлое, вместе с ним родной язык, а значит дальше будет еще сложнее понять свою самобытность.

Редкие потуги по сохранению родного языка, при этом совсем не владея темой, по типу откуда берет начало тот же осетинский, диалектная раздробленность и вечный спор «дигорский-иронский», или кто мы в целом в сегодняшней реальности: скифы, сарматы, аланы или еще кто-то, приведут к большей разобщенности в целом. Директивно такие глобальные проблемы не решаются. Только трезвая гуманитарная наука и интеллигенция могут привнести ясность для будущих поколений – истину, правда, тоже не бесспорную, но так устроен мир. Но как развивать науку без финансовых субсидий и государственного мышления и, конечно, политической воли? Одни вопросы.

Как-то общался по телефону с моим коллегой, доктором политических наук, профессором и поинтересовался, почему тот не пользуется бесплатными звонками по «ватсап». Ответ его и сегодня звучит в ушах: «Надо же для этого иметь соответствующий, сенсорный телефон. У меня он кнопочный, старый, не могу себе позволить такую роскошь…». Известный в науке человек работает в двух университетах,

экономит на всем, лишь бы хватало на нужды семьи из шести человек, трое из которых школьники. Непьющий и некурящий. А мы еще о чем-то высоком говорим. Это в Осетии, а как живется заведующему кафедрой, доктору наук, профессору, к примеру, в крошечном Израиле? Надеюсь на комментарий моего друга, доктора политических наук, профессора Дмитрия Островского.

Впечатляющее большинство в России живет от аванса до зарплаты, от пенсии до пенсии: только получим первое и через неделю молимся на день получки, а потом наступает та же сцена и в ожидании аванса грызем ногти и собственные мысли, сбивающие сон в ночи. Это в лучшем случае, если сотрудник той или иной кафедры удостоился полной ставки, а простой обыватель рад и тому, что с утра уходит на работу. Мне вспомнился случай: был у себя в селе, где к тому времени закрылся единственный «остров счастья» – филиал Алагирского завода сопротивлений, а совхоз имени Ленинского комсомола еще до того обещал долго жить. Разговорился с одним сельчанином. «Мне бы с утра направляться на работу и вечером оттуда возвращаться, чтобы дети видели, что отец не бездельник, а чем-то занят. Стыдно, очень стыдно!», – сказал он. Речь уже не идет о сумме заработка. Хотя бы чувствовать себя мужчиной в семье. Многие живут в надежде дождаться «заслуженного отдыха» и получать от государства хоть какие-то гроши под названием пенсия. Если бы это рассказать жителю какой-нибудь глубинки в Германии, которую одолели в Отечественную, наверняка бы тот не поверил.

У моего друга Анзора по соседству жил девяностолетний старик, прошедший войну с фашизмом. В одно время попал в плен и был заключен в лагерь в Польше. Редко, но случалось, когда состоятельные поляки приходили к надзирателям и просили на время пленных солдат для ведения каких-то временных работ по хозяйству. Это что-то по типу гастарбайтеров нынешней эпохи или солдат срочной службы девяностых годов, строящих дачи неизвестных генералов. Ему и одному украинцу однажды улыбнулось счастье: одинокая женщина лет пятидесяти, с дворянской родословной, «выкупила» их у начальства лагеря. Два месяца работ по хозяйству и домашняя еда, что ты еще хочешь?! Не жизнь, а малина. «Сегодня долго вспоминал прожитые

годы и задал себе вопрос, а когда, в какой период я жил лучше всего? Пришел к выводу, что в те два месяца. В плену...», – подытожил старейшина.

Что же с нами происходит? Где мы не туда свернули? Одни вопросы. И самое страшное в том, что ответы знаем все мы.

Турция – многоликая страна с историей и восточной улыбкой стала для меня и моих студентов очень близкой, родной. Эту любовь привил нам Русско-Турецкий культурный центр. Сотни депутатов, ректоров вузов, профессоров и простых граждан Санкт-Петербурга становились участниками российско-турецких мероприятий в городах, где виден сказочный Босфор и как чайки ловят рыбу и кормят птенцов. Дни России в Стамбуле, пушкинские дни, фестивали русской песни, олимпиады на знание русского языка среди школьников – все бесплатно. Это сколько денег нужно было потратить, чтобы россияне из разных городов страны прилетели на такие массовые международные фестивали? Культурный центр был полностью вне политики: они с самого начала определили свою задачу – содействие укреплению дружбы между двумя странами. Участники наших конкурсов «Невское перо», «Выбор», «ШВР» были из десятков городов России, и мы проводили все церемонии на их площадке, так как нередко дата проведения совпадала с праздничными или выходными днями. Снимать в аренду мы, конечно, не могли. Только культурный центр предоставлял такую возможность бесплатно, на своей, арендуемой ими на Невском проспекте, площади.

Что касается нашего любимого, ласкающего ухо, слова «бесплатно», то турки с самого начала поняли, что все, что связано с россиянами, все за счет приглашаемой стороны. Правда, ни разу не дали возможность даже подумать об этом – культура хозяина положения и гостя у восточных народов разнится с другими. Привожу примеры. Десятки раз приезжали делегациями, в составе которых высокопоставленные чиновники города на Неве, а также Москвы, в том числе депутаты Государственной Думы и не только. Также и группы моих студентов-практикантов. Уже в аэропорту «Ататюрк» оказывались в объятиях встречающих. Через полчаса в ресторане. Потом в роскошных отелях, как правило, в центре Стамбула, где вид на площадь Султанахмет пора-

жал воображение, а закат солнца оставался в фибрах души навечно. И так каждый раз. Надо отдать должное всем учреждениям общепита, гостиницам, редакциям, агентствам и университетам – это они становились спонсорами для многочисленных делегаций. Студентам оставалось только оплатить авиаперелет в обе стороны.

Культурная программа, сопровождавшаяся частыми посещениями кафе и ресторанов по желанию, музеев мирового значения – все бесплатно. Студенты, оказавшись в общепите, удивлялись огромному количеству яств. «Заказывайте из меню все, что только хотите и сколько хотите», – весело оглашал сопровождающий накануне наших путешествий. Это был если не рай, то коммунизм, к которому стремились со школьных лет. Совсем не так, как у нас в Питере, когда заранее составляли гостевой бюджет с тремя блюдами, ничуть не справляясь о предпочтениях незнакомых людей. Тут не пахло борщом, котлетой с макаронами и чайным напитком.

Во время наших посещений и встреч с руководством телекомпаний или информационных агентств, за несколько минут до начала, сопровождающие с турецкой стороны раздавали нам питерские сувениры: большие тарелки с изображением достопримечательностей города в красочной дорогой упаковке, наборы кружек и чашек в том же обрамлении и тому подобные вещи. Они выручали нас, что если ты в гости едешь, то, как правило, какой-то сувенир в подарок – обязательный атрибут. Я не говорю про студентов, но и взрослые россияне, далеко не бедные, не отличались в этом ни от кого. Между тем, нередко, в ресторанах Стамбула форма «все включено» давала им возможность испытать на твердость те или иные напитки, о которых знали понаслышке или по количеству этиловых градусов. Особенно ярко эта картина всеобъемлющей борьбы против трезвости выделялась в период проведения международного экономического форума в отеле «Риксос» в Анталье. Россияне стойкие, а потому могли и до утра праздновать. Но отдельных участников из братских среднеазиатских республик нередко доставляли в номера в роскошных колясках для инвалидов. Кажется, перед тем, как вырубиться, они думали не о тяжелой жизни среди хлопководческих хозяйств, а расстраивались, что больше не могут осилить. Официанты

и состав сотрудников гостиничного ресепшна также мило продолжали обслуживать всех, в том числе дорвавшихся до халявы: любой каприз не за их деньги.

Дорога назад, в родные пенаты, со многими сувенирами с картинками Айя-София и Базилика, Топкапы и Султанахмета, подаренными принимающей стороной, радовала глаз от увиденного и услышанного. С набором высоты, окно коммунизма вскоре пропадало в небе над городом чудес по имени Стамбул.

По прилету в Пулково стало понятно, что через десять часов мы должны оказаться в Кисловодске на Всероссийском молодежном форуме, где мои ребята желанные победители. Кое-кто решил заехать в общежитие, другие остались в аэропорту. Вскоре мы вновь оказались в небе. Усталость взяла верх и некоторым из группы удалось крепко уснуть. Через три часа нас ждали Минводы, Кисловодск и мастер-классы от Алены Смородиной и Гоши Агузарова, Артема Чернухина и Фурика Мирзода, Леры Огановой и других новоявленных корифеев журналистики.

В 2012 году в России открыли для себя вторую Турцию – это солнечная и курортная Мацеста в Сочи. Наряду со множеством творческих проектов необходимо было научить ребят писать другие статьи – научные. Если в традиционной форме изложения мыслей нет особых проблем, то исследовательское чутье прививалось медленно. Это нормально, так как творческая душа требует простора, а наука – емкости и точности выражения. У меня училась очень талантливая девушка из Тихорецка, Анна Казацкая. Равных ей в писательстве, в написании очерка или эссе, просто не было во все времена или, по крайней мере, на моей памяти. Если она участвовала в конкурсе, то первого места не видать никому, кроме нее. Это потому, что боженька, одаривая талантом, ни разу не споткнулся – все по точному адресу. Если Соня Соловьева одним вопросом могла открыть новую тему дискуссии, то Аню, когда она просто общалась, можно было записывать слово в слово и издавать тут же. У нее не было черновиков. Ее кредо – внезапность. Могла выдать литературный опус, которого никто не ожидал. Это всего лишь один процент из того, что бы хотелось о ней рассказать. Во время учебы она вела блог под названием «блох левши»,

и у нее было больше двадцати двух тысяч постоянных подписчиков, а в 2015 году также вдруг и тайно перестала писать. Совсем перестала. Вот и висит блог, брошенный своей хозяйкой, унесшей свою тайну куда-то вдаль.

Так вот, в свое время той же Казацкой я «навязал науку». Но она к ней не клеилась. Даже стала мешать. Вот как устроен человек: «алкаман – ахе» (каждому – свое, с дигорского). Силой не возьмешь ни кусочка литературы, если мысли не пропитаны нервами. Между тем, талант, порой, во всем хорош, но это только кажется. За время учебы она опубликовала 24 научные статьи по проблемам международных отношений, большинство из которых в системе индексирования РИНЦ. Гранты и конкурсы выигрывать для нее, что семечки грызть на летней скамейке. Казалось бы, вот оно, научное признание в молодые годы. Но природа одаренных соткана иначе. Сегодня она признана одним из лучших репетиторов Москвы по литературе. Нашла себя сама. Сколько бы дорог счастья не вилось, талант выбирает лишь одну из них.

Мацеста, наряду с признанным международным статусом, стала родной платформой и для студенческой науки. Институт медиаисследований и факультет журналистики Кубанского государственного университета проводили ежегодную научно-практическую конференцию «Медийные стратегии современного мира» с обязательным последующим выпуском сборника статей. Это была уникальная площадка для будущих исследователей журналистики. Бессменным организатором был известный ученый, доктор филологических наук, профессор КубГУ Юрий Викторович Лучинский. В сочинские оздоровительные комплексы «Дагомыс» и «Спутник» отечественные и иностранные ученые собирались целыми группами. Профессорский состав журфака Кубанского госуниверситета, среди которых декан Н.П. Кравченко, А.В. Осташевский, М.А. Шахбазян, З.Ш. Кидакоева, Р.В. Пантюкова, Г.Н. Немец, Г.М. Соловьев (светлая память) встречали и размещали гостей в комфортабельных номерах. Такого же внимания удосуживались студенты, привыкая к отдельным бонусам от вузовского образовательного процесса. Это был некий остров науки и редкой возможности собираться в начале ноября, когда в Питере уже свирепствовал холод, а в Мацесте 24-26 градусов тепла. Похвально, что в этот профессорский круг была вовлечена

молодежь страны, в том числе из республик Северного Кавказа. Помню, из Осетии приехали Залина Губурова и Зита Мамиева – авторы интересных статей и участники спорных по содержанию дискуссий. Там же познакомился с Ириной Карапетовой, впоследствии написавший под моим руководством кандидатскую диссертацию. До сих пор она – специалист по английскому языку, наша палочка-выручалочка по многим международным проектам.

Организаторы выносили на обсуждение целый ряд тем. Вот названия секций: «Масс-медиа в контексте социокультурных практик», «Религиозная трансформация медиапублицистики», «Медиарегулирование как составляющая гражданского общества», «Личностный и жанровый феномен в современном медиаландшафте», «Литература: идеократия или концепт?», «Public Relations: традиции и новаторство», а также темы для проведения круглых столов: «Кавказ в системе конкурирующих медиастратегий», «Роль вузовской прессы в развитии студенческого самоуправления».

По проблемам вузовской прессы, конечно, тон задавали мои студенты, так как они опробовали столько всевозможных вариантов, что каждый из них мог работать в качестве репортера или редактора. Анна Долгушина, Ольга Сорокина, Алена Смородина, Артем Чернухин, Карина Галимуллина, Аня Казацкая (Кажачкая – прозвище от Гоши), Георгий Агузаров, Мария Олейник, Мария Винокурова, Александр Швидченко, Ирина Стрижова, Фурик Мирзода и другие становились модераторами отдельных студенческих дискуссионных площадок. Обмен опытом если кому-то и был нужен, то именно молодежи. Нередко мы – педагоги не можем дать студенчеству мотивации в учебе настолько, насколько это способна сделать сама молодежь.

Тогда еще командировочные расходы компенсировали вузы, потому коллеги охотно прилетали в Сочи. Наша группа не нуждалась ни в чем, так как грант на два года давал приличную свободу, и с не менее приличными условиями. Культурная программа была насыщенной, но большинство старалось не выезжать за пределы автономного комплекса, выстроенного для олимпийцев. Вечерний шум моря и огоньки редких уже кафе соблазняли на мороженое, другие совершали пешие походы на сопку, где деревянная бесед-

ка. Пили кофе и дарили друг другу восточную сказку Шахерезады…

Все как должно. И так несколько лет, пока не нависла гильотина на такие проекты: бюрократия и отсутствие желания вникать в проблемы студенчества со стороны правительства повсеместно убивало желание что-либо делать. Дышать можно было, но на ладан, а это в наши планы не входило. Ребята постепенно наработали исследовательский опыт и могли в будущем выбрать дорогу в аспирантуру и сделать карьеру. Но реальная жизнь подсказывала обратное: стали уходить на практическую деятельность, где больше платили. А платили там, где журналистка отсутствовала. Мизерные штатные ставки в редакциях отпугивали всех, в том числе моих умников и умниц. Их понять можно было. И пошел народ наниматься к коммерсантам разных профилей. Специальность, которой посвятили жизнь, предательски подавала знаки внимания, и то, перед сном.

Золотые времена идеологии канули в Лету. Ставка на десять рублей вместо одного взяла верх над мечтой и желаниями. Многие стремились в последний год выйти замуж и нарожать детей, радовать стариков, устроить сладкую семейную жизнь. Попробовали. Ровесники оказывались мальчиками, а моим умницам нужны были мужчины. Вот почему некоторые из них и до сих пор держат под рукой ведро с овсом, мало ли, заявится принц на белом коне. Они хорошие, воспитанные и умные, а на улице время настало совсем другое и как быть, и что делать? Одна из студенток хорошо сказала: «Лучше в собаке видеть человека, чем в человеке – собаку». И завела собаку.

Когда государство пускает на самотек образование или, тем более, отдает его на откуп коммерсантам от науки, жди беды. И она пришла, и все еще продолжается исход. Пертурбация русского классического образования, внедрение прозападного формата расшатало нас донельзя. До сих пор народ не привык к бакалавриату, считая его за неполное высшее, а для чего магистратура – приходится объяснять каждому лично. Профессура, оказавшись в униженном положении, особенно в провинции, делает марш-броски от вуза к вузу. Вместо добротной лекции большинство молодежи довольствуются тем, что им и необязательно. Лектор отчитывает свое время, студенты на первом курсе мечтают

заполучить корочку и порадовать родителей. Что будет по окончании вуза – вопрос будущего. Во Владикавказе большинство официанток с высшим юридическим или иным образованием, как и во многих других городах страны. На дипломированных журналистов не хватает ставок в силу избытка кадров и внедрения медийной робототехники, способной выполнять работу за десятерых корреспондентов. При этом теряется смысл не только содержания, но и самого факта выпуска печатной продукции. Интернет в начале девяностых уже начал вытеснять газету. Осталась интернет-журналистика, рассчитанная на прибыль в первую очередь. Об этике журналистики, позвольте, промолчу.

Ряды безработных профессионалов пополняются. Кому-то улыбнется удача, другие станут фрилансерами и таксистами, третьи будут копить деньги на дорогу в один конец. Сколько это будет продолжаться? При современном отношении к образованию – долго. Остается надеяться на прикладные навыки или специальности: если руками могут что-то мастерить, значит смогут постепенно найти себя в частном секторе. А гуманитариям пробивать дорогу в жизнь станет куда труднее или соглашаться на финансовый мизер, по типу направления в глухомань, отдаться медитации и местами ловить интернет.

Часто говорят, мол, живут же все равно. Да, если это можно назвать жизнью. Желательно никуда в Европу не выезжать и не проводить сравнения. Во-первых, там нужны специалисты с профессионализмом в голове, а не на корочке, во-вторых, там нет времени на безделье во время трудового дня, не говоря уже о знании языка. Единицам повезет, но, боюсь они уже школьниками знали обо свем, и были нацелены на это, как и их родители.

С 1 января 2014 года наш Санкт-Петербургский госуниверситет сервиса и экономики вошел в состав Санкт-Петербургского государственного экономического университета как структурное подразделение. Как и ИНЖЕКОН. Без учета мнения ректоров и сотрудников вузов. Мы еще продолжали свои проекты, рассчитывая на собственные инициативы и умение находить финансы. Два года ждали конца журналистики в нашем амплуа. Это мне напоминало сценку из патриархальных устоев, сохранившихся в быту моих односельчан.

Если пожилой человек, лежачий больной в силу возраста или недуга, месяцами прикован к кровати, не подает больше надежд на излечение и не может отойти в мир иной, то старшие в доме пекут «губора» (круглая как колобок лепешка) и по центру комнаты закручивают его как юлу. Ждут окончания круговерти. Если он покатится в сторону больного, значит надежда на выздоровление еще есть. Ежели в сторону двери – это знак того, что больной безнадежен. Чтобы облегчить ему уход из реальности, пекут два пирога. Четное количество – к грустным или вовсе печальным событиям. Старушки-соседки собираются у кровати больного, просят Всевышнего отпустить его с миром во владения Барастра – хозяина ключей от мира мертвых.

После зимней сессии на третьем курсе, полетел домой, в Лескен. Вечер. Дома не оказалось родителей. Спросил у соседки, Венеры Цамакаевой. Оказывается, старушка Лежинка, родственница наша, уже не первый месяц лежит в постели, еле дышит. В таких ситуациях родня часами проводит время в этом доме, готовятся к худшему, терпеливо снося участь больного. Минуты через двадцать я прибыл к ним. Как потом понял, в то самое время, когда больной провели обряд из двух пирогов. Увидев меня все удивились, проговаривая, что только что старушка, не подающая никаких звуков в течение месяцев, произнесла: «Балекка». Это мое прозвище с детства. До сих имеет место быть в сельском пространстве, и соседи зовут также. Мать попросила меня подойти к больной и обнять ее. Я обнял. Через минуту она скончалась. Чистая правда, как все, что вы читаете в моих рассказах про Лескен.

Так, собственно, мы доучивались и доживали. Впереди были последние два года, отсчитывающие звуки метронома. Готовились попрощаться с факультетом, испытавшим победы на многих уровнях и попавший, как многие другие, под колесницу современной истории. Если бы только факультет…

Последние годы функционирования нашего факультета ничем особенным не отличались, разве что меньше стало проектов, к которым привыкли во многих городах страны. Так, два раза посетили красивые города Казань и Калининград. Для многих из студентов открытие новых маршрутов и новых научно-практических конференций было впервые,

так как из года в год контингент расширялся. Одна проблема сменялась другой и по части приема: если во все годы количество бюджетных мест составляло двадцать, то впоследствии все места стали коммерческими. Нас и это не пугало, ибо рекламная и профориентационная деятельность наших форумов обеспечивало относительную стабильность.

В Казани делегацию встречал Нимер Ризкаллах, бывший доцент нашей кафедры и наш большой друг. Ежегодная Международная научно-практическая конференция «Мультимедийная журналистика Евразии: международные медиапроекты, глобальные Сети и информационные тренды Востока и Запада» стала нам также знакомой площадкой. Как правило прилетали в декабре при ощутимом, по-казански холодном и ветреном климате. Но интенсив в действиях, ряд встреч и выступления в Академии Наук и Союзе журналистов вносили теплую волну во все.

Также и в Балтийском федеральном университете: благодаря коллегам Мальвине Друкер, Михаилу Берендееву и Дмитрию Бовину, а также задорному студенчеству, а точнее команде журналистов, все дни пребывания превращались в творческие вечера. Калининградцы умеют встречать гостей. Одна из лучших на Северо-Западе телестудия, лучший в области современной медиатехники Дима Бовин – голова, ничего не скажешь. Только ради его комментариев и различных советов нужно было поехать в Кениг, как по-доброму называют свой город сами калининградцы. Во время поездок, нас принимала первый проректор университета Ирина Кукса, известный администратор образования и лектор по теории и практике связей с общественностью. Ей удалось создать такую пиар-группу из названных выше сотрудников вуза, что оставалось только завидовать, что мы и делали.

Результатом таких поездок стал ряд совместных семинаров по PR и СМИ на разных площадках Петербурга. Более того, мы стали приглашать их в Стамбул и Мацесту. До сих пор эти связи крепнут, и отдельные студенты Мальвины продолжают учебу в магистратуре СПБГУ и СПБГЭУ, где уже несколько лет, как открыли магистратуру и аспирантуру по политической журналистике. Если бы не пресловутая реорганизация, данное направление имело бы в будущем большой успех. Особый интерес к нему проявляли представители Палестины, Турции, Китая. Но когда в затылок дышит

нестабильность, а частые реорганизации и реструктуризации рубят все, что наработано годами, так или иначе и самого лучшего специалиста настигает апатия, неуверенность в завтрашнем дне и личная беспомощность. Ведь и ректоров тоже выбирают на бумаге, дабы сохранить легитимность, а в целом нужна чья-то «политическая воля» в широком смысле этого слова. Тут боженька в расчет не идет, хотя все на него молятся. Нужны связи, родственники и все прилагающиеся обеспечительные меры – назовем это так.

Не забуду случай из той же оперы. Нужна была протекция в одном мирном, заслуживающим моего статуса деле. В такие минуты так или иначе вспомнишь всех, особенно тех, с кем вырос. Могущественные и известные земляки, которыми и сейчас горжусь, что они есть у нашей страны и уверенно представляют малую нацию, и за них кроме радости ничего не испытываю. Один обещал позвонить, другой соврал по-братски, как говорят кавказцы. Годы портят нас, если не дружить с памятью.

Третий, к кому обратился, мой друг с восьмидесятых годов, ленинградец, чиновник. Стал при мне звонить человеку, говоря про меня какие-то приятные слова. «Все это хорошо, конечно, что известный и ученый. Валерий – это хорошо, но он Таказов», – был ответ из трубки. И так два раза. Благодарен другу, что при мне позвонил, иначе мог не поверить или засомневаться, что такое возможно. Вспомнил и другой случай. Это было лет 15 назад. Работал помощником руководителя одной организации, который однажды сказал в глаза: «Хороший ты человек, Валера, да отчеством не вышел». Исходя из того, что на улице двадцать первый век, эти случаи отдают чем-то очень нехорошим. Можете спросить, а сам-то кто в аналогичных случаях? Спросите моих студентов, аспирантов, докторантов – они ответят.

Мы продолжали учиться и жить по своим правилам, где царили взаимопонимание и стремление быть лучшими. Газета «ШВР» также выходила, сперва под редакторством Дарьи Житник (Немец), а после – Ани Казацкой. «Невское перо» продолжило шествие по стране, как, собственно и сегодня продолжает.

В 2016 году уехал в Крым работать в качестве советника главы города Алушты, а впоследствии мэра Симферополя. Понимая, что «Невское перо» или «Школьная конференция»,

берущая свое начало из СОГУ им. К.Л. Хетагурова, и другие проекты исчезнут в коридорах университета, все права на них передал крымскому АНО «Академия журналистики», президентом которой является ваш покорный слуга.

Вот что писали тогда про это в Санкт-Петербурге:

«Известный в стране проект в сфере школьной и студенческой журналистики – «Невское перо» – меняет свой «постоянный адрес». Мероприятия, ежегодно собирающие в Петербург талантливых юных журналистов страны и СНГ, с 2017 года будут проходить на «Лазурном берегу России» – в курортном городе Алушта. Корреспондент SPbSJ.ru встретился с создателем этих форумов, заведующим кафедрой журналистики СПГЭУ, доктором филологических наук, профессором Валерием Дзантемировичем Таказовым.

– Валерий Дзантемирович, несколько слов о ваших проектах, проводимых не первый год в Петербурге и других городах России. Кстати, среди них не только «Невское перо». В чем их отличие от других подобных событий?

– Да, помимо конкурса «Невское перо», планирую «переезд» и других наших проектов: «Школьная конференция в университете», «Фестиваль профессий», газета «Школа-Вуз-Работа». Ведь это своего рода единая система. Наши мероприятия отличаются мобильностью. Мы первыми пришли в российскую глубинку с профориентационным пулом, содержащим в себе широкий спектр информации и богатый по методике проведения мероприятий. Нас надолго запомнили в Курске, Кисловодске, Улан-Удэ, Минеральных Водах, Тихорецке, Чите, Новосибирске, Мелеске, в городах и поселках Ленинградской области. Впоследствии мы вышли на международный уровень. Особо отмечу «Стамбульский медиафорум», ежегодно проводимый совместно с российско-турецким культурным центром.

География весьма широка по охвату и содержанию. Была создана рабочая группа из студентов, которым не все в этом мире безразлично, в том числе и судьба страны. Это не громкие слова! В последние годы в больших городах все меньше уделяют внимания развитию и статусу журналистики, как социальному институту. Разве можно объяснить тот факт, что многие известные газеты в нашем городе закрылись, бюджетных мест на выжившие после объединений вузов факультеты журналистики сократились донельзя? Принято

говорить, что «сверху виднее». С этим я согласиться не могу. Пусть мое мнение будет субъективным, но сила печатного или иного медиаслова строит будущее, придает надежду на позитив, «работает на имидж» страны и ее народа.

Наши проекты не просто дают школьникам и студентам России новые знания в той или иной специализации. Они настраивают молодежь на созидание. Школьник познает секреты мастерства той или иной профессии, студент совершенствует свои навыки в будущей специальности, будучи старшекурсником, знает, где он будет работать. Одним словом, мы выстроили цикл продвижения молодежи со школьной скамьи до производства. Отсюда и наши достижения в региональных и всероссийских конкурсах. Как видите, секрета как такого нет. А есть только желание думать не одним днем.

– В Алушту уедет только «Невское перо» или другие проекты тоже? И с чем связано решение перенести место проведения конференций в Крым? Особенно волнует судьба «Невского пера», привлекавшего в наш город тысячи юных талантов из России и стран СНГ?

– Наш конкурс и другие проекты стали узнаваемыми далеко за пределами города. Санкт-Петербург получал имиджевый плюс, как город-организатор. Между тем, мало кто знал, сколько вкладывается сил для их подготовки. Пользуясь моментом, хочу вспомнить ректора СПБГУСЭ, доктора экономических наук, профессора Александра Дмитриевича Викторова, стоявшего у истоков нашей профориентационной деятельности. С его трагическим уходом из жизни в 2012 году, нам, конечно, стало куда тяжелее. Между тем, мы продолжили работу. Сегодня мы уже состоялись как мобильная творческая группа. Поступали даже предложения «купить бренд «Невское перо». Но мы уверены, что проводником наших проектов должна стать организация, разделяющая наши взгляды на образование и неравнодушная к судьбам юных талантов.

Мы получили приглашения из ряда областей и городов страны, но предпочли Алушту. И даже не потому, что там самый чистый воздух в мире и самое теплое, чистое море – город заслуженно называют Лазурным берегом России. Причина в другом. Глава администрации города Галина Ивановна Огнева, много лет проработавшая педагогом в школе, в разго-

воре со мной, произнесла такую фразу: «Дети – не только наше будущее. Дети – это наше всегда. Мы, алуштинцы, сделаем все возможное для того, чтобы каждый год «Невское перо» собирало у нас больше и больше школьников и студентов». Передо мной стоял человек – государственник, преданный своему городу, его жителям. Вот так все получилось.

– Сохранит ли «Невское перо» свое название или станет «Лазурным пером»?

– Наш конкурс был, есть и будет «Невским пером»! Мы – команда его создающая – из Санкт-Петербурга. И все заложенные нами петербургские традиции, будут сохранены. Считаю, что «Невское перо» в Алуште станет еще одним шагом развития культурных отношений между Северной Венецией и Лазурным берегом России».

СПРАВКА

«Невское перо» – это два открытых конкурса (среди учащихся и студентов), проходящие ежегодно в Петербурге с 2011 года. В числе задач конкурса организаторы называют содействие в формировании школьных и студенческих СМИ, повышение уровня информационной грамотности молодежи; формирование критически мыслящей, медиаграмотной личности школьника и студента, способных выразить свою гражданскую позицию; поддержка одаренных школьников и студентов в сфере медиа, пропаганда лучших образцов молодежной журналистики; содействие в самоопределении и развитии школьных и студенческих СМИ; стимулирование процесса создания молодежных медиа-центров. В числе номинаций конкурсов: «Пресса», «Электронные СМИ», «Интернет-СМИ», «Иллюстрация».

Сегодня Академия журналистики – это не только информационный портал и официальная газета, но и площадка для проведения конференций и форумов международного уровня.

Перед тем, как стану рассказывать про Крым, будет несправедливо, если вкратце не поведаю об отдельных зарубежных командировках, которые дали ответ на многие вопросы постперестроечной эпохи, постепенно доведшей развитие науки и образования до, пусть не полного, но абсурда.

Примерно с 2012 года заметно участились поездки в Китай, что меня немного вводило в ступор: вроде копируем западные методики, перенимая опыт, отличный от нас в корне, а тут резкий поворот в сторону Восточной Азии. Страна к тому времени была полна студентами из этой загадочной страны, не говоря уже о миллионах туристов. В том же году у нас, в университете, стал функционировать Центр изучения Китая и стран АТР.

Безусловно, я не против Китая или Чжун Го (Zhōngguó), как его называют сами китайцы, но никогда не приемлю резких движений ни в политике, ни в образовании. Не спорю, что родина бумаги и книгопечатания, пороха и компаса, шелка, фарфора неизменно приковывает к себе внимание исследователей и путешественников, но с какой стати столь стремительное расширение китайского сотрудничества, оставалось непонятным.

В мае 2015 года Россия и Китай подписали совместное заявление о сопряжении Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Наряду со многими параграфами, определенное внимание уделялось гуманитарному сотрудничеству между странами Евроазиатского региона. В СПБГЭУ открылись Российско-Китайская ассоциация экономических университетов, Китайская библиотека. 2020 был объявлен годом научно-технического и инновационного сотрудничества наших стран. Могу ошибаться, но все эти проекты скорее носят общегуманитарное направление, рассчитанное на укрепление дружбы между народами в целом. Китай, благо, партнер России во многих международных делах, а потому только приветствую такие начинания. Правда, не могу написать, что партнер он надежный. Время покажет.

В июле 2016 года в Народном университете, в Пекине, была основана журналистская ассоциация вузов двух стран. В мероприятии приняли участие руководители факультетов журналистики китайских и российских университетов, дипломаты, журналисты. Выступили с докладами, подписали ряд договоров. И на том все. Больше про это начинание ничего не слышал. В целом такая практика проведения серьезных, на первый взгляд, мероприятий с китайской стороной заканчивается одинаково: доклады, дискуссии, роскошное угощение. Если кому надо поучиться

нашему ремеслу в широком плане, так это китайцам. Журналистика не точная наука. Она больше всего нуждается в демократии, свободе слова. Китай мы научили коммунизму, сами ринулись в лоно капитализма, а как мы можем обмениваться опытом в теории и практике медиа? Вот почему мои китайские магистры и аспиранты всегда выбирали исторические темы, самые удобные, нейтральные, но с оглядкой на положения компартии. Так, как было у нас, в СССР. Практически теория вопроса у нас в корне разная: у нас демократия, у них установки. Мы разнимся еще и тем, что за их счет летаем, а как же иначе? Настолько привыкли летать и не только летать за чужой счет, что об ином и не помышляем. Мы бедные, остальные – богатые. О технической оснащенности профессорских кабинетов и аудиторского фонда, как и о привилегиях иностранных студентов из многих стран мира, обучающихся бесплатно, писать не стану, чтобы вас не расстраивать. Попробую коротко передать свои эмоции.

Пекин – город контрастов. Нам невдомек, почему в таком мегаполисе в рабочее время мало горожан. Ответ прост – все на работе. Почему так мало урн для окурков? Еще проще – за весь день встретил единственного курящего. Почему все улыбаются? А нам и не понять, он улыбается или горюет. А в целом для них со времен Конфуция основные человеческие качества остаются неизменными до сих пор: быть простым, доступным для всех слоев и не зазнаваться. Это очень важно. Они любят жизнь в любых проявлениях. Думают трезво о вчера, сегодня, завтра. А что они не любят? Один случайный знакомый ответил: «предательства» и пояснил – нож в спину. А может это и есть та загадка, которую так часто забывают? Это первые встречи – мысли вслух. Нам на ночь, а россиянам под вечер. А если точнее – на всю оставшуюся жизнь.

Пекин продолжает выставлять свои козыри. Это город, который ничего не скрывает. Особенно удивляет чистота во всем. В частности, на улице и в метро! Метро дает фору Европе – это однозначно. Везде так все функционально: плитка на полу, блестящие туалеты на каждой станции, эскалаторы и лестницы, да и, собственно, сами люди. Дело в том, что пожилых мало, молодежи – миллионы! И такие все опрятно одетые и так явственно ощущаются их правиль-

ные устои жизни. Если кратко, от них заряжаешься позитивом и воспитанностью. Именно воспитанностью, которая не измеряется титулом вуза или училища, их количеством. Или она есть, благодаря родителям, или ее нет вовсе. Ведь наше поведение и наше общение – результат воспитания и признак того, какие мы в жизни сейчас, какими будем в будущем. Что касается вузов, особенно Народного университета – лучше скажу прямо – это уже не XXI век, а XXVIII или XXIX! Такое надо видеть, говорить и донести – очень трудно.

Это не только кампус, но и целая молодежная планета, как и сам Пекин. Начиная от метро и специальных полос для слепых по тротуарам в городе – все для нас в диковинку. Даже миллионы велосипедов, застывшие везде без замков и других приспособлений. А студенты бакалавриата и тем более магистратуры заняты собой, то есть им судьба дала возможность не «остаться никем». Они стремятся вырвать из жизни все, что только можно. У ребят мысли о будущей карьере. Девчата и не думают о свадьбе, как это принято в России – они лишены чувства страха остаться одной. Парни также – пока нужна служба, ну а «девочки потом». Правительство идет навстречу студентам во всем буквально – вот бы нам перенять! Рассмешил? Смех сквозь слезы…

Париж. Город во власти людей со всего мира. Что интересно, большинство из них прилетают сюда впервые. Он не манит, просто завораживает навсегда. Как гипноз. Не зря говорят: «Увидеть Париж и умереть». Это правда, потому красивее Парижа может быть только Париж. Его непросто увидеть, его надо принять. С ним надо разговаривать. Если Швейцария – акварель, Рим – история, то Париж – любовь, пусть не вечная, но любовь. Разве можно без нее войти в Нотр-Дам-де-Пари, где оживает история, а настоящее пробуждает совесть сквозь слезы?

Каждый раз ночной аэропорт Шарля де Голля через минуты становился нашим гидом в самую красивую историю прошлой и современной цивилизации. Первый раз заселяйтесь не ниже 22 этажа: вид потрясает, уносит вдаль, в детство, когда в школьных учебниках рядом с портретом Наполеона рисовали Эйфеля, чуть ниже – знаменитый Лувр. Хотелось смотреть на это вечность, но утро наступало быстро, и международная группа студентов оказывалась в Сорбонне, открытой в 1215 году. Это были учебные цер-

ковные заведения на левом берегу Сены. Спустя сорок лет духовник Людовика IX Робер де Сорбон создал на их месте колледж, обучающий богословию студентов из бедных семей. Сегодня учатся богатые и бедные: много бюджетных мест, кстати.

Мне ничего не оставалось, как вновь пройтись по городу, который оставил след настолько, что впоследствии, когда прибывали в Рим, то на два дня исчезали в Париж, вопреки нашему регламенту. Разве могли иначе? Перелет стоит две тысячи в обе стороны, отели дорогие, конечно, но есть за что платить и не жалеть. Помнится, мы остановились в гостинице, построенной для английских моряков во времена Наполеона, прямо у Лувра. Студенты успевали по утрам бегать вокруг стеклянной пирамиды, где вход в музей, потом и позавтракать.

У студентов была своя программа, полная эмоций, которыми делились по вечерам. Говорили обо всем, даже о том, что «Старбакс», который в Париже представлен на каждом километре, совсем другой. Один наш соотечественник из Италии по имени Муран умыкнул оттуда длинную фирменную ложку в пользу своей девушки. «Будет что вспомнить», – сказал он. Кто-то спросил, мол, за это могли привлечь к ответственности. «Это того стоит», – парировал влюбленный.

Другие говорили, что именно их так приятно обслуживают в кафе, что рядом, где худой официант знал несколько слов на русском. Остальным нравился горячий французский батон с шоколадом.

Через день возвращались в Рим, в Вечный город. Студенты каждый раз писали сочинение об увиденном и пережитом в этих красотах. Читал и наслаждался – какие умные и талантливые! Конечно, вновь побеждала наша писательница Анна Казацкая. Сейчас хотел поведать про Италию, но лучше, чем у нее, у меня не получится, а потому приведу ее очерк, рассчитывая на ее согласие. Надеюсь, вам понравится.

«У Рима есть свой темперамент. Париж более покладист. Этакая дама бальзаковского возраста в шелковых перчатках. А Рим – это импозантность, напор, жажда жизни. Рим более грязный, нежели Париж. Ему некогда наводить чистоту, он кипит. В то время как Париж, кажется, только и делает, что намывается часами и веками занимается самолюбованием.

Риму некогда создавать педантичную чистоту. Хотя нет, не так. Он будто не считает это необходимостью. Я, мол, и без того красавец. Этакий казанова с легкой двухдневной щетиной, который танцующей походкой проходит мимо. Успевает подмигнуть по пути трем дамам, оставляя после себя шлейф аромата, в котором искусно переплетены терпкость вина, женского тела, сигарет и одеколона. Легкая «небритость» некоторых улиц и создает его неповторимый образ.

Рим импозантен и лишен урбанистических стереотипов. Здесь нет налета искусственного изыска. В Трастевере мне принесли макиато в чашке в горошек на блюдце с золотыми узорами. Из разных сервизов. Ни один благовоспитанный парижский дом себе этого не позволит, а в римском кафе такая уютная простота – запросто. Рим знойный, и речь не только о сорокаградусной жаре. Чтобы постичь город в полной мере, нужно следовать его правилам. Кажется, в Риме оно одно: сполна проживать каждую секунду жизни.

Да простят меня ценители педантичного покоя и скрупулезные его коллекционеры, я люблю Рим за окурки на мостовых и за воров на улочках. Эти атрибуты города – бесспорные характеристики его жизненности. Не люблю лицемерные города. Парижу прощаю, он – аристократ. Ребенок царского семейства. Он предстает перед туристами исключительно накрахмаленным и выглаженным, как благовоспитанная жена знатного вельможи на званом обеде. Так воспитали: перед гостями нужно выдерживать полный этикет. Праздная красота архитектуры, ослепительная чистота скатертей уличных кафе, словно щеткой отдраенные мостовые – это все грациозно и красиво, но мало, чертовски мало в этой закулисной жизни.

Давайте продолжим представлять Рим – мужчиной, Париж – женщиной. Как бы они вас встретили? Рим у перрона обнял до хруста костей, потрепал по загривку, схватил чемоданы и, тараторя, начал рассказывать о себе, справляться о здоровье кузины, травить шутки и в паузах знаками показывать, смотри, мол, какие сеньориты впереди идут, о мааама-мия, а они ничего, да? На кухне он откупорил бы бутылку вина, накормил лазаньей собственного приготовления (от которой вы не пальчики оближите, а руку откусите по локоть), закинул ноги на тумбу и, развалившись в кресле, с наслаждением закурил сигарету. У этого города нужно

учиться балдеть от жизни. И вы научитесь у него мигом, поверь мне, я с ним уже знакома.

Я родилась в южной провинции и эмоции мне больше по сердцу, чем подача зонта по всем правилам благовоспитанности. Поэтому Рим – ближе, чем Париж, однако нужно отдать должное Парижу, он вдохновляет, облагораживает. Вернемся к встрече с Парижем. Эта пунктуальная дама, окутанная благоухающим облаком духов, со скромным букетом цветов в руках и в белоснежной шляпке, прячущей безупречно завитые локоны, за час до посадки самолета уже ждала бы в аэропорту. Она воспитана, доброжелательна и внимательна. У нее на кухне тысяча сортов сыра и много игристого вина. Она будет смаковать бокал до самой ночи за беседами о Гюго и Экзюпери. С ней как с Римом вы не пуститесь в авантюрный жизненный пляс, она кружит исключительно в вальсе. Вы прогуляетесь по Елисейским полям, присядете в плетеное кресло пропустить по чашечке кофе в одном из бесчисленных заведений. У вас на душе будет царить утонченный покой и безмятежность, располагающие к плавному потоку философских размышлений.

Если бы эти города поженить, у них бы родилась я. Они бы, разумеется, развелись из-за вздорного образа жизни отца, выходящего за рамки воспитания матери. Я бы ездила к нему на каникулы и выпускала наружу всех книжных персонажей, вычитанных на мамином балконе. Я бы плясала ночи напролет у пьяцца Навона, а потом снова садилась за стихотворный том в саду у Собора Парижской Богоматери. Я бы сочетала в себе все то, что сочетаю сейчас, только Рим был бы мне отцом, а Париж – матерью».

Риму и Парижу верить можно, и мы верили, но в России семь пятниц на неделе, а потому верить нельзя. Никому и ничему. Нередко верность и предательство оказываются в одной обертке, как черное и белое. Остается одно: менять направление движения. Своего движения.

КРЫМ

В 2016 году паковал чемоданы, проверял авто и мысленно представлял Крым, в котором последний раз был в 1977 году, в Артеке. За этот период полуостров успел сменить государственную принадлежность дважды: сперва Украина, а в 2014 году Россия гордилась, что одно из самых красивых мест природы досталось ей вновь, а не кому-то.

Наспех с осетинами не прощаются. Одно застолье сменялось другим. Тосты лились рекой, как обещания в советском райсобесе. Было что вспомнить с 1980 года, когда впервые приехал в город детской мечты. Если бы не предельно негативные катаклизмы в образовании, ни на минуту бы не сменил как сам город, так и университет. Есть, о чем поразмыслить, спустя десятилетия, взвесить все «за» и «против», дать себе оценку, как гражданину, представляющего два региона, Осетию и Санкт-Петербург, две нации: осетинскую и русскую.

Санкт-Петербург – город северный, особенно для южан. Но радушие ленинградцев и высокий классицизм в архитектуре преображают человека, будь он хоть с Чукотки. Для меня он соткан из театральных двориков и бродячих музыкантов, царей и великих ученых, «Белых ночей» Достоевского и Набережной реки Мойки, 17, где жил Коста Хетагуров. И еще: из осетинских пирогов Эммы Галазовой, кудесницы нашей, тостов в исполнении Руслана Дзарасова, национальной гармоники Залины Зокоевой, а также целого событийного ряда от нашего представительства и общины. Санкт-Петербург дает возможность долго стоять только у картин в Русском музее, чтобы насладиться искусством эпох и быть достойным Северной Пальмиры, заодно не по-

зволяет растворяться во времени, требует совершенства во благо. За это его люблю.

Крым принял как родного. Это благодаря Михаилу Александровичу Красненкову, известному общественному деятелю и меценату. Спустя некоторое время открыл для себя удивительного человека, настоящего патриота своей малой родины, Алушты. Трудно сыскать слова, которые бы внятно передали мои характеристики этого человека. Не думал до этого, что еще есть такие состоявшиеся в жизни люди, при этом оставшиеся открытыми для народа и готовые на все ради процветания этого городка. Главное, не потому он такой положительный герой, что в прошлом занимал пост главы Алушты, а из-за своего внутреннего стержня, взращенном им в детстве, в семье из тринадцати домочадцев. Не раз в его речи красной ниточкой проскальзывали слова отца. Поэтому я начал понимать, что он дружит с настоящим, благодаря трудному прошлому, где кусок хлеба доставался через пот и кровь. Он немного моложе меня, но, смею заверить, научился ряду жизненных принципов я именно у него.

Настоящий друг и соратник во всем позитивном, нежданно, без спроса оказывающийся до сих пор рядом, трудоголик, преодолевший уйму преград, прокладывая дорогу во власть, сохранил внутреннюю культуру и человеколюбие.

Позволю себе привести несколько эпизодов из алуштинской действительности.

Город, как затерявшаяся жемчужина. Отдает настоящим Югом. Весной, хоть зимой – здесь всегда Лето. Порой начинаешь спорить с собой: где я? Неужто в России? Весь ЮБК (Южный Берег Крыма) как виноградная лоза разной спелости и цвета. То горы прерывают твою лавандовую фантазию, то акварель на пригорках. Солнце – всегда! И не только на небе. Южане, как правило, народ улыбающийся, дарящий настроение на целый день. Хмурые тоже есть, но они в большей степени приезжие, не успевшие привыкнуть к крымскому настрою на позитив. Далеко не случаен выбор царских резиденций, ханских дворцов, на этой поляне радости и вечно голубого неба и неба в звездах, как Андромеда, только без тумана.

Проживающие на берегу пляжных морей – лентяи потомственные. Везде в мире так. Алуштинцы не исключе-

ние. Живут от сезона к сезону. Туристы для них как авто для гонщика, «садятся» на него настолько, чтобы во всем ему угодить в плане «дешево и сердито». Правда, конкуренция в таком изощренном бизнесе по сдаче жилья (как правило, все дополняют свой мессенджер благим пожеланием «у моря» или в «в пяти минутах»). Аренда самокатов, скутеров и велосипедов постепенно переходит в руки школьников. Растет поколение. Катера – это фишка Балаклавы. Пафос – Ялта, не спорьте. Там понт и красавицы из центра России. Аю-Даг – пионерия Артека. Симеиз (гей-клуб «Ежи») – для голубых. Самое чистое море – это Алушта и не потому, что кто-то прикладывает руку, просто природой так было суждено: чистейшие воздух и вода – фишка Алушты. Если в Ялту приезжают показать тело, то наш город для души и семейного отдыха. Да и люди здесь особенные, приятные и приветливые с полувековым стажем, со времен съемок фильма «Кавказская пленница». Та же лестница, те же дворы, тот же ЗАГС, куда регистрироваться прилетают со всех концов страны. Это стало традицией: «он ее ведет в ЗАГС», а потом отмечают в лучшем ресторане на Горького, 9 «Киви-Киви». Говорят, в народе, что этот именно маршрут никого еще не подвел: все счастливы.

Два берега противоречий – это народ и власть. Как везде. Жители требуют все, что только можно требовать, если им даже ничего не надо. У подъезда кто-то уронил пачку от сигарет, другой невзначай или специально намусорил во дворе – все, звонки в администрацию, посты в соцсетях, нередко, безбожно неграмотным слогом, но с употреблением излюбленных идиом. Нет, чтобы нагнуться лишний раз.

Алуштинцы в большинстве своем обычные прибрежные лентяи, я уже говорил. Но в этом тоже обвиняют власть. Глава города Галина Ивановна Огнева – по профессии учитель. Стоит о ней сказать что-то хорошее, так я подхалим и невежа. Только выскажусь критически – герой. Да, еще – алуштинцы большие завистники и сплетники. В собственном глазу маяка не видно – вы меня поняли. А вот в деятельности главы и администрации в целом с лупой ищут проказу. Воочию видел, что всем чиновникам не безразлично, что творится на улицах города и полях района – это факт. Стараются успеть повсюду, но не угнаться. Сказать, что все они труженики – язык не повернется, как везде, собственно. Мизерные зар-

платы и ограниченное количество служащих, да и нехватка бюджетных средств, которых хватает только на латание дыр и на проведение косметических процедур. Будучи советником главы, в первую неделю понял, что система управления и отношение к поставленным задачам, резко отличаются от материкового формата, а потому лучше далеко не заходить. Отдельные чиновники, а точнее чиновницы, так как их куда больше мужчин, допоздна остаются на работе. Остальные годами привыкли получать копейки за свой труд и работать соответственно. А жителям города кажется, что они в масле катаются. Совсем не так.

Галина Ивановна – человек опытный и на многое, что бы раздражало, просто не обращает внимание, по типу «собака лает – караван идет». Другого выхода просто нет, ибо задач уйма, а профессионалов, согласных на мизерные зарплаты, – мало. Каждому не объяснить, вот и приходится все взваливать на себя, что она и делает. Но эта модель шаткая и работа на износ валит индивидуума как физически, так и морально.

Не так много времени пробыл с красивой корочкой советника. Вскоре ушел в Симферополь, ничуть не расстроив никого в городе. Каждый знает свою востребованность. Крымская провинциальная государственная машина работает совсем не так, как на материке. Думаю, еще долго так будет. За моей спиной консультирование известных в стране чиновников, но крымская модель уникальна. Команду самоотверженных работяг, в прямом смысле, создать весьма трудно по ряду причин, а потому остается молиться на Огневых, они же сами, в силу особой загруженности, молятся на своем рабочем столе, усеянном разными православными иконами, хотя на прием больше всего приходят крымские татары – приверженцы классического ислама. Главное упущение, на мой взгляд, в том, что есть Огнева и администрация, а должно быть иначе – администрация и команда Огневой. Команда без лизоблюдов, а из профессионалов. Благо, есть неравнодушные ко всему, что происходит в городе, такие как депутаты Михаил Красненков и Виктор Жиленко, и ряд бизнесменов – участников многих социально ориентированных проектов. Иначе было бы куда труднее.

Одна из глобальных проблем для всего Крыма, и в частности, Алушты – это одностороннее освещение событий:

все хорошо, все супер. Это, как правило, приводит к противоречиям в обществе, доходящим до явного антагонизма – у власти и населения будто бы разные цели. Понимаю, что к демократии путь сложный, а где-то и невозможный, но, по крайней мере, игры в примитивную демократию дают больше позитива, чем замалчивание проблем или конструктивная критика. С народом надо быть народным или делать хороший вид при плохой игре, то есть именно то, что мы видим повсеместно в современной России. Одним словом, проблем много еще, и сказать, что они разрешимы в одночасье – это ложь. Но пробовать решать надо.

Это был отдельный штрих к увиденному со стороны. Не более. А по своей линии для продвижения Алушты и самих алуштинцев, благодаря нашим с Красненковым инициативам, вскоре делегации известных ученых, профессоров, педагогов, школьников стали прибывать на конференции и форумы от Академии журналистики. О деятельности Академии и моей любимой Алуште без прикрас продолжу в следующей части, а пока отдельные вырезки из материалов участников объективно расскажут о дигорском следе на Южном Берегу Крыма, где среди аланских племен дигорцы были раньше самих крымчан.

Виктор Мехонцев. Такая вот интеллигентная история … которая уже вписал яркую строку в историю Алушты.

В минувшую субботу 7 января, аккурат на Рождество, в нашем городе завершила работу Зимняя школа журналистики «Современные технологии в журналистике: тенденции и возможности», участниками которой стали опытные работники СМИ из разных регионов России и учащиеся, студенты из Санкт-Петербурга, Симферополя, Севастополя, Евпатории, Ялты и других городов. Свою работу Школа завершила на Рождество, 7 января. В этом, согласитесь, есть нечто символическое. И – обнадеживающее. «Это целая интеллигентная история в нашем городе», – довелось услышать такую фразу от одного из участников Школы. Двумя руками – «за»…

К данному проекту в рамках Автономной некоммерческой организации «Академия журналистики» его авторы подходили давно, вдумчиво и серьезно. Они прекрасно понимали, что стремительное развитие рынка журналист-

ских услуг, информационных технологий и, как следствие, существенные изменения в методике образовательного процесса и в журналистской практике в России требуют новых, современных подходов и требований к профессии, к подготовке кадров. И в Крыму в том числе, хотя событие можно вполне обозначить, как всероссийское.

– Объединение усилий научных сообществ, журналистов-практиков, студенческих организаций и школьных медиацентров нашей страны – на это направлена деятельность Академии, – отмечает ее президент Валерий Таказов. – С большим пониманием и искренней поддержкой к проекту отнеслись депутат Алуштинского городского совета Виктор Жиленко и заместитель председателя Союза предпринимателей и промышленников Крыма Михаил Красненков, благодаря которым и была создана эта новая организация. Миссия ее в организации не только школы журналистики, но и курсов повышения квалификации, научно-практических всероссийских и международных конференций с участием ведущих теоретиков и практиков медиа-индустрии страны. Уверен, Алушта станет медиа-площадкой и для многих исследовательских проектов, посвященных журналистике стран, входящих в Содружество Независимых Государств. Ряд выступлений, касающиеся проблем информационного пространства СНГ, заявленных в программу Зимней школы, тому свидетельство.

Наш город не случайно был выбран местом проведения первого в Крыму подобного медиа-форума. Валерий Таказов убежден, что географически благоприятное расположение, климатический комфорт, природная красота позволяют курорту занять глобальное информационное пространство под общим брендом «Алушта – Лазурный берег России».

«– Здесь созданы все условия для проведения интеллектуальных форумов в любое время года», – считает он. – Но мы думаем более широко. К Крыму по-прежнему остается повышенный интерес, а целостная картина развития Республики с ее огромным потенциалом в сфере инвестиций и туризма оставляет желать большего. Мы приложим все усилия, чтобы сайт Академии восполнил данный пробел, стал интеллектуальным подспорьем для региональных медиаплощадок России. Мир обязан знать правду о Крыме, чтобы

люди могли составить реальную картину об этом удивительно красивом уголке планеты. Несомненно, мы рассчитываем на сотрудничество всех ветвей власти в области открытости и доступности информации».

По мнению Валерия Таказова (который является советником главы муниципалитета Галины Огневой), понимание важности данного проекта со стороны алуштинского руководства появилось сразу же, все организационные вопросы решались коллегиально и в срок.

Алуштинский офис Академии с Wi-Fi зоной и всем необходимым оборудованием для комфортной работы журналистов, проведения пресс-конференций и международных встреч был торжественно открыт 4 января. Как отметила при этом заместитель главы горадминистрации Галина Перепелица, «это – яркий пример, когда мы от слов переходим к делу».

НАША СПРАВКА. Академия журналистики имеет богатую историю. Проекты, объединяемые под ее эгидой в Санкт-Петербурге, существуют вот уже 10 лет. Это фестиваль «Профи», дискуссионный клуб Анны Яблонской, газета «ШВР» Алены Смородиной, Анны Казацкой, конкурс «Невское Перо» Виктории Устюговой, Насти Валеевой, а также другие, широко известные в России и за рубежом. Все эти проекты, создателем и идейным вдохновителем которых стал В.Д. Таказов, объединили сотни и тысячи молодых лидеров.

Объединив две площадки – северную (Санкт-Петербург) и южную (Алушта), – Академия займется подготовкой, повышением квалификации и переподготовкой кадров по журналистике и смежным дисциплинам. В рамках интенсивных курсов обучения известные журналисты, писатели, политики, деятели культуры и искусства на практике расскажут о тонкостях профессии и секретах мастерства.

Доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук Валерий Таказов… Доктор филологических наук, профессор, академик Международной академии ТВ и РВ, проректор по науке Санкт-Петербургского Института Бизнеса и Инноваций Евгения Корнилова… Журналист-международник, заместитель начальника Управления оперативной информации пресс-службы мэра и Правительства Москвы, академик Владимир Мехонцев… Заместитель руководителя Предста-

вительства Архангельской области в Санкт-Петербурге, бывший корреспондент ИД «КоммерсантЪ», «Эксперт» и бывший руководитель областного Агентства по печати и СМИ Алла Валуйских… Начальник отдела молодежных программ Санкт-Петербургского государственного экономического университета Станислав Найденов…

Даже этот, неполный список участников Школы, которые проводили мастер-классы, читали лекции, делали доклады, говорит о многом. В первую очередь, как мне кажется, он свидетельствует о том, насколько важной и необходимой считают алуштинскую медиа-площадку мастера нашей профессии из разных регионов России. И не только России. Приветственные, поздравительные слова были получены в телеграммах и видео-обращениях из Германии, Швейцарии, Австрии.

«Вы врываетесь в новый год ярким, масштабным событием, которое станет доброй традицией и объединит лучшие вузы нашей страны. Пусть Зимняя школа в Алуште подарит ее участникам новые знакомства, новые знания, яркие эмоции», – сказала Мальвина Друкер из Балтийского федерального университета имени И. Канта.

«Искренне рад, что вы смогли собраться в прекрасном городе, что реализована давняя инициатива. Считаю, что объект коммуникации в рамках Зимней школы журналистики перспективен. Творческих успехов вам!», – доктор политических наук Григорий Акопов из Ростова-на-Дону.

«Желаю вам приятного и полезного погружения в медиапространство, интересного общения, открытий в журналистике, удачи, радости и счастья!», – Екатерина Выровцева из Екатеринбурга.

«Зимняя школа – это тот случай, когда место ее проведения играет большую роль. Крым сейчас вызывает повышенный интерес и служит темой публикаций многих СМИ в разных странах мира. Я по-доброму завидую вам, потому что знаю: интересная, насыщенная программа Школы сопровождается также увлекательной культурной программой», – прислал свое приветствие из Австрии известный журналист, редактор, учредитель ряда периодических изданий в России Сергей Ярошецкий.

«Желаю больших успехов в деле развития информационного пространства. Крым для нас очень важен не только

с информационной точки зрения, мы давно хотели здесь побывать», – обращался к участникам с экрана журналист, эксперт по странам Ближнего Востока Нимер Ризкаллах. Это же и многое другое, в том числе и о своих позитивных впечатлениях от Алушты и крымских встреч он произносил потом, как говорится, и вживе, поскольку не смог удержаться и тоже приехал к нам.

– Мы дарим нашим гостям здоровье и радость. В январе дан старт прекрасному проекту, и я уверена – он будет успешным, как и наступивший год. Мы понимаем, что мастера слова смогут распространять информацию об Алуште по всей огромной стране и это даст возможность еще ярче, эмоциональнее раскрыть туристические особенности нашего региона, тот потенциал, который есть. Это к тому же является и одним из направлений инвестиционного развития. Мы сделаем все, чтобы совместно с вами работать на создание положительного имиджа Алушты, как курортного города семейного, молодежного отдыха. Позитивно то, что при Академии журналистики открыта школа для юных талантов, которые стремятся выбрать эту творческую, сложную и ответственную профессию. Я уверена, что мастера слова научат молодых коллег многому, передавая свой богатый опыт, а работники различных СМИ будут правдиво и объективно рассказывать о том, чем живет Алушта и весь Крым!

Сами по себе мы мало что можем претворить в жизнь. Но когда есть группа соратников, людей, которые понимают, как организовать информационное пространство в прогрессивном русле, чтобы оно работало функционально, мы сможем многого достичь.

Такова была квинтэссенция доклада о состоянии крымской журналистики, с которым выступил Андрей Трофимов, председатель Крымской организации союза журналистов России, объединяющей свыше 550 профессионалов, активно работающих в более 450 крымских, а также иных СМИ. Он говорил не только, и не столько о проблемах, как о видении дальнейшего развития крымской журналистики.

«– Я приветствую Зимнюю школу и создание Академии на территории вашего муниципального округа», – сказал Андрей Юрьевич. – «Но для того, чтобы соответствовать заявленным высоким стандартам, нужно всем очень активно

работать. Организаторам, журналистскому сообществу, местной власти. Находить такие формы взаимодействия, чтобы ваш город звучал не только, как курорт. На недавней встрече с Главой Республики Крым Сергеем Аксеновым я предложил создать в Симферополе Центр международной журналистики с филиалом на Южном берегу. Мне очень понравилась Алушта, и я, по всей видимости, буду настаивать на том, чтобы именно у вас был реализован этот проект».

– Институт Бизнеса и Инноваций Санкт-Петербурга является партнером Академии в Алуште, мы подставляем свое плечо, будем помогать, содействовать развитию проекта, – отмечала Евгения Корнилова. – Продвигая его, мы будем, естественно, продвигать и саму Алушту, как турцентр и центр работы СМИ. Думаю, в этом у Алушты хорошие перспективы. Ваш город очень привлекательное для сердца и для души место. Он похож на маленький кусочек Европы, с узкими улочками, историческим центром…

На базе Алуштинской творческой площадки в этом году намечено провести Открытый журналистский конкурс среди учащихся и студенческой молодежи России «Невское перо-2017». Данный конкурс имеет свою богатую историю и высокую репутацию среди школ и университетов страны. Все это происходит, благодаря «Академии журналистики».

– Идея, которая реализуется здесь, очень хороша! От этого выиграют все: город, Крым и Россия в целом. Да и международная журналистика выиграет, – убежден Владимир Мехонцев. Журналист-международник с многолетним опытом особо подчеркнул, что никто из-за рубежа не напишет честно и правдиво о Крыме так, как это со знанием дела смогут выполнить местные журналисты, которых воспитает Академия. Она даст импульс возрождению крымской журналистики.

Теория и практика, современные технологии и специфика политического пиара, развитие новостной, школьной, газетной и тележурналистики, работа с источниками информации. На эти и иные, актуальные темы делали доклады, проводили мастер-классы, круглые столы мастера отечественной журналистики, доктора и кандидаты наук.

Можно научиться всему. Было бы желание. Хорошо, когда находится и желание, и возможности. А также люди,

готовые передать свой опыт. Как это произошло у нас, в Алуште. Первый номер алуштинской газеты «Школа-Вуз-Работа» тому подтверждение. Редактор – учащаяся 10 класса Диана Степовенко. Корреспонденты – учащиеся 7-10 классов, среди которых вездесущая и большая умница Валерия Ануфриева, будущие пиармен и экономист Диана Ярославская и Милана Ходжаметова. А это значит, что идея, вспыхнувшая ярко в первые дни января нынешнего года, обретет свое дальнейшее воплощение. Пусть она станет отличной стартовой площадкой для многих юных алуштинцев в выборе их профессии.

Еще древние греки говорили: Nulla dies sine linea (Ни дня без строчки). Пожалуй, это одна из главных заповедей настоящего журналиста. В той или иной интерпретации, эта мысль звучала и на Зимней школе.

Чем для меня, алуштинца, работающего с 1986 года в этой профессии (и именно в Алуште) в качестве радиожурналиста, а затем газетчика, оказались значимыми и крайне важными эти несколько «школьных» дней?

Тем, что появилась уникальная для меня и для жителей нашего региона возможность встретиться с удивительными, потрясающими своими знаниями и опытом людьми? Да, безусловно.

Появилась возможность не просто увидеть их, но и пообщаться, прочувствовать и понять все, ими сказанное? Вне всяких сомнений.

Мне думается, в актив нынешней – первой! – Зимней школы журналистики легко (и, кстати, всеми участниками это было одобрено) вошло предложение Евгении Корниловой. Необходимо создать в Крыму… АПН. Это может показаться несколько странным, многие помнят советское информагентство с таким названием. Но в нашем случае аббревиатура расшифровывается иначе: Агентство Позитивных Новостей.

Акцент участники сделали не только на объективную, но главное – на позитивную информацию. Уж столько «чернухи» и негатива в СМИ, как в последние годы, не было, наверное, никогда. Согласен полностью: в этом смысле позитивный опыт советской журналистики бесценен, мы должны его не только изучать, но и во многом следовать ему.

Любить друг друга, быть добрыми и стремиться приумножать добро в нашем мире – об этом говорили участники медиа-форума. О первом и единственном в мире музее Иосифа Бродского в Архангельской области, об истории его создания в деревне Норинская, где будущий лауреат Нобелевской премии жил в ссылке в середине шестидесятых годов подробно, захватывающе интересно рассказала Алла Валуйских. Признаюсь, честно, именно благодаря ее рассказу я открыл для себя Поэта, чей томик стихов, подаренный мне вот уже двадцать с лишним лет назад, пылится дома в дальнем углу книжной полки. Стыдно… Перечитаю, проникнусь – несомненно!

Книги нужно читать всем нам. Молодежи особенно. И как можно чаще, отрывая свой взгляд от компьютерного монитора. Это тоже – один из важных выводов Зимней школы. Тех выводов, на которых, несомненно, обратила внимание «юная гвардия» российской журналистики.

В полдень на Рождество Алушту накрыл назойливый, противный дождь. На город опустился туман. Но эта, абсолютно не январская погода, не вызывала в душе мрачных и тоскливых ассоциации. Была легкая, светлая грусть. Грусть от того, что сегодня завершила свою работу Зимняя школа журналистики, и всем ее слушателям и преподавателям придется разъехаться по разным городам и весям. Легкая и светлая – потому что остались на сердце приятные воспоминания о встречах и общении, о мастер-классах, проведенных замечательными педагогами и практиками; потому, что впереди видятся добрые перспективы.

Участники расставались, твердо зная, что теперь они уже не потеряют друг друга в водовороте событий и в череде будней; что объединяет их теперь нечто большое и очень надежное. То, что, на мой взгляд, зовется Профессией. Той творческой стезей, по которой одни идут уже много лет, а другие нынче в нашем городе сделали лишь первые шаги… Юные мои и взрослые коллеги, перефразируя известную пословицу, могу сказать вам: все дороги ведут в Крым. А конкретнее – в Алушту!

Виктор МЕХОНЦЕВ, журналист

Крым – это не только природная красота, но и уникальное место для проведения разных культурных акций международного уровня. Ждать, когда полуостров признают

западные страны, значит ничего не делать. АНО «Академия журналистики» с первых дней своего оформления, как официальный информационный орган стал открывать Крым для всех, кто в нем нуждался или просто интересовался. С открытием региональных представительств в стране стало куда интереснее представляться открытым для всех порталом, где можно публиковаться или находить справочную информацию по разным направлениям. Нам уже было мало ограниченного пространства, в котором знали о нас, как об инициаторе ряда всероссийских конкурсов, больше рассчитанных на молодежь. Среди них «Невское перо», «Школьные конференции» и ежемесячный печатный орган «Школа-Вуз-Работа» под редакцией учащейся 9-го класса Дианы Степовенко (ныне студентка факультета журналистики) и юнкоров Дианы Ярославской, Валерии Ануфриевой, Миланы Ходжаметовой и других.

Для Крыма эти проекты, особенно четырехполосная газета «ШВР», состав редакции которой полностью состоял из школьников, были как свежий глоток воздуха. Период украинизации оставил не след, а шрамы: дети отстали от классического русского языка, истории России, литературы. Объективная причина, ничего не скажешь. Пришлось вести по субботам и воскресеньям лекции, по мере возможности, открывающие эти предметы по-новому. Судя по тому, как мои слушатели определились и в будущем году сделают свой выбор в профессии – все было не напрасно.

Лекции проходили в формате дискуссий. Много поступало вопросов, связанных с новшествами в вузовской практике. Говорил и про те изменения, которые в последнее время продолжают расшатывать стабильное научное и образовательное пространство. На мой взгляд, продолжающийся процесс укрупнения вузов происходит в таком темпе, что многие научные школы уже исчезли из орбиты высшей школы. Университеты из года в год сокращают академические центры по причине отсутствия финансирования со стороны государства. О какой педагогической и научной мотивации можно говорить молодому поколению, если заработная плата доцента у той же молодежи вызывает смех? Люди, которые посвятили себя науке, воспитанию поколений ученых, сегодня переведены на четверть или полставки от зарплаты. Профессура вынуждена читать лекции где угодно,

лишь бы обеспечить элементарный материальный достаток в семье. Думаю, процесс обезличивания высшей школы не закончился. Не удивлюсь, если в ближайшее время станут закрывать кафедры и институты в продолжение реформ 2010 года. Почитайте высказывания сотрудников вузов про реформы, и вы не раз встретите весьма пространные статьи о развале высшего образования.

В 2003 году Россия присоединилась к Болонской декларации «Зона европейского высшего образования», позже прошли реформы минобразования и минвуза с введением ЕГЭ, с реорганизациями и укрупнениями, а где результат? Отдельные вузы теперь ставят вопрос о переводе многих лекционных программ в систему онлайн – ведь так можно больше сэкономить, сократив больше профессоров. Главное, все здравомыслящие люди понимают, что экономить на образовании чревато очень пагубными последствиями. Студент-отличник стал редкостью. Нравственность и вуз – эти понятия всегда дополняли друг друга. Утешительного мало.

Я всегда был против ЕГЭ. Что с того, что вуз принимает документы, а не живого человека? Так можно принять немого на отделение хорового пения. Мы перестали работать с талантами, именно работать! Как это делали мои учителя в осетинской школе селения Лескен, где я родился. Спросите сегодня любого студента фамилию декана и большинство из них не ответят. А я помню и чту память о том времени, когда Дзоблаева Вера Дзамболатовна, Хоранова Дзабида Афаевна, Хидиров Ехья Батарбекович, Кцоева Алета Темболатовна, Хоранова Нина Исаевна, Аршиева Лидия Афакоевна душу вкладывали в нас! А что говорить об учителе от бога, Хидирове Рамазане Батарбековиче, который вел уроки по истории так, что мы забывали про перемену. Когда чувствовал, что мы с трудом улавливаем тему на русском языке, он переходил на родной, дигорский язык, прекрасно зная, что это нарушение: на родном учить запрещалось. А сегодня электронный вариант оценки умственных возможностей и знаний вчерашнего школьника стал основным показателем! В вузовской практике тоже не до студента. Мои коллеги часто говорят, что от нас требуется столько бумажной отчетности, что забываем про студента вовсе. Раньше была одна задача – учиться настоящим образом. Стать

специалистом. Приносить пользу себе и обществу. А сегодня – компетенции, профили, модули… Каков реальный результат? Сами ответьте.

Это констатация факта не развала самого образования, а наличия такого мнения среди общественности. Нужна академическая мобильность в вузах, обмен лекторскими группами между Крымом и университетами материка. Нужны курсы повышения квалификации с обязательным приглашением практиков из ведущих вузов страны. Украинизация крымского образовательного пространства дает о себе знать. Но это не может быть причиной того, чтобы перестать совершенствовать знания, быть не только лектором, но и педагогом. Последнее не менее важно.

Учитывая все выше сказанное, не выжидая субсидирования проектов от правительства полуострова, которое само находится на донорстве у российского налогоплательщика, мы вышли на более высокий уровень огласки проблем в обществе. Одним из наиболее интересных мероприятий в этой сфере стало проведение международной научно-практической конференции «Будущее Евразии: интеграционные и дезинтеграционные процессы, выбор стратегий развития (политико-медийный дискурс)», состоявшийся с 27 сентября по 1 октября 2017 года. Это был один из первых международных проектов в Крыму. Обычно такие мероприятия проходят в мегаполисах: Москве, Санкт-Петербурге и столицах стран Содружества Независимых Государств.

Многих интересовал вопрос: «Почему в Алуште?» Открытие состоялось в администрации Симферополя. Это хорошая площадка для дискуссий и выступлений известных ученых, а также для представления презентаций и мастер-классов. Во-первых, штаб-квартира Академии расположена в Алуште, во-вторых, сейчас время IT-технологий, когда интернет-пространство объединяет людей со всего мира. Другими словами, в Зимбабве или в Алуште за компьютером одни и те же программы, позволяющие людям общаться онлайн и быть на одной волне. Здесь главный вопрос – кто находится за монитором. Находясь в Крыму, мы одновременно имели возможность общаться со всеми континентами. Век информатизации и бурного развития технологий не оставляет выбора: надо соответствовать духу времени. Между тем, те же технологии стали опережать современ-

ность настолько, что интеллектуальные круги всерьез стали опасаться искусственного интеллекта. И это не парадокс, а реальность. Сегодня политический аспект проглядывается везде: дома, в быту, в общественном транспорте, в соцсетях. Так было всегда: только боялись признаваться в этом. Наша задача заключалась в обсуждении проблемы создания единого информационного поля стран СНГ, а без анализа политической ситуации невозможен объективный дискурс.

Несмотря на некую осторожность из-за санкций Запада, ученые прибыли к нам. Большинство гостей, в силу разных причин, впервые увидели Крым после его возвращения в родную гавань. Научные круги, среди которых известные политологи, экономисты, журналисты своими глазами лицезрели российский Крым и теперь могут давать объективную оценку нынешней ситуации на полуострове. Крымской интеллигенции также было бы весьма полезно послушать выступления докторов наук, профессоров из Санкт-Петербурга, Москвы, Воронежа, Пятигорска, Калининграда. К сожалению, не первый раз сталкиваемся с ситуацией, когда крымская профессура не проявляет интереса к форумам настолько высшей пробы. Одно дело, слушать эфир, смотреть видео, другое – быть свидетелем современных исторических реалий. Классическая российская педагогика всегда отличалась правдивостью, как говорят в народе, «вещи называла своими именами». Правда, в последнее время и в вузовской практике стали происходить изменения, которые, на мой субъективный взгляд, приносят больше вреда, чем пользы. Этим новшествам в образовательной среде также был посвящен ряд докладов и панельных дискуссий. Всем было интересно знать, как обстоят дела в области развития науки в Евразии. Известные в России мастер-классы под управлением докторов наук из Санкт-Петербургского государственного университета, в целом не нашли местного слушателя. Это говорит о том, что Крым нуждается не только в строительстве дорог, поставках оборудования, но, больше всего, в интеллектуальной, гуманитарной помощи. Система образования, методы функционирования вузов оставляют желать много лучшего. Среди крымских участников конференции были десять студентов и магистров и одна выпускница школы. Это уже радует.

Наряду с программными вопросами представители Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда, Челябинска и Алматы высказались за открытие в Крыму Евразийского центра с Патриотическим парком при нем. Эту идею поддержал ряд музеев Российской Федерации, среди которых Государственный мемориальный музей А.В. Суворова в Санкт-Петербурге и Региональное представительство Национальной ассоциации объединений офицеров запаса Вооруженных сил. Главный акцент по этому вопросу принадлежит заместителю председателя Союза промышленников и предпринимателей Крыма М.А. Красненкову. Участники форума отметили, что Центр должен стать источником культурных и научных инвестиций в регион, стать своего рода инкубатором идей и центром общения научных кадров, студентов и бизнеса, местом разработки не только стратегий, но и трансфера технологий не только для Крыма, но и в целом для России.

Выступления таких известных ученых, профессоров из разных городов и стран, как А.Л. Воссоевич («Православно-мусульманское взаимопонимание как основа Евразийского единства на постсоветском пространстве»), А.И. Сурыгин («Роль межпарламентского сотрудничества в интеграционных процессах Евразии»), В.В. Пыж («Доктрина управляемого хаоса и современная Россия: идеология и технологии»), В.В. Тулупов («Медиаобразование на постсоветском пространстве: опыт, проблемы и перспективы»), С.Х. Барлыбаева («Информационная парадигма Евразийской интеграции») и другие оказали определенную методическую помощь коллегам на полуострове. Несмотря на широкую огласку о форуме на официальных сайтах и в социальных сетях преподавательские круги проигнорировали наше мероприятие. Вот это проблема. Ее надо решать постепенно. Ряд вопросов, стоящих перед руководством и общественностью полуострова, осветил Михаил Красненков в своем интервью, которое у него взяла доктор политических наук, профессор СПБГУ Галина Мельник. Привожу это интервью ниже.

НАШ ГОСТЬ – МИХАИЛ КРАСНЕНКОВ. КРЫМ – ЛЮБОВЬ И БОЛЬ МОЯ

Михаил Александрович Красненков – известный общественный деятель. В 2008 году окончил Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского. Специалист по финансам. Депутат Алуштинского городского совета двух созывов. Исполнял обязанности Алуштинского городского головы. Вице-президент «Академии журналистики» (Республика Крым). Заведующий базовой кафедрой Петербургского института бизнеса и инноваций «Управление государственными и социальными системами». Заместитель председателя Союза промышленников и предпринимателей Республики Крым. Михаил Александрович активно содействовал проведению с 27 сентября по 1 октября 2017 года в Республике Крым (Симферополь – Алушта) Международной научно-практической конференции «Будущее Евразии: интеграционные и дезинтеграционные процессы, выбор стратегии развития (политико-медийный дискурс)». Участники конференции познакомились с удивительными людьми, живущими сегодня в Крыму, – энтузиастами, подвижниками, благодаря усилиям и талантам которых этот край каждодневно преобразовывается, становится еще прекрасней.

– Михаил Александрович, расскажите немного о себе. Вы коренной крымчанин?

– Крымчанин, родился в Алуште в многодетной семье, родители воспитывали одиннадцать детей. Становление Крыма и перемены после референдума проходили на моих глазах и при непосредственном моем участии. До референдума был депутатом двух созывов, руководил городом, общался с высшим эшелоном власти Украины, предлагал разные инициативы, которые, увы, неохотно поддерживались властью. К сожалению, в тот период Крым не развивался: бездумно использовались его ресурсы, нещадно эксплуатировались мощности: закрывались здравницы, переоборудовались под гостиницы. Все изменилось лишь в 2014 году, когда состоялся референдум и Россия открыла горизонты для развития любимого края.

– Михаил Александрович, Крым – земля, впитавшая в себя разные культуры, языки, традиции и сохранившая, тем не менее, своеобразие, неповторимый образ. Без преувеличения можно сказать, что здесь представлен весь мир в миниатюре. В этой точке в разные исторические времена и эпохи сходились интересы многих государств: Греция, Рим, Османская империя, Россия и даже далекая Великобритания. Крым претерпел тектонические сдвиги, пережил войны, в результате которых пролито много крови. События последних трех лет как бы спрессовали время, и никто не знал сценария дальнейшего развития Крыма. Сегодня этот уникальный край с богатейшей историей вернулся в родную гавань, открылась новая страница календаря. Что уже на ней начертано? С чего началась новейшая история республики?

– Находясь в политсовете партии «Родина», я встречался со многими крымчанами и озвучивал им свою позицию: Россия открыла перед нам чистый лист, на котором мы с вами напишем новую страницу истории Крыма. Это будет история территории передового развития. Знаю, что инициатива строительства новой жизни должна идти снизу, ведь люди стоят на Земле и лучше знают ситуацию. Мы должны отталкиваться от многовековой и многонациональной истории Крыма. Я никогда не откажусь от такого видения будущего Крыма.

Крым, Алушта, родной край – хочется именно для него сделать много полезного. Одно из направлений нашей работы – развитие внутреннего туризма. В Крыму, действительно, богатейшая история и благодатная почва для этого. Можно говорить о развитии производства, сельского хозяйства – все еще предстоит разворачивать. Но у нас уже есть то, что можно предъявлять миру, у нас каждый клочок земли несет на себе артефакты истории. Любая часть Крыма исторически интересна. Судакская крепость, крепости Фуна, Алустон и история крепости на горе Кастель – это образцы военного и фортификационного искусства. А о них так мало знают.

Три года финансирую бесплатные обзорные экскурсии по памятным местам Алушты, туристы с удовольствием обозревают не только вековые стены, строения, но и начинают по-настоящему уважать наш край. Здесь происходило столько знаковых событий, связанных с историей России.

В Крыму работало много знаковых ученых. Таких, как Надежда Прокофьевна Суслова, первая из русских женщин, получившая диплом доктора медицины, хирургии и акушерства. Профессор Николай Алексеевич Головкинский с радостью принял должность главного гидрогеолога Таврической земской управы. Трудно сегодня оценить научный подвиг Николая Головкинского, сумевшего обследовать каждую горную речку, речушку и каждый заметный водоток для составления карты естественного водоснабжения Крыма. Немало внимания ученый уделил также изысканиям артезианских, глубинных запасов воды. Он предложил создать первую в России артезианскую станцию, которую и основали в Саках. Мы обязаны показывать грядущим поколениям, кем они были, что сделали для российской земли.

– Какие именно есть материальные и нематериальные ресурсы у крымчан для скорейшей инкорпорации региона в динамичное развитие современной России?

– Россия и мир должны видеть, что Крым сегодня находится на острие геополитических событий. Для крымчан важно определить перспективы, направление – куда двигаться. Строят мост, с которым связывают будущие надежды на процветание края. Но уже сейчас зарубежным интересантам важно показать эти перспективы в Крыму. Инвестор должен чувствовать себя защищенным, понимать правила игры, быть заинтересованным в том, чтобы вкладывать в экономику и развитие Крыма.

Был факт в моей профессиональной биографии во времена Украины. С нынешним президентом США Трампом, то есть с его представителями, в процессе длительных переговоров договорились о том, что 90 миллионеров будут вкладывать деньги в развитие Крыма. Но руководители Крыма того периода не поняли смысла такого мощного стремления зарубежных инвесторов осваивать край, а скорее всего, не захотели понять. Может быть, на тот момент им вовсе и не нужно было никакого развития региона. Ведь Крым готовили к банкротству, желали, чтобы лилась кровь, чтобы обесценивалась собственность, чтобы люди бежали, чтобы впоследствии самим купить все за бесценок. Иностранные инвесторы поняли истинные намерения властей, ушли, заявив: «Работать будем или с крымчанами, или ни с кем!»

Много сил было потрачено на то, чтобы не распродавали ценности Крыма. Когда затеяли продажу Аю-Дага, мы через профсоюз подняли вопрос о незаконности действий властей. По моему обращению 127 депутатов Верховной Рады Украины проголосовали против продажи, чем предотвратили уничтожение уникального культурно-исторического объекта. Информацию обо всех попытках продажи охраняемых государством земель и заповедников я доводил до общественности, чтобы совместными усилиями не допустить этих преступлений. Лично для меня это не прошло без последствий: были предупреждения, угрозы, взорвали машину.

Уже тогда я добивался, чтобы пляжи в Крыму были доступными и бесплатными. Я оплатил проведение Киевским институтом Стратегических коммуникаций исследование причин, почему российские туристы перестали ездить в Крым. Это дало мне системное представление о положении дел в Крыму. Сегодня у жителей появилась возможность выступать с разного рода инициативами. Как заместитель председателя Союза промышленников и предпринимателей Крыма лично помогаю социально активным предпринимателям и людям в реализации их проектов. Мы заключили с Санкт-Петербургским бизнес-инкубатором рамочное соглашение о создании филиала – культурно-образовательного центра для реализации бизнес-идей на территории Крыма. Очень хотим сделать Крым не потребителем, а донором в экономических делах, эффективно использовать возможности территории не только Россией, но и всем миром.

На недавней встрече с туроператорами России в Москва-сити, мне задавали вопрос: а что Крым сделал для того, чтобы инвесторы и туристы пришли на крымскую землю? Это свидетельствует о том, что люди недостаточно информированы, а информация о достижениях Крыма должна более активно транслироваться на территорию России и за ее пределы.

Совместно со специалистами в области информационных технологий мы разработали официальный портал города. Проект находится в режиме ожидания. Любой желающий может разместить информацию о важных событиях города. Я столкнулся с тем, что отдыхающие не владеют информацией о том, где можно с пользой повести время, узнать что-то интересное. Централизованная информация будет содер-

жать сведения об объектах посещения, поселения, а также рекламу. Информация будет постоянно обновляться. В перспективе на портал будет стекаться эксклюзивная информация обо всех аспектах жизни города, вплоть до бесплатных объявлений о предоставлении всевозможных услуг. Проект будет развернут и для других регионов. Бизнесмены, политики, туристы, жители Крыма получат эффективный центр информации. До того, как приехать, любой желающий сможет узнать о состоянии дел в Крыму.

Ко мне обратились энтузиасты – студенты Высшей школы экономики из Санкт-Петербурга и предложили свои общекрымские проекты. Денег не просили, сказали, что будет достаточно после представления стартапов грамот, которые, возможно, им пригодятся при поступлении на работу. Чтобы рекомендовать их бизнесменам и администрации как проектантов, я попросил студентов сделать мониторинг по техническому заданию ситуации в нескольких российских регионах. Студенты выполнили все в течение всего лишь двух недель. Именно в тот момент возникла еще одна идея, которую мы интенсивно продвигаем – интернет-движение «Общероссийская студенческая перспектива». Это сетевой ресурс, позволяющий студентам, желающим работать в Крыму, начинать показывать через заказ уровень своей подготовки. В результате чего Крым как территория, развивающаяся получит возможность общения с будущими специалистами, которые, возможно, будут приглашены сюда на работу.

Есть ресурсы и для организации в городе Алушта спортивного комплекса по подготовке сборных команд Российской Федерации. Есть идея превращения Алушты в единую спортивно-оздоровительную площадку. Этой инициативой заинтересовался Санкт-Петербургский «Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта».

– А какие специалисты нужны больше всего? На территории Крыма идут раскопки. Но, наверное, кроме краеведов, специалистов в области туризма и археологов, республика нуждается и в других специалистах?

– Коль скоро заговорили об археологах… Они работали здесь в разные времена, слышал, что в украинский период, раскапывая артефакты официально, находя останки солдат,

продавали их за большие деньги родственникам. Сейчас в этой сфере все упорядочено, археологи работают цивилизованно. Но печальные факты истории остаются. Конечно, нужны не только краеведы, археологи, но и журналисты, пиарщики. Формирование образа будущего возможно только через СМИ.

– Вас называют меценатом и общественным деятелем. Вы были депутатом двух созывов, продвигали многие идеи, многое удалось сделать для горожан. И, наверное, есть чем гордиться. За несколько дней пребывания в Крыму я узнала, то вы принимали участие в создании музея «Крым в миниатюре», Музея Камня, в проведении многочисленных выставок.

– Да, создал Музей Камня. Посвятил создание музея деятельности российского ученого Алексея Николаевича Головкинского. Совместно с партнерами создали парк под открытым небом «Крым в миниатюре», он очень популярен и функционирует уже пятый год. И таких парков уже три в Крыму. Вывозили музей в Санкт-Петербург. С Виктором Жиленко будем разворачивать эту работу и дальше. Создал танцующие цветомузыкальные фонтаны – аналог санкт-петербургских. В планах – сделать уникальный по насыщенности воды и света фонтан. Сегодня продолжаем также реализацию удачно стартовавшего проекта «Единого билета» с существенным процентом скидки для туристов. Единый билет позволяет посетить ведущие объекты Алушты. Постараемся включить в билет все туристические составляющие приморского региона.

– А где можно приобрести единый билет на экскурсии?

- Мы открыли в Алуште более 200 точек по рекламе города и продаже билетов. Нужно отдать должное администрации – ее представители всеми силами содействуют нам в этом начинании. Алушта – только начало. Как франшизу будем разворачивать проект по всему Крыму.

– Алушта как ворота Южного Крымского побережья должна быть узнаваема и привлекательна для туристов. Наслышана, что вы активно занимаетесь созданием бренда города. Вам принадлежат многие креативные идеи символического продвижения города Алушта. Не вы ли предложили идею сделать символом города Золотую рыбку?

– Мы считаем, что для рекламы региона нужно использовать и символы. Например, Ялту называют городом

Счастья, а мы любимую Алушту – городом Исполнения желаний (отсюда – золотая рыбка). Проектов, связанных с Алуштой, много. Сейчас воплощаем идею создания Золотых ворот – въезд на Южное побережье Крыма. Уже существует эскизный вариант. Въездная группа будет символизировать колесо истории, внутри которого разместятся два верстовых столба – один Екатерининский, второй – 2014 года, символизирующий возвращение Крыма в Россию. По внутреннему диаметру колеса истории будут размещены барельефы, отражающие события, связывающие Крым и Россию. Внизу колоннады расположится грифон – символ Крыма. Вверху колоннады будет золотая ветвь, каждый листик которой будет обозначать имя и фамилию деятеля, отличившегося в истории российского Крыма. Наша задача – привлечь общественность Крыма к обсуждению событий, которые достойны быть увековечены в таком знаковом объекте; достичь в процессе обсуждения момента истины: люди должны осознавать то, что происходило и что происходит с ними сегодня. В проект заложена идея единения. Каждый дом начинается с дверей. Уместно, наверное, сказать еще об одной стороне нашей деятельности. В России нет города, в котором на документальном уровне законодательно был бы закреплен статус города с определенным архитектурным стилем и образом. Этим вопросом занимаюсь лично. Если будет принят такой документ и город будет его придерживаться, мы получим еще один сегмент привлечения туристического внимания.

– Важная составляющая развития любого региона – информационная инфраструктура, насыщенность информационного поля. Именно СМИ осваивают новые языковые области, наполняют новыми смыслами слова и понятия современности. Как вы оцениваете СМИ Республики Крым, профессионализм журналистов, правильно ли все делается ими для быстрой интеграции региона с материком? Каково ваше видение перспектив медиаобразования как вице-президента «Академии журналистики» Республики Крым? Просматривая информационные передачи на крымском телевидении, услышала часть интервью с руководительницей одного из информагентств, которая не без гордости говорила о высокой информационной насыщенности региона и о том, что агентство ежедневно находит

до 50 поводов для общения с аудиторией. Это действительно так?

– Я выражу только свое мнение, поскольку у меня нет доступа к этой информации. На сегодняшний день СМИ Крыма работают как лебедь, рак и щука. Общаясь со специалистами в сфере СМИ, слышу подтверждение своего мнения. Работа по формированию информационно-насыщенного пространства предстоит большая. С профессором Валерием Дзантемировичем Таказовым мы уже включились в этот процесс. На территории Академии журналистики создана информационно-образовательная площадка для проведения мастер-классов, причем не только для журналистов, но и детей и подростков, для профориентационной работы. Не ошибусь, если скажу, что журналистика Крыма находится в младенческом состоянии. Разворачивая работу по воспитанию журналистских кадров, мы сталкиваемся с непониманием, и нас порой спрашивают – а зачем это нужно? Подняли вопрос о создании Ассоциации СМИ, сделали предложение администрации и руководителям СМИ об упорядочении информационного поля, создании центра, в котором аккумулировалась бы информация разной направленности, откуда ее могут получать журналисты.

– Правда ли, что в редакциях нет никаких планов работы? Освещаются в основном события, на которых присутствуют представители администрации? В противном случае событие едва ли попадет в «повестку дня». СМИ действительно обслуживают только официальные события?

– Проще всего критиковать журналистов. Думаю, если видишь недостатки, выступай с предложением, а не просто критикуй. Сегодня для Крыма крайне важны интеллектуальные инвестиции. Есть насущная потребность переподготовки кадров для медиаотрасли, актуальны встречи с материковыми журналистами и PR-технологами, освоение методов информационной работы и инновационных технологий в новых условиях – то, что для всей России уже считается нормой, должно стать естественным и для Крыма».

Так, из года в год Академия журналистики постепенно стала информационно-деловым центром для всех, заинтересованных в позитивном развитии полуострова. Все только впереди.

Осетин в Крыму немного, а те кто есть, делятся на две категории: интеллектуалы и бизнесмены. Первые представляют нацию в гуманитарной сфере, вторые в спорте и коммерции. В постперестроечный период мы сильно изменились в традиционализме: если раньше и помышлять не могли о социальном расслоении, то сегодня есть богатые, как отдельная каста и ментальность, а также середняки – гуманитарии, представители творческих профессий и, можно сказать, бедняки, ставшие таковыми в силу различных неблагоприятных обстоятельств. Создается впечатление, что, если осетин разбогател – он перестает быть осетином. После первого заработанного или украденного миллиона у него вырастает грудь колесом, ко второму вовсе перестает разговаривать на родном языке, а потом осанка меняется: у одних причиной является пузо, другие искусственно наклоняют тело вперед, совсем забывая про ноги «на шарнирах». Обычно это признаки недуга – Болезни Паркинсона, а для некоторых реальная показуха возможностей, «голый понт». А знаете почему голый? Потому, что при появлении чиновника верхнего эшелона приобретает вид простолюдина, перевертыша и подхалима, аж спина выпрямляется, а гири в неудобном месте сдуваются за минуту. Есть исключения, такие как Эдуард Етдзаев в Санкт-Петербурге и Сергей Такоев в Москве и, может кто-то еще, с которыми я лично незнаком.

Другой, гуманитарный типаж крымского осетина – это совсем иное: чиновник, ученый, музыкант. Те, кто не разбогател, но остался самим собой. К примеру, один из лучших представителей осетин на полуострове, о котором и в Крыму, и в Осетии говорят с благодарностью и улыбкой на устах. Когда только приехал в Алушту, Валерий Савлаев навестил меня, как и должно по нашим обычаям. Дал много важных для меня советов. Пригласил домой – это тоже закон, как и мое правило поблагодарить за приглашение. Главное – слова, притом, от души.

Постепенно, с утратой духовных ценностей, исторически сложившиеся вековые традиции уступили место меркантильности (от французского mercantile – торгашеский, корыстный). Статус «уважаемых» ассоциируется с денежными мешками. Бог с ними, поговорим о хорошем.

В Алуште все знают президента местного спортивного клуба «Барс» Джемала Джангобегова и директора клуба Алана Туриева – депутатов Алуштинского горсовета. Джемал Владимирович – президент спортивной борьбы Республики Крым, руководитель единоросов района. Много лестного слышал о нем от жителей города. Если кто и является спонсором десятков мероприятий и в целом людей старшего поколения, так это он. И про Алана Туриева, как вдумчивого и инициативного депутата рассказывал Михаил Красненков. Такие отзывы, безусловно, приятны. В течение полутора лет нам так и не удалось встретиться с глазу на глаз, как с главным архитектором Валерием Савлаевым. Хотелось больше узнать своих земляков, достойно представляющих осетин в Крыму. Видимо, из-за предельной занятости не смогли или вовсе не пожелали, возможен и такой вариант. Думаю, еще представится возможность.

Крым чтит память двух осетин, удостоенных в годы Великой Отечественной войны звания Героя Советского Союза: капитана 1-го ранга Астана Николаевича Кесаева из Дигоры и командира отряда торпедных катеров 1-й бригады торпедных катеров Черноморского флота, капитан-лейтенанта Кочиева Константина Георгиевича из селения Тонтобет Южной Осетии. Валерию Савлаеву осенью присвоено звание «Почетный гражданин города Ялта» и как не рассказать об этом, чтобы подрастающие поколения брали пример из истории и современности, и быть уверенным, что во все времена есть место подвигу.

Алушту без рынка в центре представить невозможно. Особенно та его часть, справа, где татарки продают фрукты. То ли мои усы им давали повод принимать меня за крымского татарина, то ли улыбка, сказать не могу. Может отчество? Могли смотреть местные каналы ТВ. Почему-то из раза в раз здоровались, да и общались на родном. Я настолько к этому привык, что зачитывал «Басмала» – аят Корана, с нее начинается каждая сура, почему и знают все мусульмане: «Бисмилляхи-р-рахмани-р-рахим! (Именем Аллаха, Милостивого ко всем на этом свете и к уверовавшим на Том). Я не люблю сбрасывать цену, но они сами клали фруктов куда больше. А вот от этого точно отказываться нельзя. Рынок небольшой, но такой живой организм: татарская речь сменяется русской, редко слышны греческие выражения.

Это не столько рынок, сколько семья. Такая несколько своеобразная семья. Даже само расположение такое удачное! Все дороги ведут сюда.

Мне нравилось разговаривать с крымскими татарами. У них есть одна особенность: что-то спрашиваешь и за секунду лицо расплывается широкой улыбкой. Многие из них стараются рассказать свою историю, аж со временем генуэзцев. Путаясь во времени и пространстве, доходят до небылиц, но мои свободные уши придавали им уверенность и особенную актуальность бытия. Татар легко различать по мозолистым ладоням, придающим этому народу неповторимый облик сельских работяг. Сказать, что согласны со всем, что происходило в 2014 году в период референдума, не осмелюсь. Но они люди, привыкшие к периодическим катаклизмам истории и готовы воспринимать жизнь такой, какая она есть, лишь бы была земля и вода на участке. Ремесленники и умельцы, ничего не скажешь.

По дороге на рынок, через дорогу от администрации, хороший, пафосный ресторан. Любил утром и не только там выпить чашку двойного эспрессо за 120 рублей. Как-то поинтересовался у сотрудника администрации, почему они во время перерыва не попьют кофе. Ответ до сих пор звенит в ушах: «А ты знаешь сколько стоит, 60 рублей!» Это говорит о многом, в первую очередь, о фонде заработной платы. На материке этого не понять. Вот откуда и текучесть, и невозможность пригласить профессионалов со стороны, таких как первый заместитель главы Алексей Боярчук, в прошлом городской голова Ялты и не просто, он – умнейший. О таких говорят: «Он, точно, на месте». Вполне правильный выбор Огневой.

За зданием администрации в небольшой комнате ютится редакция «Алуштинского вестника» – официальной на все сто как по статусу, так и по содержанию, газеты. Если будет охота вспомнить Советский Союз – идите туда. Коллектив хороший, работящий, мечтающий о свободном взгляде на окружающую действительность и в надежде на прибавление к зарплате, которую лучше не называть, иначе у моих коллег по стране испортится настроение. Редактор Наталья Розумная, вполне разумная: горит желанием успеть вовремя сдать номер и поскорее убраться оттуда восвояси. Без адекватной платы за труд они привыкли, но до сих пор

душа требует хотя бы относительной демократии, да так, чтобы самой стать активным читателем своей же газеты. Если где-то время остановилось, то здесь. Личная инициатива не принимается. И так везде в Крыму – полный кейф от того, что есть и дано природой. Если и случится, что в газете стали появляться критические статьи, особенно за подписью великолепного знатока русской газетной словесности и общественной жизни, Виктора Мехонцева, то при загробной жизни. Обстоятельства заставили его остаться там, в противном случае он был бы сотрудником известных центральных газет и журналов. Если в кого стрела божья не промахнулась, так это в него. Его родной брат Владимир Мехонцев, участник наших форумов, журналист-международник, собственный и специальный корреспондент ряда советских и российских СМИ в Швейцарии, Франции, США, Канаде, Тунисе, Греции и других странах. То-то!

В начале центральной набережной есть небольшая чебуречная. Молодые татары, веселые донельзя и трудоголики, под руководством мужчины лет шестидесяти обслуживают так быстро, что очередь рассасывается легко. Рядом несколько подобных точек, но все идут сюда. Первый раз меня обслуживал сам хозяин, любитель поговорить, пошутить. Всех спрашивает: «с сахаром или без, воды сколько в кофе, с собой или тут…» Когда наступила моя очередь пулей пронеслись те же вопросы. Я ответил: «Кофе без сахара, без воды, без кофе». Руки у него, будто отдельные части тела, автоматом вели свое дело, но, осознав мои предпочтения и внутреннее противоречие заказа формальной логике, чуть оторопев, повернулся ко мне и спросил: «А это как?»

Так, эта шутка сдружила меня с ними и вправду необыкновенные чебуреки сделали свое. Проходя мимо них, заранее гипнотизировал себя, что не поем чебуреки, мне спешить надо и вообще… Но ни разу у меня не получилось. Большие чебуреки с сыром, напоминавшие осетинские пироги на подсолнечном масле, брали верх над моей психикой, и я вновь и вновь оказывался в конце длинной очереди. Они уже знали про меня все, а потому без расспросов про Питер не обходилось никогда.

Пожалуй, на этом надо завершать свое повествование. Если есть что вспомнить, значит, не зря прожита жизнь, полная преград и свершений, радости и не очень, настоя-

щей дружбы и предательства. Как и должно быть. Мечты сбываются, хотя нам порой и кажется обратное. Я родился в Лескене, а судьба позволила пройтись по жарким пустыням Востока, удивительной Африке, по горячим пескам Туркмении, Таджикистана, Узбекистана, Египта, Индии и снегу Швейцарии. Европа стала родной остановкой общественного транспорта, где можно было просто подумать: все ли я правильно делаю, куда дальше? Десятки раз садился на берегу Босфора и слушал муэдзина, зовущего на молитвенный намаз, а мысли вновь и вновь возвращали в родное село, где начало начал. Это правило жизни: всему свое время… А где оно, то самое начало, если не там, где впервые свежий ветер повеял горной прохладой, увидел барашка и корову, которую пришлось доить столько лет, что казалось конца этому не будет.

Жизнь, как фантазия. А реальность в двух пунктах, где начало и конец. Не надо искать «своего» Бога, он с рождения с тобой, а значит один на всех. Мы привыкли к началу и думаем это вечно. Но так не бывает. Наступит миг и Всевышний отправит ко мне посыльного, чтобы заполнить недостающие пазлы из прошлого, то есть, сегодняшнего настоящего. Откроет мой дневник, как соседка Гуче, а там фломастером обведены целые страницы, где пропуски и неправильные действия. Проходит время, подсчитают баллы, выведут рейтинг и скажут: «Пройдите прямо до конца и там направо пятый раздел, там же скамейка и на столе двойной эспрессо. Можешь наслаждаться». Я поспешу, а меня придержат, мол, всем поровну и по очереди, как в чебуречной. Впереди стоящий обернется и задаст вопрос: «А в качестве предпочтений Вы что написали?»

– Где? – удивленно спрошу.

– В своих воспоминаниях…

– Ничего, – изумленно посмотрю на собеседника.

– Ответ правильный. Идите, кофе остывает. Да, ваш номер 104 с вывеской на неизвестном языке.

Поспешу, по дороге вспоминая подсказки Коли Пинясова и Николая Голенкова из Москвы, Олега Цаголова, Сергея Чеджемова из Владикавказа, старушки Лиды из Хаталдона, Менке Конеева из Элисты и Дмитрия Стровского из Израиля, Мальвины Друкер, Миши Берендеева, Ольги Левковой из Калининграда, Вадима Волос из США, Карена Маркаряна

из Риги, Ирины Кузьмицкой из Череповца, Рамазана Тайсаева из моего Лескена…

Вослед услышу: «Вспомнил?» Отвечу: «Нет». И это прекрасно. Значит долго будут жить. Подойду к столику за номером 104. Вместо вывески про кофе надпись на дигорском языке:

«АЛКАМАН – АХЕ» (КАЖДОМУ – СВОЕ)

Ничего себе, неизвестный! Это мой язык, на нем говорила мама…

Оглавление

Вместо предисловия
5

Детство
21

Школа
33

Студенчество
103

Ленинград
151

Орджоникидзе
281

Здравствуй, родина! Я вернулся!
327

Докторантура
361

Здравствуй, родина! Я вновь вернулся!
384

Миллениум
393

От замысла – к воплощению. Жил-был университет
407

Крым
488

Публицистичекое издание

Таказов Валерий Дзантемирович

Я родился в Лескене

Воспоминания

Редактор Павел Лукин
Компьютерная обработка текста и фотографий
Анастасия Ионова, Кирилл Мельников

Подписано к печати 27.01.2021 г. Формат 84 x 108 1/32.
Бумага офсетная. Учет. изд. л. 27,3. Усл. печ. л. 16,4.
Цв. вклейка 0,75 п.л.
Тираж 200 экз. Заказ № 68

ООО «Издательский Дом «Книга»,
430000, г. Саранск, ул. Советская, 22
g11nb@yandex.ru

Отпечатано в ООО «Типография «Красный Октябрь»,
430030, г. Саранск, Титова, 2а
E-mail: tko-saransk@mail.ru